На суше
и на море
1977

На суше
и на море
1977

На суше
1977

Путешествия.
Приключения

Фантастика

Факты.
Догадки.
Случаи...

повести
рассказы
очерки
статьи

И на море

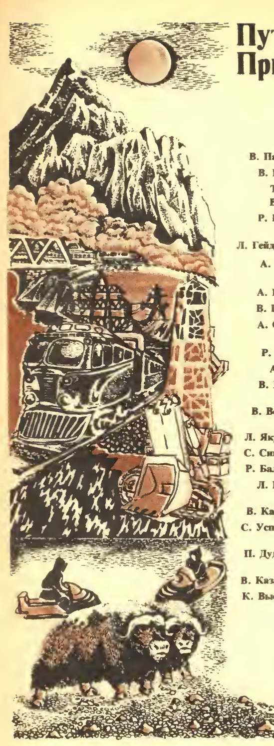
Издательство
"МЫСЛЬ"
Москва

Р 2
Н 12

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художников: Е. В. РАТМИРОВОЙ, А. А. СОКОЛОВСКОГО

Н $\frac{20901\text{-}043}{004(01)\text{-}77}$ 154-77



Путешествия Приключения

Вячеслав Пальман

Синеокая Ока

Очерки Нечерноземья

Ландшафты русские по берегам

Ока, тихоструйная, светлая, еще в пределах Орловщины, недалеко от истока, не угловатым подростком выглядит, а красной девицей, вполне осознавшей свою привлекательность и обаяние юности. Здоровым румянцем розовеет ее лик под утренним солнцем. Ласковой волной гладит она отмели и пляжи. Теплом и ароматом дышит окская вода в летние месяцы. И течет она как-то очень плавно, с грациозными округлыми поворотами, не торопится по камушкам, не шумит, когда спускается со склонов Среднерусской возвышенности, словом, течет так, будто дает зеленым берегам время полюбоваться собой да и самой успеть насмотреться на лесные красоты и луговое раздолье обширной поймы.

Возле Калуги, разглядев в сизой дымке на севере холмистую преграду, Ока все с той же ленивой грацией неспешно поворачивает на восток и, набирая силу из многочисленных притоков, с величавой степенностью проходит по широкой долине, где все лето шелестят луговые высокие травы и не перестают играть на солнце бесчисленные веселые цветы.

В ином месте у Оки, как и у всякой реки, текущей с юга на север, левый берег круче и отвеснее правого, поймённого. За поворотом, после которого река идет почти строго вдоль земной параллели, оба берега одинаково холмисты, с равной почтительностью они отступают от воды и, укрывшись сосняком, любуются ею уже издалека. Потом, при подходе к Рязани, река, словно бы вспомнив о недалекой отсюда степной теплыни, сворачивает на юг, и тогда правый берег ее подымается над Мещерским левым, над всем озерным и лесным краем. В одном из таких крутобережий, на самом взгорье, можно увидеть белую церковь и село, протянувшееся вдоль берега. Это Константиново, родина Есенина.

Лишь миновав Рязань, а потом и Старую Рязань, Ока делается странно беспокойной, меняется на глазах. На первый взгляд ничто ей не мешает и дальше двигаться привычной поступью, благо вокруг все та же равнина, та же беспредельность. Но она уже беспокоится, как-то странно играет. С удивительной живостью поворачивает вправо, влево, течет на север, на восток, юг, опять на север, образует столько замысловатых петель, что, скажем, на расстоянии семидесяти километров, от Шилова до Касимова, укладывается не менее ста двадцати километров извилистого русла.

Не успокоившись на этом, Ока вдруг опять своевольно меняет северное направление на южное и юго-восточное, встречается с мелководной, но широкой Мокшей и только тогда, сделав самую крутую и замысловатую касимовскую петлю, уже более спокойно шествует на север и северо-восток к матери своей — Волге.

Похоже, что все эти петли и зигзаги Ока вынуждена делать из-за песков, белых и сыпучих песков Мещеры, коварно подстерегающих Оку на всем среднем ее течении.

Сейчас-то белые пески не сразу и разглядишь: милосердная природа, как известно не терпящая пустоты, надежно укрыла равнину великолепными лесами, укутала травами и кустами, на века закрепив непоседливый песок корнями пышной растительности и коричневой подстилкой с седыми мхами. Но в далекой истории все здесь было по-иному. После великих оледенений, когда истаяли наконец последние льды и высохла земля, метался вольный песок по ветру. Он перекрывал реке путь-дорогу то в одном, то в другом месте, и выбиралась молодая Ока из вязкого песчаного плена как умела, бегала из стороны в сторону, образуя бесчисленные петли с болотами и старицами, оставляя по сторонам слегка подмытые холмы, которые много времени спустя успокоились под вековым лесом.

И такие получились после борения воды и песка места вдоль Оки, такие живописные ландшафты, что глаз не оторвать!

К нашему счастью, и теперь еще стоят вокруг города Касимова леса, километров на двести к западу, почти до самой Москвы, еще шире и дальше к востоку, к Горькому, на север к Владимиру, на юг вдоль Мокши и Цны до Шацка и далее, хвостами вросшие в черноземную степь. А сам город Касимов, центр лесной мещерской стороны, с обличьем старорусским, с белыми храмами на высоком окском берегу и с мечетью поодаль, с садами, выходящими прямо в лес, с холмами, где дома стоят, как на лестнице, с обширной поймой правобережья, где глаз хватает километров на сорок по луговому разливу в темных перелесках,— сам Касимов удивительно красив, неповторим, сказочно-поэтичен, от него веет былиной.

У въезда в город по Рязанскому шоссе сооружена каменная стела, на которой можно прочесть слова: «Основан в 1152 году». Правда, тогда город-крепость назывался, как свидетельствует летопись, Городец-Мещерский, но в середине XV века получил нынешнее название по имени царевича Касима, союзника московского царя.

И всюду вокруг города леса... То молодые, щетинистые, буйно-густые, то подростковые, слитно шумящие на ветру, с клейкими от избытка соков стволами и робким еще подлеском, то, наконец, спелые, с устоявшимся запахом прели и грибов под темными кронами, таинственным сумраком на спуске в туманное болото или в темно-зеленую, папоротником заросшую низину, с храмовой красотой бронзовых сосновых стволов на песчаном взгорье, с вечной тишиной под кронами.

От этого мещерского центра леса идут во все стороны почти непрерывной зеленой завесой, лишь изредка расступаясь, чтобы дать место пашне, деревням, городам и болотам, уступить дорогу рекам. Леса внушают людям уважение, дают радость. Это естественная, не израненная топором красота мира, хранительница вод и чудодейственного смоляного воздуха, заветная лесная глухомань.

Леса, леса...

Если глядеть иа ннх сверху, оии очень разные по тону зелени — от темно-зеленого, где хвойиые боры, до салатного, где по болотцу редко рассыпались березы. А реки, пропилившие лес во всех иаправлеииях,— Мокша и Ермишь, Унжа и Пет, Гусь и Буша, Пра и Колпь, Тырница и Нарма, озера, по-оловянному тускло светящиеся под солнцем,— все онн сверху кажутся темиыми, почти чернымн от лесиого и торфяиого настоя. Рекн поражают скопироваииой с Оки удивительиой нзвилистостью, озера — сложиой конфигурацией берегов, кудрявой густотой смешаиного леса по берегам, иной раз вовсе закрывающего воду.

Песчаиые дороги по лесным просекам всегда сухи, ио ие всегда наезжены. На самых далеких устоялась особеииая тишииа. Колеи взялись жесткой травой, в низких местах поросли куртинками черной ольхи, березки и уже походят не столько на дороги, сколько иа забытые тропы, ведущие к какой-то неведомой тайне, известиой лишь одинокому лосю, затаеино вздыхающему в густом осиннике на болоте.

Все здесь наполиеио виденнями древией историн, сам воздух в лесу тихо-задумчнв; поляиы и одииокие корявые сосны на опушках, как и березовые рощи вдоль речек, полны невысказанных нстин, похожих на добрые старые сказки. Огромиые боровики истлевают под кронами деревьев; бормочут лесные ручьи, невидимые под кустами; от ручья на горку поднимается сосиовая колоиада с вечной тенью на коричиевой подстилке. Величав здесь смолистый полумрак, и чувствуешь, как глубоко дышит грудь, как доброта теснит все другие чувства...

Такая природа и воспитывала племя россияи.

Столица иаша всего в трехстах километрах отсюда. Коиечно, Москву не удивишь лесами: оии благодатно окружают город, входят в него, называясь лесопарками, но это в сущиостн уже другие леса, одомашиенные, проиизаииые не смолистой тишиной, а громкими людскнми голосами, шумом моторов. Тем ие меиее Москва может гордиться своей прекрасиой зеленой опояской, очищающей городской воздух.

Приветливое Подмосковье, разлинованиое шоссейиымн и железнымн дорогами иа радиусы и зоны, вместе с полями, огородами и лугами служит людям ие только местом отдыха, ио и добротой своей земли, на которой выращивают овощи, картофель, хлеб, травы. Здесь труд мастеров переплавляется в молоко, мясо, ягоды н миожество других продуктов. Подмосковные райоиы — этот ближний тыл большого города — можио поэтому безоговорочно назвать кладовой разиого добра. Но Подмосковье знаменито, кроме всего прочего, еще старниныи усадьбами, где жнва сама история государства нашего, ландшафтами непередаваемой прелестн, скромными, тихими, полиымн какой-то виутреиней, ие вполне еще разгаданной силы.

Хотим мы того или иет, пригородное кольцо зелени и сельской благодати вокруг Москвы год от году становится все более тесиым.

Москвичи и жители городов-спутников уже сегодня готовы претендовать на зеленую зону, которая отстоит от Садового кольца на двести — триста километров во все стороны. Они заглядываются на Оку на всем ее протяжении, на верхнюю Волгу, на Владимирские леса и даже на Деснинскую пойму.

Вот почему мы уже сегодня можем говорить о втором зеленом кольце большого города, о его отдаленном тыле, кстати, гораздо менее благоустроенном.

В этой зоне и находится город Касимов, его район, как и соседние с ним районы, большие леса, озера и пески. Здесь Ока, с которой мы начали очерк.

От Москвы через Егорьевск и Спас-Клепики к Касимову идет хорошее шоссе. Автомобили с московскими номерами здесь частые гости. Особенно много «Жигулей» и «Москвичей» в конце недели — чуть не сплошной поток. Есть линия авиасообщения с Москвой и Рязанью. По Москве-реке и Оке до Касимова можно добраться теплоходом, ведь этот речной путь входит в популярную среди туристов речную «кругосветку»: Москва — Ока — Волга — канал имени Москвы — Москва.

С каждым сезоном в районе Касимова все больше москвичей, отдыхающих целыми семьями, пионерских лагерей. Палатки на лесных полянах, палатки по берегам Оки и ее притоков, разноцветные машины на деревенских улицах...

При нынешней автомобильной «населенности» проехать три — четыре сотни километров в поисках места для приятного и полезного отдыха особого труда не составляет. Путешественников ждет удивительная природа, где они ощущают себя чуть ли не первооткрывателями.

Уже за районным центром Егорьевском оказываешься в краю первородных лесов, обширных болот и белых песков, покрытых то сосной, то вереском, а то и подвижных, всегда сухих, даже после обильных дождей.

И далее — в Клепиках, Криушах, Солотче, Касимове, Елатьме, Пителине, Кадоме, Сынтуле, Гусь-Железном — повсюду, где леса занимают если не семь десятых, то половину территории, а пашня жмется по полянам и опушкам лесов, в удивительном краю этом начинаешь постигать всю прелесть и значение дикой природы для живущих окрест людей, и в особенности для Москвы с ее многомиллионным населением. Какой он, к счастью, обширный, этот дальний тыл столицы! Какой красоты бесценной! Любуешься и в то же время думаешь: что можем мы ждать от него в ближайшие и более далекие годы? Таким ли он останется или другим обернется после людского нашествия, после огромных работ по мелиорации, намеченных на десятую пятилетку, на последнюю четверть нашего столетия?

Только в двух ближних к Москве районах — Клепиковском и Касимовском — четыреста тысяч гектаров леса, а во всем зеленом массиве к югу и востоку от столицы — около двух миллионов гектаров. Вместе с лугами такая территория равна площади Бельгии или Голландии. Тихие сосновые рощи. Темные колдовские речки.

Чащи непролазного грибного осинника. Солнцем пронизанные березняки. Десятки больших и малых озер с берегами ласковыми, как Рижское взморье. Места дичные, грибные, рыбные, врачующие. Дороги, просеки, кордоны, деревни и деревеньки, то новенькие, щеголеватые, с затейливой резьбой оконных наличников и карнизов, с броскими цветастыми крышами, то старенькие, сонные, наполовину покинутые, с почерневшими, замшелыми крышами шатром, с запущенными садами за повалившимся заборчиком, рябиной в палисадниках и ветхим журавлем над черным срубом колодца. Но деревни всегда чистые, домовитые и аккуратные, как красный угол у хорошей хозяйки.

Здесь в неисчислимом количестве есть все, что ныне становится дефицитом: великая тишина, свежая вода, чистейший воздух, зеленый целительный плен, певчая птица, грибное и ягодное раздолье и даже по-старинному напевная, сердечно-простодушная русская речь, которая ныне, перемешавшись с разными наречиями, тоже стала довольно редкостна для нечерноземной России.

Заповедное место, рай для туристов.

Центром его надо назвать Касимов. И относиться к Касимову именно как к центру.

Старый, старый город

В этом городе я бывал не раз. Потому и могу судить о тех изменениях, которые произошли за промелькнувшие годы.

По правде говоря, Касимов всегда видится издали лучше, чем вблизи.

Прежде всего бросается в глаза старинный белокаменный центр на самом угоре, по крутому и холмистому берегу Оки. Просто дух захватывает, когда смотришь на него снизу, из речной поймы, или сверху, с самолета. Лесная сказка, яркая и впечатляющая. Соборные тяжелые стены контрастируют с тонкими изящными звонницами — колокольнями Никольской, Троицкой, Успенской, Богоявленской церквей в темной раме соснового бора. Совершенно неожиданно видишь в таком соседстве приземистую мечеть с башней и кубик мавзолея Шах-Али-Хана.

Добротные — на века — и в то же время легкие арки и стены торгового ряда, дом князя Путятина, старинное «присутствие», купеческие дома Баркова, Губина, доживающие свой век,— все это уводит в далекое прошлое, будит воспоминания.

А рядом высятся краны над новостройками, слегка дымят заводские трубы, белые теплоходы швартуются к причалам, на главной улице многолюдно и шумно. Ряды автомобилей у нового строгого здания горкома партии и горсовета, на площади колышется пламя Вечного огня у каменной стены с именами касимовцев, павших в войне с фашистами... Эпохи, столетия переплелись на берегу Оки.

Сюда, на крутизну, ветерок несет с правобережья запахи трав, теплой воды, леса и рыбы. Там, немного южнее города, за лугами опять темнеют леса, а на полянах хоронятся деревни с такими

звучными именами, как Чинур, Балушевы-Починки, Бетино, Груданово.

Строят в Касимове много. Город тянется на восток, достиг опушки красивого леса. Словом, дел хватает, срочность их несомненна. Требуют заботы и памятники архитектуры.

А тут еще и туризм... Люди едут, их надо разместить, накормить. Но касимовская гостиница старая, маленькая. Столовые небольшие, рассчитанные только на «своих». С туристическими нуждами связаны не одни новые столовые, кемпинги, лагеря, но и работы по реставрации исторической части Касимова, которая привлекает людей с такой же силой, как и дивная природа на обоих берегах Оки.

Известно, что радение о старине не прихоть, а один из способов воспитания в людях чувства патриотизма, уважения к своему прекрасному прошлому. Туризм не просто отдых и восстановление здоровья, это еще и познание своей Родины.

Сколько полузабытых и вовсе забытых фактов из русской истории могут напомнить берега Оки в этом районе! Удельное татарское ханство с первым царевичем Касимом. Добрынин остров, связанный с легендой о богатыре Добрыне Никитиче. Село Исады, где в 1217 году лживые и хитрые князья рязанские в междоусобице побили своих «супротивников». Клетино, где в петровские времена строили суда для торгового флота, где работали первые железоделательные заводы на реке Гусь.

От Елатьмы до Рязани по обоим берегам Оки слышатся имена, которые произносят с уважением. Когда рассказывают об этом крае, говорят об артисте А. С. Пирогове, ученом К. Э. Циолковском, декабристе М. С. Лунине, знатной колхознице П. Н. Ковровой, писателе С. Н. Сергееве-Ценском, физиологе И. П. Павлове, поэте Я. П. Полонском. Все они либо уроженцы приокской земли, либо долго здесь жили и работали.

Берега лесные, тенистые, то белопесчаные, то с крутыми каменными стенами чуть не в полсотню метров высотой, то таинственные, болотистые, где из чащи осинника нехотя выползают темноводные реки. Берега настолько извилистые, что пешком от Касимова до Елатьмы можно дойти быстрее, чем добраться пароходом, идущим по течению, и настолько красивые в зеленом уборе, что невозможно оторвать взгляд. Разноцветье луговых трав, запах свежего сена, десятки островерхих стожков, палатки туристов-отшельников с костерком у входа, загорелые до черноты спиннингисты — все это западает в душу, запоминается, как славный сон, и служит потом пищей для долгих восторженных разговоров в кругу друзей. «А помните приток Оки с милым названием Ташенка? Мы остановились там на два часа, пошли в лес по ее бережку и попали в сказочное место. Верите ли, через час у меня в лукошке и в сетке оказалось 134 боровика...» «Вы не представляете себе эту маленькую деревянную церковку — дай бог памяти, где она стоит?.. Кажется, в Сынтуле, недалеко от Касимова. Чудо! Особенно поражает, как эта церковь вписывается в лесной ландшафт! Будто выросла сама, без участия людей...» «А вы не помогали убирать картошку в колхозе? Жаль. Нас пригласили, и мы

1 | 2
3

1. На пастбище…
2. Хранитель приокского леса лесовод Михаил Семенович Приезжев
3. Зубры в Окском заповеднике

проработали почти целый деиь. Какой там заработок! Просто дали немиого картошки. Мы ее варили, пекли в костре. Прекрасная, рассыпчатая, иеобыкиовениая. Нигде ие едал такую. На песках растет».

У путешествеиников блестят глаза, загорелые лица светятся истииным счастьем. С удовлетворением похлопывают по сумке, где ждут своего часа десятки иепроявлеиных слайдов и катушки отснятой киноплеики.

Запечатленная красота земная.

Прикосновение к природе

На окских берегах, как и иа Валдае, уже давио прижилась и вошла в разговориую речь ие очень складная, ио злободневиая поговорка: «Миого пейзажа, да мало фура́жа».

Эти красивые места, как мы уже говорили, давно и сравнительио густо заселеиы. Естествеииое желаиие людей, для которых берега Оки — постояииое место жительства,— кормить самих себя и гостей своих продуктами той земли, какая здесь под иогами.

А можио ли?

С этой позиции белые пески оставляют желать миого лучшего. Оио и понятно. Что хорошо для пляжа, плохо для пашни.

В Касимовском и Клепиковском райоиах из каждых десяти гектаров девять песчаиых. А десятый — торфяной, ииаче говоря, заболочениый. Песок бедеи, как его ии вороши. Торфяные земли, иапротив, богаты органическим веществом, но сильио закислеиы, пропитаиы влагой и потому ие плодородны. Лишь в одном месте, на возвышениой Мещере, между Касимовом и Елатьмой, на всем этом большом и безлесном пятачке, мы встретили почву темиую, гумусиую, способную давать приличиые урожаи, конечио при соответствующей культуре земледелия.

В начале этого века жители мещерских деревеиь три года из пяти отчаяиио голодали. Населеиие уходило на отхожий промысел, чаще всего в Питер. В благополучные годы крестьяие кое-как обеспечивали себя если ие хлебом, то хотя бы картофелем. Еще выручали коровы: в окской пойме, иа лесиых поляиах и иа болотах всегда можно было иакосить сеиа. В теплое время года пастбищ тут тоже хватало, паси — ие леиись.

В иаше время такая землица никак ие устраивала тружеников села. В иедавием прошлом делались многочислеииые попытки осушить и пустить под пашию торфяники, щедро удобрить пески. Лесники пробовали осушить и заболочеииые лесиые участки, чтобы усилить рост сосиы. Вся эта работа проводилась на сравнительно иебольших площадях.

Только после мартовского (1965 года) Плеиума ЦК КПСС, когда государство взяло иа себя все затраты по мелиорации и были организованы машинно-мелиоративные станции, в Мещере удалось резко повысить культуру земледелия. Заговорили о первых успехах. В колхозе «Строитель» на осушенной Деминской низиие

ежегодно стали выращнвать силосные культуры — подсолнечник н кукурузу — в рост человека. В колхозах «Родина» (на Чалнце), «Искра» (иа Гусе) на осушенных поймах сталн собирать до ста шестидесяти цеитнеров картофеля с гектара. Тнмофеевка на такнх торфяниках дает тридцать — сорок центиеров сена.

В Заборье, на южной стороне окской Мещеры, осушили н хорошо удобрили почти полторы тысячн гектаров. Урожаи здесь такие же.

Днректор Полянской машинно-мелиоративной станции Дмитрий Васильевич Харьков показал мне любопытиый документ: за десять лет — с 1944 по 1953 год — среднні урожай ржн на такнх землях в Клепнковском районе был равеи лишь пяти с половиной, картофеля — пятидесяти центнерам. Что ии лесной райои, то низкий урожай. Прнходилось завознть продовольствне из других мест.

К началу девятой пятилетки в Касимовском районе успелн улучшить около десяти тысяч гектаров пашни н луга, в Клепнковском — чуть более пяти тысяч. К мелиорации появился интерес. Убедились, что слово это — мелиорация — озиачает не только осушеиие, но н непремеиное обильиое удобрение, нзвесткование, а если надо, то н орошение. Ведь на песках иеделя без дождя — уже засуха. Эти земли, как решето, воду ие держат.

Бедную от природы землю мелиорация буквально преображала. На такое улучшение уходило от четырех до шести лет, а затраты — полтысячи рублей на гектар. Урожай же подскакнвал втрое, вчетверо против прежнего.

Хозяйства, как говорнтся, вошли во вкус. Появилась возможность улучшить многие тысячи гектаров, все земли, все болота...

Вот тут н наступило самое время подумать уже о максимально экоиомим расходовании деиег и сил на мелиорацию, о путях наиболее целесообразного н выгодного для природы н для человека нспользования средств, техннки, удобрений, щедро выделяемых государством по решенню ЦК КПСС и Совета Мнннстров СССР на развитие сельского хозяйства в Нечериоземиой зоне РСФСР. Без единого научно обосиованного плана проводить широкое преобразованне земли иемыслнмо.

Дело в том, что рацноальиое, высококультурное веденне хозяйства, получение высоких н устойчивых урожаев ни в коей мере не должио повредить прнроде Мещеры, умалить ее ыиешнюю красоту или отрнцательно сказаться в далеком будущем. Этот край с его особениой экологической снстемой (или снстемами) сохраняет неустойчивое равновесне много тысяч лет. Болота питают реки. Реки в свою очередь создают луговые поймы, поддерживают уровень грунтовых вод, от которого завнсит благополучие леса — главного фактора с точки зрения прелести н пользы дальнего тыла столицы. Все в прнроде уравиовешеио. Нарушение даже одного звеиа может привести к иепоправимому.

Изменять сложившиеся условия на приокской Мещере надо с большим чувством ответственности за будущее.

В последнне годы немало ведется разговоров о преобразовании Мещеры, о ее обновлении: возникло миожество проектов, вроде бы

способных превратить край лесов и болот чуть ли не в житницу России. В некоторых особо масштабных проектах предусматривается и повсеместное осушение топей, болот, и спрямление русел рек, и обвалование их берегов. Однако эти проекты с позиции будущего не всегда безопасны. Экологические биомы*, создаваемые тысячелетиями, могут в какой-то степени утерять способность к самовосстановлению.

Но далеко не всякий лес полезно осушать, а тем более корчевать. Не всякое болото — эту «молодость планеты» — можно ликвидировать, тем более в районе, где годовое испарение воды больше, чем выпадает осадков. Не каждая речка станет сильнее и полноводнее после ее «регулирования». И еще: нужно соотносить затраты с результатами, отдачей. Осушение — дело дорогостоящее. Дешевле и доступнее сделать гектар песчаной пашни более продуктивным, чем создавать новую пашню на месте сведенного леса или бывшего болота.

Природа, которую с таким рвением некоторые люди стремятся «переделать», «обновить», сама давно подсказывает пути повышения плодородия земли. Это прежде всего обильное удобрение песков навозом, торфом, минеральными туками, известью; это осторожное осушение мелких торфяников и, наконец, облесение тех песков, которые по сю пору остались голыми, бесплодными и опасными для окружающих пашен, лесов и особенно для близких рек.

Такое улучшение недорого, выгодно, потому что через несколько лет повышаются урожаи зерна, картофеля, трав. Оно вдвойне целесообразно, потому что полностью сохраняет природу в ее первозданной красе и, таким образом, не отнимает у людей радости общения с ней.

Вот тому житейские примеры.

На левом окском берегу

Под ногами песок, справа песок, слева песок и впереди на многие километры белый, желтоватый, сыпучий или слегка отвердевший под жесткой травой-щучкой. Все это огромное пространство в песчаных буграх было бы похоже на унылую пустыню, если бы не сосны, вечные спутники песчаных земель России.

Желто-зеленый прозрачный сосняк матерински заботливо укрывает бесплодные бугры, бросив ажурную тень на землю; он задерживает снега зимой, и в прохладной его тени потихоньку растут березовые кустарнички, осоки, даже осины. Ближе к осени в лесах вылезает бесчисленное множество маслят и белых грибов, если, конечно, перепадают дожди. Тогда в песчаном бору надолго устанавливается непередаваемо вкусный грибной запах.

* Биом — совокупность видов растений и животных, составляющих живое население данного района.— *Прим. ред.*

4	5
6	

4. Сосновый бор
5. Рязанский кремль (фрагмент)
6. Туманное утро. Касимов
Фото В. В. Гаврилова, Ю. А. Черникова

Но лес укрыл далеко не все пески. Большие открытые пространства подступают к берегам речки Гусь, раздвигают лесные массивы; песок бугрнтся у самой Окн, н она делает здесь такую замысловатую петлю, словно шарахается от бесплодного, вечно осыпающегося берега.

Пески уходят вверх по Гусю и там, далеко от устья, теряются в темных каснмовскнх борах.

И откуда только у природы нашлось для этих мест столько песка? Глядишь на семнметровую толщу его у размытого берега н дивишься: экнй капрнз далекнх эпох! Невеселое в общем зрелище.

Потому и людн селились здесь не густо, деревни подбиралнсь непременно к реке нли лесу; видно, наши предки меиьше всего рассчитывали на земледелие и предпочитали речной или лесной промысел, да еще траву по опушкам и низиим для прокорма скотины, которая здесь, между прочим, н грнбамн не брезгует.

Селилнсь н над названиями своих деревень не больно мудрили, называлн их Забелнно, Беляево, Гнблицы, Погост... Белая земля, гиблые места.

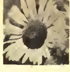
Пробовалн, конечно, пахать — сеять: крестьянину без этого нельзя, однако урожаи на вспаханном поле получались тощие. И оставлялн песок, едва тронув сохой или плугом. Только на огородах н удавалось кое-что получить. Как-иикак, а хлев рядом, весь навоз — куда же еще? — на огород.

Вот эти огороды с высокой и темной картофельной ботвой, с тугими кочанами поздней капусты и развеяли тоскливое иастроенне выпускницы сельскохозяйственного вуза, прнехавшей работать в село Погост, где в начале 60-х годов иа земле экономически слабых колхозов создалн совхоз.

До этого она обошла — объехала все две тысячи гектаров песчаной пашни н только вздохнула. Ну, что здесь возьмешь? Но ведь на огородах, надо полагать, тоже когда-то был сыпучий песок... Смотрела, сравнивала и понемногу успокаивалась. Значит, можно? Пусть не сразу, не за один год, но можио!

В ту пору новые совхозные фермы пополнялись бычкамн и поросятамн, а старые скотные дворы в деревнях пустели. Возле них навоз лежал, перегиой накопился. Для начала хорошо н это.

Днректор Бельковского совхоза Владимир Иванович Мнлованов выслушал своего агронома Татьяну Ивановну Климочкину н, поняв ее главную лннию, целнком одобрил. Расковыряли старые навозные кучн, пошли в ход автомашины, тракторные тележки. Вывозку удобреннй объявили работой номер один. Татьяна Ивановна покоя не знала. С утра влезет в резииовые сапоги, повяжется по-деревенски платком — и в поле. Коренастая, крепкая, неуступчиво-строгая, она не выпускала из рук бразды начатого дела, не позволяла уходить в сторону от намечеиного курса. В отделениях совхоза о ней заговорили как о женщине настойчивой, с характером. А это всегда вызывает в людях уважение. Охотно помогают человеку, который крепко верит в свое дело. Былн, конечио, протнвники, спорнли с Климочкиной, толковалн о химии, определяющей урожай. И дешевле, н проще, чем с навозом возиться.



— У нас с вами пока что не земля, а худое сито,— резковато отвечала она.— Одна химия такой земле не помощник. Первый дождик — и вся, как вы называете, химия уйдет в песок, а потом в Оку, рыбу травить. Полям нужен гумус, органика. Когда это будет, тогда и селитра, и калийная соль принесут несравненно больше пользы. Надо создавать пашню, понимаете, создавать!

И весь первый год, и последующие Татьяна Ивановна не отступала от своей линии. С осени до весны и даже летом вывозили навоз в поле. Чернели на песках кучи, их разбрасывали под плуг, под культиватор, чтобы не высыхал, не терялся. Белые пески постепенно делались серыми, потом темными. Уже похоже на пашню.

Агроном Климочкина улучшала землю по-своему. Всю площадь сразу не удобришь, хоть и вывозили за год по двенадцать — пятнадцать тысяч тонн. Но ведь это только шесть — семь тонн на гектар, или шестьсот граммов на квадратный метр, так, попудрить. Решила отработать одно поле за другим, внося полную норму — по сто тонн на гектар, иначе говоря, десять килограммов на квадратный метр. Сегодня одно поле в полтораста гектаров, потом — второе, за пять лет уже гектаров семьсот хорошей земли, куда можно вносить и «минералку», и все что угодно. На пять лет урожай обеспечен. А за эти пять лет еще семьсот гектаров подойдет, можно сеять травы для закрепления плодородия, использовать аммиачную воду и суперфосфат без опаски, что уйдет добро в реку.

Словом, работа с перспективой.

В разгар уборочных работ сидели мы с Татьяной Ивановной в тесном директорском кабинете, говорили о картошке, о сохранении ландшафта, о нехватке рабочих рук. Она рассказывала сдержанно и больше о том, что надо делать, а не о том, что уже сделано. С лица агронома еще не сошло то настороженное выражение, которое появляется в начале разговора с незнакомым человеком.

— Зерновые у нас слабо дали.— Татьяна Ивановна заглянула в листок.— По шестнадцати центнеров в среднем. Песок... Тут, знаете, восемь да десять считали за успех.

— А вы недовольны стопудовым урожаем?

— Думаю, будем получать и по тридцати центнеров.

— А когда получите?

— Ну, это...— Она улыбнулась.— Через год-другой появится возможность сеять рожь и овсы по пропашным, уже на хороших землях. Вот тогда...

— А плохие участки будут?

— Будут,— призналась она.— Пока не хватает навоза. Надо расширять фермы. Нужны корма, они на лугах. Луга требуют очистки, подсева, удобрений, орошения, одним словом, тоже полной мелиорации. Вот такая зависимость. И все-таки мы выравняем пашню по плодородию.

Сказала и решительно сунула руки в карманы плаща. Теперь уж и следа не было от настороженности.

— Наши ребята,— продолжала она немного погодя,— уже научились получать хорошую картошку, верю, что и зерно сумеют вырастить не хуже, чем на Дону.

Вскоре я и сам убедился, что основа для этого есть: пашня похорошела, и работать на ней можно с удовольствием. На плодородную землю и люди охотно придут, и села расцветут. И красоту природы на Оке и Гусе не сбросишь со счетов. Но все начинается с земледельца, с его нелегкого труда.

Ну а что же оно в сущности означает это старое русское слово — земледелец? Сколько мне приходилось встречать людей, озабоченных только одним — урожаем этого года! Ради урожая они ночи не спят — подкармливают, рыхлят, пропалывают, убирают, никому покоя не дают. Как убрали да подсчитали, что план есть, так и кум королю. Больше земле такой «мастер» не поклонится, не вспомнит о ней до весны. И невдомек ему, что пашня жива-здорова лишь тогда, когда понятию «взять» предшествует понятие «дать».

Это особенно важно для Мещеры, для Нечерноземья.

Одно дело работать на богатом от природы черноземе с достатком воды и тепла. Тут хватит черпать надолго. Но и то не навсегда, потому что и на черноземах не существует запасов неистощимых. И уж совсем другое дело, если живет крестьянин на песках, на тощих подзолах, на смытых склонах, где природа не накопила ни какого-либо богатства, ни особого плодородия. Тут земледелец обязан «делать» землю, неустанную заботу о ней проявлять.

Время пришло такое, когда ценность каждого гектара земли возрастает стремительно. Будут на берегах Оки работать так, как агроном Климочкина,— и пески станут плодородными. Без излишней и дорогостоящей «переделки» природы, без ухудшения естественных ландшафтов.

... И на правом

Сделав большую касимовскую петлю, Ока поворачивает на север.

Здесь, на высоком левом берегу, в лесное заречье смотрится поселок Елатьма, укрытый густыми садами. Паром перевозит машины и людей на правый берег, где в речной пойме расположен совхоз.

А за совхозом начинаются сосновые боры; они идут вниз и вверх по Оке, на северо-восток до Волги и за близкую отсюда границу Мордовской АССР.

В десятке километров от Оки, в центре лесного массива, раскинулась пустыня. Самая настоящая, с белыми песками, барханами высотой в три-четыре метра, с редкими кустами белоуса, между которыми шныряют ящерицы. Редко-редко среди песчаных бугров стоят изогнутые неопределенного возраста сосны, чудом выросшие из семян, занесенных птицами. Сушь, тишина, а приложишься ухом к земле — тихий звон. Это движется песок. Куда ветер, туда и он. Сечет опушку, уродует березы, сгибает и засыпает сосенки. В июльскую жару, в бесснежные зимы пустыня доставала до Оки; песок летел в Елатьму, на Выксу, и везде досадовали люди: откуда такая напасть?

О происхождении пустыни гадать не приходилось. И возраст ее определен точно — середина XVIII века, когда по указу государевой Берг-коллегии недалеко от здешних мест построили железоделательные заводы. Выкса, Унжа и Гусь-Железный плавили металл для оружейных мастеров. А для плавки требовался древесный уголь, поскольку о коксе тогда не ведали. Крепостные углежоги валили вековые боры, корчевали пни и оставляли на месте лесов голую пустошь.

Потом, когда истребление лесов поубавилось, природа терпеливо взялась залечивать раны. Почти всюду поднялся новый лес. Только на возвышенной, открытой ветрам Лысой горе, или, по-нынешнему, на Вяиских песках, дело никак не могло сдвинуться с мертвой точки. Так и дожила до наших дней пустыня, как немой укор бездумной деятельности людей.

На площади в двадцать пять квадратных километров белела бугристая песчаная пустыня. И высыхала к августу узкая речка Вяика. Лес отошел от песков, отгородился чахлой опушкой.

И это в самом центре европейской части России, в каких-нибудь четырехстах километрах от столицы!

Те, кому приходилось видеть пески, горько и укоризненно качали головой: экое дикое поле! Пытались пахать и сеять, но без удачи. Не годилось место под пашню: ни дорог, ни воды, ни сел поблизости. Даже когда в начале 50-х годов собрались с силами и посадили на песках сразу триста гектаров сосны, толку не получилось. Посадки не дожили и до осени, высохли. Какой тут лес!

Но вот через десять лет на Вяиские пески приехали руководители Рязанского лесного хозяйства с Михаилом Гиряевым во главе и посмотрели на пустыню глазами специалистов. Один из них сказал Тарунтаеву, директору Касимовского лесхоза:

— Ну, Василий Алексеевич, тебе тут, милый, до самой пенсии...

Веселый, быстрый в мыслях и движении директор загадочно усмехнулся. До пенсии ему оставалось двадцать четыре года.

Рязанские гости уехали. Тарунтаев вместе с лесничими Аркадием Юдиным и Потифором Гиряевым еще не один раз приезжали на пески, проводили тут дни и ночи. Однажды долго стояли на голом бугре, потом спустились в ложбину, сели на сухой песок и стали анализировать прежние неудачи.

— Ясно, почему ничего не получилось: воды нет,— сказал один из них и ткнул пальцем в песок.

— А откуда быть воде, если сажали в мае? — сказал другой.

— По снегу хочешь? — спросил Тарунтаев и оживился.

— Семя сосны зимует в снегу...

Тут все наперебой стали вспоминать и привычки дерева, и свойства песка, снега. Когда снег еще лежит по лесам и на берегах Оки, здешние пески уже голые. Открытое для солнца место прогревается хорошо, весна тут движется быстро, и, чтобы захватить талую воду, не нужно смотреть на календарь, а надобно начинать работу, когда только-только оттает верхний слой на Лысой горе. Чуть позже все высохнет.

Подтрунивая друг над другом и не переставая размышлять, они внезапно поняли, что отыскали, пожалуй, главную ошибку своих предшественников, которые, очевидно, опаздывали с посадкой, и сеянцы сосны, очень охочие в первые дни до воды, гибли в песках, не успев укрепиться.

— Попробуем иначе, ребятушки,— сказал Василий Алексеевич и вспомнил, что до пенсии ему двадцать четыре года и, чтобы закончить за такой срок облесение Вянских песков, сажать нужно ровно по сотне гектаров каждой весной. В общем хлопот хватит до самого-самого...

В 1961 году паромщик стал перевозить с левого берега на правый тюки с саженцами, людей и тракторы сразу после ледохода. Дивился на лесников: «Ну и торопыги! Снег лежит, а у них разговор о посадке, рядках и приживаемости. Сами топочут от холода на палубе, пальцами носы трут от пронзительного ветерка, а сосенки везут в лес. На погибель, не иначе».

Но лесники углубились в чащу. Голубые сугробы лежали на полянах, по-зимнему сухо стучали ветки на деревьях, скучно, холодно, а мыслями все уже там, на Лысой. Как-то на пустыньке сегодня?

Вянские пески встретили первый отряд робкой зеленью ракитника и всходами белоуса. Песок оголился, лежал темный, сырой. Снег всюду стаял, но близко к поверхности еще держалась мерзлота.

Устроили на опушке шалаши, обогрелись, а потом тракторами попробовали, как борозда берется. Получилось. Мигом оживился стан, зеленые двухлетки сосны зарябили по голым пескам.

Работали неделю, другую. Весна промчалась, песок высох и побелел, но дело уже было сделано. Свернули табор. Теперь до другого года. Что-то около сотни гектаров засадили.

На второй год, когда убедились, что сосенки дружно прижились, опять переправились в апреле через Оку и Унжу, прихватили народ из Касимова, деревни Новой, а главное, взяли с собой лесопосадочные машины. Сажали и наблюдали, как ведет себя пустыня, как чувствуют сосны. Словом, учились. Ворошить пески пахотой не стали, каждую травинку берегли, ведь она закрепляет летучий песок, который как раз и опасен для молодняка. На буграх сажали в глубокие борозды, в понижениях — иначе: где гуще, где реже. Хоть и собрался народ из разных мест, но как-то сразу сработались, уж больно доброе дело затеяли, оно-то и сближало. Лесники Александр Малин и Федор Теняев ни на час не уходили с песков: время тут ценилось, как на весеннем севе. Чуть припоздал — и жди выпадов, горюй, переделывай. А когда переделывать-то?..

Песок не желал примерять одежду из молодого леса. Привык за двести лет к вольной и буйной жизни, сопротивлялся. Холодом отпугивал, жарой, безводьем. В ветреный день хлестал по глазам, старался как-то сбить, засыпать молодые рядки. Но сосенки уже уцепились за влажную землю, а людей непогода только подзадоривала. На второй год удалось облесить триста гектаров. Потом, пообвыкнув, стали засаживать и по четыреста.

Конечно, без многочнсленных добровольных помощников, охотно откликнувшихся на призыв лесников, дело не обошлось. В первую очередь надо сказать о школьниках нз совхоза «Маяк». От усадьбы совхоза до Лысой горы около полутора десятков километров по лесам. Но ребята приезжали, дружно работали.

Помогла н Елатьма — бывший райцентр, здесь пять или шесть домов инвалидов. Эти много нспытавшне люди тоже пошли за лесниками. Добро-то можно делать н в глубокой старости — это всем нзвестно.

По трнста пятьдесят человек выходили натягивать на пески зеленую смирительную рубаху. Шумный стан лесников отбирал у пустынн кусок за куском, постепенно подбнраясь к центру, где над буграмн все еще крутились, правда уже порядком ослабевшне, столбики пыльных смерчей.

В 1966 году Тарунтаева перевелн в другой лесхоз. Сдавая дела Владимиру Васильевичу Лунину, он шутливо сказал:

— Все планы у начальства мы перепуталн. Песков остается мало, а я, видишь ли, еще не успел состариться. Расчеты были до пенсии. Впору до срока заявленне подавать...

Новый директор повел дело с такой же энергией. Натура у него была широкая, сил не заннмать. Он обошел вянские пескн, убедился, как хорошо растут посадки, н решил как можно быстрее перечеркнуть последние гектары пустынн. Опыт у лесников накопился немалый, теперь они знали как н что, работали безошнбочно.

Прошло еще два года, и Лысая гора перестала быть лысой. Хоть название меняй.

Лунин позвонил своему коллеге Тарунтаеву:

— Все! Можешь ехать в собес. С чистой душой...

Вот так энтузиасты изменяют облик своей земли. Не делая из этого сложной проблемы, не требуя от государства крупных средств для реалнзации дорогостоящнх проектов.

Два столетия просуществовалн белые пески, эта бросовая земля, н никто не находил к ней ключа. Когда же отыскали, всего за восемь лет осмысленного труда посадили на песчаных холмах двадцать миллионов саженцев сосны. Двадцать миллионов! Сосновая полоска по всему земному экватору на два метра дерево от дерева. В 1968 году Лысая гора предстала перед нами в виде сплошного, к горизонту уходящего леса, благодатного, быстро растущего.

Молодцеватый лесник подошел к сосенке первых лет посадкн. Ее вершина оказалась на уровне плеч, тех самых плеч, которые и вынесли всю тяжесть труда, создавшего этот рукотворный лес. И все залюбовались крепенькой сосной. Исправлена ошибка, сделанная нашими не очень далекнми предкамн.

Пройдет лет пятьдесят — семьдесят пять, одно поколенне сменнтся другим. На Лысой горе подымется могучий бор. Внукн н правнуки нынешних лесников придут сюда за грнбамн. Вспомнят лн они добрым словом людей, вырастивших Вянские леса?

Вот почему так захотелось написать о том, что сделано на Лысой горе. Пусть об этом знает как можно больше людей. Пусть знают агронома Климочкину, создающую новую землю в краю песков н

болот, пусть больше будет последователей ее не показного, а к делу идущего опыта.

Природа именно этого ждет от людей. Всегда. Везде.

Что не оценивается в рублях...

Теперь давайте посмотрим, один ли совхоз «Бельковский» нашел правильную дорогу, в одиночку ли старается превратить «край пейзажей» еще и в край хлебный, кормящий людей? Если один, то велика ли цена такому труду? Пусть и яркий маяк, но осветить всю Мещеру одно-разъединственное хозяйство никак не может.

Секретарь Касимовского горкома КПСС Михаил Васильевич Погожев рассказал, что в районе сегодня более двенадцати тысяч гектаров под картофелем, а средний урожай подбирается уже к ста пятидесяти центнерам с гектара. И дело не только в количестве, но и в качестве. Здешний картофель содержит до двадцати трех процентов крахмала. Только из этого района поступают десятки тысяч тонн этой отборной продукции. Так что нынешняя Мещера — это не только пейзажи...

Татьяна Ивановна Климочкина, конечно же, далеко не одинока в благородном стремлении создать на песках плодородную почву.

Отдает этому много сил и Мария Антоновна Афонькина, молодой агроном из колхоза имени Калинина.

В хозяйстве ежегодно вывозят на поля десятки тысяч тонн навоза и компоста, вносят много минеральных удобрений, извести. Те поля, которым уже перепало всего этого ощутимое количество, да еще после клеверов, выглядят никак не хуже, чем земля на старых сельских огородах. Идешь, нога тонет в мягкой, рассыпчатой пахоте. И куда только девался первородный белый песочек? Он остался у реки, в откосе, там ему самое место.

В колхозе «Путь к коммунизму» председательствует Марат Мухаметович Фаисханов, агроном по образованию. Здесь элитное хозяйство с особо строгой агротехникой. Отсюда начинают путь во все колхозы новые сорта картофеля. Рядом много клеверов, этих непревзойденных союзников в борьбе за плодородие. Убеждаешься, что агрономы работают с перспективой на десятки лет.

В обоих соседних колхозах уже слышатся разговоры не только об урожаях картофеля, но и о добром хлебе. Рожь, самая что ни на есть здешняя культура, случается, дает до тридцати центнеров зерна, а озимая пшеница и яровой ячмень — и того больше. Вот уж тут, действительно, «и пейзаж, и фураж».

При новой встрече в горкоме Погожев заговорил о касимовской земле, и стало ясно, что в десятой пятилетке земледельцы делают ставку прежде всего на повышение плодородия уже освоенных участков, среди которых, как мы знаем, больше всего песчаных, но которые при умелом обогащении способны удвоить урожайность.

— Район вывозит сейчас до пятисот тысяч тонн навоза и торфокомпоста за год,— сказал Михаил Васильевич.— Нас уже беспокоит недостаток навоза. Надо расширять молочное стадо и

свнное поголовье. Но для этого нужно много кормов, прежде всего травы и сена, ячменя и картофеля. Значит, внимаине лугам и пастбнщам. Будем прнводить в порядок пойму Оки и ее притоков. Это осушеине, подсев трав, их подкормка и полнв. Расшнрим и площадь клеверов. Вот на что пойдут у иас средства, отпущенные Нечерноземью в новой пятилетке.

Позиция, несомненно, правильиая. Предоставить лесам, рекам, болотам — всей красоте земной — свободное развитие. И дать пашням и лугам недостающнй им гумус, чтобы отозвалнсь они добром.

Гармоння прнроды, умно направляемая человеком, в том н состоит, чтобы сочетать красивое н полезное, естественное и создаваемое и тем самым ндти в направленнн к новому расцвету лаидшафтов.

Владимир Васильевич Лунин, хозяин каснмовских лесов, немало делает для сохранення н умножения лесных богатств.

Мы спросили его:

— В сухом 1972 году пожары в лесах былн?

Он кнвает и говорит:

— К сожаленню, да. Со стороны Горького, Владимира.

— А у вас?

— Обошлось,— уже веселее отвечает он.— Когда надвинулось от горьковской граннцы н от Ермиша к Вянским буграм, мы отстояли. Нашн леса не пострадали.

— А лес вы рубите?

— Рубнм,— твердо говорит он.— А как же не рубить, если спелый, если прочнстка нужна? Сдаем очень нужиой продукции на два с половнной миллнона рублей в год. Это не только лес, пиловочннк, но н грнбы, лекарственные травы, витамнннная мука нз хвои для колхозных ферм. А сувеннры, семена древесных пород? Дары леса... А что касается рубкн... В год снимаем лес с двухсот пятидесяти — двухсот семидесяти гектаров, зато засажнваем четыреста пятьдесят — пятьсот. Пустырн на террнторнн леспромхоза уменьшилнсь за последние годы раз в десять. Скоро н вовсе нх не будет. Сыпучне пескн надо закрывать сосной. Только в таком виде онн прнносят людям пользу.

Подумав, еще добавил:

— Красоту надо беречь. Хотя в рублях ее не оценншь.

Так, разумно н вдумчиво, благоустраивается дальний тыл иашей столнцы. Конечно, мы рассказалн лишь о немногом нз того, что делается. Есть, к сожаленню, н немало прнмеров негатнвного плана.

Вот каснмовские соседи с запада, спас-клепиковцы. Они понесли урон от лесных пожаров. Беда это или внна, пока сказать трудно, ио прнрода там сильно нзранена.

Ннкак ие устроят окско-солотчинскую пойму работники зональной опытной станцин «Мещеры». Явный «перебор» просматрнвается н в осушении леса в районе Криушей и Болони. Обошли мы здесь стороной и Окский заповедннк, этот уникальный природный комплекс, где разводят зубров, бобров, десятки видов других зверей и птиц, охраняются травы, лес, прнродные сообщества на реках и

болотах. У заповедника немало своих проблем, решить которые жизненно необходимо. Но все это темы уже других очерков.

Идем по сосновому бору краем просеки. Она густо и сильно заросла молодой сосной, подчеркивающей вечность леса. Тихо, жарко. Никакого движения ни в воздухе, ни на земле. Все замерло в полуденной истоме. Лес насыщен острым смолистым запахом.

На поляне, которую обходим краем, непролазный малинник. Краснеют спелые ягоды. Не остановиться возле просто нельзя. Вкусно, да еще как!

Подошвы скользят по сухой хвое. Мимоходом срезаем несколько коричневатых крепких боровиков на старой вырубке. Лес полого спускается куда-то, и внезапно распахивается огромное синее небо. Внизу за лужком блестит Ока.

Желто-зеленый песчаный обрыв весь в сосновой поросли; иные деревья стоят над землей на высоких изогнутых корнях, как на ходулях, песок из-под них осыпался, но сосны верны своему месту. Вид удивительный, неправдоподобный.

А перед глазами такой простор!..

Километров на пять тянется ярко-зеленая пойма, вся в озерах и старицах. Берега их в густом ольховнике и лозе, как в раме. На лугу сотни копешек только что скошенного сена. Противоположный берег высокий. Отсюда он кажется голубым. На холме виднеется стройная колокольня. Это церковь Ивана Богослова, ее отовсюду видно за десятки километров. Рядом белеет старинное имение, где ныне дом отдыха.

У обрыва над поймой так же тихо, как и в лесу. Но прохладно. Снизу накатывается чистый аромат подсыхающих трав, в нем угадывается запах меда и земляники. На отмели, у самой реки, неподвижные фигурки рыбаков. В прогретой воде старицы плещутся ребятишки.

Обрывистый берег делает изгиб, там над деревьями выглядывают купола еще какой-то старой церквушки. Древняя история напоминает о себе. Такое ощущение, что вот сейчас из темного бора появится дружина, гривастые кони встанут на самом краю, а воины в остроконечных шлемах, не сходя с седел, долго будут всматриваться из-под руки в противоположный берег, в ту сторону, откуда не раз грозили русской земле вражеские полчища... Но такое видение может возникнуть лишь на секунду.

Тихо, знойно, гудят пчелы.

Спокойная радость наполняет душу...

Василий Песков

Чаепитие у Толбачика

Девятый лагерь

Сборы былн недолгимн. К концу дня, одуревшие от беготни по магазинам, мы сидели посреди комнаты на груде мешков н ящиков. «Примерно три центнера...» — сказал Генка н стал читать список — не забыто ли что? Список кончался восьмнведерной бочкой воды, лампочкамн для фонаря, иголкой с ниткамн н лепешкамн димедрола — «на всякий случай...»

Вулкан мы увиделн километров за сто. На синеве среди облаков внднелась плотная, высоко восходящая ослепительной белизны шапка. Это была макушка вулкана — водяные пары, рожденные током земного тепла.

Мннут через двадцать увиделн ножку грнбовидного облака. Она была черной. Совсем уже с близкого расстояния было видно, как в темном столбе пучились то седые, то сизые клубы пепла. Сверкалн сухие молннн. А у самого основания неимоверных размеров грнба то опускался, то вырастал снова малиновый воротннк лавы.

«Сегодня он в очень хорошей форме»,— сказал летчик, и мы пошли огнбать конус вулкана по плавной дуге в обход пеплопада. С наветренной стороны к жерлу вулкана подлетаем предельно близко. Поворот — н плывем над стороной конуса, где кратер имеет щербину. В эту прореху, пульсируя, излнвается лава. Река огня! Над ней бурый и снзоватый дымок. Удаляясь от конуса, поток раскаленного вещества растекается, постепенно тускнеет. Сбоку, у самой кромкн потока,— палатки. Брошенный лагерь? Нет, люди возле палаток. Батюшки! Да это тот самый лагерь, куда мы просилнсь.

Снижение. Вихри пепла из-под вннта, летящие в сторону битые ящики, рваный брезент, чья-то каска катится под уклон. Люди, спасаясь от внхрей пепла, легли, вобралн головы в плечн. Швыряем нз дверн трн центнера нашего жнзнеобеспечения и машем пилотам. Они немедленно улетают.

После рева мотора ломит уши от тншнны... Хотя где же она, тишнна? Слышен гул, напомннающий отдаленный и непрерывный гром,— это вулкан. А рядом, в пятнадцати метрах, позванивают, катятся сверху остывающне, но еще розовые куски лавы. Подходят, сплевывая н вытряхивая пепел нз волос, люди. Знакомый по прежним камчатским встречам вулканолог Юрий Дубик держит в руках трехлнтровую банку с подсохшими гладиолусамн н столбик с дощечкой-стрелкой, на которой напнсано: *Volcano.*

— Чтобы не заблудиться?

— Без шуток тут не продержишься... По законам гостеприимства, ребята, сразу же полагается чай. Но чая не будет. Помогайте! Обстановка — видите самн. Срочно на новое место!

Таскаем палатки, ящики с провиантом, воду в молочных бидонах, приборы, дрова, образцы лавы, радиостанцию... Новичку кажется непонятным: как можно было так задержаться? Боковая стенка лавового потока, осыпаясь, добралась к стоянке почти вплотную. Но это был обычный режим работы и жизни возле вулкана. Эвакуация шла спокойно.

— Меняем место девятый раз...

До темноты поставив свою палатку в новом «таборе» вулканологов, как следует огляделись... Лунный пейзаж! Никаких признаков жизни, как будто и не было тут зеленых кедровников, озерков и всего, что давало повод называть эту точку в тридцати километрах от Козыревска «курортным местом». Все засыпано пеплом и шлаком. Похожие на барханы холмы, корявые островки лавы былых, может быть тысячелетней давности, извержений. И все. Один монотонный серовато-коричневый цвет. Под ногой лунный шлаковый грунт с легким хрустом податливо проминается. Туристский ботинок оставляет узор, очень похожий на след от обувки Армстронга.

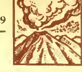
Хождение сопряжено с неожиданной трудностью. Под слоем шлака лежит подстилка беловатого мелкого пепла, выпадавшего вместе с дождем. Сейчас этот пепел превратился в подобие жидкого мыла — прочная сверху корочка шлака под ногой вдруг скользит, и ты не всякий раз избегаешь падения. Подъем от лагеря по холмам изнурительно труден.

Зато сверху можно увидеть все, что здесь происходит. До вулкана примерно три километра. На заходе солнца зрелище извержения особенно впечатляет. Крутые облака пара еще купаются в розовом свете, а внизу уже сумерки. Всплески лавы выглядят уже не малиновыми, а огненно-красными. Но это еще не свет в темноте. Еще голубеет полоса неба. Угольно-черным кажется столб извержения. И вся мешанина удивительно сочных и ярких красок сопровождается гулом — гу-гу-гу-гу... Как будто там, под землей, огромной лопатой подбросили уголька в топку, и вот вовсю ревет неподвластная человеку машина — величественная и грозная.

Рядом с вулканом действующим — цепочка вулканов затихших. Возможно, совсем затихших, а может, только на время. Они родились этим летом как побочные дети вулкана Толбачика. Толба́чик — старик, но в жилах его тепло не иссякло. Ждали: Толбачик себя покажет. И вот оно, проявление силы. Большой конус, правда, безмолвствует — земная мощь выходит наружу в 17 километрах от него. Освещенный уже нырнувшим за горизонт солнцем, белоголовый старик молчаливо смотрит, как у ног его пробуют силы дети — черномазые вулканята.

Уходить с верхушки холмов нам не хочется. Но в лагере строгий порядок: явись в условленное время, чтобы не было повода беспокоиться.

Полночь. После ужина (почти как в детском саду — манная каша и чай) люди расходятся по палаткам. Уже слышен в темноте с гулом вулкана храп. Но есть еще и работа. Дубик приводит в порядок какую-то запись. Теплофизик Аэлита Разина в равные промежутки



времени включает кинокамеру, стоящую на треноге,— идет методичная съемка вулкана. В стереотрубу разглядывает извержение богатырь с бородою Распутина. У костра студент-практикант из Иркутска самозабвенно пишет что-то в тетрадку.

— Ве́сти в Сибирь?

— Дневник. Сегодня пятьдесят седьмой день, как все началось...

В палатке-столовой мы сидим с директором Института вулканологии Сергеем Александровичем Федотовым. В бутылке из-под томатного сока горит свеча. Две кружки чая подогревают нашу беседу. Молодой еще член-корр. Академии наук СССР катает хлебные шарики и, подкрепляя важные мысли жестом, роняет шарики в темноту. С удовольствием отмечаю: наука наукой, но и простое чувство — «Я все это видел» — членкор не старается прятать. «Фантастические романы ничто по сравнению с тем, что здесь происходит».

Извержения ждали. В ночь на 28 июня все выносные сейсмостанции института зарегистрировали «рой землетрясений». За двое суток их было больше двухсот. Опыт и существующие теории позволили предсказать: извержение будет в ближайшие дни. 6 июля вулкан заработал.

Описать по дням все, что тут было, невозможно. Можно лишь выделить фазы, отдельные акты разнообразного, полного неожиданностей величественного спектакля природы. По трещине, возникшей почти на ровном месте, появились вначале три вулканических конуса. В считанные часы высота их достигла пятидесяти метров (примерно пятнадцатиэтажный дом!). Но образовался четвертый конус и моментально засыпал три первых. К вечеру 8 июля он вырос уже на 140 метров и «работал с энергией, равной пяти Красноярским электростанциям». Огромный столб пепла и шлака стоял над вулканом. Лава не вытекала из кратера через край, а тоже столбом рвалась в небо. Это был не фонтан, а именно столб жидкого раскаленного вещества, излучавшего свет даже днем. Космонавт Виталий Севастьянов в то время передал с борта орбитальной космической станции «Салют-4»: «Над Камчаткой на двести сорок километров полощется флаг пепловой тучи».

Вулканологам было ясно: рождается новый вулкан. Явление это не частое. Последним из хорошо известных «новорожденных» считают Парикутин — вулкан, выросший в Мексике в 1943 году. Он появился в неожиданном месте — на кукурузном поле. Писали: «Крестьянин Дионисио Полидо, увидев дымок, пытался его засыпать, а потом огородил и за плату показывал зрелище». Это мало похоже на правду. Известно: уже через пять дней вулкан достиг высоты полутораста метров, и все живое от града его раскаленных бомб поспешно бежало.

Нового «молодца» на Камчатке огородить уже точно было нельзя. На глазах у людей вырастала огнедышащая гора. Стали придумывать имя новорожденному. «Есть на Камчатке вулканы Ксудач, Шивелуч, Кихпиныч. Не назвать ли Степанычем? (в честь старейшего вулканолога, недавно скончавшегося, Горшкова Георгия Степановича)».

Возле безымянного пока что вулкана ученые всех интересов и степеней собрали богатую жатву редкостных наблюдений. Но мало кто думал, что видит всего лишь первый акт величественного спектакля. 28 июля, через три недели после начала событий, разошлась земля у вулкана, и из широкой трещины потекла сверкающая, светло-желтая река лавы. Таинственное земное вещество (с точки зрения физики — тело жидкое и твердое одновременно) текло буквально у ног людей. Глубина (а может, точнее сказать, толщина?) этой вязкой, в миллион раз более вязкой, чем вода, огненной массы равнялась 20—30 метрам.

Понятное дело, вулканологи «пили» из этой реки. В копилку добытых с помощью разных приборов знаний они и сами как следует еще не заглядывали. Предстоит еще обработка всей информации. Но есть вещественное доказательство: лава позволила людям общаться с собой «на ты» — в лагере масса отформованных из нее пепельниц.

Сенсации у Толбачика менялись, как в детском калейдоскопе. 8 августа неожиданно стих первый конус. Казалось, опущен занавес представления. Но через день рядом с потухшим первым родился новый вулкан, такой же силы и резвости. И начал расти. И рос хорошо. Но через восемь дней вдруг тоже «заткнулся», утих. И на сцене сразу же появился конус, названный третьим. Этот работал всего неделю, соревнуясь с ожившим после суточного перерыва вторым. (Второй победил и работает до сих пор.)

В хронике этих событий есть еще конус 4. Появилась тут трещина шириной 400 метров. Была ситуация, когда в одночасье по трещине заработало шестнадцать разной силы вулканчиков. (Дубик: «Некоторые можно было, подбежав, затоптать».) Были тут трясения земли, фантастической силы липкие пеплопады, пепел сыпался вместе с дождем. По лаве второго конуса, как по конвейерной ленте, плыли обломки земной коры — «острова» величиной с шестиэтажный дом. Люди видели, как огромным пирогом земля вспучивалась и как внезапно в земле появлялись провалы... Такими были восемь недель у Толбачика.

Зрелище это было доступно не только вулканологам. Все, кто имеет интерес к изверженным недрам земли, «кто способен есть кашу с пеплом и лезть в спальный мешок при свете вулкана», тут побывали. Геологи, геофизики, ученый-атомник, конструкторы космической техники, знаменитый фотограф Вадим Гиппенрейтер собирали здесь впечатления и кое-что посерьезнее.

На месте только что покинутого лагеря высаживался на сутки целый десант журналистов европейских газет.

— Они прибыли в момент, когда умолк вдруг конус 2. Антракт. Ничего нет... Надо было видеть их огорчение. Но мы сказали: денек терпения — появится новый вулкан. Указали и место, где он появится. Вы бы видели, что творилось, когда вулкан заработал. Меня они кинулись обнимать с таким же энтузиазмом, как обнимают во время хоккея забившего шайбу...

Сергей Александрович поправляет в бутылке почти сгоревшую свечку, наливает уже холодного чаю. Вход в палатку ничем не

завешен. Нам с директором-вулканологом хорошо видно, как метрах в двухстах оползает, осыпается стенка стынущей лавы. С косого обрыва в сторону лагеря катятся раскаленные глыбы размером с палатку, а иногда с добрый каменный дом. Фонтаны искр. Запах паровозной топки. И звон. Странный звон, как будто с горы летит воз разбитых горшков.

Во всех палатках здоровый храп. У костра с книжкой коротает ночь дежурный.

— Как на войне, это необходимо. Мало ли что...

Над вулканом зарево света и гул.

— Сейчас у нас просто курорт,— говорит Дубик. И нельзя понять, «покупает» он нас, новичков, или в самом деле этот лагерь у лавы — место, лучше желать не надо.

Дубик бреется. Вместо зеркала смотрит в синеватый глазок стоящего на треноге прибора.

— А с зубом как?— поддевает начальника кто-то из рядовых.

— Терпимо,— смеется Дубик.

Тут все известно: руководитель отряда «Вулкан» тринадцать раз наблюдал извержения и тринадцать зубов потерял в эти годы.

— Как раз по вулкану на зуб...

В этой фразе есть доля мужского кокетства — такова, мол, жизнь вулканолога. Однако зубы у тех, кто вдыхает тепло, идущее из земли, выпадают не без причины. Причина — коварный элемент фтор.

— Да нет, тут у нас в самом деле курорт. Побрился. Сейчас нахлещемся чаю. Поговорим по радио со снабженцами. И спокойно будем служить науке. (Уже серьезно.) Вы посмотрели бы первый лагерь. Ребята, расскажите гостям, как было в первом...

Первая группа вулканологов во главе с Владимиром Степановым высадилась вблизи извержения через несколько часов. Все ждали вестей от разведчиков, и они пришли по эфиру: «Немедленно шлите лопаты!»

Группа попала в полосу пеплопада. Был там форменный ливень из шлака и пепла. Пять суток носа нельзя было высунуть из палаток. Но засыпало, надо было откапываться. Откапывались. Насыпали бугры из пепла. Переносили палатки на эти бугры. А через сутки их снова надо было откапывать. Еда, сон и все остальное — пополам с пеплом. Вертолет в этом наждачном аду сесть не мог. Люди, правда, вольны были выйти из полосы бедствия. Но как быть с приборами? Тяжелые. Нужные. Дорогие. Иногда утром мы могли только угадывать, где стоял «Ящик». Без касок тут не работали. «Орешки с неба» разбивали стекла часов, решетили палатки, оставляли на теле ссадины и царапины. Когда выбрались наконец на свет божий, показалось, что побывали в самой преисподней. Сейчас на месте, где стоял лагерь, из пепла торчит лишь верхушка радиомачты,

Зная, как не любят вулканологи выставлять вперед отличившихся (тут почти каждый ходит по краю возможного), я не спешил

расспрашивать об отдельных людях отряда, но мой собеседник сам подсказал: «Запишите: Магуськин Мефодий... Бывают моменты, в один час узнаешь, чего стоят люди. Так вот, с Мефодием я пошел бы теперь на какое угодно трудное дело».

О Магуськине я слышал еще в Петропавловске. В ночном разговоре директор института тоже назвал это имя. Мефодий в моих глазах вырастал до фигуры былинного богатыря.

— А где он сейчас?

— Тут, у вулкана, на стоянке геодезистов.

Первый лагерь — это точка отсчета, по которой меряют трудности. Их и теперь немало на всех стоянках вокруг вулкана. Ежедневно видеть лунный пейзаж — надоедает! Дышать газом, идущим от лавы, — надоедает, конечно! Питаться тушенкой и манной кашей... Скучать по бане, кормить комаров... Можно ли все перечесть? Пепел... В первом лагере он хоронил под собой все, что не двигалось. Но кто его тут не хлебнул, пепла? Геодезисты Юрий Фомин и Лев Дадоян, заблудившись в пепловой мгле, сочли за благо лечь у верхушек засыпанных пеплом кустов. Утром, когда ветерок повернул, ахнули: ночь коротали всего в полсотне шагов от палатки!

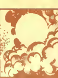
Ветер тут может в любой момент изменить направление, и тогда любая стоянка окажется в положении первого лагеря. Да если даже полоса пеплопада проходит и в стороне, пепел все равно есть: в ботинках, в волосах, в ушах, на зубах, в каше, в спальном мешке, в банке с солью и, хуже всего, в фотокамере. Переводишь пленку — пепел скрипит; а ты уже хорошо знаешь: в поединке с этой вулканической пылью, лишь по ошибке называемой пеплом, фотокамера победителем не выходит.

Одно удовольствие около вулкана — чай! Но не хватает для чая существенно важного компонента — воды. От озер, каких тут было немало, осталась лужица размером в стол. Из нее брали воду, но потом перестали. Вода от пепла сделалась кислой и для чая признана непригодной.

«Каторга — не житье!» — скажете вы. Верно. Такая жизнь не каждому подойдет. Но тут, честное слово, вы не услышите жалоб. Трудности, которые я перечислил, лишь справедливая плата за все, что люди могут тут увидеть, узнать и почувствовать. И я бы скорее им позавидовал, чем посочувствовал.

Всего у вулканов со дня извержения постоянно работает человек пятьдесят. Геофизики, вулканологи, химики, геодезисты, геологи — все немедленно развернули тут фронт работ. Предсказанность извержения позволила всем изготовиться вовремя. Событие держится под перекрестным взором многих наук. И каждый, чье дело сюда призывало, счел долгом «есть кашу с пеплом». Сам директор Института вулканологии имел в кармане билет до Парижа на какой-то конгресс. Без колебаний Париж был принесен в жертву Толбачику — «тут быть важнее». Надо думать, коллеги в Париже только позавидовали Сергею Александровичу.

И если уж повидавший немало членкор академии считает подарком судьбы пребывание здесь, то чем измерить жадную



любознательность студеита, посвятившего себя изучению Земли, если выпал ему билет проходить практику тут, у вулкана? Мера есть. Мне показали: «Вон парень сидит... Взбегал на вулкан н заглядывал в кратер». Смельчаком оказался уже знакомый студеит из Иркутска Володя Андреев.

— Это правда?..

— Ну, бегал... Мы с Юрь Михалычем бегали...

Эпизод маленький, но существенный. В момеит, когда конус 2 вдруг «заткнулся», Юрий Дубик решил «сбегать» н глянуть в кратер.

— Я с вами!—сказал Володя.

Обжигая подошвы, два человека бежали по горячему склону вулкана. (Для этого кроме дерзости нужна еще н выносливость!) Добежали. Глянули в кратер. Сделали снимки... А через несколько часов конус опять заработал. И работает посейчас.

Тут, у вулканов, есть своя техника безопасности. И возможно, два человека ее частично нарушили. Но, ей-ей, должны среди нас быть людн, способные вбежать в горящую избу, нырнуть в горящий танк за товарнщем, спуститься в бездну или вот так: заглянуть в кратер!

День всего простоял лагерь 9. Вечером в связи с какой-то перегруппировкой сил его решили вдруг снять и перебросить в главный базовый стан. Мы, журналисты, полетели вместе со всеми н пожалели: база была неким «тыловым» учреждением. До вулкана отсюда было километров двенадцать, и мы взмолились забросить нас ближе.

Вечером мы прнземлились в двух километрах от вовсю шуровавшего конуса. Отсюда снимался лагерь геодезнстов. Все было у них упаковано. Мы свой груз выбросили из вертолета, они свой—внесли. Старший группы, невысокого роста чернявый парень, «сдавал» нам обжитое место.

— Дрова вон там. За камнем трн банки бензина—костер разжигать. Знаю, к вулкану пойдете,—лучшая точка для съемки помечена вешкой. Решитесь подходить ближе, помните: там уже падают бомбы. И еще. С нами жила тут полевка. Она остается. Вон там в картонной коробке сидит. Ест сухарн, воду давайте с ложки...

Пожимая с благодарностью руку заботливого человека, я спросил его имя.

— Мефодий меня зовут.

— Мефодий Магуськин?!

— Да. А что?

Я кинулся к летчикам просить задержаться хотя бы на десять минут. Отказали: «Поздно, солнце уже садится».

Мефодий Магуськин побежал к грохотавшей машине. Спустя минуту вертолет, подняв тучу пепла, исчез.

Палатку мы ставили уже при красном свете вулкана.

Идем к вулкану...

Нас трое. Корреспондент ТАСС на Камчатке Михаил Жилин, кинооператор Геннадий Лысяков и я, приглашенный к Толбачику настойчивостью этих давних моих друзей.

Полдень. Идем к вулкану. Два километра—пустяк. Но мы обвешаны, как верблюды, съемочной техникой,флягами, рюкзаками, биноклями. Тихонько ползем тропою, промятой до нас по шлаку.

У вешки (палка с обрывком белого шарфика) пестреют обертки от фотопленок. Это и есть «лучшая точка» для съемки. Конус виден отсюда в полный свой рост, со всеми подробностями характера. В облаках пепла хорошо различаешь беспрерывно летящую в небо «шрапнель». Лепешки рваного шлака плавно и, кажется, вовсе не быстро поднимаются кверху, на мгновение зависают и потом черными галками падают вниз на конус или чуть в стороне. Процесс идет непрерывно, и конус растет на глазах.

Жалеем, что не взяли магнитофон! Разнообразие звуков! Густой свистящий гул идущего на рулежку реактивного самолета вдруг сменяется взрывом. Потом характерное «гуканье», как будто заговорила большого калибра скорострельная пушка. Временами звук сглажен, смягчен. Если закроешь глаза, можно подумать: стоишь у моря и слышишь прибой. Кто знает силу океанских ударов о берег в хороший шторм, представит и еще одну разновидность гула, рожденного в кратере. Кажется, чуть посильнее взрыв—и черный конус треснет, расколется... Но вот еще звуковое коленце: извержение седых, похожих на кочаны цветной капусты облаков пепла сопровождается легким пыхтением и стуком: точь-в-точь на станции тихой ночью снует маневровый маленький паровоз. И снова взрыв! Бомбовой силы удар по барабанным перепонкам сопровождается треском, очень похожим на глухие хлопки дальних винтовочных выстрелов,—это сверху на склоны вулкана падают раскаленные бомбы.

К конусу мы подбираемся так же, как подходят обычно к дикому малоизвестному зверю: осторожно, неторопливо, не по прямой линии. Дорожка «массового пользования» кончилась. В направлении вулкана видны только следы одиночек. Неким предупредительным барьером выглядят трещины в пепле. Неширокие, но страшноватые, напоминающие: кладовая огня тут, у нас под ногами. Трещины, впрочем, холодные. Без труда минуем эту «линию обороны». Теперь до вулкана менее километра. Стоим на месте, куда уже долетают бомбы. Бомбы тонут в рыхлом, податливом грунте. От них на поверхности виднеются только воронки. Одна из бомб утонула в шлаке лишь наполовину.

— Братцы, она еще теплая!—К ноздреватой черной колючей глыбе Генка приваливается спиной.—Давайте тут и чаевничать...

Чай в алюминиевых флягах остыл. Но находчивость Генки не знает предела. Он забирает фляги и, подморгнув, молча уходит к потоку лавы. Это неблизко. И не совсем безопасно. Но отговаривать бесполезно. Генка бережно вез сюда три яйца с романтической

целью «зажарить яичницу прямо иа лаве». Но уже в лагере кто-то неосторожно кинул Генкин суидук с походным операторским снаряжением н поколол яйца. Снмволический акт «хозяйственного использования вулканического тепла» Генка решает проделать теперь... Мннут через сорок ои прибегает, достает из-за пазухн фляги.

Посуда пахнет серым дымком. Чай не слишком горячий, но мы довольны — не угасла романтика иа планете!

Закусывая, не выпускаем нз виду вулкан. Опасность, правда, всего лишь одна: боковой выброс! Но, по теорни вероятности, такого рода вулкан ие должен сделать боковой выброс как раз в тот момент, когда трое людей, вполне ему доверяя, сели чаевничать.

Какова природа вулканов? Коротко так. Земля внутри разогрета. Я убедился в этом, спускаясь однажды в бадье к строителям шахты. (Кажется, это была «Марня-Глубокая» в Донбассе.) На горизонте иескольких сот метров было жарко. Строители работали обнаженными. В гигантском колодце от водяного пара было трудно разглядеть стоявшего в трех шагах человека...

По мере углубления в землю через каждые 33 метра температура возрастает на один градус. Таким образом, иа глубине 50 километров земные породы нагреты выше тысячи градусов. В обычных условиях они бы расплавились. Но в глубинах из-за большого давления сверху породы остаются твердыми. Вы спросите: там, где давление по каким-то причииам упало, порода, наверно, расплавится? Да. Расплав (по-гречески — «магма») появляется там, где земная кора имеет разломы. «Вскипая», расплав ищет выхода иаверх. Поскольку магма насыщена газом, выброс ее на поверхиость земли сопровождается взрывами. Вулканы — конечный этап глубинных процессов еще нестарой иашей планеты.

Зоны разломов земной коры всем известиы. Камчатка — одии нз этих районов. Здесь трндцать с лишним живых вулканов и много больше потухших.

Извержение вулкана всегда событие. Нередко драматическое событие. Можно назвать множество случаев, когда ие один и ие два человека погибли от этой стихии. Восьмого мая 1902 года вулкан Мон-Пеле (остров Мартиника) иакрыл раскалениой тучей город Сен-Пьер. Все население (30 тысяч!) мгиовеиио погибло. Или вулкан Кракатау... Произнесите вслух название — К р а к а т а у, вы уловите в нем характер вулкана. Характер этой горы, стоящей в проливе между островами Суматра и Ява, таков. Двести лет молчавший вулкан весной 1883 года вдруг пробудился. Сиачала без шума он просто дымил, потом стал ворчать, а 27 августа в 10 часов утра вулкан-остров взлетел на воздух. Кое-какие подробности страшиого нзвержения... Вулканический пепел взвился иа высоту 30 километров. Грохот взрыва был слышен на расстоянии 5500 километров — на Филиппинах, в Австралии, на Новой Гвинее. Куски породы велнчиной с котелок летели иа расстояние 20 километров. От воздушной волны пострадалн постройки в Джакарте (150

километров от вулкана). Водяная волна цунами, достигавшая кое-где высоты 30 метров, со скоростью современного самолета обогнула весь земной шар. Число погибших людей — 40 тысяч... Там же, в Индонезии, вулкан Тамбора погубил 90 тысяч человек (1815 год). Но рекорд остается за вулканом, стоящим в густо иаселеином районе Земли, за итальянской Этной,— 100 тысяч! (Извержение 1669 года.)

Такова нешуточная сила вулканов. Любопытно, что люди, пережив бедствие, постепенно о нем забывают и сиова селятся у подножия. Причина этому — плодородие пепла. (На Камчатке картошка лучше всего растет там, где есть вулканический пепел.)

Что касается науки, то подобно тому, как без вскрытия тел иемыслимо было изучать человеческий организм, так невозможио без наблюдения за вулканами хорошо изучить Землю: ее строение, ее прошлое, ее место в космическом мире. Учеиые ждут вулканических катаклизмов и иемедленно устремляются к месту, где они происходят.

Простая пытливость людей тоже всегда стремилась к переднему краю событий. В толпе охваченных ужасом непременио находится человек, чье любопытство одолевает страх. При извержении Везувия (79 год иашей эры) погиб ученый и писатель Древнего Рима Плиний Старший. Он разделил участь тридцати тысяч жителей Помпеи, Геркуланума и Стабии, но Плиний в зоне бедствия был добровольным пришельцем. «Он поспешил туда, откуда бежали другие, и ехал прямо иавстречу опасиости. Он был так далек от всякого страха, что мог диктовать и зарисовывать даже мельчайшие подробиости этого ужасиого явления» — так писал Плиний Младший о своем дяде. Плиний Старший добрался до города под дождем горячего пепла и пемзы «по сильно обмелевшему морю». Явившись в дом своего друга Пемпониона, ои ободрил людей, пребывавших в великом страхе. «Сообща обсудили, оставаться дома или выйти на воздух, так как дом колебался от ужасных толчков... Под открытым небом тоже было иебезопасио. Для защиты от падающих камней положили себе иа голову подушки и привязали их платками...» Учеиый-писатель задохнулся от вулканических газов, до последнего мгновения делая записи впечатлений.

— Режимное время...— озабочеиио говорит Генка и прячет руки в чериый мешок — иачинает готовить кассеты с пленкой.

«Режимное время» для съемки — это момент заката, когда иебо еще ие стало из синего черным и когда камни, летящие из вулкана, уже хорошо светятся. Геика готовит треиогу и застывает у камеры в позе кота, готового сцапать беспечную мышку.

Мы с Мишей неторопливо, очень неторопливо идем к вулкану... Темнота застает нас на рубеже примерно 600 метров. Но на этих подступах к фантастическому светильнику темноты, разумеется, нет. Я делаю записи, не прибегая к свету фонарика. Миша в эти моменты бдительно следит за небом. Летящие раскалеиные бомбы сейчас хорошо видно. Большая часть из них падает на светящийся,

мерцающий множеством огоньков конус. Удар больших бомб выбивает сноп искр и светлые клубы газа. Вулкан работает в ровном режиме. Сильного ветра нет, и границу падения бомб хорошо видно—это как раз подошва горы. Но так же как и снаряды, бьющие по квадрату, могут лететь дальше, чем нужно, эти бомбы по каким-то законам тоже делают перелет и падают в ста примерно шагах от места, где мы стоим. Они падают с характерным шлепком мягкого вещества. Подбежать бы и глянуть: что там, на месте падения? Но ноги не хотят делать ни шагу вперед. Идя навстречу нашим желаниям, крупная бомба, сделав большую дугу, падает сзади. Но и туда почему-то бежать не хочется. Стоим как вкопанные. Каски сейчас не лишни: мелкое вещество размером с лесной орех сыплется нам на головы, щекочет спины и заставляет фотокамеры держать за пазухой. Но каски мешают видеть, что происходит над головой. А видеть важно: от одиночной бомбы легко увернуться, отпрыгнув в сторону...

Здравый смысл давно бы должен заставить нас отступить в глубь темноты. Но какая-то сила держит на месте и даже толкает в сторону света еще шагов на пятнадцать-двадцать. В одиночку на этой грани оставаться, пожалуй, было бы трудно. Но нас двое, и кажется, что опасность от этого вдвое уменьшается.

Обращенное к вулкану лицо чувствует жар примерно такой же, как если бы заглянул в открытую дверцу печи, где полыхают сухие дрова. Но спине холодно. Тут, у вулкана, возникает местный резкий ток воздуха. И чтобы согреться, поворачиваемся к теплу то спиной, то лицом. Но спиной к противнику долго стоять неприятно. И, чувствуя, как сохнут губы, мы все-таки смотрим на усеченный светящийся треугольник и на пламя, которое из него рвется.

Описывая этот момент, я чувствую всю беспомощность слов. Они не передают и доли всего, что мы испытали. И кино, несмотря на все старания Генки, тоже не передаст. Секрет, видно, в том, что здесь, в шестистах шагах от вулкана, все чувства предельно обнажены: слух, зрение, осязание. Запах газа тоже делает свое дело. Прибавьте к этому «перец» вполне ощутимой опасности, и станет понятным выражение вулканологов: «Это надо увидеть...»

Возле вулкана «покорителем природы» человек себя не почувствует. Грозное величие извержения, возможно, тем как раз и пленяет, что человек не в силах тут ни вмешаться, ни изменить что-либо. Он может лишь наблюдать. По силе воздействия на чувства явление это не с чем сравнить. Слова «фейерверк», «иллюминация» ничтожно слабы, чтобы ими воспользоваться.

Из великих явлений природы, какие мне самому посчастливилось видеть, можно назвать Антарктиду—огромное пространство без единой темной точки на нем. Можно вспомнить стада животных в африканской саванне—от горизонта до горизонта. Гигантский каньон в Аризоне... Но по силе воздействия на чувства все это можно поставить лишь после того, что видишь сейчас...

Час ночи. Мы не уходим. Мы просто не в силах уйти. Вулкан не держится одной ноты—все время видишь оттенки чего-нибудь нового. Вот пошла полоса выбросов до белизны раскаленной

породы. К красноватому свету газов и пепла прибавляется яркий свет, от которого иаши фигуры бросают длиииые теии. А вот потекла лава. В щербину иевидимой иам стороиы коиуса оиа течет иепрерывно. Но сейчас глубинные силы бросают лаву высоко вверх. Искрящимися полотеицами оиа стекает по всем стороиам коиуса...

И все же надо идти — три часа иочи.

— Я остаюсь,— решительио заявляет Геииадий.— Хочу поснимать еще утром, когда солнце будет вот тут...

Мы с Мишей спускаемся в лагерь при мощиом свете, отражеиом от облаков. Дорожку хорошо видно. Видно даже мышоика возле тропы, иеизвестио как уцелевшего и иеизвестно куда бегущего. От привычки к красиому свету звезды в простраиствах между облаками почему-то кажутся иам зелеиыми.

«Ну, а все же опасиое это дело?» В Москве при разговоре почему-то каждый счел иужным это спросить. Ответ для всех: коиечио, чувство опасиости было. Не зря же профессию вулканологов отиосят к числу профессий, где надо созиательио рисковать. Но вот что говорит иам статистика. За всю историю Камчатки от извержения вулкаиов ие погиб ни одии (!) человек. А сколько людей погибает у нас ежедневио в милых комфортабельиых «Жигулях»?!.

Следы

Оставлеииая нам иа попечеиие полевка, кажется, была вполие довольиа житьем в коробке из-под свечей. Мы решили: возьмем в вертолет и выпустим в подходящем для иее месте. Но, вериувшись под утро в лагерь, увидели: коробка повалеиа ветром и полевка исчезла. А может быть, вовсе ие ветер, а сова увидела сверху добычу...

У вулкана я собрал по крупицам в блокиот все, что касалось животиых. Как пережили оии извержеиие? Каким было их поведеиие?..

Извержение было, конечио, бедствием для всех тут живущих. Зарегистрирована гибель нескольких сот олеией, смерть которых иаступила от химического отравлеиия и «иаполиеиия желудка мехаиическими частицами» — ели с пеплом траву и мох. (В Исландии при таких же обстоятельствах пало семь тысяч овец.)

Сколько погибло тут мелких животиых, трудио сказать. Мы иаходили убитых орешками шлака белок, мышей и малеиьких птиц. А сколько погибших скрыто от глаза под слоем шлака и пепла?! Тундряных куропаток извержение застало в момеит, когда оии были с птеицами. Все, кто видел июльские пеплопады, рассказывают: куропатки садились иа землю, как оии это делают во время тихого снегопада, и замирали...

Все, кто мог сохраиять подвижиость и для кого удары шлака ие были губительиы, остались живы. Но поведеиие животиых было иеобычиым. Ослаблеииые и, видимо, сбитые с толку быстро

менявшейся обстановкой, они почти совсем перестали бояться людей. Я записал много случаев, когда белки н мышн прнбегали к палаткам найти убежище. Зверькн бралн пищу и воду нз рук н оставались с людьми. Так же покорно вел себя переживший бедствне соболек.

Собака Вулкан, жнвшая в лагере ученых, во время сильных пеплопадов не отходила от человека. Пес скулил, старался спрятать голову у чьнх-нибудь ног, не сопротивлялся, когда ему надевалн (совсем не для смеха) каску.

Особенно сильно звери н птицы страдалн от жажды. На многие километры не осталось ии каплн воды. К остатку озера — лужице величиной с одеяло, каким-то чудом уцелевшей в заносах пепла, слеталось много маленьких птиц. Кислую воду эту мы брали мыть посуду, а птицы прилетели сюда пить.

Место возле Толбачика очень богато дичью. Было здесь много оленей, медведей, лисиц, соболей, зайцев, белок, кедровок, сов, мелкнх птиц н маленьких грызунов. Любопытно, что вся эта жнвность ие поспешила немедленно выйти из зоны бедствия. Даже на девятой неделе со дня извержения на свежих выбросах мы видели следы зайцев. Кедровки совершали свой обычный облет полузасыпанных пеплом кустарннков. Медведей видели близ вулкана в такое время, когда благоразумне должно было бы увести их в более безопасное место. Миша Жилии, бывший тут в первые днн, рассказал: «Под вечер мы виделн четырех. Они проходили вблизн от конуса, присыпанные белым пеплом. Как призраки...»

Возможно, что звери держались привычных мест обитания н потому не спешили их покидать. Привычных осенних путей миграции явно держались н медведи. Когда в реке Камчатке начался ход рыбы, медведи с разных сторон двинулись к месту промысла. Некоторые из них не пожелали обойти лаву, а решительно пересекли поток там, где даже смелый человек побоится ступить на корочку чуть затвердевшего горячего вещества.

Еще более ннтересно другое.Само нзвержеине — грохот н факел огня — животных, как видно, ие очень пугало. Они проявляли даже явное любопытство. Следы медведя были замечеиы в непосредственной близости от вулкана. Зверь шел прямо к конусу и повериул, когда нос, возможно, уже припекло жаром. Пес Вулкан, с которым Юрнй Дубик провел иочь, наблюдая за конусом 2, сидел рядом с человеком много часов в одной позе, не сводя глаз с огня. (Дубик: «Я поразился его терпенню. Зрелище пса явно занимало».)

Ночью, находясь от вулкана в полукилометре, мы с Мишей Жилиным услышалн странные посвисты. Сначала решили, что это новая музыка кратера, но потом почувствовалн: звуки живые и иарастают. Стайка куликов пролетела между вулканом н местом, где мы стояли. Через час примерно все повторилось. Потом еще, с той только разницей, что летели не кулики, а какие-то мелкие птнцы.

Днем, оглядывая подступы к вулкану, мы обнаружили несколько мертвых птнц. Одна лежала с подветренной стороны бомбы, две другие были полузасыпаны шлаком, от четвертой по шлаку

стлались лишь желтоватые перья. Какая сила влечет пернатых на опасную близость к огню? Можно предположить, что птицы летят на свет извержения, подобно тому как стремятся они на свет маяков. Факел вулкана виден в ночи на десятки километров.

«Самыми жизнестойкими оказались муравьи, комары, ну и, пожалуй, люди,— смеясь сказал один вулканолог.— Если бы летом спросили, что тут страшнее — вулкан или комар, все бы сказали: «Комар!»»

Мы комаров уже не застали. А муравьев видели. У лагеря 9 большие черные муравьи с философским спокойствием строили из пригнанных ветром хвоинок свой маленький конус-дом. Сантиметров на десять поднялся домишко. В тот вечер мы отступали, а муравьи продолжали держать позицию в шести метрах от лавы. «А может, они правы?» — сказала Аэлита Разина. Увы, через день муравьиного домика на земле уже не было.

А в день отлета мы видели редкое зрелище. Ожидая, когда появится вертолет, бродили в полузасыпанном, призрачно светлом лесу и вдруг услышали крик воронов. Взобравшись на холм, увидели птиц. Их было три. Они летали над лавой. Нет, они не охотились, они просто парили в потоках восходящего воздуха. В один конец пролетели километра четыре, вернулись, снова прошлись над лавой. Но этого им показалось мало. Они направились прямо к вулкану и, что бы вы думали, стали парить вблизи извержения газов и пепла! Временами они исчезали в ошметках летевшего шлака. Но мы их видели снова. Не махая крыльями, птицы взмывали и опускались, ничуть не страшась извержения. Вороны наслаждались возможностью покупаться в быстрых струях восходящего кверху тепла... Это последнее, что мы видели, прощаясь с вулканом.

Сентябрь 1975 года.

Том Мид

Косатки Идена

Главы из книги

От автора

Эта книга рассказывает о Дэвидсонах и косатках бухты Туфолд. Александр Дэвидсон приехал в Австралию в середине прошлого века, по профессии он был столяр. Знаменит он, однако, тем, что стал китобоем, положив начало промыслу, которым его сыновья и внуки занимались потом в течение восьми десятилетий. Джордж Дэвидсон, последний из китобоев Идена, был еще жив, когда я начал писать эту книгу; к сожалению, он не дожил до ее окончания...

Когда в 1932 году Джордж Дэвидсон убрал в чулан свои гарпуны и пики, он оставил поистине уникальное ремесло. Конечно, в XX веке прибрежный китобойный промысел превратился в малодоходное дело, но Дэвидсон прекратил его только после того, как лишился главного своего козыря — стан косаток, которая была ему необходима так же, как свора тренированных овчарок гуртовщику.

Рассказ об этих косатках чрезвычайно интересен сам по себе. Животным нередко приписывают чуть ли не человеческий разум, однако китообразные подобной чести в прошлом не удостаивались. А тут косатки проявляли несомненные и удивительные умственные способности. Но еще удивительнее, что такие способности были присущи, по-видимому, одной стае, которая на протяжении почти ста лет из сезона в сезон обитала в бухте Туфолд.

Иден — единственное место в мире, где люди использовали косаток для охоты на китов. Наивысших почестей удостоился самец Том — его скелет и поныне хранится в небольшом городском музее.

Роль косаток в описываемых событиях я проверял со всей возможной тщательностью. Большинство фактов было получено от Джорджа Дэвидсона и его жены, их дочери Сары и невестки Анны, кое-что дали старые подшивки иденских газет. Дэвидсоны с готовностью пояснили, что́ в дошедших до наших дней легендах правда, а что́ преувеличено, и буквально каждое газетное сообщение подтверждало их искренность.

В наши дни охота на китов ведется с мощных китобойных судов, гарпуны начинены взрывчаткой, ими стреляют из специальных пушек. Давно миновало время, когда промысловики отправлялись в море на весельных шлюпках, гарпунили китов вручную и вручную же добивали пиками. И уже никогда больше люди не будут добывать китов в союзе с косатками, как в течение многих лет делали Джордж и другие в бухте Туфолд.

Год 1874

Большая перемена кончалась, когда в гомон школьного двора проникли какие-то крики со стороны улицы. Джордж Дэвидсон,

крепыш в коротких штанишках, вскочил на ноги и стал прислушиваться.

— Что там? — осведомился другой парнишка, лежавший рядом на траве.

— По-моему, кит,— отозвался Джордж.

— Ерунда. До сезона еще далеко.

— Отец говорит, ему и раньше случалось охотиться на кита в мае. Смотри, Чарли, народ бежит к маяку. Что-то стряслось...

Чарли тоже встал и бросил взгляд в сторону мыса Мидл-Хэд. Ясно были видны фигурки бегущих людей, доносились их возгласы: «Дава-ай, дава-ай!..»

В Идене это слово могло означать только одно — погоню за китом. Стоило ему прозвучать, начиналось всеобщее возбуждение, прекращались любые дела. Люди оставляли недопитое пиво на стойке бара, недоеденный обед на столе, чтобы принять участие в бешеной гонке за право занять лучшее место на гребне прибрежных скал. А шлюпочным командам поспешность была необходима вдвойне. Отдать концы с задержкой в несколько секунд значило отстать на несколько ярдов от вельбота соперника и упустить кита. По неписаному закону, кит достается тому, кто первым загарпунит его и удержится на буксире, пока не прикончит добычу.

Далекие крики притягивали Джорджа Дэвидсона словно магнит. Он опрометью промчался через школьный двор и протиснулся сквозь дыру в заборе.

— Я с тобой,— заявил Чарли.

Имлей-стрит была пуста, если не считать трех-четырех телег и бричек: лошади, привязанные к столбикам у тротуаров, убежать не могли. Мальчики неслись со всех ног — сначала под гору мимо гостиницы к бухточке Снаг-Коув, где китобои держали шлюпки, а затем мимо лодочных сараев и вверх по тропинке к маяку. Джордж надеялся, что отец наверняка здорово опередил соперников: в самом начале сезона ему было легче быстро собрать опытную команду гребцов. Вдова Баркли, владелица конкурирующего промысла, сейчас могла рассчитывать лишь на более или менее случайную команду, за исключением разве что своего постоянного гарпунщика Боба Лава. И действительно, с гребня скалы мальчишки увидели обе шлюпки, которые мчались в открытое море, но одна обошла другую ярдов на триста.

— Это он, это он! — завизжал Джордж, подпрыгивая от радости.— Баркли ни за что не догонит!..

— Десять против одного,— орал здоровенный парень с копной курчавых черных волос,— десять фунтов против одного, если кто-нибудь хочет поставить на лодку Баркли!..

— Глядите, кит! — крикнул Джордж, указывая на точку ярдах в двухстах перед вельботом отца, где море вспенилось и вверх взметнулся туманный столб воды. Джордж уже не впервые видел такое — кит поднялся на поверхность подышать. Мальчик разглядел отца у рулевого весла. Тот, видимо, просил гребцов поднажать еще чуть-чуть: от скорости зависело теперь все. Позади Боб Лав на своей шлюпке отчаянно пытался наверстать упущенное. С востока

шли небольшие донные волны, легкий северо-восточный ветер срывал с них барашки. Пять пар рук налегали на пять весел. И тут кит ударил по волнам огромным хвостом и мгновенно нырнул.

— Косатки наседают,— пробормотал Джордж.— Видел, как Том едва в воздух не выпрыгнул?

— И Джексон с ними,— заметил Чарли.— Я его только что узнал...

Какое-то время не видно было ни кита, ни косаток, которые нырнули вслед за ним. Потом косатки показались вновь. То одна, то другая перекатывалась с боку на бок, как морская свинья, выпуская фонтаны воды, словно отмечая направление, которое выбрал удирающий от них кит. Остальные дельфины держались в глубине, загоняя кита обратно в бухту, едва он устремится в открытое море. Джордж знал, что шансов улизнуть у кита немного: даже если он сумеет оторваться от преследователей, в миле от берега его поджидает еще один отряд косаток.

С той поры, как Джордж вообще стал что-то понимать в окружающем мире, он часто размышлял, каким это образом косатки дают китобоям знать о движениях кита под водой, одновременно отрезая ему путь к спасению. По-видимому, эти удивительные существа неведомым способом поддерживали между собой связь, подчас на расстоянии многих миль; но еще поразительнее, что иногда они пытались прямо-таки общаться с людьми в шлюпках, давать им какие-то указания.

— Что-то Хампи не видно,— сказал вдруг Джордж.

— Разрази меня гром!— воскликнул высокий матрос, стоявший неподалеку. Он подошел к ребятам поближе и оглядел их с головы до ног.— Как же вы, чертенята, различаете этих проклятых косаток на таком расстоянии?

— Просто мы их всех знаем, мистер,— ответил Джордж.— Во-первых, у них у всех разные плавники. У Тома спереди он острый, а наверху круглый вырост. У Стрейнджера длинный прямой плавник со скошенным верхом. У Бена тоже длинный прямой, но остроконечный, а у Хуки плавник свисает набок, чуть не до воды достает. Вы ведь матрос с того корабля у причала?

— Ну да.

— И никогда раньше косаток не видели?

— Косаток-то? Встречал, сынок, встречал во многих морях, но никогда не видел, чтобы их держали как охотничьих собак или дрессированных тюленей. Чтобы они помогали людям ловить китов и чтобы их величали по именам — это уж...

— Вон он появился,— закричал кто-то.

Кит всплыл на поверхность почти под самым носом вельбота Дэвидсона: по крайней мере так казалось издали, хотя фактически кит был, вероятно, ярдах в пятидесяти.

— Кончено!— завопил Джордж, подскакивая, как мячик.

— Нет еще, Джорджи,— осадил его старик, занявший почетное место в первом ряду зрителей. Это был Джек Грэхем, много лет ходивший за китами вместе с отцом Джорджа, пока ревматизм и преклонный возраст не заставили его отказаться от непосильного

труда.— На своем веку,— продолжал он,— я не раз видывал, как киты удирали из-под самого нашего носа...

— Этому не удрать,— заявил Джордж уверенно.— Вон уж Сэм привстал с гарпуном...

Вельбот замедлил ход, и передний гребец, поспешно поставив весло торчком в гнездо рядом с уключиной, схватил гарпун и изготовился для броска. Джордж сразу узнал в нем Сэма Хэднгэди, одного из «темнокожих», работавших у отца. Из аборигенов получались хорошие китобои. Они гребли, как черти, глаза у них были ястребиные, а метать гарпун в огромную тушу кита им, привыкшим поражать копьем маленьких придонных рыбок, казалось детской забавой.

На мгновение Сэм застыл с гарпуном, занесенным над правым плечом. Затем, после броска, четыре остальных гребца принялись яростно табанить, поднимая тучу брызг. Раненный гарпуном кит взмахнул хвостом и нырнул. Шлюпка рванулась вперед, как бешеная, вздымая носом длинные дуги пены, Джордж вновь заметил отца — тот стоял на корме, сжимая рулевое весло. Теперь от рулевого зависело все: кит мог резко повернуть, описать полный круг и даже всплыть под днищем, и малейшее неточное движение рулевого привело бы к несчастью.

Восточное побережье Австралии

Остальные пять весел были теперь подняты. Когда загарпуненный кит тащит вельбот на буксире, весло, оставленное в воде, способно развернуть лодку бортом к направлению движения — с печальным исходом. В благоприятный момент Сэм перехватит у Джона Дэвидсона рулевое весло, а тот перейдет на нос, чтобы прикончить кита ударом пики в самое уязвимое место — футах в трех позади бокового плавника.

Многие непосвященные недоумевали, зачем же шкипер меняется местами с гарпунщиком, а не предоставляет ему самому закончить дело. Но так повелось с незапамятных времен. Передний гребец метал гарпун, а шкипер правил лодкой до тех пор, пока не приходило время перейти на нос, чтобы добить кита ударом пики.

Боб Лав со своей командой далеко отстал от стремительно мчащейся шлюпки Дэвидсона н все же упорно двнгался вперед. Неровен час, кит освободится от гарпуна и направится им навстречу. Нн одна шлюпка не прекращала погони лишь потому, что сопернику удалось загарпунить кита. Тот поминутно всплывал, преследуемый косаткамн; онн ни на секунду не оставляли жертву в покое, выпрыгнвая нз воды, преследуя ее, как свора охотничьнх псов. Время от времени онн даже кидалнсь киту на спину, едва он появлялся на поверхности.

— Что это они все прыгают н прыгают на кнта, а, Джордж?— спросил Чарли.— Они же не могут ничего сделать!..

— Отец думает, что онн прыгают на дыхало, чтобы не давать ему дышать как следует. Ну, а другие проплывают у него под головой, мешая нырнуть...

— Черт возьми!—вмешался матрос, тот, что заговаривал с мальчиками раньше.— Вы что,всерьез? Может, ваши косатки еще н читать н писать умеют?..

— Да, мистер, вот именно, онн н читают неплохо,—бросил Джордж, отходя в сторону. Пронсходящее на море слишком захватило его, чтобы ввязываться в спор.

Кит наконец решил повернуть на юго-восток, н Джордж увидел, как шлюпка отца что есть духу несется к мысу Саут-Хэд. Вскоре она превратилась в точечку, маячнвшую в двух с лншним мнлях от берега. Затем кит, по-видимому, остановился, вода вокруг него забурлила н вспенилась. Все, кто наблюдал за охотой с утеса, затаили дыхание. Несколько напряженных мгновений показалнсь им вечностью. Но вот вода успокоилась, н вельбот вновь двинулся вперед, на этот раз по шнрокой дуге.

— Взяли на пику,—прокомментировал Джордж с явным облегченнем.— Закружил...

— Что, что?—переспросил матрос.

— Закружил. Пошел плыть кругамн. Так у них всегда перед смертью.

Толпа на скале одобрительно ревела, н чуть не громче всех крнчал парень, предлагавший парн.

— Ты что?—спросил у него старый Джек Грэхем.—Можно подумать, добрую сотню фунтов положил в карман. Но ведь не нашлось никого, кто поставил бы на команду вдовы, так или нет?

— Так-то так, Джек. Но я все равно рад, что Дэвидсон хорошо начал сезон...

Через две-трн минуты шлюпка Баркли н еще одна, плывшая вслед на всякий случай, нагнали победителей. Затем все трн шлюпки повернули к берегу. Очевидно, кита поставили «на флаг», прикрепнв к туше буи. Если бы китобон взяли его на буксир, то ползли бы как улитки, а не делалн бы четыре-пять узлов, как сейчас. Джордж знал, что косатки просто не позволили бы людям сразу же подгонять тушу к берегу. Таков был безмолвный уговор: дельфнны требовали вознаграждения за услугн. Теперь онн тащат кита на дно и будут там пнровать, выедая у гиганта язык, губы н другие лакомые кусочки. Через пару дней, когда в туше скопятся

газы, она всплывет, и ее можно будет беспрепятствеиио отбуксировать в Идеи для переработки.

Когда вельботы подошли к берегу, мальчики были уже у причала. Ухватившись за край плаишира, они помогли вытащить лодку из воды. Джон Дэвидсои уже собирал сиаряжение, как вдруг заметил сына.

— Ты что тут делаешь, Джордж? — спросил он строго. — Почему ие в школе?

— Да ие сердись ты, Джои, — вступился за мальчика старый Джек Грэхем. — Ты в его возрасте поступил бы точно так же...

Год 1878

В гостииой горел камин. Миссис Дэвидсои гиала младших — Арчера и Бойда — спать, а те, как водится, заявляли, что еще рано. Маргарет тихо шила в уголочке, а Джордж устроился иа корточках перед камииом и прислушивался к неторопливой беседе мужчин.

— Чертовски холодно сегодня, — заметил китобой Алекс Грайг. — Не хотел бы я в такую иочь искупаться...

— Самая обыкновенная зимняя июльская ночь, — отвечал Джои Дэвидсон, протягивая руку за спичками и зажигая одну из иих. Но тут же замер, ие донеся горящую спичку до трубки. — Что это? — спросил ои, выпрямляясь в кресле и настораживаясь. — Ты что-иибудь слышал, Алекс?

Секунду-другую все молчали. Джордж тоже навострил уши, ио едииствеиным звуком, раздававшимся в иочи, был шум прибоя.

— Странно, — произиес Джои Дэвидсон, выронив догоревшую спичку и доставая из коробка иовую. — Мне померещилось, будто косатки преследуют горбача. Да иет, ие померещилось. Вот опять!..

Теперь уже сомиеваться не приходилось. В тишиие иочи разиеслось характериое «у-у-уу» — голос горбача, преследуемого косатками. Имеиио горбача. Голос чериого кита был гораздо тише и напоминал приглушеииый рев быка. А вот где-то миого ближе прозвучала серия резких отрывистых хлопков.

— Дава-ай! — закричал Джон Дэвидсои, вскакивая с кресла и устремляясь к двери. Ои сорвал с вешалки куртку и шапку, рывком распахнул дверь и кинулся в темиоту. — Кит! Сэм, Чарли, быстро иа воду! Дава-ай!..

Послышался топот иог, в окнах соседнего дома вспыхиул свет, замелькали фигуры людей. Берт Пеирит выбежал с сапогами в руках и теперь скакал по траве, пытаясь иатянуть их на ходу. Когда шлюпки отчалят от берега, думать о сапогах будет уже иекогда. Ладно, что пока еще ие ложились спать. Появись кит глубокой иочью, времеии иа сборы и вовсе ие осталось бы: дай бог штаны иадеть.

— Пошевеливайтесь! — торопил Джон Дэвидсон. — Джим, тащи фоиарь! Алекс, ты где? Возьмем только две шлюпки, твою и мою...

Джордж сбежал по тропинке к самой черте прибоя. Сердце отчаянно билось от возбуждения. С подветренной стороны мыса Саут-Хэд раздавался голос кита, а между мелью и устьем речки по-прежнему слышались хлопки — это косатки выпрыгивали из воды и шлепались на ее поверхность плашмя. Если стая загоняла кита ночью, то бо́льшая часть дельфинов окружала его, не позволяя уйти, а два-три спешно плыли к берегу и специально шумели, привлекая внимание китобоев. Людям оставалось лишь следовать за косатками, легко различимыми даже самой темной ночью благодаря фосфоресцирующим следам на воде. В конце концов удивительные эти создания всегда приводили китобоев к тому месту, где обнаружили и окружили кита.

Не прошло и десяти минут с начала тревоги, а обе шлюпки уже миновали устье реки и направились вслед за косатками на северо-восток. Джордж по приказу отца устроился на носу баркаса. Впереди плыли три дельфина, хотя в темноте и нельзя было разобрать, какие именно: перед шлюпкой двигались три одинаковые светящиеся полосы. Иногда они превращались в дуги, которые приближались к лодкам чуть не вплотную,— дельфины словно поторапливали охотников. Время от времени то одна, то другая косатка в нетерпении выпрыгивала из воды и с шумом шлепалась обратно, выбрасывая фонтаны светящихся капель; мгновенный серебристый блеск — и снова мрак ночного моря. Джордж пока был просто пассажиром. Пятеро гребцов сидели на своих обычных местах, отец стоял на корме у рулевого весла.

Ни одна ночь не бывает столь черна, чтобы не различить вокруг вообще ничего. Как только глаза Джорджа привыкли к темноте, он заметил и вельбот Алекса Грайга, шедший левее и чуть впереди. Потом он перегнулся через борт, чтобы полюбоваться мелкими серебристыми волнами, которые вельбот вздымал на черном бархате залива; среди серебра мелькали яркие синие и фиолетовые блестки. Море, к счастью, вело себя довольно спокойно. Ветра не было, только легкая зыбь.

Джон Дэвидсон приказал людям грести как можно бесшумнее, но не в ущерб скорости. Пока других шлюпок не было видно, хотя кто же поверит, что в городе не слышали рева горбача. Так или иначе, но Джон Дэвидсон рисковать не собирался: в тихую ночь голоса на воде разносятся далеко. Ведомые тремя косатками, китобои беззвучно и быстро гребли, огибая мыс Мидл-Хэд, и старались держаться подальше от опасных камней. Каждые две-три минуты доносились громкое дыхание и рев кита — все ближе и ближе.

— Косатки, наверное, загоняют его в северную бухту, хозяин,— прошептал Сэм Хэдигэди.— Похоже, здоровый горбач.

— Разве угадаешь? — откликнулся Джон Дэвидсон.— Видывал я и малюток, которые ревели, как великаны. Поневоле заревешь, когда Том со своими ребятами начнет с тобой в салки играть...

— Пока не видно, хозяин? — спросил Элф Гардинер.

— Нет еще,— ответил Дэвидсон.— Иди-ка сюда, Джордж, и возьми рулевое весло. Я перейду на нос.

Осторожно, но уверенно Джордж перебрался на корму и взял рулевое весло, а отец встал на носу, опершись о борт и вглядываясь во мрак. Они обогнули мыс, слегка отставая от лодки Грайга.

— Держи чуть-чуть мористее, Джордж,— проронил отец из темноты.— А ну, поднажми, ребята! Навались!..

Вдруг неподалеку, ярдах в двухстах, раздался глухой всплеск, и косатки, служившие проводниками, рванулись вперед.

— Похоже это он,— произнес Элф Гардинер.— До денежек теперь рукой подать...

Две косатки подплыли к шлюпке вплотную, круто повернули и снова ушли вперед. Возбуждение, не покидавшее Джорджа с той минуты, как он выбежал из дому, казалось, еще поднялось, и вдруг он понял, что здорово испуган. Не раз и не два наблюдал он за охотой с берега и страстно мечтал принять в ней участие. Но теперь, на борту вельбота, вблизи огромного животного, понял, что чувствовал бы себя намного спокойнее, очутись он сейчас на твердой земле. Правда, для четырнадцатилетнего мальчика пост у рулевого весла был немалой честью. Джордж вдруг отдал себе отчет в том, что жизнь отца и всех членов команды находится буквально в его руках, сжимающих длинное весло.

Он уже видел кита, вернее, гигантское фосфоресцирующее пятно перед шлюпкой Грайга, а вокруг переплетались световые полосы, оставленные косатками. Мальчик почти не слышал ни скрипа уключин, ни натужного дыхания гребцов, ни шума волн, плещущих о дощатые борта вельбота: все заглушал стук собственного сердца. Отец давал какие-то отрывистые указания. Джордж различал на носу очертания его фигуры, но жаждал лишь одного — чтобы наступил день и стало видно, что делает кит. Ужасная мысль вдруг пришла в голову: что, если кит неожиданно повернет и поднырнет под лодку?

— Возвращайся на нос, Джордж.— Голос отца прорезал звенящую тишину.— Приготовь гарпун и будь начеку,— добавил он, когда они поменялись местами.— Греби легче, ребята. Кит должен всплыть где-то поблизости...

Джордж до боли сжал гарпун в правой руке. Слева шла шлюпка Грайга. Послышался голос Алекса:

— Готовься, Фред. Мы почти над ним. Греби помалу...

И тут Джордж вновь увидел фосфоресцирующее пятно. Оно поднималось из глубины прямо на них с устрашающей скоростью.

— Назад, отец!— завопил Джордж.— Табань!..

Повторять команду не пришлось: гребцы заработали веслами изо всех сил В ту же секунду черная вода взметнулась ввысь исполинским искрящимся фонтаном.

— Стоп!— крикнул Джон Дэвидсон.— Так держать! Дай ему, Джордж!..

Одно долгое мгновение Джордж смотрел, окаменев, на неясную громаду — от кита его отделяли каких-то пятнадцать футов. Воздух с шумом вырывался из ноздрей — кит спешил отдышаться, видимо понимая, что на поверхности задерживаться нельзя. Косатки налетали на него со всех сторон, как свора псов, пытающихся

свалить оленя. Кит, такой огромный и страшный, одним взмахом могучего хвоста мог бы разнести шлюпку вдребезги. Джордж сжал гарпун обеими руками, поднял его над головой, уперся ногой в борт и швырнул что было мочи.

Реакция кита была молниеносной. Хвост его взвился вверх и ударил по воде с оглушительным плеском. Джон Дэвидсон прокричал что-то вроде: «Держись, кому жизнь дорога!..» Лодка плясала на волнах, как сумасшедшая, ведь кит нырнул совсем рядом. Канат, прикрепленный к гарпуну, со свистом стал убегать через носовой клюз. Джордж скорчился на дне, полагая, что в нужный момент отец остановит бег каната, накинув петлю на кнехт. Хорошо еще, что море было спокойным: даже на мелкой зыби шлюпка, казалось, то и дело взлетала вверх. От каната по воде тянулась резкая огненная черта. Джорджу никогда не доводилось видеть столь завораживающего зрелища.

Более получаса носились они на буксире у кита, направляясь то в открытое море, когда гиганту удавалось ненадолго оторваться от косаток, то обратно в залив, когда стая под водой вынуждала свою жертву повернуть к мелководью или прибрежным скалам. Один раз кит сменил курс так круто, что в шлюпке всех окатило с головы до ног. Рубашка у Джорджа промокла насквозь, он дрожал от холода. Выбегая в спешке из дому, он забыл взять куртку.

Гребцы встретили нежданный душ ругательствами.

— Опять этот мерзавец Том,— заявил Элф Гардинер, вытирая с лица соленую воду.— Ручаюсь, это он. Кончится тем, что в один прекрасный день он прыгнет прямо к нам в лодку.

— Да перестань ты ворчать,— оборвал его Джон Дэвидсон.— Капля доброй морской воды тебе не повредит. Да и кит-то уже почти наш. Иди на корму, Джордж, бери весло.

Они вновь поменялись местами: Джордж ухватился за рулевое весло, отец встал на носу с пикой наготове. Кит явно уставал, в любую минуту могла представиться возможность добить его.

— Готовь весла!— послышалась команда.— Греби! Подруливай, Джордж. Так держать! Нажми! Табань! Еще нажми!..

Новая огромная волна чуть не захлестнула вельбот. Косатки атаковали все настойчивее, выпрыгивая из воды и кидаясь на кита, движения которого постепенно слабели.

— Сближаемся,— распорядился Джон Дэвидсон.— Не так близко, Джордж. Он может еще хорошо наподдать...

Джордж повел лодку футах в пятнадцати вдоль тела кита, потом развернул ее носом к туше.

— Хорошо,— одобрил отец.— Так держать!..

Пика полетела в темноту и глухо стукнула кита в бок. Джордж, конечно же, во всем полагался на отца и все же не мог побороть страха: если пика не попадет в цель, кит разбушуется и тогда хлопот не оберешься. На всякий случай вельбот отошел назад, но кит не шелохнулся, лишь косатки продолжали вздымать тучи брызг. Джордж с облегчением перевел дух. И гарпун и пика попали в цель. Кит был мертв.

Возбуждение улеглось. Джордж отпустил рулевое весло и вгляделся в добычу. Горбач оказался крупным, примерно пятидесяти двух футов. Средняя длина горбачей футов на семь меньше. Этот был почти вдвое длиннее вельбота и, разумеется, во много раз тяжелее.

— Достань сигнальный фонарь, Джордж,— сказал отец.— А ты, Элф, зажги его...

Джон Дэвидсон никогда не разрешал зажигать в вельботе фонарь, даже глухой ночью, пока охота не кончится. Опасностей хватало и без риска разлить горящий керосин по дну шлюпки, несущейся на буксире у кита. Элф Гардинер зажег фонарь и передал Джону Дэвидсону. Тот высоко поднял его.

— Ну что ж, за этаким стоило погоняться,— заметил Берт Пенрит, глядя на огромную тушу, покачивавшуюся рядом со шлюпкой. По другую сторону туши раздавался назойливый плеск — это метались косатки.

— Неужели ночью будем тянуть к берегу, хозяин? — осведомился один из матросов.— До дому миль пять...

— Да нет,— ответил Джон Дэвидсон.— Косатки не дадут, готовьте буи и веревки.

Ориентируясь по свету фонаря, к ним подошел вельбот Грайга, и обе команды около часа усердно трудились, закрепляя буи и опознавательные флажки. Наконец Джон Дэвидсон сказал:

— Ну, до утра можно его оставить.

Но задолго до того, как они доплыли до маяка, руки и ноги Джорджа начало сводить от холода. Он не жаловался, сидел тихо, поджидая, когда же дядя Джим, узнав, что идут вельботы, зажжет на маяке огонь. Казалось, прошло много часов, прежде чем по левому борту появился свет. Ни отец, ни другие китобои не подозревали, каково состояние Джорджа, пока шлюпка не причалила. Все вышли на берег, а он остался сидеть.

— Пошли, Джордж,— бросил отец неторопливо.— Вылезай. Нечего там прохлаждаться.

Мальчик попытался подняться, но руки и ноги онемели и отказывались служить.

— Не могу, папа,— прошептал он виновато.

Только тогда Джон Дэвидсон сообразил, что с сыном неладно.

—Что с тобой? Ты заболел?

— Нет,— выдавил Джордж, стуча зубами.— Мне холодно, папа. Наверное, судорога...

— Помоги-ка, Бобоу,— попросил отец одного из матросов.— Кто-нибудь дайте фонарь...

Китобои начали массировать Джорджу руки и ноги, но и это не дало результата. Пришлось Джону Дэвидсону взять сына на руки.

— С характером парнишка,— заметил Берт Пенрит, возвращаясь к шлюпкам, чтобы вытянуть их на берег.— Чуть вовсе не замерз, а ведь ничего не сказал...

— Черт, а не парень,— согласился Бобоу.

— То-то я удивился,— сказал Элф Гардинер,— когда хозяин

послал его на нос гарпунить кита. И на руль поставил. Малый, пожалуй, еще пошустрее своего отца, а это что-нибудь да значит…

Если бы Джордж мог услышать этот разговор, то, несомненно, голова у него закружилась бы от гордости. Но сейчас его беспокоило только одно: как встретит нх мать.

— Господи!—воскликнула она, сбежав с крылечка.—Что стряслось, Джон? Что с Джорджем? Ты не имел права брать его с собой в такую иочь! Я так н знала, что с ним что-нибудь случится. Он ранеи…

— Да не волнуйся ты,—отвечал муж.—Ничего с ним не случилось. Все в порядке. Просто он не взял куртки, и его свело от холода, только и всего…

Джорджа виесли в дом и усадили на стул подле огня. Дядя Джнм стащил с него рубашку, а мать принесла одеяло. Затем его тело стали растирать полотенцамн. А отец даже заставил его выпить рому.

Усилиями всей семьи Джорджа удалось наконец отогреть. Он лег в постель, смертельно уставший.

— Ну что, папа, получилось у меня?—пробормотал он, когда отец заглянул в комнату.

Джон Дэвидсон остановился в дверях.

— Во всяком случае ты не промахнулся, сынок. Спокойной ночи…

Год 1881

Прошел еще один китобойный сезон, и еще один, н Джордж неожиданно обнаружил, что уже прошел стадию ученичества и работает наравие со взрослыми. Отец к тому же заметил, что его сын прекрасио знает повадкн косаток, а иногда даже интуитивно чувствует, что они предпримут. Особого страха Джордж не испытывал, ио и безрассудством он не страдал и к тому же обладал редкой способиостью моментально принимать решения. Джон Дэвидсон уже собрался сделать сына старшнм на вельботе, если, конечно,другие китобои не восстанут против такого юного командира. А тут как-то подошел к нему Алекс Грайг.

— Нам потребуется несколько новых работников, Джон,—сказал Алекс.—И лучше бы нанять их в Сиднее, в порту. Может, они н барахло, но ие хуже тех двух местных, что ходили со мной в прошлый раз. Те были так ленивы, что самих себя нз-за борта не вытащили бы…

— А я все про Джорджа думаю,—признался Джон Дэвидсон.—Сдается мне, он сможет командовать вельботом. Только как другие на это посмотрят? Будут ли ему доверять?

— Я бы не волновался,—ответил Алекс.—Джордж—способный парень. Отношения у него со всеми добрые, да и рулевым он уже походил порядочно…

Из Сиднея Джон Дэвидсои вернулся с тремя новобранцами. Норвежец Питер Лиа, высокий блондин, улыбался по малейшему поводу и вечно напевал что-нибудь себе под нос—в вельботе, в

мастерской, где вытапливали китовый жир, на ступеньках веранды, где сидел вечером с Чарли, младшим сыном Дэвидсонов. С Питером приехали Дик Гэтли, коренастый крепыш, и Том Эрл, тихий человек, который, казалось, и затесался в среду китобоев по ошибке.

Вечером Том Эрл частенько поднимался на прибрежный утес и сидел там до темноты, глядя на море. Он явно получил неплохое образование, выделялся манерами, одеждой, речью. Алекс Грайг предположил, что это какой-нибудь маменькин сынок, ищущий приключений. Джон Дэвидсон ответил:

— Кто бы он ни был, придется ему тянуть лямку наравне со всеми.

Неделя шла за неделей, забот хватало помимо родословной Тома Эрла. Джордж добил пикой первого своего кита — небольшого горбача — и отбуксировал домой с такой гордостью, словно тот был сделан из чистого золота. Отец воспринял успех Джорджа сдержанно, зато восторгам сестер — Маргарет, Элси и Джини — не было границ и юноша для них вновь разыграл всю сцену охоты, забравшись в лодку и швырнув пику в мертвого кита.

— Подожди хвастаться, пока не добудешь столько, сколько отец,— осадил Джорджа его младший брат Бойд.— В будущем году я сам покажу тебе, как надо охотиться...

— Ты? — переспросил Джордж.— Да тебе и селедки не поймать!

Если Джордж лелеял мечту поймать в первый же свой сезон рекордное число китов, то его ждало разочарование. За несколько последующих недель китобои не добыли ничего. Но вот однажды вечером с мыса Саут-Хэд донесся крик дозорного. Джордж был в этот момент возле дома, отец и Алекс — внизу у шлюпок. Это давало им возможность вырваться вперед ярдов на восемьдесят, хотя при поспешном отплытии команды смешались и оба опытных шкипера очутились в одном вельботе.

— Давай, ребята! — исступленно кричал Джордж, когда шлюпка огибала мыс.— Не дадим обогнать нас! Сэм, Чарли, нажимай!..

Но все было тщетно: расстояние между шлюпками не сокращалось. Тем временем кит уже дважды всплывал набрать воздуху, второй раз всего лишь в четверти мили по курсу.

— Это черный кит,— сообщил Джордж команде.— Красавец! Не жалей сил, ребята! Мы еще можем нагнать их!..

Джордж немного отклонил рулевое весло: по правому борту он наметанным глазом заметил плавники двух косаток, следовавших за китом.

Затем между вельботами вклинились еще два плавника — один остроконечный с небольшим круглым выростом, второй чуть склоненный набок.

— У нас гости,— сказал Джордж,— Том и Хуки.

Косатки начали описывать вокруг шлюпок широкие круги. Чуть подальше, в двухстах—трехстах ярдах, Джордж разглядел еще двух дельфинов и, недолго думая, направил лодку в их сторону. Потом он увидел, что в переднем вельботе Алекс Грайг вытащил весло из воды и встал на носу.

— Готовься, Сэм!—распорядился Джордж, и Сэм Хэдигэди тоже поднялся с гарпуном в руке.

Раздался резкий взрывной звук, и в ста ярдах по курсу из бурлящей воды показалась исполинская черная туша; она перекатывалась с боку на бок в тщетных попытках отбиться от пяти или шести косаток, наскакивающих справа и слева. Том и Хуки сразу же кинулись прочь от шлюпок, на помощь своим сородичам. А Алекс замахнулся, прицелился... Гарпун сверкнул над водой, как молния, но бросок оказался неудачным: крюк вместо того, чтобы впиться в широкую спину кита, соскользнул к хвосту. Кит стремительно нырнул, гребцы Джона Дэвидсона налегли на весла. Берт Пенрит выругался: теперь придется попотеть.

— Оставайся на носу,— приказал Джордж Сэму Хэдигэди.— Хода не сбавлять! Они лишь кольнули его в хвост. Попытаемся всадить еще один гарпун.

Джордж решил рискнуть и идти под углом к тому курсу, которым кит тянул вельбот отца. Пусть только кит повернет в море, как это

чаще всего бывает, и, если повезет, Джордж с командой очутится вблизи точки, где кит всплывет подышать. Неспроста дельфин Том устремился именно в этом направлении.

— Держу парн, что Том прав н кит будет здесь! — крикнул Сэм с носа, разгадав маневр Джорджа.

— Если он такой умный, пусть сядет на мое место погрести,— проворчал Пенрит.

— Брось ему буксирный канат,— сказал Том Эрл и рассмеялся.

Несколько мннут греблн молча. Джордж держал курс, орнентируясь по шлюпке отца н плавннку Тома. И когда кит всплыл на поверхность, Сэм не промахнулся.

— Табань! — крикнул Джордж.

Теперь помимо атакн со стороны кита, дважды ужаленного гарпуном, надо опасаться случайного столкновения с другим вельботом.

— Травн побольше каната. Пойдем у них в кильватере,— распорядился Джордж.

Канат уже несся сквозь носовой клюз. Когда шлюпка отошла на достаточное расстояние от другой, канат закрепилн н приготовились к длнтельному плаванню на буксире.

— Норовнстый попался,— сказал Сэм.— Он еще даст жнзни. Попомните мон слова...

Кит продолжал тянуть за собой оба вельбота, упорно стремясь в открытое море, несмотря на усилия косаток заставить его повернуть. Почти стемнело. А кит не только не проявлял прнзнаков усталости, но, казалось, плыл все быстрее, уводя вельботы все дальше от землн — пять миль, восемь... Сумерки сгустились, стал виден фосфорнческий след кита, а когда тот нырял в черную глубину — светящиеся стрелки канатов.

И тут донесся отчаянный крик:

— Джордж, руби канат, мы запуталнсь!..

Вельбот сразу же уменьшил ход. Это Сэм в мгновение ока схватил топорик и перерубил канат, натянутый как струна.

— Налегай! — крнкнул Джордж гребцам.— Нам надо...

Что он хотел сказать, так н осталось неизвестным: раздался оглушительный треск, затем сильный всплеск н крики. Гребцы замерли с поднятымн весламн. У Джорджа кровь застыла в жилах от ужаса. В безлунной ночн не удавалось ничего рассмотреть, но н без того было ясно, что кит потопил вельбот Джона Дэвидсона и люди очутились в воде. Кто-то — вероятно, Бобоу — ревел, как раненый буйвол, кто-то взывал о помощи.

— Где вы? — крикнул Джордж в темноту.

Вельбот медленно подвнгался вперед.

— Вот один! — воскликнул Сэм.— Табань!

На носу послышалась возня, шлюпку качнуло, кого-то втащили через борт. Судя по говору, это был Бобоу.

— Держитесь вместе! — опять крикнул Джордж.

Кто-то догадался бнть рукамн по воде, чтобы спасателн обнаружили его по фосфорнческому свечению. Другой сам подплыл к шлюпке, и сильные руки втянули его через борт.

— Бобоу, Уитти н Элф Гардинер,— подвел нтог Пенрнт.— Осталнсь еще трое...

Джордж был в отчаянии: голос отца он не слышал нн разу. Он снова крикнул в темноту в надежде, что отец отзовется.

— Сюда, Джордж!— донесся голос Алекса Грайга.— Быстрее! Онн повернулн на голоса. В воде слабо засветилось туманное пятно.

— Поднимите его,— судорожно выдохнул Алекс.

Уронив рулевое весло, Джордж схватил Грайга за руку, другие китобон втащили в шлюпку еще кого-то.

— Это хозяин,— сказал Бобоу.— Он ранен.

— Да не ранен я,— простонал Джон Дэвидсон.— Обломком шлюпкн стукнуло по ногам, вот н все. Помогите Алексу.

Когда Алекс н Джон Дэвидсон кое-как разместились в тесной шлюпке, провелн перекличку.

— Не хватает Пнтера Лна,— сказал Джордж.— Пнтер, где ты?..

Молчанне. Некоторое время онн продолжалн поиски, аукая и вглядываясь в ночь. Напрасно. Кругом было зловещее безмолвне. Питер Лна нсчез.

— Придется плыть к берегу,— предложил наконец Джон Дэвидсон.— Надежды больше нет.

И онн направились домой, доверяясь только ннстннкту: в небе не проступало нн звездочки. Пора было подумать об нх собственном положении. Одиннадцать человек в шлюпке, расчитанной на шестерых, за много миль от дома. Все вокруг было погружено в такой мрак, что друг друга узнавалн только по голосам. Счастье еще, что море оставалось спокойным. Из-за перегрузкн вельбот осел так, что борт возвышался над водой лишь на два дюйма.

Постепенно разобрались, что же, собственно, пронзошло. Кит, по-видимому, неожиданно остановился, развернулся н всплыл точно под шлюпкой. Ощутив на спнне киль, ударнл по ней хвостом.

— Разрубнл вельбот пополам,— сказал Алекс.— Хорошо еще, что Джон успел за меня схватиться. Что сталось с Пнтером, не знаю. Боюсь, не зацепнло ли его хвостом. Он сидел как раз там, куда пришелся удар.

Ннкто ничего к этому добавить не мог. Лна не виделн после столкновения с китом. Элф прнзнался, что слишком заботился о собственной шкуре. Бобоу добавил, что было темно, как в аду, н он решил прыгнуть за борт, когда дьявол поднялся нз ада. То лн Питера убило наповал, то ли он запутался в канате н кит утащил его за собой в пучину. Немало китобоев погнбало именно так. Пеньковый канат, прнвязанный к гарпуну, а значит, к разъяренному киту, может захлестнуться петлей на ноге нли даже на шее. Когда лодка разбита и канат, свернутый в бухту, разматывается в считанные мгновения, может случиться что угодно.

Прошли часы, прежде чем вельбот с угрюмыми китобоямн приблизился к берегу и стал слышен слабый шум прибоя. Джордж повернул к северу: по его предположениям, онн находились чуть южнее бухты Лезерджекет. Вот-вот должен был забрезжить огонь,

который старый дядя Джнм поддержнвает всю ночь на скалнстом выступе мыса Саут-Хэд...

— У меня было предчувствне,— пробормотал Джим, не дав им еще н ступить иа берег.— Точно, было предчувствие. Джон сильно ранеи?

Стоять Джон Дэвидсои не мог. Китобои уложилн его иа землю и принялись осматривать ноги, определяя, нет ли переломов. Только теперь, при свете костра, онн смогли впервые за много часов разглядеть друг друга. У многнх оказалнсь раны и ссадны, но хозяин пострадал, видимо, сильнее всех.

— Это был самый большой черный кит, какого я когда-лнбо видел,— рассказывал он старику, облокотившись на мешки, свалеиные у огня.— Бьюсь об заклад, что больше шестидесяти футов н вдобавок злой, как черт. Том со всей своей стаей не мог остановить его. Он уходил н уходил в море, хотя, думаю, когда налетел на нас, уже порядком устал. Это, может, было его последнее усилне.

— Может, н так,— согласился Алекс.— Хотя, судя по тому, как он нас трахнул, сил у него еще оставалось немало.

— Да он, наверное, уже мертвый там, в море,— сказал Джон Дэвидсои.— А если нет, то вот-вот сдохнет. Надо подождать до рассвета н пойти за ним.

— Ну что ж, я пойду,— вызвался Джордж.

— Ты не в своем уме, но я все же пойду с тобой,— заявил Алекс.

Последовало молчание, иарушаемое лншь потрескиванием костра. Больше добровольцев не оказалось.

— За такого можно фунтов четыреста выручить,— продолжал Джон Дэвидсон, пытаясь, видимо, соблазнить китобоев возможностью хорошо заработать.

— Мне ничего не нужно, хозяин,— сказал Бобоу твердо.— Нн за какне деньги я туда ие вернусь.

— С меня, пожалуй, на сегодня тоже хватит,— призиался Пеирит.— Где там чай? Тащите его сюда...

Том Эрл сумрачно смотрел в огонь, не произиося нн слова. Налил себе кружку чая н побрел с ней иаверх, к старой маячной башне. Отхлебывал поиемножку, прислоняясь к стене. Потом допил чай н, подняв с землн железный костыль, прннялся что-то высекать. Ннкто не обращал на него виимания. Трещал огонь, костыль скрежетал по камию. Наконец Эрл отбросил его прочь. Джордж, который уже клевал носом в полудреме, вздрогнул от звона железа н поднял голову. Костер вспыхнул ярче,н он увидел слова, которые Эрл высек в каменной кладке:

«Памяти Питера Лна, двадцати двух лет, убитого китом 28 сентября 1881 года».

Год 1906

И вновь наступила осень. Листья на деревьях в саду Дэвидсонов пожелтелн, потом побурелн, н западные ветры срывалн нх н бросалн в жухлую траву. Все предвещало раннюю знму. И косатки

появились в бухте чуть ие на месяц раньше обычного. Если оии вернулись из Антарктики, зиачит, и киты уже перебираются к северу. В эту осеиь вслед за косатками в бухту вошел и стал иа якорь пароходик под названием «Джеини Лайид». На палубе пароходика были два вельбота, и капитан Янг — по виешности типичный морской волк — объявил во всеуслышаиие, что прибыл в Идеи добыть кита.

— Кита? — переспросил Джордж Дэвидсон, услышав эту иовость от зиакомого рыбака. — Ну что ж, посмотрим. Если в этих краях отыщутся еще киты, годные для промысла, то ловить их буду я.

— Кита? — удивилась жеиа Джорджа. — Одного кита? Но почему одного?

— Пока не зиаю. Завтра поеду в город и все выясню. Но если он думает, что я захочу от него откупиться, то жестоко заблуждается.

На следующий деиь Джордж отправился в Иден. На прощание жеиа иапомиила ему, что ни бухта Туфолд, ни примыкающий к ией райои океана не являются его личной собствеииостью. И тем не меиее Джордж был иастроеи агрессивио. Подплыв иа шлюпке к «Джеиии Лайнд», ои зло уставился на моряков, перегнувшихся через борт, на снасти, иа вельботы и иакоиец спросил:

— Кто здесь капитан?

— Капитаи в городе, — отвечали с палубы. — А вы мистер Дэвидсои?

— Вот именно.

— Рад с вами позиакомиться. Я — Джонс, первый помощник капитана. Капитан Яиг собирался иавестить вас, ио, раз вы едете в город, вероятио, встретите его там, скорее всего в гостинице. Он сказал, что заглянет туда.

— Спасибо, — ответил Джордж. — Может, и впрямь увидимся.

Джордж и его люди вытянули свою шлюпку на берег иеподалеку от причала и поднялись иа гору к гостинице. Впереди шли Джордж и Алекс, за иими Бобоу, Берт Пеирит и огромный швед, по прозвищу Бычок. Компания была подобрана не случайио. Джордж с юиых лет помнил случаи, когда подобные переговоры с появившимися в порту заезжими китобоями оканчивались жестокими побоищами. Входя в гостиницу, Джордж иарочно придержал дверь, чтобы широчеиные плечи Бычка ясио вырисовались в дверном проеме.

— Привет, ребята, — встретил их хозяии гостиницы, ои же бармеи, Дейв Крайтои. — Не видел вас уже иедели две...

— Заияты были, — буркнул Алекс.

— Иди-ка сюда, Джордж, — позвал бармен. — И ты тоже, Алекс, и все ребята. Разрешите представить вам капитана Янга. Капитан, это тот самый Джордж Дэвидсои, о котором вы столько слышали.

Джордж виимательио посмотрел на кореиастого капитана и его высокого, хорошо сложеииого спутника. Янг прииадлежал к типу краснолицых весельчаков с блестящими глазами. Голос у иего был зычиый, звучал искреине.

— Мие говорили, что вы пришли сюда добыть кита, — иачал Джордж.

Янг расхохотался, откинув голову.

— Налейте всем по одной, мистер Крайтон, и себе тоже,— сказал он, кинув на стойку бумажку в один фунт.— А мне, признаться, говорили, что вы не слишком жалуете конкурентов, поэтому я и решил объясниться с вами в открытую.

— Очень приятно, но чем могу служить?

— Один синдикат предложил мне добыть кита для выставки в Сиднее.

— А эти люди не боятся, что экспонат протухнет?

— Это уж их забота. Мое дело — поймать кита, вот я и обращаюсь к вам. Прошу только об одном: чтобы все было справедливо.

— Если это так, то все и будет справедливо,— сказал Джордж.— При условии, конечно, что вы исчезнете отсюда, как только получите кита. Вот как договоримся: если появится один кит, вы будете охотиться на него сами на свой страх и риск. Если появятся два, возьмем каждый по одному, но тогда я вам еще и помогу. Только, повторяю, после этого вы уберетесь восвояси.

— Договорились,— сказал Янг.

— Ну да,— заметил Крайтон,— но вы забыли об одном обстоятельстве.

— О каком же?

Крайтон закурил сигарету и, выпуская дым, ответил:

— О косатках.

— О косатках?— удивился Янг.— При чем тут косатки?

— А при том, что они занятные твари и могут не захотеть работать на вас так, как на Джорджа. Верите ли, капитан, Джордж выдрессировал этих косаток, как охотничьих собак, а каждая собака, известно, знает своего хозяина.

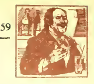
— Да бросьте вы!— Янг залился раскатистым смехом.— Косатки это вам не собаки. Оставьте свои сказки, мистер Крайтон, и лучше налейте нам еще по одной.

— А может, он и прав, капитан,— сказал Джордж, перехватив хитрый взгляд бармена.— В этом деле никогда наперед ничего нельзя сказать. Для вас во всяком случае будет лучше, чтобы появились два кита и чтобы все произошло по нашему уговору.

— Трудновато вам придется без косаток,— вставил Берт Пенрит.

— Да ну, ерунда,— беззаботно отмахнулся Янг.

— Никакая не ерунда,— сказал Крайтон.— Послушайте, что я расскажу. Может, вы тоже не поверите, так хоть запомните. Косатки приплывают сюда только на время китобойного сезона. Появляются в бухте Лезерджекет, которую поэтому называют иногда Бухтой косаток, как раз за мысом Саут-Хэд. И когда Джордж добьет кита, то часто ставит его «на флаг» именно там. Ну, вокруг туш собираются сотни морских черепах, и местные рыбаки не прочь половить их. Но вот вернуться домой с добычей трудновато. Черепах привязывают на леску, так? А косатки хватают эту леску зубами и тянут шлюпку в открытое море. Так тянут, что и не справиться с ними...



Янг опять рассмеялся.

— Я вам правду говорю,— настаивал Крайтон.— Одни считают, что косатки просто развлекаются: они любят порезвиться. Другие думают, что косатки недовольны вторжением в свои владения. Так или иначе, но они порой и за якорную цепь хватаются, едва остановишься половить. А теперь главное, о чем я хотел рассказать. Несколько лет назад у Джорджа вдруг объявился конкурент. И однажды вельбот конкурента вырвался вперед в погоне за китом. Дело происходило в миле, а то и в двух от маяка, и получалось, что Джорджу уже иипочем не догнать этот вельбот. И представьте, косатки вроде бы это поняли. Две из них подплыли к шлюпке Джорджа, словно подгоняя его, а другие выпрыгивали из воды перед вельботом конкурента, пытаясь того остановить.— Крайтон умолк и выпустил к потолку клуб дыма, с явным удовольствием отмечая, что слушатели заинтересовались.— И тогда Джордж решил поставить опыт. Он вспомнил, как косатки тянут шлюпки рыбаков, и кинул в воду носовой фалинь. В тот же миг...— Крайтон выразительно поднял подбородок и хлопнул ладонью по стойке.— В тот же миг косатки подхватили канат зубами и понеслись вдогонку за китом мимо конкурента, который будто к месту прирос. А когда до кита осталось ярдов пятьдесят, косатки выпустили канат и поплыли обратно, чтобы помочь своим сородичам задержать другую шлюпку на всякий случай. Нечего и говорить, что Джордж кита того добыл. Вот, капитан, с чем вам придется столкнуться.

Воцарилась тишина. Бобоу уставился на бармена широко раскрытыми глазами, Бычок принял скучающий вид, Джордж, Алекс и Пенрит изо всех сил старались сохранить серьезную мину, а Крайтон смотрел на Янга и его спутника с самым невинным выражением лица. Улыбка все шире расплывалась по лицу капитана, и наконец он разразился громким хохотом, к которому не замедлили присоединиться все остальные.

— Ну, скажу я вам, доводилось мне слышать разные истории об иденских косатках, но эта самая потрясающая,— произнес спутник Янга.— И я почти верю, что они действительно способны на что-то подобное.

— Я тоже,— отозвался Джордж.— Но Дейву все же следовало проявить больше здравого смысла.

— Как это понять?— осведомился Крайтон, все еще смеясь.

— А так, что в один прекрасный день кто-нибудь и вправду поверит твоим выдумкам, и мы станем посмешищем всей Австралии.

— Но ты же сам мне рассказывал, как однажды Том и Стрейнджер подхватили канат. Правда, Алекс? Ты ведь тоже слышал?

— Я рассказывал, что косатки в тот день разбаловались и Том зацепился плавником за канат, на котором мы держали кита. Только и всего.

— Ну ладно, шутки в сторону,— вмешался Алекс.— Так и быть, расскажу вам, что однажды произошло на самом деле. Мы почти не пользуемся ружьями, потому что косаткам не нравятся звуки

выстрелов. А нашн конкуренты как-то раз пальнули по киту с близкого расстояния в тот момент, когда его окружала стая косаток. Джордж ужасно разозлился н заявил, что следующего кита конкуренты пусть добывают сами, косатки нм помогать не станут. И действительно, на следующий день появились два кита. Мы пошли за одним, конкуренты — за другим. Но косаткн держалнсь только у нашей шлюпки н у нашего кита, которого мы загарпунили. А конкуренты своего упустилн: не смоглн догнать. Хотите верьте, хотите нет, но что было, то было, хотя, может, н по чистой случайности. Но я лично думаю, что все дело в цвете. Мы свон шлюпкн всегда краснм в зеленый цвет, а косатки такне умницы, что, видимо, н в цветах разбнраются. Запомнили, что зеленые шлюпкн прннадлежат их друзьям. Мы обращаемся с ннмн как с друзьямн, капитаи. Зарубите это себе на носу н не давайте никому нз своих людей обнжать косаток. Иначе мы за последствия не отвечаем.

— Такого я не допущу нн за что на свете,— сказал Янг.— Но держу парн, Дэвидсон, что косатки обязательно помогут н мне. Прннимаете пари?

— Прнннмаю,— усмехнулся Джордж.

Первый кит появился два дня спустя. Джордж уже прнкончил его н косаткн утянули тушу на дно, когда подоспела лодка Янга.

— Не повезло вам,— сказал ему Джордж.— В нашем деле надо всегда быть начеку, капитан.

— Да уж вижу,— ответил Янг.— Ничего, в следующий раз успеем вовремя...

В следующий раз местные китобон, высмотрев со своего наблюдательного пункта на вершнне мыса двух китов, далн знать об этом Янгу. Его пароход «Дженни Лайнд» стоял на якоре прнмерно в миле от мыса Саут-Хэд. Однако капитан, по-видимому, совсем не стремнлся воспользоваться пренмуществом своей познцин. Шлюпка Джорджа была уже на полпути к китам, а корабль все еще не подавал прнзнаков жнзни.

— Чего он ждет? — удивился Джордж.— Спят они там, что лн?

— Он ждет, что мы добудем обонх н подадим ему одного на тарелочке,— буркнул Пенрит, налегая на весла.— Ты о нем не беспокойся.

— Ну нет,— ответил Джордж.— Мы договорилнсь...— Он повернул вельбот к «Дженни Лайид» н окликиул капнтаиа. Когда тот появился на палубе, Джордж нетерпеливо добавил: — Косатки окружили двух китов!

Пока корабль Янга снимался с якоря, Джордж успел загарпунить одного из китов, но каиат оборвался. Тут наконец подоспела шлюпка Янга, капитан успел крнкнуть Джорджу:

— Мне брать второго?

— Нет! — гаркнул Джордж.— Сначала я добуду своего, а другой не уйдет. Кнты друг друга в беде не оставят. Вон онн н сейчас плывут рядом...

Однако Янг пренебрег советом н прн первой возможности загарпунил второго кита.

Не успели люди Янга и глазом моргнуть, как уже очутились севернее мыса Саут-Хэд. Кит все наращивал скорость, и вслед за ним шлюпка свернула в бухту. Джордж и его команда проводили взглядом шлюпку капитана и только тогда заметили, что косатки-то остались здесь, возле них!

— Похоже, что ты выигрываешь пари, хозяин,— произнес молодой китобой Артур Эшби.

— Кто бы мог подумать, а?— отозвался Джордж.— Потому-то они и унеслись с такой быстротой: косатки не задерживали их кита.— Он расхохотался.

Неподалеку в море кувыркались Том, Хуки, Стрейнджер и большинство других косаток стаи. Потеряв, по-видимому, всякий интерес к китам, они держались возле вельбота Джорджа. Алекс, который был во вспомогательной шлюпке, тоже смеялся до слез.

— Нет, вы поглядите только на старого Тома! Можно подумать, что он радуется вместе с нами.

— А все-таки надо бы пойти к ним на помощь,— сказал Джордж.— Какой-нибудь из китов может опрокинуть их вельбот... Хотя постойте! Алекс, бери курс на маяк.

Они пошли напрямую в сторону маяка в сопровождении косаток, игриво прыгающих возле зеленых лодок. Тем временем Янг и его матросы сидели в шлюпке бледные, перепуганные, думая только об одном: когда же остановится взбешенный кит? Животное сделало круг по бухте, миновало мыс и вновь направилось в открытое море, а за ним следовал второй кит с торчащим в спине гарпуном, за которым волочился большой кусок оборванного каната. Однако у маяка их теперь поджидали шлюпки Дэвидсона и стая косаток. Вскоре Джордж вновь загарпунил своего кита, а потом при поддержке своих верных «морских псов» помог Янгу справиться с другим китом.

— Черт меня возьми,— проворчал Янг, отирая с лица засохшую соль.— Хорошо еще, что дельцам в Сиднее понадобилась только одна туша, а не дюжина. Один кит, слава богу, есть — спасибо вам, Дэвидсон,— и они его получат. А если захотят еще, пусть договариваются непосредственно с вами...

— Я бы сейчас не отказался от кружки пива,— пробормотал Берт Пенрит.

— От пива?— подхватил Янг.— Ну что ж, будет и пиво. Прошу всех на борт «Дженни Лайнд». Там найдется бутылочка- другая для такого случая...

Когда наполнили кружки, Янг произнес:

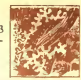
— Выпьем за китобоев бухты Туфолд! Таких бравых ребят я еще никогда не встречал. И...— он помедлил, и глаза его весело сверкнули,— за ваших проклятых охотничьих косаток. Удачи им и вам!

Год 1945

Волны лениво плескались у подножия мыса. С гребня скалы Джордж Дэвидсон и Артур Эшби ясно видели песчаное дно, темные пятна водорослей, чуть колышущиеся на волне, слышали мягкое журчание воды, когда она стекала с красных камней в нескольких футах от берега. Далеко в море, почти у края световой дорожки, проложенной ярким февральским солнцем, расплывалось дымное облако: большой корабль держал путь к острову Габо. Со стороны причала на дальнем берегу бухты доносился приглушенный грохот лебедок, прерывистое урчание дизелей на верфи и высокий вой циркулярных пил на новой лесопилке.

Был один из тех дней, когда только безнадежный нытик посмел бы жаловаться на погоду. Все было безмятежно, навевало покой. Тем труднее было представить себе, что в сущности не так уж далеко от Австралии идет одна из кровопролитнейших войн в истории...

— Надо думать, эти судоверфи сослужат большую службу городу,— сказал Артур.



— Это пока война,— буркнул Джордж.— Вот увидишь, когда войиа кончится, верфи забросят. Так было после той войиы, так будет и теперь.

— Но ведь можио строить траулеры и другие малые каботажиые суда. Как только по-иастоящему восстановится рыбиый промысел, на них появится порядочный спрос...

— Львииая доля прибыли опять прилипнет к лапам ловкачей и спекулянтов.

— Каким образом?

— А вот каким. Одии из здешних траулеров, иапример, прииадлежит букмекеру, который и моря-то в глаза ие видел. Второй — строительному подрядчику, третий — владельцу бара, еще два или три — перекупщикам из Сиднея, короче, кому угодно, только ие тем, кто ловит рыбу.

Артур усмехнулся.

— И почему это мы ие додумались до такого же фокуса, когда сами охотились на китов?

Джордж вынул руку из кармана и иетороппиво сломал веточку иа соседнем кусте.

— Да вот ие додумались.

Артур уселся иа траву.

— А знаешь, я бы с удовольствием сиова занялся промыслом.

Теперь усмехнулся и Джордж.

— Я бы н сам занялся, если бы ты присоединился ко мие и если бы можио было вернуть хотя бы часть косаток.

— Они теперь хоть изредка заходят сюда? — осведомился Артур.

— Никогда. Словно они все поняли в день, когда умер Том, а я поставил вельботы на прикол. Уже лет пятнадцать ни одной косатки, разве что изредка кит заплывет. На прошлой иеделе появились два горбача, так жеиа чуть в обморок ие упала. Вообразила, что я пойду за ними иа шлюпке с ружьем.

Артур крякнул и, опершнсь о локоть, долго смотрел иа мыс и иа море, как в те дни, когда они часами вглядывались в даль: ие взметнется ли призывио фонтан? И тогда оии сломя голову должиы кинуться под гору к шлюпкам. Джордж иа море ие смотрел, зато увидел, что во двор вышла жеиа и иачала кормить кур. Вдруг Эшби вскочил иа ноги.

— Гляди, хозяин! — Эшби ткнул пальцем куда-то в глубь бухты.— Косатки! Идут к иам от маяка...

— Черт побери! — Джордж выпрямился и обвел бухту ие утратившими зоркости глазами.— Похоже, три.

Прыгая и перекатываясь по-дельфиньи, косатки приблизились к мысу ярдов на двести, затем круто свериули в иаправлеиии города. Иногда оии исчезали, ио черсз две-три минуты появлялись виовь, выбрасывая фонтаны, похожие на китовые, с характериым звуком, иапомииавшим лошадииый храп. Как зиаком был этот звук стоявшим на берегу людям!

— Зиачит, и киты где-нибудь поблизости,— возбуждеиио сказал Артур.— Помнишь, как Том, Джексои и Хуки, бывало, приплывали

сюда н хлопалн по воде хвостамн, оповещая нас, что окружили кита?..

— Киты-то, может, н есть,— отозвался Джордж.— Только косатки уже не те. Этих мы раньше никогда не видели, Артур. Разве что тот, с прямым плавником, Бен. Он был еще молод в те днн, может, теперь привел сюда сородичей показать старые охотничьн угодья...

Сидя на веранде своего дома, Джордж Дэвидсон следил, как громада горы Имлей сливается с вечерним сумраком. Вннзу, в устье речки, изредка плескалась рыба, в сосновом лесу за домом по временам кричала птица кукабарра. И опять тншина, нарушаемая лишь рокотом прнбоя.

Последнне отблески заходящего солнца потонули в дымке, сгустившейся над вершиной горы. Джордж достал кисет с табаком, набил трубку н откинулся в старом кресле, окутавшнсь клубамн дыма. В дремоте годы покатились в обратном порядке, н вновь ожили в памяти отец, Пнтер Лиа, Бобоу, Алекс Грайг, старнна Том...

Жена вышла на веранду н взяла его за руку.

— Пошли, китобой,— сказала она нежно.— Пора спать.

Сокращенный перевод с английского
К. Сенина и В. Тальми

Время удивляться не прошло

**Послесловие к главам
из книги Тома Мида «Косатки Идена»**

Мне искренне жаль тех людей, которые потеряли способность удивляться. Удивляться новым достижениям человеческой мысли, удивляться новым открытиям в области изучения живой и неживой природы. Ведь без удивления не может быть глубокого интереса, а без него нам не устроить мир таким, каким он должен быть: радостным, разнообразным, обильным и непрерывно развивающимся по пути мира и социального прогресса.

Я начал свой комментарий к главам из повести «Косатки Идена» с напоминания о чувстве удивления не случайно. Несколько лет назад видный австралийский исследователь китообразных профессор Уильям Доубни подарил мне маленькую книжечку Тома Мида со словами: «Прочитайте, не пожалеете» — и добавил: «Все, что здесь написано, действительно было на самом деле и подтверждается многими свидетелями». Прочитал я эту книжку и ахнул: мы скрупулёзно описываем случаи контакта одиночных дельфинов с купающимися в море людьми, обсуждаем возможности контактов с дельфинами и китами в океане, а тут буквально в наше время, в XX веке, существовало целое охотничье объединение людей с косатками и все это как-то прошло мимо внимания специалистов. И все же это происходило именно так: были совместные охоты китобоев и группы тренированных косаток на крупных усатых китов у побережья Австралии, подробно описанные в приведенных выше главах из книги. Были реальные связи между людьми и косатками, объединенными единой целью добыть китов. Я не буду пересказывать содержание книги — читатель, несомненно, с удовольствием сам познакомился с публикуемыми главами,— но я хочу несколько подробнее рассказать о дельфинах-косатках (*Orcinus orca L.*) и вообще о проблемах, связанных с приручением и использованием диких животных человеком.

Сначала о косатках. Не так давно, лет двадцать назад, о косатках сложилось только одно мнение: это самые свирепые и кровожадные обитатели океана. Теперь их репутация существенно дополнилась: косатки ныне считаются едва ли не самыми сообразительными — и дружелюбными по отношению к человеку! — дельфинами. Когда в океанариумах только начинались первые общения с косатками, тренеры подходили к ним с опаской, и даже простое плавание человека в бассейне с хищниками считалось чуть ли не подвигом. Теперь положение изменилось. Изумленная публика в океанариумах Японии, Австралии, Америки, Европы наблюдает, как косатки несут на своих спинах дрессировщиков, как человек целуется с косаткой, как маленькая человеческая голова скрывается в громадной пасти животного. Все эти и другие трюки я наблюдал сам в крупнейшем океанариуме США «Морской мир» (г. Сан-Диего, Калифорния). Руководители океанариума рассказывали, что их «морская звезда» — косатка по имени Шаму, которой, кстати, уже 9 лет и которая была найдена в свое время на берегу океана в беспомощном состоянии и спасена людьми от гибели, ныне совершает дважды в год перелеты через весь Американский континент из Калифорнии во Флориду, в другой океанариум этой же компании, чтобы флоридская публика могла также полюбоваться на чудеса, выделываемые «морской звездой».

Конечно, за последние годы косатки не стали менее прожорливыми. По-прежнему в научной литературе цитируется известный случай, когда в желудке

одной косатки обнаружили останки 12 тюленей. Появилось также несколько специальных работ, посвященных питанию косаток, и в том числе документально подтвержденные сообщения о нападении косаток не только на усатых китов, но даже и на кашалотов в Антарктике. Отмечены случаи схваток косаток с гигантскими акулами. Считают также, что малые полосатики — усатые киты длиной около 10 метров — служат главной, а не случайной пищей косаток в водах Антарктики. Во всех наблюдениях подчеркивается факт коллективной охоты косаток, то есть неопровержимо доказано существование у них высокой степени организации внутри группы, с развитой системой оповещения — сигнализации, соподчинения и прочими атрибутами группового иерархического поведения.

Косатка (по-английски «killer-whale» — «кит-убийца») — один из самых высокоразвитых видов морских млекопитающих, показывающий удивительную пластичность в поведении: от дружелюбия и прямых контактов с человеком в условиях неволи и сравнительного одиночества (в океанариумах редко бывает вместе более трех косаток) до организованного нападения на самых крупных млекопитающих океана. Таким образом, все наши научные знания принципиально не исключают той удивительной ситуации, которая описана в главах из книги Т. Мида. Впрочем, надо быть объективными и сказать при этом, что в описываемом Т. Мидом союзе людей с косатками не менее важную, а может быть, и гораздо более значительную роль играло разумное поведение самих китобоев. Именно китобои впервые сознательно использовали способность косаток останавливать китов и естественное стремление хищников поживиться ослабленным и раненым китом.

Итак, наша литература о китообразных пополняется интересным и в некоторых отношениях уникальным описанием содружества людей и косаток. Такое охотничье содружество было, несомненно, и между нашими предками и предками современных собак, такое содружество лежало в основе приручения хищных охотничьих птиц — искусство, почти утраченное ныне. Такое содружество документально известно в отношении рыбаков и дельфинов, загоняющих в нужном направлении стаи рыб. Еще больше примеров подобного сотрудничества человека и животных, наверное, остаются неизвестными широкой публике. Мы, занятые повседневными заботами и несколько ослепленные нашими техническими достижениями, иногда забываем о том, что на заре возникновения Человека разумного, *Homo sapiens*' а, само это возникновение было связано и шло параллельно с приручением и использованием множества видов диких животных. В Древнем Египте антилопы были молочными и мясными домашними животными; до широкого распространения кошки как мышелова в Европе были столь же обычными домашними животными ласки; еще киевские князья держали в качестве охотничьих животных гепардов, и рассказы о боевых львах и слонах, «состоявших на вооружении» древних армий,— вовсе не выдумки. И таких примеров немало.

На пути к современной цивилизации человечество потеряло многое из того, что было приобретено за тысячелетия активного сосуществования человека с живой природой. Ученые сейчас говорят о «неолитической революции», происходившей 10—20 тысяч лет назад. Это был период широкого приручения животных для хозяйственного использования их в разных целях и окультуривания ряда видов растений. «Неолитическая революция» имела большое значение для развития человечества. Без такого *овладения окружающей средой* человек не смог бы стать человеком сегодняшнего дня. Я говорю об этом здесь потому, что в последнее время намечаются некоторые симптомы оживления интереса к, казалось бы, ушедшим в далекое прошлое знаниям. Сейчас перед человеком стоит задача спасти от уничтожения значительное число видов животных и растений, вытесненных

из природы цивилизацией, количественно многократно возросшим человечеством.

Будущее коммунистическое общество предполагает не оскудение живой природы, а ее обогащение, сохранение и умножение качественного многообразия жизни, окружающей среды. Без этого человек не сможет долго и счастливо жить на нашей планете. И в решении этой грандиозной задачи переход к одомашниванию (хотя бы частичному) многих видов животных, которые ранее считались «дикими»,— один из путей их сохранения и рационального использования. Все эти проблемы будут решаться гораздо успешнее, если нам будет больше известно наблюдений, подобных описанным в бухте Туфолд на западном побережье Австралии.

Доктор биологических наук
А. В. Яблоков,
председатель секции охраны животных
Научного совета АН СССР по проблеме
«Биологические основы освоения,
охраны и реконструкции животного мира»

Валерий Зуев

Трасса к Гилюю

Рассказ

Лучи неяркого сентябрьского солнца дробились в завивах речной струи, вскипавшей на каменистом перекате, бликами отражаясь на черном, покрытом пятнами лишайников срезе береговой скалы, круто поднимавшейся над быстрой рекой. Скала венчалась небольшим куполообразным возвышением, и на нем, у края обрыва, замер сохатый. Вся его фигура воплощала силу и покой. Высокие мускулистые ноги твердо держали крупный, плотный, словно литой, корпус. Густая коричнево-бурая шерсть, покрывавшая спину, бока и живот зверя, переходила на шее в клочковатую жесткую бороду, придававшую лосю величавый, патриарший вид.

Уже многие годы лось был хозяином и этой скалы, и тайги, подступавшей с правобережья к каменистому перекату, и поросшего сочными травами пойменного луга, лежащего выше по течению, где береговые откосы расходятся и река делает несколько крутых излучин.

Другой берег сохатый не считал своим владением. Там была марь — болото, поросшее жесткой, режущей губы осокой да мелкой кустарничковой березкой. Обоняние раздражали резкие запахи, ноги беспрестанно вязли во мху и болотной жиже.

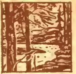
Лишь изредка, в погожие осенние дни, после долгих летних дождей, пронизывающих влагой даже густую лосиную шерсть, приходил сохатый на обрыв реки под стройную лиственницу и стоял, вглядываясь в заречные дали, чутко улавливая доносящиеся издалека трубные звуки свадебных песен соперников, давно уже изгнанных им из своих угодий.

Вот и теперь, слегка наклонив голову с короной мощных рогов, смотрит он на бескрайний простор заречья, на синеющие вдали гряды сопок.

Сентябрьские утренники уже выжелтили листву березняка, зажгли огненные факелы осин, нежно позолотили кроны лиственниц. Пересвистываются молодые рябчики, уже подросшие, но пока еще держащиеся выводками около своей заботливой мамы-курочки. Изредка над рекой появляются стайки уток: родители, готовясь к дальнему пути, облетывают своих питомцев.

И мелодичное попискивание рябчиков, и свист утиных крыльев, и ропот речной струи — все было знакомо и привычно слуху лося.

Но вот в эту гамму звуков вкрался какой-то новый, пока еще чуть уловимый, но совсем не знакомый. Чуткие уши зверя дрогнули. Еще мгновение сохатый стоял в той же спокойной позе, лишь чуть более напрягши мускулы, и вдруг вскинул голову: налетевший порыв ветра донес звенящие удары. «Бамм, бамм, бамм!» — звучало где-то далеко за марью. Один из отростков рога



задел сук лиственницы, и на сохатого струей потекла нежно-желтая хвоя, ложась на спину, шею, придавая шерсти золотистый оттенок. Но сохатый не замечал ничего, весь обратясь в слух. Инстинкт подсказывал зверю, что подобные звуки может издавать лишь рука человека. И медленно, как бы нехотя, сохатый сошел со скалы, похожей на пьедестал, и легким, упругим шагом направился в глубь зарослей прибрежного березняка.

— Прилетите в Тынду, сразу идите в штаб экспедиции,— напутствовал нас начальник отдела изысканий.— Там уже ждут не дождутся вас. Сроки горят.

То, что сроки горят,— это и так ясно. Уже лето в разгаре, а мы еще только пакуем багаж. Но почему сроки горят именно из-за нас — вот что было непонятно. Только приехали с трассы на западе, как «горит» уже трасса на востоке.

Было бы в году 24 месяца, да все летние, да с хорошей погодой, то и тогда бы, наверное, не успевали управляться.

— А мы не должны быть рабами обстоятельств. Следует сознательно выбирать себе работу,— говорил о сложившейся ситуации Алексей Звонарев, мой соратник по предстоящему делу на «горящей» трассе. Знакомы с ним мы были всего несколько дней, но подобных советов я уже успел получить немало. Напористая деловитость Алексея меня удивляла, так как он всего лишь несколько месяцев назад окончил институт и вроде бы не мог еще приобрести практических навыков. Но, так или иначе, я вскоре почувствовал, что попал в крепкие и, нужно сказать, надежные руки. Нам с удивительной быстротой, без всяких проволочек выделили новейшие приборы, ранее тщательно лелеемые кладовщиком, новую спецодежду, палатки, блещущие синим и зеленым верхом. Отправив багаж, мы через несколько дней добрались до Тынды.

...В широком распадке, между его склонами, покрытыми стройными, как свечи, лиственницами, стоят добротно срубленные дома. Распадок — долина таежной речки — вливается в еще более широкую долину крупной реки, подступающей вплотную к крайним домам. Тут же, под домами, белые песчаные пляжи, намытые рекой, чуть подальше — галечниковая коса. На противоположной стороне — старица, где с кряканьем полощутся утки.

На пляже нежатся под солнцем ребятишки, время от времени ныряющие в реку и с визгом выскакивающие из обжигающе-холодных струй, отливающих зеленоватой синевой, что присуща потокам, бегущим от горных ледников. Ледников здесь нет, а река набирает свою синеву от талых вод вечной мерзлоты, процеженных плотным фильтром каменных россыпей, войлоком трав.

У галечной россыпи, пристроившись на плоских вершинах больших камней, чернеющих над поверхностью воды, стирают белье женщины.

Но мы — изыскатели, и воображение подсказывает нам совсем иную картину. Крайний ряд домов поселка потеснился: берег реки оконтурила насыпь железной дороги. Ажурный железнодорожный

мост, соединяющнй берега рекн. За рекой рельсовый путь дробится н образует целую сеть — железнодорожный узел. Гудкн локомотнвов, грузы, пассажнры.

Когда мы разыскали начальннка экспеднцин Петровнча, он с дружеским рукопожатием поволок нас в комнату, служившую ему резнденцией, столь энергнчно, что даже Алексей растерялся.

На столе, прнютившемся у окна, лежала карта с нанесенной на нее трассой. Начннаясь у станции БАМ, трасса красной линнен поднималась вдоль нзгнбов рекн Ольдой к ее верховьям, скользя между возвышенными леснстымн увалами, перепрыгнвала хребет Янкан, сбегала с него, вдоль маленьких речушек с поэтическнми названиямн — Пурнкан, Геткан подходнла к реке Тынде н шла вниз по теченню то одним, то другнм ее берегом. Недалеко от места слняния Тынды с Гилюем трасса веером расходилась: на север — к далекому Чульману, на запад — к Байкалу н на восток — к Тнхому океану.

Трасса пролегает через множество ручьев и речек. Здесь лягут мосты. И для каждого нз ннх нужны данные об уровнях воды, скоростях течення. Вот здесь-то слово за иашей гидрологнческой партией.

Петровнч, прнложив палец к трассе чуть севериее станцнн Бам, медлеино провел нм вдоль красной линнн, довел до точки пересечения с Гилюем и многозначительно взглянул на иее.

— Вот здесь вы должны быть к концу лета. С запада на трассе — ленннградцы, с востока — новоснбнрцы. Еслн мы не выйдем к переходу через Гилюй, образуется разрыв в месте стыковкн. Ясно?

— Будем, если дадите человек десять рабочнх, повара н завхоза,— безапелляционно заявил Алексей.

Петрович мельком взглянул на него, хотел, видно, что-то сказать, но промолчал, только неопределенно хмыкнул.

— Трудновато,— с сомненнем заметил я.

— Нужно,— строго подытожил Петровнч.— Даю вам вездеход, рабочих самн наберете. Завхоз подъедет позже. Время от временн вертолет буду прнсылать с продуктамн.

Тайга клубилась всемн возможными оттенкамн зеленого цвета. Через два дня езды с небольшими остановками для отдыха, измученные тряской, добралнсь мы до верховьев маленькой речки Нюкжи, откуда нам предстояло двнгаться вдоль трассы. Вездеход, доверху загруженный экспедиционным нмуществом, тяжело переваливаясь на рытвннах, полз по узкой просеке, проложенной вдоль трассы. Как ни спешили мы со сборами, все же канитель с получением нмущества, добычей недостающнх прнпасов, закупкой продуктов, наймом рабочнх задержала нас еще на пару недель, столь иедостающнх обычно в конце нзыскательского сезона.

После суматохн последннх дней появилась наконец возможность спокойно осмотреться, поближе познакомиться с теми, кого объединил наш маленький отряд.

Алексей, выйдя из вездехода, сдвинул брови и начал по обыкновению строгим голосом отдавать распоряжения, как приступить к разбивке лагеря. Но наши рабочие, первыми выскочившие из кузова, и без его указаний сноровисто разбирали имущество. Были они из местного эвенкийского зверосовхоза, исполнительные и аккуратные. Самый крепкий из них на вид — Петя. Осенью ему придет призыв в армию, вот он и решил поработать в летние месяцы с изыскателями. Он потомственный охотник — промысловик, тайга для него — дом родной.

Стал разводить костер наш повар Петро, черноглазый богатырь, обладающий помимо завидной физической силы еще и немалым чувством юмора. Мягкий украинский акцент сразу выдавал его национальность. До встречи с нами Петро работал в другой изыскательской партии, но, по его словам, не поладил с начальством.

— Орет, як скаженный,— коротко отозвался он о начальнике этой партии.

Отошли в сторону и о чем-то тихо разговаривают две подружки — Вера и Нина, жительницы Тынды. Приехали на каникулы домой из Иркутска, где учатся в техникуме. Отправились с нами посмотреть мир, а заодно и деньжат заработать. Присел на кочку Серафим — самый старший и опытный из нас. Вместе с ним мне приходилось мокнуть и мерзнуть лет десять назад на северных реках, и уже тогда у него за плечами было немало сложных экспедиций. Серафим — страстный рыбак, ищущий и ловящий рыбу везде, где только можно. Обычный девиз рыбаков: «Была бы рыба, а уж мы ее поймаем» — в его устах звучал так: «Была бы вода, а рыбу я найду».

Вот и сейчас его серые глаза внимательно присматриваются к течению ручья, а мягкие черты лица, тронутого оспинами, отражают напряженное раздумье. Встав с кочки, Серафим окинул нас взглядом и, убедившись, что его помощь пока не нужна, пошел к воде, на ходу вынимая из кармана намотанную на коробок леску.

Из вездехода не вышла только Галка — второй наш инженер. Она пристроилась в углу кабины отдохнуть с дороги. Как и Алексей, она только что окончила вуз, но по характеру — его полная противоположность. Светловолосая, светлоглазая, всегда спокойная, она не любит распоряжаться, вообще как-то выделяться. У нее свой талант, порой даже с лихвой компенсирующий отсутствие организаторских способностей,— музыкальный слух и приятный голос.

А вот и водитель нашего вездехода Володя Каплинский, невысокого роста, с тонким профилем. Слегка прищурив серые глаза, сосредоточенно протирает ветошью дверцы кабины, капот и крылья машины, заляпанные грязью, а на его темном пиджаке с блестящими пуговицами ни единого пятнышка. Всегда элегантен, аккуратен, в доброжелательном настроении. Кончил свою работу, подошел к ребятам, ставящим палатку, подвинул колья, что-то поправил, и палатка стала сразу ровнее и приятнее.

Лагерь разбили на поляне возле ручья. Местность поражала своей дикой красотой. Ручей вытекал из-за увала, огибая который

делал крутую излучину. Выше нзлучины долина ручья сужалась, образовывая глубокий каньон с обрывнстыми склонамн, сложенными мрачным, красновато-бурым камнем. По обрывам каньона лепились тоненькие лиственницы. Ниже ручей терялся в густом кустарнике, из которого в отдельных местах проглядывалн замшелые вершины камеиных глыб. Здесь и там пламенелн куртины цветущего шиповника. Пологие склоны долины пестрели разнотравьем. В мочажинах, у выхода грунтовых вод, бросались в глаза нзумрудные пятна водолюбов. А вокруг — тайга. Стройные буровато-коричневые стволы лиственниц, увенчанные пышной н одновременно прозрачной кроиой, кряжистые ели. По опушке, вдоль ручья, отдельными группами росли невысокие березы н осины.

Быстро поставили палатки, сколотили из тонких прямых лиственничных стволов стол и скамейки, иатянули тент — вот и столовая. На перекладине, укрепленной между двумя рогатулямн, повесили новенькие, блестящие пока котел н чайннк. Жарко запылал костер из сухого валежника. Синеватый дымок легким облаком расходился над поляной н таял в ветвях деревьев.

Пользуясь хорошей погодой, мы, не теряя времени, взялись за работу. Я пошел с нивелнром вниз по течению ручья и дальше по реке. Серафнм занялся съемкой участка под будущий мост, а Алексей направился с нзмерениямн вверх по ручью.

Первые днн на новом участке всегда трудные. Сказывается н новнзна обстановки. Ведь на свете нет двух однనаковых речек. У каждой свои «черты характера», свой норов — то обрывистый берег, то стремительное течение, то километровые разлнвы. Нужно ко всему этому приспособиться, чтобы быстрее и проще произвести измерения. Еще труднее «притираются» друг к другу характеры людей, вчера еще не знакомых, а сегодня идущих одной тропой, связанных одной целью. И не только связанных, но н завнсящих друг от друга и в работе, и в отдыхе. Ведь вокруг тайга. Нн магазнна, ин кино, нн милиции. И нужно быть особенно честным н одновремеино требовательным и к товарищам, с которымн труднишься, н в особенности к себе. Иначе возникнут трещинки, которые, разрастаясь, развалят не только коллектив, ио н работу. А у нас временн в обрез. Все это понималн, но, как довольно быстро выяснилось, по-разному.

Однажды после ужина у мерцающего костра иеспешно обсуждали мы планы на ближайшие днн. Серафим готовил к засолке харнусов, составляя весьма сложную смесь из листьев багульника, хвои лиственницы, веточек брусники н даже кусочков коры молодых сосенок, что, по его авторитетному мнению, вполне заменяло лавровый лист, корнцу и другие специи.

Петя с ннтересом прнглядывался к маннпуляцням Серафима.

— Вот не понимаю, зачем харнуса ловишь? — спросил он. — Мелочь какая-то. И вообще рыба — не добыча. Сохатого взять, марала — вот это охота. Я ведь в совхозе охотннчал, участок свой у меня был как раз недалеко отсюда. — Петя мечтательно потянулся. — Хорошо на зверя идтн одному, без собакн. Выследншь тропу к

солонцу, тихо-тихо ждешь ночью. Не пришел сохатый. Ждешь второй раз — опять нет.— Петя улыбнулся и сощурил свои и без того узкие карие глазки.— Но не уходил еще зверь от меня. И сохатины добывал, и по мешку белок сдавал за зиму. В совхозе не раз премию получал за пушнину.— И внезапно помрачнел: — А скоро, однако, уйдет зверь. Теперь уже сколько народу ходит по тайге. Вернусь из армии, уйду дальше в тайгу, там еще много места свободного,— закончил Петя.

Отгорел закат, сумерки скрыли вершины деревьев, в небе затеплились голубоватые искры звезд. Тихие шелесты, долетающие из глубины леса, звучали аккордами какой-то мягкой, навевающей покой песни.

Рабочие ушли в свои палатки, и я тоже собрался было вслед за ними, и тут подсел Алексей.

— Слушай, что это ребята у нас балуются? Вчера днем обедать сели. Я им просеку велю рубить, а они сидят и жуют. А сегодня целый час чай распивали. Ты их приструни. Спешить нужно.

Действительио, обычно на изысканиях после плотиого завтрака работают с иебольшими перерывами без обеда до конца дня. Не тащить же с собой в лес посуду и продукты. В крайием случае сунешь утром в карман бутерброд, пожуешь его днем, да и хорош. Но ведь и запретить хотя бы чайку вскипятить в обед тоже иельзя. Тут все зависит от доброй воли человека.

Я промолчал. Подошла Галка. Узиав, о чем разговор, коротко вздохиула:

— Была я иа Кавказе, с альпинистами. Так там тяиешься в связке, тянешься, до того устаиешь, что и обедать иеохота. Но то ведь отдых. А здесь работать иужио. А какая работа, если людей весь деиь без еды держать?

— Хочешь работать без обеда, сам с ребятами и договаривайся,— твердо сказал я Алексею. Тот хмыкиул и чуть насмешливо взгляиул иа меия.

— Ну ладно, сам разберусь.

Костер стрельиул последними искрами, и рыжие язычки пламени спрятались в угли, ораижево высветив их изиутри. А на небе разгорался двойиой обруч Млечиого пути. Мы разошлись по палаткам.

В трудах прошла неделя, работа на участке подходила к концу. В одии из дней, позавтракав, мы, как обычио, собрались и отправились по делам. Стояла сухая, безветреиная погода, солице щедро заливало тайгу потоками горячих лучей. Чистый воздух, напоеииый смолистыми, чуть горьковатыми запахами хвои, бодрил и придавал силы переиосить даже надоедливое приставаиие мошек и комаров, так и норовивших вцепиться в любой открытый участок тела. Но вот небо стало затягиваться дымиой хмарью — где-то горела тайга. Закоичив нивелировку, я со своими рабочими — тындиискими девчатами вышел к просеке, и мы стали поджидать Володю.

Стемиело, а вездехода все не было. Посоветовавшись, решили идти к лагерю пешком. Как меияются лесиые дороги с иаступлеиием иочи! Днем идешь словно по ковру из хвои, а в темноте иа той же тропе что ии шаг — валежиив, камеиь, а то и ямы откуда-то появляются. Да и жутковато! Что-то трещит, шевелится, гукает. Совсем приуиыли девчата. И вдруг из-за деревьев блеснули фары вездехода.

— Что так поздно приехал? — иачал было я с иеудовольствием, ио, присмотревшись, увидел, что лицо Володи в саже, куртка порвана и во миогих местах прожжеиа.

— От пожара спасались,— устало ответил Володя и коротко рассказал, что огоиь подошел к самому лагерю. Пришлось сиимать палатки, собирать имущество и перебираться подальше от огия иа другой берег ручья, за сырую луговину.

— И у ребят иеладно,— добавил ои иемиого спустя.— Петро с Алексеем разругались, еле разиял их.

А вот и палатки, кое-как поставлеииые иа новом месте. На бревне у костра увидел Петро, рядом с иим Серафима. Алексея не было видно. Петро о чем-то спорил с Серафимом.

Я подошел, дружески толкиул повара в плечо:

— Шумишь?

— А чего не шуметь, обидели меня. Ухожу в Тынду, пиши записку, нехай заплатят заработанное.

— Да куда ты ночью пойдешь?

— Уйду, не люблю, когда на меня кричат.

Кое-как я успокоил Петро и отправил спать, а сам стал выяснять подробности происшествия.

С утра Алексей с рабочими отправился на съемку. Попросил и Петро помочь рубить просеки. Дойдя до места, они почувствовали, что горит уже совсем рядом. Только начали прорубать визирки — узкие просеки для съемки, как с левого берега ручья вымахнуло по вершинам деревьев пламя. Верховой пожар, достигнув языками берега реки, погас. Но зато огонь пошел низом, вдоль самой воды. Жарко вспыхнул валежник, нанесенный в паводок, сухой бурьян. Пока огонь не пересек ручей, следовало поспешить к лагерю, где долина, расширяясь, переходила в заболоченную пойму. Но Алексей рассудил иначе. Работы здесь оставалось на несколько часов, и он решил ее закончить. Заставил ребят дорубить визирки. А огонь пошел по другому берегу, отрезав путь вниз. От горящих по обоим берегам лиственниц шел нестерпимый жар. Осталась одна дорога — прямо по руслу, по воде. Кое-как пробрались сквозь дым и гарь. Выйдя в безопасное место, ребята стали упрекать Алексея за упрямство, а он сгоряча назвал их лодырями и трусами.

На другое утро мы крупно поговорили с Алексеем.

— А что же, я должен был бросать работу на полпути?! — упрямо настаивал он.— Ведь теперь туда не подойдешь, все горит!

— Так, по-твоему, лучше людей в огонь посылать? Из-за тебя все рабочие разбегутся,— разозлился и я.

— Знаешь что, с тобой не то что до Гилюя, до Тынды не дойдешь. А я сказал, что буду осенью на Гилюе. И дойду туда. Смотри, я один сделал столько же, сколько вы с Серафимом вдвоем. Все из-за ваших обедов, на месте топчетесь,— зло глядя на меня, бросил Алексей.

— Получается, вроде ты один работаешь, а мы все только мешаем. Так, что ли?

— Мешать не мешаете, а следовало бы давно уже отсюда выбраться. Был бы я начальником партии, вы бы все шевелились как надо.

Что правда, то правда. Работать быстро и безошибочно Алексей умел, в этом я убедился, просматривая материалы его съемок. Все в журналах чисто, ни одной ошибки или поправки. Потому-то и спорить с ним было трудно.

Петро я еле уговорил остаться, хотя бы до первого рейса вездехода в Тынду за горючим и провизией.

Спустя несколько дней мы с Алексеем побывали на месте нашей старой стоянки. Все вокруг было подернуто сизой дымкой. Над долиной ручья поднимались хвостатые шлейфы дыма. Вдоль русла не было теперь пышного кустарника, цветущего ковра трав. Вся

долина была загромождена почерневшими от дыма, присыпанными пеплом каменными глыбами.

— Смотри, выгоришь вроде этой россыпи, одни камни в душе останутся,— заметил я Алексею.

Тот не ответил, лишь исподлобья глянул на меня.

Воспользовавшись сухой теплой погодой, мы прошли довольно большой участок и решили привести в порядок материалы съемок.

К тому же Петрович сдержал свое слово и прислал нам с вертолетом свежие продукты. Правда, начальник экспедиции не выполнил своего второго обещания, о завхозе. По рации вертолета я связался с Петровичем и напомнил об этом, но в ответ услышал добродушное рокотание: мол, и так обойдетесь. После этого голос начал набирать силу, и уже угрожающий бас вопрошал меня:

— Что это у вас там творится? Не забывай — сроки горят!

И, видимо убедившись, что собеседник прочувствовал ответственность момента, металл снова сменился добродушным рокотом:

— Я там вам одного парня послал, ты уж пригляди за ним.

Так к нам спустился прямо из-под облаков новый рабочий Саша. Сын одного из руководителей экспедиции, перейдя в десятый класс, поехал с отцом на лето на изыскания.

Парень толковый, начитанный и шустрый, но с некоторым апломбом столичного жителя. Любит с важным видом выспрашивать у Нины и Веры их впечатления о прочитанных книгах. Девчата, выросшие в Тынде, послабее разбираются в тонкостях зарубежной литературы. Но девочки себя в обиду не дают и отыгрываются на его незнании природы.

Мы собирались отдохнуть два дня и место для лагеря выбрали получше, поставив палатки у устья Ольдоя, на сухой высокой каменистой гриве, поросшей мелким осинником. Река тихо шумела под обрывом. Под прозрачным небом шелестела листва осин, совсем как в родном Подмосковье. Но вот сначала легкой пеленой, а потом клубящимися клочьями по небу поползли облака. То Тихий океан слал своих гонцов — влажные ветры, проникающие на многие тысячи километров в глубь Азиатского континента.

Первый дождь прошел быстро, и омытая тайга заблагоухала влажно и пряно.

После обеда я залез в кузов вездехода обработать длиннющие ряды чисел в нивелировочном журнале. Стемнело. В вездеходе уютно светила маленькая лампочка; мягко шумела тайга, потрескивал костер. Вначале от костра доносились обрывки обычного вечернего разговора. Но вот понемногу стала разгораться песня. Как всегда, начали ее Галка и Володя. Остальные поддержали.

Ночь рассыпает звезды для нас
На черном бархате неба.

Это Галкин голос.

Я не забуду блеск твоих глаз,
Как далеко бы я ни был,—

раздается мягкий Володин баритон.

Звезды мерцают, горят в вышине,
Мечты поверяя друг другу.
Может быть, вспомнишь и ты обо мне,
Доверясь звезде, как другу.

Я не выдержал, бросил журнал и вылез из кузова.

Отблески взвивающегося оранжевыми языками пламени падали на сидящих у костра. В сгустившихся сумерках растворились очертания деревьев, ночь соединила воедино небо и землю и поменяла их местами. Летящие искры казались звездным роем, а звезды в черной вышине — остывающими углями костра.

Вместе с костром угасла и песня. Тихо, спокойно шелестели струи Ольдоя. Но вот, заглушая их, под налетевшими порывами влажного ветра зашумела листва деревьев, звезды на небе стали гаснуть, закрываемые наползающими облаками. Вздохнув, я снова взялся за непослушные ряды чисел в журнале.

•

Дожди, принесенные муссонами, с небольшими перерывами шли уже вторую неделю. А с ними начался и летний паводок. По крутым склонам пересеченной местности быстро стекает вода, вздуваются ручьи, речки. Ольдой уже не шумел, а просто рычал. Впадая в Тынду, струи его, сопрягаясь с более мощным потоком, закручивались, образуя воронку, в которой облепленные хлопьями рыжей пены кружились карчи — обломки деревьев. На реке был карчеход — специфическое для таежных рек явление. Быстрое течение постоянно подмывает берега, глыбы грунта сползают вниз вместе с деревьями и кустарником. Начинается паводок, мощнее делается поток. Река подхватывает упавшие деревья с торчащими во все стороны сучьями и корнями, несет их, бросает друг на друга, ломает, и вся поверхность реки покрывается плывущими сучьями, целыми стволами, корневищами, подобными многоруким чудовищам. Плывут карчи, забивая протоки, оседая на мелях и перекатах.

Особенно много древесного мусора скапливается возле крутых излучин реки. В таких местах образуются настоящие завалы в несколько метров высотой. Течение уплотняет их, забивает промежутки между крупными карчами мелким мусором: ветками, листвой, травой. Образуется запруда. Через некоторое время струя, ударяясь о такую запруду, начинает размывать берег, и постепенно река прокладывает новое русло. Древесный завал обсыхает, и вся его масса становится похожей на какой-то диковинный корабль, севший на мель.

Шли дожди, и мы, как говорится, кисли в палатках. Все вещи стали волглыми. Спальные мешки отсырели. За ночь высушишь мешок теплом своего тела, а вечером залезешь в него — будто в мокрую простыню заворачиваешься. Настроение у ребят стало падать. Петро, по-прежнему встававший раньше всех, уже с трудом собирал всю компанию на завтрак. Есть не хотелось. Кое-как поковыряв кашу ложками, все снова забирались в палатки. Один Серафим не терял времени даром. Позавтракав, надевал болотные сапоги, накидывал плащ с капюшоном и отправлялся вверх по

Ольдою. К обеду появлялся с добычей. Обычно он не очень охотно делился с нами своими рыбацкими думами. Но вот как-то, вернувшись с рыбалки, Серафим возбужденно стал рассказывать о необычном случае, происшедшим с ним в тот день. Он добывал харнусов чаще всего на искусственную мушку — тонкое перышко, в котором запрятан маленький крючок. Ловля на мушку — дело весьма тонкое. На леске нет грузила, и вся снасть поэтому невесомая. А закинуть ее нужно далеко и точно, туда, где, по расчетам рыбака, стоит и ждет не дождется, чтобы его выловили, красавец харнус.

Серафим рассказал, что напал на целую стаю этих рыб. Вытащил одного харнуса, другого, и вдруг перышко с крючком оборвалось. А запасного, как на грех, нет. Что делать? Отрезал ножом клок своих волос и — дело пошло!

Ребята заинтересованно слушали Серафима, и даже Петя, противник столь неинтересного, по его мнению, занятия, как рыбалка, стал выспрашивать подробности.

— Ну что за заботы,— внезапно произнес Алексей.— Вот сколько я тебя знаю, а все у тебя рыба да рыба. А где жизнь? — Алексей привстал с раскладушки, на которой лежал, протянул вперед руку, жестко вытянул ребро ладони.— Вот я так иду. В школе — староста, в институте — диплом с отличием. Пришел на работу — тоже держу линию. Кончим эту трассу — на другую начальником отряда поеду. Через года три начальником партии буду. Так нужно держать, а не харнусов ловить. И сейчас вот ждем погоды, а дело стоит. Звал сегодня ребят работать, говорю: «Чем больше сделаем, тем и заработаем больше. Да домой раньше вернемся». Ведь им тоже, наверное, уже осточертело по тайге мыкаться. Да разве с ними договоришься? Дождь, мол, сыро.— Алексей снова откинулся на раскладушке.

Серафим промолчал, но, видимо, слова Алексея несколько задели его самолюбие, поскольку сам он, несмотря на возраст, был только старшим техником. Война прервала его учебу. Но и без диплома Серафим был весьма уважаемым работником.

— Расскажите еще что-нибудь про рыбалку,— попросил Петя.

Серафим подумал, взглянул на меня и начал вспоминать.

— Есть такая река в Кировской области — Луза. Хорошая река — широкая, тихая. Старицы, озера. Щуки там по пуду. А карасей и вообще за рыбу не считают. Ну вот, лет десять назад попали мы на эту Лузу. Идти нужно было вниз по течению километров триста до города — тоже Лузы, а уже июль на исходе. Начальником партии был у нас Краснов — просто огонь.

Когда в Москве обсуждали этот объект, планировали за два сезона сделать работу. Краснов говорил: «Давайте аккордно оплату, за одно лето сделаю». Ну, начальство так и решило. И установил Краснов норму — пять километров в день по реке. А рабочие были у нас из леспромхоза, народ ершистый, многие из заключения пришли. Но работали дружно. Ведь и деньги хорошие были обещаны. Что же Краснов придумал! Шли мы вдоль реки, а весь багаж на плоту. Там и кухня. Позавтракаешь, котелки да чашки на

плот, отчаливают его от берега, и плывет себе наш дом по реке. На плоту печка, дымок нз трубы вьется, обед поварнха готовит. Прошел плот пять километров — причалнвает к берегу. Хочешь не хочешь, иди с работой до самой кухни. Если не успел за день, на следующий приходится возвращаться, догонять плот чуть не бегом.

Так н шли. Дождь не дождь, а плот все вперед уплывает. А надо сказать, что селеиия на Лузе былн тогда километрах в двадцатн-трндцати друг от друга. И продукты бралн с тем расчетом, чтобы от одного магазина до другого хватило. Ну, да какие там продукты? Крупа, мука да треска солеиая. Рыбой в основном кормились. И вот в конце сентября занепогодило. Холодно, дождь. Где-то рядом поселок должен быть, но не у рекн, а километрах в семи. К нему гать — бревенчатый настил по болоту. Да гать-то старая, гнилая, половины бревен нет, того н гляди, в трясине увязнешь. Дорога к поселку новая посуху за болотом проложеиа. Нужно бы за продуктами туда сходнть, да Краснову времеии жалко — целый деиь пропадет. А у нас нн хлеба, ни соли.

Повариха наловчилась вымачнвать треску и варнть нз нее суп, а на воде, в которой треска вымачивалась, варить н кашу. Но каша эта большей частью в реку летела. И вокруг плота целая стая мелочн вилась — голавликн, язн, плотвнчкн. Закинул удочку — и тут же тащи добычу, ио мелочь. А потом все той же солн нет, чтобы варнть или жарить.

И вот подходнт ко мне однн парень — Толнк его звалн — н говорит: «Через пару дней пешком уйдем, надоело, не хотим больше с Красновым работать!»

Серафнм умолк, слушатели, прндвннувшись к нему, с интересом ждалн продолжения.

— Ну, так что же дальше? — не вытерпел Саша.

— А дальше вот что. Говорю Толнку: «Зовн ребят, пойдем порыбачим. На прощанье хоть рыбы свежей поедим да с собой в дорогу возьмете». Пошли, поставилн жерлнцы, покидали спнннниг, добылн порядочно. Холодно, дождь, а ребята так разохотились, что в лагерь ннкак не затащу обратно. Толик просто вцепился в спиннинг. Говорю ему: «Уж третнй месяц работаем на реке, что же раньше-то не ловил рыбу?»

«Где ж ее ловнть было, когда бегом за плотом бежалн, пропади он пропадом», — отвечает. И прнстал ко мне: «Подари спиннинг илн продай». «Ну ладно, — говорю, — в Лузу придем, там и подарю». Посмотрел на меня Толнк, ннчего не ответил. Вернулись в лагерь, сделалн коптилку, рыбу на осииовых дровах посмолнли — целый мешок получился. На следующий день поднялнсь — н вниз, с работой. Через несколько днеи кончилн. Под белыми мухамн уже. Вот такая рыбалка была...

Серафим умолк.

— Ну, а Краснов-то? — вновь спросил Саша.

— А пока мы рыбу ловили, он в поселок по гатн ушел, а оттуда в город. Там мы и встретились.

— Так что же, сбежал? — поинтересовался Алексей.

— Да нет, просто ушел, — ответнл Серафим.

— Все же непонятно, почему ребята снова за работу взялнсь,— заметил Саша.

Серафим не ответил.

— А очень просто,— пояснил я за него.— Серафим нм сказал, что Краснов будет ждать в Лузе да заранее попросит баню хорошенько нстопить.

Некоторое время все молчали, размышляя над моими словами.

— Ну, иавериое, это шутка. Если Краснов не смог заставить работать, то разве баней заинтересуешь людей?— заметил Саша.— Все-такн нужно было их заставить работать.

— Точно,— поддержал его Алексей.— Только так н нужно действовать.

— А вот Серафим по-другому действовал. Ведь это он посоветовал Красиову из лагеря уйти и иа себя всю работу взял,— ие выдержал я, хоть и не хотелось говорить того, о чем Серафим не счел нужным сам рассказать.

— А ты откуда все это зиаешь?— спросил Алексей.

— Да вместе с Серафимом на Лузе кашу с соленой треской ел.

Алексей посмотрел на Серафима, н во взгляде его появилось какое-то новое выраженне.

— Да, хорошее это дело — банька,— пронзнес он, мечтательно потягиваясь.— Давайте тоже попаримся, когда к Гилюю выйдем. Там вроде какая-то нзбушка около трассы есть. Соорудим каменку, жару нагоним.

Идея понравилась, и все наперебой стали строить планы будущей грандиозной бани.

— Завтра с утра на съемку пойду,— прервал разговор Серафим.— Натянем тент над теодолитом, сначала иа открытом месте работать будем, где посуше, а там посмотрим. Возражения есть?— Их ни от кого не последовало.

На другое утро отправились на съемку. Работалн до обеда н возвратились промокшне, но довольные. На следующий день снова пошли под дождь. Серафим так невозмутимо работал, словно и такая погода ему нипочем. И, как бы устыдившнсь, дождь стал сыпать пореже, проглянули кусочкн синего неба.

Снова иачалн пробнраться мы вдоль речек, где по галечниковым косам, где прямиком по густому тальнику с ветвями, увешанными, словио бородами, клочьямн травы и тины, нанесенными паводком.

Вот тянется каменистая коса, ровная, чистая. Россыпь отшлифованиой гальки, плотно слежавшейся, словно укатанной тяжелым катком. Какое разнообразие камней! Молочно-белые, желтоватые, серые окатышн кварца. Смолисто-черные базальты. Полосатые, слоистые обломки лав н среди них настоящая яшма. Янтариожелтые, словно медовые, халцедоиы. Идешь, как по минералогической коллекции. Но вот коса, как ей и положено, заканчнвается острым клииом. Либо возвращайся н обходи тихий залив между берегом и косой, заросший рогозом, либо напрямик, вброд. Когда вода теплая, это ие страшно, но чаще она ледяная.

Не лучше идти и по кустарнику, растущему обычно на террасе, протягивающейся узкой полосой выше русла. К воде тянется не

только тальник с гибкими ветвями и узкими блестящими листьями, ио и шиповник, и крапива, и другие колючие и жалящие растеиия.

Кое-как проберешься сквозь эту живую изгородь, и открывается зрелище широкого зеленого пойменного луга, изрезаниого сетью стариц и проток. И снова задача — то ли брести напрямик, то ли делать длиннющий крюк, обходя все эти препятствия.

Лучше всего ведут съемку в таких условиях люди, выросшие у реки. Наши тындиискне девчата Нина и Вера всегда спокойио смотрели иа густейший «чепурыжник» и ловко пробирались сквозь него, через завалы карчей или переходили встречную протоку по шаткому стволу упавшего дерева. Не уступал им и Саша, хотя и вырос в большом городе.

Мы так сработались вчетвером, что ие надо было даже слов тратить. Махиешь рукой — сразу реечник иа иужную точку переходит. Трасса вывела нас иа болотистый берег. Выше по течеиию река иакатывается иа скалистые обрывы правобережья и, как бы убедившись в своем бессилии, поворачивает в стороиу широкой поймы и размывает ранее отложеииые ею же глинистые грунты с прослоями песка и торфа. Выглядит срез такого берега весьма красиво. Черно-бурые пласты торфа обрамлеиы светло-желтыми линзами песка. Песок из-под торфяиого пласта часто вымывается, и тогда торф чериым козырьком выступает иад самой рекой.

Но идти по такому берегу — сплошиое мучеиие. Весь он раскис от грунтовых вод, оползает в реку громадными глыбами.

Ннна с Верой шли низом, у самой воды, то и дело увязая в илистой жиже. Саша предпочел пробираться верхом. Поставит рейку около воды, я сделаю отсчет, и ои карабкается на берег. Проберется там до следующей точки измерения и спускается к воде.

Вот я в очередной раз махиул рукой, показывая иаправление съемки, Сашка подошел к краю обрыва и вдруг исчез, как сквозь землю провалился.

Почувствовав неладное, я бросил нивелир и поспешил к Саше. Обогнув небольшой мысок, я увидел, что ои барахтается в воде. Все его попытки ухватиться за выступы грунта ие удавались. Земля сыпалась под руками, и Саша, приподнявшись, сиова сползал в реку. В это время подоспели Нииа с Верой. Соедииеииыми усилиями мы втащили его на берег.

Оказалось, что глыба, иа которой ои стоял у края обрыва, обломилась. Падеиие обошлось благополучно, если ие считать ссадни да здоровениого синяка иа лбу.

Разведя костер, мы сушили Сашнну одежду, а ои согревался, исполняя вокруг костра замысловатый танец, сопровождаемый воинствеииыми криками.

В это время подошел со своими рабочими Алексей. Узиав о происшедшем, ои строго отругал Сашу за иеосмотрительиость, а потом, отойдя в стороиу, поманил меня.

— Ты присматривай за Сашей. Пареиь больио шустрый, как бы действительио чего ие стряслось. Надо, чтобы ои до бани с иами дошел.

Я вначале не понял, о какой бане идет речь, а потом вспомнил недавний рассказ Серафима. Видно, запала в душу Алексея эта баня.

Август, а с ним и лето были на исходе. Тайга наполнилась новой жизнью. Глухарки вывели свои подросшие выводки из густых зарослей на осветленные места, поближе к поспевающим ягодникам, к журчащим ручьям. Все чаще раздавались резкие хлопки крыльев: заслышав наши шаги и голоса, заботливые мамы, маскируясь за деревьями, перелетали с глухарятами в безопасное место.

Зато доверчивее были молоденькие рябчики. Быстро семеня маленькими ножками, они при виде человека поначалу разбегались, прячась в траву и кусты, а потом потихоньку начинали подходить ближе, с любопытством вертя головкой.

Рябчики из выводка, жившего около нашего лагеря, настолько свыклись с присутствием людей, что копошились в траве прямо перед палатками. А отдельные смельчаки вспархивали на обеденный стол и разгуливали по нему. Как-то неловко было охотиться на столе за доверчивыми птицами, поэтому если мы и добывали дичь, то где-нибудь в стороне. Главным добытчиком стал, конечно, Петя. Нельзя было не поражаться его умению безошибочно определять места кормежки, ночевки дичи. Да, разные это вещи — быть просто охотником или же сыном тайги. Особое пристрастие было у Пети к малокалиберной винтовке. Даже при охоте на рябчиков Петя не пользовался дробовиком. Твердо уперев приклад в плечо, он без промаха попадал в такую цель, в которую и дробью-то не всегда угодишь.

Но однако, охота не радовала Петю. Что-то тревожило его, ходил он сумрачным. На мои расспросы отвечал односложно. Но вот с нивелиром шли мы однажды вдоль ручья, обходя его заболоченную пойму. Петя по обыкновению внимательно осматривался, наслаждаясь, видимо, чтением книги, название которой — тайга. Внезапно он остановился, пристально всмотрелся в заросли кустарника и негодующе хмыкнул. Я взглянул в ту сторону, но ничего не заметил. В это время порыв ветра принес с собой волну резкого, неприятного запаха. Среди зеленых ветвей лежала разлагающаяся туша лося. Метрах в десяти от него — второй палый лось, поменьше.

— Вот, смотри, лосиха с лосенком,— зло произнес Петя. Глаза его сурово сузились, на скулах заходили желваки.

— Отчего они пали?

— Как от чего? В петли попали, не видишь разве?

Присмотревшись, я увидел, что заднюю ногу лося, чуть выше копыта, сжимает удавка тронутого ржавчиной тонкого стального троса.

— Браконьеры петель наставили на солонце, лосиха попалась, а с ней теленок был, уйти боялся и тоже погиб. Я петли и раньше здесь встречал. А все, видно, одни и те же люди их ставили. Мы их спугнули — сами ушли, а петли бросили. Найти бы этих людей,— Петя сжал кулаки.

Вечером мы обсуждали увиденное. Петя не мог успокоиться.

— Вот видишь, говорил я, все зверье эта дорога погубит. Ну как сохатому жить, когда вокруг люди? Да былн бы охотннки. А то ведь браконьеры. Ну, попадись онн мне!

— Вот ты говорншь,— вмешался Алексей,— браконьеры здесь охотятся. Сколько раз ты замечал нх следы, пока мы со съемкамн идем?

— Раза три-четыре,— ответил Петя.

— Ну, а самих-то хоть раз видел? — в своей обычной напорнстой манере продолжал выспрашивать Алексей.

— Да нет, не замечал.

— Ну н куда же онн делнсь?

— От нас, наверное, уходили каждый раз.

— Ну вот то-то,— удовлетворенно заметил Алексей.— Люди идут по тайге — браконьеры уходят. Главное, линия должна быть. Мне бы пойти сюда егерем — нн один браконьер близко бы не подошел!

Петя уважительно взглянул на Алексея. Видимо, для него, выросшего в тайге, был нов подобный ход мыслей.

— Однако, верно,— пронзнес он, задумчиво покачивая головой.— Еслн порядок будет, так н зверю уходить не надо.— И его карне глазкн повеселелн.

Я поннмал Петино настроение. Ведь очень трудно переломить в себе сложнвшиеся прнвычки, прннять необходимость измененнй, столь глубоко преобразующих сам образ жизнн.

— Вот видишь,— обратился я к нему,— люди тайге не враги. Сам знаешь, враг тайге — браконьер. Или ты хочешь, чтобы н дальше здесь только зверь хозяйничал?

— Ну, а что, разве пушнину добывать — это плохо? Не нужна она разве?

— Да отчего же не нужна. Но ведь кроме пушнины сколько всего еще здесь добыть можно. Пойдет дорога на север, к Чульмаиу. Знаешь, сколько в Якутии запасов каменного угля?

— Слышал, много, вроде, находят.

— Не просто много. Самые большие в мнре месторождения. И дальше на север, к Якутску, пойдет трасса. А там золото, алмазы. А потом куда путь трассе?

— Не знаю,— честно прнзнался Петя.

— А потом к Алдаиу. И крайняя точка — Магадан. А там олово, цннк, свннец. Вся Якутия и Чукотка будут опоясаны железной дорогой. У вас в совхозном поселке электрнчество есть?

— Движок работает по вечерам.

— Так вот, не движок будет, а линии электропередачн вдоль всей дороги. Сейчас с Енисея, Ангары, Зен энергия пойдет, а там н на Лене гидроэлектростанции построят. Уголь, руда, лес. Только дорог нет. На оленях много не увезешь. Конечно, на поезде к Магадану еще не скоро поедем. Да ведь каждый день все ближе к нему подходим! — И я хлопнул Петю по плечу.— И сохатого, н белку сбережем.

Петя, размышляя, видно, над услышанным, с обычным прнщуром взглянул на щетинящиеся лиственничным редколесьем откосы

сопок, чередой уходящие к северу, словно острым взглядом охотника видя далекие, пока еще не пройденные сотни и тысячи километров будущих трасс и дорог.

Через несколько дней трасса ушла за большую излучину Тынды, протянулась вдоль высокого скалистого берега и далее направилась прямо к Гилюю.

Нам не терпелось достичь этой прямой, но кончились продукты. А обещанного вертолета все не было. Что за напасть!

Алексей стал было в своей обычной манере, с металлом в голосе, отдавать рабочим распоряжения: кому и с кем идти назавтра, но я прервал его, заметив, что без хлеба, сахара и масла не уйдешь.

— Ну, ладно,— предложил я,— переходи завтра из лагеря поближе к месту работы. После дождя грибов много да и дичи хватает, собирай да стреляй.

Такая перспектива Алексея не прельстила, и металл в его голосе сменился обычными человеческими нотами.

Через день над лагерем появился вертолет. Сделав круг, он снизился и завис над поляной. И тут, усиленный мегафоном, перекрывая звон винта, раздался голос Сашиного отца.

— Где Саша? — вопрошал он о сыне.

Саша стал размахивать руками, сигнализируя о своем присутствии.

— Собирайся, пора в Москву, в школу. Да и холодно в тайге уже. Вертолет легко перепорхнул поближе к палаткам и плавно приземлился. Воспользовавшись случаем, я по рации соединился с Петровичем.

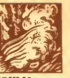
— Ну уж немного осталось вам. Давай, жми,— рокотало в эфире.— Если закончите до снега, успеем еще перебросить вас на Зею, горит там участок, понимаешь,— поощрял Петрович.

Я поспешил окончить разговор и зарекся не выходить больше на связь до самого окончания работы. Этак до самого Сихотэ-Алиня, пожалуй, доберешься. Выгрузив горючее и продукты, вертолет, приняв на борт Сашу, взмыл в воздух и исчез за вершинами деревьев.

Теперь мы были готовы к последнему броску. Дóрог каждый день. По утрам стенки палаток дубели от инея, а недопитый вечером чай превращался в бурую льдышку. Приближалась зима. К тому же с каждым километром трасса уводила все дальше к северу, навстречу ледяному дыханию вечных снегов Станового хребта.

Это чувствовалось и по окружающему ландшафту. Все более однообразной становилась растительность. Пышные елово-лиственничные леса с зарослями березника сменились на увалах изреженной тайгой из невысоких лиственниц, а березы с осинами, как бы уберегаясь от холодных ветров, теснились в неширокиx долинах рек. Все большее пространство занимала марь.

Чтобы почувствовать, что такое марь, нужно пройти по ней летом хотя бы несколько километров. Высокие кочки, покрытые мхом, осоками и кустарником, а между ними блестит вода — это кочкарниковая марь. Идешь по ней, прыгаешь с кочки на кочку, ноги цепляют кусты, проваливаются в мочажины, вязнут во мху.



Несколько иначе выглядит травянистая марь — широкие ровные пространства, покрытые темно-зеленым ковром сочных болотных трав и осок. Идти по такой мари еще тяжелее. Ее поверхность колышется, «дышит». Кочки, плохо ли, хорошо ли, все же держат человека, а здесь на каждом шагу увязаешь в топи. И неожиданно под слоем трясины ноги упираются в твердый грунт. Это мерзлота, порождающая марь. Слой грунта, расположенный выше мерзлоты, оттаивающий летом и замерзающий зимой, постоянно насыщен влагой, отчего здесь и образуется болото.

Марь — это царство кустарничковой березки и сибирского багульника, зарослей голубики. Все здесь: и сыроватый, какой-то вялый воздух, и шелестящие струи ручьев, и даже древние глухари со странной для птицы бородой из топорщащихся перьев и мохнатыми лапами — все пропитано смешанными, чуть горьковатыми йодистыми запахами. Особенно насыщенными, словно бы вязкими, становятся запахи мари во время долгих летних дождей. Весной марь в разливе трепетно-розовых красок цветущего багуль-

иика. Осеиь рассыпает по голубичникам крупиые, с горошину, сизые ягоды. Вразброс стоят невысокие листвеиницы с уродливыми высохшими вершинами. Как только кории дерева попадают в слои, охлаждеииые мерзлотой, оио начинает засыхать — сиачала вершииа, а потом и сучья. Мелкое расположение корней приводит и к тому, что, чуть разверияет листвеиница кроиу, валит ее порыв ветра. Поэтому миого деревьев лежит, погрузившись в торфяиой тюфяк.

Вот по такой мари, увязая на каждом шагу, пробирались мы с Галкой, делая нивелировку. Измучались и мы, измучались и рабочие. Нивелировка — дело тоикое. Счет идет иа миллиметры. А здесь какая точиость? Все усилия упереть во что-нибудь твердое треиогу с нивелиром ие дают иикаких результатов. Утвердил одиу иогу — ползут в мох две другие. Накоиец устаиовил все три; чуть пошевелился, а штатив вбок пополз. От ходьбы по трясиие пот струится в три ручья, но иельзя ни засучить рукава, ни расстегнуть куртку: мошка одолевает.

Галка росточку небольшого, так что вдвое труднее шагать по мари. Но ие подает виду, сосредоточеиио смотрит в ииверлир, записывает даиные в журнал, потом прибор на плечо — и дальше. Прошли, вериее, проползли всего километра два и совсем выдохлись. Сели отдохиуть на толстый ствол повалеиной листвеииицы. Пощипали созревающие ягоды голубики, посмотрели вокруг. Марь, словио громадное зелеиое блюдце, раскинулась в плоской котловиие.

Чтобы ие тратить зря времеии, подсчитали результаты измереиий. Сверили. Между моими и Галкиными расхождение в три раза больше допустимого. Посидели еще, помолчали. Главиое в эти миiуты — ие дать волю чувствам. Каждый в равиой мере мог ошибиться. А в глубиие сознания, словио червь, хочет пробиться мысль о иебрежиости другого.

— Ну, пойдемте,— поднялась Галка, вздохиула, выдериула нивелириую треиогу из болота, положила иа плечо и пошла, увязая чуть не по колено, к исходной точке сегодняшиего маршрута.

На следующий день осилили все же марь. На этот раз все было точио. Галка весело улыбиулась.

— Когда сидели вчера на бревие,— вспомнила оиа,— до того свирепый у тебя вид был, что я даже испугалась — ие утопил бы в болоте. Алексей, пожалуй, так бы и сделал,— засмеялась Галка.— А все же каторжная была работа,— посерьезиела оиа.

Я подумал о том, что самым трудным порой бывает не преодолеиие физической усталости. Не сказать нескольких обидных слов, сдержаться — вот в чем иногда главное. Без этого не пройти ии марь, ии тайгу.

Когда пришли в лагерь, ребята уже грузили в кузов вездехода имущество — спальные мешки, инструмеиты. Последиий переезд — и Гилюй. Скоро уже иаши палатки, выцветшие, истершиеся, встанут возле чистых шумящих струй, растворивших в себе горьковатые запахи тайги, розовые блики багульника, сииь и хмарь таежиого иеба. Володя осторожио двинул машину и повел вездеход по каменистому руслу речушки. Не успели проехать и километ-

ра — треск: гусеница соскочила с траков и безжизненной лентой распласталась на камнях. Володя вылез из машины и сокрушенно покачал головой. Езду по каменистым россыпям не выдержали даже стальные гусеницы. Из кузова тут же выскочил Петя, подал Володе инструмент. Алексей, как всегда, руководил, указывая, кому за что взяться.

«Бамм, бамм, бамм»,— зазвенело над марью. Звонко бьет металл о металл, далеко летит весть о приходе человека. Вот в последний раз ударил Володя кувалдой, и на землю упал обломок стержня, соединяющего звенья гусеницы.

— Давайте, хлопцы, чайку попьем,— обратился к ребятам Петро, который уже успел соорудить костер.

— А что, можно и попить,— отозвался Алексей.

— Да нет уж,— вмешался я.— До Гилюя доберемся, там и пообедаем.

— Гилюй, Гилюй! — возмутился неожиданно Алексей.— Не уйдет твой Гилюй. Дай ребятам поесть спокойно.

Серафим многозначительно кивнул головой. Галка подмигнула мне.

— Что я слышу? — глядя на Алексея, изумленно воскликнул Володя.— Еще немного, и вы поменяетесь ролями с Серафимом!

— Да брось ты,— махнул рукой Алексей.— Ведь в последний раз, может быть, вместе сидим.

Пришлось садиться пить чай и мне.

Гремя гусеницами, выполз наш вездеход к полосе густого прибрежного леса, тянувшегося вдоль реки. Прорубив просеку и подогнав машину к самой воде, мы на лодке переправились через Гилюй. Вплотную к полосе прибрежной гальки подступали обрывы черного камня, отшлифованного быстрым течением. Кое-как, хватаясь за ветви кустарника, по расщелине поднялись на обрывистый берег. Золотой разлив тайги затопил открывшиеся нам дали. Под ногами пружинил толстый слой опавшей хвои.

Петя по обыкновению внимательно осмотрелся и заинтересованно пошел вдоль обрыва. Я тоже поглядел вокруг, но не заметил ничего достойного внимания, за исключением порхнувшего вдали рябчика. Однако я невольно залюбовался открывающимся с этого места великолепным пейзажем. Бескрайние таежные просторы были изукрашены волшебными красками осени. Но мой спутник сосредоточенно смотрел только под ноги. Пройдя с десяток шагов, Петя остановился и еще раз осмотрелся.

— Однако, сохатый ходил,— произнес он. — Что ему здесь нужно было?

Я наконец рассмотрел в хвойной подстилке какие-то вмятины. Очевидно, это и были следы лося.

Петя сделал еще несколько шагов и повернул к возвышавшейся над самым склоном берега небольшой куполообразной площадке, увенчанной стройной лиственницей.

— Вот он где стоял. Нас, наверное, встречать выходил.

Внезапно Петя насторожился.

— Однако, собака лает.

Действительно, через несколько минут из-за дерева выбежала серая, с рыжими подпалинками лайка. А следом за ней появился и ее хозяин — плотный бородач. Увидев нас, он радостно улыбнулся:

— Москвичи?

— Москвичи,— ответил Петя.

— И ты из Москвы? — удивился бородач, видя перед собой самого настоящего эвенка.

— Ну, почти,— смущенно улыбнулся Петя.

— Стрижов, начальник ленинградской партии,— протянул мне руку бородач.— Километрах в двух стоим отсюда, вас поджидаем. Услышали — вездеход гремит, вот и захотелось встретить.— И снова довольно улыбнулся. Потом, посерьезнев, продолжал:— Нам передали из Тынды, чтобы вы сразу, как окажетесь здесь, связались со штабом.

И вот я опять слышу знакомый бас Петровича.

— Давай, давай,— звучал в наушниках его голос,— не задерживай. Сейчас вертолет за вами вышлю. Ты с Галей и Серафимом прилетай, а Алексей с рабочими пусть остается и заканчивает. Как думаешь, справится?

— Попробовать можно,— после некоторого раздумья ответил я.

— Спроси его, рыба-то хоть там есть? — уныло подсказывал мне Серафим.— Вот ведь жизнь. И когда только домой попадем?

— Есть рыба, есть,— рокотал Петрович.

— Ну, это другое дело,— повеселел Серафим.

Простившись с ленинградцами, в ожидании вертолета вышли к реке. Петя, подойдя к обрыву, остановился и стал смотреть в заречные дали. Присоединился к нему и Петро. Бурые заросли осоки, желтые куртины кустарниковых березок перемежались полосами сочной зелени еловых перелесков, тянувшихся вдоль долин маленьких ручьев, прорезающих марь. Дальние сопки окружали котловину, словно замыкая ее каменным поясом. Скоро разорвет этот пояс дорога, словно живая струя пройдет по мари, вдохнет в нее, в окружающую тайгу тепло человеческих рук.

— Однако, хорошо,— сказал Петя, улыбнувшись.— И сохатому есть где кормиться, и железной дороге места хватит.— И, подумав, добавил: — После армии приду сюда мост строить.

— Слушай, друже,— обратился к нему Петро.— Да ведь по цей дороге ты прямо в Винницу к нам доихать сможешь. Найдем тебе гарну дивчину, женим.

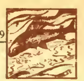
Оба рассмеялись, довольные.

А чуть в стороне стоял Володя. Возле него прислонилась к золотой лиственнице Галка.

Ночь рассыпает
Звезды для нас,—

донесся до меня знакомый мотив.

Из-за деревьев послышался рокот вертолета.



Алексей подошел ко мие и кивнул в сторону Галки.

— Увидишь Петровича, скажи, чтобы Володю в нашей партии оставили. Сам ои просить не будет. А нужно им вместе быть.— И Алексей улыбнулся.

Улыбка преображала его. Глаза, обычно холодно и колюче смотревшие на собеседника, делались доверчивыми, открытыми.

— А как же баня?— вспомнил вдруг он.

— Ничего, впереди еще миого бань будет,— утешил я его.— Только ты здесь полегче с людьми, в огонь не толкай.— И я протянул ему иа прощанье руку.

— Будет из парня толк,— пронзиес Серафим, усаживаясь в вертолете.— Вот померзиет еще на Зее, поостынет, поймет, что к чему.

Вертолет взмыл в воздух, сделал круг иад Гилюем н пошел на восток вдоль великой магистрали, кусочек которой стал уже частицей нашей жизии.

Тында — Беркакит, 1970—1974 годы

Римантас Будрис

Страна серебряных рек

Очерк

В разрывах ватных облаков под крылом самолета проглядывает блеклая голубизна океана. С этой высоты я пытаюсь рассмотреть, что ждет нас там, вдали, но ничего, кроме тех же облаков, нет поблизости. И снова, как уже не раз бывало со мной на севере, ошибаюсь. То, что я сперва принял за облачность, на самом деле ледник, покрывший остров. Лишь одна — единственная черная вершина торжественно возвышается над сверкающей белизной ледника.

Так Исландия встречает тех, кто прилетает к ней со стороны европейского побережья. Ведь ей и пристало сверкать ледниками — самому северному государству в Европе.

Кстати, Исландия знаменита еще тем, что это второй по величине остров Европы.

Но все это, так сказать, общим планом. Более детально начинаешь знакомиться со страной после посадки самолета. От аэродрома Кеблавика до ледника далековато. Не близко и редкой голубизны горные озера, которые мы видели, когда снижался самолет. С океана дует мягкий ветерок, и не разберешь, то ли развеивает тучи, то ли нагоняет дождь.

Обычно малознакомые люди, чтобы завязать разговор, начинают с погоды. Так было и на этот раз. Встретившие меня на аэродроме тут же заверили:

— Если погода не нравится, не беда. Минут через пятнадцать переменится.

Позже об удивительной изменчивости исландской погоды я прочитал в туристских проспектах. А убедился в этом в первый же день.

Климатические особенности Исландии зависят от ряда факторов. Первый — в этом районе часто сталкиваются два потока воздушных масс: холодный из Арктики и теплый из низких широт Атлантики. Второй фактор — океанские течения: теплый Гольфстрим, достигающий южных и западных берегов острова, и холодные течения от Восточной Гренландии, омывающие северные и восточные берега Исландии. Процессы, происходящие на стыке этих водных масс, приводят к частым туманам и затяжным дождям. А наибольшее количество осадков зарегистрировано в Квискере — свыше трех тысяч миллиметров в год! Третий фактор — айсберги, каждую весну приплывающие к берегам Исландии. Они служат как бы аккумулятором холода, задерживая весеннее потепление. Если еще добавим сюда, что вблизи Исландии находится рубеж между разнородными массами воздуха: полярным — холодным и сухим и атлантическим — теплым и влажным, то станет

понятным, что именно в этой зоне «кухня» циклонов, которые несут в Европу и туманы, и снег, и дождь.

Одно дело — знать понаслышке, совсем другое — самому увидеть. Мне давно было известно, что Исландия — это остров, расположенный за шестьдесят третьей параллелью; северные его берега почти достигают полярного круга; с севера на юг он протянулся на триста десять километров, с запада на восток — на пятьсот километров; общая же длина его берегов со всеми фьордами и заливами — примерно шесть тысяч километров. Исландцы могут гордиться, что в их стране самый большой в Европе ледник площадью более восьми тысяч квадратных километров, а поле застывшей лавы самое внушительное в мире — более трех с половиной тысяч квадратных километров.

Но вот я впитываю первые впечатления. Это она — Страна льдов. За прозрачными по-северному далями — горы в дымке, берег океана, прекрасная шоссейная дорога, красивые домики, выкрашенные в яркие тона. Даже крыши дощатых сарайчиков — и те заметны издали. Нежная зелень лугов перемежается черно-серыми каменными полями.

По преданию, выходец из Норвегии викинг Ингоульвюр Аднарссон в 872 году обосновался на берегу залива, назвав эту местность Рейкьявик — «дымящийся залив». Видно, здесь было много горячих источников, выбрасывавших пар,— в них в Исландии и сейчас нет недостатка.

Площадь страны немалая, жителей немного, а ведь селились здесь издавна. Еще до Аднарссона на острове уже жили монахи-отшельники из Ирландии. Потом появились переселенцы из Норвегии. Шли века, но население росло медленно. В XII столетии здесь жило около семидесяти тысяч человек, а в XVIII веке голод, болезни, нужда сократили их число до сорока тысяч. И теперь исландцы — немногочисленный народ. Их чуть более двухсот тысяч.

Но вот перед исландской литературой можно почтительно снять шляпу. Не каждый народ обладает более чем тысячелетними литературными памятниками. Именно исландцы, точнее, ставшие ими норвежцы сохранили до наших времен старинные саги. И ни у одного народа нет такого древнего языка. Ведь все выражения этих произведений IX века исландец и сегодня понимает совершенно свободно. А как дружат исландцы с книгой! В Рейкьявике, сравнительно небольшом городе, двадцать книжных магазинов, и ни одному из них не грозит банкротство.

Еще до приезда в Исландию я много слышал о спокойном характере островитян. Но действительность превзошла все ожидания. Вот характерная сцена, свидетелем которой мне довелось быть в Рейкьявике. Здесь весьма оживленное автомобильное движение. И-тррр-ах! — столкнулись две машины. Выходят из них водители. Каждый сперва осматривает свою машину, потом ту, с которой столкнулся. Оба спокойны, сосредоточенны, не ругаются, даже руками не размахивают. Прохожие идут мимо, хоть бы один остановился поглазеть. Зачем время терять и другим мешать?

Раздается вой сирены, спешно, как на пожар, подлетает полицейская машина. Но из нее не торопясь вылезает флегматичный полицейский, без суеты рассматривает место происшествия, обстоятельно пишет протокол. Все трое расстаются совершенно спокойно. Кто виноват—выяснится позже, когда владельцам машин придут письма из полиции. А пока никто не горячится, не стремится доказать свою правоту.

Я был единственным свидетелем происшествия, стоявшим на тротуаре и ждавшим, чем все это кончится.

Любой шум, толкотня для исландца непривычны и неприемлемы. В этой стране, насколько я заметил, все делается обстоятельно, спокойно и тихо. Полицейских здесь немного. Невелика и преступность. Иногда иностранные туристы принимают исландского полицейского в черном мундире и белой фуражке за морского офицера. А одетых в форму цвета хаки водителей автобусов — за армейских офицеров. На самом же деле в Исландии вообще нет ни морских, ни сухопутных военных сил. Лишь капитаны кораблей береговой охраны проходят курс военно-морских наук в Дании. Исландия — одна из немногих буржуазных стран, которые не имеют своей армии. И потому еще понятнее неприязненное отношение простых исландцев к американской военной базе в Кеблавике.

Исландцы очень мирный народ, занятый нелегким трудом. В этой северной стране не так-то просто заниматься сельским хозяйством, если хочешь, как говорят там, чего-нибудь вырастить, приходится «кулаком из камня выбивать». Зима здесь мягкая, но лето короткое. А земля — камни и камни или болота. Вся жизнь сосредоточена на берегу моря, по берегам фьордов и в долинах рек, где есть луга, где можно окультуривать землю или же связать все помыслы с морскими просторами, с давних пор кормившими исландцев.

Трудолюбие, наверно, наиболее характерная черта исландцев, о которой упоминают все, кто писал об острове. Поэтому я не удивился, увидев паренька, почти ребенка, за рулем огромного городского автобуса. Не поразили и дети, работавшие в водопроводном кювете; меня заранее предупредили, что это — ученики, работают они во время летних каникул. И не только из-за денег, а больше потому, что привыкать трудиться надо с ранних лет. Мне так и объяснили: «Исландец начинает ходить, значит, начинает работать».

Исландия — страна гор, ледников, каменистых россыпей, застывшей лавы. Но в моей памяти она осталась островом зеленых долин, отливающих серебром рек.

Поднимаешься в гору, поднимаешься все выше... И вот вдруг распахивается долина с такой нежной зеленью, как на наших лугах, покрытых первой весенней травкой.

А вот и темно-синие хребты гор, меж которых извивается спокойная серебристая река. И возле реки — маленькая белая ферма с красной крышей. Все выглядит как в миниатюрном мире эльфов. Но когда спускаешься в долину, видишь, что эта ферма не такая маленькая, а река вовсе не столь уж тихая, шумит, быстро несет к морю свои серебристые воды.

Может, именно эти прозрачные дали, строгие линии гор, длинные зимние ночи, косматые метели, фантастические огни северного сияния, длинные-предлинные летние дни с мягким дыханием океанских ветров и придают этой земле особенное очарование неразгаданных тайн. Здесь под скалами еще живут тролли, а эльфы, когда им нужно, одалживают на время разные вещи у людей. Исландцы с большим уважением относятся к старинным народным поверьям, сказаниям, легендам. Ведь все это составляет немалую часть национальной литературы. Много в ней говорится о богах древних германцев — Одине, Торе, Фрее.

В континентальной Европе, что осталась за просторами Атлантического океана, еще лето. Здесь уже ранняя осень — самая приятная пора года. У дороги на каменистом лугу пасутся овцы. Знаменитые исландские овцы, хорошо описанные в романе Лакснесса «Самостоятельные люди».

Эти овцы пасутся без присмотра. Лишь когда подходит время стричь шерсть, фермеры отбирают своих по меткам на ушах. А пока животные и в дождь, и в вёдро сами находят себе пропитание, пасутся там и сям, иногда передвигаясь на новое место по шоссе.

По шоссе, ровной серой его ленте, едем в самую северную столицу мира — Рейкьявик.

Приезжаю, будто в знакомое место. На горе огромные цистерны, которые я столько раз видел на открытках и в иллюстрированных журналах. В них накапливаются термальные воды, бьющие из земных глубин.

А сам город — свободно разбросанные дома и домики, выкрашенные в яркие цвета. Теперь в нем более восьмидесяти тысяч жителей, и сравнивать нельзя с европейскими столицами. Но для Исландии это много — почти половина всех жителей страны.

От городов континентальной Европы Рейкьявик отличается еще и тем, что он не стремится расти ввысь. Здесь земля каменистая, но ее у исландцев предостаточно. Вот и строят в основном одноэтажные и двухэтажные здания. Город растет вширь, а в центре — немногочисленные строения старого Рейкьявика, окружающие небольшую и красивую площадь. Своими фасадами на нее выходят собор и столетний дворец альтинга — исландского парламента. Называется площадь тоже красиво — Восточное Поле.

Если бы понадобилось в двух словах охарактеризовать Рейкьявик, я бы сказал так: «Здесь уютно, чисто, нарядно». Последнее — от домов, окрашенных с учетом природной среды, а по вечерам — от огней рекламы, заметной, но не лезущей назойливо в глаза. А уж чисто и аккуратно здесь все и вся, даже хиппи. Из окна гостиницы я нередко наблюдал за ними. Появлялись они иногда втроем, иногда впятером, но только по субботам. Они садились на площади прямо на холодный асфальт тротуара, играли на гитарах и пели, но и для этого отведено время — только до обеда. Дело в том, что субботнее послеобеденное время предназначено для других дел, воскресенье — день отдыха, а в понедельник — снова на работу. Звуки гитары сопровождались криками чаек за дворцом альтинга,

и это как-то облагораживало диковатую, нестройную музыку хиппи.

Эпитет «уютный» по отношению к городу звучит странно. Но Рейкьявик действительно такой. Вот улица. Она только для пешеходов. Об этом говорит специальный дорожный знак — человеческая стопа. Поперек мостовой стоят елочки в вазонах, своеобразный островок зелени.

Аэродром Рейкьявика, обслуживающий внутренние линии, расположен в самом городе. Двухмоторные турбовинтовые самолеты снижаются над самой гостиницей, порой кажется, что вот-вот заденут крышу. И здесь же, за альтингом и собором, в широком прозрачном пруду крякают дикие утки, которых всем нравится кормить — не только детям. А однажды, уже после захода солнца, я услышал крики диких гусей. Схватив бинокль, выбежал из гостиницы и — своим глазам не поверил: в пруду плавало несколько гусей. А ведь вокруг-то шумел современный город!

Вскоре после приезда у меня появились знакомые в Рейкьявике. Обзавестись ими помог мне Аурни, журналист; он учился в Московском университете и хорошо говорит по-русски. Аурни и познакомил меня с ихтиологом Эйелфуром Фридгейрссоном. Это высокий, плечистый, краснобородый человек. По сложению — настоящий «викинг».

Этот «викинг» пригласил меня в свою маленькую квартиру. И вот мы сидим за небольшим столом, уставленным разными яствами. Горят свечи. Изящная Бергтора, жена «викинга», подает блюда, а заодно и присматривает за двумя своими сыновьями. Меньший пристегнут поясом к удобному стульчику. Кажется, мелочь, а как удобно и практично! Мне показали и специальный рюкзак для переноски детей. Решили родители прогуляться в горы, отец несет малыша в таком рюкзаке за спиной. Ребенок чувствует себя вольготно, болтает ногами, ручонками, теребит папины волосы.

Эйелфур отстегнул ремень, снял малыша со стульчика, посадил к себе на колени. Пусть посидит за общим столом: гость в доме, а хозяин получил сообщение, что принят в заочную аспирантуру Московского университета, где он еще студентом изучал ихтиологию.

С Советским Союзом Эйелфура связывают не только воспоминания студенческих лет и личные связи. Идеи мира, добровольного сотрудничества между народами глубоко запали в его сердце.

Долгие часы провели мы вместе, беседуя, слушая музыку. В одной из песен говорилось о том, что злая птица бросала на мирную землю недобрые, предвещающие беду железные перья... Эйелфур пояснил, что речь идет о военных базах НАТО, против которых протестуют исландцы.

Эйелфур работает в Институте океанологических исследований. Ежегодные морские экспедиции посвящены самым различным проблемам.

Море для Исландии — основной источник продовольствия. В прошлом исландцы пережили немало трудных лет. Здесь долгая

1

2 | 3

1. В зеленой долине у серебряной речки белеет красивая ферма...
2. Штроккур (Маслобойка), не заставляя просить и долго ждать, все выбрасывает облако пара и горячей воды
3. На острове Хемаэй. Такая участь постигла часть города после извержения вулкана в январе 1973 года

Фото автора

зима и короткое лето, зерновые культуры дают небольшие урожаи... А если недород? Вот и научила жизнь мужеству и особому терпению.

Говорят, в разгар лета в одну из ночей духи земли и эльфы обещают все, что человек ни пожелает, но с условием, что он выдержит испытание. Существовало предание, что для молодого исландца такое испытание заключалось в следующем: надо целую ночь сидеть спокойно и молчать, что бы ни произошло. Его обступали эльфы и гномы, показывали ему бочки, полные серебра, мешки, наполненные драгоценностями. Исландец молчал. Но гномы, хитрецы, знали: человека мучит голод. Показали горшок с жиром. И молодой исландец не выдержал, крикнул: «Дайте мне!» И пропал ни за что, потерял рассудок.

Исстари исландцы знают цену и жиру, и хлебу. И потому Эйелфур Фридгейрссон хочет, чтобы море было щедрым к Исландии. И земля тоже.

Земля всегда щедро платит за заботу о ней, за пролитый пот. Вот эти ярко-зеленые, как бы даже покрашенные изумрудной краской участки возле ферм и есть наглядное свидетельство того, как вознаграждает земля человека за его труд. Это окультуренные луга. Чтобы сделать лоскуток земли таким зеленым, исландец трудится не год и не два. Говорят, целых семь лет на это уходит. Такой окультуренный луг и представляет собой всю обрабатываемую землю фермера. Север есть север.

Одна из важных проблем для страны — возродить исландские леса. Как утверждают древние письменные источники, в IX веке, когда люди стали заселять Исландию, местами на острове шумели березовые рощи. За минувшие века отношения между человеком и природой развивались не очень-то хорошо: лес все дальше отступал, пока почти полностью не исчез. Осталось только несколько массивов старого леса. Один из них в северной части острова мне довелось увидеть. Но об этом после, а пока еще несколько слов о сельском хозяйстве. В последнее время возросло поголовье овец и коров. Но где пасти животных? Больше камней, чем почвы. Да и эту почву разрушает ветровая эрозия, от побережья надвигаются пески.

Лишь четвертая часть Исландии покрыта растительностью. Остальное — ледники, лавовые поля, каменистые пустыни. Поэтому зеленые луга так радуют глаз. Я с интересом узнал, что здесь произрастает с полтысячи луговых растений, и все это — субарктические виды.

Древние греки все земли, населенные людьми, называли Ойкуменой. Исландцы живут на самом краю Ойкумены, дальше — уже полярная пустыня. Вот почему охрана природы здесь имеет особое значение. Теперь исландцы это прекрасно понимают.

Несмотря на сравнительную малонаселенность острова, в прессе раздаются голоса, что надо ограничивать поток иностранных туристов, что нельзя возводить промышленные сооружения, не выбрав предварительно место с учетом всех требований охраны окружающей среды.

Движение за восстановление исландских лесов преследует те же цели. Начали сажать сибирскую лиственницу. Есть уже деревья пятилетнего возраста.

В окрестностях Рейкьявика видел я посаженный лес, куда горожане по воскресеньям ездят отдыхать. Ох, как медленно растут саженцы. Но лес будет. Правда, неизвестно еще, какого роста.

По дороге из Рейкьявика в Акурейри — город на севере острова — проезжаем через мост, над пенистой рекой. Он изящно изогнут, будто построен в парке, и настолько узок, что две машины на нем разъехаться не могут. Ничего удивительного! Мост построен в 1909 году, когда в Исландии автомобилей почти не было. А за мостом, на другом берегу реки, шумит под дождем настоящий исландский лес. Такой большой, что во мглистой долине не видно ему конца и края. Хоть и сильно хлещет дождь, выхожу полюбоваться лесом. Березы невысокие, три — пять метров. Но какие извилистые стволы, как они крепки!

Горы, долины, овцы, болота, мох, приземистый кустарник... Моросит серый дождик. Таков осенний пейзаж Исландии. Колорит, какой я видел в Исландии, больше нигде не встретишь. Он неповторим.

Когда поднимаешься по крутой дороге в гору, у перевала стоит серый домик «для спасения душ», как здесь говорят. Теперь домик пуст, но, если зимой на перевале настигнет буран, можно приютиться в нем вместе с привидениями, которых здесь полно. На каждом перевале у дорог стоят такие домики. И почти все автомобили снабжены рацией. Попал в пути в беду — проси помощи, и она не замедлит явиться, хотя до ближайшей фермы иногда очень далеко.

За домиком «для спасения душ» ныряем в облако: так высоко поднялись мы в горы.

Акурейри находится возле узкого, далеко врезавшегося в берег фьорда. В порту — рыбацкие суда. Город поднимается вверх по склону. Он мне понравился даже больше, чем Рейкьявик. Он какой-то более компактный, лучше распланирован. За городом высятся горы, на их склонах белеют снежные пятна, не растаявшие за лето.

Местный житель Оттар сопровождает меня; он доволен, что его город произвел на меня лучшее впечатление, чем столица.

— Даже и климат здесь более подходящий,— говорит он.— Зима — это зима, и летом, я бы сказал, у нас жарче.

Оттар приводит и цифры. Если в Рейкьявике средняя температура января минус 0,4 градуса, то в Акурейри — минус 1,5.

Оттар, у которого я остановился,— учитель. Его сестра, живущая в Рейкьявике, позвонила ему по телефону и попросила принять меня. И дом Оттара стал моим домом. Исландцы — очень гостеприимный народ; они предпочитают обращаться на «ты», избегают чопорных «выкрутасов» этикета.

Оттар не только учитель. Он еще и редактирует левую газету, предназначенную для Акурейри и трех соседних городков. Оттар выполняет функции и технического редактора, и корректора, и

фоторепортера, и корреспондента, и распространителя своего издания. Сегодня утром он сел за руль автомобиля, посадил меня рядом, чтобы я не скучал, и, забрав из типографии тираж, покатил развозить газету по назначению. Оттар крепко верит в необходимость социальных перемен. Когда я впервые переступил порог его дома, сразу же увидел большой портрет В. И. Ленина, висящий на стене.

— Подарок сестры,— сказал Оттар.

Его отец — известный исландский писатель, а многочисленные братья и сестры — борцы за социальный прогресс.

Оттар сказал, что в школе еще каникулы, у него есть свободное время и он может отвезти меня к Миватну (Миватн в переводе означает «озеро комаров»).

К счастью, дождь стал ослабевать. Стараясь не съехать в кювет, медленно движемся по скользкой дороге. Но как тут уберечься! Вот мы уже в кювете! Пока совещаемся, как будем выбираться, подъезжает «лендровер» местного фермера. У этой машины все четыре колеса ведущие. Она не завязнет. Вылезли двое мужчин, очень молчаливые и очень серьезные, вынули из багажника трос, зацепили нашу машину и вытащили на дорогу. Потом скатали трос, уехали. И все это без единого слова! Настоящие исландцы!

Немного погодя я воочию увидел следы деятельности вулканов Исландии. Серые камни изломаны, нагромождены друг на друга. Это лава. В 1836 году здесь она лилась огненной рекой. И до сих пор из глубоких щелей в земле еще пробивается запах серы.

Вот и голубое озеро Миватн. Втянешь ноздрями воздух — тоже чувствуется запах серы.

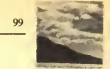
Возле дороги зияют кратеры — странные углубления, похожие на большие черные лейки. За ними узкие бездонные щели в скале, кажется, они достигают центра земли. С птичьего полета эта местность очень напоминает лунный пейзаж. Наверное, поэтому американские космонавты перед тем, как отправиться на Луну, тренировались здесь, в исландских кратерах и щелях.

Это одно из тех мест на Земле, где проявляется активная вулканическая деятельность. Только в послеледниковый период в Исландии возникло около двухсот вулканов. Извержения тридцати из них наблюдались в последние девятьсот лет, то есть в тот период, когда в Исландии уже жили люди. Около полутора сотен извержений описано в древних рукописях. Примерно раз в пять лет — извержение!

Когда узнаешь об этом, перестаешь удивляться обилию застывшей лавы и вулканического пепла, покрывшего склоны гор, долины, ложбины рек.

Наиболее знаменит в Исландии вулкан Гекла. В средние века у него была весьма плохая слава. В католическом мире того времени он был известен как пристанище злых духов и — того хуже — прямая дорога в ад.

И это не случайно. После извержения Геклы в 1104 году, опустошившего окрестности, вулкан пробуждался еще пятнадцать раз, засыпая все вокруг вулканическим пеплом.



Когда я увидел вулкан, Гекла была спокойной и величественной, широкая снежная вершина алела в лучах заходящего солнца. У подножия вулкана неторопливо струилось серебро реки, голубые вершины гор возвышались в изумительном спокойствии севера... Но ведь эта самая Гекла в 1947 году выбросила гигантский столб вулканической пыли, который поднялся на высоту тридцать километров, а лавой залила площадь в шестьдесят пять квадратных километров. Тогда Гекла грохотала, светилась раскаленной магмой целых тринадцать месяцев, до апреля 1948 года. В 1970 году вулкан снова проснулся. На этот раз открылось множество мелких кратеров, извергавших лаву в течение двух месяцев.

Кто знает, когда и как Гекла заговорит снова?

Знамениты исландские вулканы, но не менее знамениты и горячие источники. Их здесь не перечесть. Горячую воду, бьющую из-под земли, можно найти повсюду. На острове насчитывается около двух с половиной сотен «областей горячей воды», а источников — около восьмисот. Вода в них очень горячая, в некоторых — кипящая.

Я очень хотел увидеть Большой Гейзер, по имени которого (*Geysir*) во всем мире стали называть его собратьев — большие и маленькие фонтанирующие подземные источники.

Мне, увы, довелось увидеть только широкую воронку на месте знаменитого Гейзера. Лишь на самом ее дне немного влаги, хотя кругом под зеленым луговым дерном клокочет, шипит, беснуется кипящая вода глубин.

— Наш Гейзер погубили туристы,— говорит мой спутник и грустно улыбается.

— Как так?

— О, очень просто. Гейзер был с характером. Воду и пар выбрасывал красиво и высоко, но не тогда, когда этого хотелось туристам. Иногда приходилось долго ждать, пока Гейзер соблаговолит порадовать уникальным зрелищем. Но туристы заметили, что можно спровоцировать фонтанирование. В воронку однажды попало зеленое мыло, Гейзер начал клокотать и выбрасывать столб пара! И вот стали лить зеленое мыло. Потом — бросать туалетное, порой даже с мыльницами. И пошло! Швыряли старые туфли, рубахи, рюкзаки. Гейзер все «глотал» и послушно выбрасывал струи воды и пара. Но в один прекрасный день забастовал. Теперь молчит, и все. Бросай не бросай в воронку что хочешь, хоть живую корову туда загони, Гейзер даже не зашипит!

Молчит Гейзер. Зато, когда он умолк, рядом начал бить другой, Малый Гейзер. Фонтан у него поменьше, но «работает» исправно. Исландцы называют его Штроккур (Маслобойка), наверно за старательность. Только остановишься возле, а он уже заурчал и выбросил белый столб. Хоть целый день стой и восхищайся, а он каждые несколько минут будет извергать из глубин воду и пар.

Едем каменистой пустыней по отличному шоссе. Вначале я подумал, что у подножия ближайшей горы покоится на земле огромное белое облако. Оказалось, это пар, окутавший горячий источник. Пар используется для вращения турбины.

Подземная энергия — вещь хорошая. Однако есть одно «но»: в чьи руки она попадает — древнего греческого бога Гефеста, занимающегося кузнечным делом и помогающего людям, или глупого великана Суртура из исландских саг. Там сказано: придет с юга огненный великан Суртур, и бог Фрей вступит с ним в битву. Бог Фрей погибнет, а Суртур сожжет весь мир.

Шутки шутками, но вот не так уж давно, лет десять назад, в исландских газетах появились заголовки: «Суртур наступает с юга», «Суртур все еще бушует». А великан и на самом деле бушевал. Пробил дно океана и выбрался оттуда. Причем близ южного побережья Исландии, будто стали сбываться пророчества сказаний.

Об этом подводном извержении сообщала пресса всего мира. Потом Суртур устал и успокоился. А государственная территория Исландии пополнилась еще одним, пусть и небольшим, островом, который назвали Суртсей — остров Суртура.

Прошли годы, о великане стали забывать. И вот в ночь на 23 января 1973 года он снова взялся за свое дело.

У южного побережья Исландии находится архипелаг Вестманнаэйяр. Самый большой из островов — Хеймаэй. Здесь находится город, названный по имени архипелага — Вестманнаэйяр. В городе шесть тысяч жителей, в основном рыбаки. Есть большой завод мороженого рыбного филе.

В ту январскую ночь недалеко от города у горы Хелгфелт образовалась щель длиной в полтора километра, из которой началось извержение. Гора Хелгфелт когда-то была вулканом. Последний раз он пробуждался пять-шесть тысячелетий назад. Но в спокойствие вулканов никогда верить не стоит.

На сей раз извержение началось так тихо, что люди даже не почувствовали. Дежурные полицейские и пожарные бросились в дома будить людей и торопили их в порт. Нужно было действовать быстро, потому что с Суртуром шутки плохи.

К счастью, в это время стояла плохая погода, и все рыбацкие суда находились в порту. Все население спешно погрузилось на них. С собой можно было взять собаку, кошку или канарейку — только живность, но никаких вещей. Дорога была каждая секунда. На город падали раскаленные камни, сыпался черный пепел.

К утру население города эвакуировали. Все было хорошо организовано. Ни одной жертвы. Зато в пути на одном судне родился ребенок, и Исландия получила еще одного гражданина.

Из множества вулканов, открывшихся в начале извержения, остались затем два основных, из которых стала вырываться лава. В первое время она текла в море, но вот повернула на город, к главному его предприятию — рыбозаводу.

И тогда пришлось вступить в схватку со стихией. Мощные насосы, установленные на берегу моря, гнали воду по толстым пластмассовым трубам к переднему краю лавового потока, притормаживая наступление раскаленных масс. Может быть, именно это и сыграло решающую роль. Так или иначе, лава подползла к зданию завода, проломила одну его стену и остановилась, застыв. И осталась здесь базальтовая стена, равная по высоте заводскому зданию.

Это буйство Суртура обошлось Исландии в два миллиарда крон (примерно пятнадцать миллионов рублей). Для экономики небольшой страны — весьма ощутимый урон.

В эвакуации жителей Вестмманаэйяра и их временном размещении в других населенных пунктах страны большую помощь оказали многие исландские учреждения и организации, специально созданные комитеты. Был проведен сбор средств. В этом приняли участие и другие страны, в первую очередь Скандинавские. Общество Красного Креста и Красного Полумесяца Советского Союза выделило в помощь потерпевшим крупную сумму.

— Насколько мне известно, вы — первый советский гражданин, отправляющийся в нашу Помпею,— улыбается чиновник полиции, выдавая мне разрешение на посещение Вестмманаэйяра.

Еще в самолете Аурни показал мне вниз:

— Вот этот черный островок — Суртсей.

Совсем рядом выбрал Суртур место для новой своей деятельности.

Аэродром. С беспокойством поглядываю во все стороны.

Курится вулкан. Под ногами сквозь слой пепла пробивается травка.

Чем ближе к городу, тем все толще слой пепла. Вон торчит верхушка уличного фонаря. Теперь я уже понимаю, что иду над крышами, над погребенными домами.

Замечаем откопанный второй этаж дома. Через окно входим в него. В доме жарко, будто натоплено. Это от горячего пепла. Потолок подперт досками, чтобы не провалился под тяжестью пепла. Открыта дверца буфета. Посуда, початая банка варенья. На подоконнике незаконченный детский рисунок, рядом — вязанье... Невыносимо остро пахнет сернистым газом. Успокаивает мысль, что хозяева квартиры живы, что они вернутся.

Идем дальше. Из пепла во многих местах поднимается белый пар. Даже сквозь толстые подошвы пробивается жар.

Подходим к краю застывшего лавового потока. Садимся. Такое ощущение, будто сидишь на хорошо протопленной печке.

А вон откапывают целую улицу. Частицы пепла крупные, копать удобно. Экскаватор все круче наклоняет ковш. Подъезжают грузовики. Откопают улицу — добираются до отдельных домов.

Но есть места, где пепел не выпал. Пустынно. Гулко отдаются звуки наших шагов в этой тишине. В городе пока что живут только те, кто откапывает его. Но вскоре сюда вернутся и жители, хотя вулкан еще курится.

А вот на раскопках необычное оживление. Здесь много молодежи. Из транзисторных приемников звучит музыка. Парни и девушки, вооружившись лопатами и тачками, работают дружно. Уже возвышаются откопанные белые памятники. Слышна разноязычная речь. Оказывается, это иностранные студенты приехали помочь восстанавливать город.

Вместе с Аурни направляемся к дымящемуся кратеру. Поднимаемся в гору. Вот уже далеко внизу осталась засыпанная пеплом территория, за ней — скалы, выступающие в море, порт, дома.

Видны два застывших потока лавы, будто две руки вулкана. Одна погрузилась в пролив, другая простерлась к городу... Там работают экскаваторы, снуют грузовики.

Поднимаемся выше. Вот щит с надписью: «Дальше идти опасно!» Но ведь мы отправились в гости к самому Суртуру!

Становится очень жарко. В ботинок попал камешек, и я чуть не закричал от боли: будто уголек обжег ногу.

Надо идти, идти, идти. На месте не устоишь: вроде шагаешь по раскаленной сковороде. Со стен кратера то и дело срываются камни, падают вниз в пропасть. Оттуда вырывается горячий сернистый дым. От этого кружится голова.

А камни здесь красивые! Желто-золотистые, красные, оранжевые, зеленые... Легкие, пористые, горячие. Возьмешь в руки — приходится долго подбрасывать на ладони, пока не остынут.

Так вот он каков, Суртур! Великан произвел на меня сильное впечатление.

И все же в памяти от посещения Исландии оживают совсем другие пейзажи. Они и побудили мне дать именно такое название очерку.

Лев Гейденрейх

Вилюней

Чукотские записки

На Чукотке, далеко от населенных пунктов, на расстоянии нескольких суток езды на хорошей собачьей упряжке от поселка Марково, нарушая обычный тундровый равнинный ландшафт, возвышается сопка. Чукчи называют ее Вилюней, что означает «заячьи уши». Вершина сопки раздвоена и образует два пика. Житель пустыни, может быть, назвал бы ее Верблюжьей сопкой, так как она напоминает два верблюжьих горба. Чукчи, естественно, не представляли себе верблюда, у них другие сравнения, ассоциации. Эти две заостренные вершины показались им похожими на заячьи уши, вот и носит сопка название Вилюней.

Зимой сопку окружает тундра, покрытая белой накрахмаленной скатертью снегов, летом — бугры, поросшие ягелем, зелень осок, хвощей возле озерков, карликовая березка, кусты ивняка по берегам ручьев, разнотравье, то есть все то, что нужно для жизни северного оленя. А олень нужен для человека, обитающего в этих местах. Вот и кружили, кочевали здесь оленьи стада. А хозяева этих стад назывались лет сорок назад вилюнейскими чукчами.

С приходом на Чукотку Советской власти оседлое население включилось в новую структуру общественной и экономической жизни. Было проведено районирование Чукотского национального округа, созданы артели, колхозы и совхозы. В оленеводческие совхозы, как и повсюду на Крайнем Севере нашей страны, сводили оленей, национализированных у эксплуататорской верхушки населения тундры. И все же в те годы, о которых идет речь, кое-где оставались еще довольно крупные оленьи стада частного владения. Хозяева их редко появлялись в торгово-заготовительных пунктах.

Жизнь вилюнейских чукчей, кочевавших со своими стадами в глухой тундре, во многом еще определялась прежним, дореволюционным укладом. Во главе этой группы чукчей стоял Ятгыргин (то есть Кривой, Одноглазый). Чукчи называли его князем. Очевидно, он обладал какими-то личными достоинствами и пользовался среди единоплеменников большим влиянием. Богатством он не обладал, имел небольшое стадо оленей, голов в сто пятьдесят.

Оторванность вилюнейских чукчей влекла за собой ужасающую отсталость. Они подолгу могли жить без хлеба, исключительно на оленьем мясе и рыбе. Через посредников из других чукотских стойбищ, проникавших к ним спекулянтов разных мастей они приобретали лишь охотничий припас и рыболовецкую снасть. Львиная доля добываемой вилюнейскими чукчами промысловой продукции — пушнины и оленьего сырья — прилипала к рукам этих спекулянтов и посредников. Живя в полном смысле натуральным хозяйством, вилюнейские чукчи постепенно, так сказать, проедали

свои стада. Эта изоляция особенно губительно отражалась на малоимущих чукчах.

Органы Советской власти принимали энергичные меры, чтобы исправить такое ненормальное положение. На Вилюней была послана своеобразная экспедиция, в состав которой входили партийные и советские работники. Задача состояла в том, чтобы учредить в Вилюнее национальный совет. Однако чукчи откочевали куда-то в неизвестном направлении. Встреча не состоялась.

В 1936 году началась Всесоюзная перепись населения. Командированный на Вилюней работник окружного комитета ВЛКСМ столкнулся с недоверием и недоброжелательством. Когда он вел перепись населения в корякских стойбищах, соседних с вилюнейскими, вдруг появился Ятгыргин. Войдя в ярангу он спросил статистика через переводчика — каюра:

— Что здесь делаешь?

— Переписываю население.

— А знаешь ли, что все это мои люди? Уезжай, здесь я хозяин и своих людей переписывать никому не позволю.

Юноше пришлось уехать. В те годы я был начальником марковской фактории «Крепость» и высказал мнение, что первые шаги к налаживанию контактов с этой группой чукчей необходимо осуществить с помощью торговли и заготовки пушнины, что это будет наиболее практически действенный вид первоначальных связей. Со мной согласились.

Итак, снаряжаю торгово-заготовительную экспедицию на Вилюней с дипломатическим подтекстом.

И сразу хлопот полон рот. Надо было подобрать не менее десяти первоклассных собачьих нарт и упряжек, договориться с каюрами, из которых двое-трое могли бы быть переводчиками. Надо было заранее расфасовать, развесить две с половиной тонны товарного груза, разместить его по ассортименту и по весу на нартах. А запас юколы для собак, продукты для людей, палатки для ночевки, лыжи для каюров? Ведь если снежный покров рыхлый, приходится идти впереди упряжки, прокладывать ей дорогу.

Сам я решил ехать на своей упряжке, подобранной каюром Алиным.

Ермил Иванович Алин

Каюр — собачий или олений ямщик. На Крайнем Севере он всегда был весьма заметной фигурой. Это и почтовая связь, и перевозчик грузов и пассажиров. Каюры были сподвижниками многих полярных исследователей, первооткрывателей.

В хозяйстве фактории «Крепость» было шестьдесят ездовых собак. Кормлением их занимались отец и сын Дьячковы. Но главным консультантом, к советам которого я внимательно прислушивался, был марковский каюр Ермил Иванович Алин. Никто так, как он, не умел отобрать из молодняка крепких, выносливых ездовых собак, воспитать из них дружную в работе упряжку. Знал

он вдоль и поперек пути-дороги во всей округе, мог точно попасть, как пальцем ткнуть, в любое оленеводческое стойбище. С ним я ездил в Анадырь, с ним решил отправиться и на Вилюней. Ермил Иванович в совершенстве владел чукотским языком, знал прекрасно оленеводов, изучил их потребности, национальные традиции, вкусы.

У него была своя школа дрессировки ездовой собаки. Школа, надо прямо сказать, весьма жестокая, но вполне оправдывавшая себя.

Наблюдая за Ермилом Ивановичем, я всегда удивлялся, как это в нем совмещались суровые методы дрессировки собак и удивительная мягкость, добродушие в общении с людьми.

Он любил шутить, нравилось ему рассмешить собеседника остроумным словечком, каким-нибудь неожиданным коленцем.

Перевалило ему за пятьдесят. Небольшого роста, ширококостный и сухощавый, он был подвижен, быстр в движениях, но без суетливости. Лицо его светилось какой-то особенной выразительностью, которая невольно обращает на себя внимание. Ермил Иванович с его ловкими руками, верным глазом считался лучшим в районе мастером по поделке собачьих нарт, каяков и лодок. Собак он наезживал по первому снегу.

Приучив их влегать в шлейку и дружно тянуть, Алин отдельно работал с каждым псом, воспитывал у него чувство дисциплины, повиновения, добивался предельной отдачи сил в работе.

Отъехав недалеко от фактории, Ермил Иванович выбирал место, занесенное мягким снегом, и начинал тренировку. Он сурово наказывал неповинующихся, все время подавал им команды. Выйдя на улицу, я слышал лай и визг собак и повелительные возгласы каюра. То громкое хак! хак! хак! (вперед!), подь! подь! подь! (вправо!), то гортанное кх! кх! кх! (влево!) и наконец плавное, протяжное, успокаивающее та! та! та! (стой!). Других слов Алин не произносил, не ругался, не кричал. Команда должна была накрепко запомниться четвероногим. Поощрение — куски юколы, наказание — плетка.

Собаки возвращались на факторию очень уставшими, некоторые еще повизгивали от возбуждения.

Алин, обращаясь ко мне, с гордостью произносил:

— Ну вот, Лев Николаевич! Собаки готовы!

— Ермил Иванович! Ну как тебе не жалко их так истязать?

Алин только усмехался, а однажды ответил так:

— Неужели ты не понимаешь, собак я жалею, может, больше, чем ты, они мне родные, с ними вся жизнь прошла, ведь каюрство — мой хлеб. Но если я их с осени не вышколю как следует, дело будет плохо. Эту мою учебу они на всю зиму запомнят. Они ведь за лето да за осень от работы отвыкают, только едят да спят и здесь на фактории, и на рыбалке. Отъедаются, забывают работу, хозяина, команды. А после тренировки у них все навыки восстанавливаются. Понимают, что команда — это закон и выполнять ее надо изо всех сил. Команды по новому, по свежему следу засекут. Зато зимой только к нарте подойдешь, натянут потяг

и встанут как одна, даже подрагивают слегка, и ушки стоймя поставят. «Хак, хак!» — и разом в шлейку влягут, сорвут нарту и пошли ногами перебирать, хвосты калачом, голова в голову. Любо посмотреть. Назад не оглянутся, не ждут остола — палки. А недоработанные собаки, не получившие в начале зимы острастку, какую я даю,— продолжал Алин,— всю зиму на остол оглядываются. Одна тянет, а другая нет, лямка у нее по снегу тянется, ее остолом постоянно под хвост подгонять надо, и за зиму такие собаки так к погонялке привыкнут, притерпятся, что и палка не помогает,— маята, а не езда. А к весне, забитые, и совсем откажут. Вот так-то.

Заслуги ездовой собаки в Арктике и в Антарктике, мне кажется, до сих пор недооценены. Если внимательно присмотреться к этому истинному другу человека, можно смело заявить, что, подобно северному оленю, ездовая собака помогла многим народностям победить в смертельной схватке с «белым безмолвием».

Ездовых собак на Чукотке можно разделить на два типа. Крупные, тяжелые, волчьего склада в приморских поселках и более легкие в верховьях реки Анадыри. Сложились эти типы собак в соответствии с условиями жизни. Приморские ездовые собаки кормились высококалорийным тюленьим и моржовым мясом, приспособились для работы в тундре на крепком утрамбованном ветрами насте. Более легкий тип собак, выросших на рыбных кормах, прекрасно приспособлен к лесотундровой и лесной зоне с ее мягким пушистым снегом. Такие собаки не проваливаются, идя по лыжне, проложенной каюром.

Марковские собаки были именно этого типа. В ту пору почти все снабжение и связь в Чукотском национальном округе осуществлялись с помощью ездовых собак, особенно в далеких от водных магистралей районах.

Путь – дорога

Февральское солнце забралось в сенцы фактории. Но иней на развешанной кухлянке не таял, поблескивал на волосках оленьих. Солнце светило, но пока что не грело. Метрах в двадцати от нашего домика на тальнике спокойно сидели куропатки. Немного ближе у остатков собачьего корма возились сороки — шумливые, вздорные и всегда неприятные для охотника пичуги.

Едва я переступил порог, как столкнулся с Ермилом Ивановичем.

— Готов? — коротко спросил он.

— Готов.

— Тогда поехали! — И Алин легкой, скользящей походкой, слегка наклоняясь вперед, быстро зашагал к складу.

Здесь уже все были в сборе: десять нарт, сто двадцать собак, десять каюров, считая меня и Алина. Но всего людей было одиннадцать. Этот «сверхкомплектный» человек появился на фактории несколько дней назад. Он был послан Центральным статистическим управлением проводить перепись населения в нашем районе, в

том числе и вилюнейских чукчей, и вручил мне письмо с просьбой оказать ему в этом всестороннюю помощь.

Я прочитал письмо без особого удовольствия: лишний человек — меньше товарного груза. Но — делать нечего! — принял гостеприимно. Звали его Михаилом Григорьевичем. Он сидел на последней нарте, занимая чуть ли не половину ее, до того он был одет тепло и потому объемисто, пышно.

Как все новички на Севере, выглядел он прямо-таки чучелом гороховым, напоминая дитя, туго запеленатое заботливой матерью.

Ермил Иванович подошел к нему и дал несколько наставлений о поведении на нарте.

— Михаил,слышь, Михаил! Сиди на нарте спокойно, не вихляйся, не качайся, приноравливайся к ходу, к поворотам. Человека везти труднее, чем груз. Тот спокойно, плотно лежит, не шевелится, а человек туда, сюда наклоняется, собак дергает... Всю дорогу-то не сиди, последней нартой пойдете, дорога промятая, можно и пробежаться для разминки. Понял?

— Понял.

— Ну, тронулись.

Страиная эта у собак привычка. Приготовились бежать, стоят молча, ждут команду. «Хак! хак!» — сорвались и обязательно с лаем. Лают все упряжки наперебой, будто бросаются в атаку. Войдут в работу и стихиут. Только прерывистое дыхание слышио да изредка каюрский окрик. И по снежиой равнине вытянутся собачьи упряжки, каждая из шести пар собак, запряжениых в нарты. И вот такая темная змейка врежется в белизну сиегов, растяиется метров на двести и пойдет вилять, поворачивать то вправо, то влево. Сиег, как пышный торт с белоснежными взбитыми сливками. Смотреть-то приятно, да трудно ехать. Запурхаются в сиегу собаки, попрыгают, попрыгают и встанут. А тяжелее всех приходится первой нарте.

Ермил Иванович давно уже встал иа лыжи и идет впереди иарты — обмииает снег, прокладывает след. Устанет Алии, отвернет нарту в стороиу — другой каюр пойдет иа лыжах покорять сиежиую целину, другая упряжка собачья примет иа себя тяжесть первопроходца, и так весь обоз посменио штурмует трудный путь. Еду иа второй иарте за Ермилом Ивановичем. Собаки идут след в след. Передовые — Беля и Цыган, белоснежный и чериый псы, широкогрудые, крепкого сложения. Оба умницы, команды выполняют четко и безотказно.

— Та!.. та!.. та!.. (стой!) — громко и протяжно кричит Ермил Иванович, остаиавливая иарту.

«Та! та! та!» — как эхо пронеслось иад всеми упряжками. Обоз встал.

Ермил круто отвериул упряжку вправо.

— Подь! подь! подь!

Резко меияем курс. Высокий берег озера, иа нем громадиым козырьком нависла огромиая глыба сиега. Вот-вот, и вся эта снежная лавииа обрушится. А если завалит нарту, ие вдруг выберешься... Чутко чувствует дорогу Ермил Иванович, знает все ее подвохи, сюрпризы и коварство. Мою иарту на смену мять дорогу, пока не миинуем озеро, Ермил Иваиович не пустил. Передней иартой поехал его одиофамилец Алии из Еропола, и пошли утрамбовывать рыхлый снег его широкие подбитые лосиным камысом лыжи. Упряжка Ермила Ивановича и моя пропустили все нарты и вступили в строй иа восьмом и девятом местах. На десятой нарте, далеко выставив в сторону иоги, ехал Михаил Григорьевич.

Сиежиый обвал — ие шутка. Незадолго до иашего выезда в «Крепость» пришла печальная весть. В урочище Майно-Пыльгиио кочевало колхозное оленье стадо. Двигалось оио иа узкой полосе вдоль берега моря. Над этой полосой высился обрывистый берег. В одном месте образовался огромный сиежиый навес. Как только и держалась эта многотоииая громада? Оиа словио ждала малейшего сотрясения, колебания своей осиовы. Тысячиое стадо с ярангами, аргишами, видимо, потревожило этот снежиый иавес. Как огромный белый медведь, приготовившийся к прыжку иа зазевавшуюся у продушины иерпу, ринулась лавина иа олеиье стадо. Погибла не

одна сотня оленей, пострадали люди, имущество. Драма в Чукотской тундре. Неожиданная, нелепая, стихийная.

Остановка. Надо дать отдохнуть собакам. Палаток не ставим. Собаки моментально свертываются в клубок, прикрывают нос хвостом и дремлют. Разгребаем снег. Идем с ведром н пешней к ручейку за проточной водицей. Вспыхнул костерок из тальника. Кипятим чай, оттаиваем мерзлый хлеб, режем на дольки кету, засоленную еще с осени. Это каюрская походная еда. Кое-кто закусывает юколой. Я угощаю спутников пельменями, их порядочно заготовил повар фактории Лукич. Мерзлые, они постукивают друг о друга, как грецкие орехи. Через несколько мннут горяченькне, с бульонцем взбодрят, развеселят.

С часик отдыхаем... Еще два перегона — н Ваеги. Там будем ночевать. Поднялся Ермил Иванович, за ним и все к нартам потянулнсь. Собакн опять с лаем двинулись с места. Собак в пути не кормят. Только отдых им нужен. Кормнть будем на ночь. Такова устоявшаяся практика. За ночь собаки отлежатся, отдохнут, переварят юколу, опорожнят желудок и налегке, с новымн силамн натянут потяг.

В дороге не бывает без пронсшествнй, пусть самых маленьких, но все-такн пронсшествий. Так н на этот раз. Ермил Иванович опять ехал впереди. На поворотах он всегда успевает оглянуться на весь обоз, запрнметить, у кого как идут собаки, все ли в порядке.

Уж начало темнеть. Спускались не серые, а какие-то снзые сумерки. Ермил Иванович повернул влево. Весь обоз вытянулся дугой. С первой нарты были видны все девять идущих следом. Бегут собаки, силуэтамн — фнгуры каюров.

— Та, та! (стой!) — крикнул Алин.

Моя нарта проскочила вперед, поровнялась с ведущей.

— В чем дело?

— В чем? Посмотрн, сам увидишь!

Внимательно оглядываю нарты — н что же: на задней, ссутулившнсь, сидит один старнк Дьячков, каюр, а Михаила Грнгорьевича нет.

— Где же он?

— Известно где, свалился с нарты сонный, там н остался. А Дьячков спнт илн о старухе своей задумался. Ну, поехали москвича искать, где-нибудь плетется в своих сорока одежках. Ох, уж эти мне прнезжне, канители с ними.

Подъезжаем к Дьячкову.

— Спншь? — сердито буркнул Ермил.

— Ась! Ах, черт, вздремнул, видно, маленько!

— А Мнхаил-то где? Потерял Мнхаила-то! Едешь себе, не оглянешься! Поехалн потерю искать.

Нашли мы Мнхаила Грнгорьевича в сугробе мягкого, пушистого снега; пробовал он следом идти и не смог... Решил ждать нашей помощн.

В Ваеги въехали поздним вечером. Это ламутский поселок. Жнвут в нем спокойные, уже не тундровые, а таежные люди — ламуты. Живут охотой, рыбалкой. Понемногу держат оленей. Олень

здесь крупиый, высокоиогий — лесиой. Вьючный олеиь. Держат здесь и собак, хотя вообще-то их в оленеводстве иа Чукотке в отличие от европейской и западносибирской тундры не использовали. Пастухи в осиовиом молодежь — быстроиогие, выносливые. Бег с посошком в руках исстари был основным видом спорта.

Назавтра выехали из поселка уже двеиадцатью иартами. Присоединились к иам Василий Шарыпов и ламут Федор иа двух собачьих иартах с товаром. Шарыпов заведовал Ваежским отделением нашей фактории. Его-то отделеиию и предназиачалась главиая роль в устаиовлеиии контактов с вилюиейцами.

Ваеги — самый ближний к Вилюиею поселок. Отсюда поведем «обстрел» яттыргииских позиций, а позже приучим вилюиейцев ездить в Ваеги, а там и на факторию «Крепость» пригласим, и с Марковым позиакомим. Все ие спеша, мирно, через товар, через заботу, через взаимное доверие.

Февраль в этих широтах обычно буранный. Так было и в этом году. Дия за три до нашего выезда из «Крепости» иебо с темиыми густыми облаками, мрачно иависшими иад тундрой, накоиец посветлело, сбросив на землю тяжкий снежный груз. Визжа, завывая то ли в шалости, то ли в злобе, разметали ветры снег по распадкам, заровняли овраги, речушки, озера, намели сугробы. Бураиный снег, свежий, ослепительной белизиы, еще не успел окрепиуть, заиаститься. Тонут в нем иаши упряжки, врезается в сиег, оседает полоз, глубоко проваливается лыжа под каюрской иогой.

Движемся медлеино, с частым отдыхом у костра. Безлюдье. Впереди первые корякские стойбища, но до иих еще целый день. Мие приходится трудновато. При моем росте и весе лыжа проваливается глубоко — иду медлеино. Ермил Иванович подшучивает:

— Ну как каюрская работенка?

— Тяжеловата, ио пока по силам, только потею здорово.

— Зато после тебя собаки хорошо идут, лыжне можио только радоваться: плотная, ториая.

Михаил Григорьевич снял гусь (верхняя одежда мехом наружу), едет в одиой кухляике и матерчатой камлейке сверху. Частеиько бежит за иартой — выполияет наказ Алииа. Ничего, привыкиет.

Совсем стемиело, и вдруг где-то вдалеке мигиул огонек. Видно, кто-то выходил из яраиги и откинул полог.

Ермил Иванович остаиовил иарту:

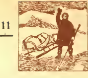
— Ну как, ночевать будем в яраигах или палатки поставим?

— А как ты сам думаешь?

— В палатках.

— Ставьте палатки.

Устроились мы капитальио. Сиачала вырыли в снегу квадратные углубления до земли и опустили в них палатки, присыпали снежком стенки. Вот и тепло! У нас с собой были две палатки и две маленькие печки, сделанные работииками фактории. Материалом послужили десятилитровые банки из-под керосина, который был завезеи к иам. Печки, как игрушки. Роздали их охотникам и себе оставили для разъездов. В палатке жара — разделись до белья. Какая благодать после трудной дороги, усталому и продрогшему (в дороге-то, пока



на лыжах, согреешься, а сядешь на нарту потный — и прохватит до дрожн) растянуться на оленьей шкуре в тепле и затишье. Ах, и хороша же жизнь, пусть нелегкая, шероховатая, а хороша!

В большой палатке разместились девять каюров. В малой нас четверо: Алин, Шарыпов — заведующнй ваежским филиалом, Мнхаил Григорьевич н я. По-домашнему солидно закусили, напились чайку. Теперь бы и на боковую. Только не всем.

— Мнхаил Григорьевич!

— Что, Лев Нниколаевич?

— Вы не располагайтесь ко сну. Придется вам сейчас же приступнть к вашей работе — переписн. С вами пойдет в корякскне яранги Шарыпов: он здесь всех людей знает. Он — за переводчнка, а вы свои лнсты с его помощью заполннте. На обратном пути здесь остановкн не будет. Налегке поедем, только с пушнниной, большими перегонамн.

— Я готов.

Мнханл Григорьевич начал собнраться, взял объемнстый портфель.

— Васнлий,— сказал я Шарыпову,— мою нарту распакуй, возьми три плиткн чаю, три кулька с сахаром и по папуше черкасского табаку. На трн ярангн раздели.

Часа через три вернулнсь Михаил Григорьевич с Шарыповым. Чтобы дать им выспаться, выехалн на следующнй день в десять.

Выдался веселый, солнечный февральскнй денек с легким морозцем, градусов на двадцать, не больше. Собаки, казалось, тоже повеселели и работают с особым усердием. Еду четвертой нартой, Ермил Иванович — третьей. Дорогу торнт Шитиков из Маркова, молодой, проворный парень. Упряжка у него сильная. Вот поднялось снежное облачко, переливаясь в солнечных лучах. Это из-под снега вырвалнсь потревоженные нами куропатки и кремовой стайкой отлетели в сторону. Заволновались собакн в нзвечном желании догнать, схватнть дразнящую своей близостью птнцу.

К вечеру доберемся еще до одного корякского стойбища, а за ним и Ятгыргнн. К вилюнейцам надо попасть днем, чтобы осмотреться да и самый момент встречн обставить с некоторой театральностью, торжественностью. Чем-то надо поразить вилюнейцев, показать товары Ятгыргнну не в яранге, где темно и тесно, а прямо на улице при стечении народа. Чтобы было все зрелищно, впечатляюще.

Часам к восьми вечера подъехали к корякам. Стоят всего двумя ярангами. Разбиваем палатки. Мнхаил Григорьевич с Шарыповым идут переписывать хозяйства. Маленькие подарки — чай, сахар, табак. Я просматриваю упаковочные лнсты; онн составлены на каждую нарту, чтобы было нзвестно, где что лежит.

Вернулись статнстики.

— Ну как, Михаил Грнгорьевич? Портфельчик-то ваш пухнет?

— Все идет прекрасно. Прямо как моя нарта по промятой дороге. Переписали хозяйства. Коряки нас провожалн до палаток, нарту сухнх дров подвезлн. Говорят: «Топите нашими, онн сухие, а добытымн нз-под снега растапливать долго».

— Торговать хотели,— добавил улыбаясь Шарыпов,— у них пушнина есть. Я сказал, чтобы в Ваеги приезжали, здесь распаковывать товары не будем. Все на Вилюней везем. Они ведь ко мне приезжают, только редко. В ярангах у них потемки. Освещаются жирниками. Олений жир топят. Сказал, что керосин есть в Ваегах и лампы-семилинейки. Приедут. Расспрашивают, какой товар есть. Ну, я все расписал, а про «Крепость» и толковать нечего: полно́, говорю, товару, чего душа желает.

— Ну, спасибо!

— А они давно знают, что мы к ним едем. Как из «Крепости» выехали, тундровая почта незамедлительно все передала: и сколько нарт с товарами, и сколько людей. Теперь и Ятгыргин уже в курсе дела. У них все это, как по телеграфу, передается без задержки.

— Как-то Ятгыргин встретит?

— Это от нас зависит. Чуть ошибешься — от ворот поворот.

— Да...— неопределенно протянул Ермил Иванович.

— Сколько русских, спрашивали,— продолжал Шарыпов.— Говорю: двое. Начальник фактории и писарь с ним. А зачем, говорят, переписывали нас? Ответил, что нам знать надо, какое у кого хозяйство, сколько народу, чтобы заранее определить, сколько чего надо завозить для них, какой товар, когда.

— Смотрят доверчиво,— подхватил Михаил Григорьевич.— Чай подаренный сразу же заварили, нас угощали. Сахар похвалили, что крепкий, синий, на расход экономный. Ну, мы выпили по кружке. С посудой у них тоже плохо. Четтагын (сени в чукотской яранге) пустой. Бедно живут. Малооленные все.

— Вон карточки-то. В них все теперь записано. В двух хозяйствах двухсот оленей нет,— вставил Шарыпов.

— Может, и убавляют,— глубокомысленно произнес Ермил Иванович.— У них все сразу не узнаешь. Но эти небогатые. По ярангам видно: маленькие да и ветхие, из старых постелей оленьих. Давно, видать, держат.

— Ну, чаевничайте, закусывайте и спать. Завтра затемно выедем, чтобы днем у Ятгыргина быть,— заключил я.

Алин вышел и вернулся минут через десять. Собаки в порядке, накормлены. Спят, наработались бедняги. Дорожка-то мягковата под полозом.

Ятгыргин

Расчет времени сделал Ермил Иванович. Выехали к Ятгыргину часу в восьмом утра. Февральские дни посветлее. К полудню должны быть в «ставке».

Едем по следу двух оленьих нарт. Это коряки отправились к Ятгыргину с известием, что сегодня мы будем у него. Мы об этом коряков не просили. Но таков тундровый обычай. Видно, хотят присутствовать при встрече, посмотреть, какой товар подвезли, чем мы богаты.

Полдень. А вот н яранги. В европейской тундре да и в сибирских, ямальскнх всегда ищешь глазом треугольник чума, а здесь яранги закругленные. Чериеют онн, как ковриги черного хлеба, на белой скатерти снега. Трн яранги — трое хозяев стоят. Оленей не видно. Стадо отогнали подальше. Вилюнейцы нас ждут. Мужчины все у яранг, кто сидит на нарте, кто стоит.

— Вон Ятгыргин. Смотрн, Лев Николаевич, на нарте сидит, на белой оленьей постели.

Алин остановил собак. Все остальные упряжки встали полукругом, охватнв, как неводом, яранги н человек двадцать встречающих.

— Здорово! — Алин протянул Ятгыргину руку.

— Здравствуй! С чем прнехал?

Подошел н я, поздоровался.

— Здорово! — Внимательно посмотрел иа меня правым глазом Ятгыргин. Левый был закрыт аккуратным кружком из оленьей сыромятной замшн.

Алин стал переводить мон слова.

— Прнехали торговать. Вот товар подвезлн. Слышали, что у вас кое в чем иужда, ну н привезли сколько смогли на собаках. Торговать хотим. Пушнину, какая есть, и олеиий товар — вы иам, а мы вам — свой товар. Как живете? Как олени? Как промысел?

— Год неплохой, — последовал ответ, — н олень хорошо летовал, н зверь есть, ие шибко много, но добывать можно.

— Мы к вам с добром.

— Увидим, — в раздумье тихо бросил Ятгыргин.

— Алин! Несн подаркн.

— Чего?

Подаркн мы прнвезли для первого знакомства н чтобы почин торговле дать!

Быстро развязал нарту. Михаилу Григорьевичу, которому предстояла самая трудная работа по переписн, вручил я два медных, отливавших зеркальным блеском (хоть брейся!) таза — малый и большой. В большой положил пять кирпичей чаю, в малый — десять кульков сахару.

— Унесешь? — спросил я Михаила Грнгорьевича.

— Унесу.

— Первый возле Ятгыргина положишь.

— Хорошо, так и сделаю.

Ермил Иванович прннес ящик галет, Шарыпов — три куска долембы азнатской красного, зеленого н синего цвета. Второй Алин набрал табаку «Черкасского» несколько папуш, прихватил «Флотскнй» трубочный, жевательный плиточный. Я взял два медных чайника (мечта оленевода), две лампы семилииейных с запасными стекламн, трехлитровый бачок с керосином, Шитиков — сотню вннчестерных патронов, малокалиберную «тозовку» и к ней двести патронов, две пачкн стеариновых свечей.

— Како-мэй!! — удивленно воскликнули вилюнейцы.

— Куда это мне? Тут столько товару, что у меня н пушнины не хватит, — перевел мне Ермил Иванович слова Ятгыргина, произнесенные, как мне показалось, с некоторой растерянностью.

— Ермил Иванович, переведи: это подарки от большого начальника из Москвы. Пушнины за это мы не возьмем. За пушнину еще товар возьмешь.

— Како-мэй!!— опять вздохнула толпа.

Ятгыргин быстро подбежал к своей яранге и что-то крикнул.

— Баб кличет забрать подарки,— шепнул мне Алин.

— Ну, дело вроде налаживается.

Алин, Михаил Григорьевич, Шарыпов и я по приглашению Ятгыргина направились в его ярангу. Остальные каюры стали развязывать собак, отвели их в сторону, закрепили. Кормить будем, как всегда, на ночь. Всем трем хозяевам яранг подарки вручили, кому что.

Я никогда не ел такого вкусного оленьего мяса, как на Чукотке. Чукчи оленя не бьют, а душат удавкой. Приканчивают уколом ножа в мозжечок. Кровь не сбегает, вся остается в мясе. Оленину слегка недоваривают. Вкус удивительный, тонкий — вкус дичи.

Поели мяса у Ятгыргина до отвала. После нашей немудреной дорожной кухни насладились мяском чукотского приготовления. И за чай. Куда без него? Чай с сахаром, крутой заварки, с галетами, сливочным маслом. А тут еще хозяйка поставила в подаренном нами медном тазике горячие, с ароматным парком оленьи языки.

Разговор через переводчика, медленный, трудный, ни на минуту не затихает. Горят преподнесенные факторией лампы. Женщины обогрели, протерли стекла, заправили фитили. Светло. Совсем другая жизнь.

Яранга у Ятгыргина добрая, из хороших оленьих шкур, теплая. Полог большой, с внутренней стороны, с мездры, выкрашен в коричнево-красный цвет, видно, ольховой корой. Уютно и чисто, душновато немного, но полог постоянно поднимают снующие по своим хозяйственным делам женщины.

— Немножко отдохнем, а потом и поговорим о деле,— сказал я Ятгыргину. Ермил Иванович перевел. Сидим, дымим трубками. Кое-кто придремал. С дороги да с холоду человек до сна охоч. Палаток здесь ставить не будем. Надо стать с хозяевами на более короткой ноге.

Тихо. Михаил Григорьевич похрапывает. Разморило его после сытного обеда. Ятгыргин куда-то ушел. Кажется, совет держать. Мы с Алиным и Шарыповым тоже поговорили, как дальше действовать. Все продумали. Ждем Ятгыргина.

Откинулся полог, вот и он.

— Ну садись, говорить будем,— обратился к нему Алин.— Торговать будем?..

— Будем,— согласно кивнул Ятгыргин.— Я уж две нарты отправил по стойбищам, чтобы все сюда ехали, чтобы пушнину, неблюя, пыжика везли. Крупные шкуры, я слышал, не будете брать?

— Не будем, на нартах много не увезешь. В Ваеги везите. Там Шарыпов примет. Не обижайтесь. Всего зараз не захватишь.

— Лев Николаевич, а мяса для собак будем просить?— обратился ко мне Ермил Иванович.— Юколы-то у нас только-только на

обратный путь. Говорил я, больше надо брать. А ты все на товар нажимал. Товару больше грузить приказывал.

— Скажи Ятгыргину, что торговать будем три дня. На четвертый в полдень — в обратный путь. На трое суток надо мяса собакам. Оленей двенадцать надо будет забить. За мясо заплатим.

— Мясо будет. Двенадцать оленей всем народом не страшно дать, а плату мы с вас не возьмем. Вы к нам с добром приехали. Ну и мы вас добром встречаем,— заявил Ятгыргин.— Не разоримся.

— Три раза мясом собак накормим, а перед выездом в дорогу опять юколу дать надо. От мяса с непривычки собаки жидко оправляться будут, на стоянке это ничего, а в дороге плохо. Не каждая собака в сторону оттянуть успеет. А под полоз жидкий кал попадет, канители много, полоз выскребать надо, нарту на бок валить,— объясняет мне Ермил Иванович.

— Хорошо. Пусть по-твоему будет, тут с тобой спорить не приходится.

— Вот что еще,— обращаюсь я к Ятгыргину,— видишь, человек со мной, писарь? Ты ему разреши народ переписать и хозяйства.

— А зачем это?

— Вот зачем. Ты стадо держишь, тоже ведь все рассчитываешь: сколько быков надо на кочевку, на промысел, сколько маток оставить, телят, молодых оленей на смену выбракованным. Все рассчитываешь. Ну и мы должны рассчитать, сколько продуктов для твоего народа завезти надо, каких, сколько сыромяти, юфти на оленью упряжь, китового уса под полозья, лахтака на подошвы к летней обутке, капканов для промысла разных, ружей, патронов. Писарь с Шарыповым все это выспросят у хозяев и запишут. Мы уже не вслепую будем с вами торговать. Как у тебя олени по твоему плану живут, так и мы по плану все завозить станем.

— Ну, пусть переписывает тогда,— кивнул Ятгыргин в сторону Михаила Григорьевича.

— Заодно вместе с Шарыповым и товарные заявки соберите,— сказал я статистику.— Потом объединим, прикинем «на запас» неучтенное и запланируем завоз товаров на Ваеги. А там и на факторию «Крепость» будут ездить.

— Вот что,— переводит Ятгыргину мои слова Алин,— вам не надо больше у спекулянтов по дорогой цене товар покупать. Много теряет твой народ на этом. Я слыхал, здесь кое-кто лисицу за папушу табака брал. Надо ездить в Ваеги и на «Крепость»: там по-настоящему оценят пушнину и сырье, а товар продадим по твердой государственной цене. Когда у твоих людей будут мука, масло, всякий припас, оленей-то меньше станете бить на мясо, сохраните их и сами заживете получше!

— Так-то так, да далековато ездить,— задумался Ятгыргин.

— Далековато? Мы на собаках к вам быстро добрались, а на оленях с осени по мелкому снегу, а весной по последнему насту быстро перемахнете. Оленю ведь юколы не надо, корм под ногами. Вот мы уедем, а в марте вы в Ваеги привозите, что есть у вас, и запасете всего до осени. Еще полтора месяца промышлять зверя

можно. А в ваши дела н обычан мы вмешиваться не будем, пока сами не захотите по-новому жить.

За разговорами наступил вечер.

— Ну, Михаил Грнгорьевич, Шарыпов, начинайте перепись с Ятгыргина. Заявку на товары возьмите у него. А я пойду пока в другие яранги, посмотрю, как каюры устронлись, с народом познакомлюсь.

— Пишите.— И Ятгыргин пододвинул ближе к свету низенький столик.

Часика через полтора я вернулся.

— Чай пить будешь?—дружелюбно обратился ко мне Ятгыргин.— Завтра к полудню все подъедут. Торговать будем.

Ермил Ивановнч пошел раздавать собакам мясо. Издалека послышался собачий лай, взвизгнвание.

Вернувшись в ярангу, Алин сказал:

— По всему видать, а особенно по моим костям, завтра будет хороший день, тихий, с морозцем. Ни одна косточка не мозжит.

Да, померз н помок Ермил Иванович Алин, помял своимн лыжамн чукотские снега, вот и косточки стали ныть на плохую погоду.

Торг

Алинский «барометр» оказался точным. Опять на редкость хороший день. Подъехали вилюнейцы. Нарт пятнадцать стоят у яранг. Определяю: все с товаром. Под оленьими шкурамн на нартах горбом выпирают мешки с пушниной.

— Сегодня больше ие прнедут,— переводит мне Алин слова Ятгыргина.— Это ближние пожаловали; кто подальше стоит, завтра явится. Так лучше, посвободней, а то тесно в ярангах: вас трннадцать да их десятка три—ну и будет свалка.

Нашн нарты распакованы. Стоят полукругом. Товар на виду. Для развлечения достали два малокалиберных ружья. В стороне на шестах укрепили бумажный лист с нарисованным иа нем бегущим зайцем, достали патроны. И пошла стрельба. Состязаются охотникн в меткости, оценивают бой ружья. Каждый меткий выстрел вызывает громкое одобрение, каждый промах—смех и шутки. Ятгыргинское стойбище, все трн хозяина, уже отторговалось. Веселые и довольные, балагурят с прнезжими.

Приступаем к работе. Мое дело—оценить пушнину. Ермила Ивановича—выдать покупателю наш товар, Отец и сын Дьячковы пушнину и сырье будут укладывать в мешки, обминать и относить в малую палатку, разбитую в качестве склада.

Вот первый приезжий, старнк. Долго копается в мешке на своей нарте, иакоиец выхватил лисицу, идет ко мне. Издали вижу: лиса дрянь. Рассматриваю мездру, волос. Лиса позднего, весеннего промысла. Как говорится, отцвела. Громадные «очки» на плечах, выпал кроющий волос. Мездра дряблая, с плесенью. Приемке не

подлежнт. Что делать? Старик смотрнт на меня в упор. Народ стонт вокруг. Это пробная лнсица, «хитрая» лисица. Меия проверить решилн. Не купить — плохо: других оттолкнешь; взять нельзя: такую дряиь на базу во Владивосток не отправишь. Засмеют товароведы базовые. Да еще н штраф заплатншь за покупку нестандартного сырья. Тишина. Все ждут моего решення.

«Возьму за двадцать пять процентов стонмости, как брак».

— Что нз товаров покупать будешь? — спрашнваю старнка.

Старик заулыбался. Отобрал в первую очередь табак, чай, сахар, масло, все расфасовано по килограмму. Внимательно смотрнт иа меия. Он знает: лиснца плохая. Я записываю отпущенный товар, подсчитываю его стонмость. Больше денег у сдатчика нет. Что, думаю, дальше будет? Теперь я наблюдаю с любопытством за старнком. Тот посмотрел на меня н понес к своей иарте купленный товар.

— Како-мэй! — воскликнули окружающне н все сразу ожнвленно заговорнлн.

— Хорошо заплатил, говорят, — шепчет мне Алин.

— Прншлось так поступить, хотя лиса гроша не стонт.

Старнк передал товар жене н несет мне уже весь свой мешок. В нем оказалось два песца, трн лнсы н выдра. Все хорошего качества, хорошо обряжены. Вот это пушнина! Оцениваю. Алин отпускает товар, я подсчитываю.

Как по команде, все бросаются к свонм нартам, торопясь, развязывают мешки. Лед тронулся! Идет торг. Образовалась очередь. Помогать Алину встал Шитиков, вдвоем отпускают, что выберет охотник.

Каждого сдатчика направляют в большую палатку. Там Михаил Грнгорьевнч н Шарыпов ведут перепись, берут заявки на товары. Так по конвейеру к четырем часам закончили торг.

Народ после торга пьет чай в ярангах; мы переселилнсь в палатки, чтобы освободить место.

Уезжая, каждый подходит попрощаться за руку.

На завтра следующая партия сдатчнков. Товар отпускаем так, чтобы всем н всего хватило поровну.

За мукой, растительным маслом (оно у нас в бочках), керосином прнглашаем в Ваеги, на «Крепость». Охотники согласны. Подъедут на оленях в конце марта по насту.

— Ну, как? — спрашивает Ятгыргин, когда мы сидим впятером за чаем.

— Пушнины нзрядно подвезлн н пыжик добрый. Неблюй так себе, ио есть н первосортный, чистый, вылннявшнй, для себя иа кухлянки, видно, женщины запасалн. Но не устояли перед нашнми товарами — продалн.

— Завтра, — говорит Ятгыргин, — больше пушнины будет. В одном стойбище черная лисица есть. Я велел прнвезтн. Народ вами доволен: товар хороший, пушнину взяли по высокой цене. Теперь получше заживем, а там и на Ваегн к весне поблнже собнраются многне ехать. А мне н в «Крепость» попасть охота.

— Приезжай, будем ждать.

Нам везет. Деиь опять погожий, ясиый, по здешним местам ласковый.

Торг иачался сразу без выжидаинй и раздумий. Дальиие ехали через стойбище уже побывавших у иас вилюиейцев, обо всем уже зиают.

— Вот этот, видите, двумя нартами приехал с жеиой. Вои, в иарядной кухлянке, малахай лисьим хвостом обшит. У иего чериая лисица.

Владелец чернобурки пошел с женой в крайиюю яраигу чаевичать.

Остальные с мешками столпились у иарт с товаром, и пошла приемка! Пушииины было порядком, да и пыжика с иеблюем подвезли. Мои помощники освоились с работой, дело шло без запиики. Почти все отторговались, а владельца чериобурки все иет.

Накоиец, утирая пот после обильиого чаепития, несет два мешка. Оба сразу вытряхиул. Чукча серьезный, широкоплечий. Жеиа большеглазая, румяная, красивая. Одета богато.

Я разобрал, расценил пушнину, а чериобурки-то иет. Ну что же, силой не заставишь продать. Охотник отобрал товар, пошел к иартам, подогнал к иам, вдвоем с жеиой по мешкам рассовал товар. Отъехал. Олеией привязал. Опять идет к иам.

— Ну, а эта как?—вытащил из-под кухляики чериобурку.

Внимательио осматриваю. Зверь выходной, добыт в начале января. Крупная лиса. Остевой волос аспидный, у брюха бурый. По стандарту сорт первый.

Утром простились со всеми жителями стойбища. Долго трясли друг другу руки. Троиулись. И опять: «Хак! хак!» Бегут упряжки собачьи. Опять белая, сиежиая тишина. Едем по своим следам. Теперь легко. Сиег отвердел, промятый иами раиьше. На лыжах торить ие иадо. Быстро едем, с веселыми думами. Довольиые проделанной работой. У меня иа сердце светло. Первый шаг к приобщеиию вилюиейских чукчей к иовой,советской жизии сделаи.

Александр Ильин

В древнем и обновленном Иране

Очерк

На берегах Зайендеруда

Есть в средней части Ирана река, название которой хорошо известно каждому персу. Она невелика: от истока в горах Загроса до соленого болота Гавхуни, в котором заканчивают путь ее воды, всего триста шестьдесят километров. Но ее не зря назвали Зайендеруд, что значит «дающая жизнь». Бесчисленные арыки, отведенные от нее неутомимыми руками дехкан, питают сады и посевы, приносят прохладу в селения, раскинувшиеся в ее долине. На берегах реки у отрогов хребта Загрос находится древняя персидская столица Исфаган. Этот многолюдный город иранские историки за обилие памятников прошлого называют жемчужиной архитектуры минувших эпох.

Ныне к древней славе Исфагана прибавилась не менее замечательная новь: в сорока трех километрах от него на берегу Зайендеруда вырос первенец тяжелой индустрии Ирана — металлургический завод. Теперь на нужды страны идут сталь и прокат отечественного производства. А совсем недавно это было лишь мечтой. Промышленные фирмы Запада упорно не желали помочь иранцам в развитии отечественной металлургии. За последние два десятилетия в стране побывало немало различных специалистов из Европы и Америки. Но каждая фирма, начав изыскания и проектирование, в конце концов приходила к выводу, что выплавка металла в условиях Ирана — дело убыточное, гораздо выгоднее его импортировать.

— Пожалуйста, покупайте его у нас, как покупали и раньше,— заявляли представители этих фирм.— Мы завезем сколько угодно.

И они с большой выгодой для себя по-прежнему продавали Ирану железо и сталь. Страна ввозила металла на полтораста миллионов долларов в год, а потребность в нем все росла.

Так обстояло дело до тех пор, пока между Ираном и его северным соседом — Советским Союзом не было подписано соглашение об экономическом и техническом содружестве. СССР принял участие в строительстве нескольких десятков промышленных и других объектов. Среди них и машиностроительный завод в Араке, и трансиранский газопровод, и гидроузел на реке Аракс. Но важнейший среди этих объектов — Исфаганский металлургический завод.

Предварительная разведка и тщательный экономический анализ показали, что наиболее перспективная сырьевая база для него — это железная руда Бафка и уголь Кермана. Строить завод в тех отдаленных пустынных районах юга страны, где мало воды и нет рабочей силы, невыгодно. Иное дело — Исфаган, один из крупней-

ших городов центральной части Ирана. Здесь н вода, н немало рабочих рук, и удобные условня для транспортировки продукции.

Конечио, вблизн города завод нельзя было возводить. «Жемчужина архитектуры минувших эпох», привлекающая турнстов, должна сохраннть свой неповторимый облик. Рассмотрев более десятка варнантов, советские специалнсты предложили строить предприятие за перевалом Гав-Писе. И вскоре весть о стройке на берегу Зайендеруда разнеслась по всему Ирану.

Вначале проектировалось выпускать шестьсот тысяч тонн металла в год, ио эта цифра прн дальнейшей проработке проекта возросла в несколько раз—до трех-четырех миллионов тоии. Специалисты Гнпромеза, Гнпрококса, Гипроруды и других проектных органнзаций Москвы, Ленинграда, Харькова стремились к тому, чтобы здесь был высокий технический уровеиь пронзводства. Онн спроектировалн полный металлургнческий цикл—от производства чугуна до готового проката, предусмотрели использование природного газа, прн большом нагреве вдуваемого вместе с кислородом в доменную печь, непрерывную разлнвку стали для сортовых заготовок.

Советские изыскатели вложили в эту стройку немало труда. Нужно было учесть н предусмотреть многое, ведь здесь сплошь и рядом на поверхности залегают соленосиые породы, рассыпающиеся даже прн легком нажатии пальцем. Случается, что машина, которая только что легко шла по каменистой пустыне, вдруг начинает всемн колесамн зарываться в груит, покрытый белесой коркой солн. Недаром эти соленосные отложеиия иазывают «геолгнческим несчастьем» Ирана.

Участвовать в строительстве этого металлургического гиганта довелось н мне. Незадолго до закладки его первой очередн я ездил иа юг Ирана, в Чогарт, где должеи был строиться рудник. В зиойном мареве над пустынной равниной, сверкающей коркой соли, возникалн миражи. Казалось, будто шнроко-широко разлилась прозрачная вода и одни лишь кустики верблюжьей колючки поднялись над ией невысокнми островками. Гора впереди словио висела в воздухе, отделениая от своего основания светлой гладью воды. Но виденне постепенно исчезало, как бы растворяясь в воздухе. На многие километры вокруг ии одиого селения, только развалнны заброшенного караван-сарая мелькнут порой иевдалеке. Над поверхиостью землн поднимаются смерчн—крутящиеся песчаные столбы. А языки гонимых ветром сыпучнх песков с шипением перехлестывают через дорогу.

День окончился как-то внезапно, и непроглядная тьма окутала пустыию Деште-Кевнр. Но справа от дороги, над вершинами гор, чудодействуя закатнымн красками, все еще светилась полоска зарн. Оиа постепеино меияла тона—от нежно-алого до оранжево-лазоревого н лнмонно-желтого... Золотистый расплав зарн угасал, пылание ее красок ослабевало, словно кто-то стирал нх с края небосвода.

Утром прямо перед собой мы увиделн черную пнрамиду горы, которая высилась среди серо-желтой пустыни. Это была гора

Чогарт, состоящая из железиой руды — магнетита. У подножия ее виднелся вход в штольию и громоздились отвалы пустой породы.

Проложениая наверх дорога спиралью обвивала камеиную громаду горы. С каждым поворотом ее все шире раскрывался горизонт. Если смотреть со срезаииых взрывами острых уступов иа юго-восток, увидишь вьющуюся по равнние дорогу, похожую иа узеиькую сиротливую тропку. Оиа уходит в стороиу светлых, розовеющих под солицем известковых гор, ровной стеной поднявшихся у кромки пустыни. Где-то там, у Кермана, за две с половииой сотни километров, иаши товарищи в это время вели разведку камеииого угля для металлургического завода.

Вечерами после изыскательских работ мы подолгу засиживались в камералке. Работалось хорошо, и дело заметно подвигалось. Вольдемар Лицит, иаш геодезист, проверял каждый планшет, показывал иранцам Тофиги и Маракабати, где горизонтали получнлись «иеживыми», огрубляющими рельеф. Геологи корпелн над колонками шурфов и картой, которую засняли иа территории будущего рудника.

Через иесколько дней мы уезжали обратио в Исфагаи. Лицит взял с собой планшеты, которые к тому времеии удалось закончить,— их уже можио было отдавать чертежникам. Я захватил моиолиты пород для лабораториых аиализов.

Теперь мы хорошо рассмотрели местность, которую недавио миновали на машнне иочью. Очень долго, выделяясь на серо-желтом фоие окрестностей, чериела островершииная рудная гора Чогарт. Мы ехали вблизн насыпи строящейся железной дороги. Она пересекала окраиу пустыни, вписывалась крутыми извивами в каменистые ущелья. И можио уже было представить, как через два-три года на склоиах горы экскаваторы будут полными пригоршнями черпать разрыхлеиный взрывами железияк, как потяиутся от карьера к обогатительной фабрике тяжело груженные им машины, а товариые составы, заливисто гудя, повезут руду и уголь к берегам реки Зайеидеруд.

Сияние солнца, блеск бегущей воды Зайендеруда, голубнзна неба, теплынь н какая-то особеиная свежесть воздуха... Это уже весиа, хотя по календарю еще февраль.

За иесколько дней иеузнаваемо измеиилась речиая долииа, ярко и свежо зазеленела озимая пшеиица. По лоскутным участкам, разделеиным невысокими земляными валиками, там н тут засверкала вода, пущенная из арыков. Легкая дымка окутала горы. Там сейчас вовсю тает сиег, отчего река на глазах становится многоводиой, буриой и шумной.

Нежной зеленью стали покрываться деревья иа Чехарбах, главиой улице Исфагана. Совсем иедавно сухой н мертвой казалась старая корявая ива возле иашего отеля, а сейчас она вся в мелких узких листьях, быстро набнрающих силу.

В весеннюю пору нными стаиовятся и люди. О чем то веселом распевает сейчас н тот вои иеуиывающий бедняк, что шагает по

боковой галерее моста Сносеполь над шумным речным потоком, улыбаясь каждому, кто встретится с ним взглядом. Весеннее солнце и напоенная горными снегами река скоро наполнят живой силой злаки, и, значит, не будет опасности голода. А нынешняя весна несет с собой и другие надежды: слышно, что стройка в межгорной долине у Зайендеруда растет день ото дня и все больше требуется там рабочих рук.

Над строительной площадкой поднимается пыль от землеройных машин, самосвалов, везущих грунт. Вокруг котлована, отрытого под доменную печь, опускаются и поднимаются железные челюсти ковшей. А в самом котловане, скругленном, как стакан, рабочие уже вяжут арматуру. Здесь трудятся и днем, и при свете прожекторов поздним вечером. Рядом наши механизаторы со своими помощниками-иранцами, которых обучали они в последние месяцы, заканчивают сборку доставленного из Одессы подъемного крана. Окрашенный в ярко-оранжевый цвет, он служит хорошим ориентиром, когда едешь к котловану.

У начала дороги, ведущей туда, обозначились контуры заводской площади. В центре ее будет воздвигнут монумент. Не сразу решили, каким быть ему, но, когда один из наших специалистов высказал мысль о рудном монолите, всем она пришлась по душе.

Тридцатипятитонная глыба магнетита, подобно скале, будет выситься у главной проходной. Из Чогарта, за четыреста километров, привезли на трайлере эту глыбу и сейчас осторожно устанавливают краном на гранитном пьедестале.

Весенние ветры безудержно летят над желто-серым бугристым межгорьем, полощут иранские национальные флаги и флаги металлургической компании «Зоубеаган», во множестве поднятые на стройплощадке и в поселке строителей.

Ранним мартовским утром мы едем сюда из города на празднество. Автобусы один за другим подходят к заводской площади. Черная глыба магнетита отражается в воде бассейна, которая кажется неправдоподобно синей: дно и стенки бассейна окрасили натуральным индиго.

Рядом с руководителем группы проектировщиков Васильевым я замечаю главного инженера строительства, совсем недавно приехавшего сюда. Он невысок, худощав, темноволос; небольшие залысины надо лбом не старят его. Это Михаил Илларионович Запорожец.

Разговор, естественно, идет о главном событии дня — торжественной закладке завода.

— Между прочим, говорят, будто бы, когда подписывали соглашение об экономической помощи Ирану, тоже, как и сегодня, было тринадцатое число,— с улыбкой сообщает Васильев.— Персы спрашивают: «Вас не смущает, что на столь ответственном документе будет стоять цифра тринадцать» — «Нет, отвечают им, не смущает. А вас?» — «Да по мусульманскому календарю, говорят они, сегодня совсем другое число — двадцать четвертое фарвардина».— «Ну, значит, все в порядке»,— засмеялись наши...

1. Дети у изваяния льва с человеческой головой в пасти
2. Торжественная закладка первой доменной печи в Иране
3. Женщины племени кашкаев в праздничных нарядах

Около десяти часов, когда иранские изыскатели, строители, чернорабочне вместе с советскими специалистами и гостями нз Исфагана и Тегераиа заполнили площадь у монумента, из-за хребта Гав-Пнсе показался вертолет, за ним еще иесколько. Это прнбылн шах Ирана с шахиней, премьер-мннистр, высшне правительственные чины.

Пока закладывали мемориальную доску в основание монумента н произносили торжествеиные речи, колонна красных самосвалов «ЗИЛ» загрузилась только что приготовленным бетонным раствором и медленно направилась к котловану домны. Заработал кран, двинулись по наклонному спуску самосвалы, и первые порции бетона легли на дно котлована. С сооружеиной на краю котлована трнбуны шах и шахиня бросили в бетон по горсти золотых монет. Радостно, празднично закладывалась первая домна Ирана. Это был день, о котором в стране, не имевшей своего металла, мечталн десятки лет.

Поездка в Шираз

Подошел ноуруз — Новый год по мусульманскому летосчисленню. В столовой у нас появился особый столик, на который, по старнннному обычаю, персы положили коран, зеркало н семь предметов, назваиня которых начнналнсь на счастливую, как принято считать, букву «с»: снб (яблоко), секе (монета), сир (чеснок)... Люди к празднику одевалнсь во все новое, хотя бы одежда эта была самой простой н дешевой. В новогодний вечер, 21 марта, на улицах раздавался немолкнущий гомон; знакомые, встречаясь, громко прнветствовалн друг друга, целовались.

Наутро машины состоятельных людей одна за другой потянулнсь к окраннам. В «мерседесах», «нмпалах», «шевроле» виднелись женские фнгуры в чадрах, головы ребятишек. Автобусы были переполиены. Смеющиеся парни н подростки, человек двенадцать, каким-то образом — кто сидя, а кто стоя — взгромоздились на мотоцикл с коляской. В эту праздничную неделю все, кто мог, спешили выбраться на прнроду.

Советским нзыскателям иранская металлургическая компания предоставила возможиость съездить в Шираз. Собирались мы недолго, и к тому времени, когда солнце поднялось к зениту, спидометр автобуса отсчитывал уже третью сотню километров.

Голые островерхне хребты Загроса теснили дорогу, и оиа ужом проскальзывала меж крутых нзвестковых скал. Иногда она тороплнво вбегала в неширокне долины, где зеленели всходы пшеницы и лепнлись друг к другу глинобитные домики. Деиь угас, а мы все ехалн н ехали, и, сопровождая нас, карабкалась на кручи луна. Только поздно вечером горы иаконец расступились и впереди засверкалн огни Шнраза.

В утреннюю пору город в зеленой просторной долине был тих н весь озарен солнцем, встающим из-за горного хребта. В чнстом

воздухе обрисовывались мельчайшие складки гор. Городские кварталы утопали в густой листве, однако воды нигде не было видно, и даже русло здешней речушки блестело сухим песком.

Мы с Лицитом вспомнили, что о безводье Шираза слышали еще от шофера Саджеди, возвращаясь однажды со строительной площадки завода в Исфаган.

— Исфаган аб лазым нист,— сказал Саджеди, показывая рукой на разлившуюся реку. И многозначительно добавил: — Шираз аб лазым, Тегеран аб лазым...

Мы уже знали, что «аб лазым» означает «вода нужна», «нист» — «не нужна».

Но и в Ширазе вода была, и скоро мы увидели ее у мавзолея Саади. Высокий мраморный павильон с голубым мозаичным куполом, воздвигнутый над гробницей поэта, стоял на краю города в распадке между холмами. Склоны их алели диким маком. На мраморных досках над саркофагом древней вязью были начертаны строки из диванов и поэм Саади, ставшие афоризмами. Мы увидели лестницу, которая привела нас в прохладу и полутьму. Подземный канал, проложенный от подножия гор, здесь расширялся, образуя небольшой бассейн. Свет, проникавший сверху, озарял стаи рыб в бегущей прозрачной воде.

По преданию, где-то здесь находился дом Саади и поэт спускался к воде, чтобы слагать стихи под ее журчание. Теперь это место почитается в народе священным. Задумал ли кто далекий путь или важный труд, мечтает ли девушка о добром, любящем муже, все приходят сюда, чтобы совершить омовение рук и лица, бросить хлебные крошки резвящимся рыбкам и повторить про себя стихи Саади о мужестве, сердечности, трудолюбии.

Невдалеке от здания филологического факультета университета стоит мавзолей Хафиза. Под кипарисами и пальмами среди цветочных клумб, окружающих колоннаду с белым саркофагом, юноши и девушки читают строки его нежных газелей. Проходят столетия, но слово поэта по-прежнему живет и дарует радость людям.

На улицах Шираза мы замечали много учащейся молодежи. Студентов здесь больше двадцати тысяч. Немало среди них девушек, а это совсем необычно для Ирана. Чадру на женском лице увидишь в Ширазе гораздо реже, чем в Исфагане, где еще крепко держится старинный уклад жизни.

Долго по вечерам не затихает жизнь в городе. Лишь затемно смолкают молотки чеканщиков в мастерских, закрываются лавки. Но торговля с уличных лотков не прекращается и в позднюю пору. Навстречу нам движется по тротуару четырехколесная тележка; на ней пылающая жаровня, дымится котел с каким-то кушаньем, тут же и тарелки приготовлены. Непонятно только, как это тележка движется сама собой. Ага, вот в чем дело: сзади ее толкает мальчуган, упираясь изо всех силенок. Отец, видно, отошел куда-то, а малец тем временем решил перебраться на новое место.

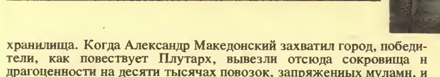
Ребятня в Иране помогает своим родителям сызмала. Нередко увидишь, как за навьюченным осликом шествует с прутиком этакий «мужичок с ноготок» лет четырех-пяти. Сегодня днем побывали мы

на многоликом и шумном ширазском базаре, где бесчисленные лавки теснятся по сторонам длинной галереи, сменяющейся запутанным лабиринтом крытых переходов с земляным полом; где в носу щиплет от запаха перца, хны, шафрана; где в руках торговцев призывно порхают отрезы блескучих тканей и под потолком лавочки сапожники тачают туфли, а внизу хозяин торгует ими; где кричат разносчики мелких товаров и мусульманин в чалме, с ярко накрашенной рыжей бородой едет на ишаке, как по улице. На базаре приметили мы двоих мальчишек в тесном полутемном помещении красильни. Они возились у громадных чанов с горячим раствором, окуная туда ткани и лоскутья. Были они перемазаны, как чертенята. Когда в иранской семье шесть или восемь ребятишек и прокормить их ужасно трудно, поневоле приходится работать всем, от мала до велика.

Контрасты, характерные для сегодняшнего Ирана, не раз бросались нам в глаза. В день приезда в Шираз мы увидели у дверей отеля кашкайцев в национальных одеждах. На мужчинах фетровые с загнутыми полями шляпы, с плеч ниспадают легкие белые накидки, талии перетянуты цветными кушаками. На женщинах широкие юбки сияли яркими блестками; мониста, серьги, браслеты дополняли впечатление изящества и праздничности. Кашкайцы готовились приветствовать приезжающего в Шираз короля Марокко. На другой день мы увидели их в Персеполе. Стоя на сохранившихся базах колонн, они репетировали предстоящую встречу, гортанно, переливчато выкрикивая приветствия по знаку распорядителя. Очень живописная это была картина, и все туристы сбежались туда, неистово щелкая фотоаппаратами.

Но по пути в Шираз нам довелось увидеть кашкайцев в ниых условиях. Черные шатры их стояли иевдалеке от дороги. Сооруженные из хворостин остовы были обтянуты дырявой грубошерстной материей, из «мебели» имелись только скатанные немудрящие постели. Мужчины пасли в горах овец и коз; женщины, ни иа минуту не выпуская из рук веретен, пряли шерсть, а одна из них ткала коврик из цветных лоскутьев. На шее у каждой молодой жеищины были мониста, стеклянные бусы, но нищенская одежда только подчеркивала бедность этих украшенні.

Прославлеиный Персеполь иаходится в часе езды от Шираза. Издали видны устремлеиные ввысь колонны, уцелевшие от древних строений. На верх сложеиной из камия платформы восемнадцатиметровой высоты ведут широкие лестничные ступени. Стоя на этой каменной платформе, представляешь, как величествениа была резиденция персидских царей, возведенная двадцать пять столетий назад. В ту пору здесь высился парадный приемиый дворец, называемый ападаной, дворцы Дария и Ксеркса, тронный зал, от ста колонн которого уцелели лишь основания. Упавшие иаземь изваяния крылатых быков когда-то украшали верхние части колонн. Лучше сохранились барельефы лестницы, ведущей к ападане. Видны фигуры бородатых воинов, львы, терзающие добычу, вереницы даиников, несущих подношения властелину персидской империи. В Персеполе для этих подношений были вместительные



хранилища. Когда Александр Македонский захватил город, победители, как повествует Плутарх, вывезли отсюда сокровища н драгоценности на десяти тысячах повозок, запряженных муламн, и на пяти тысячах верблюдов.

Над известковыми скалами, иад развалииами величественных сооружений в безоблачном небе пылало солнце. У огромных камеиных глыб трудились рабочие, восстанавливая то, что еще можно сохранить. И всюду бродили туристы, слышалась английская, немецкая, японская речь...

Руины Персеполя наводили иа мысль о том, что где-то здесь находились и жилища тружеников-рабов, которые тесали камень за камием, возводя эту гигантскую платформу, устанавливали колонны и поднимали иа головокружительную высоту кедровые балки. Может, вон там, по голым склонам горы Кухе-Рахмат, лепились поселеиия этих людей? Но найдешь ли теперь следы их иедолговечных хижин, когда и дворцы царей не пощадило неумолимое время!

В Пасаргадах, невдалеке от той же дороги на Шираз, на каменистом лугу по приказу царя Кира был построен дворец еще до закладки Персеполя. Теперь от него осталась одна лишь колоииа, иа верху которой мы увидели в гнезде аистиху, спокойно посматрнвающую окрест. Громадные камеиные брусья лежали возле колонны на месте обрушенных землетрясеиием дворцовых стен.

Разглядывая эти брусья из черного и белого известняка, мы поражались терпению и искусству тех, кто тесал их иехитрым своим инструментом много веков тому назад. Хотели того владыки или нет, ио возводившиеся по их повелению камеииые громады навсегда сохранили память о простых людях, чьим трудом создавалась величавая архитектура древиих держав.

Время больших надежд

Черные с белым подбоем тучи клубятся на вершинах н по склоиам гор. Налетает дождь. Все белесо, хмуро кругом, и горы в этой мгле, словно придвинувшись ближе, нависают мрачными громадами.

От дождей и от растаявшего снега груит иа склоиах напитался влагой, и с гор ринулись селевые потоки. Однажды мы увидели такой сель, когда возвращались с работы. По оврагу, прежде сухому, тяжело запрокидывая вбок свою грязно-желтую гриву, мчалась густая масса, остро пахнущая сырой глиной. Жадными своими гребешками поток тянулся к глинобитным стеиам селеиия. Чуть ниже по оврагу, ие успев проскользиуть под мостом, он внезапно перехлестнул через шоссе. Потом, словно одумавшись, начал убывать, оставляя иа асфальте серые хлопья пены и шматки глины.

Дожди согнали с поверхиости пустыни соль, и пески заметно потемнели. На фоне их отчетливо выделяются слетевшиеся неведомо откуда аисты и белые цапли.

Бурный разлив реки радует дехкан, и они с раннего утра до темноты целыми семьями трудятся в поле. Утопая босыми иогами в

покрытой водой разжиженной почве, дехканин бороздит свой участок деревянной сохой, готовя его под посев риса. Рядом по невысокому межевому валу пробирается его сынишка, длинной хворостиной погоняя двух малорослых быков, бредущих в воде посередине участка.

Буйно зацвели в долине абрикосовые сады, розовой дымкой окутались айвовые и персиковые деревья. От реки по узким жилкам арыков идет к ним желтоватая вешняя вода, потихоньку растекается по бороздам и впадинам, куда направляют ее мотыги дехкан.

В эти апрельские влажные дни пыль не поднимается над строительной площадкой, хотя земляные работы в разгаре. Подрезая крутой уступ, решительно движется бульдозер; позади него зеркально блестят срезанные ножом кусочки черного известняка. Внизу, у основания уступа, разворачивается автопогрузчик; его водитель машет рукой шоферу ближайшего тяжелого самосвала: дескать, давай сюда! Не заставляя себя ждать, тот подкатывает для погрузки... Ну, конечно же, за рулями советских машин сидят те самые парни, что месяца четыре назад пришли на выучку к нашим механизаторам. Не прошли бесследно занятия с ними, руки учеников каждый узел машины многократно разбирали и собирали вновь.

В хаосе земляных работ уже начинают проглядывать первые контуры задуманного. Вся огромная строительная площадка, бывшая недавно пологим склоном, принимает вид широких плоских террас. Вдоль них расположатся заводские цехи, пролягут подъездные пути.

В проектном отделе я увидел немало новичков, недавно приехавших из тегеранского колледжа. Они склонялись над столами, по временам обращаясь через переводчика к нашим специалистам. Тут же расположились две юные персиянки-чертежницы, обе миниатюрные, с длинными челочками, ниспадающими на глаза. Пожалуй, это были первые иранские девушки на строительстве завода.

В эти же дни из Москвы приехали топографы и геологи для детального изучения местности возле перевала Гав-Писе. Близилось время, когда там, на склоне горы, в семи километрах от стройплощадки, появятся первые здания города металлургов. Для него уже выбрали название — Арьяшахр.

На панорамном эскизе можно было увидеть этот город, обращенный к долине Зайендеруда. В нем будет достаточно детсадов и школ, библиотек и медицинских учреждений. Место для него комиссия из советских и иранских специалистов выбирала особенно тщательно, учитывая все — и транспортные связи с заводом, и расстояние до реки, и то, как впишется город в окружающий ландшафт. Потому-то верится, что туристы вскоре не только будут осматривать древние купола и минареты Исфагана, но и будут стремиться к горному хребту Гав-Писе, чтобы увидеть юный город иранских металлургов.

От дождей, гроз и щедрого солнца на каменистой поверхности межгорья там и тут зазеленели низкие травяные кустики. Сорвешь стебелек — и тотчас брызнет млечный сок. Ближе к реке на

возделанных участках стремительно пошла в рост пшеница. Густо стоят ее медвяно пахнущие стебли с ярко-зелеными листьями. Едва успев отцвести, пшеница выбросила крупный колос. Просто удивительно, что на этой серой, бедной на вид почве растут такие хлеба. Ветер гонит по ним зеленые волны, и становятся совсем незаметными межевые валики — словно это одно не поделенное на участки поле.

Чуть выше, над арыком, шумят под ветром фруктовые деревья. Оттуда доносится красивый голос девушки-персиянки. Она поет где-то совсем близко, по ту сторону арыка, и я ложусь в траву, чтобы не смутить ее, не помешать пению. Я слушаю, пока не кончается обеденный перерыв, и, уходя, радуюсь, что мне выпали такие минуты.

После рабочего дня, проведенного на жарком солнце, приятно увидеть призывно голубеющую воду бассейна во дворе отеля. Пока двор пуст, какая-нибудь изобретательная ворона мелким скоком подбирается к бассейну, чтобы размочить зажатый в клюве сухой кусочек лаваша. Но вскоре она поспешно улетает прочь: раздается плеск и слышится голос переводчицы Риммы Данилейко, восхищенной чьим-то прыжком:

— Здо-орово! Научите меня, а? Меня научите!

И вот уже в бассейне полно купающихся.

Проводя свободное время в окрестностях Исфагана, мы нашли на берегу реки, чуть выше города, уютные, привлекательные места.

— Совсем как у нас в России, где-нибудь в Подмосковье! — восторженно восклицал порывистый худощавый Эдуард Шевлюкевич. На берегу Зайендеруда в тени деревьев группами располагались горожане. Расстелив захваченные с собой коврики и одеяла, персы сидели на корточках, беседовали, играли в карты и нарды, потягивали из булькающих трубок кальян.

— Бефармейт! Пожалуйста! — звали они нас, приглашая посидеть за самоваром, отведать шашлык, свежий лаваш и налитую в плошки простоквашу.

На набережной Зайендеруда, там, где стоят дома богачей, разливается аромат акаций и роз. Как же они красивы, эти розы! Высокие кусты их склоняются над дорожками, посыпанными мелким белым щебнем, окаймляют причудливой формы бассейны с голубоватой водой, выглядывают из-за каменных оград. Цветы крупные — алые, розовые, кремовые, желтые,

Весна — пора экзаменов. На улицах, на бульварах, в пустующих дворах старых мечетей студенты и старшеклассники неторопливо прохаживаются, заглядывая в учебники и тетради. Наверное, в городской суете занятия идут успешнее, чем дома.

— А ведь это наши будущие кадры! — улыбаясь говорит Шевлюкевич.— Думаю, месяца через два уже как следует познакомимся с ними...

В последнее время на южной окраине Исфагана, у шоссе на Шираз, возводится по советскому проекту учебный центр. Наши преподаватели будут готовить специалистов для завода. Шевлюкевичу как раз и поручено организовать занятия в этом центре. Пора

уже думать о наборе в учебные группы механизаторов и строителей, а там, глядишь, и о подготовке металлургов, которым предстоит стажировка на заводах Запорожья и Краматорска.

Вечер светел и тих, и мы долго не уходим с улицы. Поблизости, в ресторане «Поль», оркестр играет «Яблочко», потом «Подмосковные вечера». Алый закат постепенно бледнеет, быстро струятся воды Зайендеруда, отражая городские огни. Мы заинтересованно смотрим на юношей, перекочевавших к ближайшему фонарю, чтобы там продолжить свои занятия. Еще недавно очень немногое могла предложить им жизнь после окончания школы, теперь в судьбе их большую роль сыграет сооружаемый у Исфагана завод.

Завтра на стройке начнется новая рабочая неделя. Изыскания завершены, и скоро, передав проектировщикам последние данные, уедут отсюда геологи; поредеют и ряды геодезистов, которые теперь от съемки площадок перешли к разбивке территории цехов и участков. Но после нашего отъезда сюда приедут советские строители, монтажники, эксплуатационники, чтобы участвовать в общем деле...

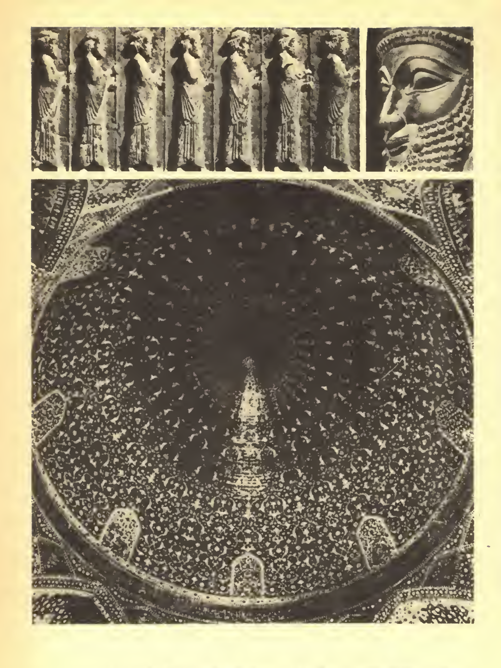
Через Тегеран

Мы уезжали из Исфагана рано утром. Слева от шоссе осталась розоватая коническая гора с развалинами древнего храма огнепоклонников, промелькнула скала Домбе, мимо которой пролегает дорога на строительную площадку завода.

Оглядываясь на зеленую долину Зайендеруда, я вспоминал первый мой полет из иранской столицы в Исфаган. Сначала под нами проплывали узкие прямоугольники полей с ниточками арыков, точечным пунктиром тянулись круглые колодцы — кяризы. Потом обрабатываемые участки кончились, и под крылом самолета простерлось изборожденное морщинами Иранское нагорье. Особенно поразил меня вид горных складок. Так анатомически четки были срезы земных пластов, так ярко отделялись они друг от друга своей окраской, что хоть бери карандаш и прямо в самолете рисуй геологическую карту местности, расстилающейся внизу.

Сейчас тот же ландшафт я видел уже с земли. Природа с небывалой щедростью расцветила каменные пласты. Зеленым, лиловатым, желтым, карминным цветом покрасила она слои, протянувшиеся вдоль склонов гор.

Шоссе впереди раздваивалось. Налево, через Саве, лежал более удобный, но длинный путь; направо дорога шла через горы. Саджеди достал из кармана монетку, подбросил ее, поймал и, посмотрев, какой стороной она легла на ладонь, свернул направо. Дорога пошла зигзагами по узким ущельям, то и дело появлялись таблички с предупредительными надписями на английском: «Слоу» (медленно), «Дэйнджер» (опасно). Кое-где по сторонам ржавели остовы разбитых машин. Саджеди, насвистывавший что-то, примолк. Лишь когда показались высокие тонкие минареты и мы,



4. Барельефы с изображением царской стражи, сохранившиеся среди развалин Персеполя
5. Такие изваяния крылатых быков с человеческими головами украшали когда-то капители колонн в Персеполе
6. Внутренняя часть купола Шахской мечети в Исфагане; мягкий свет, льющийся сверху, подчеркивает изысканность орнамента, ажурный рисунок решетки окон

4 | 5

6

Фото автора и из журнала «Курьер ЮНЕСКО»

спустившись в долину, въехали в город Кум, наш водитель вновь оживился.

Бронзовые изваяния диковинных зверей на мосту через сухую сейчас речушку, затейливые глиняные изделия, выставленные на продажу у дороги, и местные, по-особому приготовленные сласти — этим запомнилось недолгое пребывание здесь. По всему чувствовалось, что город — место паломничества мусульман-шиитов. Издалека виднеется золоченый купол гробницы Фатимы, сестры имама Резы; почти на каждом шагу встречаются духовные лица в зеленых и белых чалмах, суровые и неприветливые к проезжим иноверцам.

За городом надо всем господствовал желто-серый цвет пустыни. Отражаясь в мертвой глади соленых озер, сверкало солнце, и ветер стремительно нес сухую песчаную пыль.

За перевалом, расчерченным серпантином шоссе, возник сверкающий белыми снежными склонами конус Демавенда. Мы спускались в обширную долину, и остроконечная вершина древнего вулкана тоже как бы оседала в темнеющую впереди гряду гор. А перед ними сквозь дымы заводов и фабрик, опоясавших город с южной стороны, уже просматривался Тегеран.

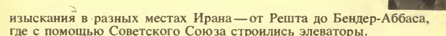
В тот день в столице проходил международный футбольный матч, и страсти болельщиков накалились. Торговцы в лавочках и у лотков забыли обо всем на свете, приникнув к транзисторным приемникам. После матча, закончившегося победой иранской команды, на улицах творилось что-то невероятное. Толпы людей валили по улице Надери, кричали, подбрасывали вверх все, что попадало в руки. Предусмотрительные хозяева лавок торопливо опускали на витринах жалюзи из рифленого железа. Водители, словно ошалев от радости, беспрерывно сигналили. Какой-то ярко-оранжевый таксомотор сделал вдруг невообразимый пируэт на перекрестке и помчался дальше.

Привыкнуть к уличному движению в Тегеране нелегко. Машины всевозможных марок теснятся, обгоняют друг друга, неожиданно перемещаясь из одного ряда в другой, чуть только появится небольшой просвет в общем потоке, стремительно выскакивают из боковых переулков.

В Тегеране уже наступало душное лето. По утрам было еще довольно свежо, над северными окраинами города холодновато и чисто сверкали побеленные снегом вершины Эльбурса. Но часам к десяти солнце начинало накалять крыши и мостовые. К полудню жизнь на улицах заметно стихала, поток машин иссякал. Спущенные жалюзи придавали торговым улицам однообразный вид. Только разносчики мелких товаров да продавцы лотерейных билетов, начав свои выкрики спозаранку, продолжали бродить и в жаркую пору.

К вечеру вновь начинался неистовый бег машин, густели толпы на тротуарах. Расторопный торговец, наловчившийся немного говорить по-русски, старался непременно привлечь наше внимание какой-нибудь незамысловатой шуткой.

Здесь, в Тегеране, встретились мы с геологами, несколько месяцев назад приехавшими из Москвы. Они уже выполнили



изыскания в разных местах Ирана — от Решта до Бендер-Аббаса, где с помощью Советского Союза строились элеваторы.

Вечером следующего дня поезд тихо отошел от тегеранского вокзала. Высунувшись в окно, мы долго махали провожающим. Среди них было немало иранцев, с которыми мы успели крепко подружиться. Вот потянулись узкие улочки старого города, глинобитные хижины и арыки, но скоро и Тегеран, и Демавенд, видный в разрывах облаков, остались позади.

Назавтра в Джульфе, у железнодорожных путей, мы увидели множество грузов, прибывших из нашей страны и ожидающих отправки на стройки. Здесь, на перевалочной базе, хозяйничал наш знакомый механизатор. Дочерна загоревший, усталый, но радостно возбужденный, он только что кончил принимать подъемные краны для строительства Исфаганского завода.

После недолгого ожидания на соседний ширококолейный путь пришел наш железнодорожный состав, ведомый электровозом. Началась пересадка.

Поздним вечером состав тронулся. Вот и Аракс. Белый аист медленно и спокойно пролетает над светлой его водой. Простукав по мосту, поезд ходко устремляется к пограничной советской арке.

Алексей Рыжов

Крик чибиса

Рассказ

Охраиять природу —
значит охранять Родину.
М. Пришвин

1

В старый скрадок на Огнбном болоте Семен Скалыгин пробнрался поздней ночью. Вечерняя заря уже угасала, догорая слабымн багрянымн отблесками. Небо становилось темно-фиолетовым. На востоке из-за леса показалась яркая полная луна.

Шел на Огнбное Семен долго, шлепая по весенннм лужам, по раскнсшим полевым дорогам свонмн резиновымн «скороходами». Из поселка он выбрался таясь, огородамн, старымн заросшимн межамн, нзвилнстымн, еще не окрепшнми тропинками вдоль глубокого оврага.

Новенькую, только что пристрелянную «тулку», чтобы не вызывать подозрений, нес Семен в разобранном виде под туго шуршащим брезентовым плащом...

С трудом добрался до опушкн леса. Рукавом смахнул со лба каплн холодного пота, выступившего больше от поселнвшегося в душе страха, нежели от ходьбы по бездорожью. Прнсел на обветренную, скользкую от слабой ночной наледн валежину. Вздрагнвающимн рукамн собрал двустволку. Ознраясь по сторонам, прнслушался. Вздохнул с облегчением.

«Ну, слава богу! Пронесло, кажется. Никто не видел!» — подумал успокоенно Скалыгин н громко, не остерегаясь, кашлянул. Ломкое эхо разнеслось по болоту. И тут же, вздрогнув от неожиданности, Семен услышал протяжный, плачущнй крнк спугнутого нм чнбнса.

«Чьн вы? Чьн вы?» — как бы спрашивала всполошнвшаяся ночная птица, то стремительно взмывая в освещенное луной небо, то почти припадая к наводопелой, еще холодной и безжнзненной пока земле.

— Ишь ты, узнать захотел, чьн мы! — скривившись, зло передразнил Семен чнбнса.— Будь доволен, что лишнего шума поднимать не хочу, а то бы... бах-х! — н нет тебя, хохлатой, надоедлнвой тварн! — сердито плюнул Скалыгин в сторону плачущей птицы н недовольно отвернулся, стараясь не думать о ней.

Однако полностью отрешиться от назойливого, пронизывающего душу крнка болотной птицы Семену не удавалось. Больше того, от этого скорбного плача вспугнутой нечаянно нм пигалицы почему-то тревожно билось сердце, неприятно холодела душа.

Семену вдруг все вспомнилось, и он живо представил печальные

глаза жены, грустное выражение ее лица и предостерегающие слова:

— Чует мое сердце, наживешь ты беды со своей охотой!

— Не каркай! — зло бросил Матрене Скалыгин и, хлопнув громко тяжелой дверью, подался из дома.

...Семен взглянул на часы — стрелки давно перешагнули за полночь. Было тихо-тихо. Только вспугнутый чибис все еще жалобно плакал в лунном апрельском небе.

2

Весенняя охота была запрещена повсеместно. Но запрет этот Семен понимал по-своему.

— Это для других! Меня с ними равнять нечего! Меня на должность в области утверждали! Но-мен-кла-тура! — высокопарно говарнвал Семен н расплывался в самодовольной улыбке.

...Он нагло, на глазах у людей, с весны н до самого ледостава ловил запрещенными орудиямн рыбу. Зимой перегораживал тесом в узких местах ложе реки и брал нз нее все, что мог. На робкие замечания соседей безапелляционно заявлял:

— Эх вы, слюнтяи! Прнрода должна служить человеку!

...Спортнвной страсти в охоте Скалыгин не находил. Романтики в ней не видел. Ннкаких ограничений отстрела дичи не прнзнавал. Бил все, что под руку попадется. Пощады ни зверю, ни птице не было, потому без добычн приходил домой редко.

Когда же охота выпадала неудачной, возвращался угрюмый, озлобленный.

— Тоже мне, спорт нашли! — бросал с ненавистью кому-то. — Ноги да время убить — невелика корысть! На то оно и огнестрельное оружие изобретено, чтобы, значит, дичинкой какой-нито человеку поживиться!

Матрена поннмала, кому адресованы эти слова. Инспектор лесоохраны однажды все-таки прищучил мужа. Оштрафовал, да еще и пригрозил нешутейно.

С тех пор Скалыгин и стал немного поосторожнее, поопасливее. Однако внутренне он оставался тем же.

Человек — царь прнроды. Значит, ему все дозволено! А не то — какой же он царь!

...А чибис носился и носился в посеребренном луной небе, как бы чувствуя прнсутствие недоброго человека, и плакал печально н скорбно.

— Эть, тварь хохлатая! Ноет и ноет — мочи нету! И чего это ему, проклятому, середь ночи не спится! — недовольствовал Скалыгин. Он привык рассуждать сам с собой. Охотился и рыбачил всегда в одиночку. Вот и, случалось, заглушал голос совести авторитетом «самого» Скалыгина.

3

Бодрящий ночной холодок, лесная тишина, свежие запахн талой земли, сознание того, что здесь, вдалеке от жилья, от людей, он

наконец сам себе хозяин, несколько успокоили Семена. Мысли его потекли снова плавно, ровно и тихо, но в обычном русле.

— Эк, глупость! Запретом каким-то хотят дичь сохранить! — лениво покачал головой Скалыгин.— Лес или реку на замок не запрешь! Из амбаров воруют. А тут...— Он безнадежно махнул рукой, как бы оправдывая свои опустошительные набеги в природу.— Только лентяи да брехуны о сохранности ее елейные речи ведут. В угоду им и закон написали. Я вот ночь не сплю. По колено в грязи шастаю. А они... сидят себе возле печки, на телевизор глазеют, блаженствуют! — язвительно усмехнулся Семен.— Они, брехуны, еще портков поутру не успеют натянуть, а я уж дома с дичинкой. Вот так! — закончил свои рассуждения Скалыгин, подходя к прошлогоднему скрадку.

...Бледная луна ушла за темные верхушки елей. Слабый призрачный свет раннего апрельского утра нежно разлился над непротаявшим еще болотом.

У опушки, хоркая, тянули вальдшнепы. Семен еще не видел их, но своим по-звериному настороженным волосатым ухом уже слышал мерный волнующий посвист тугих острых крыльев сторожких птиц.

— На эту мелкоту дроби жалко! — брюзгливо сказал Семен.

Приглядевшись, он хотел уж было юркнуть в темнеющий зев скрадка, но тут совсем рядом раздалось характерное «тек», «тек». Затем явственно клацнул крепким клювом матерый глухарь.

Семен замер. У него отчаянно заколотилось сердце. Разом перехватило дыхание. Даже во рту пересохло.

Ага! Вот оно! Началось! Будоражили душу таинственные коленца глухариной песни.

— Вовремя, стало быть, приспел! — обрадовался Скалыгин.— Только бы не спугнуть! Не промазать! Даром, что ли, я за такие версты тащился?

Дрожащими руками снял с плеча ружье. В тугом патронташе нащупал холодную медь патронов. Торопливо вложил их сразу в оба ствола. Взвел курки. И, медленно поводя из стороны в сторону потной взлохмаченной головой, осторожно переступил с ноги на ногу. А затем неслышно шагнул в сторону глухариного тока, умело прячась за чахлыми сосенками, зарослями багульника, кустами гонобобеля.

Глухарь снова щелкнул клювом, словно костяным черешком вилки кто-то ударил в медный таз. Затем совсем рядом что-то сухо, протяжно скрипнуло, заскрежетало. Семен торопливо два раза широко шагнул. Остановился, выжидая длинную, как ему показалось, паузу в любовной песне царственной птицы.

Снова послышалось мелодичное журчание ручья. Затем полилась негромкая песенная трель над низкорослым лесом, и, наконец, раздалось громкое скирканье, чем-то похожее на то, как точат косу росным летним утром.

Семен хорошо знал, что именно в это время, длящееся не более трех-четырех секунд, глухарь, закинув назад голову и широко раскрыв клюв, действительно становится ко всему глухим и

слепым, в эти короткие секунды к нему можно подойти буквально вплотную.

Скалыгин, сжавшись, словно тугая пружина, как только заслышал эту самозабвенную песню, сделал большой ловкий прыжок. Но, видно, чего-то не рассчитал, или уж случай такой вышел... Приземляясь, он поскользнулся на не стаявшем под влажным мхом ледке. Неловко изогнулся. Ружье выскочило из рук и с силой ударилось торцом ложи в стылую землю. Предрассветную тишину апрельского утра потряс оглушительный выстрел...

4

Долго лежал Семен на сырой моховой постели, превозмогая обжигающую боль. Горело плечо, грудь, шея. Он чувствовал, как набухла рубашка от крови. Страшно хотелось пить. Теряя силы, Скалыгин пытался подняться и не мог. В голове путаным клубком проносились обрывки мыслей. От усиливающейся слабости и мучительной боли сознание теряло четкость, становилось все туманнее. Он сознавал теперь только то, что здесь, на этом глухом топком болоте, среди чахлых сосенок и багульника, так нелепо настигла его смерть.

Но нет, пока не оставили силы, надо что-то делать! Решил ползти к краю болота, выбраться на сухое место, к тропинке. Но ему только казалось, что он ползет. Руками судорожно хватал он холодные мокрые мхи и травы. Сквозь пальцы сочилась мутная зеленовато-серая влага...

Превозмогая немощь и боль, последним усилием Скалыгин перевернулся на спину и потерял сознание. Он долго лежал с закрытыми глазами. Но вот чуть-чуть дрогнули выцветшие ресницы. Медленно приоткрылись обескровленные веки. Неподвижными, потускневшими глазами Семен увидел, что в зеленоватом утреннем небе ошалело носится потревоженный выстрелом чибис.

Сквозь дрожащую пелену полузабытья выплыла горькая мысль:

— Эх, Матрена, Матрена!.. Накаркала!..

Веки сомкнулись. Голова бессильно скатилась на грудь...

Семен не мог знать, что всполошный крик птицы привлек внимание людей. Местный охотовед и орнитолог, пришедшие сюда на вешнюю тягу вальдшнепов, заинтересовались беспокойным поведением чибиса. Они подобрали почти безжизненного Семена, вынесли его к проезжей дороге и на попутной машине отправили в районную больницу.

В лесу опять стало тихо. Только скорбный плач хохлатого чибиса еще висел над холодным, безжизненным болотом.

Владимир Бардин

Острова удачи

Очерк

Они направлялись на остров Гран-Канария, носивший в старину у гуанчей название Тамаран.
Кармен Лафорет

1

Много раз на пути в Антарктику и обратно видел я с борта экспедиционного судна очертания Канарских островов.

Однажды, когда на океан уже опустились сумерки, я увидел дивную картину: на фоне бирюзового неба рельефно выступает чуть серебрящийся конус вулкана; вершина его освещена уже ушедшим за горизонт солнцем, а над самым кратером висит, словно привязанное, легкое малиновое облако. Я знал, что это действующий вулкан Тейде — высшая точка Канарских островов и всей Испании — три тысячи семьсот восемнадцать метров.

В другой раз мы проходили мимо островов ночью и видели лишь огни Лас-Пальмаса, самого крупного здешнего города. Судовая радиогазета растравила наши души сообщениями о красоте местной природы, райском климате, банановых плантациях и апельсиновых рощах. Кто-то, заглядевшись на манящие огни заморского города, продекламировал, слегка исказив стихи Маяковского: «Так и жизнь пройдет, как прошли Канарские острова!»

Повседневная корабельная жизнь, как водится, вскоре заслонила эти мимолетные впечатления. Осталось лишь чувство легкого сожаления: вот, мол, были совсем рядом, жаль, что не зашли...

И вдруг перед отплытием в очередной рейс в Антарктику я узнал, что наше судно побывает наконец на Канарских островах! От Ленинграда до них всего неделя ходу. Но мы заходили в Гданьск за польскими биологами, принявшими участие в нашей экспедиции, потом нас штормило в Северном море и Бискайе, так что лишь через полмесяца оказались у желанных островов.

Было около трех часов пополудни. Большинство свободных от вахты участников экспедиции высыпало на палубу. Солнце еще стояло высоко, горизонт застилала желтоватая дымка. Дул сухой и напористый северо-восточный ветер. Мы уже вошли в зону пассатов, и всего в трехстах километрах к востоку находились берега знойной Африки.

Впереди, прямо по курсу, громоздились тяжелые кучевые облака, какие в тропических широтах возникают обычно только над сушей. Перегнувшись через поручни, я смотрел на вспененную бегущую вдоль бортов воду и вспоминал звучные названия отдельных островов архипелага, известные мне о них сведения.

Тенерифе... Самый большой остров, очертаниями на карте напоминающий утенка. Именно там находится вулкан Тейде, извергавшийся последний раз в 1908 году. Жаль, что на этом острове в его живописной столице Санта-Крус-де-Тенерифе у подножия вулкана нам побывать не удастся. И на втором по величине острове — Фуэртевентура, длинном и узком, нам тоже не бывать, как и на более мелких — Лансароте, Пальма, Гомера и Иерро, не говоря уж о таких крошечных необитаемых островках, по сути скалах в океане, как Грасьоса, Монтанья-Клара, Лобос.

Мы направлялись к центру архипелага на остров Гран-Канария, третий по площади (его поперечник почти пятьдесят километров), но первый по числу жителей. Его очертания сравнивают с кошачьей головой с одним ухом. Мы держали курс именно к этому «уху» — небольшому обглоданному волнами полуострову, под прикрытием которого с восточной стороны расположен рейд порта Пуэрто-де-ла-Лус.

На палубе бывалый моряк из экипажа судна, живой сметливый парень с золотым зубом, жестикулируя, делился своими познаниями с новичками.

— Лас-Пальмас,— говорил он,— дешевые индусские магазины. Пальто из заменителей, зонты автоматические, шерсть мохеровая.

— Почему же индусские? — заинтересовался один из научных работников экспедиции.— Ведь острова-то испанские.

— А торговцы здесь повсюду индусы.— Моряк сделал круговое движение рукой и сверкнул золотом.— Был я в Гибралтаре, так и там то же.

— А сувениры есть? — робко спросил один из новичков.

— Этого добра сколько хочешь: сомбреро, чучела черепах, крокодилов...

— Но я читал, крокодилы на Канарских островах не водятся,— усомнился дотошный научный сотрудник.

— Значит, привозные,— парировал бывалый моряк.— Я ведь говорю не о том, что читал, а что своими глазами видел.

— Музеи в городе есть? — продолжали расспрашивать его.

— Музеи,— хмыкнул моряк.— Почему же нет? Дом Колумба. Говорящие попугаи шпарят по-испански, как он Америку открыл.

— А природа там какая? — поинтересовался еще один новенький с большим биноклем на шее.

— И природа есть,— без особого энтузиазма заявил моряк.— Пляж, пальмы, вулкан. Туда на экскурсии возят — двести песет с человека. Да вон она, природа, уже виднеется.

— Земля, земля! — раздались торжествующие возгласы.

Сквозь солнечную дымку явственно проступили очертания большого гористого острова.

С того дня, когда я впервые увидел с борта судна Канарские острова, я прямо-таки «заболел» ими. Меня интересовали все сведения об архипелаге. Узнав, что классик испанской литературы Перес Гальдос был родом с Канарских островов, я попытался найти в его произведениях какое-либо упоминание о них. Но — редкий случай для литератора — он нигде не обмолвился о земле своего

детства. Зато современная испанская писательница Кармен Лафорет, тоже уроженка этих мест, посвятила острову Гран-Канария автобиографический роман «Остров и демоны». Вот несколько строк из него: «... Пароход, обогнув большой волнорез, входил в Пуэрто-де-ла-Лус. Бухта сверкала на солнце. Очертания стоящих на якоре кораблей и парусников с беспомощно повисшими парусами расплывались в полуденном мареве. Город Лас-Пальмас, протянувший вдоль берега кварталы белых домов, сады и пальмовые рощи, казалось, дрожал и плавился...»

Именно такую картину и увидели мы с борта нашего судна.

2

Солнце уже склонялось к горизонту, когда мы отдали якорь на внешнем рейде прямо напротив Лас-Пальмаса. Здесь находилось около дюжины кораблей, среди которых мы увидели советское торговое судно «Железноводск». У его борта плясала на мелкой волне шлюпка, и четверо матросов, стоя в ней, орудовали скребками, отдирая с корпуса старую краску. Работать на волне было трудно, и временами до нас доносились недовольные возгласы матросов.

Ближе к городу стояло несколько десятков кораблей. Там, под защитой мола, было спокойнее. Нам оставалось ждать, когда у причала освободится место и лоцман введет нас в гавань. Мимо нашего борта осанисто проходили большие пассажирские суда, сновали юркие катера. Неожиданно из-за маяка на длинном молу появились... алые паруса! Трехмачтовый барк «Морфей», сделав изящный маневр, набрал в паруса ветер и заскользил в открытый океан.

Я попросил у соседа бинокль. Прямо передо мной выросли белоснежные корпуса океанских судов, хаос корабельных мачт и труб. Дальше, как на театральной сцене декорации, виднелся фон городской набережной. С крыш нескольких высоких зданий смотрели в сторону моря

Канарские острова

крупные надписи: HOTEL CHRISTINA, SHELL, BANK, HOTEL SANTA CATALINA. Кое-где в просветах между домами виднелись пальмы.

Затем город начинал взбираться на холмы. На их крутых,почти лишенных зелени склонах были разбросаны отдельные неказистые домики. Лишь в распадках они сбегались теснее и, словно поддерживая друг друга, карабкались на обширный уступ, где располагался верхний ярус города. Эта часть была явно моложе прибрежной. Здесь преобладали современные многоэтажные здания.

Еще выше постройки редели, а затем и вовсе исчезали. Горы же уходили все выше и выше, пока не терялись в облаках.

Лишь гористый полуостров, защищающий порт с севера (то самое «кошачье ухо»), был как на ладони. Склоны его, лишенные растительности, казались мертвенно-серыми. Какие-то полуразрушенные запыленные строения, похожие на руины старинной крепости, дополняли эту безрадостную картину. На одной из возвышенностей виднелась яркая белая надпись: VIVA SANTA BARBARA! На самой же вершине находился приземистый форт с большим орудием, длинный ствол которого смотрел в сторону моря. Очевидно, святая Барбара, которую прославляла надпись, покровительствовала военным.

Солнце тем временем почти спряталось за остров. Раскинувшийся перед нами город начали окутывать сумерки. Зато высоко на склонах косые солнечные лучи выхватывали из полумрака белые домики. Их стены и стекла ярко вспыхивали.

Кучевые облака над островом горели жгучими предзакатными красками. На корабль прибыл лоцман. Заработали двигатели, и мы тихим ходом стали втягиваться в порт.

С капитанского мостика прозвучало: «Палубной команде выйти на швартовку!» И сразу, как только обогнули край мола: «Отдать кормовой!» Заурчала якорная цепь. Началась швартовка.

Кучевая облачность над островом померкла, и лишь на большой высоте еще летели по небу алые стрелы нитевидных перистых облаков. А внизу царил полумрак. Но вот зажглись огни на судах, вспыхнули ярко-желтые фонари вдоль набережной, и порт сразу повеселел.

Около семи вечера после необходимых формальностей мы сошли на берег. Один за другим более ста участников экспедиции — геологи, географы, летчики, строители, механики, врачи, повара (в общем специалисты всех родов, какие только необходимы для жизни и работы в Антарктиде) — и почти столько же человек из судовой команды шагали вдоль длиннющего трехкилометрового мола, и, когда первая, самая нетерпеливая головная группа уже достигла ворот порта, последняя, в которой были люди обстоятельные, привыкшие никогда никуда не спешить, еще сходила с трапа.

А на кораблях, стоявших тесно вдоль мола, кипела жизнь. Шла погрузка и разгрузка, закачивали дизельное топливо, прибирали палубу. Сингапур и Лондон, Гонконг и Гавр, Марсель и Сидней, Токио и Монтевидео... Каких только портов приписки мы ни читали на судах — сухогрузах, наливных, рыболовных!

Наш добровольный гид, разбнтной моряк, рассказывавшнй новнчкам о Лас-Пальмасе, пояснял:

— Что вы хотите, это один нз главнейшнх портов Атлантикн. Не уступит любому европейскому. Находится на пересечении морскнх путей. Прямые лннии в Рио-де-Жанейро н Буэнос-Айрес, Дакар, Конакри н Абиджан, а когда Суэц блокнровалн — нз Европы в Индийский океан, Бангкок, Рангун, Фрнмантл...— Он со вкусом, словно щелкая орешкн, перечнслил еще с десяток заморскнх портов.

Над маслянностой водой, над застывшими у прнчалов судамн н рядамн пакгаузов внсел густой рыбный запах. Мы шагалн между штабелями прнготовленных к погрузке ящиков, грудами мешков, огнбалн портовые краны.

У ворот порта бегали ребятишкн, совалн под нос всякую мелочь:

— Русский, покупай! Покупай, русскнй!— весело выкрнкнвалн онн.

Мы подивнлнсь всезнайству портовых мальчншек, сразу определивших нашу нацнональность. Но ннкто нз нас в этот первый вечер в Лас-Пальмасе не был расположен заннматься торговымн операцнямн. Всем хотелось побродить по улицам города, вникнуть в его жизнь. К тому же возглавлявший группу моряк уверенно шагал вперед, обращая на шустрых мальчишек ноль вниманӣя.

От порта мы свернули налево, к центру города, глазея на прохожнх. Но онн мало отличалнсь от публнки, наполняющей в летннй сезон курортные города. Да н что удивнтельного? Канарские острова в нашн днн — это н есть модный курорт, нзлюбленный европейцамн.

В магазннах, мнмо которых мы проходнлн, уже заканчнвалн торговать. В основном это были мелкне лавочкн, по большей части действительно прннадлежавшне нндусам.

Иногда нас окликалн, зазывали в лавкн. У входа в одну нз них висел напнсанный от рукн плакатнк: «Магазин нндусскнй, говорнм по-русскн! Заходи, покупай — хорошо, дешево!» Так хозяин демонстрировал свое знание русского языка.

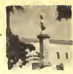
На небольшом сквере возле улицы прямо на траве под фонарем расположилось несколько бородатых обтрепанных ребят н девушек с распущенными волосамн. Тут же лежали рюкзакн н походные сумкн.

— Турнсты...— неуверенно определил кто-то из нашнх.

— Хнппн,— поправил бывалый моряк.— Вон как зарослн.

Так н не дойдя до конца длнннои улицы, мы повернулн назад. Час был уже позднн, надо возвращаться на корабль. Отвыкшне за время плавання от дальних прогулок, мы ощущалн тяжесть в ногах. Все прнумолклн. Даже словоохотлнвый моряк, казалось, нсчерпал себя, и кучка неотступно следовавших за ннм новичков стала редеть.

Воспользовавшнсь мннутной остановкой у витрнны магазнна, я подошел к газетному киоску н купил небольшую кннжку об нсторнн Канарских островов. Увидев у меня в руках кннгу, все заинтересовалнсь. Моряк неодобрнтельно покачал головой.



— Книги здесь дорогие,— сказал он.— Такая книжечка, считай, все равно что автоматический самораскрывающийся зонтик.

Новички сочувственно поглядели на меня и еще дружнее сплотились вокруг моряка.

3

В столь опрометчиво приобретенной мной в первый же вечер книге было написано, что вопрос о происхождении жителей Канарских островов до сего дня остается спорным. Откуда они взялись? Может быть, это потомки финикийцев, может быть, египтян или жителей Карфагена. Не исключались в качестве прародителей и викинги. Некоторые ученые-антропологи полагали, что древнее население Канарских островов — гуанчи — представители распространенной в Европе в эпоху позднего палеолита кроманьонской расы.

Так или иначе, Канарские острова были известны еще древним грекам и римлянам. О них слагались красивые легенды. Об «островах благоденствия», «островах удачи», находящихся на краю света, писали Платон, Геродот, Плутарх, Плиний, Гораций. В средние века отважные мореплаватели — генуэзцы, португальцы, каталонцы — все чаще и чаще стали появляться в этих водах.

Первыми известными истории европейцами, которые, по-видимому, достигли Канар в 1291 году, были два брата Вивальди из Генуи. Двадцать лет спустя побывал здесь другой генуэзский мореплаватель — Ланселлото Малоселло. Это, вероятно, в его честь один из Канарских островов стал называться островом Лансароте.

Около 1339 года уроженец острова Майорки Долсет составил первую навигационную карту островов.

К моменту появления европейцев на островах местного населения насчитывалось около двадцати тысяч человек. Гуанчи занимались земледелием и скотоводством. Они умели изготавливать орудия из дерева, кости, вулканических пород — базальта, обсидиана. Каменные топоры, кинжалы, рыболовные крючки, наконечники для копий, разнообразные гончарные изделия, разрисованные красной и черной краской,— остатки всех этих предметов обнаружили в пещерах археологи. Металлы гуанчам не были известны.

Выращивали они ячмень и пшеницу. Традиционное блюдо гофио — лепешки из предварительно прожаренного зерна — и сейчас широко распространено на островах. Из козьего молока делали сыр и масло. Шло в пищу баранье и собачье мясо (на острове было много собак)* и разнообразные дары моря — рыба, устрицы, крабы.

* Канарские острова получили свое название от латинского canis, что в переводе означает «собачьи». Так назвали их путешественники, удивившись обилию диких собак. В местных изданиях неблагозвучный эпитет, однако, не упоминается, и можно подумать, что острова обязаны своим названием канарейкам.

Есть сведения, что гуанчи были весьма сведущи в искусстве врачевания. Местные медики широко использовали лекарственные растения и бараний жир. Подобно древним египтянам, гуанчи знали тайну бальзамирования трупов. Мумифицированные тела усопших переносили в пещеры, расположенные в труднодоступной горной местности. Рядом с мумией оставляли запас пищи и разнообразные предметы обихода.

Гуанчи были рослыми и стройными людьми. Среди них встречались как блондины, так и брюнеты. В строении лица были характерны выступающие скулы.

Общество гуанчей подразделялось на королевскую фамилию, знать и простой народ. На острове Гран-Канария короля избирали на специальном совете. Ему полагалось иметь жену королевских кровей (не возбранялось жениться на собственной сестре). Хотя у гуанчей главенствовали мужчины, женщины играли важную роль в общественной жизни и пользовались большим уважением.

У аборигенов Канарских островов существовал своеобразный культ священных девственниц, живших уединенно в горах и соблюдавших строгий пост. К сожалению, изучать обычаи и нравы этого народа европейцы начали лишь после того, как он фактически прекратил свое существование в результате массового истребления аборигенов колонизаторами. Поэтому сведения, которыми мы располагаем об обществе гуанчей, скудны и разрозненны.

Археологи нашли на островах наскальные письмена и рисунки такого же типа, как в пещерах Франции и Ирландии. Пока они не расшифрованы. Ученые считают, что язык гуанчей был близок к берберским. На восточных островах существовало звуковое письмо, на западных — иероглифическое. Племена же, жившие в центральной части архипелага, вовсе не имели письменности. Это говорит о том, что племена гуанчей жили чрезвычайно разобщенно, поистине «островной» жизнью и водные преграды всего лишь в несколько десятков километров были для них почти непреодолимы.

Вот с каким обществом столкнулись европейские колонизаторы средневековья, чуждые гуманности, обуреваемые жаждой наживы. С середины XIV века на средиземноморские рынки рабов стал поступать новый живой товар — гуанчи...

А вскоре и сами острова стали предметом купли-продажи. Принимала в этом участие и церковь. В 1344 году папа Климент VI «уступил» Канары за четыреста золотых флоринов вместе с рядом других дальних островов авантюристу Луису Серда, известному под именем Принца Удачи.

В 1402 году король Кастилии Генрих III пожаловал нормандскому дворянину Жану Бетанкуру титул короля Канарских островов. Гуанчи героически сопротивлялись захватчикам. Все же Бетанкуру удалось завоевать острова Лансароте, Фуэртевентура и Иерро. Но попытки захватить Гран-Канарию остались бесплодными.

С каждым годом все больше кораблей направлялось в поисках легкой наживы к берегам Канарских островов. В середине XV века испанец Гарсиа Херрера сумел построить форт в Гандо, на месте

нынешнего аэродрома Лас-Пальмас. Но ему не повезло, так как поблизости на склоне горы жили священные девственницы, и, когда гаризон начал проникать в эту местность, возмущенные гуанчи атаковали испанцев и разрушили их крепость.

Начиная с 1477 года после брака Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского испанская экспансия усиливается. На остров высаживается отряд под командованием идальго Жана Режона. Гуанчские племена подразделялись в то время на две части: одна возглавлялась Дорамасом, другая — Тенесором. Режону удалось покорить большую часть гуанчей. Дорамас пал в бою, и его отрубленная голова была выставлена для устрашения непокорных гуанчей. Тенесора заключили в тюрьму, позже привезли в Испанию и подвергли крещению.

Остров Гран-Канария был окончательно завоеван в 1483 году.

4

Утром прямо к трапу подали автобус, и мы отправились на экскурсию по острову.

Из Лас-Пальмаса идут три основные дороги: южная, центральная и северная. Мы поехали по центральной. Миновав город, дорога сразу же начинает подниматься вверх по гористым склонам. Не прошло и четверти часа, как исчезли последние городские постройки, и вот уже появились банановые плантации — небольшие пятачки пышной зелени на уступах гор. Глядя на примыкавшие к ним сухие бесплодные склоны, можно было представить, сколько усилий нужно затратить, чтобы создать эти крохотные благоухающие зеленые островки. Лишь на дне долинок, в более удобных местах, располагались плантации покрупнее.

Бананы — основная сельскохозяйственная культура Гран-Канарии: остров ежегодно экспортирует свыше трех миллионов банановых гроздьев; существует даже народный праздник — день покровительницы этого растения.

Автобус, урча, забирался все выше в горы, и банановые плантации вскоре исчезли: выше четырехсот метров над уровнем моря их на Гран-Канарии не разбивают. Зато стали попадаться участки... картофеля. Вот уж не ожидали мы увидеть здесь наш «обыкновенный» картофель. Но, оказывается, это третья по значению сельскохозяйственная культура. Островитяне очень любят картофель.

Второе же место после бананов занимают тоже хорошо нам знакомые помидоры. Дорогу, которая ведет от Лас-Пальмаса на юг вдоль побережья, называют помидорной, так как вдоль нее располагаются основные посадки этой культуры. С ноября по апрель на острове выращивается около ста тысяч тонн помидоров. Их основная масса экспортируется в Англию и страны Северной Европы.

Сравнительно небольшие площади заняты табаком, сахарным тростником, бобовыми, хлопчатником, фруктовыми деревьями.

Дорога забиралась все выше. Появилась надежда, что мы попадем в центр острова. Там, на высоте около двух километров, сохранились реликтовые леса, описанные Кармен Лафорет: «Среди хаоса гор, видных из порта Техеда, под стражей южных вершин Нубло и Бентайги, на многие километры тянутся сосновые леса, жаркие, сухие, выросшие на вулканической почве — сосновые леса Пахоналес».

Но, увы, планы наших гидов оказались куда более скромными. Нас везли к кратеру вулкана Бандама, на высоте всего лишь шестьсот метров.

На поворотах дороги, когда открывался вид на соседние лишенные растительности склоны, можно было прочесть гигантские рекламные надписи, выложенные цветными камнями: «Летайте на самолетах компании «Иберия» », «Пейте виски «Осбори» ». Потом появились заросли кактусов и агав, а вдоль дороги запестрели пятнистые стволы эвкалиптов.

И вот наконец взору открылся кратер Бандама — гигантская полая воронка диаметром более километра и глубиной около двухсот метров. По бортам воронки виднелись застывшие пласты лавы, которая когда-то бурлила в этом гигантском котле и выплескивалась через край.

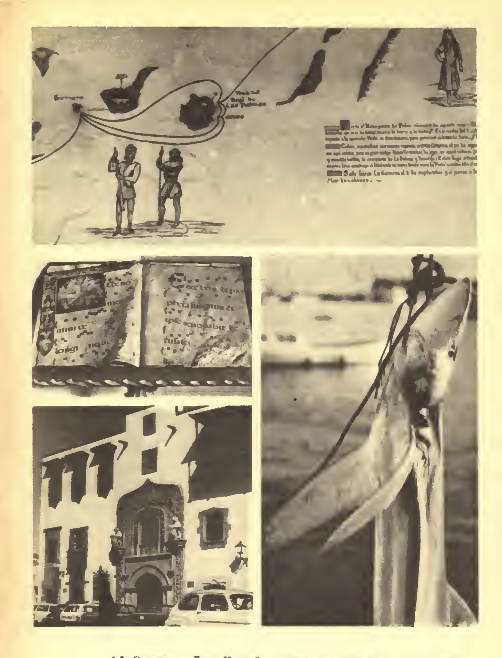
В центральной части Гран-Канарии находится еще более значительный кратер. Вулканическая деятельность на островах не прекратилась и по сей день. Некоторые исследователи считают Канары цепочкой третичных вулканов, поднявшихся из пучин океана. По мнению других, острова имеют единую тектоническую основу с Африканским материком, представляя собой продолжение горных цепей Атласского хребта. Есть и еще более смелые гипотезы, в соответствии с которыми острова — остатки Атлантиды, погрузившейся в пучины океана.

Обрывистые скальные склоны гигантской каверны Бандама в нижней части постепенно сглаживаются, сменяются осыпями, поросшими чахлым кустарником, и наконец переходят в ровный пятачок — дно кратера. И здесь, в самом чреве вулкана, на дне адского котла, который, возможно, вот-вот закипит, мы обнаружили мирный сельский пейзаж! Участок возделанной земли, крохотная ферма в окружении плодовых деревьев. Приглядевшись, различаешь тропинку, взбирающуюся среди кустарника на край воронки.

Но как же жить на дне кратера вулкана, куда солнце заглядывает лишь ненадолго, а в остальное время дня глубокие тени перемещаются по склонам каменного мешка?

На горной вершине, примыкающей к кратеру, устроена стоянка для туристских автобусов. В небольшом магазинчике торгуют сувенирами, открытками, изделиями из дерева, кожи. К вашим услугам прохладительные напитки — пиво, соки, вездесущая кока-кола.

Едем дальше. Узкая, но ровная ухоженная дорога то взбирается на гору, то ныряет в живописные долины. Встречаются маленькие городки с рассыпанными по склонам разноцветными — белоснеж-



1-2. Экспонаты Дома Колумба — старинные испанские карта и книга, имеющие непосредственное отношение к плаванию знаменитого мореплавателя через Атлантику и заходу его каравелл на Канарские острова
3. Вегета — старинный район города Лас-Пальмас. В одном из таких зданий располагается исторический музей Gasa de Colon — Дом Колумба
4. Пойманная акула — трофей спортивной охоты

Фото автора

нымн, голубымн, темно-краснымн — домнкамн в мавритаиском стиле. Несмотря на поразительное разиообразне построек, все вместе онн образуют единый архитектурный ансамбль.

Наш проводник называет селения: Санта Брнджида, Сан-Матео. По нарядному облнку построек видно, что это в осиовном курортные городкн.

Автобус, не останавлнваясь, минует узкне улочки и снова выезжает иа шоссе. Вон в узкой долинке мелькнула группа женщин, стирающих белье у запруды; вон за поворотом показался рекламный щит внскн «Белая лошадь» — вставшнй на дыбы конь с раскошным хвостом н грнвой.

На гориых склонах вдоль дорогн местамн разбиты виноградннки, огороженные высокнми каменнымн заборамн.

Когда мы оказалнсь на перевале на высоте уже около тысячи метров, хлынул дождь. Вершнна острова закрыта облакамн. Мы медленно движемся по дороге среди диковинного сочетания лнственных н хвойных деревьев, кактусов н агав.

Прнродные ландшафты острова нсключительно разнообразны — от тропнческих лесов на склонах гор до засушливой песчаной пустыни с пальмовыми оазнсами в прибрежных районах, поэтому Гран-Канарню называют контнннентом в мнниатюре. Всего здесь насчитывается до полутора тысяч видов растеннй, из них прнмерно треть — местиого происхождення, остальные — эмигранты нз других стран, успешно прнспособнвшиеся к здешним благопрнятным условиям.

Особенно ннтересно драго, илн драконовое дерево, сохраннвшееся с третичного перноda. Оно не встречается больше нигде в мнре. На островах сохранилнсь многне растення, которые пронзрасталн раньше в странах Средиземноморья, ио затем там вымерлн. Значит, климатическне условия на островах отличались завидной стабильностью.

В наше время на дикую растительность наступают культурные плодовые деревья. Леса из эвкалнптов, сосны, лавра соседствуют с апельсиновымн рощами, яблоневыми, грушевыми, инжирными садами. Всюду вдоль дорогн, где только склон чуть положе, видны старательно возделаниые участки, оросительные каналы — плоды огромного труда, вложенного в эту землю.

Преодолев перевал, автобус спускается в глубокую цветущую долнну. Мы выходнм нз зоны облачности, дождь сразу прекращается. Въезжаем в опрятный городок, н на центральной площади около собора гид, к нашей радости, провозглашает:

— Терор. Стоянка пятнадцать мннут.

Это весьма любопытный городок, сохраннвший обаяние старины: дома с иависающими иад улицей деревяннымн резнымн балконамн, портикамн, полустершнмися гербамн над дверныmн проемамн. Мы проходим по узкой улице, заглядываем в красочный бар, где за спиной хозяина поблескивают батарен расфранченных бутылок, покупаем бананы. Уже сигналит шофер автобуса, а надо еще забежать в собор. Ах, разве можно так торопнться? Нет времеин не только подумать, но н просто оглядеться по сторонам. В полутьме

собора тускло поблескивает золотом алтарь, кафедра, украшенная драгоценными камнями, распятие. Из притвора выходит согбенный старик и обращается к нам по-испански. Возможно, он рассказывает об истории храма, но нам уже надо занимать свои места в автобусе.

От Терора до Лас-Пальмаса немногим больше двадцати километров. Мы пересекаем несколько узких долинок, и вот уже снова пригороды Лас-Пальмаса — мы спускаемся к городу с другой, западной стороны, прямо в район порта.

По склонам лепятся друг к другу маленькие домишки. Они совсем не походят на богатые виллы курортных городков, но и им не откажешь в живописности. Ветер доносит в открытое окно автобуса острый запах рыбы. Возможно, где-то поблизости находится рыбоконсервный завод. Рыбный промысел играет немалую роль в жизни островитян. Рыболовство и переработка улова обеспечивают работой тысячи людей. Кроме консервов здесь заготавливают большое количество солений и сушеной рыбы, получают различные побочные продукты — рыбий жир, рыбную муку.

Автобус минует поворот на полуостров Ислета (то самое «кошачье ухо»), где установлено длинноствольное орудие, которое мы заметили еще с борта корабля. Путь на полуостров преграждает шлагбаум.

Внизу как на ладони порт. Мы обращаем внимание, что наше судно уже не стоит у причала, а выведено на внешний рейд. Очевидно, долго находиться у причала — непозволительная роскошь.

— Будем добираться на шлюпках,— замечает кто-то,— причал рядом с площадью Каталины.

Через пять минут мы уже на этой площади возле причудливого здания гостиницы, похожего на водонапорную башню.

Прежде чем сесть в шлюпку, я захожу в расположенное на площади туристическое агентство. Там великое множество всяких проспектов, рекламирующих поездки в различные города Испании: Толедо, Барселону, Мадрид.

— А о Канарских островах есть что-нибудь? — спрашиваю я у пожилого скучающего в одиночестве представителя агентства.

Он достает три тоненькие книжечки: одна повествует об архипелаге, другая — об острове Гран-Канария, третья — о Лас-Пальмасе.

— Спасибо,— говорю я и протягиваю ему на память советскую марку, посвященную Антарктиде.

Он с удивлением рассматривает ее, расплывается в довольной улыбке и тут же преподносит мне небольшую баночку.

— Сувенир,— поясняет он,— наши канарские оливки.

Чего только нет на Канарских островах!

5

На следующее утро мы вновь отправляемся на берег. Автобус везет нас от площади Каталины прямо на юг вдоль побережья по длинной улице Леон-и-Кастильо. С десяток других улиц протянулись в том

же направлении на многие километры. Эта узкая полоса, зажатая между морем и холмами,— самая старая часть города, основанного испанцами во второй половине XV века, в годы правления Изабеллы и Фердинанда. Мы хотим посетить район, где в те времена селилась городская аристократия.

У здания театра, носящего имя Переса Гальдоса, мы выходим из автобуса. Отсюда рукой подать до старинного квартала Вегеты. У моста, переброшенного через неширокий овраг, идут строительные работы. Это Гиниигуада — сухой овраг, пересекающий Лас-Пальмас. Он наполняется в дождливое время мутными бегущими с гор водами и отводит их в море. Сейчас строители расширяют и укрепляют его русло.

Рядом вдоль улицы крохотные бары. В них полно рабочего люда в спецовках. На приступках многие присаживаются отдохнуть. Тут же у стен развешаны птичьи клетки. В них небольшие, чуть больше воробья, скромные птички с желтыми грудками. Неужели это знаменитые канарейки, обязанные своим названием островам? Да, так оно и есть. Седой старик со слезящимися глазами запрашивает за каждую канарейку две тысячи песет. У нас нет таких денег. Неужели канарейки на своей родине так дороги? Или они уже и здесь стали редкостью, ведь вывозить их в Европу начали еще в XV веке? А может быть, эти канарейки поют как-то по-особенному? Всего этого мы так и не выяснили и в раздумье побрели дальше.

Улица, по которой мы шли, сузилась — мы вступили в кварталы Вегеты. Многие дома были здесь, очевидно, подновлены, резные деревянные балконы, конечно же, реставрированы, и все же, отойдя всего на несколько сот метров от основных магистралей, где мимо многоэтажных современных зданий проносились автомашины, мы как бы перенеслись во времена Колумба, в век Великих географических открытий и святой инквизиции. Медленно ступая по каменным плитам старинной мостовой, мы приблизились к трехэтажному особняку с длинными балконами — бывшей резиденции военного губернатора Лас-Пальмаса, где пять веков назад побывал открыватель Нового Света.

Каравеллы Христофора Колумба «Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта» прибыли сюда летом 1492 года. Прожив на Канарских островах около месяца, Колумб ушел в свое плавание, сделавшее его знаменитым. Историки утверждают, что великий мореплаватель еще трижды побывал на островах — последний раз в 1502 году. Существует предание, что Колумб был влюблен в Беатрис де Бобадилью — кастильскую девушку с острова Гомера, это и побуждало его вновь и вновь возвращаться на острова.

Сейчас дом, где останавливался отважный генуэзец — исторический музей CASA DE COLON, то есть дом Колумба. Здесь демонстрируются редкие исторические документы, предметы обихода испанцев тех времен и гуанчей, старинное оружие. Можно полюбоваться и картинами знаменитых живописцев Веронезе и Моралиса. В каменном внутреннем дворике сидят на специальных подставках большие яркие попугаи на цепочках. Возможно, те самые, которые, по словам нашего бывалого моряка, «шпарят

по-испански». Однако они не были расположены к беседе, хотя мы и делали попытки заговорить с ними.

В музее многолюдно. Подошел автобус с туристами — шведами, которые любят проводить досуг на Канарских островах. Чтобы не толкаться, мы вышли на улицу и отправились на поиски музея, посвященного культуре гуанчей. По дороге наше внимание привлек кафедральный собор святой Анны, основанный во времена Колумба. Но двери храма закрыты. Перед собором разбит сквер. В центре его на каменных плитах стая голубей. На лавочках сидят женщины, возле них резвятся малыши в ярких костюмчиках. По углам сквера в послушных позах застыли бронзовые собаки, очевидно, те самые, что дали название островам.

После посещения музея ноги сами устремляются к скамейке в тень пальмового дерева. Мы отдыхаем, наблюдая за прохожими, озабоченными чиновниками муниципалитета (его здание находится рядом с собором), оживленно болтающими мамашами и их беззаботными малышами — потомками безжалостных конкистадоров и обездоленных гуанчей.

И мысли вновь возвращаются к истории.

6

Даже после окончательного завоевания островов испанцами в конце XV века мир и спокойствие не воцарились здесь. Пираты, корсары, флибустьеры всех сортов облюбовали острова и сделали их уютные, укромные гавани своими притонами. Эта своеобразная пиратская «республика» просуществовала почти четыре столетия.

Одно из первых пиратских нападений относится к 1522 году, когда морской разбойник Жан Флорин атаковал испанский корабль и похитил часть сокровищ Монтесумы, которые Кортес вывозил из Мексики. Впрочем, можно ли рассматривать такое нападение как незаконное? По сути один разбойник ограбил другого.

В 1543 году известный в те времена морской волк Жан Альфонсо Сентонж вошел в гавань Лас-Пальмаса и захватил три груженных сахаром корабля.

В 1551 году Менжун Кабан безуспешно пытался захватить остров Лансароте. Вскоре другой пират, по прозвищу Святой Отец, ворвался в гавань Пуэрто-де-ла-Лус, намереваясь разграбить находившиеся там галеры, идущие в Испанию из Индии. Однако эта попытка не увенчалась успехом.

В 1553 году пират, по прозвищу Деревянная Нога, атаковал город Санта-Крус на острове Пальма. Через шесть лет его коллега Калафат захватил остров Лансароте. В последующем Жак Сорес грабил португальские корабли вблизи острова Пальма, который лежал на их пути в Бразилию. Жан Капдевиль в 1571 году высадился на остров Гомера и сжег столицу острова.

Было бы наивно думать, что испанские колонизаторы лишь оборонялись. Их корабли, снаряженные на островах, то и дело совершали разбойничьи рейды к берегам Африки для захвата рабов.

В 1599 году датский командор Ван дер Доез привел в Лас-Пальмас целый флот из семидесяти пяти кораблей. Осадив город, он потребовал выкуп в четыреста тысяч дукатов. Однако пират получил отпор. Датчане вынуждены были отступить.

В XVII веке активизировались англичане. В 1657 году адмирал Блейк при попытке захватить Санта-Крус-де-Тенерифе потерял более пятисот человек.

Наконец, последнее нападение было совершено выдающимся английским флотоводцем адмиралом Нельсоном в 1798 году. За четыре года до этого он потерял при взятии корсиканского города Бастии правый глаз. Атака Санта-Крус-де-Тенерифе стоила ему кисти правой руки.

Только с XIX века постоянный шум сражений на островах стал стихать. Однако теперь при отсутствии внешних врагов возрастает соперничество островов. Основная борьба за право называться столицей Канар разгорается между Лас-Пальмасом на Гран-Канарии и городом Санта-Крус на соседнем острове Тенерифе. В 1852 году испанская королева Изабелла II провозгласила канарские портовые города свободными для торговли. С этого времени их экономическое положение заметно улучшается, а порты Лас-Пальмас и Санта-Крус начинают играть важную роль во внешней торговле Испании.

В 1912 году острова были подразделены на две самостоятельные провинции — восточную и западную — со столицами Лас-Пальмас и Санта-Крус. Спор за первенство между этими городами закончился «ничьей».

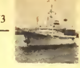
7

Мы долго сидели на площади Святой Анны, решая, куда теперь отправиться. Это был наш последний день на острове. На музей гуанчей явно не хватало времени: тянуло просто побродить по городу, почувствовать его жизнь.

Сначала мы сделали круг по Вегете. Не хотелось уходить из этого района — живого памятника средневекового испанского зодчества. Кажущиеся игрушечными домики с резными деревянными балконами, тесные кривые улочки, тишина и покой — все это производит чарующее впечатление.

Однако старинный район невелик. Внушительные, но безликие здания из бетонных блоков и металлических конструкций со всех сторон наступают на него.

Сейчас в Лас-Пальмасе двести шестьдесят тысяч жителей, то есть около половины всего населения острова. Лишь за последние пять лет прибавилось восемьдесят тысяч человек. Город бурно развивается. И это не удивительно. Канарские острова стали одним из наиболее притягательных мест для туристов из многих стран мира. На Гран-Канарию ежегодно приезжает свыше четверти миллиона человек, не считая такого же количества транзитных пассажиров. Здешний аэропорт, второй по величине в Испании после Мадрида, связан с крупнейшими городами мира — Лондоном,



Стокгольмом, Осло, многими центрами Северной и Западной Африки. Ряд авиалиний через Атлантику пересекается на Канарских островах. К услугам приезжих отели, пансионаты и кемпинги. Обслуживание туристов давно превратилось в своего рода «индустрию», приносящую немалый доход.

Городским постройкам стало тесно на узкой прибрежной полосе, и город начал карабкаться вверх по склонам холмов. Мы не стали подниматься в новые кварталы, а пошли назад к порту, стараясь не удаляться от моря.

Стояла ласковая, солнечная погода, какая бывает у нас в средней полосе в самый разгар весны (не зря Канарские острова называют страной вечной весны). На нашем пути оказался парк с большими тенистыми пальмами не знакомых нам видов и огромными кактусами. Здесь мы увидели и знаменитое драконовое дерево, чей гигантский ствол, на удивление, расширяется не только к низу, но и к верху, а тянущиеся к небу, тесно переплетающиеся голые ветви походят на натужные жилы.

В конце парка за решетчатой оградой поблескивали изумрудной водой дорожки плавательных бассейнов, а чуть в стороне из-за глухой стены доносились приглушенные голоса и тугие удары ракеткой по теннисному мячу. В проспекте это место было названо парком Дорамаса, по-видимому, в честь предводителя гуанчей, некогда обезглавленного испанцами. В парке расположились роскошный отель, зоопарк, выставка местного живописца Нестора. Чуть поодаль находится Пуэбло Канарио, где дважды в неделю исполняются народные песни и танцы.

Можно было представить, как одетые в яркие национальные наряды танцоры: женщины в широких цветных юбках колоколом, белоснежных блузках, кружевных передниках и темных маленьких шляпках и их темпераментные партнеры в белых коротких гольфах, заправленных в замшевые сапожки, белых рубашках и цветных узких в поясе пиджаках — гордо выступают на сцене.

Музыканты наигрывают на тимпле — маленькой пятиструнной гитаре. Медленная мелодия сентиментального танца фолно сменяется огненной, стремительной исой. А вокруг под солнцезащитными зонтами сидят туристы... Именно так выглядит эта картина на рекламных открытках, а подлинное представление об испанских танцах мы получили благодаря блестящим выступлениям танцевального ансамбля Антонио Гадеса, гастролировавшего не так давно в Москве и Ленинграде.

Но сегодня танцев в Пуэбло Канарио не предвиделось. Солнце уже садилось, а нам еще хотелось забежать на пляж (даже плавки с собой захватили), и нельзя же было в конце концов презреть магазины. Все же, увидев указатель ZOO, мы решили хотя бы бегло ознакомиться с обитателями зоопарка. Прямо у входа в клетках помещались обезьяны. Павианы степенно прогуливались, а шимпанзе раскачивались на трапециях. В другом уголке зоопарка в тени на влажной, обильно политой земле стояла пара розоватых фламинго. Рядом в бассейне плавно скользили гигантские морские черепахи. Я почувствовал чей-то пристальный взгляд и, обернувшись,

увидел за толстыми прутьями решетки большого бурого медведя. Он был худ, обтрепан, шерсть кое-где висела клочьями. Медведь явно чувствовал себя не в своей тарелке в тропическом климате.

У вольера со львами все задержались. Львы живописно расположились на гигантских валунах и лежали, не шевелясь, мутно глядя прямо перед собой. Казалось, ничто не могло вывести их из этой своеобразной львиной нирваны. Перед самой решеткой прыгали, кривляясь, два маленьких озорника в красных костюмчиках. Они гримасничали, показывали львам рожи, а наиболее агрессивный стал плеваться. Очевидно, есть предел и львиному терпению. Страшный рык потряс маленький зоопарк. Царь зверей выразил свое возмущение манерами невоспитанных человеческих детенышей.

Мы пошли дальше мимо клеток с цветными горбоносыми и хохлатыми попугаями. Встревоженные львиным рыком, они что-то гневно кричали нам вслед. И тут я невольно замедлил шаг и остановился. В просторном вольере стояла большая белая красавица лама. Ноги ее, казалось, вросли в землю, свою маленькую головку с большими наивными глазами она грациозно повернула в мою сторону. Во взгляде ламы, мне казалось, было столько доверия, беззащитности...

Я с трудом оторвался от этого зрелища.

— Если будем так канителиться, не успеем осмотреть знаменитый пляж!—предупредили меня мои товарищи.

8

Пляж Лас-Кантарес, расположившийся рядом с портом, оказался действительно великолепным. Полоса золотистого песка протянулась красивой дугой на несколько километров. Залив отделен от открытого моря береговым рифом — непреодолимым препятствием для акул. Кроме того, риф защищает лагуну от волнения, купаться здесь можно в самый свирепый шторм. Вдоль пляжа тянется широкий проспект, застроенный нарядными строениями, в основном отелями. В разгар туристского сезона здесь яблоку негде упасть, но сейчас середина ноября, и на пляже только редкие купальщики. Вода кажется нам теплой и очень соленой. С непривычки от нее щиплет глаза.

Вдоль набережной под большими зонтами расставлены столики. Мы садимся выпить пива “Tropical”. Расторопный официант тут же приносит бутылки.

За соседним столиком молодые люди, обнявшись, шепчут что-то друг другу. На песке спиной к нам стоит высокая стройная девушка в бикини. Мимо проходит босоногий хиппи в продранных шортах. По набережной идет пожилая испанка в черном, несет картошку в авоське. Чумазые ребятишки возятся у балюстрады. Один воровато обернулся, схватил оставленную на столе недопитую бутылку кока-колы, отпил из нее, передал товарищу, потом аккуратно поставил на место.

А вдали разбивались о поросшие зеленоватыми водорослями рифы океанские валы. На них можно было смотреть бесконечно...

Как только не именуют Канарские острова. И островами благоденствия, и островами удачи. Но простому люду здесь живется не так-то легко. Об этом пишет Кармен Лафорет. Это проскальзывает в рекламных изданиях. Крестьяне, любящие свою землю и желающие хозяйствовать на ней, далеко не всегда могут это осуществить. Многие вынуждены эмигрировать в поисках заработка. Большинство уезжает в Южную Америку, где в течение многих лет каторжным трудом стараются скопить нужную сумму для покупки на островах участка, где можно было бы разбить банановую плантацию и остаток своей жизни трудиться на родной земле.

... На город опустился вечер. Мы проходим по кварталу, где расположены индусские магазинчики, выбираем себе сувениры. Тут нам встречается наш старый знакомый — моряк с золотым зубом. С покупками под мышкой он спешит в порт, и ему уже не до нас. На площади Каталины призывно горят огоньки ночного кафе. Для любителей ночной жизни туристский проспект обещает разнообразные развлечения. Но мы спешим на пристань. Здесь в ожидании шлюпок собралось много наших. Все толпятся кучками, делятся впечатлениями, обсуждают покупки. Немного в стороне стоит открытый катер с высокими бортами. Возле мостков — очаровательная девушка с голубыми глазами и пышной прической. Броская надпись на ее желтой майке приглашает принять участие в ловле акул. Рядом на крюке вздернута двухметровая хищница с перекошенной зубастой пастью. В руках у девушки билетики. За двести пятьдесят песет можно принять участие в увлекательной морской прогулке. Эффектная девица, конечно, только для рекламы. Внизу на катере сидят двое пожилых широкоплечих мужчин в синих спецовках — истинные исполнители этого трудного спектакля. Желающих сесть на катер немного, и девушка подходит к нашей группе, протягивая билетики. Но время нашего пребывания на островах истекло.

... Ночью мы покидаем Пуэрто-де-ла-Лус. Яркие огни набережной еще долго желтеют во мраке за кормой. А на рассвете, когда я с верхнего мостика смотрю на север, уже не видно ничего, кроме волн. Острова удачи растаяли в пепельной дымке океана.

Анатолий Онегов

Ночной выстрел на пасеке

Заметки натуралиста

В 1968 году в журнале «Наука и жизнь» была опубликована моя повесть «В медвежьем краю». Рассказывалось в ней, как автор два года провел в Архангельских лесах, живя бок о бок с бурыми медведями. В повести я пытался сделать вывод, что те медведи, которые встречались мне там, были в общем-то покладистыми, добродушными животными. В те времена, о которых шла речь, бурый медведь на севере нашей страны считался чуть ли не самым опасным хищником, охотиться на него разрешалось круглый год и за добычу медведя любого возраста и размера выплачивалась солидная премия.

Я позволил себе восстать против существовавшего тогда мнения и принятых правил охоты и постарался хоть как-то защитить бурых медведей нашего Европейского Севера. Говорить обо всех мишках нашей страны я не мог, ибо не знал, как живет-может этот зверь за Уральским хребтом, а потому с большой благодарностью принял письма-рассказы о буром медведе, пришедшие ко мне из Сибири. Среди этих писем запомнилось одно, с Алтая. Судя по письму, в тех местах медведей было очень много и все они одинаково уважительно относились к людям. А вот те несправедливо преследовали зверей, приписывая им чужие грехи. Словом, меня призывали приехать на Алтай.

Я отыскал на карте упомянутый в письме населенный пункт на склоне Тигирекского хребта и принялся по книгам знакомиться с медведями, проживающими на востоке нашей страны... Сведения оказались противоречивыми. Одни авторы утверждали, что тамошние мишки хоть и велики, но тихи. Другие даже приводили примеры, когда медведи выслеживали в тайге охотников и первыми нападали на них. Словом, из всего прочитанного я мог сделать только один определенный вывод: «Медведи, населяющие сибирскую тайгу, крупнее своих европейских собратьев...»

Давно убедился я, что мирный, покладистый зверь чаще встречается там, где к нему достойно относятся люди. И допускал я, что солидный сибирский медведь, потревоженный случайными в тайге людьми, не сразу покинет свои старые тропы, а станет приглядываться, прислушиваться, а то и попробует выжить человека из леса. Не встречал он раньше никого сильнее себя — так зачем ему трусливо отступать? Клянем мы иной раз медведя, требуем уничтожить сразу всех зверей в округе, но почему-то редко задаем себе вопрос: «А кто был тот человек, которого встретил в лесу медведь? Как вел себя этот человек на лесной тропе? Умел ли быть в лесу добрым гостем, умным хозяином или явился шумно, дерзко и непорядочно, как завоеватель?»

Прибежит такой горе-охотник из леса, бросив в лесу ружье, и начнет, выгораживая себя, складывать очередную страшную историю. Не принесет из тайги такой рассказ настоящий лесной старатель, хотя и видит, слышит зверя, почти всякий раз встречается с ним. Он не будет стрелять понапрасну, если медведь ему не нужен. И разойдутся два таежных хозяина своими дорогами.

Правда, зол и опасен медведь-шатун. Не накопит к зиме жиру: не хватило ему ягоды, орехов в этом году — не ляжет в берлогу и будет бродить по лесу. Нет в зимнем лесу зверю корма, и если не помрет такой зверь своей собственной смертью, то найдут его вскоре и легко расправятся с ним волки. Может медведь-шатун, чуя близкую гибель, начать охоту и за человеком.

Не пришлось мне видеть следов медведя-шатуна в Сибири, но начало зимы 1972 года в Карелии помню до сих пор. Не было в тот год в лесу ягоды, и не лег медведь с осени в берлогу. Видели тогда этих зверей на дорогах, заходили они и в поселки, но не ломились в двери домов, а рыскали больше около мусорных куч.

Не чета сибирский медведь своему младшему брату, поселившемуся в Карелии: приведется ему стать шатуном, жди от него беды. И читаем мы страшные рассказы о медвежьих нашествиях. А станешь проверять, и окажется, что автор такого рассказа сам ничего не видел, людей от медведя не отбивал да и знаком с этим зверем только по зоопарку... Вспоминал я тут всегда слова Александра Александровича Черкасова, известного натуралиста, который жил и охотился в Забайкалье еще в прошлом веке, когда поменьше в тайге было горе-охотников: «Про медведя рассказывают столько анекдотов и небылиц, что, право, после с трудом веришь истине...»

Вот почему и постарался я забыть все рассказы о медведях, поселившихся за Уральским хребтом, пока сам не увижу этих зверей...

Весной, лишь стала падать в горных реках большая вода и дороги в горы стали полегче, отправился на Алтай к Тигирекскому хребту. Поселился на берегу горной речки в деревушке у самых гор. Да и деревушкой-то нельзя было назвать это тихое поселение: стояло на берегу реки всего пять домиков и сразу за ними начинался подъем в гору.

Никакой дороги от деревушки к вершинам хребта не было, все склоны заросли пихтой и непролазным кустарником, где с весны до середины лета кишели таежные клещи. Клещей приходилось все время стряхивать с куртки, с брюк, а после каждой вылазки в горы раздеваться догола и осматривать собственное тело, удаляя впившихся кровососов.

Но стоило пробиться через кусты и пихтач вверх, путника встречала высокая, в рост человека, густая трава горных лугов. Перед самыми лугами обычно тянулись заросли красной смородины, или, как здесь ее называют, кислицы. Около этой смородины-кислицы в ягодный сезон среди густой травы вдоль и поперек были нахожены глубокие медвежьи тропы-дороги. Они шли сюда сверху из кедрачей, и по такой звериной тропе, как по узкому коридору,

можно подняться по горному лугу еще выше, к низкорослым кривым березкам и кряжистым, витым от ветра горным кедрам.

Спускаться приходилось тоже по медвежьим тропам. Иногда попадались такие, что вели с гор далеко вниз, к речкам, к ручьям. Найти именно такую тропу казалось мне большой удачей: тогда не надо продираться через кусты с полчищами клещей.

Мои первые разведки-походы были успешными: я находил много медвежьих следов, больших и поменьше, видел издали зверей и уже мог, хотя и приблизительно, составить какое-то представление об их жизни в горах...

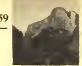
Весной медведи обычно жили высоко вверху и кормились на горных лугах. Вниз в это время звери спускались редко. Когда поспевала красная смородина — а первые спелые ягоды появлялись внизу, около рек,— медведи чаще спускались с гор и чаще попадались на глаза людям. Потом ягода созревала и выше, в горах, и звери откочевывали туда. К осени, когда выпадал урожай на кедровые орехи, медведи собирались в кедрачах. Кедр рос высоко, почти у самых вершин, у границы снегов. С началом крепких морозов медведи не спеша начинали уходить от зимы к долинам, и где-то здесь, в предгорьях, устраивал, видимо, алтайский мишка свою берлогу. Так и жил бы этот зверь из года в год, подчиняясь только законам природы, если бы внизу, у рек, не было людей, скота и пасек...

В деревушке, где я поселился, каждый хозяин держал и крупный и мелкий рогатый скот. Причем его никто не пас, и все многочисленные овцы, телята, коровы, быки, лошади бродили по ближним и дальним пастбищам без всякого надзора. Если коровы и лошади редко забирались в горы, то овцы не упускали случая заглянуть на горные тропы и порой пропадали где-то по нескольку дней. Тут и выпадал алтайскому медведю случай поохотиться за какой-нибудь глупой овцой. Искушение было столь велико, что медведь забывал порой все и всякие «договорные» отношения с людьми.

О своих собственных овцах местные хозяева, как мне казалось, заботились не столь ревностно, как о совхозных телушках на лесных пастбищах Архангельской области знакомые мне пастухи. Если овцы не появлялись несколько дней, жители нашей деревушки отправлялись на поиски заблудшей отары. Тут-то и выяснялось, что не хватает одной или двух овец, а то и барана. Бывало и так, что пропавшая было скотина потом отыскивалась... Но, не дожидаясь конца розысков, все начинали в один голос заявлять, что овец порешил медведь и что этого разбойника надо срочно унять.

Пожалуй, предполагаемого разбойника можно было унять и без лишнего шума, но предварительный шум как условие коллективной охоты на медведя был необходим и вот почему...

Строгие охотничьи законы теперь запрещают добычу медведя в летнее время. А кому хочется прослыть браконьером, платить большой штраф да еще лишиться ружья за незаконную охоту? Еще недавно охотник, без времени и срока сваливший медведя, мог как-то оправдаться, заявив, что зверь первым напал на него. Но теперь таким сказкам верят редко и здесь, на Алтае. Как же быть?



Ведь медвежье мясо вкусно, а жир целебен... Ждать осени? Тогда за ним надо лезть в горы, в кедрачи, долго стеречь. А летом просто: близко зверь ходит, в кислице пасется. А что, если обвинить его в нападении на скотину? Так и повелось: объяви всей деревней, что медведь пакостит, и колоти зверя. Такие охоты теперь иногда устраиваются, н алтайскому мншке, что мирно пасся до этого в кустах красной смородины, приходится порой рассчитываться собственной шкурой за овец, которых он и в глаза-то не видел.

Пожалуй, такие охоты и не всегда бы сходили с рук, если бы местный медведь обвинялся только в покушении на домашнюю скотину. Водился за ним н еще один, главный грех: падок он был на мед. И не упускал он случая заглянуть на пасеку и утащить один, а то и два улья, не спрашивая, разумеется, кому этот улей принадлежит — лесхозу, совхозу или частному лицу.

Как орудует медведь на пасеке, как ворошит пчел, мне пока видеть ие приходилось. А вот старик Бочкарь, что жил рядом со мной, имел случай наблюдать, как зверь снимает с улья крышку, как, подиявшись на задние лапы, ухватывает передними сам улей и несет в лес, несет осторожно, а потом забирается на гору, вытряхивает из улья рамки, пожирает не спеша мед и, то ли из озорства, то ли со злости, что лакомство кончилось, швыряет пустой улей с горы н долго смотрит на с грохотом катящуюся вниз пустую деревянную коробку.

Уж какое удовольствие доставляет это медведю, не знаю, а вот то, что старик Бочкарь, наблюдавший, как зверь ворует мед, получил за свое любопытство медвежью оплеуху, мне досконально известно. Правда, ударил Бочкаря лапой не этот зверь, а другой, но это сути дела не меняет: главное, что оба былн бурыми медведями.

Сразу за деревушкой, около кустов, устроил Бочкарь свою пасеку. И пасека-то всего ничего, с десяток ульев, но медведь дорогу к меду пронюхал тут же н, ухватив, как водится, улей передними лапами, утащил его в лес. Пустой улей Бочкарь подобрал, но медведю шалость не простил н, зная, что зверь, прознавший про мед, вериется сюда, натянул около пасеки проволоку и привязал конец ее к спусковому крючку ружья. Словом, устроил самострел.

Самострел — орудие запрещенное, но Бочкарь, пожелав рассчитаться со зверем, забыл о всяких запретах. Ночью самострел сработал — грохнул. Бочкарь проснулся и, с нетерпением дождавшнсь рассвета, прнхватил ружье и пошел выяснять, что произошло на пасеке...

Убитого медведя там не оказалось. Но следы крови отыскались и привели расторопного хозяина пасеки на берег реки. Здесь Бочкарь осмотрелся н, установив, что раненый зверь реку не переходил, собрался было двинуться вниз по реке. Но не успел он сделать и десятка шагов, как нз-под колоды неожиданно подиялся медведь и двинул Бочкаря лапой по щеке.

Со страху Бочкарь выстрелил наобум. Медведь бросился в лес, а стрелок с воплями ворвался в деревушку. Вид у него был страшный. Медведь ухватил когтем край губы и располосовал щеку до самого

уха. На крик собрались люди, отправили Бочкаря в больницу, а сами, призвав под ружье всех от мала до велика, отправились в лес.

Медведя убили, мясо поделили, а шкуру, вероятно, тоже продали за приличные деньги. Бочкарю зашили щеку, и на его лице остался широкий шрам, как память о самостреле и о пасеке, от которой Бочкарь не сумел отвадить зверя...

Как отваживать медведя от меда, я расскажу чуть позже. Эта наука известна здесь всем, но вот беда — пользуются ею лишь люди постарше, поспокойнее, поумнее. А те, что помоложе и побойчее, науку стариков не чтут и вспоминают о медведе лишь тогда, когда тот успевает проложить к пасеке не одну дорогу.

И здесь есть свои причины... Познакомился я с племянником старого Бочкаря. Как и дядя, был племянник человеком быстрым на любое запретное дело, держал ружья, собак и при таком внушительном арсенале не желал вступать с медведем ни в какие мирные переговоры. К тому же младший Бочкарь доглядывал не за собственной, а за лесхозовской пасекой в целых сто ульев, а потому считал, что два-три улья, скормленные зверю, большого убытка государству не принесут.

Самострелы младший Бочкарь не в пример дяде не уважал да и из ружья стрелял в медведя только тогда, когда тот попадался в петлю. Но зато этих самых петель было наставлено вокруг пасеки столько, что их хватило бы, пожалуй на всех алтайских медведей.

Петля тоже орудие запрещенное, варварское. Младший Бочкарь это знал и по весне, когда шла ревизия пасек высшим начальством, петли выставлять не торопился. Потом начальство уезжало, пчелы принимались за работу, и почти тут же в гости заглядывали новые «ревизоры». Сначала медведи появлялись около пасеки осторожно, опасливо и сразу к ульям подходили редко, будто вели разведку перед генеральным наступлением. Здесь бы и попугать их, предупредить. Так нет, хозяин пасеки будто ничего не замечал.

Звери, прознав, что пчелы гудят, а значит, мед уже есть, вслед за разведкой устраивали первый налет. И он заканчивался удачно.

Пасека теряла ульи, медведи нарушали пчелиные семьи, а человек по-прежнему не заявлял о себе. И тогда, окончательно осмелев, звери шли к ульям напрямую по известным уже тропам. И тут-то на пути к меду встречали медведей тайные петли. Петля душила зверя, он катался по земле, рвался, рычал, хрипел, а под конец только стонал полузадушенный. Здесь обычно и являлся хозяин пасеки и приканчивал зверя выстрелом в упор...

Не привелось мне видеть медведя, попавшегося в петлю, не слышал я, к счастью, его рева-стона. А услышал бы, так, наверное, заставил бы провинившегося человека освобождать зверя из петли.

Вот тут-то, когда все перечисленные медвежьи «тайны» стали мне известны, когда я точно знал, откуда у старика Бочкаря шрам на щеке и как «охраняет» свою пасеку младший Бочкарь, пришел ко мне пчеловод Роман, человек тихий и скромный, и попросил помочь — к нему на пасеку повадился медведь...

Первая ночь на пасеке

С Романом я познакомился чуть ли не в день приезда на Алтай. Жил Роман километрах в десяти от нашей деревушки, а здесь, неподалеку, сразу за речкой, стояла лесхозовская пасека, большая, богатая, которая и была доверена в том году Роману и его жене Катерине.

Был я на этой пасеке, слышал рассказы пчеловода о медведях. Показал мне Роман и свежие следы хозяина Алтайских гор. Это были большие, глубокие следы уверенного в своей силе самца. Медведь уже несколько дней бродил возле пасеки и, казалось, ждал, когда пчеловод зазевается, чтобы утащить улей и всласть наесться раннелетнего меда.

Удобного случая зверю пришлось ждать недолго. Как-то пчеловод отлучился на ночь, а наутро, вернувшись на пасеку, обнаружил следы непрошеного гостя. Недалеко от избушки пчеловода один улей был перевернут, крышка улья, снятая зверем, лежала в стороне, рамки с медом вытряхнуты, и мед съеден вместе с сотами.

Уже одних этих следов было вполне достаточно, чтобы догадаться, кто хозяйничал на пасеке, но для пущей убедительности мишка оставил около самой избушки и другие следы, по которым натуралист всегда точно определит и возраст, и вес зверя, узнает, чем тот питается. А если узнать, чем питается зверь, то совсем нетрудно догадаться, где именно он бродит, разыскивая пищу...

По медвежьему помету я и установил, что кормится зверь красной смородиной. Лето стояло сухое, внизу вся ягода сгорела и попадалась только высоко в горах, у самых плешин снега. Выходило, что медведь держался в горах, собирал кислицу, а в долину к пасеке спускался как на охоту, которую долго и старательно готовил.

Помет, оставленный медведем на пасеке, не только помог установить пути-дороги зверя, но и послужил для местных шутников поводом посмеяться над Романом. Шутка за шуткой — и узнал я, что ходит за Романом слава, которую не дай бог заслужить пчеловоду...

Четыре года назад принял он пасеку, но не эту, а другую. И тут же повадился к нему медведь. Зверь ходил четыре года подряд и разгромил почти все ульи. Когда медведь-грабитель стал хозяйничать на пасеке, будто у себя дома, подстеречь зверя брались разные приезжие охотники. Но мишка, поднаторевший в разбое и хорошо узнавший людей, надувал всех стрелков.

Ждали зверя тихо, не курили, не шевелились, но он угадывал всякий раз, что его ждут, и терпеливо дожидался неподалеку, когда охотники, отчаявшись, уйдут с пасеки. Словом, эта долгая и упорная война между медведем и людьми окончилась в пользу зверя. Людям пришлось сдаться и увезти подальше оставшиеся ульи. А Роману пришлось не сладко.

Скормить пасеку медведю — позор для пчеловода. И вдвойне позорно, когда зверь хозяином бродит около избушки да еще оставляет у самого крыльца «визитную карточку». Видимо опасаясь

нового позорнща, н пришел ко мне Роман, как только медведь разгромил улей на новой пасеке.

Пчеловод рассказал о случившемся утром, н я пообещал, что наведаюсь к нему. Вечером, прнхватнв ружье, десяток патронов шестнадцатого калибра с пулямн, охотничий нож н собаку лайку, отправился я на пасеку.

Пошел не по дороге, а по тропе вдоль удивительно чнстой н холодной даже в самые жаркне времена речки Чернушкн. Выйдя из поселка, спустил с поводка собаку и слушал по дороге голос горной рекн.

Не сразу прнвык я к тому, что здесь, на Алтае, возле быстрых и шумных речек никакне лесные шорохи н другне звуки разобрать не удается: мешает говорливый поток. И только в стороне от рекн лес насторажнвается, стихает, и слышншь его уже отчетливо, как архангельскую тайгу.

Перебрели мы с собакой речку, напились воды. Собака нскупалась, я умылся, н, довольные, тихие, собранные перед встречей с медведем, поднялись на пасеку. Встретил Романа — н не узнал я своего знакомого. На нем лица не было.

— Что случилось, Роман?

Вместо ответа протянул мне пчеловод белый халат, сетку от пчел и повел в конец пасекн. Здесь, метрах в двадцатн пяти от нзбушки, напротнв окна, увидел я трн разгромленных улья. Как н всегда прн нашествии медведей, крышки были сняты и валялнсь в стороне. Рамкн с медом вытряхнуты на траву, мед съеден вместе с сотамн, рамкн поломаны, а трава вокруг вся смята: видимо, пчелы донималн зверей, кусали, н мишки каталнсь по земле, давя надоедлнвых насекомых.

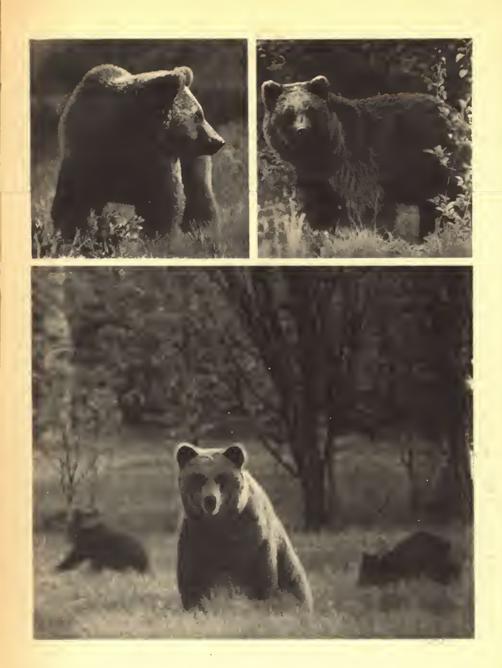
К разгромленным ульям нз кустов тянулись по густой траве трн недавно протоптанные большимн жнвотными дорожки. Трава была сухой, земля в лесу тоже, н отыскать отпечатки медвежьих лап не удалось.

Сколько же было здесь зверей? Какого онн возраста? Был лн среди них тот медведь, который первым нагрянул на пасеку н разорил улей?.. По ширнне тропок-дорожек, по кучам помета, которые звери оставнлн у разбитых ульев, я предположнл, что разбойников на этот раз двое или трое. Скорее всего, прнходнла медведица-мать с двумя годовалымн медвежатами.

Медведица наведалась днем, как раз в то время, когда Роман был у меня. Но ведь тогда здесь оставалась его жена Катернна... Почему же она-то не видела н даже не слышала медведей, которые орудовалн почти напротив окна?

Может быть, Катернна н слышала, как прнходили медведн, но побоялась прогнать зверей? А может, прнлегла н уснула? Да н не в этом дело, не это удивительно. Удивительно другое: как это медведи не побоялись явиться за медом днем, когда на пасеке находился человек?

Собакн на пасеке не было, не было и колотушки-грохота, каким обычно пчеловоды отпугнвают зверей. И стало мне ясно, что и на эту пасеку Роман успел уже допустить медведей, не отвадил нх, не



1	2
3	

1. Медведь — достаточно осторожный зверь, избегающий, как правило, встречи с человеком...
2. При встрече он пристально смотрит на человека, будто желает разобраться, кто перед ним, с какими целями...
3. Приближается человек. Медвежата кинулись в лес, а мать остается пока на месте, прикрывая их отход...

Фото В. Михайлова

отпугнул, не сделал заявки на свое хозяйство — словом, разбой произошел по вине человека.

Пасеки на Алтае обычно стоят в стороне от поселков, в горах, и, когда медведь особенно не допекает пчеловода, тот отправляется иочевать домой.

Эту первую ночь на пасеке мне хотелось побыть одному. Роман, как мне показалось, с радостью принял мое предложеиие, запряг лошадь и попрощался, пообещав утром пораиьше приехать. Я спустил собаку с поводка, уселся иа крыльцо и стал ждать вечера.

Собака немного побегала по кустам, скоро вернулась и улеглась рядом, чутко насторожив уши. Приближался вечер, стихал лес, улетели от избушки дрозды, скрылись за кустами сороки, угомонились пчелы, и в наступившей вечерней тишине пришел ко мие голос речки Чернушки, сначала далекий, а потом все ближе и ближе...

Наверное, сейчас по этой речке спускается с гор медведь, успевший познать, что громить ульи не так-то уж и страшио. Наверное, идет сюда зверь-грабитель, которому по законам людей полагается воздать должное за грабежи. Совсем скоро он появится здесь, сначала обойдёт пасеку, прииюхается, проверит, есть ли кто, а потом тихо и осторожно выйдет из кустов, иаправится к ульям, сядет около одного, захватит передними лапами крышку домика, снимет ее осторожно или со злостью отшвырнет в сторону, потом перевернет улей, вытряхнет рамки и, чавкая, порыкивая на пчел, примется за соты. Займется делом, увлечется, забудет об опасности, и тут ты, охотник, заслышав зверя, должен высмотреть его, поднять ружье, выцелить и спустить курок...

Всего двадцать метров до цели. И если ты ие трус, если не думаешь опасливо: «Попадешь или ие попадешь?.. А может, только ранишь — и зверь кинется на тебя...» — то участь медведя предрешена. Хлестко щелкает выстрел, сорок граммов свинца ударят зверя в бок, ближе к плечу, зверь рыкнет, коротко рванется в твою стороиу и, если пуля пришлась точно, свалится на траву рядом с ульем и в последних судорогах будет грести под себя огромными лапами землю. Потом смолкнет, распустит прижатые перед смертью уши, и услышишь ты последний хрип, дошедший откуда-то изиутри туши. И тогда к зверю, ставшему уже добычей, можешь подойти, потрогать его обмякшие лапы, тяжело приподнять большую голову, которая совсем недавно держала в памяти все лесные тропы, все ягодники и все-все то, что помогало этому крупному зверю удачливо жить рядом с людьми.

Я знаю, как сиять с медведя шкуру, как разделать мясо, чтобы ие испортить его по летнему жаркому времени. Знаю, как собрать целебный медвежий жир. Да и жир-то этот был бы мне кстати сейчас, когда после многих лесных дорог стал побаливать желудок. И медвежья желчь пошла бы на пользу — это тоже целебное снадобье. Все я знал, ио сейчас на пасеке ждал хозяина алтайской тайги, хитрого, дошлого мишку, совсем по-другому.

Я ие мог вынести этому зверю смертный приговор только за то, что узнал он дорогу на пасеку к Роману. Я не винил медведя. Да и разве можно винить ту же собаку, которую никогда ничему не

учили, которой не объяснили, что можно, а чего нельзя? Но собака сплоховала: проголодавшись и не дождавшись от хозяина пищи, стащила со стола кусок хлеба. Таких собак почему-то принято бить чуть ли не смертным боем. Видя иной раз, как бьет хозяин своего Тузика или Шарика за кусок хлеба, хочу я взять точно такую же палку и отходить ею не собаку, а хозяина.

Так уж нужно вести себя человеку, живущему рядом с животными: не бей лишний раз, а учи, показывай, заставляй если и не уважать себя, то хотя бы побаиваться. И здесь, на Алтае, знают, как учить, как отваживать от пчел медведей...

Еще по весне, когда они первый раз появляются около пасек, пчеловод разводит в воде дымный черный порох, мочит в такой пороховой каше кусочки материи и кладет их на крайние ульи. Наткнется зверь на такое едко пахнущее предупреждение и обойдет пасеку стороной. Правда, такой опыт со временем может забыться — сунется медведь к пчелам еще раз, но тут предупредит пчеловода собака. Выйдет он на лай своего пса, выстрелит вверх раз-другой, поколотит стальным тяжелым болтом по старому чугунному котлу — и снова медведь, поняв предупреждение, уберется подобру-поздорову.

Бывает и так: устраивает пчеловод вокруг пасеки самые разные грохоты и колотушки, подвешивает на проволоке банки с камнями, обрезки труб, мастерит гремящие устройства по ручью, что бежит мимо пасеки с гор,— здесь уж вода за тебя поработает. Придешь на такую пасеку — нет никого, а вокруг что-то все время постукивает, поскрипывает.

Говорят, побаивается медведь таких колотушек и грохотов. До того как пойти вечером к Роману, разговорился я с пожилой женщиной, что прежде работала на пасеке, которую принял Роман. И поведала она, как две женщины, она и ее сестра, оберегали пасеку, как выкладывали тряпочки с порохом, как попугивали медведя колотушками. И за все время не сунулся к ним ни один медведь. Закончила пожилая женщина так:

— А теперь что — медведя избаловали. Теперь только стрелять его.

Хоть и уважал я эту старательную и смелую женщину, но согласиться с ней не смог. Правда, и планов своих не открыл. Были у меня другие думы. Вспоминал я свои встречи с медведями в Архангельских и Вологодских лесах, в Карелии, и верилось мне, что и алтайский мишка «поймет» меня, что удастся его урезонить, «уговорить», отвадить от пасеки.

Отдавал я себе отчет, конечно, что наш «разговор» может быть трудным: ведь зверь уже избаловался, испортился. Как оно все обернется?.. Но хотелось верить, что есть у любого зверя «уважение», что ли, к человеку, к самому сильному существу на земле. И должен был я вернуть этому зверю, избалованному, испорченному, его прежнее «уважение», должен был и здесь, где медведя многие побаиваются, утвердиться в своих предположениях, как уверился когда-то в добродушии этого большого и сильного зверя в архангельской тайге...

Стрелять в первую ночь на пасеке я не собирался. Ружье стояло в углу избушки, патроны были убраны на полку. Я сидел за столиком у окна, прислушивался и время от времени посматривал на свою собаку, лежавшую на крыльце.

На моих часах было половина одиннадцатого. Солнце ушло за горы, и на пасеку опускался сумрак летней горной ночи. Я не курил, почти не шевелился. Ждал... Пес что-то услышал, поднял уши, насторожился и с глухим рыком двинулся через пасеку к кустам. У крайнего улья собака остановилась, вздыбив шерсть на холке. Я пока ничего не слышал. Но медведь был где-то близко.

Сколько таких ночей выпало уже на мою долю, сколько раз вот так, без оружия, ждал я встречи со зверем, ждал, уверенный в себе и верящий в добродушие животного. Наверное, после таких ожиданий и родилось во мне когда-то это самое чувство — зверь рядом. Забывалось уже мной это странно спокойное чувство после того, как я расстался семь лет назад с архангельскими лесами, но вот снова ожило оно на пасеке поздним алтайским вечером при виде встревоженной собаки, замершей на краю поляны...

Потом что-то изменилось — пес рыкнул, кинулся вперед, и сразу же за кустами треснул сучок. Это медведь, уже подошедший, выжидавший, почуял неладное и, видимо, с большой неохотой направился обратно в лес.

Собака вернулась к крыльцу, легла возле меня, но прислушиваться не перестала. Прошло полчаса, и медведь снова подошел к нам, теперь уже правее. И снова все повторилось: собака ушла за медведем в кусты, медведь отступил, собака вернулась. Еще через полчаса медведь попытался опять подойти к ульям.

К утру медведь в пятый или в шестой раз попробовал выйти на пасеку сзади избушки, но снова собака помешала ему, и он ушел вверх по реке, распугивая трескучих сорок.

Вставало солнце, за легким утренним ветром, спустившимся с гор, потерялся голос Чернушки. Я дождался Романа, сдал ему пасеку в целости и сохранности и пошел домой. У Чернушки я остановился, умылся, напился свежей утренней воды и тут же на песке увидел след большого, тяжелого медведя. Зверь спустился сюда с пасеки и уходил вверх по реке, в горы. Это был след того самого медведя-самца, который первым узнал дорогу к ульям. Значит, медведица с медвежатами в эту ночь не появлялась...

Вторая ночь на пасеке

В первую ночь как-то «объясняться» с медведем я не собирался. Сначала хотелось выяснить все подробности медвежьих походов за медом, а главное — проверить их «расписание». Не раз слышал я одно общее правило: медведь, разоривший улей и вдосталь наевшийся меда, заявится в следующий раз на пасеку только на третий день. Откуда взялось такое правило, я не допытывался. Подтверждали его и люди пожилые, многое повидавшие в горах, а потому я не

сомневался, что какая-то закономерность, какое-то «расписание» у медведей действительно должно существовать...

В первую ночь, судя по всему, я должен был ждать того большого медведя, который не один день присматривался к ульям и первым разорил пчелиную семью. Медведица с медвежатами совсем недавно плотно пообедала на пасеке, и встреча с ней и ее отпрысками могла произойти лишь во время второй моей вахты.

В первую ночь привязывать собаку я не стал, надеясь, что звери, еще не встречавшие на пасеке собак, могут принять лай пса за предупреждение и без моего особого вмешательства забыть дорогу к ульям.

Первая вахта закончилась благополучно. К ульям пытался подойти самец. Медведица не появлялась. Правило вроде бы подтверждалось. Зверь бродил вокруг пасеки всю ночь, тревожил пса, но не показывался и к утру ушел вверх по реке. К вечеру я снова был на месте и остался на пасеке один. Ночь обещала быть тревожной. Настала пора наведаться медведице с медвежатами. Ждал я и медведя, которому прошлой ночью собака не дала подойти к ульям.

Доверенная мне пасека была большой. Из окна избушки я видел только часть ульев. Остальные прятали от меня кусты черемухи, и, что делается в том углу пасеки, я мог узнать, только выбравшись из избушки и неслышно обойдя кусты... С какой стороны подойдут звери? Откуда ждать их в эту ночь?..

На этот раз я взял собаку в избушку, уложил около своих ног. Я сидел за столиком у окна, стекло было выставлено, и теперь я мог слышать все, что делается вокруг...

Пес дремал. Солнце ушло за увал, тайга сразу стихла. Тут же исчезли сороки и дрозды. И в наступившей тишине услышал я возню мышей под кустом, куда Роман выбрасывал мусор. Под окном проскользнул зверек. Он появился и пропал так быстро, что я не успел разобрать, кто это — ласка или горностай. Зверек шмыгнул к мусорной куче, и там немедленно стихли мыши. В полутьме еще можно было разобрать стрелки на часах — шел одиннадцатый час.

Я допускал, что медведь выйдет на пасеку неслышно, появится вдруг, как таежная тень. Если он выйдет к ульям напротив избушки, я увижу его. Если подойдёт слева за кустами, со стороны омшаника, кусты скроют зверя, но я все равно услышу легкий удар — скребок когтей по крышке улья. Крышка стукнется о землю, зверь станет вытряхивать из улья рамки с медом, и, наконец, раздастся фырканье, ворчанье, чавканье: по-другому есть мед медведь пока не научился. Я должен услышать медведя даже тогда, когда он не станет пожирать мед здесь, а, ухватив улей передними лапами, понесет его в лес — и здесь когти зверя обязательно чиркнут по стенке улья хотя бы раз... Тогда я неслышно выйду из избушки, тихо подойду к медведю, окликну его, появлюсь внезапно перед занятым едой, сосредоточенным зверем и сразу же разряжу ружье над его головой... Если я хоть как-то успел понять этого зверя,

изучив его следы, манеру подхода к пасеке, медведь должен был страшно перепугаться и надолго запомнить эту встречу.

Правда, в моем плане был один сомнительный пункт... Зверь мог напугаться только тогда, когда забудется, займётся делом, потеряет на время осторожность. В противном случае он просто поспешно уберется подальше от греха и на следующий раз будет более внимательным: ведь очень трудно как следует напугать того, кто ждет, что его напугают.

На пасеке медведь мог утратить осторожность, лишь когда доберется до меда, разворошит улей. Но за то время, пока, заслышав зверя, я успею осторожно подойти к нему, он может не только снять крышку с улья, но и вытряхнуть на землю рамки с медом, поломать их и подавить пчел. Короче говоря, успеет полностью разорить пчелиную семью.

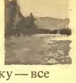
Итак, для воспитания зверя нужно заплатить дань — пожертвовать ульем, который мне не принадлежит. Такого договора у меня с Романом не было, хотя и верил я, что напуганный нашествием медведей пчеловод согласится отдать не один улей ради благополучия всей пасеки. В конце концов я мог бы оправдаться, заявив, что медведь вышел очень тихо и я не успел его остановить. Такие случаи бывают, и охотники, убившие зверя уже после того, как разгромлен улей, особой вины за собой не чувствуют, и никто их за погибшую пчелиную семью не ругает. На подобную милость в крайнем случае надеялся и я. Только как оправдаюсь, как докажу, что медведь больше не придёт? Сумерки сгустились, и лишь свет неба, еще не встретившего настоящей ночи, говорил, что где-то там, за горами, все еще стоит хотя и поздний, но все-таки не такой черный, как тень гор, летний вечер...

Я уже говорил об особом чувстве зверя. Его можно видеть, слышать, узнать по запаху. Какое именно из этих чувств подсказало мне, что медведь недалеко, не знаю. Почти тут же на ноги вскочил мой пес, и я еле успел сжать рукой его пасть, чтобы он не рыкнул. Пес уперся передними лапами в край стола и готов был выскочить в окно. Он вздрагивал от нетерпения и весь тянулся туда, где прошлой ночью подходил к пасеке медведь. И на этот раз зверь решил выйти к ульям прямо напротив избушки. Покажется или не покажется? Выйдет или не выйдет из кустов?

С трудом удерживая собаку, я отчаянно ругал самого себя. Казалось, я все предусмотрел, а все же забыл, что раньше меня могла учуять медведя собака и спугнуть его. Пса надо было на этот раз оставить дома. Медведь не вышел. Пес успокоился. Я снова уложил его на пол. И снова вглядывался в темноту.

К утру еще до рассвета с гор сорвался ветер. Качались деревья, шумела листва. За ветром я ничего не мог слышать, поэтому, боясь, что зверь явится на пасеку именно сейчас, вывел на улицу собаку и посадил ее на цепь около избушки.

Вторая ночь прошла. Над пасекой занялись легким утренним светом облака. Ветер так же неожиданно, как и начался, стих. И сразу послышался сварливый стрекот сорок, голоса дроздов и шум горной речки.



Было семь часов утра. Хотелось курить. Я обошел пасеку — все было в порядке. Там, где ночью подходил медведь, удалось отыскать его следы — это был тот самый самец, что бродил вокруг пасеки прошлой ночью. Следов медведицы и медвежат нигде не было: либо этих зверей вчерашней ночью напугала моя собака, либо они попали на пасеку случайно по какой-то своей медвежьей дороге и больше появляться не собирались. На эти вопросы должна была ответить теперь третья, следующая ночь.

Хотелось спать. Я сидел на пороге избушки, ждал Романа, чтобы сдать ему пасеку. Вода, что вечером принес я с реки в избушку, успела согреться в помещении. Пить ее не хотелось. Я отвязал собаку, взял банку для воды и спустился к реке. До нее было метров сто. Я снял ботинки, зашел в воду, зачерпнул в пригоршню холодной утренней воды, пришедшей с гор, и только собрался сполоснуть лицо, как сзади, на пасеке, раздался хриплый рев собаки...

Я оставил ботинки, банку и бросился к избушке. Собака хрипела рядом с пасекой, за омшанником. Я схватил ружье и босиком кинулся на голос собаки через кусты. Она добралась до подъема в гору и пошла с лаем вверх.

Тропы тут не оказалось. Я с трудом продирался через заросли, прыгал босиком с камня на камень, но вскоре оставил преследование и вернулся... Рядом с омшаником валялась крышка улья, тут же были рассыпаны по траве сломанные, раздавленные медвежьими лапами рамки с медом. Часть меда была съедена. Пчёлы, наверное еще не опомнившись и не успев понять, что произошло, гудящим, беспокойным клубком копошились на сломанных рамках и на траве...

Собака вернулась не скоро. Целая и невредимая. Ткнувшись носом в мою руку, будто проверяя, цел ли я, пес не спеша отправился к реке, напился, выкупался и, вернувшись, как ни в чем не бывало улегся отдыхать у дверей избушки. Пес выполнил свой долг: он вовремя обнаружил зверя, примчался с реки на пасеку, вступил в бой, заставил медведя отступить и прогнал далеко в горы... Пес имел право спокойно отдыхать.

Я же чувствовал себя виноватым. Улей разорен, а медведь улизнул. Меня ждал отчет перед пчеловодом...

Третья ночь на пасеке

Как ни старался Роман выразить мне свое сочувствие, как ни утешал тем, что и не такое случается на пасеках, отделаться от грустных мыслей я не мог. Этот хитрец терпеливо ждал, когда я поверю, что никаких медведей рядом нет. И тогда он нагрянул к ульям, нагрянул среди бела дня и за какие-то пять минут успел разгромить пчелиную семью и разнести в пух и прах весь мой недавний авторитет.

Ну хоть бы не знал никто, что когда-то я смело бродил по медвежьим тропам, а то ведь именно поэтому позвали сюда и

считали человеком, умевшим «разговаривать» с медведями. Что скажу я сегодня своим хозяевам, как буду выглядеть в глазах старика Бочкаря, который и прежде не слишком верил, что я помогу Роману усмирить разбалованного зверя?

В нашей деревушке о последних событиях на пасеке узнали, пожалуй, до моего возвращения с ночной вахты, и мне ничего не пришлось никому рассказывать. У каждого из моих соседей было на этот счёт свое собственное мнение, которое они по понятным причинам не торопились высказывать вслух. Все деликатно помалкивали, и только моя хозяйка, та самая женщина, которая раньше работала на пасеке, где теперь вершил дела Роман, по-доброму посоветовала отступиться от медведя:

— Не ходи уж больше. Ульи-то государственные. Пойдет ревизия, спросят, куда делись. Спишут на тебя — мол, писатель не устерег. И погромы старые все за тобой будут — ославят тебя. Народ здесь на язык быстрый, позора не оберешься.

Но на пасеку я все-таки пошел. И тут неожиданно узнал, что в эту ночь вместе со мной остается сторожить пчел сам Роман.

То, что хозяин пасеки имел теперь право не доверять мне, меня особенно не трогало. Смущало другое: теперь, когда медведя будет ждать с ружьем в руках Роман, ни о каком «разговоре» со зверем не могло быть и речи. Мне предстояло новое испытание. Я должен либо выложить Роману все свои планы, либо ждать медведя вместе с ним и стрелять в зверя. Да еще так, чтобы новая худая слава не пошла вслед за первой.

Вряд ли понял бы меня местный охотник, если бы я поведал ему, что убивать медведя не собираюсь. Такие сентименты здесь не в ходу, а потому я смолчал и, договорившись с Романом, кто где будет сидеть в засаде, загнал в патронник ружья два пулевых патрона и приготовился ждать, что будет...

Мне выпало и на этот раз сторожить зверя около избушки. Роман же забрался под крышу омшаника и должен был оттуда следить за левым углом пасеки, скрытым от избушки кустами.

Ночь тянулась долго. Не было ветра, и мы могли издали заслышать зверя. Того меда, что медведь сумел ухватить утром, вряд ли хватило на положенный двухдневный пост — зверь мог прийти в эту ночь...

До утра было еще далеко. Я, как и раньше, сидел у окна избушки не шевелясь и внимательно всматривался в темноту. И тут со стороны омшаника раздался легкий шорох... Неужели медведь?.. Если это медведь, должен вспыхнуть луч фонарика, а следом грохнуть ружье Романа... Но фонарик не зажигался, выстрел не гремел, а шорох за кустами раздался еще громче.

Неужели Роман заснул и не заметил зверя? Ну что же, это к лучшему. Если медведь начнет ворочать улей, я выйду к нему... А если Роман не спит и ждет, когда зверь займется медом? И выстрелит, когда я подойду к зверю, не придется ли этот выстрел как раз в мою сторону?..

Шорох повторился еще раз, а за кустами выросла какая-то тень, и тут же вспыхнул фонарик. Но светили не сверху, а откуда-то из-за

кустов... Луч пошарил по пасеке, качнулся в мою сторону, и я услышал кашель Романа, а потом из-за кустов показался и он сам и объяснил все происшедшее без обиняков:

— Чуть не заснул, да и замерз. И курить захотелось — терпежу не стало. Да теперь к утру и не придет, раз ночью не вышел...

До утра мы сидели в избушке, курили, разговаривали, а как только показалось солнце, я собрался домой. Роман остался один. Он, видимо, понимал, что в моих глазах его авторитет охотника упал: какой настоящий охотник покинет лабаз, шалаш без времени только потому, что замерз или захотел курить? Смущаясь, он стал просить меня побыть на пасеке еще хотя бы ночь. Я согласился, но при условии, что останусь один.

Роман принял мое условие, и вечером я снова перебрел речку Чернушку и поднялся к избушке пчеловода. Хозяин ждал меня, но встретил как-то странно и, пока не рассказал, что произошло после моего ухода, глаз от земли не поднял...

...Проводив меня, Роман решил отдохнуть. На случай, если медведь все-таки придет, лег не в избушке, а прямо на пасеке, вытащив кровать. Заряженное ружье стояло рядом. И если бы зверь сообразил, что к чему, то на сей раз Роман остался бы без ружья. К счастью, двустволка осталась на своем месте, а вот улей прямо из-под носа пчеловода мишка все-таки утащил.

Пропажу Роман обнаружил не сразу. Когда проснулся, все вокруг было так же тихо, как и полчаса назад...

Я слушал рассказ, посмеивался в душе, а вслух подвел выгодный для себя итог:

— Итак, Роман, мы с тобой квиты. Я-то хоть не проспал улей...

С тем мы и расстались. Я честно отсидел с вечера до утра около избушки еще ночь. Медведь не появился. Да и не надо было ему приходить: совсем недавно он как следует закусил и теперь где-то отдыхал или заедал кислой ягодой сладкий летний мед. Теперь медведь должен прийти только на следующую ночь...

Пятая ночь на пасеке

Пожалуй, мое пятое дежурство мало чем отличалось от прежних ночных вахт на пасеке. Со мной была собака, на случай, если поднимется ветер. Я зарядил ружье пулевыми патронами и приготовил фонарь. Только на этот раз стекло из окна я не выставлял и за столиком у окна не сидел; закрыв собаку в избушке, занял боевой пост на крыльце.

Так же как вчера и позавчера, солнце ушло за горы сразу, и сразу же опустился на пасеку густой сумрак. Исчезли сороки и дрозды, а в наступившей тишине в кустах у кучи мусора негромко завозились мыши.

Ожидание шорохов, ночных далеких и неясных звуков стало для меня за четыре ночи привычным, и я без особого напряжения готов был поймать любой голос ночной тайги. И я не удивился, не

вздрогнул, когда за кустами у омшаника, где позапрошлую ночь таился и мерз Роман, раздался негромкий, глухой шорох.

К пасеке подошел медведь. Он был совсем рядом. Нас разделяла сейчас лишь полоса черемухи, частого березняка шириной метров пятнадцать. Медведь вышел к крайним ульям. Эти ульи я не мог видеть с крыльца. Я подождал, услышал новый шорох и легкий стук крышки улья — зверь подошел к улью, в темноте отыскал крышку и легонько подцепил ее лапой. Сейчас он снимет крышку и вытряхнет рамки. Я ждал, но удара крышки о землю так и не последовало... Неужели он не станет ворошить улей здесь, а унесет его в лес?

Я осторожно взял правой рукой ружье, левой — фонарь и тихо поднялся с крыльца. На ногах у меня были легкие резиновые тапочки. Они не выдавали моих шагов... Шаг, еще шаг. Сейчас я доберусь до угла кустов. Зверь окажется совсем рядом. Я замер и услышал новый шорох, а вслед за ним глухой утробный звук, будто медведь только что проглотил застрявший в горле кусок. Я включил фонарик.

Желтое пятно света выхватило из темноты улей и темный бок большого зверя... Медведь, пожалуй, не сразу понял, что произошло. Он не спеша выедал из рамки соты и, наверное, не думал, что ему кто-то помешает... Большая широкая голова качнулась к свету. Увидел ли он меня в темноте, ослепленный фонариком?.. Я громко и зло произнес какое-то незамысловатое ругательство, и тут же из ружейного ствола громовым выстрелом вырвался короткий всплеск огня. Зверь качнулся назад и, с треском ломая кусты, бросился в сторону. И тут же еще один выстрел грянул вслед перепуганному медведю.

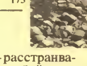
Эхо выстрелов еще не успело подняться высоко над ночной пасекой, как сзади меня с грохотом отскочила в сторону дверь избушки и на свободу вырвался мой пес. И долго был еще слышен в ночи бешеный лай: собака в темноте гнала в горы оплошавшего зверя.

Когда рассвело, я внимательно осмотрел место происшествия и шаг за шагом восстановил все события прошедшей ночи...

...Медведь вышел на пасеку в полночь. Вышел осторожно, но прямо и смело. Подошел к крайнему улью, подцепил лапами крышку, снял ее, но не отшвырнул в сторону, а тихо положил на землю. Затем приподнял улей и аккуратно вывалил из него рамки. Как уж умудрился зверь так тихо вытряхнуть рамки из деревянного ящика, не знаю, только никакого стука я не расслышал. Выедал соты из рамок разбойник тоже очень тихо, не урчал и не ворчал. Здесь-то и уперся в медвежий бок луч моего фонарика.

Медведь успел ухватить зубами соты лишь в одной-единственной рамке. Остальные были целы, пчелы не разбежались: пчелиная матка была на месте. Я поднял улей, поставил его на место, опустил в магазин рамки, собрал пчел и закрыл улей крышкой. Следов преступления не осталось.

Пулевое отверстие в стволе дерева я замазал глиной, чтобы оно не бросилось кому-нибудь в глаза, и отправился в лес вслед за медведем. На этот раз след отыскать было просто. У перепуганного



зверя обычно тут же начинается «медвежья болезнь» — расстраивается желудок. Подвел слабый медвежий живот и этого разбойника, и я стал даже опасаться, не помер ли он со страху. Говорят, и такое бывает.

Роману о пуле, всаженной в дерево, и об улье, который свалил медведь, я, разумеется, не рассказывал, но заверил его, что медведь больше не придет, ибо я его ранил и ранил, видимо, сильно. Пришлось сказать, будто ходил я за ним далеко в горы и видел следы крови — кровь якобы была темная, значит, пуля повредила основательно внутренности. А вот убить медведя мне, мол, не удалось: ночь была темная, медведь вышел неслышно, стрелял я уже тогда, когда зверь уходил.

Поверил мне Роман или нет, но пасека была избавлена от нашествий, и мы расстались с ним добрыми друзьями.

Жил я на Алтае до осени, до той поры, когда в горных кедрачах вызрела и стала опадать кедровая шишка. К этому времени все медведи поднялись наверх, в горы, и позабыли до следующей весны дороги к пасекам.

Я нередко посещал речку Чернушку, поднимался вверх по той самой тропе, по которой медведь-разбойник спускался с гор за медом. На этой тропе почти до самой осени я встречал знакомые медвежьи следы. Только теперь они редко вели в ту сторону, где не так давно дошлый алтайский мишка натерпелся страху. Не приходила больше на пасеку и медведица с медвежатами. Пожалуй, эти звери тоже как-то прознали, что пасека все-таки принадлежит людям.

Вот и весь мой рассказ об алтайском медведе, с которым свела меня судьба летом 1974 года на склонах Тигирекского хребта. Конечно, жалею я, что пришлось мне все-таки брать в руки ружье и «воспитывать» зверя, что не выпало мне встретиться с ним по-хорошему и, как прежде, в архангельской тайге, сказать и этому медведю доброе: «Здравствуй, мишка». Но это уже не моя вина. Мирный, покладистый зверь чаще бывает там, где к нему с достойным его уважением относятся люди...

Рихард Крист

Ворота в мир

Из книги «Путевые картины»

Довольно долго я понятия не имел о Ростоке и должен признаться, что этот город не вызывал у меня особого интереса. Все портовые города представлялись мне на одно лицо: вода, корабли, набережные, краны, матросы, докеры. Почему же Росток на Балтийском море должен быть исключением? Но однажды проездом я попал в Росток на несколько часов. Вышел на привокзальную площадь, сел наудачу в первый попавшийся трамвай, потом осмотрел собор святой Марии, прошелся по Лангештрассе и подумал: этим людям удалось заново отстроить свою главную улицу, не нарушая традиций северонемецкой архитектуры.

Я спросил продавца в газетном киоске, как мне быстрее всего добраться до порта. Он ответил немногословно, но было понятно, что порт в Ростоке не заслуживает внимания, а чтобы посмотреть настоящий порт, надо отправиться в Варнемюнде. Но я должен был успеть к отходу поезда, поэтому остался в Ростоке, и в результате у меня проснулся интерес к этому городу.

С тех пор я часто бывал здесь: на фестивалях самодеятельных коллективов, на книжном базаре во время Балтийской недели, однажды я провел там свой отпуск...

Существует широко распространенное мнение, что среди людей, разговаривающих по-немецки, жители побережья самые медлительные, по части ловкости и находчивости они никак не могут тягаться, скажем, с саксонцами. Я не собираюсь отрицать, что определяющие жизненный уклад традиции дедов и отцов сохранились на севере более, чем где-либо, и, конечно, для этого существует достаточно веских причин, хотя они не очень-то бросаются в глаза. Что касается ловкости и находчивости, то я убедился, что немец с севера вовсе не обязательно столь медлителен. В подтверждение этого хочу рассказать одну историю, которая произошла в «Дарах моря» — ресторане напротив старых городских ворот.

Мы стояли в вестибюле, вдыхали, глотая слюнки, рыбный аромат и рассматривали висящие на стенах изображения съедобных рыб пресных и соленых вод. В сам ресторан мы не попали: в субботний вечер во время Балтийской недели свободных мест здесь не оказалось. Один столик, правда, пустовал, но на нем красовалась табличка: «Заказан». В этот момент появился высокого роста молодой человек с двумя хорошенькими девушками: они уселись за столик, помахали и нам, приглашая присоединиться. Молодой человек сказал на чистом нижненемецком диалекте:

— Я все устрою, вы только помалкивайте.

Подошел кельнер, и наш добрый гений вдруг превратился в шведа, говорившего на ломаном немецком и с трудом подбиравшего

слова. Первое превращение сразу же повлекло за собой и второе, потому что из словарного запаса нашего кельнера вдруг начали исчезать вспомогательные глаголы и артикли, а глаголы перестали спрягаться.

— Рыбная солянка, рекомендую,— говорил кельнер,— филе четверть часа, мы много работы, мы не стоять ни минуты, я здесь временно, понимать?

Мы молча кивали, а обе девушки смотрели на выбивавшегося из сил кельнера по-скандинавски совершенно бесстрастно. Поев солянки и выпив пива, мы расплатились с кельнером, дав на чай не шведскую крону, а марку, и наш псевдошвед сказал ему:

— Ну вот, теперь вы можете поговорить со мной по-саксонски!

Пока мы ужинали, выяснилось, что кельнер приехал сюда из южной области, о чем он поведал нам, прибегая к весьма упрощенному словарю.

В этом эпизоде вы, несомненно, почувствовали симпатию автора к портовому городу Ростоку. Однако я должен оговориться, что кое-какие вещи мне здесь не очень понравились. Например, я нигде не нашел музея изобразительных искусств, картинной галереи или художественного салона, где можно было бы, как в Дрездене, Берлине, Веймаре, Лейпциге, купить картину или эстамп. Я вовсе не утверждаю, что местный климат противопоказан искусству, ведь у Лебединого пруда в Ростоке находится выставочный зал, он вполне подходит даже для организации крупной международной выставки живописи, графики и скульптуры.

Если бы можно было позаимствовать у Ростока что-нибудь для нашей столицы Берлина, то (не считая, разумеется, Балтийского моря) я предложил бы реставрированную Крепелинерштрассе, улицу для пешеходов, где перед университетским книжным магазином ежегодно во время Балтийской недели устраивается самый лучший в ГДР книжный базар. А вот без чего Берлин вполне может обойтись, это без памятника Блюхеру, хотя знаменитый генерал изображен с львиной шкурой на плечах. К тому же в Берлине ему памятник уже установлен, а два Блюхера, пожалуй, многовато, хотя Карл Маркс и назвал его «образцовым солдатом»...

Ростокский университет старейший в Северной Европе: он был основан в 1419 году. Но много раз эту цитадель науки переносили из Ростока в другие города. Однажды из-за гонений со стороны католической церкви университет переехал в Грейфсвальд, в другой раз студенты и профессора обосновались в Любеке. Потом отцы города Ростока поссорились с герцогом, а так как этим почтенным учебным заведением город и герцог владели, так сказать, «на паях», герцог попросту «свою» часть университета перенес в город Бютцов на реке Варнов. Об этом городе можно, пожалуй, сказать лишь то, что в конце XVIII века после острой борьбы местных политических групп здесь была провозглашена свобода передвижения... гусей по городским улицам. Об этом знаменательном факте давным-давно, конечно бы, позабыли, если бы писатель Вильгельм Раабе не увековечил сию историю в одной из своих новелл. К тому времени, когда разразился «гусиный спор», отторгнутая герцогом часть

университета уже возвратилась в Росток. Говоря об университете, нельзя не упомянуть, что он привлекал студентов из самых отдаленных мест. В нем учились астроном Тихо Браге и гуманист Гуттен.

Есть города, где чувствуется что-то усыпляющее; обладая даже не слишком буйной фантазией, можно и днем легко представить себе ночного сторожа у городских врат, ночные колпаки на головах горожан. Но, конечно, сейчас уже гораздо больше городов с ритмом современной жизни. Университет, порт, ярмарка, аэродром, традиционные съезды и фестивали — все это делает Росток оживленным городом, но при этом здесь спокойно, несуетливо. В старом центре встречаются даже тихие уголки в средневековом стиле. Однажды я прошел от Каменных ворот вдоль старой городской стены до церкви святого Николая. Здесь еще чувствуется близость порта, хотя бы по таким вывескам, как «Интернациональный клуб моряков». Церковь была заново перекрыта, но многие стекла в окнах башни еще отсутствовали. Детально осмотреть этот памятник архитектуры не удалось. Я пошел дальше по направлению к старому рынку; все улицы в этом районе носили названия, унаследованные от времени средневековых цехов: Старокузнечная, Кожевенная, Золотая, Конная, Пивоваренный переулок, Ткацкий и т. д. А вот и церковь святого Петра; она, как и церковь святого Николая, сложена из красного кирпича. На церкви святого Петра я увидел табличку: «Желающие осмотреть церковь должны обратиться к пономарю». Высота башни этой церкви — 127 метров, в свое время она служила путникам ориентиром. На нее наверняка стоит взобраться, но я вспомнил о своем печальном опыте при осмотре церкви святой Марии (о чем я скажу ниже) и решил, что лучше прогуляться среди зелени скверов. Это истинный зеленый остров, отгороженный городской стеной; сюда почти не проникает уличный шум, но открывается вид на старую гавань, ту самую, что мне не советовал осматривать продавец газетного киоска. За церковью святого Петра в стену вмурована доска с плохо различимой надписью: «Построена в 1598 году, реставрирована в 1899-м». Перед ней надгробие из потемневшего металла, готические буквы также нелегко разобрать: «В память магистра Йоахимуса Слютера, первого в Ростоке проповедника, реформатора, ставшего жертвой контрреформации».

От старого рынка можно идти вдоль набережной параллельно Лангештрассе, в конце которой находится Дом мореходов. Здесь установлены фотовитрины. Сообщается, что торговый флот ГДР в последние годы увеличился на 188 судов, большинство из них приписано к Ростоку. Когда они придут в родной порт и где сейчас находятся, информирует специальный стенд возле гостиницы «Солнце». Это большое здание, торцом выходящее на Тельманплац, принадлежит пароходству республики. Здесь живут без качки и авралов моряки со своими семьями в уютно обставленных номерах, пьют ростокское пиво. Лишь раз в году отель изменяет своему прямому назначению и становится пресс-центром. Когда смотришь на стенд, где указаны местонахождения кораблей, ощущаешь тоску

1 | 2 | 3

1. Варнемюнде. Маяк и западный мол в бурную погоду
2. Росток. Центр города. Дом мореходов
3. Старый дом в центре Ростока на Лангештрассе

по дальним странам и одновременно думаешь о том, что ныне, при современных средствах связи, наша Земля как бы уменьшилась в размерах. Пожелай только, и поговоришь с кораблями даже в самых отдаленных морях. А вот как обстояло дело лет сто назад:

«Дорогие родители, я не знал, что вы так сильно беспокоитесь за меня, ведь вы привыкли редко получать от меня известия, потому что я теперь все время в дальних плаваниях и вы часто больше чем по полгода ждете от меня письма...» Эти строки из письма, посланного в 1865 году, можно прочитать в музее на улице Августа Бебеля. Здесь можно познакомиться не только с историей мореходства, но и с историей города.

Лужицкие поселения вдоль реки Варнов возникли еще в XII веке. Потом здесь появились немецкие купцы. В 1218 году Росток получил статут города и стал в XIV веке наряду с Любеком важнейшим членом Ганзы; ростокские деньги и меры весов были в ходу у ганзейцев. Город в пору своего первого расцвета насчитывал более десяти тысяч жителей.

С падением Ганзейского союза для Ростока наступили безрадостные времена, горожанам приходилось постоянно бороться с мекленбургскими герцогами. Сине-бело-красный торговый флаг стал реже появляться в других портах, флот уменьшился, число жителей наполовину сократилось. Лишь в середине XIX века Росток вновь пережил период расцвета — порт специализировался на вывозе зерна. В 1870 году около 400 судов германского флота было приписано к Ростоку. Но вскоре пароходы вытеснили гордые и красивые, но ставшие невыгодными парусники. Росток опять утратил свое значение как портовый город. Перед второй мировой войной грузооборот порта не достигал и полумиллиона тонн.

Сейчас Росток-Петерсдорф превратился в трансатлантический порт с грузооборотом, достигающим 11 миллионов тонн. В новый порт можно попасть разными путями. Скажем, добраться поездом до Варнемюнде, перейти через мост и сесть на кораблик, который, ловко маневрируя, выбирается из гущи стоящих на якоре парусных и моторных судов и плывет до Брейтлинга — мелководного залива, на южном берегу которого расположены портовые сооружения и причал для нефтеналивных судов.

Мне часто приходилось слышать фразу: порт Ростока — ворота в мир. Там под флагами многих стран стоят суда — стройные и пузатые, свежевыкрашенные и уже успевшие облупиться в плаваниях по морям и океанам. Краны поднимают из грузовых люков мешки с кофе, бананы, массивные ящики, опускают в трюмы автомобили, станки, оборудование. Чайки отражаются в грязноватой воде порта, чувствуется ветер дальних странствий. Но моряки, когда они стоят на палубе, перегнувшись через поручни, совсем не похожи на просоленных морских волков с рекламных щитов. Они не поют: «Парнек, возвращайся скорее», на них заштопанные свитера и комбинезоны. Это просто рабочие плавучих фабрик. Романтику заменила техника, морское дело механизировано и автоматизировано, от парусников мы пришли к корабельной электронике. Итак, прощай Джозеф Конрад со всей неповторимостью парусного флота.

Ныне матрос — такая же земная профессия, как и любая другая, ну пусть в придачу несколько морских песен, когда свободен от вахты...

Но если пойти вдоль мола в Варнемюнде в тот день, когда волны бьют свирепо, а ветер прогнал людей с пляжа и вдалеке на рейде танцуют стоящие на якоре суда, впечатление иное. Вот теплоход «Карл-Маркс-Штадт» медленно выползает из гавани в открытое море; на палубе можно разглядеть машущих людей, но скоро их уже не разглядишь. И тому, кто остался на суше, кажется,что даже при самой надежной технике в море всегда есть место приключениям, которые начинаются, как только за горизонтом исчезают башни родного города. Но приключения, вероятно, не те, что в бурное время парусников, когда матрос за нищенское вознаграждение месяцами находился во власти стихии, а корабельная дисциплина была зверской. В другом письме, которое я прочитал в музее мореходства, говорится: «У мыса Горн мы попали в жестокий шторм. Мы потеряли большую брам-стеньгу, верхнюю часть большой мачты вместе с реей... Я думал о том, как бы выбраться с корабля... здесь все время ссоры и драки...»

Порт можно обозреть еще и по-другому, сверху. И тому, кто захочет сделать это, я советую не подниматься на лифте в бар отеля «Нептун,» а взобраться на старый маяк. Там ветер свищет еще сильнее, чем внизу, на молу; сюда наверх не проникают запахи гавани, не доносится ее шум, корабли кажутся игрушечными, как и краны, пакгаузы и склады; рельсы, тянущиеся к ним, словно бы для игрушечной железной дороги. Вот тут бы, думаешь, и обосноваться, когда выйдешь на пенсию: сиди у окошка и смотри, как приходят и уходят корабли, а ночью слушай их низкие, хриплые гудки...

Я очень люблю взбираться на старинные башни, чтобы посмотреть на город сверху: оттуда гораздо легче разобрать план, по которому он строился. Ясно видно, насколько мал центр по сравнению с городами-спутниками, расположенными вокруг. Церковь святой Марии представлялась мне идеальной смотровой площадкой, я часто посматривал на ее высокий средний неф, когда заходил в кафе «Старая монета» выпить чашку чаю. Это было несколько лет назад, когда в Ростоке проходил фестиваль самодеятельных коллективов и город казался необычайно нарядным: флаги и плакаты, разноцветные рубашки, национальные костюмы членов ансамбля танцев, черные шахтерские форменки с ярко-красными султанами на шлемах, белые фуражки моряков и синий шатер голубого неба. Мне пришла в голову мысль, что с высоты церкви святой Марии откроется великолепная картина: улицы и площади в ярких красках, вид на старую гавань. Можно представить мое разочарование, когда я увидел, что из-за повреждений, нанесенных бурей, вход в башню воспрещен. Но раз уж я добрался до церкви, решил хотя бы посмотреть на знаменитые астрономические часы в этом здании, но и часы, оказывается, недавно остановились.

Тогда же, во время фестиваля, произошла встреча, о которой я всегда вспоминаю, когда приезжаю в Росток. Я отправился в Варнемюнде не без надежды выкроить часок, чтобы искупаться. Но

море в тот деиь было неспокойно, а сауну закрыли иа ремонт. В испорчеииом настроеиии вериулся в Росток, собираясь вечером еще раз приехать в Варнемюнде иа партию мини-гольфа. В отеле «Солице», где на сей раз размещался пресс-центр, я сел за столик в углу рестораниого зала и стал просматривать свои записи. Подошли два человека и попросили разрешеиия присесть. Они заказали ужин и стали разговарнвать иа языке, мне незнакомом. Оии спросили меня по-немецки, как попасть в Люттеи-Клейн, и, когда мы разговорились, сообщили, что они греки.

Мы беседовали весь вечер, и я забыл о мини-гольфе. Мы говорили об Афинах, греческом вине, о фильмах Какояииса. Оба грека уже более двадцати лет живут в ГДР и приехали в Росток, чтобы выступить на рабочей коиференции н рассказать об успехе освободительной борьбы против ненавистного иароду режима «черных полковников»*. Один из иих перечислнл, иа каких сталелитейных предпрнятиях в ГДР ему прншлось работать, а его товарищ показал фотографии своей семьи (дети освоили и греческий, и немецкий). Теперь они могут вернуться на землю своих отцов.

Мы подняли за это бокал, а затем я кое-что рассказал о Ростоке.

Сегодня в нем двести тысяч жителей, то есть населеиие за послевоеиные годы увеличилось втрое. Построены новые городские районы, в Люттеи-Клейн живут тридцать две тысячи, в Эверсхагене — семь тысяч человек. В 1952 году отправился в плавание первый торговый корабль ГДР. Он был довольно потрепаииым, но иосил гордое иазвание — «Вперед». Сегодня в ГДР мощный торговый флот. Нефть, которую доставляют таикеры, по иефтепроводу поступает в Шведт иа иефтехимический комбинат. В городе есть две верфи, мореходный институт, ботанический сад, иаучно-исследовательские ииститутьі. В иедалеком будущем между Ростоком и Берлином проляжет первоклассиая автострада.

В заключеиие я сказал, что это однн из красивейших городов страны. Таково мое твердое убеждение, сложившееся в итоге миогих поездок.

Перевод с немецкого
Ирины Щербаковой

* Диктаторский режим «чериых полковников» был ликвидирован в июле 1974 г.— *Прим. ред.*

Анатолий Ким

Плавучие острова

Рассказ

Мне как-то довелось узнать о странном озере с плавающими островами в Ивановской области. И вот, оказавшись во время командировки в тех краях, я выбрал свободный денек и съездил к озеру. Мне также было известно, что на берегу находится дом для престарелых инвалидов Великой Отечественной войны.

Остановился я в поселке у одинокой старушки. В комнате, куда поместила меня хозяйка, висел на стене ее портрет, написанный маслом. Работа была хороша, и мне стало любопытно, кто написал портрет. На мои расспросы старушка отвечала так:

— Портрет той нарисовал мой брательник Вова. Необыкновенный талант дал ему бог, да только судьба ему выпала несчастливая. Мы с ним остались сиротами в самую голодовку на Волге, побирались по дворам, как цыганята, да́ спас один человек, чекист Самохин, доставил обоих в детский дом. Так по детдомам мы с ним и выросли. А после-то сюда на фабрику работать приехала, замуж за здешнего вышла, Вовку к себе забрала, а потом и в Палех отправила учиться художеству, и выучился он. А тут война. Ушел он в первый же день и не вернулся боле. Ни жениться не успел, ни порадоваться жизни.

А портрет нарисовал перед самой войной, приехал в июне месяце, признался, что нашел невесту в Палехе. Отправилась она пока к родителям в Торжок, скоро приехать должна была сюда, познакомиться хотела со мной. Только не пришлось мне ее увидеть — слишком долго домой ездила. А Вова уж ее так ждал, скучал сильно, весь июнь до двадцать второго числа прождал. Уходил один на озеро, рисовал виды масляными красками, шалаш поставил на плавучем острове, кашу себе варил. Много картинок тогда нарисовал, я все берегла, да вот горели мы после войны, дом этот покойный хозяин заново поставил. А тогда все погорело у нас, и картинки Вовины тоже. Только успела я портрет со стены сдернуть...

Долго еще рассказывала старая женщина, а вскоре незаметно пришли сумерки, хозяйка замолчала, и наступила тишина в доме. Я думал о своем.

Жила в душе моей тайная печальная надежда. Отец не вернулся с войны, пропал без вести, и мы с мамой долго ждали его. Мама говорила мне, что сердце-вещун подсказывает ей: жив отец. Наверное, получил на фронте увечье и решил не возвращаться домой, чтобы не связывать нас... Я ничего не говорил матери в ответ, но про себя полагал то же и многие годы наводил справки.

На другое утро я отправился к озеру. Дорога шла через высокий старый лес, затем желтыми полями, мимо отдельных березовых

кущ с такими белоствольиыми свежими деревьями, что невольно хотелось свериуть к иим и полежать иа зелеиой траве, глядя в иебо и ни о чем ие печалясь.

Уже возле самого озера, когда я пробирался мелколесьем по берегу узкого и длиииого заливчика, иавстречу попался пастух. Ои доглядывал за стадом крупиых черио-пегих коров. То был старик в длиниом, до пят, брезеитовом, видавшем виды плаще. Подбородок пастуха оброс седой щетииой, смотрел ои сурово из-под насуплениых бровей. Я спросил пастуха, где тут плавающие острова. Ои ткиул палкой в стороиу какого-то зелеиого мысика, поросшего молодыми елками, и старческой трусцой, сгорбившись, побежал за коровами.

Я решил, что старик указал мне место, откуда видны плавающие острова. Озеро оказалось иемалым, дальний край его был словно покрыт ровиой блестящей фольгой. Над этой полоской зеркальиого блеска темиел лесистый берег. А иедалеко, по прямой через серую выемку заливчика, иа берегу стояло иесколько больших деревяииых строеиий. На светлом песке перед домами виднелись фигуры людей. Как я потом узиал, это и был дом для престарелых иивалидов... И ие оказалось среди иих моего отца.

Нет, ие для иего струили серебряиый свет дали страииого озера. Не отца моего утешала покоем и своим тихим чаровством эта добрая картииа иашей жизни, а меия, безутешиого сына. Я вновь испытал печаль иеисполиившейся иадежды, ио не отрекся от иее. Долго я ходил по берегу озера, думая обо всем этом.

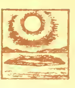
Зелеиый выступ с елками, указаииый мие пастухом, иа самом деле оказался одиим из плавающих островов.

Когда я ступил иа иего, под ногами зачавкало, вода проступила сквозь толстую травяиую подушку и почва местами стала заметио прогибаться под моими иогами. Кое-где торчали высокие кочки, поросшие остролистом; из-за одной такой кочки с шумом вылетела дикая утка и, иежио посвистывая крыльями, низко поиеслась иад водой, почти касаясь ее лапками. Я догадался, что возле кочки гиездо утииое, хотел было проверить, так ли это, ио потом решил ие беспокоить зря птицу.

Поперек мыса, образованного плавучим островом, была протоптана тропиика — от воды и до воды. Я иикак ие мог поиять, как и почему протоптали ее. Выбрав место посуше, я лег грудью иа торфяиой край острова и, опустив руку в воду, попытался измерить толщину этого удивительиого зелеиого плота.

И тут меия с берега окликнули. Подошел мальчик в большой кепке, крикиул, чтобы я скорее уходил с острова, потому что подул ветер и сейчас остров может оторваться от берега. Я послушался и вышел иа твердую землю.

Мальчик оказался серьезиым и смышлеиым, его мать работала медсестрой в доме иивалидов. Ои был тщедушиый, бледиый, иосатеиький; большая иовая кепка иалезала иа его оттопыреииые уши, но руки ои солидно закладывал за спииу. Мальчик рассказал немало иитересиого. Острова постояиио блуждают по озеру, приставая туда, куда отиесет их ветер. Одиажды туристы решили



«покататься» на острове, так их всю ночь носило по озеру; утром подплыли за ними на лодке, сняли с острова еле живых от холода. А глубина озера страшная — говорят, сто метров, а местами и больше.

Я распрощался с мальчиком и еще долго гулял по берегу озера. Видел плавающие острова. Они и на самом деле плыли, едва заметно для глаза перемещаясь по воде. Я подходил кое к кому из сидевших на берегу инвалидов, расспрашивал их об островах. Старики мне многое порассказали об этом уникальном явлении природы...

Очень давно, неизвестно когда, случился здесь некий катаклизм, образовался глубокий провал в земле — гигантская воронка. Постепенно она наполнилась водой окрестных болотистых равнин. Так и родилось озеро. Говоря поэтично, оно было как вдавленный в землю сверкающий алмаз, а попроще — как глубокая чаша, до краев наполненная прозрачной водой. Крутые земляные стенки этой чаши размокали в воде и обрушивались, а легкая торфяная почва, лежащая вокруг озера, оставалась на плаву и после того, как глиняное основание опускалось на дно. Таким образом и получились, наверное, эти удивительные блуждающие острова.

Иногда их сбивает вместе в огромный зеленый плот, выносит на середину озера, и тогда оно выглядит намного меньше, потому что за высокими кочками и еловой порослью островков скрывается узкая полоска дальнего берега.

А то загоняет какой-нибудь остров в длинный заливчик в виде клина на его узкое окончание, там и держит долгое время, может, и все лето. Тогда дорожка, идущая вокруг всего заливчика, перемётывается напрямик через островок, намного сокращая путь пешеходу. Но однажды утром, проснувшись и выйдя на берег прогуляться, престарелые инвалиды не обнаруживают зеленого клина в заливчике, и вода там серебряно вскипает бликами, как ни в чем не бывало, а сам остров уже неизвестно где — ищи по всему озеру!

На острова, приставшие к берегу, иногда забредает скот, по ошибке заходят пришлые рыболовы, и тогда недалеко и до беды. Были случаи, коровы проваливались в заросшие травой и мохом широкие прорвы посреди острова, попадал в эти ямы и неосторожный человек.

Зимой озеро замерзает, превращаясь в обычное заснеженное чистое поле, на котором кое-где торчат темные метлища елок — знаменитые плавающие острова, вмерзшие в лед.

По весне, когда толстый лед тает в прогретой озерной воде, выдаются порой удивительно тихие, без единого шороха в обнаженном еще лесу, безветренные дни — и пламя свечи на улице не шелохнулось бы. В эти дни острова застывают на гладкой воде вразброс, где только их настигает безветрие. И преображенное озеро, словно облитое голубой глазурью, отражает опрокинутые вниз острием темные елочки, пролетающих над ним черных уток и белых чаек. И тогда озеро кажется видением, декорацией какой-нибудь сказочной оперы. Занавес уже взвился, но почему-то безмолвствует оркестр и никак не раздадутся звуки сверкающей увертюры...

А к концу лета иад озером прииимаются летать бесчислеииые выводки подросших уток, садятся иа воду. И по утрам, туманным и хмурым, выплывают из коряжистых глубин прибрежья огромные сомы, бесшумно подкрадываются к спящим иа воде птицам. Утки с шумом взмывают ввысь.

Однажды иа рассвете в желтых камышах у дальиего края озера вдруг взвиваются голубые дымки, и простоРиая чаша озерной тишииы вмиг раскалывается от воинствеиной каноиады. Непосвящеииый человек испугался бы или подивился этой внезапиой стрельбе, ио старики из иивалидного дома не пугаются и иичему не удивляются. Пробуждеииые грохотом выстрелов, лежа еще в своих постелях, старые ветераны войиы отмечают про себя, что сиова иаступил деиь открытия сезоииой охоты на уток и это палят охотиики, иаезжающие каждый год сюда, к простоРиому уедииеииому озеру.

А лет сорок иазад, когда иа покатом берегу не стояло еще иикаких домов, здесь было тихо и первоздаино, как во времеиа далеких древляи. Поля еще ие доходили до приозерных пустошей, и лишь в иескольких километрах отсюда, в небольшом поселке, стрекотала малеиькая ткацкая фабрика.

И оттуда, из поселка, по лесиой пешеходиой дорожке приходил иа озеро молодой художник со счастливыми глазами. Ои поставил иа одном из плавающих островов шалаш, устлал его толстым слоем еловых лап, а рядом с шалашом устроил очаг, разрубив высокую кочку.

Целыми днями художиик писал этюды. Набегал из лесной пахучей мглы ветер, качались мохиатые лапы иа елках, гнулся остролист иа кочках, и тогда тихо и страиио отрывался от зелеиого берега его кусок и волшебио плыл по водной глади, подгоияемый частым лепетом-плеском малеиькой волиы. Художник вздыхал, ибо ие успевал коичить этюд, откладывал кисти и терпеливо ждал, когда остров вскоре найдет себе иовое пристанище. И действительио, остров притыкался куда-нибудь, а художиик иачииал иовый этюд. Иногда ему удавалось его закоичить, иногда иет, но художник ие очень печалился, если в разгар работы зеленый ковчег его тихо сиимался с места. Он верил, что коли захочется человеку сотворить что-иибудь иебывалое и прекрасиое, то не нужно ии спешить, ии тревожиться, потому что, если ои ие успеет это сделать, все равио лик земли остаиется прежним и другой мастер отразит его в своем твореиии — и выйдет ие хуже. Плавучий остров отойдет от берега, плавио развернется иа ходу, и откроется глазам иевиданиая еще картииа — иовая граиь прозрачиого алмаза, который упал с неба и лежит в мягких ладонях земли.

Валерий Гуляев

На земле древних цивилизаций

Из дневника археолога

Дороги странствий

Впервые я попал в Ирак в апреле 1970 года. Мои товарищи и коллеги — участники советской археологической экспедиции — уже больше месяца раскапывали поселения ранних земледельцев на северо-западе страны, в Синджарской долине, в районе городка Телль-Афар. Чтобы присоединиться к ним, мне предстояло пересечь добрую половину Ирака — от Багдада почти до сирийской границы. И если сам Багдад с его шумными улицами, стадами разномастных автомобилей и вполне современными зданиями мало чем напоминал сказочный город халифов, то сразу же за его пределами картина резко менялась: здесь уже безраздельно властвовала муза истории Клио.

Широкая лента асфальтового шоссе плавно ложится под колеса автомобиля. Мелькает остролистая зелень финиковых пальм, аккуратные кубики желто-коричневых глинобитных селений. На многие километры вокруг раскинулась унылая, выжженная солнцем лёссовая равнина. Но это внешнее однообразие пейзажа обманчиво. По обочинам дороги то и дело выплывают из знойного марева темные горбы бесчисленных холмов, по-арабски теллей, руины древних крепостей, изразцовые купола мечетей. Даже на долю археолога такие поездки выпадают далеко не часто. Преодолевая пятьсот километров, которые отделяют Багдад от Телль-Афара, можно буквально окунуться в самые глубины многовековой истории Ирака.

Прямо на дорожных откосах глаз специалиста замечает голубые россыпи обломков поливной керамики. С нашей точки зрения, это почтенное средневековье — X, XI, XII века, однако в рамках общей истории страны — всего лишь кратковременный, хотя и яркий эпизод. Под руинами мусульманских построек здесь повсюду скрыты многометровые напластования остатков бесчисленных культур, которые сменяли друг друга на протяжении тысячелетий. Стоит заметить один интересный факт, как услужливая память тут же подсказывает другие. Именно в Ираке находился, по-видимому, знаменитый библейский рай (легендарная страна Дильмун древних клинописных текстов), где гуляли Адам и Ева. Именно здесь бушевали когда-то неистовые волны «всемирного потопа».

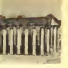
Древние греки называли эту страну Месопотамией, что означает «междуречье», или «земля между реками». Современное ее название — Ирак — имеет в переводе с арабского тот же самый смысл: «земли, находящиеся по берегам». С незапамятных времен жизнь была возможна в этом краю щедрого южного солнца только возле воды, прежде всего вдоль великих азиатских рек Тигра и Евфрата. Вокруг зеленой ленты цветущих земледельческих оазисов «между-

речья» на многие сотни километров раскинулись лишь бесплодные пустыни да цепи выжженных до желтизны каменистых хребтов.

Благодатные лёссовые почвы речных долин при должном уходе и орошении давали невиданно высокие урожаи. Вот почему именно в Месопотамии еще на заре человеческой истории (конец IV тысячелетия до н. э.) родилась одна из наиболее блестящих цивилизаций древности — шумерская, не уступающая по величию и славе Египту эпохи первых фараонов и первых пирамид.

С тех пор территория Двуречья надолго становится ареной ярких и драматических событий мировой истории. «Мы знаем сегодня,— пишет немецкий историк Э. Церен,— что в недрах этой земли скрыты древнейшие культуры, созданные человечеством. Там

Ирак



находится колыбель нашей культуры, колыбель человеческого гения, его представлений и понятий, его веры и убеждений».

На протяжении многих веков Месопотамия оставалась важнейшим центром цивилизации. Ее цари диктовали свою волю окружающим варварским племенам. Ее поэты создавали бессмертные произведения, заимствованные позднее творцами Библии. Ее зодчие возводили величественные храмы и неприступные крепости. А ученые-жрецы познавали по ярким южным созвездиям тайны Вселенной.

Но настало время — и непобедимые фаланги Александра Македонского сокрушили мощь главных восточных деспотий, доказав тем самым растущие возможности античных рабовладельческих государств. И вот что показательно. Возникали и рушились империи, сменялись династии царей, гибли под мечами чужеземных завоевателей государства, а высокие достижения местной культуры не исчезли бесследно. Они передавались из поколения в поколение, от эпохи к эпохе. Шумеры породили Вавилон и Аккад. На смену последним пришла воинственная Ассирия. Парфяне и скифы, персы, греки, римляне, арабы — все они в той или иной мере были наследниками первой цивилизации Двуречья. «Их (шумеров.— *В. Г.*) цивилизация,— писал известный английский археолог Леонард Вулли,— вспыхнув в еще погруженном в варварство мире, была действительно первой. Прошли те времена, когда начала всех искусств искали в Греции, а Грецию считали возникшей сразу вполне законченной, точно Афина из головы олимпийского Зевса. Мы знаем теперь, что этот замечательный цветок вобрал в себя соки мидийцев и хеттов, Финикии и Крита, Вавилона. Но корни идут еще дальше: за ними всеми стоит Шумер».

Поэтому интерес к Ираку — древней Месопотамии — стране, где, по всеобщему признанию, находилась колыбель человеческой культуры, сейчас, как никогда, велик. Начиная с середины XIX века здесь работали и работают археологические экспедиции ряда западноевропейских стран. Позднее к ним присоединились ученые Японии и США. Огромные по размаху исследования, реставрацию памятников прошлого проводят и иракские специалисты.

В нашей стране издавна существует пользующаяся мировой известностью школа востоковедения. В 1969 году по специальному договору между Академией наук СССР и Директоратом древностей Иракской Республики в Ирак отправилась первая советская археологическая экспедиция. Советские археологи уже много лет ведут раскопки раннеземледельческих поселений VII—V тысячелетий до н. э.

У истоков цивилизации

Еще в начале XIX века наши познания о прошлом Месопотамии были ничтожно малы: вся письменная история кончалась тогда эпохой ассирийских царей, упомянутых в Библии. Однако археология во много раз расширила возможности исторической науки.

И чем больше узнавали археологи, тем становилось очевиднее: у жителей городов Шумера были предшественники. Мы не знаем, на

каком языке они говорили, к какому роду-племени принадлежали. До наших дней сохранились лишь самые скромные остатки их культуры, выдержавшие разрушительный натиск тысячелетий: обломки глиняной посуды, статуэтки богов и богинь, каменные орудия труда, украшения, руины непрочиых жилищ, выстроенных когда-то из глины, дерева и тростника. Это — первые земледельцы планеты. Именио они заложили первый «кирпич» в фундамент будущих цивилизаций. Здесь, в Ираке, человек впервые научился выращивать хлеб, разводить скот и строить постоянные жилища. Новые формы хозяйства привели к оседлому образу жизии, быстрому росту поселений, расцвету искусств и ремесел.

По принятой среди археологов традиции каждый крупиый этап в развитии этой раннеземледельческой культуры получил название той местности, где впервые были обнаружены соответствующие памятники. Так возникли этапы и культуры Хассуна (VI тысячелетие до н. э.), Халаф (V тысячелетие), Убейд (конец V — середина IV тысячелетия). Нанболее ранние памятники древних земледельцев встречаются только иа севере Ирака — в горах и предгорьях Курдистана (Загрос). И это еще раз подтверждает гениальиое предвидение академика Н. И. Вавилова о приуроченности всех очагов первоначального земледелия к горным тропическим и субтропическим зонам.

Телли Синджарской долины

В ясный мартовский день, когда омытый весенними ливнями воздух особенно прозрачен и чист, с каменистых холмов, на склонах которых прилепился небольшой городок Телль-Афар, открывается великолепная перспектива Синджарской долины: ровная изумрудная поверхиость необозримых полей обрамлена цепью невысоких гор и прорезана голубыми нитями речушек и ручьев, в большинстве своем высыхающих за время долгого иракского лета. С запада долину замыкает Синджарский хребет (до 1250 метров высотой). Его темный силуэт напомииает припавшего к земле гигантского трехгорбого зверя. Но, пожалуй, самая примечательная черта местного пейзажа — искусственные холмы-телли. Их размеры и очертания необычайно разнообразны. Треугольные и трапециевидные, овальные и полусферические, огромные, высоченные и совсем крохотные бугорки, едва заметные среди зелени посевов.

Днем все живое здесь прячется, спасаясь от зноя. И древние холмы кажутся заброшенными и мертвыми. Даже их постоянные обитатели — ленивые змеи, юркие ящерицы и пугливые грызуны уходят в сумрачные и прохладные лабиринты своих нор. И когда раскаленный воздух начинает почти осязаемо струиться, над синджарской степью возиикают причудливые миражи: телли отрываются от земли и, словно старинные парусные фрегаты, торжественно плывут на белых подушках облаков куда-то вдаль. Вечером картииа меняется. В золотистых лучах предзакатного солнца долина оживает, иаполняясь толпой больших и малых теней, которые отбрасывают холмы. Это — молчаливые призраки прошло-

го. Они помнят, как почти восемь тысячелетий назад с крутых склонов гор Загроса спустились в благодатную Синджарскую долину племена первых земледельцев. Они помнят грозный гул тяжелых ассирийских колесниц, мерную поступь прославленной греческой фаланги, пронзительную музыку военных маршей, под которые шагали по полям Европы, Азии и Африки непобедимые римские легионы. В истории ничто не исчезает бесследно. Каждый народ, каждая культура, на какой бы срок ни обосновывались они в долине, оставляли зримые следы — руины городов и селений, превратившиеся со временем в бесформенные оплывшие холмы. Только на протяжении шестидесяти километров, отделяющих города Телль-Афар и Синджар, где проходил когда-то самый удобный и короткий путь из Месопотамии в Средиземноморье, находится несколько сот различных теллей.

Вся Синджарская долина в сущности огромный археологический музей, экспонаты которого пока не упрятаны за стекло витрин. Археологи не баловали прежде своим посещением этот уникальный заповедник древности. Если не считать отдельных разведочных рейдов 30-х годов и недавних работ англичан на громадном ассирийском городище Телль-Эль-Римах, прошлое долины во многом оставалось загадкой.

Весной 1969 года на зеленых склонах одного из древних холмов Синджарской долины, в урочище Ярым-тепе, возник небольшой палаточный городок — база советских археологов. Место для лагеря выбрали далеко не случайно. Всего в семи километрах к юго-западу от Телль-Афара возвышается сразу несколько высоких теллей. Один из них был наполовину размыт водами ручья. Отсюда и название всей местности — Ярым-тепе, что означает по-тюркски «половина холма». Уже первый осмотр теллей обнадежил. Прямо на поверхности трех из них валялись обломки древней глиняной посуды, относившиеся к трем основным этапам раннеземледельческих культур Месопотамии: хассунской (первый холм), халафской (второй) и, наконец, убейдской (третий). На крохотном пятачке менее одного квадратного километра наглядно запечатлелась вся история первобытных земледельцев Древнего Востока от ее начальных шагов до порога цивилизации.

Первые земледельцы планеты

Элемент случайности, просто везения по-прежнему играет немалую роль в жизни любого археолога. Но общий успех современных археологических экспедиций решают отнюдь не случайности, не отдельные сенсационные находки или энтузиазм одиночек, а четкий и продуманный план работы, верная методика, кропотливый повседневный труд большого коллектива людей самых разных специальностей.

Процесс раскопок в Ираке имеет свои особенности. Месопотамия — страна «глиняных» культур и цивилизаций. На протяжении многих тысячелетий чуть ли не единственным строительным материалом была здесь глина. Из слегка высушенных на солнце

кирпичей — адобов строили и скромные жилища, и велнчественные храмы, н пышные дворцы. Из той же глины делалн посуду и статуэтки богов, грузила для веретен и литейные формы, остроконечные «пули» для пращи и печати — знаки собственности; даже серпы и топоры в некоторых районах Ирака нзготовляли из глнны, обожженной до твердости камня. На глиняных табличках древние шумеры записывалн бессмертные строки своих поэм и легенд, сухие хозяйственные отчеты и указы царей.

Но глина — очень непрочный матернал. За считанные месяцы заброшенные глинобитные дома превращаются в бесформенные оплывшие холмики, неотличимые по цвету от окружающей лёссовой равнины. Почти в каждом синджарском телле таких древних домов не один десяток. Слой за слоем уходят они в глубины холма, свидетельствуя о неумолимом беге времени, смене веков, поколений и культур. Разобраться в хитросплетениях этой своеобразной архитектуры нелегко. И здесь приходят на помощь практический опыт и интуиция шургатцев.

Это — профессиональные рабочие-раскопщики из знаменитого селения Шургат (Шеркат), расположенного у высоких валов древней ассирийской столицы Ашшура на средием Тигре. Вот уже более пятидесяти лет почти все мужчины этого селения добывают хлеб насущный, участвуя в многочисленных археологических экспедициях — местных и иностранных. Драгоценный опыт, бережно передаваемый из поколення в поколение, постепенно дал возможность шургатцам сделаться настоящими мастерами земляных работ. Каждый из них тонко чувствует землю, по едва заметному оттенку в ее цвете или плотности легко отделяет стены глинобитных построек от такой же глинистой почвы. Обычно в нашей экспедицин таких мастеров двенадцать — пятнадцать во главе с брнгадиром — наиболее уважаемым н искусным раскопщиком. На каждого шургатца прнходится, как правнло, четыре-пять рабочих-земленосов, набнраемых из числа местных жителей. Со стороны процесс работы на раскапываемом холме выглядит несколько необычно. Шургатец медленно выискивает в почве контуры стен древней постройки, отбрасывая назад землю. Его инструменты не похожи на наши: треугольная тяпка с остро заточенными краямн, насаженная на короткую рукоять,— мар; мниатюрная легкая кирочка — кезма; совок — чамча и нож — сичин. Один из рабочих лопатой насыпает эту землю в мешки, и носильщики не спеша выносят ее за пределы раскопа, в отвал. Шургатцы во многом похожи на нас, археологов. И своей фанатичной преданностью профессии раскопщика древностей, н тем, что значительную часть года проводят в экспедициях, вдали от родиого дома.

Холм Ярым-тепе 1 было решено раскопать полностью, от вершины до основания, чтобы получить как можно больше сведений об этом раннеземледельческом поселке, существовавшем около восьми тысяч лет назад. До сих пор памятники столь отдаленной эпохн либо находили глубоко под землей, под мощнымн напластованиямн более поздних культур, либо изучали их с помощью узких траншей и шурфов, получая вместо общей картины прошлого лишь

отдельные его фрагменты. Это напоминает ситуацию, когда берутся судить о внутреннем убранстве большой полутемной комнаты, заглянув в нее сквозь узкую замочную скважину.

Иное дело, когда раскопки ведутся на широкой площади. Такая методика позволила проследить на Ярым-тепе 1, как на протяжении веков последовательно сменило друг друга несколько древних поселений. Они мало чем отличались друг от друга и по своему внешнему виду, и по характеру культуры. Объем полученной информации был прямо пропорционален размаху работ. Наши прежние представления о многих страницах древнейшей истории Месопотамии претерпели существенные изменения.

Жители этого скромного земледельческого поселка одними из первых в Старом Свете стали обрабатывать металл (в непотревоженных слоях VI тысячелетия до н. э. археологи нашли медное украшение и кусочки медных шлаков), строить сложные двухъярусные печи для обжига керамических изделий, изготовлять каменные подвески-печати, мостить узкие улочки-проходы между своими домами прочным белым гипсом. Они выращивали многие виды хлебных злаков — мягкую пшеницу, пшеницу Спельта, многорядный ячмень. Они приручили и стали разводить многие виды животных. Если раньше считалось, что домашняя корова впервые появилась на Ближнем Востоке не ранее IV тысячелетия до н. э., то теперь дата этого события отодвинута в глубину веков еще почти на две тысячи лет. Но это была лишь заря земледельческой эры. За каждым начальным периодом в развитии той или иной культуры наступает ее полный расцвет, своего рода «золотой век». Чем же оказался он для земледельцев Синджарской долины?

Хотя реальная жизнь людей той отдаленной эпохи меньше всего походила на райскую, заметные положительные сдвиги во всех областях их духовной и материальной культуры — факт несомненный. Это еще раз доказали многолетние раскопки на холме Ярым-тепе 2.

Первый и второй холмы разделяет всего каких-нибудь двести — триста метров ровной степной поверхности. Но между ними непроходимой пропастью легли почти десять веков. Это — две разные эпохи, два разных народа, две разные культуры.

Прежде всего заметно меняется внешний облик жилых и хозяйственных построек. Вместо прямоугольных сооружений широкое распространение получают круглые в плане глинобитные дома, которые археологи называют «толосами». Долгое время в науке шел спор, каково назначение этих странных на вид зданий. Одни ученые считали их храмами, другие — святилищами, третьи — погребальными мавзолеями жрецов и вождей. И только находки на Ярым-тепе 2 доказали, что наиболее крупные «толосы» (диаметром от трех до шести метров) служили жилищами. Внутри них обнаружены очаги, жаровни, такие же, как на Кавказе и в Средней Азии, глиняные печи-тануры для выпечки лепешек, различная утварь, хозяйственные отбросы — кости животных, черепки битой посуды, угли и зола. Удалось реконструировать и сложное устройство крыши. В одном из «толосов» были обнаружены куски

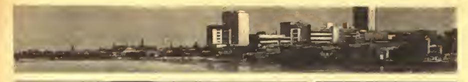
глиняной обмазки от рухнувшей вниз крыши. На них четко отпечатались вертикально связанные снопы тростника. Следовательно, «толосы» имели коническую крышу, с которой быстро стекала дождевая вода и которая придавала зданию известную устойчивость во время сильных ветров и бурь. А вскоре в глубинах холма археологи нашли черепки расписного сосуда, на котором древний художник тонкими уверенными штрихами коричневато-бурой краски запечатлел внешний вид такого «толоса» с высокой конической крышей и цветущие деревья вокруг него. Двери имели деревянные рамы, вращавшиеся вокруг своей оси благодаря специальному подпяточному камню с углублением посередине. Высокие пороги служили предметом особых забот хозяек. Они периодически подмазывали и обновляли их с помощью глины или гипса. Узкие улочки-коридоры, часто менее метра шириной, соединяли отдельные постройки в общий архитектурный ансамбль — причудливое и хаотичное скопление десятков прямоугольных и круглых зданий различной величины. К жилым домам примыкали многочисленные хозяйственные помещения. В них древние обитатели поселка хранили утварь, орудия труда, зерно, посуду и пр. Зерно ссыпали в огромные глиняные сосуды, врытые в землю, или же в специальные глубокие ямы.

Находок, рассказывающих о древнем земледелии, немало, и теперь уже можно восстановить почти весь цикл сельскохозяйственных работ той отдаленной эпохи. Ячмень и пшеницу (их обугленные зерна сохранились в некоторых глиняных сосудах и ямах) жали с помощью каменных серпов (к костяной или деревянной рукояти прикрепляли с помощью битума или смолы тонкие пластинки кремня и обсидиана с острым, режущим краем). Зерно насыпали на слегка вогнутые базальтовые плиты и перемалывали тяжелыми круглыми валиками из такого же камня. Для приготовления теста использовали специальные глиняные тазы с низким бортиком. Лепешки пекли в печках-танурах.

Жизнь этих халафских земледельцев была нелегка. Все их зыбкое благополучие зависело от величины собранного урожая. Стоит ли поэтому удивляться, что они с таким рвением поклонялись тем небесным силам, от которых, по их глубокому убеждению, зависело плодородие полей.

Природа здесь всегда отличалась непостоянством: изнуряющий зной и леденящий холод, пылевые песчаные смерчи и разрушительные бури, грозы и ливни сменяют друг друга с такой пугающей быстротой, что человек поневоле чувствует себя беспомощной былинкой во власти чьих-то могущественных сил.

Мы не раз находили в Ярым-тепе 2 крохотные до блеска отполированные топорики-амулеты, с помощью которых древние земледельцы пытались защитить себя от смертельных ударов стрел-молний, посылаемых богом грозы. Но самым главным божеством, олицетворением плодоносящих сил природы была богиня-мать. В отличие от своих хассунских предшественников здешние поселяне изображали ее уже не в виде утонченной дамы с высокой короной-прической, а вполне земной, крепкой и полной



1	
2	3
4	

1. Багдад. Вид на набережную реки Тигр
2. Зиккурат в Акар-Куфе
3. «Геракл из Хатры». Мрамор. Иракский музей, г. Багдад
4. Ярым-тепе 1. Поселение Хассунской культуры VI тысячелетия до н. э. Процесс раскопок

Фото автора

женщиной с намеренно подчеркнутыми признаками пола. Все свои помыслы и чаяния древний земледелец запечатлел и на глиняной посуде, которая вообще представляет собой наиболее яркую черту местной культуры: волнистые линии и зигзаги — символ воды; ромбики и квадраты с точками внутри — засеянное поле; круги с лучами и точками вокруг — солнце; косые и вертикальные линии, как бы падающие сверху вниз, — потоки дождя; кресты, розетки, лепестки — символ расцветающей растительности. Иногда поверхность изящных халафских ваз покрыта фигурами всевозможных зверей и птиц: тут грифы, нападающие на оленей, леопард, грозно вставший на задние лапы, голова быка с непомерно длинными волнистыми рогами, толстая рыба, змея и т. д. Видимо, для усложнившихся религиозных обрядов домашних святилищ было уже недостаточно. И тогда жители Ярым-тепе 2 возвели в самом центре поселка довольно внушительный храм с толстыми глинобитными стенами. Это — древнейший образец культовых построек, известных нам сейчас на территории Месопотамии.

Поразительно, что примерно в то же самое время (то есть в V тысячелетии до н. э.) круглые постройки-«толосы» и расписная халафская керамика неожиданно появляются в Закавказье, на территории нынешних Азербайджана и Армении. Что это — следы вторжения чужеземных племен или результат культурных влияний? Пока ответить на такой вопрос трудно. Несомненно лишь, что раскопки в Синджарской долине помогут решить очень важную проблему нашей исторической науки — о связи древнейших культур юга нашей страны с культурами Древнего Востока.

Но скромные поселения раннеземледельческой эпохи, несмотря на все выдающиеся достижения их обитателей, были еще слишком далеки от уровня подлинной цивилизации. Последняя приходит в Месопотамию вместе с шумерами — загадочным древним народом неизвестного происхождения. И если до сих пор главным центром развития культуры в Двуречье была северная часть долины Тигра и Евфрата, то теперь этот центр перемещается на юг.

Ур — потерянный и обретенный город

О город, всем обеспеченный, омываемый
водами неиссякаемыми,
Незыблемый бык,
Помост изобилия страны... зеленая гора,
Город, чьи судьбы определил Энки,
Святилище Ур, да вознесешься ты до небес!

(*Шумерский гимн*)

На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. в южной части Ирака, называемой с незапамятных времен Шумером или Сумером, появилось целое созвездие городов-государств.

«О Шумер, великая земля среди всех земель Вселенной, залитая немеркнущим светом, определяющая божественные законы для всех народов от восхода до заката!» — воскликнул когда-то шумер-

ский поэт, отражая в поэтической форме факт бесспорного культуриого и военного превосходства обитателей Южного Двуречья иад их ближайшими соседями.

В действительиости же Шумер — сравнительио небольшая страна с площадью чуть меньше современиой Бельгии. Вся жизнь концентрировалась здесь вокруг рек и каналов. Поэтому практически «колыбель цивилизации» представляла собой длинную и узкую полосу земли, протянувшуюся от широты Багдада до гнилых болот по берегам Персидского залива. Эту территорию поделили между собой несколько городов-государств: Урук, Ур, Лагаш, Киш, Умма и другие — всего около полутора десятков.

Среди шумерских городов звездой первой величины можно назвать Ур.

Начать с того, что он существовал необычайио долго — от первых шумерских царей (иачало III тысячелетия до и. э.) до эпохи Дария и Александра Македоиского. Ни бесчисленные вражеские нашествия, ни стихийные бедствия не могли заставить его жителей покинуть город. Но то, чего не удалось полчищам завоевателей, сделала природа. Евфрат внезапно изменил свое русло и отошел почти на шестнадцать километров к востоку от стен города. Без воды на этой раскаленной равнине иельзя было прожить и дня. И вскоре блистательиый Ур превратился в скопление безликих холмов, окрашениых в серо-желтые цвета пустыни.

> Буря, вызванная разгневанным Энлилем,
> буря, уничтожившая страну,
> накрыла Ур, словно платком,
> окутала его, словно саваном...
> О, отец Нанна, этот город превратился в развалины!

Так повествуется в одном из шумерских гимнов.

Со временем были забыты не только многие страницы истории города, но и его местонахождение. Еще сравнительно недавно наши сведения об Уре ограничивались лишь несколькими туманиыми цитатами из Библии да ассиро-вавилонскими текстами, написанными много веков спустя после исчезновения государства шумеров.

Город пришлось заново отыскивать. В 1854 году Д. Е. Тейлор — английский коисул в Басре — впервые установил, что скопление руин, известиое среди арабов под иазванием Телль-аль-муккайир (Смоляной холм),— это и есть древний Ур, что подтверждали иайденные здесь клииописные глиняные таблички. Однако к широким раскопкам археологи приступили лишь миого лет спустя. В 1922 году англичанин Леонард Вулли начал свои двенадцатилетние работы в центральиом райоие громадного городища. Пышные дворцовые ансамбли, ступенчатые башни храмов и, накоиец, фантастические по богатству царские захоронения — все это одно за другим появлялось из глубин земли.

Большая часть находок археологов хранится в Иракском музее в Багдаде, в специальном Шумерском зале. Мне не раз приходилось бывать в этом зале. Но хотелось осмотреть сам древний город, его

внушительные укрепления, пышные храмы и дворцы, о которых так красочно рассказывают клинописные тексты Двуречья.

И вот ранним мартовским утром наш видавший виды экспедиционный ГАЗ-69, деловито пыхтя, вскарабкался на крутой глинистый откос за голубой лентой Евфрата, и мы увидели то, что осталось от древнего Ура.

На голой, желтовато-серой равнине смутными тенями возвышалось несколько групп больших и малых холмов, виднелись какие-то непонятные впадины и ямы. Не было и намека на некогда грозные городские укрепления — зубчатые глинобитные стены и башни. Бесследно исчезли и массивные купола царских гробниц, раскопанных свыше 40 лет назад Леонардом Вулли.

И все же в Уре есть памятник, способный удовлетворить вкусы самого взыскательного ценителя древностей. Над всем окружающим пейзажем с его выжженной землей, полуразмытыми холмами, провалами старых археологических раскопов и грабительских ям гигантским утесом высится, как бы паря в звенящем от зноя воздухе, желтая ступенчатая башня. Это и есть знаменитый зиккурат Ур-Намму — массивный постамент для главного храма города, построенного в честь бога луны Нанна. Раскопанный и тщательно реставрированный англичанами в 20-е годы, он резко отличается от других малоприметных руин Ура и совершенством пропорций, и своей сохранностью.

Зиккурат выстроен из адобов (сырцового кирпича) и покрыт сверху 2 $^1/_2$-метровым панцирем из обожженного кирпича, скрепленного раствором битума. Его основание — шестьдесят на сорок пять метров. Прежде он состоял по меньшей мере из трех ярусов, или этажей, но уцелел лишь первый и часть второго. Высота «зиккурата» сейчас — почти восемнадцать метров. Однако вся его огромная масса создает впечатление легкости и изящества благодаря своим совершенным пропорциям и слегка закругленным линиям.

На свободной площади ступеней-террас «зиккурата» когда-то были посажены деревья. Для этого наверх натаскали плодородной земли и сделали специальные водоотводные сооружения для полива. Зеленая гора зиккурата, высоко вздымавшаяся над зубцами городских стен, была видна издалека, четко выделяясь на желтосером фоне Месопотамской равнины. Зиккурат Ур-Намму — один из немногих уцелевших до наших дней свидетелей далекого прошлого. Все правители Ура внесли посильную лепту в его сооружение и отделку. И каждый царь спешил замуровать в толщу стен ступенчатой башни клинописную табличку или цилиндр с перечнем своих заслуг перед потомками. Вот один из текстов: «Во славу владыки своего Нанна, славнейшего из сыновей Энлиля, могучий муж Ур-Намму, правитель Урука, царь Ура, царь Шумера и Аккада, воздвиг Этеменигуру, возлюбленный им храм».

Зиккурат стоял в самом центре древнего города — в теменосе, «священном квартале», который предназначался только для храмов богов и для дворцов царей. Фундамент сооружения уходил в глубины земли. Его вершина упиралась в небо, отражаясь в плавных водах Евфрата. Он был мудр, как сфинкс, и неподвластен

времени, как пирамиды фараонов. Вся история Ура, от ее теряющихся в веках истоков и до драматического финала, прошла на глазах этого седого исполина. Он мог бы рассказать о красоте и богатстве царицы Шуб-ад, воинских подвигах Месkаламдуга — «героя благодатной страны», увенчанного за храбрость золотым шлемом, о строительстве новых каналов, храмов и дворцов во времена правителей третьей династии Ура — Ур-Намму и Шульги (конец III тысячелетия до н. э.). Древние надписи сообщают, что Ур-Намму обнес город стенами, «подобными желтой горе». С трех сторон его окружала вода (канал и река Евфрат). И все-таки Ур был захвачен врагом. Может быть, именно у подножия зиккурата пал, обливаясь кровью, последний защитник города, сраженный эламитской стрелой.

После эламитского нашествия (начало II тысячелетия до н. э.) город лишь прозябал, чуть согреваемый слабыми отблесками своей былой славы. Его медленная агония затянулась почти на пятнадцать веков. Только за несколько веков до нашей эры Ур окончательно исчезает из поля зрения древних летописцев и превращается в груду развалин. Но зиккурат, восстановленный и обновленный незадолго до этого вавилонскими царями Навуходоносором и Набонидом (VI век до н. э.), выдержал разрушительное воздействие времени и донес до наших дней спокойную простоту и величие монументального шумерского зодчества.

Хатра — сфинкс пустыни

Темные силуэты полуразрушенных башен возникли перед нами так внезапно, что мы сначала приняли их за мираж. Чего-чего, а миражей здесь хватало: озера, реки, целые моря сверкающей прозрачной воды то и дело появлялись и исчезали в раскаленном от зноя белесом воздухе Джезиры. Унылое однообразие нелегкой дороги через пустыню притупило все чувства, кроме усталости и жажды. Но вот башни приблизились, выросли, заслонив собой добрую половину горизонта, и тогда стало ясно, что это — не оптический обман, а долгожданная Хатра — удивительный город, то ли по капризу восточного деспота, то ли по каким-то стратегическим соображениям построенный в самом сердце холмистой, выжженной солнцем мосульской равнины. Отчетливо видны мощные фундаменты некогда грозных стен, опоясывавших город. В центре, где по традиции расположен теменос — «священный квартал», высится полуразрушенная громада дворца с величественными арками ворот. Рядом теснятся святилища наиболее почитаемых богов Хатры. Желтоватые, под цвет окружающей местности, удивительно легкие и изящные колоннады античных храмов словно застыли в вековом сне. Благородный мосульский мрамор и твердый хатранский известняк за семнадцать прошедших веков сохранили на своей поверхности каждую черточку, каждый завиток, оставленные резцом древнего мастера. Чинно расселись по карнизам дворцового зала могучие степные орлы. Сидящий орел со сложенными крыль-

ями — официальный герб города, воплощение его величия и силы. Бесстрастно глядят в туманную даль Джезиры какие-то мифические существа — полулюди-полубоги. Причудливо вьются по округлому изгибу римской арки гроздья диковинных растений и плодов; вплетаются фигуры лошадей, овец, быков. Но жизнь давно ушла отсюда. Осталось лишь печальное безмолвие мертвого города, застывшие руины. Змеи, ящерицы и скорпионы их единственные обитатели. Нет, здесь не было медленного угасания, как в Уре. И природа не проявляла в Хатре своего капризного нрава. Эти высокие и гордые кровли рухнули не от свирепого натиска ветра хамсина. Мраморные колонны раскололись на куски не от удара случайной молнии. Повсюду видны красноречивые следы продуманного и варварского разрушения. Город, взятый с бою и распятый врагами на каменистых холмах окружающей пустыни, захлебнулся в крови своих жителей и был задушен смрадным пламенем пожаров. Победители не удовлетворились грабежом вместительных кладовых царского дворца, храмов и домов богатых торговцев. Были разрыты и опустошены все древние могилы, тщательно обшарены все улицы и закоулки. Стоит ли удивляться, что, несмотря на самые упорные поиски археологов, в Хатре до сих пор не удалось найти ни одной золотой монеты, ни одной серебряной безделушки. А когда-то город славился своим богатством.

Основанный во II—I веках до н.э., он занимал выгодное географическое положение, выступая чуть ли не единственным посредником в торговле между Восточным Средиземноморьем (Сирия, Ливан) и Месопотамией. Сюда попадали экзотические товары даже из далекой Индии. Под защитой каменных стен Хатры бок о бок жили и трудились люди самых разных народностей и религий: оборотистые греки — потомки воинов Александра Македонского, иранцы-парфяне, арабы, халдеи. На улицах и площадях слышалась разноязычная речь. В многочисленных храмах возносились к небу молитвы доброму десятку богов: шумеро-аккадскому Нергалу, греческим Гермесу и Афине, арамейской богине Атар'ат. Над всем этим пестрым сонмом возвышалось верховное божество Хатры — бог солнца Шамаш. Здесь, в непроторенной азиатской глуши, среди холмистой бесплодной пустыни, судьбе угодно было создать город-жемчужину, принявший и творчески соединивший влияние греко-римской культуры Запада и богатое наследие тысячелетних цивилизаций Востока. Вопреки известному утверждению Р. Киплинга, Запад и Восток сошлись в Хатре прочно, на века. И плоды этого необычного культурного симбиоза видны здесь буквально на каждом шагу. Типично парфянский по архитектуре дворец правителей города с двумя продолговатыми залами-айванами, открытыми во двор, имеет также и входы в виде римских арок. Рядом с глухими стенами восточных святилищ вздымаются стройные колонны эллинистических храмов коринфского или дорического ордера. В Иракском музее хранится скульптура Геракла из Хатры, изваянная из белоснежного мрамора. Но странное дело: усы и борода Геракла завиты и подстрижены по парфянской моде. На шее — витая иранская гривна. Глаза героя подведены черной

краской в соответствии с канонами шумерского или ассирийского искусства. Приземистая и коротконогая фигура хатранского Геракла, увы, далека от совершенных форм скульптур Праксителя. А вот пример противоположный. Сугубо халдейское божество Бел местный мастер облачает вдруг в одеяние римского полководца, со всеми его доспехами и знаками различия.

Слово «Хатра» арамейского происхождения. Оно встречается в надписях, найденных в самом городе, а также в трудах римских и арабских летописцев. На местных монетах выбивали: «Хатра, город бога Шамаша». Видимо, город был основан предками арабов, пришедших из Хиджаза во II веке до н. э. Надпись, обнаруженная в 1961 году, называет правителя Хатры Санатрука «царь арабов», а его отца — «Наср, великий жрец». Подобно многим другим пограничным городам Восточного Средиземноморья, Хатра всегда служила разменной монетой в крупной игре наиболее могущественных держав того времени — Парфии и Рима. Почему же Хатру построили в такой глуши, вдали от рек и других населенных пунктов? Помимо военных и торгово-экономических причин, главное, что определило выбор древних строителей,— это вода. В четырех километрах от города находится Вади Тартар — сухое русло реки, наполняемое водой в сезон дождей. На территории самой Хатры было множество естественных колодцев и пресноводное озеро.

Парфяне, под эгидой которых возникла Хатра, не пожалели сил, чтобы превратить ее в неприступную твердыню, закованную в каменный панцирь высоких стен и башен. Круглый в плане город обнесен двойной стеной: внешней (диаметром восемь километров) и внутренней (диаметром шесть километров). Кроме того, город был окружен еще и глубоким рвом. Во внутренней стене прорéзали четверо ворот, ориентированных строго по странам света. В вековом соперничестве парфянских царей с Римом город играл важную роль, будучи опорной базой парфянской панцирной конницы во время ее набегов на Сирию. Легионы римских императоров Траяна (117 год н. э.) и Септимия Севера (197 год н. э.) дважды пытались захватить Хатру, но потерпели неудачу.

Но вскоре положение изменилось. Парфянская держава пала. На небосклоне древнего Востока появилась новая восходящая звезда — Сасаниды. В 226 году н. э. Ардашир Сасанидский разгромил войска последнего парфянского царя Артабана V. И в этот драматический момент цари Хатры, изменив своей традиционной проиранской политике, перешли на сторону римлян. В Хатру вошли римские легионы. В битве у Шахразора новоявленные союзники наголову разбили иранцев, причем на поле боя погиб и дядя сасанидского царя Шабура I. Узнав о случившемся, Шабур решил примерно наказать непокорный город. Вскоре у ворот Хатры появилась огромная персидская армия. Жители надеялись отсидеться за крепкими каменными стенами. Но эта надежда оказалась тщетной. Как повествует легенда, дочь хатранского царя принцесса Надира выдала неприятелю все секреты обороны, и персы захватили город. Дальнейшее хорошо известно. После ухода сасанидских полчищ жизнь так и не вернулась в эти опаленные пожаром руины.

Еще в 363 году н. э. римский историк Аммиан Марцеллин, побывав в этих краях, не увидел здесь ничего, кроме внушительных холмов из каменных обломков и щебня.

Вместо послесловия

Этот очерк посвящен Ираку древнему, его выдающимся памятникам культуры, забытым центрам некогда блестящих цивилизаций. Но это отнюдь не значит, что автора, как и других участников советской археологической экспедиции, не волновала современная жизнь этой арабской страны. Посещая Ирак в течение нескольких лет, мы могли воочию видеть те огромные прогрессивные изменения, которые там происходят. Успехи в развитии национальной экономики, позитивные социально-экономические и политические преобразования, осуществляемые правительством Иракской Республики, направленные на вовлечение в политическую жизнь всех патриотических сил, демократическое решение курдского вопроса создают необходимые предпосылки для движения страны по пути прогресса. В решении задач коренной перестройки иракского общества, в борьбе против империализма и израильской агрессии Ирак пользуется всесторонней помощью Советского Союза и других стран социалистического содружества.

И мы, маленький отряд представителей советской науки, постоянно ощущали плоды советско-иракского сотрудничества во всех областях экономики, политики и культуры. В своем экспедиционном лагере в Синджарской долине мы слушали по радио выступление Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина на массовом митинге, посвященном открытию государственных нефтяных промыслов в Северной Румейле 7 апреля 1972 г. «Советский Союз целиком на стороне арабских государств, ведущих борьбу за то, чтобы их национальные богатства, прежде всего нефть, принадлежали их подлинным хозяевам — народам этих стран...— заявил А. Н. Косыгин.— Мы желаем иракскому народу больших успехов в деле развития экономики страны, повышения жизненного уровня народа, в строительстве новой жизни, в деле сплочения всех прогрессивных сил Ирака».

9 апреля 1972 г. в Багдаде был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Иракской Республикой, ставший хорошей основой для всестороннего развития наших отношений с этой крупной арабской страной. Конечно, мы не прокладывали нефтяных трубопроводов через раскаленные пески пустынь Румейлы, не возводили корпусов тракторного завода в Искендерии, не устанавливали сложнейших станков на текстильной фабрике в Куте, как другие советские специалисты. Наша цель — научное сотрудничество с Генеральным директоратом древностей Ирака по изучению некоторых важнейших этапов из прошлого страны.

Занимаясь своими археологическими исследованиями, мы постоянно ощущали поддержку и помощь со стороны местных властей, коллег из Генерального директората древностей, рабочих-феллахов и квалифицированных раскопщиков из села Шургат. И это помогало забыть и об изнуряющей жаре, и о трудностях полевой жизни.

Вера Ветлина

Земля с маленькой буквы

Заметки натуралиста

> Как не любить мне эту землю...
> *(Из песни)*

В нашем саду расцвели герберы. Из каждой розетки темно-зеленых вырезных листьев еще давно начали выглядывать крепкие пуговки бутонов. Обогрелись под щедрым солнцем, набрались сил и наперегонки потянулись вверх. Выше и выше над землей, над листьями выносили их стебли. Бутоны росли не по дням, а по часам. И вот развернулись острые нежно-розовые лепестки.

Герберы были чисты и возвышенны. И очень горды собой. Казалось, они готовы были спорить красотой с самим солнцем. Еще бы, у каждой в центре цветка золотилось свое, пусть маленькое, солнце. Именно его окружали атласно-розовые лучики лепестков, каких не было у настоящего светила.

Но однажды наползла с горизонта лиловая туча. Прочертила небо молния, громыхнул гром. Хлынул ливень. Шальные капли весело забарабанили по листве, по дорожкам сада, выбивая грязевые фонтанчики из размякшей земли. Набедокурили, забрызгали чистенькие платьица гербер и умчались дальше.

Хитро выглянуло солнце. Но герберам было уж не до споров о красоте. Растопырив розовые пальчики лепестков, они растерянно и брезгливо смотрели себе под ноги. Там было мокро и грязно. Казалось, будь их воля, убежали бы без оглядки куда-нибудь, где почище. Глупые! Им представлялась просто грязью земля, которая их кормила и без которой нельзя жить.

Эта полупритча-полубыль немного и о нас, людях. О нас и о земле с маленькой буквы.

Земля! Так называется наша планета — огромная, прекрасная, еще не вполне познанная родина человечества. Земля с большой буквы. Наш общий дом. И так же, но с маленькой буквы называется темная рыхлая масса, тонким слоем покрывающая большую часть суши.

Мы с уважением произносим имя планеты, но еще не все научились с таким же почтением относиться к земле с маленькой буквы. Скучная это материя, на взгляд многих. Как-то не думается, насколько судьба каждого из нас и всего человечества, всего живого на Земле зависит от существования и здоровья этой тончайшей одежды нашей планеты — почвы. Хотя все мы отлично знаем, что именно на ней, и только на ней, почве, живут леса с их птичьим многоголосьем, прохладой и чистым воздухом. Что это она

расстилается хлебной степью, растит сады и виноградники, все плоды Земли. Она кормит все, что есть на свете: и людей, и зверье, и домашних животных. Она лечит нас целебными травами и радует глаз всевозможными цветами.

Так вот, сегодня земля-почва, миллионы лет безотказно кормившая и пестовавшая все живое на Земле-планете, подает сигналы SOS! Эти сигналы обращены к каждому из нас. В том числе и к тем, кто далеко ушел от земли в закованные асфальтом, стеклом и бетоном города.

Что же случилось? Прежде чем ответить на этот вопрос, пожалуй, следует припомнить, что такое земля, почва. У каждого тут представления будут свои.

У горожан, а число их год от года растет, встречи с землей, как правило, нечасты. Это в лучшем случае дача или коллективный сад, где, борясь с городской гипокинезией, неплохо поработать: что-то посадить, подрезать или подрыхлить; подышать свежим воздухом.

Для армии пеших туристов земля — это километры, которые надо прошагать за день. У финиша, желательно живописного, поставить палатку, нарубив подстилку из ельника или свежих березовых веток. Соорудить костерик. А утром, наведя порядок или, наоборот, беспорядок в тихом природном уголке, шагать дальше.

Куда большему числу горожан для встреч с землей приходится ограничиваться поездками «на природу» в выходной. Земля тут желательна поросшая лесом и с речкой, где можно приятно провести день, походить по травке, даже босичком.

Для тех же, кто прокладывает на земле дороги, сооружает мосты, строит дома, заводы, роет карьеры, она — «объект», который надо «осваивать». Чем больше освоишь, тем лучше.

У сельского жителя отношение к земле совсем иное. Оно определяется прежде всего мудрым и емким словом «кормилица», сохранившим свою свежесть с незапамятных времен. Это и родной дом, в котором он, сельский житель, хозяин. И производственный цех, где создаются огромные материальные ценности. И творческая лаборатория. Стоит вспомнить нашего замечательного земледельца, ученого-самородка Терентия Семеновича Мальцева, чье 80-летие так тепло отметила в 1975 году вся страна.

Когда доведется весной или летом быть на поле, наклонитесь и поднимите с пашни комок земли. Вы почувствуете, что он теплый и чуть влажный. От него исходит почти неуловимый, волнующий аромат. Легонько сожмите комок, и он рассыплется на мелкие буровато-коричневые комочки-зернышки. Это зернышки жизни. Постарайтесь проникнуться к ним уважением, которого они, право же, заслужили.

Академик В. И. Вернадский назвал почву биокосным телом, то есть одновременно и мертвым, и живым. «Тело» это, как утверждают ученые,— сложнейшая саморегулирующаяся природная система, постоянная и самая активная часть биосферы, сферы жизни нашей планеты. Во взаимодействии своих «деталей» почва обеспечивает все живущее на Земле чистой питьевой водой, наилучшим составом воздуха и разнообразной пищей.

В самом деле, горсть земли, которую вы держите на ладони, влажная. Если приложить ладонь к пашне, тоже почувствуешь свежесть. Даже если ветры и солнце высушат землю с поверхности, в глубине все равно будет запас влаги. Разве уж чересчур долгий, непереносимый зной высосет ее до глубины, покроет землю морщинами трещин. Земля и вода неразделимы.

Почва принимает, впитывает, как губка, талые и дождевые воды. И благодаря комочкам, мелкокомковатой структуре хранит ее. Таким образом она ведет баланс пресной воды для всей планеты. Следит за полноводностью ручейков и рек, за тем, чтобы была вода чистой и вкусной. От почвы в первую очередь зависит, хватит ли нам, человечеству, питьевой воды в достатке, или мы будем обречены на мучительную жажду.

Мелкие комочки, пронизанные воздухом, помогают почве дышать. В ней постоянно идут сложные, далеко еще не изученные процессы, похожие на обмен веществ живого существа.

В пласте земли, сложенном из почвенных комочков, протекает вся жизнь растений. Умирая, растения опять-таки остаются в земле, постепенно превращаясь в перегной. Он-то и цементирует собой минеральную основу почвы, которая иначе рассыпалась бы песком или пылью.

Перегной — пищевой склад и кухня для растений. Мириады микроорганизмов готовят из мертвых остатков растений сначала «полуфабрикат» — перегной, а из него — легкоусвояемую пищу для новых поколений растений. Те в свою очередь когда-то отомрут или станут пищей животных, а останки всего живого вернутся в почву перегноем. Природный круговорот завершится, но не окончится, а будет повторяться и повторяться.

Почвенная оболочка Земли — это уникальная хранительница энергии Солнца, уловленной когда-то зеленым листом. Запас этой энергии, накопленной растениями в перегное за миллионолетия их жизни на Земле, выражается астрономической цифрой: единицей с двадцатью нулями больших калорий.

И наконец, еще одна великая служба земли. Та земля, которую мы подчас называем грязью,— главная хранительница чистоты на планете. Человечество издавна и безвозмездно пользуется этой доброй услугой гигантской дезинфекционной камеры, которой является почва. В землю мы закапываем всяческий мусор и отбросы, заливаем жидкими нечистотами специально отведенные возле больших городов так называемые поля орошения. Почва, вечный чистильщик и санитар, пропускает все это сквозь себя, перерабатывает и нейтрализует. И не придуман еще более простой и безотказный нейтрализатор вредных отходов человеческой жизнедеятельности.

Работники этой уникальной дезинфекционной камеры — полчища невидимок, всевозможные микроорганизмы, которыми кишит каждый комочек земли. Они бесконечно разнообразны, поразительно неприхотливы и жизнестойки. Их встречают в горячих источниках, вода которых всегда на грани кипения, и на промороженном до «костей» континенте Антарктиды. Они могут жить на стек-

ле и железе, на голых скалах гориых вершии и в глубииах океана.

У почвеииых микробов обязаииостей немало. Это они перерабатывают отмершие части растеиий, останки животиых, всевозможные отходы, попадающие в почву. Создают из них подходящую среду для роста и питания иовых поколеиий растеиий. Они обеззараживают почвеииые воды, уничтожая других, вредоиосиых микробов и вредные прнмеси. Не без нх участия очищается, приобретает иаилучший состав припочвеииый воздух.

Микробы — лишь одии из компоиеитов сложиой природиой системы, носящей иазванне «биогеоцеиоз». В биогеоцеиоз — нерасторжимое сообщество живого и мертвого — помимо почвы, проиизаиной микроорганизмамн, входят растеиия и животиые, приземиая атмосфера и подпочвеииые воды. За тысячи н тысячи лет эволюции постепеиио прилаживались, притиралнсь друг к другу детали этого «механизма». Каждой определены свое место, свои обязаииости. Стоит иарушить их в каком-либо звене — прнходит в движеиие вся система, восстанавливая привычиое равиовесие.

Постояиная и самая активная часть биосферы — почва рождается долго и трудно.

В Крымских горах есть удивительиые сосиы. Еле уцепившись корнями за края трещииы, оии живут иа прокалеииых зноем скалах такой крутизиы, которая под силу ие каждому скалолазу. Карабкаясь по мертвому камию выше и выше, сосны ведут за собой в горы жнзнь. Как же оии попали сюда? Солице, холод н ветер векамн разрушали скалы. Где-то в камие прорезалась трещиика, в нее попала горстка пыли, иесколько капель дождя. Поселились вездесущие мнкробы, принялись за свою работу. Подключилнсь к иим лишайиики, мхи, способиые разъедать своими выделеииями моиолит. Год за годом, крупинка за крупинкой иакапливалась в трещине камениая мелочь и пыль. Поселилась иа ией травка, а возле нее прнжились иасекомые. Их останки — иовая работа для микробов.

И вот уже лежит в трещиие горстка перегиоя. Занесло иа нее ветром летучее сосиовое семечко. Зацепилось. Пустило вииз корешок, вверх щеточку зелеии. Сосиа-малютка стала обживаться.

Дальше — больше. И уже тесио ее кориям в узеиькой камениой щели. Но если легкая травинка может пробиться сквозь камеиистую землю, проломить асфальт, то упругим, крепким сосновым корням по плечу задача потруднее. Корни вгрызаются в скалу, подтачивают ее кориевыми выделеииями, раздвигают трещииу, пробиваются в камеиь глубже и глубже. Над скалой поднимается хоть и корявый от всяческих иевзгод, ио прочный, иесгибаемый ствол, увеичаниый вечиозелеиой кроной.

Не одио десятилетие горная сосна отвоевывает у скал иесколько горстей земли. Каждый год в естествеииых условиях слой перегиоя-гумуса увеличивается иа сотые, в лучшем случае иа десятые доли миллиметра. В заполяриой тундре тонюсенький слой почвы, лежащий иа осиовиых породах и вечиой мерзлоте, иакапливается и того медлеииее. Чтобы иа поле образовался пахотиый слой почвы, примерно в 18—20 сантиметров, то есть такой глубииы, какая

необходима, чтобы вырос хлебный колос, понадобилось несколько тысяч лет.

Жить почва, как хорошо отлаженная саморегулирующаяся система, может неограниченно долго. А умирает иногда быстро и необратимо.

В наши дни темпы «умирания» почвы, особенно в развитых капиталистических странах, крайне убыстряются.

Чтобы проследить, когда это началось, надо вернуться на многие тысячелетия назад, к тем временам, когда человек, перестав быть покорным сыном природы, начал все больше вмешиваться в ее дела.

Тысячелетиями леса вырубались для разных человеческих потребностей. Казалось, их запасы неистощимы. Но там, где лес, главный хранитель влаги и почв, отступал на больших пространствах, оставалась беззащитной земля. И это грозило неприятными последствиями, особенно в засушливых зонах мира.

Бесчисленные стада в древности вытоптали, выщипали травы некогда цветущих равнин Северной Африки, Ближнего и Среднего

Востока, Передней Азии. Обнажились близко лежащие к поверхности пески, двинувшиеся затем на окрестные плодородные земли. Кочевое скотоводство древности, как предполагают ученые, наряду с естественно-климатическими причинами во многом повинно в возникновении современных пустынь, включая величайшую из них — Сахару.

В Средиземноморье, где возникали древние центры цивилизации, были истреблены вечнозеленые горные леса. Из них строились дворцы и храмы, морские флотилии первопроходцев и завоевателей древности. Их сжигали в печах и кузнечных горнах. Распашка и неумеренная пастьба окончательно оголяли скалы. Особый вред при этом наносили козы, беспощадно обгрызавшие ветки, побеги, молодые ростки деревьев.

Проходили века. Вместо естественных ландшафтов повсюду возникали другие — созданные человеком сельскохозяйственные угодья. Они были необходимы человеку, но при глубоко нарушенном природном равновесии переставали быть саморегулирующимися. Ими надо было управлять, а человек делал это далеко не всегда грамотно и разумно.

Особенно тяжелые потери почва понесла в последние 150—200 лет, когда природные богатства начал жестоко эксплуатировать капитализм. Предприниматели превращали землю в источник наживы, хищнически пользуясь ею. К тяжелым последствиям приводит, например, злоупотребление монокультурами — посевом на огромных площадях из года в год одних и тех же растений, дающих наибольшую прибыль. Но при этом в почве истощаются жизненно необходимые вещества, ежегодно уносимые с урожаем, накапливаются вредные, изменяется состав и число микроорганизмов и других живых существ. Хорошо отлаженная за тысячелетия природная система «почва — живые организмы» дает все более серьезные перебои.

Ослабленную почву высушивает солнце, развевают пыльные бури, размывают талые и дождевые воды. Возникает ускоренная эрозия — разрушение почвы, ведущее к ее гибели. Иногда один ливень или одна пыльная буря уничтожают почвы, на создание которых природа потратила тысячи лет кропотливого труда. За последнее столетие, по подсчетам французского ученого А. Гэррена, водная и ветровая эрозия уничтожили около двух миллиардов гектаров плодородных земель.

Огромные территории изымают из природы города и промышленные комплексы. На месте лугов и лесов вырастают заводские корпуса, шахты и нефтепромыслы, прокладываются дороги и высоковольтные линии. Они тоже необходимы в современной жизни. Но шагреневая кожа кормилицы-земли тает при этом со всевозрастающей скоростью.

Население планеты непрерывно растет. Сейчас оно составляет около четырех миллиардов человек и за сутки увеличивается примерно на 200 тысяч. Если такие темпы прироста сохранятся, то приблизительно через тридцать лет население земного шара удвоится.

Всем, и живущим ныне, и нашим потомкам, нужны дома и дороги, фабрики и заводы, электростанции и шахты. Значит, для их строительства и расширения надо снова изымать у природы живые куски земли. Но прежде всего людей надо кормить. А кормилица — все та же земля, которой становится меньше.

Сложившееся положение тревожит людей во всем мире. Все громче и решительнее голоса в защиту природы, в защиту земли, уничтожить которую порой легко, а возродить очень трудно.

Где же выход?

Время от времени звучат призывы: «Назад, к природе!»

Нужно ли доказывать, что такого пути у человечества нет. Какая сила способна остановить движение вперед науки, культуры, техники, повернуть историю вспять?

Тут уместно вспомнить остроумный ответ Вольтера на призыв Руссо вернуться в лоно природы:

— Я мерзну без одежды,— сказал он,— и, кроме того, я слишком стар, чтобы ползать на четвереньках и щипать траву. Я считаю, что человеку следует вернуться не в лоно природы, а к естественности.

Прогрессивные силы мира, и в первую очередь социалистических стран, указывают единственно верный путь: искать новые формы взаимоотношений между природой и человеком.

Научно-технический прогресс, усиливающий воздействие человека на природу, дает в его руки и могучие средства для ее возрождения.

Непременное условие успеха при этом — международное сотрудничество в охране окружающей среды. Все мы, земляне, в ответе за наш общий дом. От нас всех зависит, смогут ли внуки наши и правнуки услышать соловья не только в записи на пленку, найдут ли под сенью леса и ландыш, и кустики черники, и белый гриб. Только общими усилиями человечества возможно сохранить и обновить природу. К такому сотрудничеству давно и последовательно призывает Советский Союз.

Во многих странах мира приняты и проводятся специальные программы охраны окружающей среды, активно действуют общественные организации. В 1948 году создан Международный союз охраны природы, а в 1972 году Стокгольмская конференция ООН положила начало постоянной деятельности Организации Объединенных Наций по охране окружающей среды. Установлен Международный день охраны окружающей среды, который проводится ежегодно 5 июня. Организации, озабоченные судьбами природы, ставят вопрос об утверждении предельных норм окультуривания земель, чтобы значительная часть планеты Земля сохраняла и впредь свои неповторимые ландшафты, естественные природные сообщества.

А как при этих условиях быть с той землей, что занята сельскохозяйственными угодьями? Советские ученые видят здесь единственно верный путь в высокой культуре земледелия. Только она позволит получать от земли гораздо больше, чем потребует быстрый рост населения.

Вот и возвращаемся мы из путешествий по временам и странам на пашню, с которой подняли комочек земли. На наше русское поле. Ему посчастливилось больше, чем многим другим. В нашей стране сбережению природы уделяется неослабное внимание. Одним из первых законов Советской власти был ленинский декрет, объявивший землю и другие природные богатства страны всенародной собственностью.

Важнейшие государственные решения об охране природы и улучшении использования природных ресурсов приняты в последующие годы. Пять лет назад вступило в силу постановление Верховного Совета СССР «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов». Курс на всемерную охрану природы подтвердил XXV съезд КПСС. Все советские законы, имеющие отношение к природе, утверждают благородную цель: достижение гармонии между обществом и природой как неотъемлемой части строительства коммунизма. И в этом также проявляется коренное отличие социалистической системы от капиталистической, где меры по сбережению природы вступают в глубокое противоречие с интересами господствующих классов и потому встречают большие затруднения.

Возьмем одно из последних решений Советского государства. Оно касается непосредственно нашего среднерусского поля.

Нечерноземье... Обширная зона России, вместившая 29 областей и автономных республик, раскинувшая только сельскохозяйственные угодья на 52 миллионах гектаров.

Но земля-кормилица тут исстари небогата. В самом названии — Нечерноземье — главная черта. Нет здесь раздольных черноземных степей, а больше подзолы да глина, болота да мелколесье, у которых надо отвоевывать клочки пашни. Мало в земле основы плодородия — перегноя. Оттого испокон веков в деревнях средней полосы России в дореволюционное время жилось трудно. Еле перебивались от урожая к урожаю тощим зерном, а то и не могли свести концы с концами. А населена эта зона всегда была густо.

В наши дни здесь разместились и продолжают расти крупнейшие города и промышленные центры. Уже сегодня в Нечерноземье живет почти половина населения Российской Федерации. Земля, пашня, соответственно год от года убывает в размерах. В этих условиях даже при большой помощи государства, которая и прежде оказывалась небогатой плодородием средней России, приходилось ей больше всего надеяться на хлеб из других районов.

Все мы читали постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», опубликованное весной 1974 года. Радовались тем крутым переменам, которые произойдут в жизни среднерусского края. Вероятно, они отзовутся благотворно и на других зонах.

В постановлении говорится: «Считать важнейшей общегосударственной задачей обеспечение высоких темпов развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР на основе всемерной его интенсификации, широкой мелиорации земель, комплексной меха-

низации и химизации, более полного использования в производстве достижений науки, техники и передового опыта».

Основным звеном, которое должно помочь в возрождении среднерусских земель, в постановлении названа мелиорация. «Мелио» — значит «лучше». Наука о земле — почвоведение и наука о том, как эту землю сделать лучше, должны послужить ключом, который откроет двери плодородию.

Чаще всего под термином «мелиорация» понимается осушение или орошение земель. А мелиораций, оказывается, существует много. Кроме гидротехнических — осушения и орошения есть химические мелиорации — удобрение, известкование, гипсование. Это и снегозадержание, и защитные лесные полосы, и многое другое.

Известный советский почвовед, член-корреспондент АН СССР В. Ковда определяет систему мелиораций как «научный метод управления сельскохозяйственными почвами, который должен заменить все прежние, «деспотические» меры воздействия на них. С помощью мелиораций,— считает он,— наконец, удастся создать управляемые и долго живущие искусственные биогеоценозы, несравненно более продуктивные, чем естественные».

На поля Нечерноземья в дополнение к уже имеющимся двинутся новые сотни тысяч машин, которые помогут превратить болота и прочие «неудоби» в плодородные поля. Еще более усилится роль науки. По всей зоне создаются ее посты. Их задача — научить земледельца выращивать два-три колоса там, где рос один. Ученые уже трудятся над созданием таких сортов сельскохозяйственных растений, которые полностью отвечали бы требованиям высококультурного земледелия.

Если смотреть дальше, сельскохозяйственная наука в содружестве с другими отраслями науки и техники намечает и такие дерзновенные планы, как определение состояния почв и посевов на расстоянии с помощью космической техники, широкое применение новых открытий биологов.

Так будет. Но в общих государственных усилиях по сохранению, защите земли-кормилицы и усилиях тружеников сел сегодня же, каждый день непременно необходимо участие каждого из нас. Независимо от места жительства и рода занятий.

Правила поведения тут предельно просты.

Если ты строишь дома на вчерашней пашне, не хорони ее под грудами мусора. Не забудь сберечь ее верхний плодородный слой. Нашим могучим машинам ничего не стоит предварительно снять со строительной площадки живой коврик пахотной земли толщиной в несколько сантиметров. В нем тысячелетняя работа и жизнь биокосного тела. Она пригодится на ближайшем поле, в парке, сквере или саду, которые вырастут рядом с новостройкой. Если прокладываешь трассу, роешь котлован, постарайся не калечить окрестных деревьев, не наносить земле лишних травм.

Если ты просто выехал за город отдохнуть, помни, пожалуйста, заповедь: «Ты в гостях у природы. Постарайся не делать ничего, что считал бы невозможным делать в гостях».

Да и в самом городе стоит быть с природой побережнее. Ведь часто, спеша по своим делам, мы пробиваем тропинку через свежую зелень газона. Или безмолвно смотрим на иных «любителей природы», волочащих целые снопы зря загубленных где-то полевых цветов, черемухи.

Возле нас, где бы мы ни жили, должна жить и цвести земля. Потому что природа — не только первоисточник всех материальных благ в жизни человека. Она — незаменимый и вечно живой источник здоровья и духовного богатства человечества во все времена. Она прекрасна. Чем разумнее человек построит свои отношения с ней, тем богаче и красивее будет его жизнь сегодня, завтра и во все времена.

Людмила Якубенок

В стране великих гор

Очерк

Самолет с усилием перевалил через горы и повис над обширной котловиной. Колыбель Непала — долина Катманду!

Какие яркие и чистые краски! Ничего похожего на Индию, которая много часов перед этим плыла под самолетом, закрытая пыльной вуалью: однообразная плоская сетка квадратных полей, окрашенных в блеклые тона, ряды коричневых крыш, отдельные раскидистые деревья или группы пальм, белые русла рек...

А здесь на прозрачном голубом небе сверкает солнце и ласково освещает выпуклую рельефную картину. Прежде всего бросаются в глаза светло-зеленые ступенчатые холмы. Плавно изогнутые ступени поднимаются до вершин, то крутые, то пологие, и создают впечатление муарового узора. Там, где ступени полого спускаются к речкам, узор блестит, переливается...

Подальше, на фоне горных кряжей, выделяются странные стогообразные возвышения; на верхушках одних красуются гигантские снопы бамбука, других — одинокие деревья. Рыжие оползни и полосатые домики разнообразят палитру. Домики обмазаны рыжей глиной, а до половины высоты выкрашены в карминно-красный цвет.

А вот и город. Нет, скорее несколько городов. Россыпь строений постепенно сгущается в центры, плотные коричневые массы. Сверху — сплошные крыши. Местами возвышаются постройки, похожие на массивные елки, видны квадраты дворов...

Сейчас в Непал ведут и воздушные, и наземные пути. В 1956 году в стране появились первые шоссейные дороги, а прежде сюда можно было попасть только по узким горным тропам. Главное же, в королевство не было въезда иностранцам, особенно европейцам. Непал оставался закрытой страной.

Лишь в 1951 году засов отодвинулся, двери распахнулись и стали пропускать дипломатов, торговцев, туристов из всех стран мира.

Это произошло в царствование махараджи Трибхувана, деда Бирендры Бир Бикрам Шах Дева, который правит Непалом сейчас. Трибхуван был последним номинальным махараджей. В течение ста лет все его предшественники никакой роли в судьбе своей страны не играли и фактически являлись пленниками могущественного семейства феодалов Рана. Два века назад Рана правили в своем небольшом княжестве. Но после образования Большого Непала им удалось захватить верховную власть в стране. Рана занимали все главные государственные должности, в том числе и пост премьер-министра, передача которого по наследству была официально узаконена.

Боясь малейших перемен, Рана пытались законсервировать жизнь страны. Непал оставался изолированным от внешнего мира.

Правда, тропа, проложенная через всю страну с севера на юг босыми ногами носильщиков тяжестей, не зарастала. Здесь пролегал древний торговый путь из Индии в Тибет, он приносил непальским правителям немалый доход.

При Рана в Непале все застыло без движения: религия, культура, облик городов, одежда людей, обычаи, нравы... Прежде всего это касалось общественно-политического устройства страны: оно сохранялось феодальным с остатками рабовладения.

Огромную роль в этом сыграла религия. Древняя, неколебимая, всесильная... Она и теперь много определяет в жизни каждого непальца от рождения до смерти: чем заниматься, когда отдыхать, что есть, что носить, в каком доме жить, когда какие церемонии проводить...

В Непале господствуют индуизм, вобравший в себя и буддизм (точнее — тибетский ламаизм), и анимистические культы. Такой религии не встретишь больше ни в одной стране мира. Какую смесь обрядов и канонов она собой представляет! На одной тесной площадке часто можно видеть индуистские пагоды и буддийские чайтьи. «Поклоняться Будде — значит поклоняться Шиве»,— говорится в священной непальской книге. Некоторые различия в ритуальных церемониях, конечно, есть. На юге страны больше сходства с индуизмом, на севере — с тибетским ламаизмом. Индуизм, возникший несколько тысячелетий назад, делит человеческое общество на сословные группы — варны и касты. Варн четыре: брахманы (жрецы и священники), чхетри, или кшатрии (воины во главе с правителем), вайшо, или вайшья (крестьяне, торговцы, высшие касты ремесленников), и шудра — ремесленники низших каст, уборщики и прислуга. Две низшие, последние варны состоят из многих каст, объединяющих группы людей по их занятиям, по профессии. В каждой касте есть еще много подкаст. Люди, потерявшие связь со своей кастой, составляют группу неприкасаемых. К ним же относились и рабы. Сейчас официально нет ни неприкасаемых, ни рабов. Рабство отменено в Непале в 1924 году, а неприкасаемых уже три раза (в 1948, 1951 и 1962 годах) указами правительства уравнивали в правах с другими кастами и называют теперь по-другому. Но, следует заметить, что от указов до полноправия всех каст — дистанция огромного размера.

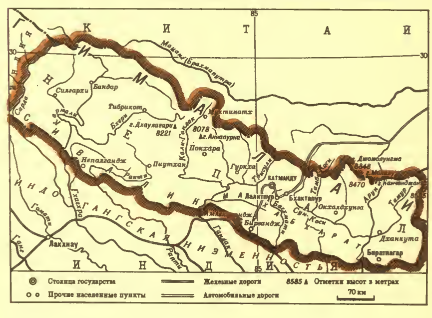
Принадлежность к той или иной касте определяет социальное положение непальца. Если он родился в семье горшечников, например, то и может быть только горшечником. Так на роду написано. Каноны индуизма очень жестки. Чуть что — человек изгоняется из рядов касты, становится неприкасаемым, то есть полностью бесправным и всеми презираемым. С ним вместе не будут ни работать, ни есть, ни пить, ни курить...

Земля в Непале принадлежала (впрочем, и теперь принадлежит) заминдарам — крупным землевладельцам (они же, как правило, были и ростовщиками), которые отдавали ее в аренду крестьянам. Арендная плата составляла больше половины урожая. Сейчас она несколько снижена и по закону не должна превышать половины урожая.

Крестьяне обрабатывают землю мотыгой с короткой рукоятью, сажают рассаду риса (это основная культура). Жнут рис серпом, обмолачивают вручную или при помощи пары буйволов, заставляя их ходить по снопам. Затем зерно подсушивают в жаровне и толкут в каменной ступе деревянными пестами, чтобы очистить от оболочек. Провеивают зерно так: один человек подбрасывает его лопатой, другой машет большой плетенкой, создавая ветер. Жернова мельницы приводятся в движение горными ручьями.

Роптать на свой жребий никому не полагалось, недовольство строго преследовалось. Никакой системы народного образования не существовало. Грамотных в Непале было всего два процента. Лечением больных занимались знахари. Промышленности не существовало, если не считать кустарных промыслов. Особые касты занимались кузнечным и ювелирным делом, изготовляли глиняную посуду, строили дома, украшали их...

Махарадже Трибхувану в декабре 1951 года удалось избавить Непал от тирании Рана. Это принесло некоторые перемены: в стране появился панчаят — пятиступенчатый выборный совет, была принята конституция. Непал открыл свои двери для иностранцев, установил дипломатические отношения с десятками стран, стал расширять торговые связи. Ныне Непал — член ООН, придерживается политики неприсоединения, делает шаги для развития экономики. В Непале строятся шоссейные дороги, заводы и фабрики...



Непал

Большую помощь здесь оказывает Непалу Советский Союз. В середине 1968 года уже работали переданные в дар непальскому правительству и народу сахарный завод в Биргандже, сигаретная фабрика в Джанакпуре, ГЭС в Панаути, госпиталь в Катманду и завод сельскохозяйственных орудий в Биргандже. В 1971 году вступила в эксплуатацию шоссейная дорога Симра — Джанакпур протяженностью 116 километров, построенная с помощью советских специалистов.

Приняты реформы, направленные на улучшение положения в сельском хозяйстве. В стране распространяется образование, появились автомашины, электричество, радио...

Конституция 1951 года провозгласила равенство людей всех варн перед законом, отменила многоженство и ранние браки.

Как видно, сдвиги наметились. Но новому всегда трудно пробивать себе дорогу, особенно в сфере социальной, бытовой. Поэтому в Непале сегодня можно увидеть наряду с новым и многое из того, что было и двести и пятьсот лет назад.

Непал — страна небольшая. Он протянулся на восемьсот восемьдесят километров с запада на восток и около ста девяноста километров с юга на север. Его площадь — сто сорок одна тысяча квадратных километров. На географической карте Непал выглядит небольшим прямоугольником, расположенным между двумя огромными азиатскими странами — Индией и Китаем. Но сколько здесь разнообразия и самобытности: климат, природа, население, облик людей, их обычаи... Впрочем, многое объясняет география.

Территория Непала гористая, ступенчатая. На юге проходит узкая полоса равнины в два-три десятка километров шириной. Это — тераи, часть Индо-Гангской низменности. Тераи лежат у подножня первой гряды гор Сивалик, за ней поднимается хребет Махабхарат (до трех тысяч метров над уровнем моря), а затем — собственно Гималаи (средняя высота главного хребта — около шести тысяч метров). Здесь, на территории Непала, находятся самые высокие на Земле вершины гор. Восемь восьмитысячников: Джомолунгма, известная под названием Эверест (8848 метров) (имеется еще одно название этой горы — Сагарматха), Канченджанга (8585), Макалу (8470), Дхаулагири (8221), Аннапурна (8078) и другие. Больше тридцати вершин (Гаэантхан, Хималхили и другие) превышают семь с половиной тысяч метров. А сколько шеститысячников! Это самое большое скопление величественных горных вершин на земле.

Вершину Сагарматхи человек покорил совсем недавно, в 1953 году. Первые люди, побывавшие на ней,— новозеландец Хиллари и непалец-шерп Тенсинг. Успешные попытки добраться до вершины Сагарматхи предприняли с тех пор и многие другие экспедиции. Но интерес альпинистов всего мира к покорению этой вершины по-прежнему велик, и очередь экспедиций, желающих совершить восхождение на величайшую вершину мира, расписана на много лет вперед.

Реки Непала берут свое начало на ледниках Главного Гималайского хребта. Двенадцать наиболее крупных пересекают северную

часть страны. Свободному течеиию преграждают путь гряды гор. Но вода пробивает преграды, и реки устремляются иа юг, к великому Гангу, который они питают.

Непальские реки, берущие начало на ледниках Гималаев, текут только по южиому склоиу хребта, даже когда начинают путь на северном склоне. Таковы, например, Аруи и Кариали. Истоки их на северном склоне, но оии прорыли очень глубокие узкие ущелья в толще ледников и гор и устремились на юг.

Характер непальских рек непостояиен. Зимой это маленькие речки или ручьи, бегущие по широким руслам. Небольшие притоки совсем пересыхают. Но с первыми дождями реки превращаются в ревущих чудовищ. Стремительные потоки ворочают огромные валуны, подмывают берега, вырывают с корнями деревья, намывают отмели...

Рыба здесь разиообразиая. Это форель, карп, барбус, угорь, сом... Рыбы много и в озерах. В Непале насчитывают 50 гориых озер. Наиболее интересные из них Госайнкунда, Пхева, Рара и Бегнас-тал *.

Госайнкунда-тал находится высоко в горах, иа высоте около пяти тысяч метров над уровнем моря; его питают ледники, расположенные несколько выше. В свою очередь озеро служит истоком реки Трисули. Очеиь труден путь к озеру. Нужно преодолеть много подъемов; некоторые из них так круты, что по ним взбираются ползком. Путь пересекают несколько горных речек... Но все эти препятствия ие останавливают множества паломников, которые раз в год, зимой, устремляются к озеру, которое почитается священным. Не всем это удается. А те, кто достигает цели, располагаются на берегу, долго смотрят иа темную гладь воды. Одни видят в ией самого Шнву в разных положениях, другие видят своих родных, близких, живых или умерших.

Озеро Пхева — одно из самых больших и красивых в этом районе Азии. Оно раскииулось возле высоких лесистых гориых кряжей, окаймляющих долину Покхара. Славится озеро тем, что на нем есть иебольшой плавающий остров, иа котором построен маленький храм богини Барахи Бхагбати.

Озера Рара и Бегнас также иаходятся в долиие Покхара. В их лесистых окрестностях водится много диких животиых, поэтому район этот объявлеи заповедником.

В зависимости от высоты климат в Непале меняется от тропического в тераях до арктического иа вершинах Гималаев, где над вечным льдом бушуют снежиые бураны.

Между этими крайними точками располагается почти вся гамма климатических условий. Столь же разнообразиа и растительность. Здесь много труднодоступных мест, где едва ли ступала нога человека. Непальские горы молоды, процесс их образования еще не закончен. Они имеют очень крутые, ииогда отвесиые склоны.

* Тал на языке непали, который является государственным языком в Непале, означает «озеро».

Много ущелий, встречаются гроты. Есть и болота, и буйные зеленые заросли, то есть все то, что необходимо для привольного житья всякого зверья, пресмыкающихся, насекомых.

Климат тераев разнообразят два периода: сухой, который длится с октября по май, и дождливый, связанный с муссоном,— с июня по сентябрь. Дневная температура в это время — около сорока градусов, а влажность близка к ста процентам. Условия, как в парильном отделении русской бани!

В восточной части тераев в муссонный период выпадает до двухсот пятидесяти сантиметров осадков, в средней их части — наполовину меньше. В некоторых горных долинах так же влажно, как в тераях, в других — очень сухо (западные и северные районы).

На высоте больше двух тысяч метров зимой выпадает снег.

Резких границ климатических поясов здесь нет, как и разграничения растительного мира. От кромки вечных снегов к тераям растительность становится все богаче. На высоте около пяти тысяч метров растет только трава и мох. Ниже появляются хвойные кустарники, затем — сосна, пихта, береза, рододендрон...

На склонах Махабхарата уже смешанный лес: дуб, клен, граб, гималайский кедр, сосна, ель, лиственница, эвкалипт, кипарис, тисс, можжевельник... А в плодородных долинах, например Катманду и Покхара, появляются субтропические растения: мандарины, лимоны, грейпфруты, бананы, папайя, ананасы, хурма, инжир, гранаты...

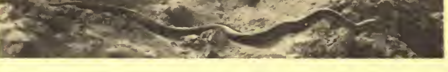
Особенно богат растительный мир тераев и гор Сивалик. Здесь перемешались растения трех поясов: тропического, субтропического и умеренного.

Джунгли — это сплошная стена зелени в период дождей и плотная мягкая крыша на столбах в сухой период. Каких только листьев не встретишь! Мелкие и очень крупные, круглые и продолговатые, зубчатые, с колючками, шипами, ворсинками, гофрированные или гладкие, глянцевые и будто покрытые эмалью. Большинство листьев, да и трава в тераях, жесткие, сухие.

Из древесных пород очень распространен сал. Его листья похожи на дубовые, только значительно крупнее. Сал — прекрасный строительный материал, прочнее дуба. К строительным породам относятся также тик, чамп, семал, тун, сиссу, карма, калусрис, асна, волнат, красное дерево — всего более пятидесяти. Есть деревья, содержащие ценные смолы, соки, ароматические вещества, яды... Одни находят применение в медицине, косметике, кулинарии, другие — в промышленности.

В тераях растут магнолии, источающие во время цветения сладкий дурманящий запах, пипал — священное для буддистов дерево, цветом коры и формой листьев напоминающее тополь.

Цветок рододендрона — одна из многих эмблем Непала. Это — соцветие жестковатых тонких сморщенных чашечек с пучком бело-черных тычинок в центре. Во время цветения рододендроны — эти полукусты-полудеревья с резкими переломами ветвей, на которых веерами располагаются длинные узкие листья и крупные сиренево-красные цветы,— очень эффектны.



1

2

3

1. Ступени полей поднимаются до самых верхушек гор
2. Уборка сахарного тростника в тераях
3. Змею можно встретить на любой дороге

Растет здесь и баньян — огромное дерево со множеством воздушных корней, тоже священное для непальцев: оно олицетворяет в противоположность пипалу не женское, а мужское начало. Иногда баньян и пипал растут рядом, и тогда под ними некоторые непальские племена проводят свадебные обряды.

В джунглях царит полумрак даже зимой, когда от подлеска и травы остаются одни голые прутья и хорошо видны рыжие термитники, так похожие на непальские горы в миниатюре. А летом буйная поросль делает лес почти непроходимым. На открытых местах вырастает слоновья трава, густая, жесткая и такая высокая, что скрывает лошадь с седоком.

В Непале обитают самые крупные на Земле в настоящее время животные: слоны, водяные буйволы, яки, олени шести видов, в том числе олень мускусный, антилопы, кабаны, горные козлы. Встречаются совершенно удивительные горные бараны. Рога у них цвета слоновой кости с глубокими поперечными морщинами. Длина рогов достигает полутора метров.

Здесь обитают обезьяны нескольких видов, десять видов семейства кошачьих: тигры, пантеры, леопарды пятнистые и снежные, рыси, дикие кошки... Водятся бурые и черные медведи, волки, шакалы, лисы.

В стране сохранились такие редкие животные, как носороги, дикобразы, красные гималайские еноты, чешуйчатые муравьеды, мышезайцы, землеройки.

А разве не удивительно, что в горной стране водятся... крокодилы?! В тераях на границе с Индией они живут во многих реках. А в реке Нарайяни еще водятся и пресноводные дельфины — редчайшее животное.

Богат и мир пернатых в Непале. Здесь их более пятисот шестидесяти видов. Ученые говорят, что некоторые из этих птиц обитают только в Непале. Вот птица из семейства фазанов: буро-оранжевый цвет шеи и грудки плавно переходит в голубовато-зеленый, хвост оранжевый; на голове две зеленые «веточки», за что, видимо, и называют эту птицу рогатой. Именуют ее на непали данпхе. Ее изображение — национальный символ — красуется на гербе Непала.

И еще нельзя не сказать хотя бы несколько слов о змеях. Они в Непале чрезвычайно разнообразны. Это и огромные питоны, толстые, как бревно, и королевские кобры, длинные змеи разного цвета (коричневые, зеленые, золотые, серебряные), и маленькие черные змейки, стрелки и минутки, названия которых звучат как грозное предупреждение... Змеи водятся не только в лесу или на полях, но и в городах, и в самой столице Катманду. Непальцы относятся к змеям терпимо, что объясняется их религиозными представлениями. Змей не убивают. Я видела, как непалец переселял змею со своего огорода в другое место. Он подцепил змею на палку и спокойно, бережно перенес через дорогу и пустил в болото.

— Не надо бояться змей! — уверяли меня в Непале. — Если змея обвилась вокруг вашей ноги или руки, надо просто ее стряхнуть на землю.

Но все же, видимо, не все в Непале так хладнокровны в обществе змей. Однажды днем, когда я шла со своей знакомой по магистральной улице Катманду, вдруг к нам поспешно подоежали взволнованные мужчина и женщина и предупредили об опасности: по краю проезжей части дороги быстро двигалась, волнообразно изгибаясь в вертикальной плоскости, черная лента. Это была очень агрессивная и ядовитая змейка — стрелка.

Едва ли есть люди, которые считают соседство со змеями приятным или хотя бы безопасным. Но те, кто живет в таком сообществе, привыкли к нему и спокойно спят в своих постелях... правда не на первом этаже. А с наступлением темноты из домов не выходят или в крайнем случае берут с собой фонарь. Впрочем, в этих краях остерегаться надо не только змей, но и скорпионов, некоторых пауков, ос, красивых черно-рыжих мохнатых гусениц... Укус их или прикосновение к ним весьма опасны.

Многие непальские легенды повествуют о змеях. И сама долина Катманду, по преданию, была Змеиным озером. Здесь жили белые змеи — наги. Говорят, они и теперь встречаются. Мне, правда, не приходилось их видеть. А вот храм, посвященный богине змей Наг, я видела. Он находится на территории священного индуистского места Пашупатинатх. Храм построен в стиле непальских пагод, каких в долине Катманду очень много. На кубический кирпичный остов, поставленный на высокий ступенчатый фундамент, опираются три яруса своеобразных крыш. Квадратные в плане, четырехскатные, они уменьшаются с высотой. Верхняя крыша украшена группой колоколов. Крыши и колокола — золоченые — ослепительно сверкают под непальским горным солнцем.

С тех пор как Непал стал открытой страной, здесь поощряется туризм. Ведь туризм значительно пополняет запасы валюты в стране, не требуя больших вложений капитала. Поэтому в Непале строят много отелей, не только в городах, но и в горах, где туристы (если повезет) могут любоваться кроме горных красот еще и дикими животными или хотя бы слышать их голоса.

В 1972 году непальское правительство приняло меры к охране диких обитателей джунглей. Было намечено создать четыре национальных парка: Королевский Читван-парк, Лантанг, Сагарматха-парк и парк озера Рара. В парк Сагарматха входит несколько горных вершин во главе с Сагарматхой. Непальцы думают об охране этого уникального района, о правильной его эксплуатации и регулируют поток альпинистов. Официальные лица заявляют, что хотят сохранить район Сагарматхи не только для Непала, но и для всего человечества. Кроме того, объявлены заповедными пять зон, в том числе две реки — Карнали и Нарайяни.

Запрещена охота на носорогов, слонов, диких буйволов (считают, что их осталось только несколько десятков), диких яков, тигров, пятнистых и снежных леопардов, мускусных оленей, бурых медведей, красных енотов, муравьедов и других редких животных.

За охоту в национальных парках и заповедниках предусмотрен штраф в размере от пяти до пятнадцати тысяч рупий (огромная сумма) или заключение в тюрьму на срок от двух до пяти месяцев.

Строгие эти законы, видимо, сыграют свою роль. А еще недавно редких зверей уничтожали массами ради забавы. Есть, например, достаточно подробное описание охоты, организованной в честь высокого гостя из Англии, короля Георга V, который посетил Непал в 20-х годах нашего века. Охота проходила в районах, особенно богатых зверем, между реками Рапти и Раю. В ней использовали множество слонов. Охота так увлекла Георга, что от его руки погибли 21 тигр и 10 носорогов.

Непальцы умеют ценить красоту растений. В богатых усадьбах, принадлежащих семьям влиятельных лиц, вся земля превращена в сад. Похожих друг на друга садов нет. Здесь подбирают растения в зависимости от рельефа местности и так, чтобы круглый год в саду что-нибудь цвело. И в самом деле, даже в середине зимы, когда с низкого серого неба моросит холодный дождь, веранды больших зданий украшают крупные оранжевые цветы на темной зелени ползучих растений.

Опишу один не очень большой участок, где стоит несколько домов, сдающихся в аренду иностранцам.

От магистральной дороги к воротам усадьбы ведет узенький немощеный переулок. От ворот в глубину усадьбы идет широкая аллея из могучих тиссов. Мелкие листочки, расположенные елочкой, кажутся железными, так они жестки. В конце аллея раздваивается, огибает цветник в виде эллипса. За ним на невысоком возвышении виден фасад дома. Цветник огорожен подстриженным самшитом. Из центров эллипса поднимаются две веерные пальмы. Напротив входа в дом растут две юкки, магнолии.

Справа от цветника — стена лакированных суставчатых стволов бамбука, лапчатая зелень красиво склонилась почти до земли с высоты тридцати метров. А слева с высокого дерева круглый год низвергается поток из сиренево-розовых цветов.

В этой усадьбе несколько внутренних дворов. В одном растут фруктовые деревья: сливы, хурма, инжир: в другом — мощная сосна с хвоей более длинной, чем у нашей сосны, а под ней куполообразный кустарник, почти всегда покрытый розовыми цветами; в третьем по углам растут камелии — пирамидальной формы куст в два метра высотой с сине-зелеными листьями в виде сердечка. На этом темном фоне особенно нежно выглядят бело-розовые цветы.

Тераи — это житница Непала, хотя развитию этого района еще лет десять назад очень мешали комары, вызывающие тяжелую лихорадку. Но теперь многое делается для оздоровления климата тераев.

Здесь летом выращивают рис, сахарный тростник, джут, табак, бананы, горчицу; зимой — пшеницу, кукурузу и овощи. Культивируются манго, ананасы, папайя...

Для цитрусовых, винограда и яблок в тераях слишком влажно. Но повыше, в горах, теперь появляются сады и виноградники. Приблизительно на этой же высоте в районе Илама (восточный Непал) выращивают чай. В последние годы его плантации расширяются. Чай хорошего качества, в нем много танина, он ароматен.

4 | 5 | 6

7

4,5 и 6 Непальцы разных этнических групп:
а) женщина из тераев;
б) крестьянин горного района;
в) неварка из долины Катманду
7. Девочка-пастушка с буйволицей

Фото В. Н. Якубенка

Илам славится и орхидеями. Фантастические эти растения, корни которых не нуждаются в земле, поражают богатством форм н оттенков. Мне довелось видеть непальские орхиден только в ботаническом саду в Катманду, где коллекция их сравнительно небольшая. И все же сад стонт посетить, когда там цветут орхидеи.

Наверное, нет таких фруктов, овощей или ягод, которые нельзя было бы вырастить в Непале. В долине Катманду, иапрнмер, отличные персики, абрнкосы, сливы, лимоны, грейпфруты, хурма, инжир, клубника, ежевнка, малина, смородина... Правда, не все это увидишь на рынке: не распространено. В Непале употребляют свои исконные полудикие плоды. Их большое разнообразне. Одни нам кажутся совсем безвкусными, другие, наоборот, чрезвычайно острыми.

Непальцы любят острые приправы. После сбора урожая длинные связки красного перца, чеснока н лука увидишь под крышей почти каждого дома.

В Непале живет около 11,5 млн. человек; среди них много народностей и племеи, говорящих иа своем языке, сохранивших до наших дней самобытность и автономность. Горы долго ограждали эти племена от всяких внешних влияний.

Считают, что в стране больше пятидесяти народностей н племен. Главные из них в среднем Непале — невары, кхасы, кираты, ран, лимбу, таманги, магары и другие. В тераях — тхару, денвар, маджхи, в севериых районах — шерпы, лхоми, тхудам.

Непальцы-горцы говорят на тибето-непальских диалектах, исповедуют ламаизм, носят одежду из домотканого сукна и вышитые цветной шерстью мягкие сапогн с острым загнутым носком на высокой платформе.

Население же теплых районов в большинстве своем обходится без обуви, одежду носит легкую. У женщин — сари, у мужчин в среднем Непале — костюм из домотканого полотна: светлые штаны в обтяжку н очень длинная рубаха. Ворот отделан стоячей бейкой, она идет вокруг шеи, спускается по груди направо и завязывается тесемками у подмышки. Костюм завершает черная безрукавка (или европейский пиджак) н топи — шапочка своеобразного покроя, напоминающая армейскую пилотку. В тераях мужчины носят длинную рубаху и дхоти — кусок материи, обернутый вокруг бедер. Все иепальские женщины постоянно носят миого украшений. Но, конечно, это разные украшения. Различие их зависит от положения женщин в обществе. До 1951 года для низших каст были обязательными ограничения в одежде, которую они носили. Байшо н шудрам не полагалось носить богатых материалов, золотых украшений и драгоценных камней.

В горных районах население главным образом занимается разведением скота: буйволов, овец, коз с длинной серой шерстью н помесей яка с коровой, которых больше нигде не встретишь. Эти некрасивые животные очеиь сильиые н выносливые, они перевозят тяжести, на них можно пахать.

Зимой горцы спускаются в долины, чтобы продать скот, птицу, масло, шерстяные одеяла н купить рис, чай, ткани...

В последние годы Непал посещает множество туристов из Европы и Америки. Страна привлекает прежде всего своей самобытностью. Города долины Катманду и в самом деле поражают своим неповторимым обликом. Храмы, жилища и природа — все гармонично, составляет единое целое.

Храмы и дворцы построены из обожженного красного кирпича, а жилые дома — из сырца, они серые. Везде низко нависающие черепичные крыши опираются на подкосы. В бедных хижинах это просто косо поставленная доска, а в дворцах и храмах — настоящее произведение искусства... Подкосы представляют собой какое-либо фантастическое животное или украшены резными фигурками, орнаментом... Вообще резьбы так много, что все строение кажется кружевным, игрушечным.

Источники воды в Непале тоже имеют своеобразное оформление. Это разной величины углубления в земле прямоугольной формы, выложенные кирпичом или камнем. В одной стене сооружения находятся желобки, по которым стекает вода в бассейн. К бассейну ведут ступени. Сюда приходят за питьевой водой, здесь стирают белье и моются.

Дома строят на солидном фундаменте и с очень толстыми стенами. Это необходимо для устойчивости при землетрясениях, которые здесь нередки. Деревенские постройки отличаются от городских главным образом размерами и простотой, отсутствием украшений. Это прямоугольные коробки с прямоугольными же проемами маленьких окон и дверей. Хочешь войти в дом — нагнись. Проем закрывает одностворчатая массивная дверь; к ней обычно ведет несколько ступенек, на которых так любят сидеть в свободное время непальцы. В нижнем этаже, который служит складом и помещением для скота, пол земляной. На самом верхнем этаже находится кухня, ниже — спальни. Мебели нет нигде. Это не относится к состоятельным семьям. В их домах у каждого члена семьи своя комната, у бедняков спят всей семьей на подстилках, положенных на пол. Утром спальные принадлежности сворачивают и кладут у стены или просушивают на окне.

В кухне тоже вся нехитрая утварь находится на полу. Кухня, где готовят пищу и едят, разделена чертой, канавкой, сделанной в глиняном полу. Канавка делит помещение на две части: в одной находятся очаг, посуда, продукты, другая часть служит столовой: здесь едят, сидя на полу на корточках или скрестив ноги. У каждого члена семьи есть свое собственное место, где он всегда и располагается со своей миской. Младшие не могут занимать места старших братьев и сестер.

За черту на кухне заходят только взрослые. Дети не имеют права это делать. Им, кроме того, не разрешается есть в компании взрослых, они едят отдельно.

Мальчики допускаются за черту на кухне после прохождения церемонии нитки, которая причисляет их к взрослым. А девочки получают права замужних женщин после церемонии белбибах: девочки шести — восьми лет обручаются с фруктом бел и считаются вступившими в священный брак. Этот брак, разумеется, чисто

символический. Но когда в свое время девушки выйдут замуж, этот брак будет иазываться вторым. Церемоиия белбибах существует только у низших варн. В семьях же брахманов девушки считаются взрослыми после выхода замуж, ио тогда оии покидают дом родителей.

В последнее десятилетие вместе с переменами, происходящими в Непале, иамечается иекоторое упрощение обрядов.

Прогресс, достигнутый страиой за последние двадцать лет, бесспореи. Однако Непалу предстоит еще проделать немалый путь для преодоления экоиомической и культурной отсталости — тяжелого иаследия полуколоииальной зависимости и феодализма. Но у трудолюбивого и мириого иепальского иарода есть тяга к иовому, лучшему, к зиаииям, к перемеиам. И ои добьется иовых успехов на пути улучшения своей жизни.

В. Песков «ЧАЕПИТИЕ У ТОЛБАЧИКА»

1. **Вулкан Толбачнк заработал**
2. **Извержение вулкана ночью впечатляет**
3. **Из жерла нзливаются потоки лавы**

Фото автора

Л. Якубенок «В СТРАНЕ ВЕЛИКИХ ГОР»

1. Посадка риса
2. Долина Покхара. Вдали — гора Аннапурна
3. На празднике Шиваратри в священном месте Пашупатиннатх
4. Весна в долине Катманду
5. Летучие собаки днем спят на дереве, повиснув головой вниз. Вокруг деревьев конусами сложены початки кукурузы

Фото В. Н. Якубенка

Республика солнца, труда и песен

Фотоочерк

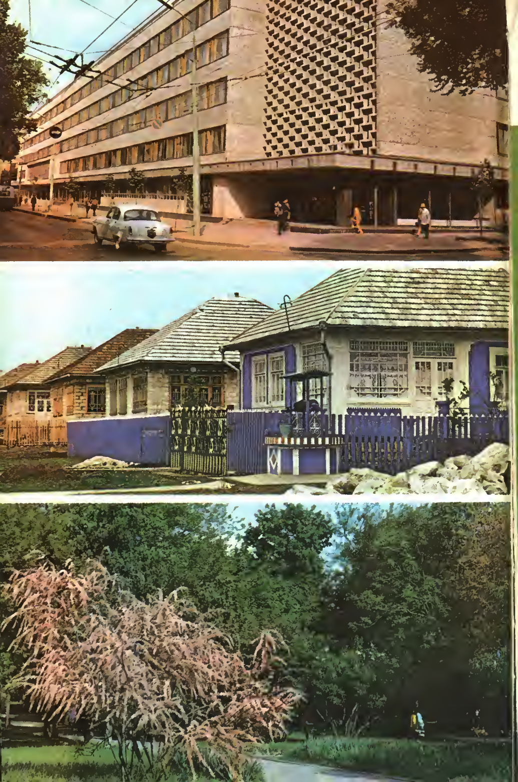
На юго-западе Советского Союза, по берегам Днестра и Прута, раскинулась по холмам и просторным долинам солнечная республика Молдавия. С севера на юг она простирается на 350 км, с запада на восток — от 20 до 150 км; ее площадь всего 33,76 тыс. кв. км. Но на этом сравнительно невеликом пространстве плотность населения самая большая среди союзных республик: 105 человек на квадратный километр!

Плодородные земли, обилие солнца, мягкий климат и своеобразный рельеф как бы самой природой созданы для сельского хозяйства. За годы Советской власти в республике значительно выросло производство плодов и фруктов, винограда, овощей, табака, эфироносов... Создание аграрных комплексов по производству зерна, мяса, молока, птицы, организация высокопроизводительных межколхозных пальметных садов-гигантов преобразили лицо республики.

Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду КПСС назвал Молдавию в числе тех областей и республик, опыт которых «говорит о том, что большие возможности быстрого роста объемов производства, серьезного повышения производительности труда и снижения себестоимости заложены в специализации и

коицеитрации произаодства иа базе меж-хозяйстаеиного кооперирования и агропромышлениой иитеграции».
Наряду с сельскохозяйствеиным производством гармоиичио разаивается и промышлениость республики. По срааиеиию с 1940 годом, когда Молдавия вошла в семью братских советских республик, промышлениость ее аыросла а 20 раз и продолжает развиваться более высокими темпами, чем по Союзу в целом.
Преобладающая отрасль промышленности — пищевая, затем тяжелая и легкая. Молдавия произаодит аиио и коисераы, масло и сахар, табак и муку и многое другое. Продукция машииостроения и металлообработки за те же годы выросла более чем в 300 раз. Тракторы и электромашины, точные приборы и электроиика характерны для Молдавии наших дней.

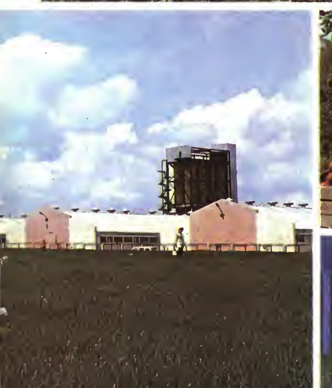
Большими шагами идет аперед электроэнергетика.
Красочные шелка и ткаии, трикотаж и одежда, обуаь, коары и художественные изделия создали слаау легкой промышлениости республики. Продукция молдааских заводоа и фабрик аыаозится более чем в 50 страи мира.
Молдавия — республика аысокой культуры. В ией создана Академия наук и сеть иаучных учреждений, аузоа, совхозоатехникумов, профтехнических школ. Ее искусство и литература, национальные по форме и социалистические по содержанию, составляют иеотъемлемое звено искусстаа, и культуры асех республик Соаетского Союза.
Молдавия — край дойн — вдумчивых песеи, искрометиого танца и вдохиовенных поэтов!



1. Живописные окрестности у села Гратиешты (на развороте)
2. Кишинев. Новое здание Дома печати
3. Одно из красивейших сел Молдавии — Ружница в Единецком районе
4. Исключительное внимание уделяется в республике декоративному садоводству. Этот уголок парка можно увидеть в районном центре Чимишлия
5. Кишиневская школьница в радостном настроении: у нее день рождения и ее ждут подарки

6. Овцеводство — традиционная отрвсль сельского хозяйства республики
7. Готовая продукция сельских виноделов
8. Погрузка готовой продукции иа Кишииевском трвкторном заводе
9. Среди зелеиых просторов колхозиых полей иередко можио встретить аккурвтные современиые постройки, такие, как этот свинокомплекс иа 54 тыс. голов в Чимишенах

10. Зреет солнечная ягода на совхозном винограднике
11. Богатый урожай садов совхоза «Прут» около г. Унгены
12. Впервые в Молдавии была построена специализированная ферма по производству индюшиного мяса. Техническая оснащенность фермы настолько высока, что ее обслуживают всего 20 операторов

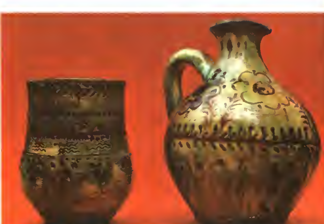


13, 14 **Произведения народных художественных промыслов — полотенца, платки, коврики, посуда и другие предметы быта можно увидеть не только на стендах выставок, но и на прилавках магазинов**

15. Ансамбль народного танца Кишиневского государственного университета

16. Придорожный колодец вблизи села Быковец художественно оформлен под птицу аист

Фото Е. Миранского, Л. Раскина, В. Акимова



Игорь Константинов. **Птичий рай**

Фотоочерк

Край этот называют раем для птнц. И действительно, во владениях пернатых — тростникоаые заросли, топкие болота, заливные луга, лесные чащобы, неглубокие заливы, морские остроаа. Тысячи птиц признали Матсалуский заповедник в Эстоиской ССР своим домом. Удивительно птичье постоянство. Из года а год летят птицы одинми и теми же дорогами к местам гнездовий и на зимоаки. Во время пролетов а заповеднике собирается колоссальное количество пернатых.

Долго петляет среди полей и лесоа полноводная Казари, ио перед впаденнем в море выпрямляется и стрелой несет свои воды в Балтику. Вместе с орнитологами заповедника плыву а лодке вниз по реке. И аот мы на морском просторе. Берем курс на остроа Колменасва. Чем ближе земля, тем больше птиц встречает иас. Остроа весь а нехитрых архитектурных сооружениях из сломанных тростинок. Это гнезда чаек. Средн них находим утиные. Оттуда при нашем приближении, громко хлопая крыльями, слетают хозяйки гнезд. Птицы, окольцоаанные в Матсалуском заповедике, зимуют в самых разных уголках земного шара. Это подтверждает ежегодный возврат колец. Их присылают из Дании и Южной Африки, Аиглии и Марокко, Алжира и Италии, Франции и Анголы.

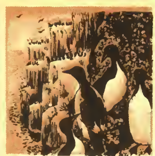
Кольцевание птиц дает возможность ответить иа загадки биологии периатых.
... Несколько часов не умолкал крик чвек на острове. Но за зто время здесь вырос лес из колышек с иомервми: все утиные гнездв были помечены. Идем к лодке. Теперь иаш путь ив остров Пвпилайд, твм живут гаги.
Вот ои перед иами. Гагачий пух, яйцв, и вдруг — ие мигая, смотрит на нвс большая коричневая птица. Это гага. Она крепко сидит иа гнезде, как и миогие ее сородичи. Но все же большинство гаг срыввются с гнезд, устремляются в море переждать там опвсиость.
Пора возвращаться. Солице опускается в синие волиы. Над лодкой проиосятся стайки уток. С иебольшого островкв поднялись кулики. А когда мы входили в русло Квзари, увидели плавающих лебедей. Но что это? Нв одном из них — ожерелье. Оказывается, помимо колец лебедям иадевают на шею синие ошейиики с иомерами и шифром, чтобы с большого расстояиия иаблюдать зв птицей. Речиым коридором подиимаемся вверх. На берегу стоят лоси, в небе кружат аисты, над тростниквми что-то выискивают луни. Летит гусиный кврвван.

1. Вольготно живется птицам в Матсалуском заповедике
2. Среди громадных камней гнезда птиц
3. Птенец полярной крачки
4. Знаменитая гага

5. Окольцевать взрослую птицу сложно. Орнитологи устанавливают автоматическую ловушку на гнезде
6. Скоро эти малыши закружат в стае белоснежных чаек

7. Лебеди — гордость заповедника

Фото автора



Симеон Д. Симеонов

Птицы над океаном

Большое разочарование ожидает всякого, кто, отправившись в далекое заокеанское путешествие, надеется повстречать многочисленных диковинных животных. Необъятны водные просторы нашей планеты. И до сегодняшнего дня никто не может утверждать, что науке известны все виды, обитающие в Мировом океане. Его животный мир богат и разнообразен, но океан ревностно хранит свои тайны. Днем и ночью корабль следует своим курсом, а вокруг тихо и спокойно, как в бескрайней пустыне. Только разгневанный Нептун время от времени нарушает это однообразие, но, стоит стихнуть ветру, огромные волны постепенно успокаиваются.

Пристально глядя на светло-голубую воду, нетерпеливый искатель приключений наблюдает за всплывающими на поверхность прозрачными зонтиками медуз. Он доволен, если удается заметить спинной плавник акулы, которая сопровождает корабль, а потом неожиданно исчезает. Он по-настоящему счастлив, когда представляется случай полюбоваться грациозными прыжками дельфинов. Но и они вскоре уплывают.

А вот воздушные просторы над морями и океанами кажутся менее пустынными. Многие представители мира пернатых тесно связали свою жизнь с этими просторами. В течение многих веков эволюции они приспособились добывать пищу, которую щедро предлагают им океаны и моря. Благодаря своим длинным крыльям морские птицы уверенно себя чувствуют даже во время сильных бурь и вольно реют над бушующей морской стихией. Среди морских птиц есть рекордисты в плавании и нырянии. Они чувствуют себя как дома не только высоко в небе, но и на гребнях волн, а преследуя добычу, ловко ныряют на большую глубину. Таким образом, морские птицы — неотъемлемая часть морской фауны. Не случайно известный зоолог Альфред Брем писал: «Морские птицы так прочно связаны с морской стихией, что только две причины могут заставить их вернуться на сушу: радостное чувство возрождающейся каждый год любви, стремление вырастить потомство и мрачное ощущение постепенной потери сил и приближения смерти».

Действительно, морские птицы почти всю свою жизнь проводят вдали от берегов. Им не опасны ни бури, ни высокие волны бушующего океана, ни морские хищники. Когда начинается период размножения, их вновь манит суша, и они устремляются к побережью материков и к островам в океане. Здесь встречаются десятки и сотни тысяч птиц. Каждая из них должна торопиться, потому что будущих родителей много, а мест, удобных для семейного очага, недостаточно. При таком остром «жилищном кризисе» запоздавшие могут пенять лишь сами на себя. На

оккупированных морскими птицами территориях образуются хорошо известные птичьи базары. Их можно встретить как в полярных, так и в умеренных и тропических областях. На западном побережье Новой Земли в период гнездования собирается более полутора миллионов морских птиц. Конечно, на различных географических широтах население птичьих базаров неодинаково. Одни виды любят холодный климат и быстро занимают освободившееся от снега скалистое побережье. Другие виды предпочитают экваториальные области и не боятся жгучего тропического солнца.

Весь день на птичьих базарах царит неописуемый шум. Соседи все время «разговаривают» друг с другом на непонятных, наверное, для других видов языках: одни — басом, другие — тенором. Этот шум слышен за несколько километров, и человеческий голос тонет в невообразимом птичьем гвалте. Так продолжается месяц-другой, пока вылупившиеся птенцы не оперятся и не начнут сопровождать своих родителей к морю, где получают первые уроки рыбной ловли. Они должны быстро усвоить способы добывания пищи, потому что вскоре им предстоит расстаться со взрослыми и начать самостоятельную жизнь. И вот в один прекрасный день, как по сигналу, огромные тучи птиц взлетают над островами и побережьями. Они делают несколько кругов, словно прощаясь с родными местами, и направляются к открытым морским просторам. Жизнь на птичьих базарах замирает. Только море продолжает шуметь, грохочет разбивающийся о скалы прибой.

Большинство морских птиц путешествуют по одним и тем же маршрутам. Но есть и настоящие морские кочевники — это буревестники, или трубконосы. Их известно свыше ста видов. У всех ноздри расположены в специальных трубочках клюва. Часто буревестников называют морскими стервятниками. Они полностью оправдывают это название, потому что с жадностью набрасываются на любую пищу: рыбу, морских беспозвоночных. Охотно поедают павших животных, пищевые отбросы, выбрасываемые с кораблей. Часто следуют за караваном китобойных судов, чтобы поживиться отходами переработки китов.

Крупнейшим представителем буревестников считается странствующий альбатрос. Это самая длиннокрылая птица: размах ее крыльев достигает четырех метров. Благодаря таким длинным и мощным крыльям альбатрос не боится сильных морских бурь. Он часами планирует над яростно ревущим морем. Он подолгу путешествует по бескрайним водным просторам, посещая почти все моря и океаны. Описаны интересные случаи его странствий. К шее одного альбатроса была прикреплена записка с точными координатами места поимки. Через двенадцать дней птицу обнаружили в 5837 километрах от этого места. С помощью кольцевания установлено, что другая птица за короткий срок удалилась на 10 тысяч километров. Когда начинается период размножения, альбатросы возвращаются из своего путешествия в родные места — на субантарктические острова, где гнездятся. Первыми прилетают самцы. Они занимают места для своих гнезд в окружении многочисленных соседей. Потом появляются и самки. Застыв в неподвижной позе,

они наблюдают за разнообразными брачнымн танцамн самцов и выбирают себе партнера. О единственном яйце в гнезде супруги заботятся вместе. Они высиживают яйцо в теченне 60 дней, а птенец обретает способность летать только через 40 дней после вылупления. Молодые альбатросы начинают странствовать по морям и через два года сами создают семейный очаг, возвратившись на родные острова.

Снежный буревестник — один нз самых маленьких. Эта красивая птица хорошо зиакома тем, кто бывал в Антарктике. Величиной она с голубя. У снежного буревестника снежно-белое оперенне, только клюв и лапы черные. Появленне этой птицы указывает на то, что корабль прнблизился к южным полярным областям и вскоре появятся огромные ледяные горы. Суровые полярные условия нипочем для сиежного буревестника. Вот как о нем напнсал однн нсследователь: «Нас очень удивлял снежный буревестник; маленький, подвижный и нежный, ои летит в море при встречном ураганном ветре со скоростью 75 миль в час. Иногда он спускается к пенящимся волиам н ловко хватает пищу — ракообразных, мягкотелых и маленьких рыбешек, которых заметил прн полете».

Этот буревестник вьет гнезда не только на побережье, но н зачастую далеко от воды, в щелях скал н других защищенных от ветра местах.

Когда корабль направляется к теплым водам тропнческих областей, часто на расстоянии 700—800 километров от суши над ним начинают парить красивые птицы с длинными серповиднымн крыльями. Это первые предвестники тропиков. Они делают над кораблем несколько кругов и долго сопровождают его. Таким образом они приветствуют корабль, прнбывающнй на нх родину, в страну вечного лета. Эти превосходные летуны — фаэтоиы. Вот как рассказывал о них одии из очевидцев: «Фаэтоны, несомненно, принадлежат к самым краснвым океанским птицам. Онн могут нзумнть каждого, кто видит, как отражается солнце в их прекрасном оперении, а наблюдение за нх полетом доставляет нстинное наслажденне».

Известны два вида фаэтонов — краснохвостый и белохвостый. Оии пересекают моря и океаны в тропических областях. Питаются рыбой н проявляют прн ее ловле нсключительную ловкость. Повиснув в воздухе н махая крыльями, они иаблюдают за водной поверхиостью и, когда замечают рыбу, бросаются вннз так стремительно, что нногда уходят под воду. Хватают рыбу и, размахнвая крыльями, всплывают.

Фаэтоны гнездятся иа пустынных островах, нногда даже иа кратерах потухших вулканов. Самка сноснт одно яйцо н высниживает его вместе с самцом. Птенец похож на маленькую пушистую снежно-белую подушку.

Ближайшие родственники фаэтонов — фрегаты. К ним относятся пять видов, обитающих в тропических шнротах. Фрегаты не любят далеко удаляться от берега. В тихую погоду они встречают корабли, находящиеся в 80—100 километрах от сушн, но стоит заштормить, и оин возвращаются. На земле онн, как почтн все

хорошие летуны, жалки и беспомощны. Чтобы взлететь, фрегаты должиы долго махать крыльями. Поэтому они иочуют иа высоких скалах или деревьях и иа рассвете, скользнув вниз, без труда взлетают. Взмыв высоко в небо, они чувствуют себя в своей стихии. Во время сильного шторма, когда огромиые волны вздымаются в океане, фрегаты словио борются с разгиеваниым Нептуном. Они соперничают в скорости с буревестниками и превосходят их в ловкости. Но когда море устало затихает и теплые лучи солнца иачинают ласкать гладкую поверхность воды, фрегаты взлетают в голубое безоблачиое небо н долго, весь день летают там.

Крылья, длинные, сильные крылья создали фрегатам завидную славу непревзойденных летунов. Но, намокнув, они превращаются в тяжелые гирн. Поэтому, охотясь за добычей, фрегаты избегают воды. Обычно они нападают на летающих рыб, которые, спасаясь от хищников, взлетают иад водой. Зачастую фрегаты ведут себя как настоящие морские пираты, грабя других пернатых. Когда какая-иибудь птица хватает добычу, фрегат с грозным видом устремляется к ней. Птица испуганно роняет рыбу и летит прочь. Прежде чем рыба упадет в воду, фрегат молниеносно хватает ее в воздухе и заглатывает.

Фрегаты гнездятся на иебольших вулканических островках, которые иногда дают приют сотням птиц. В период гиездования перья иа шее самца выпадают и кожа окрашивается в ярко-красиый цвет. При приближении самки он надувает шею, всячески демоистрируя эту красивую часть своего тела. Фрегаты вьют гнезда иа высоких скалистых берегах. Строительного материала здесь мало, н поэтому каждая пара стремится похитить его у соседей. Это нередко приводит к ожесточеиным распрям между птицами.

В тропических, умерениых и поляриых областях севериого полушария часто можно увидеть рыбоедов. Эти птицы живут стаями и занимаются коллективной ловлей рыбы. Птицы летят низко над водой одна за другой. Когда они замечают косяк рыбы, пикируют вниз, проворно иыряют и преследуют добычу под водой.

В брачный период вместе со миогими другими видами тропических птиц рыбоеды селятся иа птичьих базарах. Гнезда вьют на земле, выстилая их травой. Самки несут одно-два яйца. Высиживают птенцов рыбоеды почти шесть иедель. Самка ложится иа яйца, обхватывает их длинными пальцами, снабженными плавательной перепонкой, в которой имеется сеть кровеносных сосудов. Через 42 дня вылупляются птенцы. Они голые, с ярко-красной кожей, позднее покрываются белым пушистым оперением.

В полярных областях Атлантического и Тихого океанов можно часто встретить сидящие на воде стаи малеиьких и средних по величине птиц. У этих птиц двуцветное оперение. Спинная часть темно-коричневая или чериая, брюшная — снежно-белая. Это кайры, которых насчитывается около двадцати видов. Особеиио широко распространеиа гагара. Оиа населяет севериые райоиы Атлантического океана, ио в зимний период откочевывает далеко на юг, добираясь до Канарских островов. Гагара не любит одииочества. В течение всего года предпочитает шумные компании, а в

период размножения — самая многочисленная птица на северных птичьих базарах безлюдных скалистых островов. Гагары несут по одному яйцу прямо на скале, не строя гнезда. Иногда птицам приходится пробираться буквально по спинам соседей, чтобы добраться до своего гнезда.

Яйца гагар имеют характерную грушевидную форму. Поэтому, когда взлетающая птица неосторожно его толкает, оно не падает с маленькой площадки, а лишь начинает вращаться вокруг своей оси и остается невредимым. Птенцы вылупляются хорошо развитыми и спустя некоторое время оставляют шумные перенаселенные острова и разлетаются по районам, богатым рыбой.

В районах Северной Европы, Гренландии и Северной Америки обитает обыкновенная гага. Она любит путешествовать и в зимние месяцы встречается в водах умеренного климата. Тогда ее можно увидеть и на Черном море.

В период размножения гага образует колонии, но избегает сожительства с другими видами птиц. Она строит гнездо на скалистом берегу. Самка выстилает его пухом, который выщипывает у себя на нижней части груди и животе. Этот пух, обладающий высокими термоизоляционными качествами, очень ценен. В каждом гнезде не менее 18—20 граммов чистого пуха. Этот пух собирали еще в глубокой древности. В начале нашего столетия в северных областях Европы добывали десятки тонн гагачьего пуха. Поэтому теперь уже колонии гаг встречаются крайне редко.

Когда речь заходит о морских птицах, нельзя не упомянуть многочисленные виды чаек. Представителей этой группы пернатых можно увидеть высоко в небе или наблюдать, как они ловко ловят рыбу или, усевшись на воду, носятся по волнам, как маленькие белоснежные парусники.

Среди них также есть рекордистки, которые преодолевают большие расстояния без отдыха. Примером может служить райская рыбачка, которая гнездится в полярных областях Европы, Азии и Америки, а зимует в Антарктиде. Дважды в год она совершает «марафон» от Северного до Южного полюса. Во время перелета ни разу не опускается на землю и редко отдыхает на морских волнах. Через несколько месяцев пускается в обратный путь. Ежегодно райская рыбачка пролетает 36 тысяч километров, не считая тех рейдов, которые она совершает в поисках пищи.

Если водная стихия для пришельцев сурова и жестока, то для «детей моря» — родина, которая предлагает им свои щедроты. Скалы, омываемые волнами прибоя,— любимые места для воспитания молодого поколения. Только что вылупившиеся птенцы пристально смотрят в безбрежный простор, откуда прилетают с пищей их родители. Еще немного, и они неуверенно, широко раскрыв крылья, понесутся над морской ширью. Это и сделает их со временем бесстрашными морскими путешественниками.

Перевод с болгарского из альманаха «Фар-74»
Ольги Басовой

Рудольф Баландин

«Созвучье полное...»

Мы поднялись иа перевал. Нам открылась обширная, едва обозримая впадииа, оконтуренная иевысокой зубчатой стеиой гор. Мы смотрели вниз и видели иебо: серое осеииее иебо, затяиутое облаками. Здесь, в безлюдном центре Аиадырского плоскогорья, средн нескоичаемой толпы остроконечных вершии, распласталось гигантское озеро Эльгыгытгыи.

В стороие взбирались на перевал рычащие тракторы. Наш геолого-географический отряд двигался на север, к Ледовитому океаиу. Эльгыгытгын был лишь одним из пуиктов иашего тысячекилометрового маршрута.

Лагерь мы разбили близ озера. Засыпая, слышали, как тяжело и мерио бьются волиы о берег, перемешивая гравий, словио рядом дышало море. Впрочем, озеро это ие малое: глубина — полторы сотни метров, днаметр котловины — десяток километров.

...А ночью иад озером стремительио летела Луиа иавстречу прозрачиым облакам, светлая дорожка рассекала чериое зеркало вод. И вспомииалась старинная чукотская легенда о чудовище Калилгу, пожирателе людей и оленей, выходящем времеиами из Эльгыгытгына...

Почему появилось здесь озеро? Опустилась ли земиая кора на пересечеиии глубинных разломов? Или прогрохотал иекогда вулканический взрыв, потрясший горы? Или медлеиио, из века в век прогибалась складка — синклиналь? А может быть, это — воронка от падеиия крупного метеорита? Между прочим, в этих краях обнаружеиы камеииые орудия древиего человека. Когда, как, откуда, почему пришли сюда люди? Какие следы их пребывания храиит озеро? Вопросы, вопросы, вопросы. Но у иас лишь два маршрутиых дня и задачи производственные, а ие иаучные.

Два трактора, тарахтя, разворачиваются и направляются прочь от загадочиого озера. За ними остаются темиые следы — полосы развороченной почвы, как бы глубокие шрамы иа лике тундры. А мы, съемщики, иалегке поднимаемся на покатую горушку и в последний раз оглядываем Эльгыгытгыи. На противоположиом берегу торчат два коиуса, словио две пирамиды. Возможио, это — потухшие вулканы. У подножия одного из них — горы Воеииых Топографов — мы иашли вчера старую вылинявшую пилотку...

... Легкий АН-2 летел над пустыией. Гладкие блины такыров смеиялись ячеистыми песками. Временами тянулась плоская равнина, исхлестаниая вдоль и поперек двойными ровными полосами — следами автомашин.

Мие вспомиились следы тракторов в тундре — следы, не пропадающие порой долгие годы. Как хрупка, беззащитна природа и здесь,

в звенящей от зноя пустыне, где горизонт украшен дрожащими миражами, и там, в студеной тундре, летом усыпанной голубикой и морошкой да разноцветными и круглыми, как конфетти, листьями полярных крохотных березок...

...Саянская тайга гудела от ветра, как штормовое море. Моя одинокая палатка пыталась взлететь птицей, но крупные капли дождя приколачивали ее к земле. Третьи сутки я был один: реки вздулись от дождей и экспедиционная машина не могла добраться сюда. Непривычность обстановки, одиночество порождали бессонницу. Чудились какие-то храпы, сопение, треск и хруст веток.

Утром я проснулся в непривычной тишине. Ветер утих. Но именно теперь с ошеломляющей ясностью слышались глухие вздохи и грузные шаги у палатки. Замирая, лежал я в спальном мешке, ожидая вторжения медведя. Наконец не выдержал: выскользнул из мешка, схватил малокалиберку и охотничий нож и с диким боевым кличем выскочил наружу!

Рядом с палаткой стояла... корова. Она удивленно повела головой и махнула пышными ресницами. Поодаль паслось еще несколько животных. В сердцах сплюнув, полез в палатку. Хорошо еще, что возле стада не видно было пастухов: что бы они обо мне подумали?..

... Дышать было тяжело. Рубашка — хоть выжимай. Шутка ли — карабкаться по крутому, густо заросшему кустами рододендронов склону горы. Три тысячи метров над уровнем моря. Наконец-то лес расступился. Мы увидели великолепный альпийский луг с яркими цветами. Где-то в стороне, много ниже, протарахтел над перевалом рейсовый самолет Кутаиси — Местиа. Слева ослепительно сверкала на солнце грозная и прекрасная Ушба — неприступная крепость, воздвигнутая природой, красивейшая вершина Кавказского хребта.

Гора Бал — цель нашего маршрута — темнела скальными выходами совсем рядом. Последние усилия, и мы уже колотим геологическими молотками по крепким пластам, торчащим ребром: как говорят, на голове. Вершина встретила нас легким ароматным ветром, который бывает только в горах. Вдали из-за зубчатых пиков выглянул белоголовый Эльбрус.

Аромат цветов и трав был необычайно густ. Я огляделся. Боже мой, да здесь прошлись косари! А вот из-за пригорка показалась серая сванская шапочка и загорелое лицо, окаймленное седой бородкой. Старичок косил, стоя на покатой, круто уходящей вниз площадке. О, наша гордость покорителей вершин и первопроходцев!..

Мне повезло: довелось работать во многих районах нашей страны.

Прежде в далеких экспедициях я искал и находил тайные соответствия между своими ощущениями, радостями, мыслями и жизнью окружающей природы, шелестом осенних листьев, изогнутыми слоями горных пород, хранящими память о прошлом, величе-

ственными вершинами гор, пронзающими облака и устремленными к солнцу, ночной звездной бездной неба. Не всегда удавалось выявить эти соответствия. Но постоянно хотелось оспорить мудрые слова Федора Тютчева:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе,—
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Нет, я не сознавал такого разлада. Возможно, потому, что не ощущал своей свободы от природы, своей гордой независимости покорителя и повелителя. Когда основное средство передвижения — ноги, а главная задача — исследование природных условий, когда в своей работе обходишься без сложных приборов, а превозмогать трудности приходится собственными силами, то невольно начинаешь понимать мимолетность своего существования и безмерное величие окружающей природы.

Но постепенно я понял, что мы в сущности очень редко остаемся лицом к лицу с первозданной природой. У нас появился многоликий посредник и могучий помощник — техника. И чем больше становится людей на Земле, чем сильнее и активнее становится техника, тем сложнее и напряженнее нужно работать географам, которые должны изучать планету такой, какая она есть,— населенной людьми и существенно преображенной техникой.

Бескрайние саванны, где островами возвышаются узловатые баобабы, а по ночам слышится грозный рык льва и топот испуганных антилоп... Трудно поверить, что это не извечный природный ландшафт, а созданный человеком. Да, человеком, хотя и невольно. Увы, привычные нам школьные истины должны уступить место свидетельствам науки.

«В травянистых пространствах периодически сухих тропиков редко наблюдаются естественные пожары. Возможность их вообще долго оспаривалась. Здесь причиной пожаров всегда является человек, который частично ради улучшения качества пастбищ, а частью непроизвольно вызывает выгорание травостоя, ежегодно происходящее на огромных площадях и обусловливающее характер растительности на этих участках.

За исключением затопляемых саванн, все прочие саванны, которые еще Шимпер из-за их зонального расположения рассматривал как климатически обусловленные формации, возникли при непосредственном воздействии человека» — так пишет немецкий геоботаник И. Шмитхюзен, и, по-видимому, он прав. Что уж говорить о степях, лесостепях и лесах Европы! Великая пустыня Сахара сравнительно недавно была населена жирафами, бегемотами, птицами. За последние тысячелетия человек стал неотъемлемой частью почти всех ландшафтов. Следы пребывания и деятельности людей встречаются повсюду: от безмолвных арктических пустынь до непролазных тропических джунглей. Осталась ли хоть одна мало-мальски значительная горная вершина, не покоренная челове-

ком? Сохранилась ли где-нибудь нехоженая глухомань? Даже земля пингвинов — Антарктида, южная макушка земного шара, приобщена к современной цивилизации: следы техногенной пыли обнаружены на ее ледниках, а следы ДДТ — в жировых тканях пингвинов...

Человек вольно или невольно, непосредственно или косвенно становится главным регулятором всей области жизни — биосферы. Еще полвека назад академик Л. С. Берг имел все основания утверждать: «После человека изменения климата оказывают самое мощное влияние на смену ландшафтов». После человека!

Пожалуй, одним из главных результатов человеческой деятельности за последние века следует считать появление новых, совершенно своеобразных ландшафтов: городского, сельскохозяйственного, промышленного. Не сразу обратили на них внимание, не вдруг выявили они свои особенности. Они оставались фактически не изученными до нашего века. По странной закономерности географы, устремленные в дальние края, новые земли, мало интересовались удивительными превращениями колыбели жизни — биосферы в новую область, насыщенную искусственными объектами и управляемую людьми,— техносферу. Это она стала Terra incognita — неведомой землей современности.

Город — каменная пустыня с островками искусственных насаждений зелени. Гигантские кристаллы домов. Гранитные берега рек. Бетон, асфальт, стекло, металл. Зимой город вырабатывает столько же тепла, сколько получает от солнца. Своеобразны здесь климат, рельеф, химический состав ручьев, рек и озер, особенности воздуха и подземных вод. На десятки метров город вгрызается в коренные породы своими туннелями, шахтами, колодцами, скважинами. Город тянется ввысь, впиваясь острыми шпилями в облака...

Можно проследить историю городских ландшафтов, выяснить причины и закономерности их развития. В нашем веке появились исследования, посвященные климату, геологии, географии города. Географы изучают этот ландшафт, созданный человеком и сопутствующий человеку вот уже несколько тысячелетий.

Древнее городище: насыпь, деревянный частокол. Свайные поселения на мелководье рек и озер. Крепостные стены античных и средневековых городов. Город-ограда. Он пил воду из рек и ручьев, ежедневно поглощал тонны овощей и фруктов, горы мяса. По утрам открывались его ворота-пасти для груженых повозок, людских толп, стад животных. Он извергал остатки и отбросы. Он рос из века в век, раздвигая границы, раздаваясь вширь и ввысь...

Земля была велика, городов мало. Из ста землян в 1800 году лишь трое жили в городах с населением более двадцати тысяч человек. Через пятьдесят лет — семеро. В начале нашего века — тринадцать из ста. А еще полвека спустя — тридцать!

Город — сердце, перекачивающее по стране постоянные потоки людей и товаров. Вокзалы, порты, гостиницы, склады, банки, промышленные предприятия, научные учреждения, органы управления. Город — нервный узел, перерабатывающий и производящий

информацию. Ускоряется ритм его жизни: от мерного стука парового двигателя — к стремительному стрекотанию счетно-решающей машины.

А человеческое сердце за многие тысячелетия привыкло стучать в ритме шагов по тропинке, в ритме взмахов руки сеятеля, в ритме морского прибоя и журчания ручья, пения птиц и порывов ветра.

В городе у человека останавливается сердце или лопаются сосуды в три раза чаще, чем в селе. В городе, где обилие врачей, больше психических больных и инвалидов.

... Отшельники уходили в пустыни. Жан-Жак Руссо мечтал о сельских пасторалях. Генри Торо звал людей в леса, К. Э. Циолковский — на астероиды. Ив Кусто — на дно моря.

В пустынях ныне змеятся дороги и каналы. На полях царствуют машины. Леса редеют. А если осваивать астероиды... Что ж, тогда эти малые небесные тела могут превратиться в межпланетные города, отторгнутые от Земли.

Ныне Земля становится иной, человек и техника стали естественной частью ландшафтов планеты. Мы рождаемся и живем среди домов, садов и парков, деревень и пастбищ, вспаханных полей и промышленных районов. Именно они естественны для нас, именно отсюда мы отправляемся в далекие путешествия в «дикие» уголки планеты. Диковинны и непривычны для нас эти первозданные, чудом сохранившиеся в наши дни ландшафты, ставшие совершенно нехарактерными, можно сказать, неестественными в наш технический век.

Что же дальше? «Единый город скроет шар земной», — как некогда писал Валерий Брюсов? Вулканами дымящие, грохочущие, переваривающие в недрах своих металлы, рождающие бесчисленные полчища машин промышленные районы — не они ли станут единственным всепланетным ландшафтом, в пределах которого будет уготовано место для жилищ, висячих садов, гидропонических оранжерей и тщательно оберегаемых заповедников?

А как не вспомнить поэта: «Разлад мы с нею сознаем» — со всей природой Земли, с биосферой.

Население планеты продолжает ускоренно расти, а это значит, что нам требуются от природы увеличивающиеся количества пищи, воды, строительных материалов, сырья, лекарственных препаратов — одним словом, всего, что нам требуется для жизни. Одновременно столь же стремительно возрастает количество и разнообразие технических систем. А они тоже требуют для своего существования немалой толики благ, которые им может дать лишь та же окружающая среда.

Но порой возникает недоумение. О разладе человечества с какой природой идет речь? Косарь на вершине горы Бал — это природа или нет? Трактора, ползущие по тундре, — это природа? Корова, пасущаяся на таежных полянах, — природа? Город, в конце концов, — это часть природы или нет?!

Ответ напрашивается сам: коиечно, трудом людей создается «вторая» природа, нскусственная среда. Ииымн словами, часть природы (человек) перестраивает естественную природу, существовавшую прежде.

Это отражает закономерность, наблюдающуюся на протяжении всей биологической нстории Земли: любой новый вид растений или жнвотных не просто влнвается, словно новая капля, в вечно текущнй поток жнзни, а существенно влияет на него. Появилнсь железобактерии — и от них осталнсь до наших дней мощные толщн железных руд, зримая память изменения прнродной среды. Появнлись позвоночные животные — и вновь перестройка бносферы н ее отдельиых участков. Стройные колонны деревьев, выросших в каменноугольном периоде, не только решительно изменили внешннй облик обширных пространств, но и воздействовали на прнродные воды, почвы, атмосферу, а со временем, превращаясь в слои угля,— и на неглубокие недра планеты.

Да, конечно, человек действует несравненно активнее, применяя могучую технику разумно н сознательно, на основе науки н т. д. Вряд ли кто-либо станет серьезно говорить о полном подобии деятельности людей и какого-ннбудь другого вида жнвых существ. Но нельзя забывать и о сходстве: любая форма жизни, как н человек, стремится охватнть всю бносферу, пытается приспособиться к различным природным условиям н сама так или иначе изменяет их. Только человек все это может делать сознательно. Наша привилегия в том, что мы способны и приспосабливаться к природным условиям, и изменять их с минимальным ущербом для себя и окружающей среды.

Что привлекает нас в «дикой» природе? Чем нас манят неприступные вершины, черные пасти пещер, пучины океаиа, звернные тропы, где не ступала нога человека? Почему с охотой мы готовы отправиться в далекое и опасное путешествне?.. Или это иеутолимая жажда чудес? Или стремленне уйти, хотя бы в мыслях, от распланированного, благоустроенного бытия, которым нас обеспечнвает техника? Или это атавистическая тяга к тому, что некогда окружало нашнх предков, мнру загадочному, странному, населенному неведомыми созданнями? Но ведь все это безвозвратио ушло, и мы теперь не те, и природа вокруг нас иная...

Настоящее и будущее географии связано теперь с тем, что н как делает человек на планете. Почти все науки о Земле до недавнего временн констатировали современное состояние поверхности и недр планеты, восстанавливали (в мыслях исследователей, в опнсаниях, в картах) прежние условия.

Меняется природа, меняются и науки о ней. Географы и геологи начннают заботиться о будущих ландшафтах, будущих полезных нскопаемых. Науки о Земле помогают не только познавать, но и переделывать планету. Судьбы этих наук все теснее переплетаются с прогрессом техники, как н судьбы самой Земли с ее реками н морями, горамн и долннамн, жнвотнымн и растениями.

Проходит пора бескрайних и однообразных сельскохозяйственных полей. Эрозия почв, борьба с вредителями культурных растений заставили нас переходить к чередованию культур не только во времени, но и в пространстве. Не исключено, что на полях станут господствовать не отдельные виды, а сообщества полезных растений и этот ландшафт технического века во многом станет похож на естественный. К тому же для производства продуктов питания все активнее используются микробы. В принципе с их помощью можно получать все необходимые для жизни человека соединения. Питательной средой для микробов могут служить отходы производств, сточные воды, некоторые горные породы. Микробы легко «вписываются» в технологические процессы получения кормов для скота и пищи для человека. Они способны очищать воду, растворы, минералы. Уже сейчас получены насыщенные белком кормовые дрожжи из нефтяных углеводородов. Исследованы возможности синтеза питательных жиров из древесных стружек и соломы, а белка — из природного газа метана. В продуктах, выработанных микробами, содержится много витаминов. Конечно, остается давняя мечта: осуществить синтез органических соединений и перейти на полноценную искусственную пищу, о чем некогда писал В. И. Вернадский. Но прежде должен достичь расцвета микробиохимический синтез продуктов питания человека.

«Приручение» микробов может обновить целый ряд промышленных производств. В Канаде с помощью бактерий добывают окись урана. В нашей стране успешно проведены опыты бактериальной добычи некоторых цветных металлов. В производстве широко применяются бактерии, окисляющие серу. А кроме того, бактерии способны, перерабатывая массы вещества, извлекать из них те или иные химические элементы.

В наших оценках окружающего всегда присутствует элемент относительности. Цветок, растущий на пшеничном поле, называют сорняком. И пшеница в цветнике тоже сорняк.

Еще более странно выглядит порой наше деление продукции заводов и фабрик на полезную и вредную (отходы), причем в отходы обычно попадают те же химические элементы, которые с немалым трудом добываются на другом предприятии.

Живые существа в отличие от машин «работают» без отходов. Когда животное выдыхает углекислый газ, оно тем самым вырабатывает питательное вещество для растений. Можно, конечно, считать отходами биосферы слои горючих сланцев или каменного угля, месторождения нефти или железа. Но ведь и эти «отходы» в действительности богатства, накопленные впрок. Проходит некоторое время, накопленные пласты и залежи поднимаются тектоническими силами на поверхность и вновь включаются в бурную жизнь биосферы, обогащая ее теми или иными химическими элементами.

Что же мешает нам превратить современное промышленное производство в абсолютно безотходное, безвредное для окружа-

ющей среды? Надо учиться у природы, «полюбить» отходы так же, как и полезную продукцию, заботиться о них, не жалея средств и технической смекалки. Нельзя упускать из виду едва ли не главное достижение природы — «безотходное производство».

Но, собственно говоря, зачем дублировать с помощью технических систем естественные условия? Не лучше ли избрать иной путь?

«Созвучье полное в природе...», но ведь жизнь не всегда идиллически спокойна и гармонична. Здесь не обходится без внезапных и разрушительных катастроф, гибели многих видов животных и растений, обеднения и вымирания отдельных ландшафтов, а то и целых географических зон. Просто в природе все это происходит очень неспешно, страшно медленно, с нашей точки зрения. Гармония природных процессов не дана свыше. Это результат небыстрых приспособлений, самоусовершенствований всех «деталей» столь сложных систем, как галактики, солнечные системы, сферы планет, биосферы (наша не единственная в мире!), сообщества организмов...

Мы, люди, создавая «вторую природу», допускаем немало грехов. Но разум дан и для того, чтобы осмысливать ошибки и искать наилучшие решения. Преобразуя природу, мы, упоенные силой разума и техники, сначала как бы отходим от нее, переиначиваем естественную среду. Но приходит пора возвращаться в ее лоно, обращаться к ней в поисках ответа на те проблемы, которые техника не решила, а лишь чрезвычайно осложнила. И природа поможет нам, если относиться к ней внимательно и непредубежденно.

... Существует физическая география, изучающая ход естественных процессов в биосфере. Экономическая география призвана исследовать размещение производительных сил общества, рационально организовывать эксплуатацию природных богатств. Точнее говоря, существует два комплекса соответствующих наук. Но среди них нет еще науки о том, как создавать новые полноценные ландшафты, органически включающие элементы естественной и техногенной природы.

Да, не осталось ныне нехоженых троп, как исчезло само понятие «дальние страны». Ведь еще Козьма Прутков говорил: «Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий от чего-нибудь да отдален».

Географы теперь помогают преобразовывать поверхность Земли, обосновывая проекты «планетарной хирургии» (изменения рельефа, гидрографической среды и т.д.). Этап неразумных перестроек среды заканчивается. Мы начинаем постигать мудрость нашей матери-природы, идеально приспособившей естественные ландшафты к определенным физико-химическим зонам поверхности Земли.

Нам с трудом дается это искусство. Нет у нас в запасе тех тысяч и тысяч лет, которые были в распоряжении природы. Нам приходится как бы спрессовывать время, ведя счет на десятилетия,

годы, часы. Мы вынуждены искать новые, неведомые природе решения, создавать необычные ландшафты, следить за их развитием и давать обоснованные прогнозы на будущее.

... А может быть, настала пора новых географических и геологических наук? Почему до сих пор не существует, скажем, геобионика? Надо же конструировать новые ландшафты по образу и подобию естественных, надо «врастать» в окружающую среду, а не внедряться в нее как инородное тело...

Уютно ли жить человеку в полностью распланированном мире, где все предусмотрено и задано наперед? Достаточно ли того комфорта, которым обеспечивает бездушная техника (квартира, автомобиль, телевизор и др.)?

Но ведь всегда были люди, которые уходили от однообразия благоустроенного быта в неприступные горы, студеные или раскаленные пустыни, в штормовые моря, навстречу опасностям, приключениям. А другие жадно читают и слушают сообщения о путешествиях, где-то в глубине души ощущая их необходимость, чувствуя неутолимое стремление в неведомые края, которые сохранились, быть может, только в нашем воображении...

... Век атома, век электроники, век космоса, век научно-технической революции. Как только не именуем мы наше время. Каждое определение по-своему верно. Но нет среди них, на мой взгляд, самого главного: эпоха обращения к природе.

Это определение не броское. Далекое от грохота лнтавр. Оно не поражает воображение. Но обращение к природе в том смысле, о котором говорилось выше, потребует от нас значительно больше знаний и изобретательства, чем создание космических ракет. Потому что мы возвращаемся не в сельские пасторали Жан-Жака Руссо, не в дремучие и прекрасные леса Генри Торо, не в ту природу, которая существовала на Земле до человека, а в природу, преобразованную нами и требующую обновления.

Мы все еще продолжаем привычно говорить и писать об окружающей среде. Какое это условное понятие! Для нас, землян, окружающая среда — бездна космического пространства. Биосфера для нас — это среда жизни, столь же неотъемлемая, как тело для работающего мозга или пульсирующего сердца.

«Дикая природа нужна нам как источник бодрости,— писал Генри Торо,— нам необходимо иногда пройти вброд по болоту, где притаилась выпь или луговая курочка, послушать гудение бекасов, вдохнуть запах шуршащей осоки, где гнездятся лишь самые дикие и нелюдимые птицы и крадется норка, прижимаясь брюхом к земле. В нас живет стремление все познать и исследовать и одновременно — жажда тайны, желание, чтобы все оставалось непознанным».

Мы еще не научились приспосабливать нашу технологию к естественным условиям окружающей среды, не нанося ей ущерба. Искусственные ландшафты должны быть не только экономичны, «комфортабельны», но и прекрасны, приближены максимально к естественным условиям; в них должно оставаться место тайне и

неожиданности. Это — задача необычайно сложная. Она требует разнообразных знаний: и геологического прошлого, и взаимосвязей живых существ, и взаимодействия техники с природой, и духовных потребностей человека. Знать — чтобы действовать, действовать — чтобы полнее существовать. А можно ли считать жизнь полноценной, если она не наполнена постоянными поисками, жаждой познания, творчеством, трудом и, конечно же,— ощущением единства с природой?

... Когда я вспоминаю свои путешествия, экспедиционную работу, то испытываю радость, что мне посчастливилось видеть первозданный мир, жить в нем, стремиться его познать. Как хотелось бы, чтобы так было и впредь. Человек должен ощущать свое единство с природой, понимая ее безмерное величие.

Лàйонел Кэссон

Мореплаватели древности

Глава из книги

Ступнв на берег Итакн после двадцатилетннх странствнй, Одиссей, одинокнй н беспомощный, в лохмотьях нищего, нашел прнют у старого пастуха. Вечером старнк попросил незнакомца рассказать о себе. И Одиссей поведал свою вымышленную нсторню. Пнрат с острова Крит, он сражался в Троянской войне и, к сча́стью, остался жив. Вот этот рассказ.

«Лншь один месяц провел я безмятежно дома с женой н детьми, как меня снова охватило страстное желание совершить набег — снарядить корабли, найти верных людей н повести их к берегам Египта. Девять кораблей стоялн наготове, а набрать команду не стонло труда.

Мы пировалн целых шесть дней, быков у меня было вдоволь для жертвопрнношений и для еды. На седьмой день подняли якорь и покннулн Крнт. Дул попутный северный ветер, и мы полным ходом шли вперед, будто скользилн по теченню быстрой рекн. Жнзнь на кораблях шла своим чередом. Мы короталн время на палубах, предоставнв ветру н рулевому держать курс. Больных не было. Через пять дней вошлн в реку Егнпта н бросилн якорь.

Оставнв людей для охраиы кораблей, я послал часть команды разузнать все, что можно. Но посланные мной люди, забыв обо всем, обуреваемые алчностью, бросились грабить селення, убивать мужчин, уводить в плен женщин и детей. Весть об этом достигла города. На заре, услышав крнкн н плач, горожане вступили в схватку с нами. Пешие н конные заполоннли долину, засверкала медь доспехов. Мон люди не смогли отбиться. Зевс Громовержец наслал иа них страх, в панике бежали они, и смерть была повсюду. Многие погибли, остальные попалн в рабство».

Одиссей, желая остаться неузнаниым, намеренно рассказывал о событнях, которые были столь повседневнымн в те времена, что у слушателя не могло возникнуть сомнений в их нстнниости. Да, пиратство — обычное явленне в XIII — XI веках до н. э., когда торговля Микенского мира пришла в упадок. Таким оно было на заре исторни.

Наше шаблонное представление о пнратах рнсует нам смуглого, усатого негодяя во главе шайки головорезов, которые нападают на беззащитные купеческне суда, захватывают драгоценности, отбнрают часть пленных для продажи в рабство, а остальиых топят в море, заставляя идтн с завязанными глазамн навстречу верной гибелн по доске, положенной на борт.

С этим типом пнратов (включая обычай расправы с несчастнымн пленниками) мир, как мы увидим, хорошо познакомился в более поздиее время. Но нсторня Одиссея свидетельствует, что в далеком

прошлом пираты совершали набеги на прибрежные города, напоминая этим больше викингов X века, чем берберийских корсаров XVIII. Они нападали целыми флотилиями: команде одного корабля не по силам было разграбить даже деревушку. Добыча на берегу была несравненно богаче, чем на море. В городах пираты захватывали скот, разную утварь, ценные украшения, иногда изделия из золота и серебра, но в первую очередь женщин и детей. Их можно было выгодно продать на невольничьем рынке. Сам же набег не был слишком опасным предприятием, несмотря на его авантюризм и трудность возвращения на перегруженных судах. Проникнуть под покровом ночи в гавань, бесшумно работая веслами, обмотанными тряпками, тщательно, профессионально разведать все нужное, внезапно атаковать на заре и поспешно возвратиться на корабль, а потом еще несколько часов изнурительной работы веслами — и каждый оставшийся в живых морской разбойник становился намного богаче, чем был сутки назад. При нападении же на купеческие суда пиратам нередко случалось обнаруживать, что здесь нет других материальных ценностей, кроме строительного камня, леса или дешевой глиняной посуды. Да и для работорговцев молодые девушки и мальчики, которых можно было быстрее обучить домашней работе, чем бывалых матросов купеческих судов, представляли гораздо более заманчивый товар. Работорговля в ту эпоху была основой пиратства. Это относится и к последующим столетиям даже тогда, когда пиратам уже было чем поживиться на кораблях, груженных ценными товарами.

Любой город мог стать добычей этих разбойников. Разумеется, особенному риску подвергались богатые места. Хитроумный Одиссей не случайно избрал Египет ареной своей вымышленной истории. Страна фараонов уже не была реальной политической силой, но Великий Нил, ежегодно орошающий и оплодотворяющий земли, обеспечивал экономическое благоденствие страны; цветущие египетские селения притягивали алчные взоры пиратов. Даже в эпоху своего расцвета Египет подвергался набегам: в документах Тель эль-Амарна упоминается о разбое пиратов из Малой Азии.

Едва покинув Трою, по пути домой Одиссей и его спутники поддались искушению заняться грабежом, хотя их корабли были доверху нагружены награбленным добром. Повторяем, это считалось естественным в ту эпоху. Спустя пять веков греческий историк Тацит писал: «В древности греки и другие народы, жившие на побережье и на островах, начали заниматься пиратством, как только научились пересекать моря. Они нападали на города без крепостных стен и селения и грабили их. Разбой был их основным занятием: в те времена пиратство еще не клеймили позором, более того, эта профессия считалась почетной... Поэтому города на островах и материковом побережье строили, опасаясь пиратов, как можно дальше от моря».

Все, что мы говорим о жизни в этот период,— повсеместные «рейды» пиратов, испытания, выпавшие на долю купцов, слабость Древнего Египта — живо описано в одном из тех уникальных документов, которые время милостиво пощадило.

В Древнем Египте и многих соседних странах писчим материалом служил папнрус, который изготовлялся из стеблей одноимениого травянистого растения, в изобилии покрывавшего берега Нила. Из сотен тысяч древиейших египетских манускриптов лишь считанные едниицы сохранились до иаших дней. Свитки папнруса разрушаются под воздействием влаги. То, что хотя бы часть из иих как-то сохранилась, объясняется удивительио сухим климатом Египта. Сотни, иногда тысячи лет лежали свитки в безводных песках, пока случайно их ие находнл феллах или археолог, производящий раскопки.

В начале нашего века египетские феллахи, разыскивая топливо, случайно откопалн поврежденный временем свиток папируса; в коиечиом счете он попал в руки учеиых. Часто папирусы ие оправдывали их иадежд, так как в иих сообщались уже хорошо известные факты. Сколько горьких разочарований переживал археолог, когда вдруг обиаруживал, что прекрасно сохраиившийся свиток, которым он с таким трудом завладел, не что иное, как еще одна копня «Илиады» или «Книги Мертвых» — египетской библии.

Однако на сей раз папирус оказался уникальным. Ои содержал тщательио составлеиный отчет египетского жреца, по имени Унуамон, который примерио в XI веке до иашей эры был послан с поручением в сирийский город Библ. Эта сенсационная находка пролила свет иа многое. Отчет Унуамоиа позволил в какой-то степени представить жизнь купца того времени.

Уиуамои был родом из Фив иа Верхием Ниле и иосил титул Старший Зала Храма Амоиа*. Видимо, он занимал высокий пост в культовой иерархии, так как имеиио ему было дано важное поручеине.

Ежегодно в дни священного праздника в Фивах по Нилу проплывала барка с божеством Амоиом. И, очевидно, появилась необходимость построить новую барку, ио в Египте иет леса, дерево нужно было везти из другой страны. Зиаменитые кедры Ливаиа тысячелетиями служили прекрасиым материалом для этой цели. Верховиый жрец Египта Херихор выбрал для столь ответствениой миссии Унуамоиа.

В те времеиа Древний Египет переживал одии из периодов упадка в своей многовековой истории. Страна даже ие представляла собой единого государства. В Фивах, где жил Унуамои, правил Рамзес XI, которому подчинялся только Верхний Египет; в Танисе, иебольшом городе в райоие дельты, была резиденция царя Несубанебдеда, правившего Нижним Египтом. Поэтому Унуамон прежде всего спустился по Нилу и прибыл во дворец в Танисе, где представился царю и его жеие Танетамон и заручился их помощью. Ои привез рекомендательиое письмо от Херихора, что служило своего рода верительными грамотами или паспортом, и был радушио принят царствующей четой. Правда, правители Нижиего Египта ие расщедрились настолько, чтобы снарядить для Унуамона отдельиый корабль, но устроили его на судно, иаправлявшееся в Сирию, и дали

* Амон — верховное божество Древнего Египта.

наказ капитану Менгебету оказывать особое внимание знатному пассажиру. 20 апреля, через пятнадцать дней после того, как Унуамон покинул Фивы, Менгебет приказал поднять якорь, и корабль поплыл вниз к устью реки, а затем, как пишет Унуамон, «спустился в Великое Сирийское море».

Первое время не было никаких происшествий, и, когда судно зашло в первый порт, казалось, удача будет сопутствовать Унуамону в его путешествии. Это был город Дор, несколько южнее Кармиля, где уже многие годы существовало поселение пиратов племени тжекер. Их предводитель Бедер поспешил отправить послацу жрецов «50 хлебов, кувшин вина и часть бычьей туши». Унуамон, как сообщается в папирусе, не страдал недостатком самомнения и принял дары как должное. Он, возможно, искренне обрадовался вкусной еде. На судне вряд ли его потчевали чем-либо лучшим, чем сухари и сушеная рыба. К тому же есть основания полагать, что Унуамон, выросший на верхнем Ниле, вдали от моря, страдал морской болезнью с самого начала пути и не мог притронуться к пище, как только корабль вышел в открытое море. И вот на стоянке в порту — такой дар. Особенно желанным для путников оказалось вино; в Египте его было мало, да и качества невысокого. Сирия же издавна славилась своими винами.

Одарив Унуамона яствами, Фортуна улыбнулась ему в последний раз, чтобы надолго оставить его. Последующие строки повествования рассказывают об ужасном несчастье, которое повлекло за собой целую серию других. Унуамон очнулся от короткого сна, в который погрузился, подкрепившись вкусной едой и вином, и вдруг обнаружил, что... Но лучше слово предоставим ему самому. «Потом,— пишет он,— сбежал негодяй из команды, прихватив с собой сосуд с золотом весом 5 дебен (около 1,5 фунта), 4 сосуда с серебром весом 20 дебен, мешок серебра — 11 дебен; всего он стащил 5 дебен золота, 31 дебен серебра». Таким образом, у бедняги украли все до последней монеты, включая деньги, выданные ему на дорогу, и те, которые доверил Херихор на покупку кедровых стволов. Оставалась только одна ценность — надежно спрятанное в каюте небольшое изображение Амона — покровителя путешественников. Он был получен Унуамоном от Херихора в день отъезда и должен был помогать во всех перипетиях долгого путешествия. Оба жреца, несомненно, ожидали от покровителя многого.

При сложившихся обстоятельствах Унуамону оставалось только одно. Утром он отправился во дворец к Бедеру и заявил ему: «Меня ограбили в вашей гавани, а раз вы владыка этой земли, то должны помочь найти мое добро». Египтянин чувствовал, что его аргументы не очень-то убедительны, поэтому тут же добавил: «Ведь деньги принадлежат Амону-Ра, верховному богу, а также Несубанебдеду, Херихору и другим правителям Египта». Другими словами, Унуамон заявил, что кража совершена не у частного лица, а пострадала казна государства и поэтому, дескать, это международный скандал.

Бедера, конечно, нелегко убедить подобными аргументами, но, будучи, по-видимому, сговорчивым, он возразил: «Если бы вор, проникший на корабль, был моим подданным, я бы дал вам деньги из

собственной казны, пока он не попался в мои руки. Но он с вашего судна. Это меняет дело. И все же подождите несколько дней, а я попытаюсь что-нибудь выяснить».

Прождав девять дней, Унуамон забеспокоился. В этом месте папирус попорчен, и можно только догадываться по обрывкам фраз, что же в действительности произошло. Видимо, настойчивость египтянина переполнила чашу терпения Бедера, и он, отбросив вежливость, дал выход своим чувствам. Унуамон принимает решение продолжить путь, полагаясь уже только иа священную силу божества Амона, который, конечио же, поможет ему привести в порядок финансовые дела.

Последующие события, однако, показали, что египтянин и сам был не прочь проявить в этом инициативу. В порту Сидон, находившемся между городами Тир и Библ, Старший Зала Храма Амона, по-видимому, не упустил случая вернуть свои тридцать дебен серебра. Он иапал иа людей из племени тжекер и завладел их деньгами. Папирус в этом месте также поврежден, но последовательность событий легко прослеживается. Можно ли было предположить, что высокочтимый египетский жрец оказался способен на вооруженный грабеж? Весьма вероятно, он и сам не допускал подобной мысли, когда в благословенный день ступал на сходни судна, доставившего его в Танис. Успокоить же собственную совесть оказалось нетрудно: если его деньги были украдены в гавани племени тжекер, то и отобранные им монеты принадлежали тому же племени. Очевидно, таково было веление Амона.

Если Унуамон думал, что наступил конец его несчастьям, то он жестоко ошибался. Не успел корабль бросить якорь в гавани Библ, где он собирался купить кедровые стволы, как ему передали короткий, ио выразительный приказ царя Библа Закарбаала: «Прочь из моей гавани!»

Причина тут могла быть только одна: царь Библа уже получил сообщение от племени тжекер о пришельце-грабителе и не хотел ссориться со своими южными соседями, которые имели репутацию грозных пиратов. Но не таков был Унуамон, чтобы сразу же подчиниться этому распоряжению. Двадцать девять дней провел он в порту, и каждое утро главный начальник порта передавал ему одно и то же распоряжение Закарбаала. Довольно любопытно, что царь Библа не предпринимал никаких других мер. Он не хотел ссориться со своими соседями, но в то же время старался не упустить и выгодной сделки. Поэтому-то Закарбаал и прибегнул к подобной уловке: издал распоряжеиие, но палец о палец ие ударил, чтобы его осуществить. Как мы увидим далее, он не раз использовал такой прием.

Наконец Унуамон сдался и решил покинуть Библ. Меигебет уже покинул гавань, но египтянин нашел другой корабль, направляющийся в Египет. Он оплатил проезд, перевез на судно имущество и оставил там своего секретаря. Сам же задержался на берегу, ожидая ночи, чтобы под покровом темноты незаметно пронести в каюту свое сокровище — изваяние Амона. «Я ждал темноты,— пишет он,— надеясь, что с ее иаступлением смогу пронести божество

на корабль и ни один глаз не увидит его». Но тут произошло нечто неожиданное. Главный начальник в порту объявил, что Закарбаал ждет Унуамона к себе на следующее утро для беседы. Вполне понятно, что у египтянина закрались кое-какие подозрения. Унуамон пишет, что он так возразил начальнику: «Разве не ты приходил сюда каждое утро с приказом убраться прочь? А теперь ты требуешь, чтобы я остался. Корабль уйдет без меня, а потом ты снова прикажешь покинуть гавань?» Закарбаал на это обоснованное возражение приказал задержать корабль. Унуамон по-своему объясняет столь неожиданную перемену в отношении к нему царя Библа. Накануне вечером, когда Закарбаал совершал жертвоприношение, один из юношей в свите царя внезапно забился в припадке и пронзительно закричал: «Внесите бога сюда! Приведите пришельца, который привез его! Это Амон послал его из Египта и привел сюда». Так свидетельствует Унуамон, пытаясь этим доказать всесильную власть священного Амона, которая достигла даже царского двора в Библе. Но мы склонны предполагать, что причина здесь более существенная — некоторое количество серебра, захваченное известным нам способом и позвякивающее теперь в карманах Унуамона. Египтянин, как мы уже можем судить, был не таким человеком, чтобы во всем полагаться на бога Амона. Вряд ли он провел двадцать девять дней в гавани сложа руки. Однако припадок юноши мог быть также инсценирован Закарбаалом, чтобы завершить маленькую комедию, которую он разыгрывал четыре недели. Царь, как показали дальнейшие события, был весьма деловым человеком, обладавшим и чувством юмора, о чем Унуамон не подозревал. Царю хотелось сбить спесь с чванливого чужестранца. Несомненно царь получил истинное удовольствие, заставив Старшего Зала Храма Амона мучиться в неизвестности, ожидая решения своей судьбы. Поступив таким образом, Закарбаал мог также соблюсти, так сказать, протокольные требования по отношению к соседнему племени тжекер. Но царю было уже не до шуток, когда оказалось, что потенциальный заказчик собирается покинуть гавань. Поэтому-то Унуамон и был срочно вызван во дворец.

«Он встретил меня,— пишет Унуамон,— у окна в верхней комнате. За его спиной простиралось Великое Сирийское море, и волны разбивались о стены дворца». Унуамону не свойственно останавливаться на подобных деталях. Очевидно, на этот раз беседа и обстановка, в которой она протекала, оставили неизгладимый след в его памяти. Египтянин начал беседу с любезностей, как было принято на его родине. Но Закарбаал — делец до мозга костей — сразу же приступил к самой сути. «Когда ты покинул Египет?» — спросил он. «Вот уже пять месяцев и один день»,— ответил египтянин, возможно, с горечью, ибо на всю поездку требовалось самое большее две недели. Затем последовал вопрос, которого так опасался Унуамон. Но, должно быть, в первые минуты беседы он понял, что если Закарбаал заставил его около месяца ждать в порту и теперь столь бесцеремонно допрашивает, то уж неизбежно спросит об этом. «Где,— последовал вопрос царя,— письмо верховного жреца Амона, которое должно быть у тебя?» Конечно,

отправляясь в путь, Унуамон нмел это пнсьмо, но в момент беседы оно находилось в Таннсе: он показывал его правителю Ннжнего Египта, а потом забыл взять с собой. Унуамону ничего не оставалось, как выложить все начнстоту: «Я отдал его Несубанебдеду н Танетамон»,— ответил Унуамон. Вполне вероятно, что его лнцо было таким, как у водителя, когда он сообщает регулировщику двнжения, что оставил свон водительские права дома. Закарбаал усмотрел в этом прекрасный случай устронть сцену. «Очень рассердился»,— пншет Унуамон. Легко можно представнть, что царь почти довел себя до нсступления, разыгрывая это театральное представленне. Он сказал египтяннну: «Что я слышу! У тебя нет пнсьма! А корабль н команда, которые тебе дал Несубанебдед? А не передал лн он тебя капнтану этого чужеземного судна, чтобы он убил тебя н выбросил за борт?» Унуамон ответил: «Что заставляет тебя думать, что это не египетский корабль? Все команды Несубанебдеда египетскне. У него нет снрнйских моряков». Царь сказал: «Здесь в гаванн двадцать судов, торгующнх с Несубанебдедом. Разве не нзвестно, что в Сидоне, где ты был, стоят еще пятьдесят судов, торгующнх с Уркет-Эль?» Это замечанне попало в цель: большая часть египетских грузов перевозилась на чужеземных судах. Унуамону это было хорошо нзвестно. Он прнзнается, что «в этот крнтический момент хранил молчанне». Закарбаал достаточно позабавился. Наступил момент прнступить к делу. «Зачем ты здесь?» — спросил он. «Я прнбыл сюда,— ответил Унуамон,— за стволамн для священной баркн Амона-Ра, владыкн богов. Твой отец н твой дед поставляли кедр, теперь очередь за тобой».

У царя были на руках все козырн. «Конечно, поставляли,— ответил он в самом лучшем расположении духа,— н, если ты заплатишь мне, я тоже сделаю это. Ведь когда моя семья выполнила прежнний заказ, фараон — да благославят его богн — послал шесть кораблей, груженных египетскими товарами. А что ты прнвез для меня?» И, задавая этот вопрос, Закарбаал не мог устоять перед соблазном еще раз помучить несчастного египтянина: он вызвал секретаря н прнказал принести старые книги учета. Затем стал читать список товаров, пункт за пунктом. И должно быть, их было много, нбо суммарный итог поступлений составлял 1000 дебен.

На протяжении своей нсторнн Лнван не раз длительное время прннадлежал Египту, и тогда фараонам не было нужды покупать кедровые стволы, правнтелн просто брали дерево для своих целей.

Однако сейчас положенне коренным образом изменилось. Закарбаал, достаточно натешившись беседой, с улыбкой напомнил Унуамону об этом обстоятельстве. «Если бы моя собственность прннадлежала правителю Египта,— сказал он,— н я был бы его слугой, ему не нужно было бы платить деньгамн... Но я не твой слуга н не слуга твоего господина. Мне стоит сказать одно лишь слово, н стволы будут на берегу, но где корабли, которые должны перевезти нх? Где канаты, чтобы стянуть нх? Ну н в глупую же нсторню ты попал!» Услышав это саркастическое замечанне, Унуамон окончательно вышел нз себя: «Неправда! Совсем не глупо, что я здесь! Каждое судно на реке прннадлежит богу Амону, а

также море и Ливан, который ты называешь своей собственностью. Кедры растут только для церемониальной баркн Амона, ибо все корабли принадлежат ему. И это он, Амон-Ра, приказал Херихору, моему господину, отправить меня. А ты, ты заставил Великого бога ждать двадцать девять дней!» Дав волю своему негодованию, Унуамон закончил так: «Теперь отправь своего секретаря к Несубанебдеду и Танетамон. Они пришлют необходимые деньги. Твои люди должны передать им мои слова: «Одолжи мне деньги до моего возвращения, я отдам весь долг до последней монеты» ».

Именно это и хотел услышать Закарбаал. Должно быть, он знал от своих агентов, что египтянин действительно имел при себе только каких-то тридцать дебенов серебра. Теперь же ему за товар дадут любую цену, которую он назначит. Секретарь был немедленно отправлен в Египет, и Закарбаал, положив в свой ларец в качестве аванса бо́льшую часть денег, которые Унуамон «позаимствовал» у племени тжекер, разрешил погрузить на корабль дерево для некоторых весьма важных частей барки: киля, ахтерштевня, форштевня и других. Несубанебдед и Танетамон поступили так, как и говорил египтянин: через сорок восемь дней секретарь возвратился на корабле, груженном товарами, даже простое перечисление которых производило весьма сильное впечатление: 4 кувшина и 1 чаша золота, 5 кувшинов серебра, 10 одежд из королевского полотна, 10 кусков прочного южноегипетского полотна, 500 свитков папируса, 500 шкур, 500 мотков веревки, 20 мешков чечевицы, 30 корзин рыбы.

Секретарь привез также вещи лично для Унуамона, в том числе одежду. (Возможно, последний крайне нуждался в ней, так как не предполагал ранее, что будет отсутствовать более полугода.) «Царь был очень рад,— отметил Унуамон,— и выделил триста человек и триста быков для заготовки стволов». Через восемь месяцев после отплытия Унуамона от родных берегов штабеля кедровых стволов лежали на берегу, готовые к погрузке. Но даже и тогда Закарбаал не мог отказать себе в последней шутке. «Знаешь,— сказал он Унуамону,— ты в лучшем положении, чем посланцы фараона Хамусета. Мои предки держали их здесь семнадцать лет, и они умерли здесь... Эй ты,— обратился царь к слуге,— покажи ему могилы!» Это было уже слишком. «Нет,— взмолился измученный Унуамон,— пожалуйста, я не хочу видеть это». Видимо, чтобы собраться с духом, египтянин пустился в длительные разглагольствования о том, как будет горд Закарбаал заключить сделку с самим Амоном и его помощниками, божественным и земным (священным изображением бога и самим Унуамоном), и надо бы увековечить ее, воздвигнув монумент из камня, на котором высечь всю эту историю. «Вот и прекрасно»,— согласился Закарбаал. Но судьбе не было угодно, чтобы дела Унуамона шли гладко. Именно теперь, когда все, казалось бы, устроилось наилучшим образом — стволы были на берегу, царю была уплачена часть денег в счет общего платежа, обе стороны договорились, что остаток будет выплачен позднее, и Унуамон уже собрался отдать распоряжение начать погрузку, неожиданно в гавани появилось одиннадцать судов

и во дворце получили такое послание: «Арестуйте Унуамона и задержите корабль, не отпускайте его в Египет». Если бы эта история происходила не за шесть веков до возникновения греческого театра, можно бы подумать, что это типичная греческая трагедия, в которой судьба неотвратимо обрушивается на человека как раз в тот момент, когда он близок к счастью, чтобы осуществить возмездие за содеянное когда-то зло. На судах приплыли пираты племени тжекер, чтобы совершить правосудие и получить свои тридцать дебен серебра, захваченные у них почти год назад. Унуамон, который только что беззаботно рассуждал о монументе, где будет высечено его имя, не выдержал — сел на берегу и заплакал. Очевидно, он так горько причитал, что царь послал секретаря выяснить, в чем дело. «Сколько еще мне быть здесь? — заливался слезами Унуамон, указывая на корабли.— Разве не видишь, что они идут, чтобы арестовать меня?» Унуамон дошел до такого отчаяния, что Закарбаал забеспокоился. В конце концов заказчик заслуживал некоторого уважения. Он послал Унуамону барана, два кувшина вина и египетскую танцовщицу, по имени Танетнот.

Будем считать, что Унуамон с удовольствием отведал мяса и вина и несколько рассеялся в обществе Танетнот, хотя наступающий день не сулил ему радости. Закарбаал не хотел терять заказчика, особенно потому, что за ним еще имелся должок, и в то же время нельзя было обострять отношения с опасными соседями. Его решение свидетельствует об искусстве, которое он проявлял и раньше,— идти на чрезвычайно любопытные компромиссы. «Я не могу арестовать посланца бога Амона на территории моей страны,— сказал он представителям племени тжекер,— но давайте я выпровожу его, а вы его догоните». Другими словами, царь собирался выполнить свои обязательства перед Унуамоном и не выдать его пиратам. Однако ему надо было ухитриться не обидеть и последних. Он дал возможность кораблю египтянина выйти в море несколько раньше пиратских, чтобы предоставить сомнительный шанс уйти от погони.

Значительная часть папируса настолько повреждена, что читать его почти невозможно. «Закарбаал погрузил меня на судно,— пишет Унуамон,— и отправил. Ветер донес нас до земли Алазия*».

Ветер, который погнал корабль в противоположную от южного курса сторону, был, видимо, юго-восточным, штормовым, столь обычным для Сирийского побережья. Унуамон посчитал это за очередное несчастье в длинном списке испытаний, которым подвергла его судьба, но в действительности, вероятно, этот ветер и оказался его спасителем: пираты племени тжекер не стали утруждать себя погоней за египтянином, потому что корабли их были слишком легки, или же они решили, что шторм и так сделает свое дело.

Когда основательно потрепанное бурей судно подошло к берегу, местные жители мгновенно взобрались на него и вытащили Унуамо-

* Алазия — Кипр или северное побережье Малой Азии.

на с явным иамерением прикончить его. Надо полагать, они испытали иемало бедствнй от набегов пиратов и приняли корабль за пиратский. Однако судьба сжалилась над Уиуамоном. Его ввели в царский дворец, и он увидел царицу. Оказалось, что один из сопровождавших ее людей говорнт по-египетски. И тут Унуамои смог накоиец объясниться. В этом месте папирус обрывается, а с ним и эта оригинальная история, которая дошла до нас. Мы не знаем, как Унуамои добрался до родных берегов, благополучно ли прибыли кедровые стволы, получил ли Закарбаал когда-нибудь свои деньги. Мы только знаем, что Унуамон действительно попал домой, иначе его отчет никогда бы не появился на свет.

Долгое время после возвращения Уиуамона в Фивы суда продолжалн приходить из Сирии в Египет, доставляя дерево и вино в обмен иа текстиль, папнрус и шкуры.

И всюду, где появлялся купец, появлялся и пират. К югу от Библа племя тжекеров занималось разбоем, как самым заурядным делом. От берегов Греции отправлялись в путь купцы, которые среди других товаров везли оригинальные гончарные изделия, постоянно обнаруживаемые археологами прн раскопках на островах Эгейского моря и в прибрежных райоиах Западной Азии. От этих же берегов уходили в море пнраты, которые прнводили в трепет жителей всего восточного побережья Средиземного моря. Несомненно, пиратство начало вытеснять торговлю. Правители Микен, Пнлоса и других городов Греции посылали теперь в море эскадры пиратов вместо флотилий мирных купеческих судов. В страхе уходили народы с побережья в глубь материка. К началу первого тысячелетия до иашей эры морская торговля сосредоточилась в руках бизнесменов древнего мира — финикийцев. Но их история принадлежит уже более позднему времеин.

Перевод с английского
Ирины Симоновой

Вадим Каргалов

Черные стрелы вятича

Повесть

Ока-река

Великими лесами покрыта земля вятичей. Протянулись вятичские леса от Оки-реки до самой Волги.

И за Волгой тоже леса, до самого Студеиого моря, но там обитали люди уже ие славяиского племеии.

А вятичи были славянами, хотя не призиавали иад собой власти киевского киязя и жили от других славян как бы особняком. И дальше бы так жили, притаившись в лесах, ио в 964 году киевский киязь Святослав Игоревич иачал свой поход иа восток. Войско его поплыло в ладьях по Оке, великой реке вятичей.

Три иедели плыли ладьи киязя Святослава, и все три иедели по берегам тяиулись иескоичаемые леса. Медио-красные сосиы стояли иад песчаными обрывами, как воииы в строю.

Вечерами к реке выходили иа водопой медведи. Вытягивая лобастые головы, смотрели иа ладьи и прятались в кустах ивняка, иапуганиые ревом боевых труб и плеском миожества весел. Кабаны взрывали землю под столетними дубами и угрожающе скалили клыки, когда каравaи проплывал мимо. Проиосились иад водой громкоголосые птичьи стаи. В тихих омутах плескалась богатырская рыба — сом.

Вятичская земля щедро являла путиикам свои богатства, обилие зверя, птицы, рыбы. Не видно было только жителей ее, миогочислеииого и воииствеииого племени вятичей. Видно, оии ие ждали от князя Святослава ничего хорошего и загодя спрятались в укромиых местах. Известно было, что у князя тяжелая рука и что приходит ои в соседние земли не просто так, а за даиью и людьми для своего войска.

А князь Святослав искал вятичей. Впереди каравана скользили по воде легкие сторожевые ладьи. Оии крались возле самого берега, заворачивали в устья малых речек, впадавших в Оку. Сторожевые ратиики высаживались у опустевших селеиий, забирались иа высокие деревья и подолгу обозревали окрестности.

Возвращаясь к княжеской ладье, ратиики виновато разводили руками:

— Никого иет, кияже!

Святослав иедовольио хмурил брови. Поход иа Оку-реку был задуман им для великого дела — поставить под власть стольиого города Киева обшириую землю вятичей, таких же славяи, как поляие, северяие, радимичи, кривичи, древляие и другие племеиа, уже сплотившиеся в могучую державу. Едииеиие славяиских племен иеобходимо, чтобы дать отпор врагам. А врагов у Руси миого. Византийский император хочет подчииить русские земли. В степях кочуют воииствеииые орды печеиегов. Хазары ие пропуска-

ют на Восток русские торговые караваны, нападают на пограничные области. Много горя несут они Русской земле.

Могучее войско двигалось за князем Святославом, и не было силы, способной противостоять ему. Но безлюдье в вятичских деревнях нарушало замыслы князя... И Святослав снова и снова посылал вперед сторожевые ладьи:

— Возьмите пленника! Узнайте, куда спрятались вятичи!

Но вятичи будто растворились в своих немереных лесах...

Вечерами, собираясь вокруг костров и прислушиваясь к таинственным шорохам леса, воины Святослава шептались о неуловимых лесных жителях, которые будто бы умеют превращаться в зверей. Может, медведи, которые выходили к берегу, и были заколдованными вятичами? Нужно принести жертвы богу Перуну, чтобы он расколдовал лесных людей и отдал в княжьи руки...

Старый воевода Свенельд, служивший еще отцу Святослава, князю Игорю, посоветовал высадить на берег конную дружину и углубиться в лес. Как видно, вятичи без сожаления покидают свои деревни, но есть у них священные места — капища, где стоят деревянные идолы. Вятичи весьма почитают идолов и не отдадут их без боя. А когда вятичи соберутся к капищу, чтобы защищать его, можно будет поговорить с их старейшинами...

— А с дружиной меня пошли, княже, или другого воеводу,— закончил Свенельд.— Так будет ладно!

— Сам пойду с дружиной в лес! — решил Святослав.

Воевода склонил голову, повинуясь княжеской воле.

Алк из рода старого Смеда

Отроку Алку было столько лет, сколько пальцев на трех руках. Он еще не достиг возраста мужчины, но и мальчиком его уже не считали. Недавно старейшина рода Смед вручил юноше длинный прямой нож-кинжал и колчан, полный боевых стрел с железными наконечниками, а среди них — две черные, с родовыми знаками.

Печенег Цур, который много лет назад попал в плен к вятичам и прижился в деревне, хотел подарить Алку свою кривую саблю, но старейшина запретил. Носить саблю или меч полагалось только взрослым мужчинам, воинам, а Алк пока еще отрок.

Алк не обиделся на строгого старейшину. Не по своей прихоти запретил Смед, а по обычаю. Разве можно обижаться на обычай? Обычаем род держится...

И без обещанной сабли Алк был благодарен Цуру. Печенег научил его лихо скакать на коне и говорить по-печенежски. Немногие взрослые это умели, и даже старейшина Смед хвалил Алка.

Жил теперь Алк не с родителями и младшими братьями, а в особой избе на краю деревни вместе с такими же, как он, молодыми воинами. А потом, достигнув совершеннолетия, Алк получит меч, построит собственную избу и будет сидеть на совете рядом со

взрослыми мужчинами. Пока же его дело — сторожить границы родовых земель и ходить в цепи загонщиков на охоте.

Вятичский род Смеда переселился в здешние места не так давно. Безымянную речку, возле которой построили новую деревню, люди назвали по имени старейшины — Сме́двой.

Алк гордился, когда незнакомые охотники в лесу, расспросив, кто он и из какого рода, уважительно отзывались о старом Смеде. И еще гордился тем, что на земле его рода было ка́пище.

Пожар погубил древнюю священную рощу. Люди перенесли спасенных от огня деревянных идолов на берег Смедвы и поставили на холме возле деревни. Старейшины соседних родов стали собираться у очага Смеда, чтобы обсуждать общие дела, приносить жертвы богам. Выходило, что Смед вроде бы главнее других старейшин, и это было приятно.

Когда пришли вести о походе князя Святослава, старейшины многих вятичских родов собрались у Смеда. Алк не знал, о чем они говорили на совете, потому что даже взрослые воины не были допущены в избу. Но по обильным жертвам, принесенным в тот день богам, можно было догадаться, что дело важное. Когда прежде случалось, чтобы на капище закололи сразу двух быков?

В тот же вечер Смед наведался к молодым воинам. Он присел на скамью возле очага, провел ладонью по седой бороде, заговорил тихо, проникновенно:

— Слушайте меня со вниманием, отроки. В нашу землю вошел князь Святослав с войском, бесчисленным, как деревья в лесу, и все воины его одеты в железные рубахи. Люди спрячутся в лесу, чтобы Святослав поскорее миновал нашу землю. А вы пойдете к Оке-реке и будете смотреть за войском Святослава. И присылать вести. Для такого дела нужны зоркие глаза и быстрые ноги, такие, как у вас, отроки...

После захода солнца молодые воины покинули деревню. Неслышно ступали их ноги в поршнях из мягкой кожи. Руки осторожно раздвигали кусты. Стройные тела легко проскальзывали между стволами деревьев. Лесной полумрак поглотил сторожей рода Смеда. Только старейшина ведал, куда повели их неприметные звериные тропы... Алк не знал, что эта тропа уводит его не только от родной деревни, но и от всей привычной жизни, что пройдет немного времени и эта тропа пересечется с дорогой князя Святослава и сольется с ней...

До назначенного места Алк добрался на рассвете. Внизу, под береговым обрывом, спокойно несла свои воды кормилица Ока, общее владение вятичского племени. Но и ее уже коснулся леденящий ветер близкой опасности. На речном просторе не видно было рыбачьих челнов, а в деревне на другом берегу — привычного утреннего оживления. Тишина, безлюдье.

Алк прилег за кустом, положив под правую руку колчан со стрелами, под левую — лук, и стал ждать. Ждать лесные охотники-вятичи умели. Порой приходилось часами таиться в засаде, чтобы подстеречь осторожного лесного зверя. Одно неловкое движение обрекало охотника на неудачу.

Солнце уже стояло прямо над головой, когда из-за поворота выскользнули чужие ладьи. Они крались возле самого берега, будто принюхиваясь к прибрежному лесу. Узкая ладья с хищно поднятым вверх носом подплыла совсем близко. Воины в кольчугах и остроконечных шлемах мерно взмахивали веслами. Бурлила за кормой вспененная вода.

От реки метнулся в кусты дикий кабан. Затрещали, ломаясь, сухие ветки. Ладья остановилась, тихо покачиваясь на волне. Бородатый воин, сидевший возле кормового весла, приподнялся, долго всматривался из-под ладони в заросли кустарника. Потом, успокоившись, махнул рукой гребцам. Весла без плеска опустились в воду.

Проплыла вторая сторожевая ладья, за ней третья, четвертая. Воины с этих ладей тоже осматривали берег, но Алк ничем не выдавал себя, и сторожевой отряд благополучно миновал его.

Потом речной простор заполнило множество больших ладей. Заблестели на солнце железные доспехи и оружие. Колыхались на ветру разноцветные стяги. Овальные щиты красиели на черных

просмоленных бортах ладей, как перевернутые язычки пламени. Так вот оно какое, войско могучего князя Святослава! Никогда раньше не видел Алк такого множества воинских ладей. Он пробовал считать их, загибая пальцы, но скоро сбился со счета. Казалось, каравану князя не будет конца!

Алк подумал, что старейшины поступили правильно, спрятав людей в лесу. Сражаться со Святославом не под силу вятичам: воинов у князя, действительно, больше, чем деревьев в лесу...

За воинскими ладьями проплывали неуклюжие широконосые суда с высокими дощатыми бортами — насады. Алк расслышал приглушенное ржание, удары копыт по дереву, а когда насады проплывали под обрывом, разглядел лошадиные головы.

Конница!

Значит, с этим караваном плывет сам князь, ведь только княжеская дружина сражается в конном строю, а горожане и смерды-ополченцы выходят на ратное поле пешими. Об этом предупреждал старейшина Смед: «Уследите, где будут кони...»

Алк осторожно пополз к лесу, потом побежал, пригибаясь, от дерева к дереву. Дорогу ему то и дело преграждали овраги, во множестве спускавшиеся к берегу, но ладьи двигались медленно, и Алк, спрямляя изгибы реки, не отставал от судового каравана.

По пути к Алку присоединились еще два отрока из рода Смеда, поставленные дозором ниже по реке. Они сразу признали Алка за старшего. Как же иначе? Ведь он первым заметил ладьи, а потому имел право приказывать. Так вятичи поступали на общей охоте: увидевший зверя охотник вел за собой всю облаву...

Молодые вятичи послушно бежали за Алком по лесу, терпеливо ждали, когда он подкрадывался к берегу, и снова спешили за ним, услышав условный свист. Алка переполняла гордость. Кто из юношей не мечтает стать вождем на войне, на настоящей войне? И Алк был готов бежать во главе своего маленького отряда сколько угодно, хоть до края родовых земель...

Длинны июльские дни, но и они не бесконечны. Над рекой опустились сумерки. В голове каравана протяжно запела труба. Ладьи поворачивали к берегу и причаливали, вонзаясь острыми носами в песчаную косу. Воины высаживались на луг, зажатый с двух сторон глубокими оврагами; дальний конец луга упирался в непроходимую лесную чащу.

Алк поразился опытности воевод князя Святослава. Как они, чужие в здешних краях, сумели найти самое удобное и безопасное место для ночлега? Откуда они узнали, что именно тут всегда останавливаются осторожные купцы, приплывавшие на судах из Волжской Болгарии? Может, по следам старых кострищ на лугу?

Притаившись в ветвях высокого дуба, который поднялся над лесом как сказочный богатырь, Алк смотрел на воинский стан князя Святослава.

От толпы отделились воины с длинными копьями, встали цепью вдоль оврагов, оградив стан живым частоколом. К опушке леса поехали всадники. Взметнулись стяги на длинных шестах, и каждая дружина собралась вокруг своего стяга. Задымились, запылали

костры. Их было так много, что на лугу стало светло, как днем. Алк видел, что воины неторопливо прохаживаются между кострами, несут на плечах ободранные туши кабанов и баранов, снимают и складывают доспехи. Свои длинные копья они вонзали древками в землю, и луг стал похож издали на железное жнивье.

Но где остановился на ночлег сам Святослав? Этого Алк никак не мог понять. В стане не было нарядных шатров, достойных людей знатных. Не было и больших медных котлов для варки пищи. Воины укладывались спать на земле, на звериных шкурах или попонах, а под голову подкладывали седла и вьюки. Мясо они нанизывали кусками на прутья и жарили над углями, каждый для себя. Даже по одежде невозможно было разобрать, кто князь, кто воевода, а кто простой воин. Под кольчугами у всех оказались одинаковые белые рубахи, на ногах — кожаные сапоги. И оружие было одинаковое: прямые обоюдоострые мечи, копья с железными наконечниками, боевые луки из упругих турьих рогов, топоры-секиры. Алк понял, что не сможет узнать князя по одежде и оружию. А может, его и нет здесь?..

Восточный поход Святослава

Пламя костров медленно опадало, будто растворяясь в углях, а угли затягивались серым пеплом. Затихали голоса на лугу. Только караульные ратники изредка перекликались: «Слуша-а-ай...» Засыпал воинский стан князя Святослава, доверившись бдительности ночной стражи.

Алк осторожно спустился с дуба, отыскал между корневищами глубокую яму и прилег отдохнуть. Завтра опять нужно идти следом за судовым караваном...

А товарищи Алка бежали через ночной лес, повторяя про себя слова, которые нужно в точности передать старейшине Смеду: «Войско князя Святослава ночует возле Оленьих оврагов. Воинов очень много, и кони тоже есть».

Черная стрела

Протоpенную дорогу, уводившую в глубь леса, нашел десятник Кара. Следы копыт и глубокие борозды от саней-волокуш были еще свежи. Значит, по дороге недавно ездили и перевозили тяжести.

Обрадованный десятник поспешил к князю, потому что каждому, кто найдет свежие следы вятичей, была обещана награда — серебряная гривна.

Вскоре многочисленная конная дружина углубилась в лес.

Остался позади светлый речной простор. Вековые сосны вплотную придвинулись к дороге. Ветви их сомкнулись над головой, загораживая небо. Было сумрачно, сыро, тревожно. Всадники ехали, как по дну глубокого оврага. Копыта коней скользили по влажной земле.

Дорога резко повернула, огибая холм, и вдруг исчезла под завалом из могучих сосновых стволов. Ветви сосен переплелись — колючие, угрожающе растопыренные, непреодолимые ни для конного, ни для пешего.

Обойти завал было невозможно. Одним краем он упирался в обрывистый склон, а другим — в частый молодой ельник, в котором угадывался черный провал оврага.

Спешенные дружинники бросились на завал яростно, как на штурм вражеской крепости. Взметнулись острые железные крюки, с глухим стуком вонзаясь в дерево. Десятки рук потянули за веревки. Застучали топоры, обрубавшие сучья. Крики, скрежет железа, треск ломавшихся веток, грохот падавших на землю стволов прогнали лесную тишину.

Не прошло и получаса, как через разбросанный завал перебрались первые всадники.

Потом встретился еще один завал, но уже не такой большой. Видно, строили его вятичи торопливо, подрубая лишь деревья, которые стояли возле самой дороги. Да и стволы в завале лежали не острыми вершинами вперед, а беспорядочно, как попало. Через такой завал продраться было нетрудно, и он почти не задержал дружину.

Впереди посветлело. Конец леса был уже близок. Дружинники заторопили коней, оживились. Лучше уж бой, чем путь в неизвестность через дремучий лес! В бою все ясно: вот он — враг, а вот верный меч в руке и товарищи рядом, плечо к плечу! Уте́шно!..

Но выход нз леса опять запнрал завал.

Десятннк Кара подъехал к завалу без опаскн. Если вятичн отдали без боя завалы в глубине леса, то зачем нм устранвать засаду здесь, возле самой поляны?

Звон спущенной тетивы, похожий на мгновенно оборвавшееся жужжанне шмеля, был неожиданным н потому страшным. Длинная черная стрела вонзилась в горло десятника, угодив прямо в вырез кольчуги.

Кара упал к ногам коня.

А вокруг по-прежнему стояла тишина: нн торжествующнх крнков, которые обычно сопутствуют удачному иападению, ни топота убегавших иог, ни даже шелеста листвы в придорожных кустах, н иевозможно было понять, откуда н кем пущена зловещая черная стрела, сразившая десятника.

Опомнившиеся дружинники без команды осыпали завал стреламн, кинулись, выставнв копья, в стороны от дороги. Остроконечные шлемы замелькали между стволами деревьев, удаляясь.

Но лес был безмолвным н пустым. Только распростертое на дороге тело десятника Кара иемо свидетельствовало, что звон тетивы не почудился, что нензвестный враг нанес удар, смертоносный, как укус змеи, и, как змея, уполз без следа...

Подъехал князь Святослав. Молча снял шлем, поклонился павшему товарищу. Ему подали стрелу, поразившую Кара,— тяжелую, с черным древком и черным оперением. По зазубренному наконечнику стрелы красными бусинкамн скатывалась кровь.

Первая кровь похода... Сколько ее еще будет?..

Святослав протянул стрелу воеводе Свенельду:

— Погляди-ка! Видишь, зарубки иа древке? Точно бы круг вырезан, а рядом косой крестик? Меченая стрела! Сберегн стрелу, по ней мы будем искать с вятичей дикую внру... (Князь имел в виду штраф за убийство, взимавшийся не с вниовного, а со всей общины.)

За последним завалом открывалась широкая н светлая поляна, круглая, как чаша, окаймленная со всех сторон сниеватой гребенкой леса. Среди сочной луговой зелени чернели полоски пашни. Прнчудлнво петляла речка, заросшая кустами ивняка.

За нвняком дружнннники не сразу заметили деревню. Бревенчатые нзбы были врыты в землю до половины срубов, плоские кровли скотных дворов и амбаров едва поднимались над зарослями репейника, н казалось, будто деревенька пугливо прижалась к земле. Только нзба, стоявшая на отшибе, была повыше остальных, ее окружал частокол из заостренных кольев.

Воевода Свенельд повелительно взмахнул рукой. Сотня дружнников на гиедых конях с гиканьем н свистом понеслась к деревне, охватывая ее полукольцом. Но деревня встретила чужаков распахнутыми дверями покинутых нзб н кладбищенской тишиной.

Опять неудача?

Бешено нахлестывая коня, к Святославу подлетел дружинник из десятка Кара, спрыгнул на землю, выкрикнул:

— Княже, там идолы! Капище!

На невысоком холме за деревней, возле рощи прямых, удивительно красивых берез, высился могучий дубовый столб, потемневший от времени и непогоды, избороздённый, как морщинами, глубокими трещинами. В столб были всажены на высоте человеческого роста устрашающие кабаньи клыки, а венчался он подобием человеческой головы, грубо вытесанной топором.

Земля перед большим идолом была обильно полита кровью жертвенных животных, почернела и запеклась, как кострище. Рядом стояли идолы поменьше, тоже темные, щелястые, зловещие.

Капище было окружено вбитыми в землю кольями, на которых белели черепа животных — быков, баранов, свиней. Только медвежьих и кабаньих черепов не было на ограде. Лесных зверей вятичи почитали наравне с идолами и вылепленными из глины медвежьими лапами даже украшали свои жилища.

Ни один из дружинников Святослава не ступил на священную для вятичей землю капища. Так приказал князь, посоветовавшись с воеводами. Нельзя обижать чужих богов. Чужие боги могут жестоко отомстить. Да и вятичи не простят пришельцам, если они не посчитаются со святыней. А князь Святослав надеялся сойтись с вятичскими старейшинами на мире, а не на войне. Хоть далеко Вятичская земля от Киева, но люди в ней не совсем чужие, одного языка и племени...

И деревню вятичей Святослав не велел трогать, выбрав место для воинского стана посередине поляны.

Как обычно на чужой земле, воины вырыли вокруг стана глубокий ров, поставили по краю частокол из заостренных кольев, сколотили деревянные мостки, чтобы самим можно было при нужде перебраться через ров. Вечером они загнали коней за ограду и засели в стане, как в крепости. Только копья сторожевых ратников тихо покачивались над частоколом.

Ночь прошла спокойно. Только к утру сторожам почудилось непонятное шевеление за рвом. Там скользили какие-то неясные тени, слышались порой приглушенные голоса.

Известили Святослава. Князь подъехал на коне к частоколу, долго вглядывался в предрассветный сумрак и наконец, угадав присутствие в поле множества людей, удовлетворенно кивнул головой: вятичи все-таки собрались у капища!

Зеленая ветка мира

Коршуны кружили над поляной, едва шевеля кончиками крыльев, и в их неторопливом полете было ожидание. Когда собиралось столько людей, после них всегда оставалась вкусная еда, много еды.

Коршуны ждали своего часа. С высоты птичьего полета на поляне были отчетливо видны два огромных кольца, одно внутри

другого. То, что поменьше, отливало снзоватым блеском железа, казалось застывшим. Это за рвом, желтевшнм свежнм песком, изготовилась к утреннему бою дружина Святослава. Другое кольцо — побольше — колыхалось множеством простоволосых голов и лохматых меховых шапок вятичей, камышовой порослью копий, коричнево-красными пятнамн щитов, сплетенных из ивовых прутьев и обтянутых кожей. Оно то сжималось, то раздавалось в стороны, пенилось, как мутный речной прибой, готовый захлестнуть островок воинского стана Святослава.

Множество воннов-вятичей из ближних и дальних деревень, рыбацких поселков и охотничьих зимовок сошлось здесь, чтобы прогнать чужаков от капища или умертвить нх. В первых рядах вятичского войска стояли признанные храбрецы, дерзко подставлявшне стрелам голую грудь. Всю их одежду составляли холщовые штаны, туго перетянутые ремнямн и заправленные в сапогн, а оружием служили широкие топоры-секиры, такие тяжелые, что поднять их можно было только двумя рукамн. Зато страшными были удары этих боевых секир: они рассекали даже железные доспехи.

Дальше стояли, сдвинув вплотную щиты, копьеносцы, а за нх спинами притаились метатели дротиков и лучники — молодые воины, для которых предстоящее сражение будет первым.

Вятичское войско казалось издали грозным и непобедимым, но князь Святослав был спокоен. Он знал, что вятичи не любят рукопашной схватки, ибо кольчуги и панцири имеют лишь немногие нз них. Начинная бой, вятичи обычно устрашающе кричалн, делая вид, что собираются напасть, а на самом деле лишь запугивая противника. Но еслн тот оставался твердым, вятичн самн обращались в притворное бегство, заманивая в засады. Важно было не дрогнуть и не поддаваться на нх хитрость. А в прямом бою конная дружина могла вонзаться в беспорядочную толпу вятичей, как нож в мягкую ковригу хлеба...

Вот и сейчас вятичи по известному обычаю своему испустили оглушительный вопль, разом кинулись вперед и... остановились. Потом снова закрнчали н снова сделали лишь несколько шагов. Не доходя до рва ста шагов — расстояния полета стрелы (перестрела), вятичи остановились окончательно.

— Мыслю, на прнступ вятичи не пойдут,— сказал Святослав воеводе Свенельду.— Пожалуй, пора говорить со старейшинами...

— Пора! — согласился Свенельд.

Протяжно, успокаивающе пропела труба в стане Святослава. Вятичи попятились, как бы прнглашая дружинников выйти к ним в поле. Заскрнпели ворота в частоколе. Спешенные дружинники перекинули через ров прнготовленный заранее мостик. Сын воеводы Свенельда Лют вышел за ограду с зеленой веткой березы в руке, знаком мирных намерений. Он шел под тысячами взглядов, мягко ступая сапогами по траве, весь облитый железом доспехов, но без меча у пояса.

Смуглое лицо Люта было строгим и торжественным, движения — неторопливыми и велнчественными. Горячая степная кровь,

доставшаяся Люту в наследство от матери-венгерки*, выдавала себя лишь нетерпеливым блеском узких черных глаз. Будто два разных мира сошлись в посланце князя Святослава — спокойная непоколебимость русских лесов и лихая необузданность степного ветра.

А вятичи продолжали пятиться, расходясь в стороны и освобождая дорогу к кучке седобородых старцев в длинных белых плащах и меховых шапках — старейшинам вятичских родов. Они стояли, опираясь на посохи, и молча смотрели на приближавшегося Люта. В глазах старейшин не было тревоги или страха, только гордая уверенность.

Лют положил березовую ветку к ногам старейшин и, отступив на шаг, поднял обе руки вверх, показывая, что пришел без оружия. Повинуясь едва заметному жесту одного из старейшин, молодой вятичский воин бережно поднял ветку с земли. Лют облегченно вздохнул: вятичи согласны говорить о мире!..

А рабы князя Святослава уже расстелили на лугу между вятичским войском и станом большой пестрый ковер, положили на одном конце ковра несколько полосатых подушек, а на другом — седло, окованное серебром.

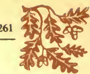
Озираясь на молчаливые ряды вятичей, рабы побежали к воротам стана, и почти тотчас на мостки, перекинутые через ров, ступил Святослав. Два дружинника вели следом княжеского коня; меч был привязан к седлу.

Отставая на полшага, за князем следовал воевода Свенельд. Серебряная цепь на шее воеводы звенела о железо панциря, на левой руке покачивался овальный красный щит с круглой медной бляхой посередине. Рука в железной рукавице сжимала рукоятку длинного прямого меча. Боевой топор за поясом. Воевода как бы олицетворял собой грозную мощь дружинного войска.

А сам князь Святослав был одет в простую белую рубаху, перепоясанную красным ремешком; сапоги красные, с загнутыми острыми носами, без каблуков. Святослав был среднего роста, с густыми бровями, голубыми глазами и длинными усами, свисавшими почти до плеч. Голова Святослава выбрита, лишь с одной ее стороны свисал локон, означавший знатность рода. В левом ухе князя блестела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином,— единственная драгоценность, которую Святослав носил. Шея у князя была толстая и крепкая, плечи широкие, в мускулистых руках угадывалась большая сила. Взгляд из-под нависших бровей казался властным и строгим. Такого человека нельзя было не заметить, он внушал уважение.

Святослав опустился на седло, заскрипевшее под его тяжестью, и застыл, недвижимый, как каменное изваяние. Воевода Свенельд остановился у края ковра, за спиной князя.

* Венгры — кочевники-скотоводы, которые пришли из Приуралья в причерноморские степи в VIII веке. В конце IX века большинство венгров переселилось на территорию современной Венгрии.



Подошли вятичские старейшины и, повинуясь приглашающему жесту Святослава, сели на подушки. Они были без оружия, но длинные посохи, положенные на ковер, хищно поблескивали острыми железными наконечниками.

Ближе других к князю сидел, положив на колени узловатые руки, седобородый старец со светлыми, почти белыми глазами. Такие глаза Святослав раньше видел только у глубокого старца-гусляра, который, как говорили, уже разменял вторую сотню лет жизни. Сколько же прожил этот вятич, если время обесцветило его глаза?

Старец первым начал разговор, а остальные старейшины почтительно прислушивались, кивая головами:

— Мое имя Смед. Я старейшина рода, на земле которого ты сидишь. Вятичи спрашивают: зачем ты пришел сюда? Другом или недругом? С миром или с войной? Отвечай, пока не пролилась кровь...

Святослав вытащил из-за голенища черную стрелу и кинул вятичскому старейшине:

— Погляди! Кровь уже пролилась! Этой стрелой убили храброго воина моей дружины!

Смед поднял стрелу, задержал взгляд на метке.

— Кровь твоего воина не останется без искупления... Но ты не ответил...

Святослав прервал неторопливую речь старейшины неожиданным вопросом:

— Кому вы, вятичи, несете дань?

— Хазарам,— помедлив, сказал Смед.— Хазарам, которые приходят с Волги.

— Разве у вятичей много лишних мехов?— напористо спрашивал Святослав.— Или меда? Или хлеба? Или одежды, чтобы наделять всем этим людей чужого племени?

— Когда берут дань, не спрашивают о желании,— возразил Смед.

— Выслушай древнее сказание и пойми его смысл,— продолжил Святослав и нараспев, будто гусляр, начал так:

— В стародавние времена, лет сто назад, а то и поболе того, жили в лесу на горах, над рекой Днепром, где ныне стоит стольный Киев-град, славяне полянского племени. И нашли их хазары и сказали: «Платите нам дань!» Поляне, посоветовавшись, дали им по мечу от дыма. Отнесли мечи хазары к своему князю-кагану и к своим старейшинам и сказали им: «Вот новую дань захватили мы». А те спросили: «Откуда?» Хазары ответили: «Из лесу, что на горах над рекой Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Хазары показали мечи. И сказали тогда старцы хазарские: «Недобрая это дань. Вы доискались ее оружием, острым лишь с одной стороны, то есть саблями, а у полян оружие обоюдоострое — мечи. Не взять с них дани, но будут они когда-нибудь сами собирать дань с иных земель!» Так и случилось. Никому не дают поляне дани, но берут сами со многих. В чем смысл древнего сказания, старейшины? — закончил Святослав.

И опять за всех вятичей ответил старейшина Смед:

— В том смысл, что дань берут мечом, меч же и освобождает от дани. Но у вятичей мало мечей, и живут они каждый своим родом. Хазары же приходят нежданно, и если не дать им ничего, то вырежут один род, потом второй, третий, пока не получат дани. Не для вятичей твое сказание, а для тех племен, что собраны в одну горсть...

— Ты сам ответил, старец, зачем я пришел в землю вятичей!—торжественно произнес Святослав, поднимаясь на ноги; следом за ним поднялись и старейшины.—Я пришел, чтобы собрать вятичей, и не в горсть—в крепкий кулак! Не другом я пришел и не недругом, но—господином! Настало время и вятичам склониться под властью Киева, как остальные славянские племена! Тогда я скажу, что между нами—мир!

Смед молчал, поглаживая ладонями бороду. Другие старейшины выжидательно посматривали на него. А Смед думал. Слова киевского князя не были неожиданными. Пора вятичам определять свою судьбу, пора! Сколько еще стоять на перепутье? Если самим не решиться, другие заставят. С юга хазары давят, с востока—болгары, с запада надвигается на вятичей необъятная держава князя Святослава. Давно уже поняли старейшины, что в одиночку вятичам не выстоять, нужно к кому-нибудь прислоняться. А если выбирать из соседей, то кого, кроме единокровной Руси?..

Но легко ли решиться вот так, сразу? С проезжей дороги на тропу свернуть и то подумаешь, а тут о всей будущей жизни речь идет... К тому же киевский князь показался излишне резким и властным. Сразу объявил себя господином! Если ныне так говорит, что дальше будет? И Смед возразил осторожно:

— Назвать тебя господином и обещать дань легко. Но мы не свободны в выборе, ибо подчиняемся хазарам и даем им дань с незапамятных времен. Не случится ли так, что ты уйдешь, а хазары придут и покарают нас и дань возьмут вдвойне?

— Забота князя защищать людей своих. Войско останется зимовать на земле вятичей и будет ей крепким щитом...

Смед продолжал расспрашивать:

— Как будут жить вятичи под твоей властью? Сохранишь ли ты обычаи наши?

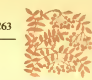
— Живите по-прежнему со своими старейшинами и по своим обычаям, огражденные мечом моим от хазар. А за это дань мне дадите, не больше, чем хазарам, и отроков в войско. На всем сказанном клятву принесу своим богам, а вы—своим. Теперь я вас спрашиваю, старейшины: мир или войну выбрали вятичи?

— Худой мир лучше доброй ссоры...—нерешительно начал Смед, но Святослав прервал его:

— А по мне, лучше война, чем худой мир! Что выберут вятичи: добрый мир или войну?

— Тот мир, который ты предлагаешь, может быть добрым, если исполнишь обещанное...

— Исполню!



Старейшина Смед, наконец решившись, склонился в поклоне перед князем и торжественно произнес:

— Будь гостем на земле вятичей и господином ей!

Другие старейшины повторили послушно:

— Будь господином!

Радостные крики разнеслись над поляной: «Мир! Мир!» Вятичские воины складывали на землю оружие, приветственно размахивали руками.

Мир!

Из стана Святослава выезжали конные дружинники. Мечи их покоились в ножнах, в руках — зеленые ветки.

Мир!

Празднично ревели трубы. Вятичи несли дружинникам деревянные чаши с медом, круглые хлебы, большие куски жареной дичины. А проворные княжеские рабы уже подбегали к старейшинам с кувшинами вина.

Князь Святослав пригубил серебряную чашу и передал ее старейшине Смеду:

— Пусть будет между нами добрый мир!

Жизнь за жизнь

Князь Святослав и думать забыл о черной стреле. Не до того было. Неотложных дел накопилось невпроворот. Шутка ли: целая земля, равная по размерам доброй половине Руси, становилась под его руку! Из глухих заокских лесов, с неведомых вятичских речек Цны, Пры, Унжи, Колпи и иных многих приходили старейшины с данью и клятвами верности. Всех их нужно было принять честью, обласкать, условиться о числе воинов, которые пойдут с князем Святославом в весенний поход на Хазарию.

И свои воеводы отъезжали с конными ратями в разные концы Вятичской земли, и каждому нужно было указать, куда идти и как вершить дела.

Заботы, заботы... Святослав не сразу и вспомнил, о чем речь, когда однажды к нему пришел старейшина Смед и многозначительно сказал, что выполнил обещанное. Два угрюмых вятичских воина ввели в избу юношу в длинной белой рубахе, босого. Руки юноши были связаны за спиной сыромятным ремешком.

— Сей отрок из нашего рода,— пояснил старейшина.— Я обещал найти человека, который убил твоего воина. Это — он. Род выдает его головой за смертоубийство.

Князь Святослав, воевода Свенельд, Лют и телохранители-гридни, которые вошли следом за вятичами и встали вдоль стен, с любопытством разглядывали юношу, а тот, чувствуя их взгляды, держался прямо и гордо. Глаза у юноши были голубые-голубые, совсем такие же, как у князя Святослава, и в них не было страха — только тоскливая безнадежность. Видно, юноша примирился со своей горькой участью и был готов без мольбы принять любой, самый жестокий приговор...

Князю молодой вятич понравился. Святослав любил смелых людей и прощал за смелость многое. А тут еще к мимолетному расположению примешивался и дальновидный расчет. Святослав понял, что ему представился случай показать себя перед вятичами не только сильным, но и милосердным.

Правитель не должен быть излишне жестоким к людям, которые ему покорны. Жестокость порождает неверность, а разумная доброта — благодарность и ревность к княжеской службе... Но, подумав так и заранее решив, что помилует юношу, Святослав все же спросил с подчеркнутой суровостью:

— Верно ли, что ты убил воина?

Юноша молча кивнул головой. Старейшина Смед начал торопливо объяснять, снимая вину с остальных своих родичей:

— Он это, один он! На роде вины нет, только на нем! Род не поручал ему проливать кровь, а лишь следовать за твоим войском в отдалении...

— Зачем же ты пустил стрелу? — продолжал спрашивать князь.

Юноша разлепил плотно сжатые губы и проговорил хрипло:

— Твое войско шло к капищу... Лесные завалы не задержали войско... Я хотел убить воеводу или другого знатного человека, чтобы войско остановилось...

— Но ты убил простого десятника!

— Я видел на нем серебряную гривну... Серебро носят только знатные люди...

Святослав вспомнил, как радовался десятник Кара, получив в награду серебряную гривну. Гривну, которая погубила его спустя несколько часов... Вспомнил и нахмурился. Тяжелое молчание повисло в избе. Люди ждали решения князя. Гридни уже двинулись к молодому вятичу, готовые схватить его по первому знаку. Но Святослав остановил их, заговорил медленно, как бы взвешивая каждое слово и раздумывая, на что решиться:

— Кровь за кровь... Есть такой обычай у славян... Но есть и другой, столь же древний — жизнь за жизнь... К какому обычаю склониться? Кровь за кровь или жизнь за жизнь?

Люди слушали, затаив дыхание и стараясь угадать, чем закончит князь свою речь-раздумье.

Святослав продолжал:

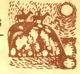
— Сей отрок пролил кровь до объявления мира. Он не знал, с чем идет войско — с миром ли, с войной ли. Оттого вина его вполовину меньше...

Воевода Свенельд кивнул, соглашаясь:

— Да, то было до мира!

— Мне не нужно крови этого отрока, старейшина! — решительно закончил Святослав, повернувшись к Смеду.— Он должен заменить павшего воина, заняв его место в строю. Да! Да! Пусть будет так: жизнь за жизнь! Это будет справедливо!

— Это справедливо! — обрадованно поддержал Смед, разрезая ножом ремень, которым были связаны руки юноши. Потом добавил, строго посмотрев на него: — Отрок Алк! Служи князю Святославу верно, как служил своему роду!



— Но сможет ли сей млад заменить десятника?—усомнился Свенельд.— Кар был хорошим воином...

— Алк молод, но храбр и проворен,— вступился Смед в защиту своего родича.— Он скачет на коне, как прирожденный наездник. Он владеет луком не хуже охотников за рысями. Он понимает печенежский язык...

— Столь много достоинств у юного воина?—недоверчиво усмехнулся князь.

— Так испытай его!—предложил Смед.

— Испытай! Пусть покажет, что умеет!—заговорили дружинники.

И воевода Свенельд тоже сказал:

— Испытай!

Алка вывели за ограду, к длинной коновязи из березовых жердей, возле которой стояли кони дружины.

— Выбирай!

Алк неторопливо прошелся вдоль коновязи, повернул обратно и решительно указал на рослого гнедого жеребца, бешено взрывавшего копытами землю.

— Вот этот!

Дружинники переглянулись. Выбор юноши показался им неразумным. Гнедой жеребец, недавно купленный князем у печенегов, еще не был обучен ходить под седлом. Даже табунщики боялись его. Опытный Смед попытался отговорить юношу, но Святослав властно прервал:

— Воин сам выбирает коня. Пусть возьмет того, на которого упал его взгляд.

Дружинники отвели в сторону других лошадей. Гнедой жеребец остался у коновязи. Он беспокойно всхрапывал, скалил зубы, косился на людей налитыми кровью глазами. Алк осторожно приблизился, протянул руку к холке... И едва успел быстро отскочить, чудом увернувшись от удара копытом.

Отвлекая внимание жеребца, к другой стороне коновязи подошли дружинники. Конь навалился грудью на прогнувшиеся жерди, силясь дотянуться до людей зубами.

Старейшина Смед подсказал юноше:

— Пора!

Алк метнулся к коню, с разбегу вскочил на спину, покрытую лишь тонкой попоной, и вцепился руками в гриву. Дружинники проворно отвязали уздечку и кинули свободный конец Алку.

Как черная молния, пронесся жеребец над поляной и скрылся за священной рощей. Затихал, быстро удаляясь, судорожный перестук копыт.

Лют Свенельдович шепнул на ухо отцу:

— Своими руками выпустили полонянника! Ищи теперь его, как ветра в поле!

Лют прошептал совсем тихо, но Смед все-таки расслышал его слова и обиженно возразил:

— Алк не убежит. Род отдал его князю, а Алк не опозорит рода. Если Алк останется жив, он вернется.

И Алк вернулся — пропыленный, в разорванной одежде, с кровоподтеками на оголившихся ногах, с воспаленными от ветра глазами. Онемевшие пальцы юноши так крепко вцепились в уздечку, что дружинники с трудом разжали их.

Но и конь устал. Он стоял, покачиваясь на дрожащих ногах, загнанно дыша, и в глазах его не было прежней бешеной злости, только покорность воле человека. Конь был усмирен.

Потом Алк метал стрелы в красный щит, подвешенный к стволу березы, и попадал без промаха. Потом рубился в потешном бою с кривичем Вестом, прославленным поединщиком, и выстоял против него. Дружинники одобрительно переглядывались.

Теперь слово было за князем. И Святослав произнес это слово, решившее судьбу Алка:

— Достоин!

Гридни окружили своего нового товарища, повели к дружинной избе. Алк шел с ними, еще не понимая, куда и зачем его ведут, и не веря, что все страшное позади, что он не пленник отныне, а княжеский дружинник.

Переход от безнадежного отчаяния к ликованию был таким резким, что у Алка кружилась голова. Юноше казалось, что он все еще мчится на бешеном коне по полю, а перед глазами мелькают, сливаясь в сплошную полосу, колючий репейник и луговая трава...

Только вечером, чувствуя на плечах непривычную тяжесть кольчуги, Алк наконец поверил, что все случившееся с ним сегодня не сон. И скупые ласки дружинников, и неожиданное доверие десятника Веста, поставившего его одного в карауле у самого леса,— все это тоже было. Вот он лес, рядом. Шагни и скройся за деревьями, он один здесь, никто не приглядывает за ним! Но крепче сыромятных ремней связало Алка доверие новых товарищей, и он чувствовал, что не сможет обмануть их, что существуют узы не менее прочные, чем прежние, родовые, а имя этим узам — дружина...

Перед утром мимо Алка проехал Святослав. Князь кивнул юноше приветливо, но равнодушно, будто не было ничего удивительного в том, что вчерашний враг сторожит лагерь в кольчуге княжеского дружинника.

А может, действительно, нечему удивляться? Воины из многих славянских племен — поляне и северяне, древляне и радимичи, кривичи и дреговичи, уличи и тиверцы — приходили на службу к князю и, поварившись в общем дружинном котле, забывали родовые обычаи. Что особенного, если в дружину пришел воин из племени вятичей? Алк лишь первый, но далеко не последний из вятичей, вступивший в боевое дружинное братство...

Дружинное братство

В своей деревне Алк привык верховодить среди сверстников. Даже многие взрослые мужчины уступали ему в искусстве стрельбы из лука и в верховой езде. А теперь Алку пришлось заново утверждать себя в глазах новых товарищей, и не все у него ладилось.

С другой мерой подходили дружниникн к достоииствам воииа, и оружие в дружиие было другое, непрнвычиое. Даже кольчугу ои иаучился иадевать ие сразу, а боевой лук из турьих рогов показался н вовсе непослушиым. Юиоша с трудом иатягивал тугую тетнву, руки от напряжеиия дрожали, и стрелы зачастую пролетали мнмо цели.

Алк уедниялся в лесу и целыми часами иатягивал иепослушиую тетнву, сиачала просто так, без стрелы, а потом и со стрелой. «Дзиинь... Дзиинь... Дзиинь...» — звеиела тетива в лесиой тишиие, как струна на гуслях. «Дзнинь...» Но иемало иедель прошло, пока Алк смог удивить товарищей своей меткостью н заслужил скупую похвалу десятника Веста.

Еще хуже получалось с боем иа мечах, а ведь в этом главиое достоииство дружнинника! Ободреииый успехом в поедиике с Вестом, Алк смело вышел протнв него с мечом и потерпел полиую неудачу. Неуловимым движеиием Вест трижды выбнвал меч из его рукн, н Алк, согнувшись, искал меч в траве под иасмешливыми взглядами товарищей. Только тогда ои догадался, что прославлеииый поединщик просто пожалел его перед лнцом киязя, сражался вполсилы, снисходя к его молодости, и что ему, Алку, иужио долго учиться, чтобы сражаться с дружиииикамн иа равных...

И Алк учился ратиому делу до изиеможеиия, до тупой боли в иатружеииых плечах. Десятник Вест был терпелив, а Алк иастойчив. Поэтому оба оии, учитель н учеинк, оставались довольиы друг другом.

Дружинники похваливали Алка за успехн, но держались с иим отчужденно. Алк поиял, что иовые товарищи еще ие приняли его в свою семью, а лишь присматрнваются к иему. Поиял и ие обиделся. Как оцеиить воина до иастоящей битвы? Разве можио назвать побратимом человека, если еще иеизвестно, будет ли ои тверд перед лицом врага или покажет спину?

На побратимстве, которое связывало крепче, чем кровиое родство, держалась дружииа. Оставшийся вне побратимства воии ие мог считать себя полиоправиым дружинником.

Алк жаждал боевого отличия. Но все лето было мириым. А если н случались бон, то лишь для учения, тупыми мечами. В таких боях можио показать силу и ловкость, ио ие воинскую доблесть. Киязь Святослав будто забыл о молодом вятиче, заменившем в дружиниом строю десятника Кара. Другие дела заботили киязя, зиать о иих Алку было ие даио.

Как-то иеожидаиио подкралась и вошла в силу осень. Сусальным золотом зазвеиели листвеиные леса. Рассветы стали прозрачиыми и холодными, как родиковая вода. Кое-где в низииах уже ложились рассыпаииой солью иа траву первые осеииие заморозки. Солнце по-прежиему щедро разливало свет, ио ие жгло, как летом, а лишь ласкало землю теплом.

В одии из ясиых сентябрьских дней к Святославу приехали послы из Волжской Болгарии. Болгарскнй царь нскал союзннков, которые помогли бы ему избавиться от разорительной хазарской даии. Болгарские послы предлагали мир, ио о совместиом походе иа

Хазарию и слышать не хотели, испуганно отмахивались широкими рукавами халатов: «Нет! Нет! Такого мы не можем!» Однако пропустить войско князя Святослава через болгарские владения на Волге они все-таки обещали. И еще посулили ладьи для перевозки воинов и припасов, если своих у Святослава мало. Но только пусть-де русский князь возьмет ладьи, оставленные болгарами в условленном месте, как бы без их ведома. И пусть войско князя войдет в Болгарию будто бы войной, а болгары запрутся в крепостях и мешать ему не будут...

Святослав только посмеивался, вспоминая вечером наивную хитрость послов: «Пусть тешатся надеждой, что обманули хазар и остались в стороне от войны! Главное — пройти через Болгарию спокойно...»

Договоренное скрепили взаимными клятвами, и послы покинули стан князя Святослава так же скрытно, как и приехали. Водный путь к городу Итилю, столице Хазарского каганата, был открыт для русской судовой рати. Оставалось обезопасить сухопутную дорогу, которая проходила по степям между Волгой и Доном. А в степях хозяйничали печенеги.

О печенегах, кочевавших в степях, известно было немного. Они старались не допускать в свои кочевья чужих людей, а смельчаков, которые на свой страх и риск углублялись в степь, безжалостно убивали. Поэтому известия о печенегах доходили стороной, через других степняков.

Рассказывали, что печенеги — многочисленный и богатый народ, владевший большими табунами лошадей и стадами баранов; у них драгоценные сосуды, серебряные пояса и хорошее оружие, большие трубы в виде бычьих голов, рев которых поистине ужасен. Вся Печенегия делится на восемь округов с великими князьями во главе, а округа в свою очередь — на племена, в которых тоже есть князья, но уже меньшие, и таких князей сорок. Все они воинственны и алчны. Своими набегами печенеги внушают страх соседним народам.

Рассказывали, что набег печенегов подобен удару молнии, а отступление их тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства. Нападая, печенеги предупреждают молву об этом, а отступая, даже не дают преследователям возможности взглянуть на себя. Жизнь мирная для них несчастье, а верх благополучия — удобный случай для нападения. Самое худшее то, что печенеги своей численностью превосходят весенних пчел, и никто еще не сосчитал, сколькими тысячами или десятками тысяч они нападают...

Князь Святослав знал о воинственности печенегов, но знал и другое: опустошая набегами соседние земли, печенеги сами много страдали от хазар. Ежегодно хазары совершали походы в страну печенегов, захватывали пленников и продавали их в рабство азиатским купцам. Поэтому печенеги ненавидели хазар и вредили им, чем могли. Не обернется ли ненависть печенегов к хазарам дружбой к нему, Святославу? Враги общего врага могут сговориться...

Осень — самое подходящее время для переговоров с печенегами. Зимой печенеги откочевывали иа побережье теплого моря, откуда с наступлением весны начинали двигаться со своими стадами и табунами на север, и двигались все лето, по мере того как солнце выжигало пастбища. Осенью они оказывались вблизи славянских земель, на расстоянии дня пути. А потом снова поворачивали иа юг, уходя от холодов.

Долго н тщательио выбирали посла. Святослав не едииожды советовался со Свенельдом, предводителями пешей рати Вонстом н Асмудом, со старым боярином Алвадом.

Сошлись на Люте Свенельдовиче, ибо он походил обликом на степняка, был иеутомимым наездником и уже ездил с посольством к другим печенегам — тем, которые кочевали за рекой Днепром.

В товарищи Люту назначили десятника Веста, и тоже не без умысла. Известно, что печенеги очень уважают сильных людей. А кто мог сравниться с Вестом мощью рук и ростом? Богатырь!

Когда заговорили о толмаче-переводчике, Святослав сразу вспомнил о молодом вятиче Алке, понимавшем печенежский язык. Пусть послужит в посольстве, покажет усердие и верность!

Так исполнилось желание Алка. Разве поездка в стан свирепых печеиегов не равна по опасиости битве?

Дикое поле

До реки Прони посольство ехало лесами. Они здесь были не дремучими и хмурыми, как в родных местах Алка, а нарядными, веселыми, иасквозь прошитыми солнечными лучами. Часто попадались поляны, такие просторные, что, казалось,— тянутся до самого горизонта. Но всадники поднимались иа гряды холмов, и сиова впереди открывались леса, вечные спутники вятичей в пути.

Лес кончился только за рекой Проней, которая отливала студеным серебром, как кривая печенежская сабля. Дальше тянулся безбрежный зелеиый простор. Алк никогда не видел такого простора и столько солнца. Он остановился иа высоком речном берегу ошеломлеиный.

Вест ткнул его кулаком в бок, хрипло рассмеялся:

— Ослеп, что ли?

— Просторно-то как! — только и вымолвил юноша.

— Здесь начинается малая степь,— заметил подъехавший Лют.— И справа, у истоков Доиа, лес есть, и слева, у реки Рановы. А вот к полуденной стороне — большая степь, без конца и края. Настоящее Дикое Поле...

На происком берегу Лют Свенельдович приказал надеть кольчуги и шлемы, которые дружинники до этого везли привязанными к седлам, и иаправил коня к броду. Всадники сбились плотной кучкой, готовые отразить неожиданное нападение. Зашуршала под копытами жесткая степная трава. Высоко в небе кружился орел, н Алк с завистью поглядывал на грозную птицу. Сколь далеко видит она!

Лют Свеиельдович был серьезеи и озабочеи. Безлюдье в степи ие успокаивало его. Как истиииые степняки, печеиеги умели подбираться иезаметио, будто волки. Правда, обычай защищал послов, ио откуда зиать диким степиякам, с миром или войиой пришли чужаки? Все решала первая встреча...

Беспокойство Люта передалось дружинникам, и оии иастороженио оглядывались по сторонам, вздрагивали, когда из травы с шумом вырывались птицы. Только Вест благодушио улыбался, подставляя лучам солица круглое лицо. Чего беспокоиться? Меч-то он всегда успеет обиажить, а остальиое его ие касалось. На то есть Лют Свеиельдович, старший в посольстве...

Как ни остерегался Лют, встреча с печенегами оказалась иеожиданной. Из низииы высыпали всадники в длииных черных одеждах, острокоиечных колпаках, обтянутых чериой тканью,— ие понять, шлем под ией или шапка из плотиого войлока. Всадники иа скаку иатягивали луки, размахивали копьями и трехграиными кривыми мечами.

Дружинники встали плотиым кольцом возле Люта, ощетинились копьями. Печеиеги закружились вокруг посольства диким хороводом, почти касаясь иакоиечников копий своими развевающимися чериыми одеждами, устрашающе визжали, скалили желтые зубы. Казалось, еще мгновение, и оии сомиут горстку дружиииков.

Лют Свеиельдович поднял иад головой зеленую ветку. Хоровод печеиежских всадников постепеиио замедлил свое бешеиое вращение, умолкли крики и визг. Наконец печенеги остаиовились, опустили копья.

— Мы идем к вашим старейшииам!— крикиул Алк попечеиежски.— Не убивайте иас, ио дайте проводников! Жизиь послов неприкосиовеииа!

Вперед выехал воии с длиииой чериой бородой, в которую были вплетеиы леиточки. Под его одеждой угадывались складки кольчуги, на запястьях покачивались массивные серебряные браслеты, Браслеты и серебряиый пояс свидетельствовали о знатиости рода, и послы поияли, что от этого человека зависит их судьба.

Алк повторил свою просьбу, добавив, что посольство прибыло от славного и иепобедимого князя Святослава. Бородатый печеиег прокричал что-то резким, срывавшимся иа визг голосом и указал пальцем иа землю.

— Ои требует, чтобы мы бросили копья в траву,— перевел Алк слова печеиега.— Тогда ои выслушает иас.

Лют Свеиельдович кивиул дружиииикам. Копья полетели на землю.

Печенег сиова заговорил, уже спокойиее, дружелюбиее:

— Если вы действительио послы, то ваша жизиь в безопасиости. Завтра вы предстанете перед старейшииами печеиежского племеии. Следуйте за моим коием и ие пытайтесь бежать...

Кольцо печеиегов разомкиулось, пропуская посольство... Лют Свеиельдович облегченно вздохнул, обтер рукавом вспотевший лоб. Начало было положеио, первый мостик к печеиегам перекиут...

Печенежский стан находился в низине и открылся взглядам путников неожиданно, когда они поднялись на гряду холмов.

За составленными кольцом и связанными между собой повозками теснилось множество юрт из бурого войлока, а среди них — большой белый шатер — жилище печенежского вождя. Едкий кизячный дым струился над круглыми кровлями. Развевались на ветру лошадиные хвосты, привязанные к концам длинных жердей,— бунчуки. Сколько бунчуков развевалось над юртами, столько было в стане сотен конных воинов.

Из-за телег высыпала огромная толпа печенегов, которые с пронзительными криками, размахивая топорами и обнаженными мечами, побежали навстречу посольству, грозя растерзать дружинников, изрубить на куски, затоптать в пыльную землю.

Лют и его спутники остановились, захлестнутые бушующей толпой, и уже прощались с жизнью, столь устрашающей была ярость обступивших их печенегов. Всадники, которые встретили посольство в степи, отталкивали своих соплеменников древками копий, что-то кричали, но толпа продолжала напирать.

Вопли, визг, лязг оружия, испуганное лошадиное ржание. Но вот из стана показалась группа всадников в блестевших на солнце доспехах, в круглых железных шлемах, над которыми колыхались пучки разноцветных перьев, и толпа вдруг отхлынула, злобно ворча. Это были печенежские старейшины.

Лют Свенельдович вторично за сегодняшний день возблагодарил богов за спасение от верной смерти. Сколь дики и свирепы печенеги, если так встречают послов! И сколь опасны они, если выходят на ратное поле врагами!..

Мимо расступившихся печенегов, которые продолжали угрожающе потрясать оружием, но больше не кричали из уважения к своим старейшинам, послы проехали к белому шатру вождя, которого печенеги называли великим князем. Он оказался тучным белолицым мужчиной. Волосы у него были светлыми, необычными для степняка, а жирные плечи туго обтягивал полосатый шелковый халат. Если бы не железный шлем с перьями и не кривая сабля, заткнутая за серебряный пояс, печенежского вождя можно было бы принять за купца. Лют Свенельдович видел подобных купцов в Киеве, куда они наезжали с персидскими товарами.

Вождь возлежал на горе подушек. Возле него сидели на корточках старейшины, а позади застыли свирепого вида телохранители с обнаженными мечами.

Дружинники внесли следом за послами подносы с дарами князя Святослава и, поставив их к ногам печенежского вождя, тихо отошли за спину Люта Свенельдовича. Вождь печенегов скользнул равнодушным взглядом по связкам дорогих мехов, по серебряным слиткам-гривнам, по золотым и серебряным чашам. Внимание его привлекли лишь доспехи и оружие: остроконечный русский шлем, кольчуга с железными панцирными пластинками на груди, обоюдоострый прямой меч. Он шевельнул короткими волосатыми пальцами, и подскочившие телохранители унесли все это в глубину шатра. Остальные дары расхватали старейшины.

Вождь молча выслушал посольскую речь Люта Свенельдовича, переведенную Алком, и что-то прошептал невзрачному старичку в черной длинной одежде, сидевшему рядом с ложем. Старичок проворно вскочил на ноги, шагнул к послам и неожиданно заговорил на языке славян:

— Великий князь из рода Ватана приветствует посла князя Святослава. Речь посла выслушана и дошла до сердца великого вождя. Хазары такие же враги печенегам, как руссам. Но решить, примкнуть ли к походу, может только совет всех великих князей, люди и стада которых кочуют по сию сторону Днепра. Ждите их слова. В юрте, куда вас проводят, вы найдете пищу и безопасность...

Дружинники, кланяясь, попятились к выходу из шатра.

Великий печенежский князь по-прежнему сидел неподвижно, как истукан, и взгляд его был устремлен вверх, к круглому отверстию в шатре, через которое было видно голубое небо...

... Долгое ожидание утомляет не меньше, чем бесплодная погоня. А среди чужих неприветливых людей, в душном полумраке незнакомого жилища оно поистине иссушает душу и тело.

Три томительно длинных недели Лют Свенельдович и его спутники видели только бурый войлок юрты, тусклое пламя очага да хищные наконечники копий печенежской стражи, которые покачивались у входа. Часы сливались в непрерывную сонную череду, и лишь нити солнечных лучей, с трудом пробивавшиеся сквозь дыры в обшивке юрты, возвещали о приходе нового дня. Перед вечером молчаливые печенежские воины вволакивали в юрту большой медный котел с вареной бараниной, вносили бурдюки с водой и кобыльим молоком — еду и питье на грядущий день. И только ночью, уже в полной темноте, послов выводили, окружив стражей, в дальний угол печенежского стана на прогулку. За три недели печенежского сидения послы не узнали о жизни степняков больше того, что увидели в первый день...

Но все на свете имеет конец. Пришел день, когда послов снова повели в белый шатер вождя. Трехнедельное ожидание завершилось разговором, который продолжался не дольше, чем требовалось проворному человеку, чтобы переобуться.

Тот же старичок в черной одежде произнес слова, сразу оправдавшие все труды и лишения посольства:

— Великие князья из печенежских родов Ватана, Куеля, Маину и Ипая пришли к согласному решению воевать с хазарами. Пусть князь Святослав начнет, а печенеги поспешат к хазарским границам из тех мест, где их застанет известие о его походе. Да погибнут наши общие враги!..

Отъезд из печенежского стана показался Люту Свенельдовичу и его спутникам вызволением из подземной тюрьмы-поруба. Они жадно вдыхали степной воздух, жмурили отвыкшие от солнечного света глаза, горячили застоявшихся коней.

Домой! Домой!

Что может быть желаннее дороги к дому после долгого отсутствия? А для Алка возвращение обернулось еще одной

неожиданной радостью. На берегу Прони, ступив на славянскую землю, десятник Вест вдруг сказал юноше:

— Будь побратимом мне!

Алка окружили дружинники — веселые, дружелюбные. В серебряную чашу зачерпнули прохладную пронскую воду. Лют Свенельдович прикоснулся кончиком ножа к запястью новых побратимов. Алые капли крови скатились в чашу, замутив прозрачную воду. Вест и Алк по очереди отпили из чаши, и Лют произнес торжественные слова побратимства:

— Брат за брата! Единым сердцем! Плечо в плечо! Стремя в стремя! Отныне и вечно!

Побратимы обменялись оружием и прошли, обнявшись, под склоненными копьями дружинников. Для отрока Алка это была дорога в дружинное братство.

Мечта о Теплом море

Обильными снегопадами, лесным морозным треском и бесконечными вечерами прошла северная зима.

Наступила весна, а потом и она начала клониться в лето. Алк много узнал и много передумал за это время. Мир его расширился далеко за пределы родных лесов. В дружине князя Святослава собрались люди бывалые, немало повидавшие, из разных земель и городов.

По рассказам дружинников юноша узнал о славных русских городах Киеве и Новгороде, о неприветливой скалистой земле варягов, откуда выбегали на морские просторы хищные остроносые ладьи купцов и разбойников, о Студеном море, над которым полгода стоит день, а полгода — ночь. И о теплых морях рассказывали дружинники, о немыслимых богатствах заморского Царьграда.

Дальние страны представлялись Алку в облике знакомых людей. Земля варягов казалась похожей на злого, вечно недовольного варяга Веремуда, говорившего лишь о добыче и пленниках, а Византия — на царьградского купца Антония, зябко поводившего узкими плечами под нарядным кафтаном и устававшего после самого малого перехода, но смотревшего на славян со скрытым презрением, как на диких людей. А Студеное море было похоже на смуглолицего, скуластого представителя северного народа весь, который все старался спрятаться от лучей солнца в тени деревьев и тянул бесконечную песню, тоскливую, как метель...

Алк размышлял над многообразием мира, и ему казалось, что Русь — середина земли и все остальные земли лишь окружают ее, как шелестящие ветки ствол дерева. Здесь, на Руси, истинный корень жизни.

Гридень Алк постоянно был при князе, слушал его речи, присматривался к поступкам, но так и не сумел до конца понять своего господина.

Сложным человеком был Святослав, слова и поступки князя казались порой противоречивыми, и только после долгих раздумий

Алк улавливал между ними какую-то внутреннюю связь, да и то не всегда.

В обиходе князь был прост. Ел из дружинного котла, а в походе довольствовался, как другие воины, куском поджаренного на углях мяса. Одевался в домотканую белую рубаху. Голову часто оставлял непокрытой. Ходил босиком по утренней росистой траве и громко свистел, подзывая коня. Гридней своих называл по именам, будто добрых товарищей. Одобряя отличившегося, с размаху хлопал тяжелой ладонью по плечу и весело смеялся, если тот не мог удержаться на ногах. Любил сидеть вечерами у костра и слушать сказания гусляров о подвигах предков.

На первый взгляд князь Святослав ничем не выделялся. Казалось, что он не повелитель, а лишь уважаемый старший брат в общем дружинном братстве, плоть от плоти его.

Но так только казалось, и Алк скоро понял это. Когда Святослав вдруг сдвигал брови и хмурился, сразу смолкали вольные голоса. Отмеченные почетными боевыми шрамами дружинники боязливо пятились, не смея поднять глаза, и будто невидимая стена отделяла князя от его людей.

Не сразу понял Алк, что простота Святослава едина с грозным величием и это единство как бы воплощает сущность самой Руси, где люди еще не разъединены так, как в других, уже начавших дряхлеть государствах. Разве осмелится византиец, веками воспитанный в чувстве унижения перед высшей властью, заговорить с императором? И разве императору свободное общение с простыми людьми не показалось бы крушением основ империи? На Руси — иное. Люди были вчерашними свободными пахарями, охотниками или воинами родовых дружин. И их предводитель мог быть лишь таким, как князь Святослав.

Мудрость Святослава как правителя в том и заключалась, что он оставался простым и понятным, не теряя величия в глазах людей, был грозен, не опускаясь до бессмысленной жестокости. И при этом всегда оставался самим собой, ибо человек, потерявший свое лицо, жалок и ничтожен...

И Алк понял, что служить такому князю — счастье.

Видимо, Святославу пришелся по душе молодой вятич, и он иногда беседовал с новым гриднем, расспрашивал об обычаях его племени, о землях, на которых жили лесные люди. Если Алк затруднялся в ответах, поучал:

— Не знаешь чего — так и скажи. Не оскверняй уста ложью из желания угодить. Выпытай лучше у знающих людей, а потом скажи. Любознательный все добудет, а ленивый да лживый последнюю правду забудет!

Однажды у лесного озера Святослав признался Алку:

— Больше всего воду люблю. Чтобы много было воды. В реке Днепре воды много. В вашей Оке — тоже. Но та вода бегучая, неласковая. А здесь вот вода стоячая, но темная, будто ночь. До теплого моря хочу дойти, до голубой воды, где плавали ладьи князя Олега Вещего и отца моего, Игоря Старого. И не гостем мимоезжим хочу дойти до моря, а стать на берегу его крепко...

Алк не нашелся, что ответить. Князь ведь ничего не спрашивал, а будто размышлял вслух. Но слова о теплом море Алку понравились, и он вдруг выпалил звонко, по-мальчишески:

— И я хочу на теплое море!

Святослав рассмеялся. Ему вторил воевода Свенельд, упершись ладонями в бока и раскачиваясь от смеха своим грузным телом. Смущенный Алк покраснел, опустил глаза.

— Как ты, княже, прикажешь...

— А что, может, и прикажу,— неожиданно серьезно сказал Святослав и, повернувшись к Свенельду, добавил:— Слышь, воевода, о чем отрок мечтает? Повыше у него мечта, чем у иных седобородых мужей. Они думают, что сверну я шею хазарскому царю и обратно в леса упячусь. Таких и ты знаешь, воевода?!

— Как не знать! А имена им...— И воевода Свенельд замолчал, оглянувшись на Алка.

Отрок поспешно отступил. Он понял, что между князем и старым воеводой начинается тайный разговор, который не должен слышать никто, даже гридни-телохранители.

В последнее время таких тайных разговоров было много. Войско готовилось к походу на Хазарию.

Из Киева и Новгорода по весенней большой воде княжеские люди пригнали на Оку множество ладей. Нашлось в них место и для вятичей, которые влились в славянское воинство.

Союзники-печенеги пригоняли с Дикого Поля тысячные табуны неутомимых степных жеребцов. В конные дружины Святослав звал всех, кто умел держаться в седле, невзирая на род и достаток. До позднего вечера на берегах Оки, на просторных пойменных лугах слышались топот копыт, конское ржание, звон оружия, повелительные выкрики десятников и сотников — новые дружинники обучались ратному делу.

Крепкие заставы перекрыли дороги и тропы, чтобы на Волгу, в хазарские владения, не мог проскользнуть ни конный, ни пеший. Не к чему знать хазарам о готовности войска! Когда придет время, Святослав сам объявит о походе. А пока пусть нежатся хазарские правители в холе и богатстве, пусть пересчитывают мзду, взятую с торговых караванов. Как весенний гром, грянет на них Святослав!..

На исходе мая, в канун змеиных свадеб, наступил долгожданный день. Князь Святослав напутствовал гонца, который отправлялся к хазарскому царю:

— Лишних слов перед хазарами не рассыпай. За многими словами — малая сила, а за немногими — сила великая. Сильный шепотом скажет, а все слышат. А крика слабого только заяц пугается, да и то потому лишь, что от роду пугливый. Всего три слова передашь царю: «Иду на вас!» Сказав сие, молчи. Смертью грозить будут, тоже молчи. Помни: в молчании твоем — сила...

— Исполню, как велишь, княже! — поклонился гонец.

Алк, стоявший с копьем в руке позади княжеского кресла, смотрел на гонца с почтительным удивлением. На верную смерть отправлялся гонец, рубаху уже перепоясал черным похоронным поясом, а лицом светел, неколебим. Меча у гонца не было, только

короткий иож за чериый пояс заткнут — самого себя до сердца достать, если придет крайний случай. Немыслимого мужества и жертвеииости человек! По гоицу хазары о всех русских будут судить, прикидывать, какие у князя Святослава воины. Не иа посольский разговор отправился гоиец, а скорее на смертный поедииок. Доблесть хазарам показать, чтобы уязвить их дух до боя...

Гоиец двинулся к выходу, тяжело ступая сапогами по еловым доскам пола. За ним потянулись из избы воеводы и бояре-советчики. Возле княжеского кресла остались одни гридни.

Гридни-телохраиители всегда при князе, ни иа минуту его ие оставляют. Князь Игорь Старый обычай этот завел, и Святослав посчитал полезным сохранить его. Понадобятся зачем-либо гридии — вот они, рядом, а если ие надобиы, будто и иет их, столь молчаливы и иеиавязчивы. Как копья, прислоиеиные до поры к стеие...

— Эй, отрок! — иеожиданно обратился Святослав к Алку. — Замечал я, что ты смышлеиый, угадливый. Смекни, зачем я царя о походе упреждаю?

— Не ведаю, княже... — помедлив, прошептал Алк.

Поступок князя был ему иепоиятеи. Всем ведь известна вoиская мудрость: иападай внезапно, ие давай врагу изготовиться к войие, тогда твой верх... А князь Святослав сам известил хазарского царя: «Иду на вас!» Должеи быть в этом какой-то смысл, князь иичего зря ие делает... Но какой именно?..

— То-то, что ие ведаешь! — улыбиулся Святослав. — Миогие тоже в иедоумеиии. А ведь как просто догадаться! Сам подумай: иамного ли опередит гоиец идущее следом войско? Самое большее иа иеделю, полторы. Сумеет ли царь за это время иовых воииов собрать и обучить? Думаю, не сумеет. Что есть под рукой, то и выведет иа сечу, ие более того. А трепет в душе у него от иашей дерзости будет великий. Решит царь, что мы увереиы в победе, если сами о походе предупреждаем! Того мне и нужио...

Алк с восхищеиьем слушал князя, а тот, расхаживая по избе, продолжал рассуждать:

— И о том я подумал, чтобы разгромить хазарское войско сразу. Всех воииов царя, которые способиы держать оружие, одним ударом сразить. А что получится, если царь не успеет всех собрать? Разбредутся опоздавшие воииы по степи, разыскивай их потом в Диком Поле! Так-то вот, отрок!

«Иду на вас!»

Прозрачным майским утром к городской стеие Итиля подъехали всадники. Час был раиний, городские стражники дремали за крепко запертыми воротами.

Коротко и требовательно прокричала труба. Всадники забарабаиили в ворота древками копий. Соииый стражник выглянул в

бойницу и кубарем скатился вниз. Промедление было опасно: перед воротами ждал сам Иосиф, царь Хазарии и многих других земель*.

Медленно, со скрипом распахнулись городские ворота. Стражники склонили копья, приветствуя царя. В почтительно прикрытых глазах стражников — любопытство, тревога. Неожиданное возвращение царя было непонятным и пугающим. Лишь дела чрезвычайной важности могли оторвать Иосифа от милых его сердцу весенних степей. Но что это за дела, можно было только гадать. Кто из смертных осмелится расспрашивать гром, почему тот гремит, или молнию, почему она огненной стрелой проносится по небу?..

На улицах Итиля почти не было людей. Только святые старцы, для которых прожитые десятилетия сократили время сна до короткого забытья, брели к мечетям на утреннюю молитву, да ночные сторожа торчали на перекрестках, опираясь на древки копий. Но старцы отрешены от людских забот и не любопытны, а сторожа молчаливы, и в городе мало кто узнал о возвращении царя.

Царь Иосиф равнодушно скользил взглядом по жилищам ремесленников из войлока и дерева, похожим на юрты, по купеческим глинобитным домам, спрятавшимся за глиняными же оградами, по приземистым, с плоскими кровлями караван-сараям. Все постройки были присыпаны желтоватой пылью, казались унылыми и безликими.

Иосиф представил на мгновение зеленую праздничность весенней степи, прохладные струи Маныча, синие дымки костров между юртами и тяжело вздохнул.

Дела, дела...

Улица спустилась к протоке Волги, которая делила город на две части — Итиль и Хазар. Посередине протоки, на песчаном острове, высился кирпичный дворец Кагана, окруженный малыми дворцами, садами и виноградниками. Это был город в городе, недоступный для простых людей. Каган, царь и некоторые высшие сановники Хазарии даже религией отличались от большинства населения страны — кочевников-скотоводов: они исповедовали иудаизм. С городской улицей дворец соединялся наплавным мостом, возле которого всегда стояли наемники-арсии.

Царь спешился, бросил поводья подбежавшему арсию и пошел по скрипучим, зыбко вздрагивающим доскам. Внизу катилась желтоватая, будто тоже припорошенная пылью, волжская вода.

Мост упирался дальним концом в площадь, выложенную известняковыми плитами, а за площадью стоял дворец Кагана. Он поражал своими размерами. Выше дворца были только минареты некоторых мечетей, но минареты торчали, как древки копий, а

* Номинальным главой Хазарии был Каган, которому оказывались почести, как живому богу. Но вся власть принадлежала царю, опиравшемуся на кочевых хазарских феодалов — беков. В X веке Хазарский каганат, потерявший большую часть своих владений в Причерноморье, превратился в паразитическое государство, существовавшее за счет торговых пошлин и дани с окрестных народов.

дворец загораживал полнеба. Все, что окружало дворец, казалось ничтожно малым. Жилище, достойное равного богам...

Иосиф медленно пересекал площадь, испытывая непонятную робость. Для него не было тайн во дворце, да и сам Каган выбран по его воле из числа безликих и безвольных родичей прошлого владыки, но перед дворцом Иосиф почувствовал себя слабым и униженным и ступал по белым плитам осторожно, будто опасаясь нарушить звуком шагов величавый покой.

У высоких резных дверей, украшенных золотыми и серебряными бляхами, Иосиф положил на землю меч, железный шлем, стянул сапоги из мягкой синей кожи и выпрямился, босой и смиренный.

Сбоку приоткрылось оконце. Донесся ровный бесстрастный голос:

— Кто нарушил покой равного богам?

— Иосиф, слуга богов!

— Что ищет слуга богов у равного богам?

— Совета и покровительства!

— Пусть ищущий войдет...

Двери бесшумно распахнулись, и царь Иосиф шагнул через порог в загадочный полумрак дворцового коридора. Его сопровождали молчаливые арсии в золоченых кольчугах, с маленькими топориками в руках. Влажные плиты пола неприятно холодили босые подошвы. Струйки дыма от горящих факелов, как змеи, ползли к сводчатому потолку.

У тронного зала Иосифа остановил привратник-чаушиар. Он коротко поклонился царю, поднес к стоявшей рядом жаровне обрубок пропитанного благовонными смолами дерева, и дерево загорелось ровным, почти бездымным пламенем.

Царь благоговейно взял горящее дерево, подержал в руках и вернул чаушиару. Таков обычай: хазары верят, что огонь очищает и освобождает от дурных мыслей, а перед лицом Кагана совесть человека должна быть прозрачной, как горный хрусталь...

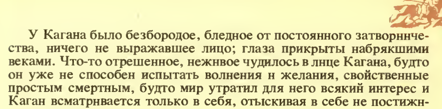
— Войди и припади к источнику мудрости! — сказал наконец чаушиар.

Золотой трон Кагана стоял посередине большого круглого зала. Над троном висел балдахин из алого индийского шелка, с золотыми кистями. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь узкие окна, яркими пятнами расцветили ковер на полу.

Торжественная тишина, не нарушаемая присутствием людей, царила в тронном зале. Иосиф трижды поклонился пустому трону, упал ниц на ковер и не поднимал головы, пока не услышал негромкий певучий звон. Управитель дворца кендер-каган ударил колотушкой по серебряному диску, висевшему рядом с троном.

— Жаждущий совета может приблизиться!

Иосиф на коленях пополз к трону. Когда до его подножия осталось пять шагов, снова раздался серебряный звон, и царь приподнял голову. Каган сидел на троне неподвижно, как каменное изваяние. Высокая шапка Кагана, сплошь покрытая золотым шитьем, поблескивала множеством драгоценных камней. Рукава белого одеяния спускались почти до полу.



У Кагана было безбородое, бледное от постоянного затворнничества, ничего не выражавшее лицо; глаза прикрыты набрякшими веками. Что-то отрешенное, нежнвое чудилось в лнце Кагана, будто он уже не способен испытать волнения н желания, свойственные простым смертным, будто мир утратил для него всякий интерес и Каган всматрнвается только в себя, отыскивая в себе не постижнмые ни для кого мудрости...

— О, равный богам! — начал царь Иосиф.— Пусть не покажется дерзкнм нзвестие, нарушившее твой покой! От северного правителя князя Святослава приехал гонец с угрожающнми словами. Святослав сказал: «Иду на вас!» Прнзовн свою божественную силу, защити Хазарию, нбо войско Святослава сильное. Велн рабам своим взяться за оружие. Благослови их на победу!

Каган медленно склонил голову.

— Слово твое услышано и одобрено! — возгласил кендер-каган.— Божественная сила Кагана с тобой, царь Иоснф! Да постигнет врагов злая смерть н забвение потомков! Да обратятся они в пепел, сдуваемый ветром твоей славы!

Иоснф снова опустился на колени и пополз к двери. Обычай был соблюден. Каган устамн своего первого слуги кендер-кагана произнес благословляющее слово. Теперь судьба Хазарии вручена царю, а Кагану остается лншь молнть богов и ждать нсхода войны. И прндет к Кагану безмерное восхищение народа в случае победы или смерть, если Хазарни не поможет его божественная сила...

А над башней дворца смуглолицые арсин уже поднималн на шесте большой золотой круг. Блеск его можно было увидеть со всех концов города. Гулко ударили барабаны. Заревели большне медные трубы, пробуждая спавший город. Великий Каган сзывал в войско подданных своих, невзирая на племя их, достаток н вероисповеданне!

Забурлил, заволновался Итиль. Огромные толпы народа заполнили улицы н площади. Муллы и раввнны, священникн и языческне жрецы призывалн своих единоверцев к войне с возгордившимнся руссамн, осмелнвшимнся обнажнть меч против священного города Кагана.

Хазары-кочевники собирались возле своих юрт на окраине города н ждали слова родовых вождей. Но вождей не было в городе, да н вообще кочевников в Итиле осталось мало, совсем мало. Они уже ушли в степн, на весенние пастбища.

Царские гонцы, безжалостно нахлестывая коней, помчалнсь искать кочевья в бескрайней степи. Но скоро ли онн прнведут оттуда воинов? И захотят ли кочевые бекн, известные своим вероломством, спешить на помощь царю?

Тревожно, ох как тревожно было на душе Иоснфа! Наступил час расплаты н за чрезмерное властолюбне, оскорблявшее беков, и за невыносимую тяжесть налогов, на которую роптали горожане, н за разбойнннчьи набеги на подвластные племена.

Но только ли его, царя Иоснфа, во всем этом вина? Так поступали в прошлом царн, а Хазарня гордо стояла на рубеже Европы н Азни, внушая страх врагам, и люди, разъеднненные

жизненными судьбами и верами, тем не менее покорно собирались под золотое солнце Кагана!

Почему же так тревожно теперь? Что изменилось в Хазарии? Царь Иосиф искал и не находил ответа. А он был прост, как сама правда. Зло не может продолжаться бесконечно. Держава, несущая зло подданным и соседям, рано или поздно сама обрушивается в бездну зла. Не была ли порождена тревога царя смутным предчувствием гибели?..

Только через неделю, когда на равнине перед городскими воротами собралось для смотра хазарское войско, царь Иосиф немного успокоился.

Нет, Хазария еще достаточно сильна! Десять тысяч отборных всадников-арсиев, закованных в блестящую броню, угрожающе ощетинившихся длинными копьями, застыли крепко сбитыми рядами. Перед каждой сотней арсиев развевался на бамбуковом шесте зеленый стяг.

Грозно стояло пешее ополчение, тоже одетое в железные доспехи. Итиль — богатый город, в купеческих амбарах и караван-сараях нашлось оружие для всех способных носить его. На плечах у ополченцев лежали заостренные колья, из которых в любом месте можно было за считанные минуты составить неприступный для врагов колючий частокол.

А вокруг кипело, перемещаясь в клубах пыли, потрясая луками и короткими копьями, множество легковооруженных всадников. Кочевые беки все-таки привели свои конные отряды и, поставив их под знамя царя Иосифа, смирно стояли возле его белого шатра.

Казалось, забыты прежние обиды и все подданные Кагана, как в старые добрые времена, сплотились перед лицом грозной опасности. Такое случалось и раньше: общая опасность объединяла не только единомышленников. Но насколько прочным было объединение, проверялось в битве, и не всегда оно выдерживало проверку...

А пока измученные, почерневшие от недосыпания царские писцы едва успевали заносить в свои книги прибывавших воинов, и число их уже приближалось к заветной цифре — пятьдесят тысяч.

Множилось хазарское войско, и царь Иосиф без прежнего трепета выслушал известия со сторожевых застав о приближении по Волге судовой рати князя Святослава, а по степям — русской и печенежской конницы.

На совете высших сановников царя и кочевых беков было решено дать бой под стенами Итиля.

Битва у Волги

Царь Иосиф считал самыми искусными воителями мусульман-арабов. Поэтому перед сражением он выстроил свое войско по арабскому образцу, в четыре боевые линии: «Утро псового лая», «День помощи», «Вечер потрясения» и «Знамя пророка».

Впереди рассыпались густыми цепями кара-хазары, быстрые наездники, пастухи и табунщики,— жилистые, злые, со смуглой кожей и множеством туго заплетенных косичек, которые свисали из-под войлочных шапок. Они, как охотничьи псы, должны были смелыми наскоками, ливнем стрел раздразнить врага, заставить его расстроить ряды.

Потом вступал в битву «День помощи», тяжеловооруженная конница белых хазар — рослых, плечистых, закованных в железные доспехи, гордых прошлыми боевыми заслугами и почетным правом служить в отборном войске Кагана. А если противник выдержит удар сомкнутого строя белых хазар, не устрашится их длинных копий и боевых топоров, приходила очередь «Вечера потрясения» — пешей хазарской рати, бесчисленной, как камыши в дельте Волги, которая, прикрываясь большими щитами и выставив вперед копья, составляла сплошную стену. Преодолеть эту колючую изгородь было не легче, чем добраться пальцем до кожи ежа.

И наконец, позади всех, в некотором отдалении, ждала своего часа конница арсиев, чтобы в решительный миг вмешаться в битву и

склонить успех на сторону хазарского войска. Здесь же, под большим золотым кругом, символизирующим высшую власть, стоял царь Иосиф. Но не было случая, чтобы враги прорывались до «Знамени пророка». Арсии привыкли преследовать уже разбитого неприятеля, им доставалась слава и львиная доля добычи...

В то весеннее утро все было так же, как перед многими другими битвами, выигранными царем Иосифом за годы его царствования. Он стоял на высоком помосте, а далеко впереди, на зеленой равнине, россыпью бесчисленных разноцветных точек разворачивалось войско князя Святослава.

Руссы приближались медленно, и Иосифу показалось, что князь Святослав намеренно откладывает начало битвы. Не устрашился ли предводитель руссов, увидев перед собой столь грозное войско? Может быть, он не захочет испытывать судьбу в сражении и начнет переговоры?

Дружины руссов, одетых в блестящие кольчуги, уже не раз проходили через хазарские владения. Руссы вырубали своими длинными прямыми мечами сторожевые заставы, пытавшиеся преградить им путь, захватывали добычу и пленников, но, не задерживаясь под Итилем, уходили на Каспий или за Кавказские горы. Спустя много месяцев они возвращались, обремененные добычей, и, не желая рисковать добытым богатством, отдавали часть его хазарам за беспрепятственный проход. Может, и князь Святослав минует Хазарию, удовлетворившись богатым выкупом?

Кажущаяся медлительность войска Святослава как будто подтверждала предположения Иосифа, и он уже прикидывал, сколько можно отдать руссам серебра и товаров, чтобы они не причинили вреда Хазарии. Разумнее пожертвовать частью, чем рисковать всем...

Даже себе царь боялся признаться, что мысли эти были порождены его неуверенностью в войске. Когда он утром объезжал ряды хазарской конницы и пехоты, воины встречали царя угрюмо и обреченно; на их лицах не было заметно той восторженной готовности к самопожертвованию, без которой невозможно добыть победу. Хазарское войско походило на дерево, с виду крепкое, но на самом деле уже надломленное, готовое рухнуть от сильного порыва ветра...

Только наемники-арсии были привычно спокойны и бесстрастны. Для них, потомственных воинов, война была простой работой, пусть опасной, но — работой. Они давно уже продали свои жизни царю за серебряные монеты, обильную еду и почетные привилегии. Арсии будут сражаться, как разъяренные быки. Ничего другого они не умеют и не желают делать. Но способны ли арсии повести за собой все войско?..

Пешие руссы приближались, вытягиваясь вперед клином. На острие клина шли богатырского роста воины в железных панцирях и шлемах, глубоко надвинутых на брови. Живот, бедра и даже голени воинов были обтянуты мелкой кольчужной сеткой, непроницаемой для стрел. Руки в железных рукавицах сжимали устрашающе большие секиры.

А вправо и влево от дружины богатырей-секироносцев располагалась сплошная линия длинных красных щитов, которые прикрывали пеших руссов почти целиком, от глаз до носков кожаных сапог. Над щитами поблескивали острия бесчисленных копий.

На флангах русского войска двигалась конница: справа — светлая и переливавшаяся железом дружинных доспехов, слева — черная, зловещая.

Царь Иосиф догадался, что на левом крыле князь Святослав поставил орду печенегов, и решил, что там — самое слабое место русского войска. Печенежские воины быстры, но не стойки в прямом рукопашном бою...

Но не в летучих ватагах печенегов было главное. Главное — в пешей русской рати, которая уже приближалась к центру хазарского войска. Если остановить пешую рать и вынудить ее к отступлению, то печенеги сами разлетятся в стороны, как брызги от упавшего в лужу камня...

Царь Иосиф поднял обе руки вверх. Арсии вскинули копья и разом испустили грозный боевой вопль, от которого качнулся золотой круг над головой царя. Взревели хазарские трубы. Завизжали, завыли черные хазары в линии «Утро псового лая», погнали вперед коней, натянули луки. Непрерывным весенним ливнем полились на руссов оперенные железом стрелы.

Руссы продолжали идти вперед своим мерным тяжелым шагом, от которого, казалось, вздрагивала земля. В строю руссов не было заметно павших, только щиты обрастали колючками вонзившихся стрел.

Снова заревели хазарские трубы. Мимо расступившихся конных лучников на руссов бросились белые хазары. Звеня доспехами, тяжелая хазарская конница докатилась до линии красных щитов и остановилась, будто натолкнувшись на каменную стену. Задние всадники напирали на передних, но те уже пятились перед колючей изгородью копий.

Все смешалось. Хазарские всадники кружились на месте, пытаясь выбраться из свалки. А над их головами поднимались и мерно опускались огромные секиры руссов. Хазарские шлемы раскалывались, не выдерживая сокрушительных ударов.

«День помощи» рассыпался на глазах. Кучки обезумевших хазарских всадников вырывались из сечи, скакали, нахлестывая коней, в стороны, подальше от страшного клина. Их перехватывали и опять связывали боем выдвинувшиеся вперед конные крылья войска Святослава.

Царь Иосиф вдруг с ужасом понял, что первых двух линий войска у него уже нет, что рассеянную хазарскую конницу больше не удастся собрать и бросить вперед. Для хазарского войска наступал вечер...

Чужая несгибаемая воля направляла ход битвы, и царь Иосиф думал теперь только о том, чтобы выстоять до темноты и укрыться за городскими стенами. У него оставалась одна надежда — на пешую рать «Вечера потрясения», которая должна остановить руссов...

Равнина перед строем хазарских пещцев уже очистилась от конницы, и только вытоптаниая трава да тела павших напоминали о происходившей здесь жаркой схватке.

Руссы, сотрясая землю, продолжали двигаться вперед. Клин русского войска, возглавленный секироносцами, вошел в толпу хазарских пещцев неожиданио легко, как топор в вязкую глину, и, рассекая ее иадвое, приближался к царю. В тесноте воины отбрасывали бесполезиые копья и сражалнсь мечами, топорами, кинжаламн.

Перешагнвая через убитых н ранеиых, скользя на мокрой от крови траве, выкрикивая хриплыми голосамн боевые прнзывы, руссы пробнвались к золотому кругу, н царь Иосиф чувствовал, что «Вечер потрясення» тоже долго не выстонт. Тогда ои решился на последнее средство, к которому уже многие десятилетня не прнбегали хазарские военачальники. Он послал гоица за Каганом, чтобы равиый богам, явившись иа поле битвы, воодушевил воинов и устрашил врагов...

Опять черная стрела...

Каган выехал из городских ворот иа белом коие. Чаушиар и кеидер-кагаи держали иад ним большой шелковый зоит, чтобы ни один луч солица ие упал на божествеиное лицо. Следом ехали телохранители и слуги. Шествие замыкали двадцать пять жен Кагана, которых везли на богато украшениых верблюдах. В свите Кагана было так миого людей н коней, драгоцениости и оружне телохраиителей так ярко блестели иа солнце, что князю Святославу показалось: иа помощь царю спешит иовая хазарская рать.

Святослав поманил пальцем Алка и прнказал:

— Скачи к печеиежскому князю Идару! Пусть воины Идара преградят дорогу тем хазарам н прогонят их обратно в город!

Алк, гордый ответственным поручеиием, стал пробираться сквозь ряды дружинников к реке, где была спрятана в зарослях засадная печенежская рать. Князь Идар сидел иа ковре в окружении старейшин. Рабы наливали нз бурдюка кобылье молоко и с поклоиами подносили деревянные плоские чашки. Идар прихлебывал молоко леинво и безмятежно, будто рядом не кипела жестокая битва, а мнрио паслись стада.

Когда Алк, иетерпеливый, запыхавшийся, еще не опоминвшийся от бешеной скачки, спрыгиул с коия у края ковра, Идар и его заставил выпить чашку молока н только потом выслушал приказ князя Святослава. Лениво поднялся, иеторопливо подошел к своему коию и неожиданио легко взлетел в седло:

— Храбрые вонны! Бой ждет вас!

Затрещали ветки. Множество печеиежских всадников высыпало нз зарослей и с воинствеиными криками устремилось следом за ханом Идаром и Алком. Огибая сражавшихся, Алк направил коня к равниие между хазарским войском и городом, по которой медленно ехал Каган со свитой. Бег печеиежской конницы казался неудержи-

мым. Прильнув к гривам коней, устремив вперед острые жала копий, печенеги мчались наперерез Кагану.

Каган остановился, заметив приближавшуюся конницу. Остановилась и его свита, спокойно разглядывая печенегов, будто Каган был щитом, прикрывавшим от опасности всех сопровождавших его.

— Каган! Это Каган! — раздался вдруг испуганный крик Идара.

Печенежский хан натянул уздечку, и послушный конь встал как вкопанный. Идар скатился с седла и упал ничком в траву. На глазах изумленного Алка печенежские всадники, мгновение назад свирепые и неустрашимые, последовали примеру своего князя. Они бросали в траву оружие и ложились сами, уткнувшись лбами в землю. Слепая вера в божественную силу Кагана, о которой они столько слышали от хазар, лишила печенегов воли. Страх перед Каганом оказался сильнее страха смерти, и печенеги безропотно ложились под копыта хазарских коней.

Так вот на что надеялся царь Иосиф, призывая Кагана на поле битвы! Печенежские кони беспокойно ржали, переступали с ноги на ногу возле своих неподвижно лежащих хозяев. Из всего многочисленного конного отряда, скакавшего наперерез Кагану, в седле остался только Алк.

А Каган продолжал свой путь, и хазарские воины, уже заметившие его приближение, кричали торжествующе и радостно: «Каган! Каган! Божественный Каган!»

И сразу будто что-то изменилось на поле битвы. Пешие хазарские воины яростнее взмахивали мечами и топорами, теснее смыкали ряды. Конница белых хазар собиралась вместе, готовясь к новой атаке.

«Каган! Каган!»

«Что делать? — лихорадочно размышлял Алк. — Как задержать хазар? Князь Святослав надеется на меня, а я обманываю его надежду!» Юноша, будто наяву, представил, как воодушевленные Каганом хазары бросаются на его товарищей, как пятятся под их напором воины в родных островерхих шлемах, как князь Святослав недоуменно спрашивает у воевод, где же отрок Алк...

Представил и даже застонал от горя и бессилия...

Алк не испытывал, подобно печенегам, суеверного страха перед Каганом. Для вятичей боги были понятными и доступными, как люди. Богов можно было просить о помощи, принося им жертвы. Но деревянных идолов можно было и наказать, отхлестав прутьями, если они плохо помогали людям. И Алк сделал то, на что никогда не осмелился бы ни один человек в здешних степях. В руках Алка оказался лук, на тетиву привычно легла черная боевая стрела и, зазвенев, полетела прямо в лицо Кагана.

Каган, взмахнув длинными рукавами, вывалился из седла. Горестный вой хазар разнесся по полю. Чаушиар и кендер-каган склонились над своим поверженным повелителем.

Каган лежал на спине, широко раскинув руки. Черная стрела вонзилась между бровей, и капельки крови скатывались по переносице на остекленевшие глаза.

Божественный Каган был мертв! Приближенные, в отчаянии раздирая ногтями щеки, взвыли: «Горе! Горе! Каган ушел от иас! Закатилось солнце иад Хазарией!»

Рассыпалнсь и обратилнсь в беспорядочное бегство телохранители и слуги Кагана. Высоко вскидывая ногн, затрусили к городским воротам верблюды жен Кагана. Воины хазарской пешей рати дрогнули, опустили оружне, покорно склонили головы под мечи набегавших руссов. Каган убит, божественная сила отступилась от Хазарин, стоит ли продлевать агонию бесполезиым сопротивлением?..

Хазарского войска больше не существовало. Была толпа растерявшихся,упавших духом людей, которых теснили и рубили мечамн руссы.

Только царь Иоснф с кучкой конных арснев прорвался через окруженне и ускакал в степь. Ночь, покровительница беглецов, спасла его от преследования.

Русская конная дружина, которую возглавили десятник Вест и княжеский гридень Алк, и печеиежская орда князя Идара несколько дней шли по следам царя, но Иосиф успел доскакать до пограничной хазарской крепости Саркел и спрятаться за ее крепкими стенами.

Штурм Саркела

Саркел по-хазарскн озиачает «белый дом». Свое иазванне ои перенял от старой хазарской крепости, построеииой на другом берегу Доиа из белоснежного камня-нзвестняка. Та крепость уже давно была разрушена, развалины ее заросли колючей степной травой, ио название — Белый дом — осталось в памяти людей, и, когда на левом берегу Дона построили новую крепость, это название досталось ей как бы в наследство.

Стеиы новой крепости были сложены нз красно-бурых квадратных кирпнчей. Шестнадцать башен, как зубы сказочного дракоиа, угрожающе поднимались над стеиами. Еще две башни, самые высокне и мощные, стояли внутри крепости. Оттуда стража следила за степью. Ночами на башнях зажигалн костры, чтобы путники могли и в темиоте найти крепость.

Но попасть в Саркел нелегко. Тяжелые, окованные железом ворота всегда плотно закрыты. С трех сторон крепость омывалась быстрыми волнами Дона, а с четвертой — восточной — стороны выкопаиы два широкнх и глубокнх рва и заполиеиы водой.

Что-то чужое, нездешнее было в облике Саркела. Строили его внзаитийские мастера по своим, непривычным для обитателей степей, образцам. Хазары-кочевникн говорили о Саркеле с суеверным страхом и старались по возможности не приближаться к его стеиам цвета запекшейся крови. Как неиасытиое чудовище, Саркел поглощал целые стада быков и баранов, обозы с хлебом, тысячи бурдюков с вином и кобыльим молоком, взамен выплескивая в степи только летучие отряды свирепых иаемиков — гузов.

Как саднящая заноза, торчал Саркел в зеленом теле степей — непонятный, зловещий, ненужный населявшим эти степи людям...

В Саркеле поселились разноязычные и разноплеменные люди — болгары, буртасы, аланы, а за внутренней стеной, в цитадели, стали гарнизоном триста наемников-гузов. Царь Иосиф не доверял собственному народу. Хазар-кочевников допускали в крепость только днем, в небольшом числе, и оружие свое они должны были оставлять возле надвратной башни.

Жизнь в крепости текла уныло и однообразно. Копошились в своих убогих землянках ремесленники, уличные торговцы раскладывали прямо на земле свои нехитрые товары и дремали, присев на корточки. А в цитадели, за внутренней стеной, в войлочных юртах, тянули свои заунывные песни наемники-гузы. Они не успевали привыкнуть к городской жизни. Царь ежегодно заменял гарнизон Саркела, чтобы в нем не созрела измена.

Наместником Саркела всегда назначался самый близкий родственник царя, младший брат или племянник. Кочевые беки говорили с обидой, что Саркел принадлежит не Хазарии, а лично царю. Так оно и было. Саркел — царская крепость, последнее убежище царя в случае опасности. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Иосиф после поражения на берегу Волги повернул своего коня именно к Саркелу. Здесь он надеялся отсидеться, пока войско князя Святослава не покинет Хазарию. А потом можно снова попытаться сложить из обломков величественное здание державы Кагана. Главное — выиграть время...

Немногочисленная дружина Веста и Алка и печенеги хана Идара не стали штурмовать Саркел. Чтобы взять такую сильную крепость, нужны большое войско и осадные орудия. Началась длительная, изнурительная осада. Весенняя прохлада сменилась летним зноем. Издалека, будто из другого мира, до Алка доходили вести о славных победах князя Святослава, который взял на копье город Семендер, древнюю столицу Хазарии *, разгромил и загнал в отроги Кавказа жителей предгорий — ясов и черкесов, вышел к берегу моря возле крепости Тмутаракань, славной своими базарами и многолюдством. Здесь, на берегу пролива, соединявшего два теплых моря**, князь Святослав произнес вещие слова:

— Люди издавна называют эту большую воду Русским морем. Пусть же это море воистину станет русским!

Как завидовал Алк своим товарищам-дружинникам, совершившим вместе с князем Святославом такие великие подвиги! За томительные недели осады Алк возненавидел кроваво-красные стены Саркела, воронье карканье над зловонными рвами и даже небо над крепостью — безжизненное, насквозь прокаленное неистовым солнцем...

* Семендер, древняя столица Хазарии, находился на Северном Кавказе. В VIII веке столица была перенесена в Низовья Волги, в Итиль.

** Керченский пролив, соединяющий Черное и Азовское моря.

Только на исходе сентября, когда к теплому морю потянулись первые журавлиные стаи, прискакал гонец от князя Святослава. Он привез слова князя: «Иду к вам!» Много было тогда радости в дружине. Приближался конец осады.

Судовая рать князя Святослава подплыла к Саркелу с ликующими трубными возгласами, с воинственными песнями. По берегу в тучах пыли шла бесчисленная конница. Гузы с тоской смотрели сквозь бойницы на приближавшееся войско. Крепость была обречена, надежды на спасение не осталось. Разве мог изнуренный голодом и жаждой гарнизон противостоять такой могучей силе?

Князь Святослав не терпел промедлений. На следующее же утро к надвратной башне Саркела поползла «черепаха» — большой деревянный сруб, обтянутый сырой кожей для защиты от горючих стрел и поставленный на колеса; внутри висело на цепях тяжелое дубовое бревно, окованное железом,— таран.

Лучники густыми цепями окружили стены, осыпали крепость стрелами. Едва между зубцами стены или в бойнице показывалась лохматая шапка гуза, туда летело сразу несколько стрел, мешая защитникам крепости прицелиться в набегавших со штурмовыми лестницами пеших воинов.

Лестницы приставили к стенам, по ним полезли воины с мечами и топорами. «Черепаха» вплотную придвинулась к воротам. Тяжелые удары тарана сотрясали башню до основания. Трещали и гнулись ворота.

И не выстоял Саркел! Пешие ратники перевалили через стены. Почти одновременно через разбитые ворота ворвались в крепость конные дружины, помчались по узким улицам. Гузы молча падали под ударами мечей и копий. Они не просили пощады. Сами не щадившие никого, они считали, что побежденный не достоин жизни...

Только немногие защитники Саркела успели укрыться в цитадели, за внутренней стеной. Но она была ниже наружной, воинов на ней осталось немного. Снова поднялись над головами русских ратников штурмовые лестницы. Дружинники и ополченцы поднялись на стену, оттеснили гузов от бойниц. Выставив вперед копья и мечи, они протискивались между зубцами стены и исчезали в цитадели.

Отомкнутые изнутри, распахнулись ворота, и дружинная конница ворвалась в цитадель. Теперь оставалось взять только башню, стоявшую посередине цитадели,— последнее убежище царя Иосифа.

Из бойниц башни летели стрелы. Не короткие и толстые стрелы гузов, а длинные, с хищными зазубринами на остриях — стрелы арсиев. Подняв щиты над головой, дружинники столпились у подножия башни, топорами выбили двери, ворвались внутрь.

Алк, увлеченный толпой, не удержался на ногах и упал головой вперед, в темноту. Над ним скрежетала сталь, раздавались хриплые возгласы сражавшихся, стоны. Кто-то наступил сапогом на руку Алка, невольно разжались пальцы, и меч оказался где-то в стороне. Алк шарил рукой по каменным плитам пола и никак не мог нащупать

рукоятку меча. С трудом пробравшись к стене, он поднялся и прижался спиной к осклизлым холодным камням. Глаза уже привыкли к полумраку, и Алк увидел впереди, за грудой мертвых тел, спины и остроконечные шлемы дружинников. Они, взмахивая мечами и топорами, теснили арсиев, отступавших вверх по узкой лестнице. То один, то другой дружинник, беспомощно покачнувшись, скатывался к подножию лестницы. Но через разбитые двери протискивались и спешили на помощь другие ратники.

Алк подхватил брошенный кем-то меч и тоже бросился в сечу. Шаг за шагом, переступая через павших товарищей, скользя на мокрых от крови ступеньках, дружинники поднимались вверх.

Первая площадка башни, вторая... Арсиев было немного, но в тесноте численное превосходство штурмовавших мало влияло на ход боя. На узкой лестнице могли сражаться плечом к плечу не более двух воинов, а задние, напирая и толкая в спины, только мешали им свободно действовать оружием.

Третья площадка, четвертая... Алк оказался лицом к лицу с усатым, свирепого вида арсием. Все дружинники, ворвавшиеся прежде Алка в башню, уже остались лежать на каменных крутых ступенях.

Меч арсия скользнул по кольчуге. Поднять руку для следующего удара арсий не успел. Пригнув голову в остроконечном шлеме, Алк боднул его прямо в усатое, хищно оскаленное лицо.

Сам Алк не удержался на ногах, упал на колени и сжался, ожидая смертельного удара. Но удара не последовало. Алк поднял голову и увидел впереди пустоту. Неужели он сразил последнего защитника царя Иосифа?

Еще несколько крутых ступеней, поворот... Последняя площадка башни! Бойницы здесь были шире, чем внизу, и солнечные лучи свободно проходили через них, освещая пушистый красивый ковер на полу, яркие шелковые подушки на широкой постели под балдахином.

Алк догадался, что здесь было жилище царя. Но где он сам?

В углу, загораживая спиной узкую дверь, замер тучный, важного вида старик. Он что-то закричал пронзительным голосом, негодующе замахал руками. Алк подскочил к старику, схватил за ворот и отшвырнул в сторону. Ударил сапогом в дверь. Она бесшумно открылась, будто провалившись внутрь.

Еще одна лестница, такая узкая, что каменные стены почти касались плеч Алка.

А потом прямо в глаза ударило ослепительное солнце. Алк был на вершине башни. Шагах в десяти, между каменными зубцами, стоял царь Иосиф. Повелитель Хазарии был безоружен, в белой одежде, крупными складками спускавшейся до пола. Руки Иосифа были скрещены на груди, на пальцах разноцветными огоньками сверкали драгоценные камни перстней.

Звеня доспехами, вскарабкались по узкой лестнице дружинники и остановились, тяжело дыша, за спиной Алка. Преодолев невольный трепет, Алк медленно двинулся к царю.

Но Иосиф вдруг шагнул назад, за зубцы башни, и упал в пустоту.

11 929

Громко закричали люди у подножия башни, и в этом крике не было слышно страшного звука разбившегося тела...

У моря два края...

Отшумели почестные пиры на развалинах поверженного Саркела. Полутораведерная круговая чаша обошла все войско, от князя до последнего погонщика верблюдов, и снова заняла свое место в сундуке виночерпия-кравчего.

Разошлись по своим кочевьям одаренные князем Святославом союзники-печенеги. Поднялся на донском берегу высокий курган, последнее прибежище павших в бою товарищей, и уже справили по ним тризну, которая, по обычаю, следовала за почестным пиром.

Под надежной охраной уплыли вверх по Дону ладьи с добычей.

Можно было возвращаться домой. Но князь Святослав медлил, будто ожидал чего-то. И дождался. Из Крыма, от византийцев, приехал гонец. Императорский вельможа Колакир извещал о своем намерении посетить Киев, чтобы говорить с князем и старейшинами Руси.

И князь Святослав вдруг заторопился. Оставив с войском старого Свенельда и воевод пешей рати Асмуда и Воиста, он поехал в Киев прямо через Дикое Поле, пренебрегая опасностями степного пути.

Дружинники, сопровождавшие князя, вели в поводу запасных коней, чтобы не искать подмены в печенежских кочевьях. Дружину возглавил воевода Лют Свенельдович.

Никогда раньше, да и после тоже, Алк не разговаривал так много с князем Святославом. Видимо, князь нуждался в благодарном слушателе и нашел его в молодом вятиче. Он подзывал Алка и ехал рядом с ним, стремя в стремя.

Бесконечная расстилалась вокруг степь, и подстать ей были грандиозные замыслы киевского князя Святослава, которые разворачивались перед Алком. И юноша был счастлив, чувствуя себя сопричастным к этим замыслам.

Хазарский поход, только что владевший всеми помыслами князя Святослава, отодвинулся куда-то далеко-далеко. Этот славный поход, сокрушивший Хазарию, был только ступенькой на лестнице подлинного величия, по которой вел князь Святослав молодую, стремительно набиравшую силы Русь. А как высока эта лестница!..

— Русь крепко встала на краю моря, у Дона-реки,— говорил Святослав.— Но у моря два края. Другой край моря — у реки Дуная. Туда лежит путь наших коней...

От приокских лесов до печенежских степей

Послесловие к повести В. Каргалова «Черные стрелы вятича»

Повесть Вадима Каргалова посвящена романтическому, но мало изученному периоду истории древней Руси. Молодое государство сложилось в IX веке на огромных пространствах Восточной Европы. Его ядром было Среднее Поднепровье, в политическим и культурным центром стал Киев — «Мать городов русских».

Возмужание Руси не осталось незамеченным современниками. Сведения о ней попали в труды арабских географов и путешественников, на страницы византийских и западноевропейских хроник, в саги скандинавских скальдов. Память о подвигах предков бережно хранил народ, из поколения в поколение передавая былины о далеких и славных временах.

Но самый бесценный источник знаний о прошлом нашей Родины — русские летописи, подробно запечатлевшие «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Есть еще и немые свидетели прошедших веков: памятники древнерусского зодчества и искусства, погребенные землей поселения и могильники. Лишь кропотливый труд исследователей может заставить их говорить.

Однако, чем дальше от нас отстоит изучаемая эпоха, тем сложнее задача историка. Сокращается круг источников, прежде всего письменных, а их интерпретация превращается в уравнение со многими неизвестными. Поэтому попытка писателя обаянием художественных образов расцветить черно-белый мир исторических гипотез, связать в живую нить повествования редкие факты, открывает перед читателем новый и увлекательный путь в глубь веков.

Сюжет повести «Черные стрелы вятича» охватывает вторую половину 60-х годов X века. Автор сосредоточил наше внимание на перипетиях стремительного похода киевского князя Святослава в Приокские леса, страну славян-вятичей, еще не вошедших в состав древнерусского государства. Подчинив власти Киева земли своевольных вятичей, русские дружины двинулись через Волжскую Болгарию к берегам Каспия, на Северный Кавказ, в степи Подонья. Под их ударами рухнули стены некогда грозных городов Хазарии: Итиля, Семендера, Саркела. Кончилось более чем двухсотлетнее господство Хазарского каганата над всей южнорусской равниной.

«Походы Святослава 965—968 гг.,— пишет академик Б. А. Рыбаков,— представляли собой как бы единый сабельный удар, прочертивший на карте Европы широкий полукруг от Среднего Поволжья до Каспия и далее по Северному Кавказу и Причерноморью до балканских земель Византии». Перед молодым русским государством и его князем Святославом стояли серьезные задачи, от решения которых зависело будущее Руси. Требовалось объединить под эгидой Киева все восточнославянские племена. Необходимо было открыть для руссов свободные торговые пути к экономическим и культурным центрам средневекового мира. Ведь для различных феодальных королевств и княжеств, империй и халифатов внешнеторговые связи имели первостепенное значение. Они компенсировали слабость местного производства, способствовали обмену передовыми достижениями в области материальной и духовной культуры, сближали удаленные друг от друга страны и вовлекали их в единый и прогрессивный процесс исторического развития.

Однако восточные и южные соседи Руси — Волжская Болгария и особенно Хазарский каганат и коварная Византия отнюдь не были заинтересованы в том,

чтобы допустить руссов к берегам Каспийского и Черного морей, позволить их караванам беспрепятственно следовать в Среднюю Азию и Закавказье, в Месопотамию и на Балканы. Где силой, а где хитроумными интригами они пытались запереть Русь в зоне лесостепи и лесов, сделать ее послушным орудием своей корыстной политики, подчинить своему влиянию.

Этим планам не суждено было сбыться, хотя Византия контролировала Черноморское побережье, а хазары держали в своих руках устья всех великих русских рек и произвольно грабили купеческие караваны. Только сбив искусственные оковы, Русь могла получить широкий доступ к торговле с Востоком. И походы Святослава, разгромившего Хазарский каганат и потрясшего Византию, блестяще выполнили поставленную задачу.

Международное положение древнерусского государства неизмеримо упрочилось. О нем заговорили в европейских столицах и на Ближнем Востоке. Русь как равная среди равных вошла в число передовых стран средневековья.

Вот свершения какой эпохи прошли перед читателем новой повести В. Каргалова. Право автора своим мастерством и фантазией дополнить скупые строки летописи. В ней сказано лишь о победе Святослава над вятичами. Далее же записано под 965 годом: «Иде Святослав на Козары. Слышавши же Козары, изидоша противу с князем своим каганом, и соступишася на бои, и бысть брань, одоле Святослав Козар и град их Белу Вежю взя». Подробности разрушения руссами болгарских и хазарских городов на Волге и побережье Каспия сохранились только в географическом труде арабского путешественника X века Ибн Хаукаля. Русские источники молчат об этом.

Мы же вместе с князем-витязем Святославом и его дружинниками отправились в поход в ладьях по широким окским плесам. Картины девственной природы увлекли автора. Тысячу лет назад дремучие леса теснились вдоль берегов могучей реки. Олени и лоси, пугливые косули, кабаны, бобры, медведи и много других зверей и птиц переполняли в прошлом эти прекрасные места. И здесь, в верховьях Оки и Дона, по их притокам, расселились славяне-вятичи, долго отстаивавшие свою племенную самостоятельность. Охотники и земледельцы, они жили в небольших деревнях или городищах-поселках, окруженных земляными валами и деревянными стенами.

Познакомился читатель и с порой суровым, но достоверным бытом наших предков, их обычаями и нравами. Мы присутствовали на совете старейшин, увидели мрачные языческие капища. У подножия деревянных идолов горели священные костры, белели кости жертвенных животных. Обрядовая магия заменяла тогда знание действительных законов природы. Затем мы следили, волнуясь, за успехом русского посольства к кочевникам-печенегам. Стали свидетелями попытки хазарского царя Иосифа отбить натиск славянских войск. Участвовали в кровопролитном сражении у стен Итиля. И наконец, вместе с воинами-дружинниками ворвались в последний оплот Хазарии на ее северных границах — город Саркел, названный впоследствии русскими Белой Вежей, т. е. Белой Башней. И здесь мы расстались с героями повести. Их уже ждали новые битвы на берегах Дуная, на ближайших подступах к сердцу Византии — Царьграду. Битвы, покрывшие славой русские дружины. Именно тогда, окруженный стотысячной греческой армией, Святослав, воодушевляя своих немногочисленных воинов, произнес слова, полные мужества и патриотизма: «Не посрамим земли Русской, но ляжем костьми здесь! Мертвые сраму не имут. Станем крепко».

А. В. Куза,
кандидат исторических наук

Савва Успенский

Путешествие на Аляску

Очерк

На Аляске мне пришлось побывать дважды — осенью, в сентябре, и весной, в апреле. Оба раза спутником моим был Вадим Сергеевич Тархов — научный сотрудник одного из магаданских институтов. Основная цель наших поездок заключалась в ознакомлении с американским опытом разведения овцебыков. Но, разумеется, интересовали нас не только эти животные.

Аляска в прошлом часть российских владений в Северной Америке. Многие славные страницы в истории ее открытия и освоения были вписаны нашими земляками — «Колумбом россиским» Григорием Шелиховым, неутомимым и любознательным путешественником Лаврентием Загоскиным, мужем государственного ума Александром Барановым... Да разве перечислишь все имена?

Какой же она была Русская Америка? Остались ли от тех времен какие-нибудь следы? Я все время пытался найти их в современной Аляске — будь то залитые неоновыми огнями реклам улицы больших городов, эскимосские или индейские деревни, участки безлюдной тайги или тундры. И когда такие приметы вдруг отыскивались, невозможно было сдержать волнения, сердце наполнялось чувством гордости за соотечественников — первопроходцев, пахарей, просветителей, за их многотрудные и славные дела. Конечно, встречались, и гораздо чаще, свидетельства связей нашей страны с заокеанским соседом в последние десятилетия.

Большая Медведица и незабудки

Ковш Большой Медведицы и Полярная звезда — восемь золотых звезд на ярко-голубом фоне — таков флаг штата Аляска. История о том, как возник этот флаг, здесь популярна, и ее может поведать любой встречный.

В 1926 году, задолго до обретения Аляской самоуправления, в аляскинских школах организовали конкурс на лучший проект флага будущего штата. Идею, предложенную тринадцатилетним Бенни Бенсоном, жюри признало наиболее удачной. В пояснении к рисунку Бенни написал: «Голубой фон — это цвет незабудок и нашего неба. Полярная звезда и Большая Медведица — символ самого северного штата страны». Расскажут вам и о том, что Бенни Бенсон был круглым сиротой, это, дескать, также повлияло на решение жюри. Как знать, будь родители Бенни живы, флаг Аляски, возможно, выглядел бы по-другому.

Так или иначе, аляскинцы приняли предложение школьника. Флаг с Большой Медведицей и Полярной звездой на голубом фоне

развевается здесь на многих зданиях и в гордом одиночестве, и в компании с звездно-полосатым государственным флагом Соединенных Штатов.

Идею Бенни Бенсона и в самом деле нельзя не признать удачной. Аляска, действительно, самый северный штат в США, путь к нему можно держать, ориентируясь по Полярной звезде. Воздух здесь чист и прозрачен. Поэтому краски ярки, а небо нередко пронзительно голубое. На Аляске, как и всюду на Севере, незабудки, пожалуй, наиболее милые сердцу цветы. И хотя они тянутся к солнцу на очень коротких стебельках, цвет их лепестков удивительно сочен.

Бенни, возможно, даже недооценивал свою идею. В блеске звезд на флаге штата отразился не только цвет золота, которым богата эта земля. Мне кажется, в нем запечатлелись и буйство красок золотой осени на Юконе и Кускоквиме, и отливающие благородным металлом лососевые рыбы, пробирающиеся по речным мелководьям на нерест. Голубой цвет — это и рокочущие в горах ручьи, и бесчисленные на Аляске большие и малые озера. Большая Медведица — не только одно из самых приметных созвездий в аляскинском небе, она может символизировать край, где обитают самые крупные в мире кадьякские бурые медведи.

Аляска — наш сосед

Название этой части Северной Америки происходит от алеутского слова «альешка», что значит «большая земля».

Аляска и впрямь очень велика. На ее побережье расположены крайние западная и северная точки Североамериканского материка. На ней уместилось четыре временных пояса и представлены несколько природных зон — Арктика, Субарктика, разнообразная по флоре лесная зона. С востока на запад Аляску пересекает одна из крупнейших на материке рек — Юкон. Здесь находятся высочайшая гора Северной Америки пик Мак-Кинли, грандиозные ледники. А озер, крупных и средних,— около трех миллионов.

Аляска — наш сосед. Чукотский полуостров отделяется от нее неширокимм Беринговым проливом. В хорошую погоду с мыса Дежнева хорошо видны побережье и горы Аляски. А с мыса Принца Уэльского на противоположном берегу пролива видна чукотская земля.

В Беринговом проливе находятся острова Диомида — большой и малый. Первый из них (о. Ратманова) — советский, второй (о. Крузенштерна) — американский. Расстояние между СССР и США здесь самое короткое — всего около трех морских миль.

Близкое соседство порождает взаимный интерес. Аляскинцы интересуются опытом развития производительных сил Сибири и Чукотки. У советских людей вполне понятный интерес к Аляске и аляскинцам, к тому, как осваиваются там природные ресурсы, какие меры принимаются к охране природной среды (природа Севера ведь очень уязвима).

В Сибири и на Аляске развиваются одни и те же отрасли промышленности — нефтедобывающая и горнорудная, лесная и рыбная. С каждым годом в эти края устремляется все больше туристов. Их привлекают просторы, величественная первозданная природа, необыкновенные возможности для охоты и рыбалки.

Коренные жители востока Чукотки и северо-запада Аляски — эскимосы. Они говорят на одном языке, у них единая по происхождению материальная культура. Поэтому так много общих интересов у этнографов и антропологов СССР и США. Конечно, не праздны и вопросы, которые то и дело слышишь, общаясь с аляскинскими эскимосами:

— А как охотятся ваши эскимосы? В каких домах они живут? Чем отапливаются? Как развлекаются?

Свежи в памяти и такие свидетельства добрососедских отношений. В 1929 году по просьбе американского правительства советские летчики искали пропавших аляскинских авиаторов — Эйельсона, Поста и Борланда. К сожалению, удалось найти лишь их останки на безымянной чукотской косе. С тех пор она носит название Коса трех пилотов. Тела погибших провожал на родину советский ас Маврикий Слепнев. На Аляске его самолет встречали потомки русских поселенцев, звучала русская речь. А пять лет спустя, когда разыгралась челюскинская эпопея, Слепнев и Леваневский вылетали на помощь потерпевшей аварию экспедиции через Ном; американские механики и синоптики от души желали им удачных полетов...

Память о прошлом

О русском периоде в истории этой страны напоминают многие названия на современных картах. Не раз, например, встречается слово «рашен» («русский, русские»). На Юконе есть поселок Рашен-Мишен (Русская Миссия), в среднем течении реки Кускоквима, там, где во времена Русско-Американской компании стоял ее форт — редут Колмакова, возвышаются Русские горы, Русская река протекает на Кенайском полуострове...

А вот карта полуострова Аляска, как бы замыкающего на востоке цепь Алеутских островов. Здесь мы находим залив и поселок Павлова, острова Коровина и Чирикова, мысы Сарычева и Сенявина, гору Вениаминова. Правда, не сразу разберешь, что Sarichef в английском написании означает фамилию нашего славного морехода Гавриила Сарычева, а Chirikof Island — остров, носящий имя другого первопроходца — Алексея Чирикова.

Сохранилось немало русских названий, не только трудно произносимых для современных аляскинцев, но и загадочных по смыслу. На острове Кадьяк есть, например, поселок Узенькие (Ouzenkie); это слово даже местные жители, как правило, произносят «не с первого захода». Многие американцы, видимо, не догадываются, что означает слово Никишка (Nikishka) — таково название поселка на Кенайском полуострове, или Низина (Nizina) — так окрещен один из поселков в глубине страны.

Бросается в глаза, что русские названия чаще всего встречаются на западе и юге Аляски, невдалеке от морского побережья. Они как бы очерчивают районы, которые в первую очередь и наиболее энергично осваивались нашими предками. Здесь, на Алеутских и Прибыловых островах, на острове Кадьяк и Кенайском полуострове, в низовьях Юкона и на крайнем юго-западе Аляски, наиболее приметны и другие следы русских поселений.

Дело происходило в эскимосской деревне Кветлук на реке Кускоквим. Мы были в гостях у Эндрьюсов. На столе добродушно урчал самовар. И хотя он был изрядно помят, еще вполне сносно справлялся со своими обязанностями. Судя по тому, что его медные бока сияли нестерпимым блеском, с самоваром обращались уважительно. В «красном углу» висели образа, украшенные яркими искусственными цветами. Пахло свежеиспеченным хлебом, чувствовались и какие-то другие с детства знакомые запахи.

Откуда-то доносился колокольный звон, а из-за крыши соседнего домика выглядывала маковка церкви. «Ну, чем не дореволюционная Россия?» — подумалось мне. Я даже не удивился, когда, поставив на стол вазочку с сахаром, хозяйка произнесла что-то похожее на «сахарок».

«Сай» — и она стала заваривать чай в фарфоровом заварочном чайнике. «Лоскак» — и на столе появились чайные ложки. «Блютса» — появилась стопка блюдец.

Меня осенило: да ведь это же русские слова! Они то и дело мелькали в разговоре, который хозяева вели на юпике — местном диалекте эскимосского языка. «Калебак» (хлеб) и «маслак» (масло), «сукарак» (сухари) и «мукак» (мука), «сасы» (часы) и «оски» (очки), «каингак» (книга), «кулюкулук» (колокол), «мулютук» (молоток) и многие другие слова, без сомнения, были заимствованы из русского. В том, что в этих словах эскимосы заменяли «ч» на «ц» или «с» («сай», «оски» вместо «чай», «очки»), улавливалось даже влияние поморского диалекта. Ведь так говорят у нас в Архангельской области. А именно поморы преобладали среди русских землепроходцев на Аляске. Характерно, что все эти слова обозначают предметы первой необходимости. Значит, если уж очень понадобится, каждый из нас может объясниться с американским эскимосом!

На ухабистом грунтовом аэродромчике острова Нунивак, куда мы вскоре попали, нас встретила шумная ватага мальчишек. «Кассак», «кассак»,— часто возбужденно восклицали они. Затем подошли взрослые эскимосы. Речь их была степенна, нетороплива, но слово «кассак» фигурировало в ней тоже часто.

Вечером к нам забрели «на огонек» гости. Разговор шел по-английски и по-эскимосски. Услышав загадочное словечко, я спросил, что оно означает. Мой собеседник, немного смутившись, ответил:

— Вот вы и есть кассак.

Ну, конечно, это — казак! Как же мы сразу не догадались? Значит, это слово у здешних эскимосов обозначает вообще белого человека. Наши предки и впрямь были здесь первыми из европейцев. Позже выяснилась одна любопытная подробность. Оказывает-

ся, русских эскимосы выделяют и, если «ставить все точки над «и»», называют не просто «кассак», а «кассакпиак», то есть «настоящий казак».

Больше ста лет прошло с тех пор, как с флагштока на площади города Ситки, столицы Русской Америки, медленно опустился трехцветный флаг. Как пишут очевидцы, спустившись до половины, он остановился: что-то заело в блоках, н пришлось лезть на мачту, срезать флаг ножом. На смену ему поднялся флаг Соединенных Штатов Америкн. Минули годы, потом десятилетия. Но память о Русской Америке, о наших земляках на Аляске сохранилась. И это не только названия на географических картах, вошедшие в эскимосский язык слова, сберегаемый как семейная реликвия самовар.

Сохранились здесь многие русские обычаи и традиции. Немало алеутов, эскнмосов н индейцев называют себя по нменн и отчеству. Из моих знакомых эскимосов, например, один представился как Питер Майкл (Петр Михайлович), другой — как Захар Джордж (Захар Георгиевич). Русские имена и фамилии широко распространены среди коренных аляскинцев.

Мне довелось побывать в поселке Кенай, выросшем на месте русского форта Св. Николая. Увидев, что форт все еще высится во всей красе на центральной площади рядом с православной церковью, я сначала удивился. Однако вскоре мне стало ясно, что и бревенчатый частокол с бойницами, и щедро окованные железом ворота даже не реставрированы, а построены заново, прнчем совсем недавно. У ворот висела металлическая доска с надписью, удостоверяющей, кем и когда было возведено это укрепление.

Внутри форта разместился маленький музей. Три седовласые дамы, удивительно похожие друг на друга, — по-видимому, весь штат этого учрежденця — сидели за столом у входа и неспешно беседовали. Узнав, что я из СССР, из Москвы, они обрадованно засуетнлись и втроем повели меня по залу. Здесь были разложены русские книги самого разного содержания, некоторые предметы европейской одежды прошлого века, кое-что из домашней утвари, в том числе н русского происхождения. Все экспонаты содержались в большом порядке, чувствовалось, что хозяйки искренне гордятся этим собранием.

Между делом дамы поннтересовались московскими модами и обычаями: пьют ли, скажем, москвичи чай из самовара? На прощание они прнгласили меня на чашку кофе, вручили значок в виде головы моржа и к нему особый диплом, подписанный губернатором Аляски. Наконец, подарили на память оказавшуюся на их служебном столе справочную и телефонную книгу поселка.

В Джуно, теперешней столице штата, одна из главных улиц носит имя Баранова. В Ситке, на том месте, где когда-то стоял его дом, построен так называемый замок Бараиова. В нем проходят различные официальные церемонии, открыт музей по истории Русской Америки. Улицы, носящие имена русских землепроходцев и путешественников, есть и в другнх городах Аляски.

Русская Америка — период в истории Соединенных Штатов. Период значительный. Отрадно видеть, что американцы, как прави-

ло, помнят о нем, относятся к нему уважительно. Не противоречит сказанному, что в ресторане вам дадут мороженое «по Баранову». Здесь можно заказать даже коктейль «по Баранову». Ведь это как-никак Америка, а Аляска — один из ее штатов.

Икогмют — Русская Миссия

Юкон эскимосы называют Квихпак, индейцы-атабаски — Юкхана (отсюда и происходит современное название реки). И то и другое означает «большая река».

Открыл, описал и положил на карту бассейн Юкона лейтенант русского флота Лаврентий Алексеевич Загоскин. Терпя неимоверные тяготы, прошел он с немногими спутниками по неизведанной стране пешком, на лыжах-«лапках», проплыл в самодельной байдаре больше пяти тысяч верст. Было это в 40-х годах прошлого столетия. И вот теперь, много лет спустя, деловито гудя двумя моторами и не особенно напрягаясь, «Гусь» повторяет маршрут славного путешественника.

На Аляске нам пришлось полетать на «Бобре» — совсем миниатюрной летающей лодке, на «Орле» — двухмоторном самолете современных стремительных очертаний. Но больше всего возил нас «Гусь» — довольно старомодный летательный аппарат, побывавший, видимо, во многих переделках, зато способный садиться как на сушу, так и на воду, и, следовательно, почти идеальное транспортное средство в условиях аляскинской «глубинки».

Повторяя все петли и изгибы, самолет летит над рекой шириной с Оку, а местами даже с Волгу. Вода рябит на перекатах, обтекает многочисленные острова, то лысые, сложенные голым камнем, то лесистые. Как и склоны речных долин, они горят золотом и багрянцем. С воздуха угадываются теряющие листву березняки, ивняки, ольшаники. Реже попадается ельник.

Река как река, но чем-то все-таки она сильно отличается от Оки или Волги. Чем же? Ответ приходит, хотя и не сразу: «Да ведь она же почти безлюдна!»

Изредка промелькнет прилепившееся к самой воде селение, покажется лагерь то ли золотоискателей, то ли туристов, и опять леса, болота, горы без следов какой бы то ни было человеческой деятельности. Пустынно, и на самой речной глади — ни парохода, ни катера, ни лодки или даже байдарки. На конце песчаной косы, которая протянулась чуть ли не до середины реки, расположилась семья бурых медведей, мама и три подростка,— наверное, пришли на рыбалку. Подняв головы, медведи проводили глазами самолет, ничем не обнаружив страха и не покинув облюбованного места. На другом плесе самолет выгнал из воды большого рогача-лося. Выйдя на берег, он отряхнулся и побрел в лес без всяких признаков паники. На притоках Юкона кое-где попадались построенные бобрами плотины.

«Гусь» летит от Нулато вниз по течению, в сторону Икогмюта (теперь он называется Русской Миссией). В конце августа 1843 года,

тоже золотой осенью, здесь проплывал со спутниками Загоскин. Внешне мало что изменилось с тех пор на Юконе. Случись чудо, покажись сейчас из-за поворота та самая байдара, те самые гребцы, они вполне вписались бы в окружающий пейзаж.

А вот и бывший Икогмют.

«В Икогмюте... строения Компании расположены на увале сажен в 15 высотой, в 150 саженях от правого берега, и окружены еловым и березовым лесом... Селение находится внизу, на песчано-глинистой низменности, впрочем никогда не затопляемой в половодье. Селение от севера защищено подходящим прямо к реке утесом, которого горнокаменное сложение есть ноздреватый базальт и лава».

Лес теперь отступил от жилья, но приметный утес остался, и сделанное Загоскиным описание позволяет сразу узнать поселок, который несколько месяцев был основной базой путешественника. Отсюда он совершал походы в разные стороны от Юкона, здесь вел метеорологические наблюдения, приводил в порядок коллекции и путевые записки.

«Общими чертами невозможно вполне передать жизнь, которую мы вели в наших заселениях в Нулато, Икогмюте и редуте Колмакова. Несмотря на то что мы проживали на месте, редкий день не приводилось нам замечать чего-либо особенного в туземных нравах, обычаях, в образе жизни, в домашнем быту и прочее, или, осматривая окрестные места, трудиться для снискания себе пропитания»,— пишет Загоскин.

И будто к нашим дням относятся многие сделанные им заметки о природе этих мест. Хотя бы эта: «В стороне Квихпака несколько довольно значительных речек истекают из гор; все они изобильны бобрами и выдрами, промыслом которых занимаются... жители. Медведь в этих местах весьма многочислен. Нередко он нападает на туземцев, гоняясь за ними вплавь. На наших людей, весновавших в Икогмюте, медведи нападали дважды, и только греблею противу течения удалось от них избавиться».

Не прямых ли потомков тех самых медведей видели мы на косе с самолета?

«Гусь» лишь покружил над бывшим Икогмютом, низко прошел над крышами домов, над погостом с покосившимися крестами и полетел дальше. Времени на посадку не было. Мы пожалели об этом.

Но попасть в поселок мне все-таки удалось — весной следующего года.

В середине апреля, когда солнце уже стало как следует пригревать, на дорогах по автомобильным колеям побежали ручьи, а у проталин суетились прилетевшие пуночки, у нас выдался свободный день. Накануне один из наших аляскинских знакомых — мистер Ворд, пилот и глава местной авиакомпании (в «компанию» входил еще один летчик, а все ее имущество составляли два маленьких одномоторных самолета), пообещал нам, если не появятся клиенты, свозить нас в Русскую Миссию. У него там были дела.

Клиенты, на наше счастье, не объявились, и утром мы уже втискивались в тесную кабину самолета. Кроме пилота и нас с Вадимом Сергеевичем в самолете оказался пожилой эскимос отец Захар — Гест, как он представился, настоятель, а по существу псаломщик, православной церкви в Русской Миссии. Это был сюрприз, приготовленный нам мистером Вордом. Отец Захар постоянно живет в Бетеле, поселке покрупнее Русской Миссии, но охотно откликнулся на просьбу Ворда в неурочное время посетить свою епархию и показать «кассакпиакам» — «настоящим казакам» — местные достопримечательности.

Внешне наш спутник мало чем отличался от других аляскинских эскимосов. Не первой молодости синяя нейлоновая куртка, на голове потертая шапка-ушанка, на ногах высокие резиново-нейлоновые ботинки. Единственный признак сана отца Захара — выглядывавший из-под куртки белый стоячий пластмассовый воротник.

В самолете отец Захар бесхитростно рассказал о себе. Он почти неграмотен (с трудом читает по-английски), тем не менее «практиковался» и был рукоположен в сан в Ситке. Всю жизнь охотился, рыбачил да еще плотничал. В последнее время топором работать стало тяжело, помогают сыновья — тоже охотники, рыбаки. В Русскую Миссию наезжает и служит в церкви по большим праздникам. Прихожане — больше старики, сами живут бедно, за требы платят кто чем может — рыбой, деньгами, но скудно. «На доходы от службы в церкви не проживешь»,— заключил наш собеседник.

Показалась знакомая по прошлому году Русская Миссия — Икогмют.

Тот же приметный утес, разбросанные в беспорядке избы, но на этот раз они почти по крыши заметены снегом. Подо льдом и снежным покровом нечетко различаются и берега Юкона, разве что выдают их границы где кустарника, где леса.

Когда приземлились, показалось, это и впрямь русская деревенька, будто попал куда-нибудь на Печору или Мезень. Рубленые «в лапу» избы и амбары утопают в сугробах. От избы к избе и от домов к реке, к лесу промяты тропки. Посредине, на холме, небольшая деревянная церковь с желтым куполом и крестом. Немного в стороне, тоже на холме, огороженный частоколом погост.

А вот синие плакаты на стенах амбаров с надписями по-английски: «Хэнсли в конгресс!» — это уже Америка, и именно Аляска. Нас сразу же, будто они появились из-под ближайших сугробов, окружает стайка ребят — черноволосых, с плоскими узкоглазыми лицами. Под скатом крыши на стене дома висят связки юколы — вяленой рыбы. На крыльце длинноволосый, с непокрытой головой парень «правит» шкурку бобра: тонким ремешком пришнуровывает к деревянному обручу для придания ей традиционной на Аляске формы круга.

Со свойственной ему пунктуальностью Загоскин отметил, что зимников (домов) в Икогмюте 5, всего жителей 92, в том числе взрослых мужчин 22, христиан 2, а язычников 90. Что касается

1	
2	3
4	

1. Горы Центральной Аляски
2. Православная церковь русской постройки в поселке Кенай
3. Памятная доска у ворот форта Кенай
4. Разведение домашних овцебыков — новая отрасль животноводства на Аляске

Фото автора

занятия жителей, то они состояли «сверх запасения рыбы на собственное продовольствие и продажу на Кускоквим в приготовлении различной деревянной посуды, а главнейшее, в перекупке пушных промыслов». За сто тридцать лет многое, конечно, здесь изменилось. Прибавилось домов, хотя количество жителей увеличилось незначительно. Молодежь едет искать заработка в большие города.

С пронзительным треском, оставляя за собой струи сизого дыма, проносятся две мотонарты. Они тянут на буксире сани с железными бочками и направляются на Юкон, по воду. Одной из мотонарт, стоя на них, управляет преклонных лет эскимоска. Во времена Загоскина здесь, конечно, ездили на собаках. В наши дни содержание их обходится слишком дорого, и в поселке не осталось ни одной собачьей упряжки.

Но многое, даже, быть может, слишком многое, выглядит здесь так же, как и в прошлом веке. Относительно приготовления деревянной посуды я так и не мог выяснить ничего определенного. Что же касается рыболовства и пушного промысла, то они и сейчас составляют основной источник существования местного населения. Однако дело не только в этом. Ни над одной из крыш не виднеется ни радио-, ни тем более телевизионной антенны, хотя недалеко в Бетеле есть свой телевизионный узел. На вопрос Вадима Сергеевича о клубе или кинотеатре один из провожатых, Антон Браун (церковный сторож и, следовательно, подчиненный отца Захара), лишь в недоумении пожал плечами.

Наши провожатые ведут нас сначала к погосту. Пока шагаем по улицам поселка, несколько пожилых эскимосов подходят к отцу Захару за благословением. Мужчины при этом снимают шапки. Обнажает голову и пастырь. Он крестит подошедшего и не особенно внятно произносит что-то, похоже на церковнославянском языке. Некоторые эскимосы прикладываются затем к руке отца Захара, смуглой, заскорузлой от работы.

За покосившимся частоколом из-под снежной целины выглядывают ряды крестов, в основном деревянных, изредка металлических или каменных. Многие из них наклонились, некоторые почти совсем упали. Есть очень старые кресты, основательно изъеденные вьюгами и ощетинившиеся сучками. На некоторых еще можно прочесть русские надписи: «Иван Бельков», «Ольга Белькова», потом опять «Иван Бельков» (видно, несколько поколений жившего на Юконе рода).

Отец Захар очень усердно выполняет добровольно взятые на себя обязанности. По кладбищу идет во главе всей группы. Прокладывает тропку, не смущаясь тем, что снег здесь выше колен. Кладбище он знает, конечно, хорошо. То и дело увлекает нас с тропки в сторону, разгребает рукой снег на могильном холме, чтобы показать очень старый, уже упавший крест с едва заметными следами русских букв.

Экскурсия заканчивается осмотром церкви, как и большинство строений в поселке, бревенчатой, рубленой «в лапу». Она тесна и украшена внутри очень скромно. Здесь гостеприимство отца Захара

достигает предела. Он стремится показать нам все, чем владеет. Улыбаясь, приглашает зайти в алтарь, отделенный от основной части церкви простой тесовой перегородкой. Достает ветхий псалтырь, напечатанный, возможно, еще во времена Русско-Американской компании. Язык книги эскимосский, шрифт русский. Жаль, что начала ее не сохранилось и установить, где и когда она была напечатана, уже невозможно.

Отец Захар начинает распевать для нас даже какие-то псалмы. Поет он по-эскимосски, повторяя каждое слово по нескольку раз, и постепенно входит во вкус. Голос его, вначале дребезжащий, тихий, крепнет. Но тут, деликатно покашливая, в дверь заглядывает мистер Ворд. Свои дела он уже закончил. Нам пора возвращаться.

Ну что же, впечатлений о нынешнем Икогмюте немало.

В 150 милях от Сибири

«Когда-то это был палаточный лагерь и его будущее всецело зависело от золота. Здесь бурлили страсти. Сейчас Ном — тихий городок на берегу Берингова моря, всего лишь в 150 милях от Сибири. Однако и теперь пребывание в Номе будет наполнено для вас различными и необыкновенными событиями...

Вы побываете на золотых приисках и заглянете в «золотое» прошлое Нома, соберете и увезете с собой щепотку золотоносного песка, а если вам повезет — и несколько крупинок золота...

В Номе вас ждут знаменитый магазин сувениров и музей эскимосского искусства, где сосредоточена самая большая на Аляске экспозиция художественной резьбы по кости. К вашим услугам магазины мехов и фигурок из кости, масок и ювелирных изделий. Вас ждут здесь фешенебельный отель и прекрасный обед...

Из Нома вы сможете поехать в рыбацкую деревню, расположенную на самом берегу моря, где вы сфотографируете собачью упряжку, увидите эскимосские лодки из шкур — умиак и каяк, познакомитесь с настоящей тундрой, где царит вечная мерзлота, увидите подлинное иглу, сделанное из дерна и китовых костей...

Вы проведете незабываемый вечер в эскимосской деревне, среди эскимосов, услышите их песни и увидите их танцы. Но если хотите, можете провести вечер в самом Номе, ощутить вкус и колорит Аляски в настоящем салуне. Вы сможете сфотографироваться в лучах полуночного солнца...»

Все это строки из туристических проспектов.

Ном — город относительно молодой, детище клондайкской золотой лихорадки — пожалуй, самого сильного потрясения, выпавшего на долю Аляски. Вот вкратце как она протекала.

17 июля 1897 года в Сан-Франциско, в Калифорнию, на пароходе «Портланд» вернулись с Аляски 68 рудокопов. Это были счастливчики, первыми наткнувшиеся на аляскинские сокровища. В мешках, чулках, бутылках они привезли полторы тонны драгоценного металла.

В 1898 году на Аляску устремились тысячи, а в следующем году десятки тысяч золотоискателей. С побережья толпы их потянулись в глубь полуострова, к сказочному Клондайку. Но находились энтузиасты, которые начинали промывать песок у морского побережья, едва высадившись на сушу. И, как оказалось, не напрасно. Так, попутно, «мимоходом», были открыты золотые россыпи Нома.

Летом 1899 года на продуваемой злыми ветрами морской косе выросли первые постройки из плавника; конечно, не они еще задавали здесь тон: на косе расположился целый палаточный городок. В 1900 году в лагере жило более двадцати тысяч золотоискателей и, говоря современным языком, «работников сферы обслуживания». Здесь строились настоящие дома, прокладывались дороги (притоку сюда людей способствовал торгово-промышленный и аграрный кризис, разразившийся в США в конце прошлого столетия).

Своего полного расцвета Ном достиг в 1906 году, когда он стал в полном смысле слова городом — «аляскинским Парижем». В нем открылись магазины и рестораны, танцевальные залы и банки, гостиницы и церкви, стали издаваться сразу две газеты. Это был год взлета местной золотодобычи: в Номе тогда намыли более чем на семь с половиной миллионов долларов драгоценного металла.

Но взлет был недолгим. Уже в следующем году стало ясно, что «пенки сняты», что золотые россыпи истощены. К тому же продукты доставляли сюда с перебоями, и цены на них были устрашающими. В Номе периодически свирепствовали голодовки и эпидемии тифа. «Аляскинский Париж» уже не привлекал искателей удачи. Многие бежали отсюда, так и не начав разрабатывать застолбленный участок. Прежний накал страстей спадал.

Сама природа будто стремилась скрыть следы пролитых здесь пота, слез и крови. Летом едкий дым разъедал глаза. Это горели тундровые торфяники. Огонь подбирался к баракам, складам, промышленным сооружениям. Но пожары никто не тушил. Вечная мерзлота разрушала постройки, корежила и заглатывала дороги. И тем не менее город выжил. Правда, переболев «золотой лихорадкой», он сильно «полинял» и полностью оправиться уже не смог.

Ном — ближайший к Сибири значительный населенный пункт Аляски, и это обстоятельство играло немаловажную роль в его жизни и развитии.

В начале века с одной из первых партий золотоискателей приплыл сюда в корабельном трюме пока еще никому не ведомый парень, по фамилии Свенсон. Он безуспешно попытал счастья в добыче золота на Аляске. Пробовал искать золото и на Чукотке, тоже неудачно. Зато понял, что есть дело более прибыльное и надежное — меновая торговля с неграмотными чукчами. В 1913 году он уже стал главой недоброй памяти компании «Хаббард — Свенсон», раскинувшей щупальца своих торговых факторий по всей Чукотке («тылы» же компании находились в Номе). Лишь в начале 1920 года кончился ее произвол. Она была вынуждена начать

торговлю под контролем Советской власти, а затем вообще ликвидировать свои дела в Сибири. Кроме свенсоновских из Нома уходили шхуны и других спекулянтов, других браконьеров. Основным грузом, который они везли на Чукотку, был спирт.

Но помнит Ном и другое. 27 июля 1920 года сюда привел свою шхуну «Мод» Руал Амундсен. В этот день он записал в дневнике: «Я сомкнул путь, пройденный «Мод», с тем путем, которым я шел, открывая Северо-Западный проход в 1906 году, и, таким образом, впервые осуществил кругосветное плавание Ледовитым океаном». Это был действительно знаменательный день и в жизни великого полярного исследователя, и в истории освоения Северного Ледовитого океана. Шестью годами позже Ном вновь приветствовал отважного путешественника, на этот раз пересекшего Северный Ледовитый океан по воздуху, на дирижабле «Норвегия». Конечно, можно вспомнить и о многих других памятных для Нома событиях, хотя бы о том, что в разгар второй мировой войны через этот город пролегла авиалиния Аляска — Якутск. Она имела немаловажное стратегическое значение, поскольку воздушный мост использовался для переброски в СССР военных грузов.

Итак, Ном знал взлеты и падения, пережил короткую, но необыкновенно бурную жизнь.

Теперь, в который раз сменив специализацию, он превратился в аляскинский центр туристской индустрии. Это стало ясно еще на подступах к городу.

Ном сегодняшний

Едва наш работяга «Гусь» съехал с посадочной полосы здешнего большого и хорошо оборудованного аэродрома, как на нее плюхнулся многоместный пассажирский «Боинг». И пока мы присматривали место для стоянки, а затем медленно и робко пробирались туда, «Боинг» подкатил к зданию аэровокзала и начал изрыгать из своего чрева пеструю толпу туристов. То были в основном пожилые дамы. Несмотря на то что день стоял теплый, почти жаркий, все пассажиры были одеты по-зимнему, в яркие парки, отороченные или даже подбитые мехом. Некоторые путешественницы щеголяли и меховыми сапогами-камиками. Не вызывало сомнений, что туристы, обстоятельно изучив путеводители по этой стране, не только приготовились насладиться обещанными прелестями «истинной Аляски», но и твердо вознамерились до последнего бороться с невзгодами северной природы.

Чтобы познакомиться с современным Номом, понять, чем он живет, наверное, достаточно часа. У нас же для этого неожиданно оказалась уйма времени — без малого сутки, поскольку наш дальнейший путь перекрыла нелетная погода.

До центра города, перекрестка улиц Беринга и Передней, от аэродрома мы дошли минут за десять и смогли убедиться, что Ном невелик и немноголюден. Его постоянное население теперь не

превышает трех тысяч человек, причем две трети из них — эскимосы, главным образом молодежь.

Как и обещают проспекты и путеводители, здесь и впрямь есть вполне современные гостиницы, магазины сувениров, салуны и даже закусочная Мак-Дональда — одна из ячеек гигантской сети, раскинувшейся по всем штатам страны. Всюду, от Калифорнии до Аляски, у них одни и те же вывески, одно и то же меню, одни и те же (бумажные) тарелки и стаканчики. Все это, конечно, для туристов. На них рассчитана и местная реклама — экзотически-арктическая. Один из магазинов, продающих сувениры, украшает стоящий на его фронтоне белый медведь из пластика почти в натуральную величину. Вывеска соседнего магазинчика написана на тюленьей шкуре, у входа поставлена во много раз увеличенная скульптура эскимосского божка — пеллнкена (эскимосские пеллнкены величиной с мизинец или чуть больше вырезаются из моржового бивня), а снаружи эта торговая точка декорирована под бревенчатый дом.

В витринах салунов, как и в питейных заведениях иных широт, бутылки разных мастей, форм и размеров. Зато владельцы салунов пытаются наверстать упущенное названиями. На вывесках значатся: «У Берингова моря», «Найди свой самородок», а этот, как в далекие времена на «Диком Западе»,— «Хромая собака».

Словом, все, что нужно заезжему гостю. На неширокнх улицах сами туристы, снующие от магазина к магазину, от салуна к салуну, снующие деловито, с твердым намерением «получить сполна» от «истинной Аляски», «истинной Арктики» за истраченные на эту поездку немалые деньги.

Как-то незаметно оказались в этой пестрой, шумной толпе и мы с Вадимом Сергеевичем. Вместе с толпой побывали в торговых домах «Плывя по течению», попали к Мак-Дональду. Время было даже несколько позже, чем обеденное, перекусили типично по-американски — хамбургерами — большими бутербродами с холодной котлетой и листом салата, выпили по чашке кофе. Затем отправились досматривать Ном.

Выяснилось, что в городе кроме магазинов и салунов есть еще мормонская церковь, школа, несколько контор, причем две из них — разных авиакомпаний. Производства никакого. Значит, найти работу здесь трудно. Только обслуживание туристов. А осенью, зимой, когда поток их иссякает?

Ближе к окраинам дома сменяются домишками, появляются развалины (быть может, еще свидетели золотой лихорадки и памятники ей), захламленные пустыри. Кое-где стоят у домов, дожидаясь зимней поры, мотонарты. Праздным гостям делать здесь нечего, и их не видно. Зато показываются постоянные обитатели Нома. На пустыре копается старая эскимоска, потом, что-то бормоча вполголоса, она скрывается за углом ближайшей лачуги. Двое маленьких эскимосов ведут на цепи большую лохматую собаку. Пес очень тощий и, наверное, не без корысти тянется к Вадиму Сергеевичу. Прислонившись к стене дома, склонив голову на грудь и перегородив ногами тротуар, сидит длинноволосый парень.

Темнеет. Мы опять в центре Нома, на освещенной фонарями, оживленной Передней улице. Опять в толпе туристов. Теперь людской водоворот заносит нас в «Хромую собаку».

У входа на тротуаре топчутся несколько подростков-эскимосок — одни в джинсах и куртках, другие в длинных бальных платьях. Лица их ярко и грубо размалеваны.

В низком длинном зале полумрак. Несколько неярких электрических лампочек льют сквозь клубы дыма сигарет, сигар, трубок какой-то серый свет. Поэтому и лица сидящих, стоящих, танцующих людей тоже кажутся серыми. На невысокой эстраде оркестр — гитаристы, ударник. Перед каждым из них микрофон, и каждый оркестрант не только играет, но и поет. И конечно, основа салуна, его «святая святых» — стойка, за которой преисполненный величия, словно это капитан на судовом мостике, бармен.

Зал битком набит. Музыка гремит без остановки, с лиц музыкантов катит пот. Видны уже примелькавшиеся пожилые туристки, на этот раз «походные» туалеты они сменили на вечерние. Дамы пляшут и веселятся, но похоже все-таки, что веселье это не настоящее, а наигранное, лишь ради выполнения очередного пункта программы, предусмотренной арктическим вояжем.

Мы сели у открытого окна. Рядом, на улице, на ярко освещенном пятачке, разыгралась драка. Двое парней как-то беззлобно, но «картинно» награждали друг друга оплеухами. Драчуны падали, но тут же вскакивали, и бой продолжался. Вокруг них теснились зеваки.

«Дай! Дай ему еще!» — выкрикивала одна из путешествующих дам. Другая то и дело аплодировала. По противоположной стороне улицы прошел полицейский, но в эту сторону даже не взглянул. Не был ли то лишь аттракцион в программе «истинной Аляски», поставленный и организованный туристской фирмой?

За нашим столиком осталось, быть может, единственное свободное место. Занять его попросил разрешения солидный господин со стаканом виски в руке. Он представился:

— Крог, местный служащий авиакомпании.

Когда разговорились, Крог заметил:

— Салун — единственное развлечение у нас в Номе. Вечером податься больше некуда. — Он широко улыбнулся, ослепительно сияя белизной своих зубов.

— Ну, а какая же главная достопримечательность современного Нома? — спрашиваю я.

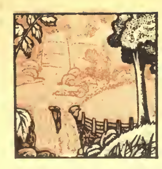
Мистер Крог долго думает, выдавливает из себя звук, похожий и на «а-а-а-а», и на «э-э-э-э», и наконец отвечает:

— У нас самый высокий в Америке уровень самоубийств.

После этих слов вдруг как бы слиняла пестрая и шумная толпа, несмотря на ее бурное веселье.

Следующим утром мы улетели из Нома. И уже не так чисты и прозрачны казались дали, и не так глубока была синь небосвода. Только незабудки, что еще цвели на окраине аэродрома, пожалуй, не потеряли своей сочной голубизны.

Не потому ли, что они такие же, как у нас в России?



Петр Дудочкин

Новеллы о маленьких речках

Габья со своими ключами

Часто случается, человек проходит мимо таких чудес природы, которые не что иное, как волшебные сказки для всех-всех, независимо от того, кто где живет и чем занимается.

Такими сказками мне хочется назвать родники.

Смоленский крестьянин, всю свою жизнь проживший неподалеку от истоков маленькой, всего лишь в сорок с лишним километров, речушки с загадочным названием Габья́, мой отец, когда заходил разговор про ближайшую криницу с нежным названием Алмазная Бусинка, что была близ нашей хаты, под горкой, у Соловьиного болотца, и заменяла нам колодец, любил повторять:

— Без Алмазной Бусинки и Габья была бы не та!

Иногда добавлял:

— А без Габьи и Десна — не Десна, а без Десны и Днепр — не Днепр!

Только потом, повзрослев, я понял мудрую суть этих слов, да и то, если по чистой совести, сомневаюсь: вся ли суть понята?

Никто не знает, с каких пор родниковая струйка Алмазной Бусинки с таким неугомонным усердием вытекает из глыби земной, но место рождения водяной жилки, никогда не зарастающее, превратилось в небольшую впадинку-ямочку с песчаным донышком, напоминающую глиняную крынку-махотку. Не потому ли и возникло слово «криница»?

Мой дед по матери, рачительный землероб, одно время, чаще всего, помнится, в сенокосную пору, нет-нет да и занимался подсчетом родников в болотистой пойме Габьи. Кое-кому, пожалуй, мнилось, что старик просто-напросто чудит, а мне почему-то сызмальства виделась в этом какая-то деловитость. Не будет же человек с седой бородой тратить время на пустяки. Он уверял соседей, что на каждой десятине болота только видимых ключей не один десяток. А сколько невидимых! Они-то ведь тоже питают речку своей студеной свежестью! Значит, не зря, нет, не зря толкуют: «Без Алмазной Бусинки Габья не та».

Что возразишь на это? На моей памяти отец с дедом расчистили лопатой водяную жилу криницы, получилась ямка-копанка аршинной глубины, потом поставили дубовую кадку без днища, с деревянными обручами. Получился незаплывающий колодец. Правда, колодцем никто родник не называл, это слово не прижилось, говорили, как встарь: Алмазная Бусинка. Почему бусинка, да еще алмазная? Не потому ли, что кто-то некогда догадливо подумал-размечтался о том, что, как бусы, украшающие женскую шею и грудь, состоят из нанизанных друг на дружку зерен-бусинок, так и

родники, хрустально-прозрачные, вроде драгоценных камней, украшают местность, где родились, будь то лес, луговина или болото.

В самом деле, словно нанизанные на невидимую подземную нить, у подножия Пригодинской горки и с одной стороны Алмазной Бусинки, и с другой — тоже ключи, но уже с общим названием — Пригодинские. Ближе к болоту — новые созвездия махоньких родничков. Эти безымянные.

Но хоть и не удостоенные имени, они оберегались исстари. Около одного ключа вросли в дерн — видимо, не без рук человеческих — два булыжника, большие, каждый с лукошко. Другой ключ был накрыт какой-то почерневшей корягой. На третьем крест-накрест положены две суковатые палки. Подле четвертого, у бойкой стежки, кто-то воткнул ракитовый кол, и дружно прысиули на нем побеги; значит, прижилась ракитка, дерево тут будет сторожем у родника. У дальних криниц, где дорога бежит с горки напрямик через гать к мельнице, притихли вековые дуплистые ракиты; в одних дуплах, что пониже к земле, удоды живут, а в тех, что повыше,— шершни. Возле ракитовых стволов сухо-сухо. Рядышком ключи. Влаголюбивым деревьям вольготно, а водяные жилки в безопасности, уже бьют из-под дернинок, прошитых кореньями. Небось, и эти ракиты с колышков начинались.

Пасется стадо; коровы и овцы тут не топчутся, обходят ключи, огороженные столь естественно, а если и пьют из них, вытягивают шею, не ступая в горловинки истоков. Иной раз, когда стадо пройдет кучно, и коряги с кольями не спасают, грязное месиво остается вместо ключа. Но в тот же день, по неписаному обычаю нашей деревни Стреченово, пастухи с подпасками без всякого напоминания приводили в порядок нарушенную природную красу.

На моей памяти так оберегали родники не только окрест Алмазной Бусинки, а, наверное, по всей пойме — от Тризновских и Екимовических лесов на Смоленщине, в болотцах которых начинается Габья со своими притоками, до села Троицкого, уже на Брянщине, где, рассекая пополам большую луговину, она тихо, но уже многоводно впадает в Десну. Еще совсем недавно, до войны, на сорокакилометровой речке было шестнадцать плотин с нежными вербами и вековыми ивами в два ряда, со ставнями при мельницах, крупорушками, маслобойнями, шерстобитками. В шестнадцати прудах (их здесь зовут озерами) круглый год держалась глубокая вода. Тюнинское озеро, славившееся на всю округу десятифунтовыми лещами, серебрилось обширным водным зеркалом; километра полтора ниже — Стреченовское, маленькое, все в желтых кувшинках, царство окуней; еще через три километра — Мочальское, глубокое, с дном в корчах-корягах. Поймать щуку в полпуда не считалось редкостью. Конечно, ныне нужда в мельницах отпала: муку, крупу, масло и все другое сельский житель покупает в магазине. Но вот то, что вместе с мельницами разрушились и почти все плотины, державшие большую воду,— это весьма печально. Правда, в последнее время кое-где их восстанавливают по инициативе Всероссийского общества охраны природы, но движется это полезное дело чересчур медленно.

Пойма Габьи воистину сказка природы, и, хотя иа русской земле таких сказок множество, как утерпишь, чтобы ие поведать о ней подробиее. От берегов, заросших вековыми ольхами, шагов иа триста, а то и иа пятьсот — буйиое, по пояс, разиотравье. Прибрежиые заливиые суходолы, досыта иапоеиные чудодействеииым илистым половодьем, давали столько сеиа, что здесь говаривали: «С копны на копну перепрыгнуть можио!» Из институтов — Смоленского педагогического, Брянского лесотехнического — приезжали профессора со студеитами и, довольные, увозили на свои кафедры папки с гербариями редчайших растеиий. У медиков — своя радость: «Не болото — живая аптека!» И девчата с париями забредали нарвать цветов, полюбезиичать под иеторопливый говор коростелей, резвый посвист стрижей, стремительио обгоияющих друг друга иад обрывистым берегом.

Здешние болота, точиее, болотца, если смотреть издали с какой-иибудь кручи, похожи на иеширокие, в двести — триста шагов, ленты с кудрявыми лозияками и орешииками. Вииз по течеиию, за Соловьииым болотцем,— Ржавщики, где затерялись во мху какие-то мииеральные родниковые струи, все в ржавых пятнышках. За это и прозваны Железистыми ключами. Яркожелтые пятна, похожие иа опавший осииовый лист, заметны лишь в долгодневиую сушь, но лог с ложбиной окрещеи Ржавщиками. Дальше — Рожки́: от болотца к горушке тянутся, расходясь, две ложбинки. Потом красовалась километровой длииы Коиопляика. В белоствольном березняке, в редком невысоком сосияке радовала глаз дикая коиопля в человеческий рост по торфяиистым обочинам стежек; у заболоченных топких берегов водились выдры (отсюда иазвание — Выдрины виры). За Коиоплянкой — широкий Капустный лог с ежегодным обилием заячьей капусты. За иим иовое болотечко — Мочалы, по соседству с которым, иа взгорьях, в липовых рощах, встарь заготовляли лыко для мочал (их возили на ближайший Рогиедииский базар).

А вверх по течеиию Габьи, за Соловьиным болотцем, зелеиели другие болотистые места — Зубовская тряси及а, Бобровка (когда-то тут жили бобры), Фаддеевская мельиица, Дуничев мох, Верещевичи, Тюнинская живая вода. И всюду родиики, родники — Шелепииские колодези, Глебовский ключ, Цвылевская струя, Сушиморова криница. Одни ухожеииые, вроде Алмазной Бусинки, другие попроще — не имеющие имени. На другом берегу Габьи, правом, который местами повыше левого, посуходольнее, с более узкой лентой болот, родники были еще в большем почете. Крестьяие, жившие близко к речке, каждую весиу собственными руками огораживали колышками все чистоструйиые ключи.

Повыше родниковых созвездий взгорья бровки возвышеииостей отделеиы от полей то дубняком и березняком, то орешииком и осинником, то ельииком и сосияком. Жаль, ныие в пойме Габьи уцелели ие все волшебиые сказки природы. На высушениых местах поубавилось Алмазиых Бусииок. Меиьше кустариика по берегам, живых изгородей по взгоркам. И дичь ие столь охотио гнездится в облысевших болотах. И рыбьи стаи реже плещут, играя в обмелев-

ших заводях. А первопричина — в них, в родниках. От них — истоки жизни.

Родник! Символично, наверное, что один корень объединяет такие слова, как род, родник, родина, родня, родство, родители. Самые святые чувства вызывает образ родника.

Конечно, светлоструйных Алмазных Буснинок уйма повсюду — в лесах, на лугах, в болотах. Но нет-нет да и встречаются плоды опрометчивого хозяйствования. Глядишь, осушается болото с родниками, с живым музеем редчайшей флоры. И ради чего? Чтоб на осушенном месте посеять то, что еще лучше растет в чистом поле.

Нет, не случайно предки оставили нам в наследство свою мудрость: «Без родника нет воды, без воды нет жизни». Как не повторить эту истину еще и еще раз!

Как называется речка?

На юго-западной окраине Москвы, за Ленинскими горами, есть овражистая глубокая лощина шириной в полкилометра, посередине которой петляет, шелестя осоками и качая спустившимся до самой воды лозняком, узенькая быстротечная речушка. Под лозняком — омутки. Залюбуешься ими, и приходят на память душевные слова Алексея Константиновича Толстого: «Где гнутся над омутом лозы, где жаркое солнце печет, летают и пляшут стрекозы, веселый ведут хоровод».

Поэтический настрой души заставляет внимательнее, чем обычно, посмотреть вокруг себя, приглядеться к траве, кустам, воде. Кажется, вот он, солнечный уголок природы, который воспел поэт. И омуты есть, и лозы гнутся над водой, и жаркое солнце печет. А стрекозы? Нет, не летают они, не пляшут, не ведут веселый хоровод. Да и других букашек что-то не видно. И кузнечиков не слышно.

Летним солнечным днем мы с Алексеем Антоновичем Фадеевым, инженером механического завода из Бескудникова, с которым меня сдружили ветры странствий по отчей земле и краеведческие дела, оказались в этих местах. Полюбовались речкой, поразмышляли о ее прошлом, настоящем и будущем. В трехстах шагах от нее на южной покатости косогорья утопала в садах небольшая деревенька с обычными для Подмосковья обшитыми тесом бревенчатыми домами, с верандами, резными наличниками. Название ее — Матвеевское. А на взгорье широко раскинулось величественное полукружие окаймленных зеленью шестнадцатиэтажных домов. Пойма настолько овражиста, что деревня связана с другим берегом лишь тропками. На речке деревянные кладенки-мостки без перил. А рядом настоящие мосты, будто вовсе и не для пешеходов, из огромных железобетонных плит, так сказать, на память местному населению от строительно-монтажного управления. Вода в речушке мутна, как в вешнее половодье. Глядишь на воду — ни донных

камешков не видишь, ни всплесков рыб. Бурлящие воронки мелькают одна за другой, и, кажется, своей быстротечностью речка хочет избавиться от этой мути. И все же даже такая вода влечет в жару купальщиков. Увидев, с каким наслаждением плавает в виру крепыш атлетического сложения, я спросил:

— Как называется речка?

— Банный ручей,— отозвался купальщик. И пояснил: — Где-то выше бани с прачечной.

Мы, разумеется, поняли, что у красивой речки со сказочными берегами не может быть такого имени. Сколько тысячелетий течет! А бани с прачечной только-только здесь появились. Пока шли до деревни, спрашивали встречных:

— Как называется речка?

Из семерых четверо чистосердечно признались, что не знают. Остальные говорили по-разному: Раменка, Каменка, Тараканка.

Странно было, что местные жители, хорошо знающие названия окрестных улиц, расположение автобусных остановок и магазинов, ничего не могут сказать о речке, протекающей вблизи их домов.

— Я не краевед,— сухо ответил один.

— Вот уж чем никогда не интересовался,— признался, разводя руками, другой.

— Пахучка — вот настоящее имя у этой речки! — высказался бритоголовый детина. По тону чувствовалось: свое суждение он считает остроумным.

— Не слушайте пустомелю,— не без гнева посоветовал поравнявшийся с нами мужчина в спецовке строителя. Он нес что-то тяжелое в перекинутых через плечо узлах. Помолчал минуту-другую и, перекинув с плеча на плечо груз, сказал громко, с расстановкой: — Сетунь. Из Кунцевских лесных родников начинается.

— Сетунь? — оживились мы. Это-то имя было нам знакомо.

Сетунь! Не та ли это река, которая в далеком прошлом не раз была защитным рубежом при набегах захватчиков на столицу земли русской?

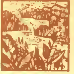
Было солнечно, жарко. В Матвеевском даже на главной улице — ни души. В палисаднике девушка в джинсах умывалась под рукомойником. Что-что, а здешнюю речку она-то, небось, знает. Но, выслушав наш вопрос, девушка пожала плечами и, вытираясь мохнатым полотенцем, пошла к дому.

— Чего им? — раздался чей-то голос. На крыльцо вышла пожилая женщина, видно, хозяйка дома.

— Спрашивают, как речка называется,— сказала девушка.

— Раньше мы ее Сетунькой звали. Сетунь, Сетунька,— ответила женщина.— Исстари так. Чудо речка была. Чистая-пречистая. Все струйки как серебряные.

Мы поблагодарили женщину и пошли дальше. Я вспомнил, что где-то в здешних местах живет писатель-природолюб Олег Васильевич Волков — он-то все, конечно, знает. Глянул в записную книжку: на Нежинской улице. Спросил. Верно, совсем рядом, в новом доме, на тринадцатом этаже.



— Да, это Сетунь,— заверил Олег Васильевич.— Историческая речка! Гордость Подмосковья!

— Как же случилось, что теперь она стала неприглядная?— спросил я.

— Думаю, скоро удастся помочь ей вернуть свою былую красоту и свежесть.— Писатель стал говорить о том, что делается для охраны природы Подмосковья.

Мы долго бродили по берегам Сетуни. Досадно, что речка утратила свою былую живописность, но еще горше то, что у многих здешних жителей укоренилось равнодушное к ней отношение. А Сетунь все течет, все журчит и журчит. И хочется, чтобы прислушались к голосу ее струй:

— Я — Сетунь, Сетунь, Сетунь. Речка-невеличка, частица русской природы. Служу людям честно, бескорыстно. Так не забывайте же и меня. Отплачу сторицей. Я — Сетунь, Сетунь, Сетунь!

Василий Казанский

Лесная стихия

Рассказ

1

В связи с генеральным планированием освоения тайги Европейского Севера выехала в Шаренгский леспромхоз экспедиция. В иее вошли три группы — пятеро лесников-таксаторов, трое путейцев-дорожников и гидролог-сплавщик.

Возглавлял экспедицию лесовод Василий Павлович Нилов. Лет ему было иемало, но лишь побелевшие виски выдавали это, а по походке, спорой, хотя и хромающей (война!), сразу угадывалось, что Василий Павлович не позволяет себе стареть. Ои и морщии почти «не допустил» иа свое обветрениое, смуглое лицо с правильиыми чертами. Загар не успевал сойти за зиму, за весь камеральный период работ в городе.

Моложавость и неутомимость Нилову сберег лес, многие годы лесиых изысканий, а вдобавок и охота, тоже влекущая в лес.

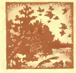
В Шареигском леспромхозе преобладали рослые и для своего возраста густые ельники — редкость в двухсотлетней тайге. Василию Павловичу приходилось миого бывать в этих могучих темноватых лесах, и он невольно испытывал чувство преклонения перед великой лесной стихией.

На высоких, стройных шаренгских елях почти до половины их высоты нет сучьев. Стволы высятся, как колонны, и светятся там, где в разрывы между кронами, как в окна, глядит на них солнце.

В безветрие густые хвойные вершины молчат спокойно и крепко. Но лишь покатится по ним теплый летний ветерок, зашумит ельник мощио и вместе с тем как-то мягко, ласково. А под июльским грозовым вихрем или под необузданными осенними и зимними бурями загудит он, зарокочет гневно, и кажется, готов насмерть стоять перед врагом. Миого его воинов падает в тех битвах сломанными или вырваниыми с корнем...

Кое-где прорезает еловую крепость речка или ручей с сырыми кочковатыми берегами, поросшими березой, ольхой и той же елью, кривоватой здесь, далеко не такой рослой, как на суходольных холмах. Густ, ароматен в этих логах подлесок: чериая смородииа, черемуха, шиповник...

А то среди добрых ельников ляжет мшарина-суболоть на сфагновом торфе. Растет иа ней древний, ио мелкий, убогий сосняк, а на мху подбел, багульник. Ииая мшариа богата брусникой, голубикой, по краю черникой, а по прогалам клюквой; встретишь здесь и чудо-ягоду — морошку. Есть в шаренгских ельниках и так называемая согра — ии суша, ии болото — ель да черная ольха иа кочках. Меж кочек ржавая вода, топкая грязь. Идти сограй, по кувыркающимся кочкам, вязнуть в жиже — хуже ие придумаешь. К



счастью, иа Шареиге согры мало. А вот бурелома, валежа, всякого лесного хлама — пропасть. На то и тайга!

Глядя иа этот «отпад», Нилов ие раз думал: «Пора рубить, пока не сгинули зря эти леса! Такое захламление! Только и жди пожара!»

Много лесов повидал иа своем веку Василий Павлович, любил их, ио это не мешало миогоопытиому лесовику разрабатывать плаиы рубки самых прекрасиых лесов. И, подсчитывая будущие лесоматериалы — бревиа, шпалы, балаис, подтоварник и прочее, ои ие знал горечи из-за сводки леса, великолепного живого существа; чего страдать, если добрый лес рубится для великих строек, к тому же планы больших рубок касаются тайги большею частью перестойиой? Если ее ие рубить, деревья будут падать и гиить зря. И плохо ли, что древиий лес смеиится молодым?

У начальиика экспедиции разъездов миого — к таксаторам, к дорожникам. Все оии по месяцу и больше безвыездио в лесу за двадцать — тридцать километров от деревеиь, а то и за полста. Бывает, проберешься по притокам Шареиги иа легкой лодке-осииовке. Но редко удаются стаиы иа речках, больше-то иа ручьях. Ну и посещает иачальник свой иарод пешком, редко верхом. Ни дорог, ии троп! В райои (баик, леспромхоз) дорога кое-как годиа для мотоцикла. Но капризен этот зверь, да и езда в район раз в месяц. Нет!.. Взял Нилов в леспромхозе лошадь иа лето и осень.

Дел у начальника экспедиции хватает, ио делу время — потехе час. И этот час отдавал ои паре гончих, которых таскал с собой во все экспедиции. Охотник ои был настоящий, ну и гоичие были замечательиые.

Лишь в нижнем течении Шареиги есть деревии, а выше, в центре работ экспедиции, только хутора по реке. Нилов жил иа хуторе Кобыльем. Стоял там всего одии двор. Этот хутор вместе с тремя кужминскими составлял сеиокосиую бригаду Ильииского колхоза. Хозяии ие вериулся с войны. Вдова Ксения Веииамииовна вырастила двоих ребят. Светловолосый, голубоглазый Веия стал уже пятнадцатилетним длииноногим, худощавым подростком, а Лиза — тоже синеглазая, тонеиькая и быстрая — лишь иемиого отстала от брата ростом и годами. Оба учились в десятилетке в селе Ильинском и зимой жили в интернате.

Не только сам Нилов, ио и серая кобыла Метель и гоичие Гобой и Лютия иашли здесь добрую заботу. Лошадь хозяйка на день прятала в хлев от паутов (оводов). Гоичие жили в сарае.

Веня иравился Нилову и тем, что был умельцем по дому, и тем, что мечтал стать летчиком, а еще хотел сделаться охотииком-медвежатииком, как отец.

Мужики иа хуторах по Шареиге (больше старики да юицы) охотничали — добывали пушнину с кое-какими собаками вроде лаек. Били и лосей. Лицензий иа лосей в тех местах еще ие было. Хоть бы сроки охотиики ие забывали!

Приходили глядеть гоичих Нилова. С Кужмы явился Иваи Устиныч Ястребков. Был он иевысок, но широк в кости; борода

седоватая, иос мясистый, глаза — не сразу поймешь, что серые,— так глубоко сидят.

— На большого гожи,— заявил Ястребков.— Спробуем, Василь Палыч! Коль пойдут иа лося настояще, стукием едину скотинку. Когда пойдем?

Нилов, коиечио, отказался:

— Не пойду я иа преступлеиие, Иван Устиныч! Притом, убить лося — порча гоичих. Так и будут вязаться за копытом.

— Преступлеиие! — усмехиулся Ястребков.— Подумаешь, велик грех одного лосишку убить, хотя и летом,— вои их сколько!

Еле отбился Нилов. А дня через три посетил его первый охотиик округи Дмитрий Лаврентьевич Тихмеиев. Ои был дипломатичеи, вежлив.

— Здравствуйте, товарищ инжеиер! — И сиял с головы солдатскую пилотку.

Оиа шла ему — крупиому, широкому, бодрому старику с белоснежиой бородой, в волиах которой пылали красные губы. Нос тоикий, прямой, глаза быстрые, карие; в темных волосах — ии сединки.

— Собачек бы поглядеть! — сказал богатырь.— Об их по хуторам речи, что лес гудёт. Забавио зайцей гоиять, да они у иас потерялися. И лиса в редкости. Вы Ваньку Ястребкова дельио ругали. Нешто мыслеиио за охотой ходить в самый-то сенокос? Накоси — тогда и с богом! И зверь осеиний жирией. А тут еще вишь как засинело. С покосом торопит! — пояснил он.

Июль стоял жаркий, сухой, даже мошки и комара почти ие стало. Сииь в воздухе, запах гари! Нилов и сам тревожился: пожар иедалеко!

— Баски́ собаки! — заключил охотник, любуясь гоичими.— Сильно баски! А чтобы большого ие погиали, быть того ие может!

2

Изредка Нилов водил гоичих в ближний лиственный лес — промяться. Лихие гонцы — полазистые, добычливые — иосились по лесу, ие иаходя зверя.

Лишь иа четвертый выход (без ружья, коиечио) повезло: Лютия иалетела иа зайца, залилась «по зрячему»*. Гобой подвалил, закипел гои в два голоса. Нилов и бегавший за иим Веня перевидели** иа поляие беляка и через минуту гоичих, мчавшихся следом. Оба очень обрадовались, только иедолгой была радость. Наступал горячий, засушливый деиь — гнать стало иевозможио. Август-то пришел ие легче жаркого и бедиого дождями июля. Нилов подловил зарьявших*** собак и повел иа реку купаться... Над головами охотников пролетел вертолет лесопатрульной авиации. Веия, подлиииый сыи тайги, тяжело вздохнул:

— Ох, не зря лётают! Лес где-то горит. Вишь, как опять засииело!

* «По зрячему» — увиденному.

** Перевидеть — перехватить и увидеть.

*** Зарьять — задыхаться от скачки.

После этой удачи Нилов не раз ходил с гончими по утренией зоревой прохладе, но, как они ни старались, найти зайца не удавалось... Задумал он побывать за рекой, на левом берегу. А вдруг там есть беляки? Вышло так, что отправился уже после обеда, в четвертом часу. День выдался облачный, не очень жаркий. Даже Ксения Вениаминовна размечталась о дожде: пусть бы картошку полил, и на капусту не таскать воду с реки! Напрасные надежды!

Веня на осиновке перевез Нилова с собаками, а сам вернулся: дома дела много... На том берегу вдоль реки шли пожни, по краям покосов рос тальник и березнячок. А позади возвышался ельник.

Нилов пустил гончих с пожни, и чуть не сразу, метрах в полутораста впереди, загремели голоса собак — на месте, как на чужого... Лось! Нилов побежал — отозвать!.. Вот уж близко... Стал подходить осторожнее, и сквозь нечастый березняк увидел быка с небольшими рогами... И рванулся азартный, заливистый гон! Лось заметил человека, помчался. Вот и слушай теперь, как бахает Гобоев баритон, как переливается из одного тона в другой «фигурный» голос Лютни. Нилов кричал, отманивая, трубил в рог, да куда там!.. Гон удалился и, став еле слышным, повернул на северо-восток от Шаренги... Грохот летевшего вертолета заглушил дальний лай, и Нилов потерял гон. Бросился искать, часа два бился...

И побрел он домой... А где дом? На западе. Шаренга-то течет с севера на юг. Значит идти на закат. А заря уже разлилась по небу и подожгла еловые вершины малиновым огнем. Больше часа шел. Угасла заря, засияли звезды... И вдруг недалеко грянули выстрелы! Один, другой! А через минуту еще один!..

Тут Нилов вышел к реке. На том берегу закукарекали петухи... Да это же хутор Кужма!

— Перевези! Лодку дай! — Нилов кричал, пока не отозвался бас.

— Ты, что ль, Василь Палыч? Еду! — Это был голос Тихменева.

Прошумела по песку лодка, плеснули весла.

— Где ты? — гудел Лаврентьич.

И как же расхваливал он гончих, пока перевозил!

— Ну и собачки твои! Чуть не в хутор вогнали! Лосишко переплыл, целил сквозь бредняк скочить, а твои ревут, не дают! Мы с Ванькой давно уж слышали, как они гнали, пели. Ну, думали мы, замучит их бычишко. Надо выручать! Похватали ружья да на берег! А тьма — лешак понеси! Куды стрелить, не поймешь. Лось-от стал на берег выгребаться. Ванька не стерпел — из обоих стволов — тресь! тресь! Ну и я грымнул. А лосишко-то сквозь бредняк напролом! Собаки — язви их! — того и гляди, рогатого за пяты хватят. Но тоже с умом! Близко-то, близко, а евонной ноги берегутся! — гудел Дмитрий Лаврентьевич, и вдруг: — Продай нам с Ванькой собак! Что хошь отдадим, никаких денег не пощадим. А ты себе в Москве еще лучше сыщешь!

«Вот прохвосты! — подумал Нилов.— Для браконьерства собак отдать!» И твердо сказал:

— Что только выдумал, Лаврентьевич! Других таких и в Москве не найти! А главное, эти от моей Сороки — родные, доморощенные!

На берегу ждал Иван Ястребков. И привязались в два голоса: «Продай! Продай!»

И чем отбился Нилов:

— А была бы у вас заветная собака — продали бы?

— Что ты, Палыч! И не подходи с таким делом!

— Эх-ма! — решился Нилов. — У Лютни зимой щенки будут. Пришлю вам пару.

Иван отнесся к предложению без веры: «Уедешь, мол, ищи ветра в поле». А Тихменев почесал затылок, глаз сощурил да и загнул:

— Хорош посул — слова нет. Да ведь не зря сказано: Сулиха-Маниха Недахе сестра. Друг! Не сули! Продай этих самых, а не предбудущих. Что уродится? Может, тоже Недахины дети?

3

Начальник экспедиции подседлал свою Метель, перебрался бродом на левый берег и поехал вдоль Шаренги вверх к инженеру-сплавщику Ивану Ивановичу Ригардту. Проезжая мимо Кужмы, Нилов поздоровался через речку с дедом Тихменевым. Тот смолил лодку на отмели.

— Здравствуй, Василь Павлыч, — отвечал дед. — На верх правишься?

— Да. У Ивана Ивановича давно не был...

— Небось, ночуешь? Дак я там сена стожок поставил. На ночь возьми лошадке сенца, а то из-под ноги ей взять нечего — пожня гола, иссохла.

— Спасибо, Лаврентьевич! Возьму охапочку.

... Побыл Нилов у Ригардта. Осмотрели площадки под склады на пожнях. Две Нилов одобрил — на возвышениях, с легким наклоном к реке. Третью забраковал. Походили еще, нашли место получше. Но глазомер хорошо, а нивелиром Ригардту проверить еще придется. А на стане рабочие — реечники и мерщики — уже сварили кулеш и чай вскипятили на костре... Пока ужинали, чаевничали, поднялась полная луна. По такой светлой ночи Нилов решил ехать домой, не ночуя. Расстояние-то пустое — пятнадцать километров. Ригардт уговаривал ночевать, но Нилова не собьешь! А ночь есть ночь, лунный свет обманчив. Торопить коня всаднику нельзя. На Кобылий приехал в полночь. Расседлал Метель, пустил в загон. Зашел в избу, лег на раскладушку и сразу заснул... И вдруг толчки в плечо, шепот:

— Василий Павлович, Василий Павлович! — Это будила хозяйка. — Неладно дело! Лютня чего-то скулит, а кто-то ее вроде уговаривает...

Нилов вскочил, схватил карманный фонарик, ружье и в одном белье побежал с крыльца. За ним проснувшийся Веня. Бросились к сараю. А позади строения скрип, шорох, приглушенный голос... Кто-то затопал, побежал... В задней стене оказался пропил.

— Это кужминские, — решил Веня, — некому больше! Я им объяснял, что у вас собак брать нельзя, потому вы охотник особый. А они самолюбы, жады! Глядите, кисет Тихменев потерял!

Нилов тоже узнал кисет, вышитый красными петухами. «Дмитриев! Вот чертов хитрец! — подумал он про быстроглазого деда.— Видел, как я поехал, считал, что меня дома нет».

Пролом заделали. Решили — на ночь собак в сени.

4

Стояла жестокая жара, безнадежная засуха. Спасая огород, Ксения Вениаминовна и ее дети без конца таскали воду с реки, поливали. Овес на приусадебной полоске созрел безо времени, но какой!

— Зерно чуть больше макового! — горевала хозяйка.

В газетах печатались материалы о борьбе с лесными пожарами. А воздух день ото дня синел все гуще, сильнее пахло гарью. Слезились глаза, становилось тяжело дышать. Где-то близко ярился огонь в лесу, где-то совсем близко... А разве не мог на Шаренге вспыхнуть? Нилов по должности проводил беседы с работниками экспедиции. Некоторые считали опасным только верховой пожар, а низовой, мол, ерунда, людям бояться нечего: сломил ольшинку или березку и захлестал — вот и все. А когда верховой, охватив деревья от корней до макушек, мчится по ветру, не убежать от него ни человеку, ни зверю!

Вот и втолковывал Нилов, как страшен низовой пожар, если захватил большую площадь, особенно в местах малонаселенных.

Говорил и о том, как легко возникает низовой пожар от костра, затушенного не до конца, от папиросы, спички. Еще толковал, как просто попасть в огненное окружение, как пожар душит дымом, дурманит угаром. Наконец, рассказывал о значении минерализованной полосы, на которой снято все вплоть до отбрасывания даже перегнойного слоя... Сколько раз об этом твердят, но как легко все забывается.

5

Двадцатого августа Нилов вернулся из поездки к таксаторам Землякину и Воробьеву, работавшим в кварталах правобережья. Работа шла хорошо, но в воздухе синь стояла туманом, тяжко пахло гарью. Тревожно было!

На Кобыльем увидел таксатора Донцова, сидевшего на ступеньках крыльца с трубкой в зубах. Лицо этого седого человека казалось черным от загара. Сердце у Нилова екнуло, когда он увидел привязанного к березе коня под седлом: рабочий участок Донцова был в двадцати — тридцати километрах на восток, а дорог туда не было никаких. Приехал Донцов на лошади, значит, ушел из леса, значит, беда.

— Неужели пожар, Алексей Мартынович? — спросил Нилов, слезая с лошади. Донцов кивнул.

— Нас сперва гарью стало душить, ветер нагонял с запада, а потом и огонь пожаловал. Я думал на Шаренгу пробиться, вдоль фронта противника пометался, а он широко забрал да еще флангами поймать в окружение норовит. Я скорей к рабочим, собрал манатки в мешки да на восток. На Лупью крюку дали, зато ушли. К вечеру

вышли на реку, брод разыскали — по пояс... Пока перебредали, гляжу, Троицкий с рабочими выкатился. Я им махнул, так они тем же бродом. Вместе на Лупье ночевали. Троицкий рассказал, что там, на севере, огонь пришел с запада, от реки Кужмы. Они бросились на юг, а и по Восье тоже огонь. Нашли местечко узкое, захлестали огонь, проскочили через речку, можно считать вроде фокуса. В Ильинское пришагали мы все на другое утро. А там дорожники — и Лунев, и оба Ковальчука.

— А Фокин, не слышали, вышел? — тревожно спросил Нилов.

— О нем-то главный разговор. Коли не пробрался вдоль Кужмы, значит, должен был через кварталы Троицкого — на юг да через Восью. Выходит, опоздал, не смог проскочить, как Троицкий.

— Ох, до чего плохо! — Нилову страшно стало за Фокина и его людей.

— Надо бы хуже, да некуда,— подтвердил Донцов.— Скверно, что у него ни одного старика нет, все молодые, леса ни черта не знают.

Вот она беда! Фокин и пятеро рабочих где-то по ту сторону пожара!

Взяли Нилов и Донцов план лесонасаждений, стали гадать. На Кужме горит, через Восью перебраться Фокин не успел, а Восья берется из огромного болота, тянущегося полосой с севера на юг. Болото непроходимое, оно запирает Фокину путь на восток. И название-то у него страшное — Упокой господи, или просто Упокой. На нем и топи, и открытые окнища. Шаренгские охотники говорят, что раньше через Упокой была тропа, да теперь ее никто не знает... Открыт путь фокинцам на север, но там на многие десятки километров ни одного селения. И кто знает, может, и там горит? Нужно начальнику экспедиции срочно ехать в район, потребовать розыска Фокина авиацией.

6

Часов в пять утра Нилова разбудил Веня:

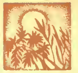
— Василий Павлович! Самолет парашютных скинул на кужминское поле!

Нилов вскочил, оделся и поскакал туда на Метели...

Начальник десанта Саша Якименко сообщил: по реке Кужме лес горит, пожар обширный и движется на хутора. Якименко думал взять народ из низовых деревень, а там всех уже мобилизовали в Шошемский леспромхоз: там тоже горит. У пожарных десантников главная надежда оставалась на взрывчатку, да кужминцы должны помочь.

Якименко передал своему начальству по рации, чтобы срочно был начат авиарозыск шестерых людей, оставшихся за пожаром. Добавил: летчик должен взять с собой таксатора.

Часа через два прилетел вертолет и сел на лужайке возле Кобыльего. Втроем — Нилов, Донцов и летчик Чирков — снова засели за планы и карты, рассмотрели места, где мог быть Фокин. Разработали и маршруты поиска. Потом пообедали, и Чирков с



Донцовым улетели, чтобы на лупьинских пожнях устроить свою базу, поставить палатку возле старой промысловой избушки, а в ней хранить от зверья хлеб, крупу, консервы и прочие припасы.

Жизнь на Кужме стала тревожной да еще непомерно тяжелой из-за дыма, просто дышать нечем. Не только все кужминцы, способные работать на пожаре, но и все инженеры и рабочие ушли в лес под начало Якименко, который в свои двадцать пять лет был удивительно распорядительным и отважным.

Следующий день был неудачным. Сильный западный ветер нес дым как раз в те кварталы, где могли быть фокинцы; где уж тут заметить их дымовой сигнал! Чирков и Донцов считали, что огонь распространяется в северо-восточном направлении, закрывая фокинцам ход на север.

Десантники, работавшие теперь южнее Восьи, сообщили Нилову, что от сильного ветра стали падать ели с сильно обожженными корнями; кое-где из упавших друг на друга деревьев нагромоздились непролазные завалы. Радиограмму об этом доставил на Кужму Веня, ставший у Якименко связным. А пунктом связи стал дом Ивана Ястребкова. Дед лежал в постели, жалуясь на «боль в грудях».

Дед Тихменев с другими кужминцами дежурил на минерализованной полосе, наскоро устроенной десантниками. Она остановила бег огня, но не гарантировала безопасности: много пней и крупного валежа тлело по гари. А если фокинцы окажутся среди завалов, им не выйти и не найти их даже с вертолета. Второй день вертолетного поиска — 23 августа — был счастливее.

В шесть утра Нилов пошел умыться на реку. Его встретила повеселевшая Ксения Вениаминовна:

— Василий Павлович, радуйтесь! Ветер с того берега, с восхода!

«Дым от Фокина, пожалуй, унесет. Неплохо!»,— подумал Нилов.

И радость была не напрасной. В середине дня примчался на Кобылий Веня с радиограммой, полученной десантниками от Чиркова: «Замечен сигнальный костер на мысу в болоте Упокой — квартал 146, сто метров от массива суши. Пожар местами достиг болота». А вскоре прилетели на Кобылий Чирков и Донцов. Летчик стал докладывать Нилову:

— Положение сложное. Квартал 146 рассечен болотом Упокой, полосой километра полтора в ширину...

Нилов перебил:

— Это все известно по плану. Почему людей не привезли?

— Никак не могли! Наш МИ-1 поднимает лишь троих, надо бы вызвать МИ-4, но обстановка не позволяет...— И он стал объяснять, что такое турбулентность...

7

Таксатор Ваня Фокин только второй год работал в лесу, в экспедициях. У него, конечно, было отчество, но такого по-детски веселого, такого румяного никому не приходило в голову называть Иваном Андреевичем. Он был рослым, сильным и к двадцати

четырем годам успел отпустить хорошую бороду, скорее рыжеватую, чем русую. В остальном он был как все: глаза серые, нос немного толстоватый. Рабочие любили Ваню за доброту, простоту, за беззаботную улыбку. В экспедиции он работал севернее всех. Все было ладно... А когда Фокин взялся за семидесятые кварталы, ветер стал наносить все больше дыма, похоже, с юго-запада. Таксатор пошел на разведку в кварталы 93 и 121; он встретил там не только густой дым, но и огонь, бежавший по гряде вроде бы неширокой полосой. Фокину показалось, что это не очень серьезно: легкомыслия у Вани хватало. И он хотел захлестать языки пламени, но вдруг заметил: горит и справа, и слева, и сам он чуть ли не окружен. Тогда Ваня бросился к рабочим, рубившим неподалеку визиры. Позвал их — вместе пожар тушить легче! Но огонь встретил их уже в 122 квартале... А западный ветер крепчал, подгонял бег огня... И он ярче вспыхивал, перепрыгивая, словно резвясь! Кинулись к стану, в ужасе посовали в тюки и мешки все — от Ваниных бумаг до котла — и быстро, как только позволяла ноша, двинулись квартальным просеком на юг, чтобы, перейдя Восью, обогнуть страшное болото и выйти на Лупью. Но пробежали только семь километров; к Восье их не пустил огонь, уже набравший силу, и здесь Фокин вовсе растерялся:

— Ребята, что делать? Куда деваться? Назад надо!

Но нашелся парень посильнее, рабочий Костя Житнев. Он обозлился:

— Стой! Куда назад? Надо на восток, вдоль восьинского огня! Может, там обогнем, обгоним пожар. И тогда повдоль болота спасемся!

Житнева послушались, бросились на восток... А ветер усиливался, и сквозь обычный шум леса стали прорываться другие звуки — страшный треск, грохот. Это падали обожженные деревья, еле стоявшие теперь над норами, выгрызенными огнем в почве. Падая, огромные деревья ломали и крушили не только своих меньших братьев, но и богатырей, таких, как они сами.

Шестеро парней еле живых от усталости добежали до болота, но попасть к истоку Восьи не смогли. Все вокруг выжжено, лес валился. Фокинцы попробовали обойти это место краем болота. Ваня первым зашагал по прибрежным мхам и сплавинам. Не прошел и сотни шагов, как провалился сразу выше колен, а пытаясь выбраться, стал вязнуть еще глубже. Рабочие живо развязали какой-то тюк, бросили ему конец веревки. Ваня обвязался, его вытянули. Сапоги с портянками остались в топи...

На счастье, вблизи оказался мыс, врезавшийся в болото. Он не горел, хотя был покрыт лесом. Много было тут сушин, упавших и еще стоявших. Выбраться на этот мыс стоило больших трудов. Продираясь через завалы, Фокин в кровь изодрал босые ноги, да и рабочие поранили руки. Вылезли на мыс, огляделись, поняли: место опасное. Стоит ветру перебросить сюда огонь — и конец! Узкая сыринка-болотинка пролегла там, где мыс отходил от «материка», как бы отрезая его. Здесь решили немедля установить дежурство, чтобы не допустить загорания вблизи этой линии.

Раны на ногах Фокина смазали йодом из аптечки отряда, рубашкой, разорванной на ленты, перевязали их. А поверх бинтов Фокин обмотал ноги полосами разодранной палатки и сказал весело:

— Вот я и в онучах. Лаптишки бы еще!— но потом стал серьезнее:— Товарищи Робинзоны! Мы на острове: здесь—вода-болото, там—огонь, а тут—непроходимый завал! Топоры и харчи мы не бросили. Нас будут искать! Найдут—авиация же!

Развели «островитяне» сигнальный костер, навалили осоки, чтобы дым шел погуще. Но западный ветер наносил тучи дыма с пожарища, и они забивали сигнал...

Задыха́йся не задыхайся от дыма, а устраиваться надо. Застучали топоры, зашипели пилы: нужны дрова, кряжи для нодьи, ставились рамы для станков. А еще Житнев колол кряжи на тес для кровли станка, как учил его дед. Он надкалывал кряж топором, обухом другого загонял топор поглубже, чтоб родилась трещина, и тогда клиньями раздирал трехметровые кряжи на тес. Костя Житнев, так уж получилось, стал командовать на Фокином Носу,

как решили назвать это место. Ване он предложил полежать, чтоб иоги зажили. В подручные Житиев взял Сашку и Илью. На двух остальиых прикрнкнул:

— Алешка, Васька! Мойте котел, мойте крупу, варите суп!

На третий деиь житья иа Носу фокинцы услышали близкий грохот вертолета — зиачит, их ищут! На четвертый день ветер утих и даже перемеиил иаправлеиие — теперь слабо тянул с болота. И сработал сигнальиый дымовой костер. Фокинцев иашли! И была великая радость!

С вертолета сбросили вымпел в коице мыса, особеиио захламлеином. Добывать его пошли Житнев с помощниками — Сашей и Ильей. Долго мучились, лазая по валежнику, толстому и суковатому, порвали одежду и нзранились. Накоиец иашли. Достали письмо из целлофанового мешочка, прочли: «Ищем три дня, мешал дым. Наш вертолет поднимает троих, а нас двое. Возьмем одного с зависания. Остальиых заберет МИ-4. Донцов, Чирков».

Кого же отправить? Коиечио, Фокина: босой, раны!.. И полез Ваня карабкаться по валам сушняка, ломаным сучьям: иадо было добраться до самого мыса, а то над лесом ведь лестницу ие спустить. Как-иикак добрался. Вертолет подлетел; ио лишь снизился, и начало его качать, болтать: близкий огоиь пожара создавал в этом месте перепад давлеиий, вызывая сильную турбулентность воздуха.

Так вертолет и улетел ии с чем. А Фокин, добравшись до стаиа, заявил:

— Во, ребята! Как в сказке: по усам текло, а в рот ие попало!

8

Из докладов Донцова н Чиркова Нилову стало ясио, что взять фокинцев на вертолет с зависания иевозможио. Чего же ждать? Более благопрнятных условий? А если ветер занесет огоиь на Фокии Нос? Люди заживо сгорят! Бушуют ветры большой силы; пожарище, захватившее десятки тысяч гектаров леса, превращается в сплошные завалы высотой четыре-пять метров. Весь древостой вырван, изломан, нскорежен, словно тут работали какие-то чудовищные машины! Ветры страшиой силы! И прогнозы погоды иеблагопрнятны... Допустимо ли ждать штиля для вертолета?

Пока Нилов, Чирков и Донцов обсуждали положеиие, Веия ие раз подходил к ним, словно хотел и ие смел что-то сказать.

Накоиец его заметил Нилов и позвал. Веия сообщил:

— Дед Дмитрий объясиил мне: через Упокой была тропа. Ястребков-отец ходил за болото на ихний путик прямиком. Раз-другой дед Иван брал с собой Тнхменя. Вот ои и велел — пусть заставят Ивана, чтоб за болото от Лупьи сходил, людей вывел.

— Веня! — сердито вскрикнул Василий Павлович. — Какие разговоры с Тихмеиевым? Гончих чуть ие украл! Как ты можешь! Это же вор!

— Так я с Тихменем на пожаре вместе работал. Как не разговаривать, когда на одном деле?

— Да черт возьми!— спохватился Нилов.— Что собаки! Люди гибнут! Любыми средствами спасти! Но Иван-то болен, лежит!

— Притворщик!— возразил Веня.— Вся боль— на пожар не идти бы!

Пошли к Ястребкову. Встретила их Иванова жена:

— На что он вам?— спросила сердито.— Хворый, в постели мается.

— Поговорить...— ответил Нилов.— Дело есть денежное.

— А? Кто? Чего?— Хитрец вроде бы проснулся, узнал.— Спасибо, Василь Палыч, что проведали!

— Здорово, Устиныч! Поправляешься ли? Заработал бы богато!

Жадный до денег Иван помолчал. Думал: денежно!

— Не век болеть. Может, к завтрему подымусь.

Нилов мигнул Вене: «На деньги клюнул!»

— Давай, Устиныч, на вертолет тебя да к врачам.

— Не к чему, Василь Палыч! И так мне легчает.

«Ага!»— подумал Нилов и решил сказать прямо:

— Выведи наших людей через Упокой! Заплачу, что спросишь.

У деда даже губы затряслись с перепуга:

— Ох! В сердце вдарило! Не встать вскоре! Ох! Ох!..

— Вон что!— как бы испугался Нилов.— В больницу скорей!

— Не спеши, Василь Палыч,— в страхе лепетал дед. Он знал, конечно, чего ждать от врачей: турнут, изругают.

Пришлось Нилову бросить Ястребкову: без совести человек!

— Идемте к Тихменю,— позвал Веня.— Смелый! Один на берлоги ходит...— сказал и осекся, увидев, как побагровел инженер.

А того вновь резануло: люди гибнут! И он справился с собой.

Пошли к Тихменеву. Веня вызвал старика на крыльцо. Вышел он, большой, темноголовый, снежнобородый, в красной сатиновой рубахе. Как ни в чем не бывало подал Нилову руку:

— Здравствуйте, Василь Палыч!

— Здравствуйте!— сухо отвечал Нилов.— Поговорить надо.

— В избе побеседуем. Сынки в земельке полеживают, дочки взамуж посбежали. А старуха моя не помеха.

В избе было просторно и чисто, лавки вдоль стен, по-старинному. Старуха Тихменева, сохранившая и в старости дородную стройность, встала, низко поклонилась: «Милости просим!»— и ушла на кухню.

Сели. Нилов объяснил положение: шестеро между болотом, завалами и огнем. Надо вывести через Упокой. Вертолет доставит проводника на Лупью. Дед вздохнул:

— А Ванька что ж? Он на свой путик сто раз через Упокой ходил.

— Ястребков болеет,— ответил Нилов и добавил:— Заплачу, сколько спросишь.

— Вишь— лиса Иван!— боль придумал. А как я пойду? Всего-то раза два ходил той тропой. Разве помню приметы? Утону и людям не помогу.

Из кухни, из-за перегородки негромко сказала жена Домна Исаевна:

— Не пойдет Иван. Не тот человек. А ты, Митя, где раз по охоту ходил, кажинную травину запомнишь навек. Надо идти. Кто удалей тебя по лесу ходок? Люди-то у смерти на пороге. Иди с жердьем.

Нилов думал: «Дмитрий оборвет старуху: «Молчи! Не твое дело!»»

Старик опустил голову на грудь, ответил ласково:

— Оно так, Домнушка, малость помню. А ты подумай: где и были положены кладки сто лет назад, так кои сгнили, кои под мох ушли...

Домна молчала. Хорошо знала своего мужа. Помолчал и он.

— Ну ладно уж. Так и быть, спробую. А как тропу потеряю да с полпути вернусь — отвечать не придется?

— Какой ответ! Хоть попытку сделаешь,— успокоил Нилов.

— Но сегодня не ход. Сухари сушить, жердья стройного сготовить, в бане попариться. К завтрему справимся, Домнушка?

— Конечно,— молвила она и тихонько всхлипнула.

— А зачем жерди готовить? Вон позади двора сколько лежит.

— Эх, Василь Палыч! Их надо чистых, ровных, крепких, сажин по две долины, легкие бы и задева не было б. Провалишься, уходить в прорву станешь, а их под грудь клади аль под мышки и не дадут под мох уйти.

Из-за перегородки подала голос хозяйка:

— Без товарища тут не ходьба. И поможет, и сообщит, ежли что. А то знать не будешь, служить панихиду аль нет...— Кажется, она всхлипнула: горько ведь про панихиду говорить.

— Один и не гадаю,— сказал старик.— А кто согласится в товарищи? Из хуторских нету никого, кроме Ястребкова.— Дед плюнул: — Болящий!

И вдруг тихо, прерывающимся голосом заговорил Веня:

— Дед Дмитрий, возьми меня с собой...

— Спасибо, Венюшка. Да ты не выдюжишь. Молоденек! Надо мужика!

— Дед! Мы на пожаре вместе были. Ты видел, отстану ли в работе?

— А и правда. Удал! — Старик с изумлением глядел на парнишку.— Да сила не твоя тут надобна.

Смолк, задумался, а потом сказал, махнув рукой:

— Идем Веня. Малый ты ловкий. А в прорву авось не ввалимся. Сбирайся!

— Я матери скажу: опять на полосу требуют, а то не пустит. Слез не уймешь. А жердье и для меня готовь, дедушка.

— А лапти у тебя есть? — спросил дед.— В сапогах на болоте худо.

— Лапти и онучи, Венюшка, дам,— обещала Домна, выйдя из-за перегородки.

9

Когда-то много лет иазад жило среди великих лесов великое озеро, глубокое, чистое н доброе. Вскармливало оно десятки выводков утиных, гусиных, лебединых. Спокойно отражало в тихую погоду прибрежные могучие двухсотлетние ельники, какие стоят и теперь. Гляделись они в зеркало воды... Под голубым небом и озеро голубело в безветрие, а поднимется ветер, становилось густо-синим, с белыми барашками... В ненастье под низкими, серыми тучами серело н само озеро... Отчего оно стало зарастать? Может, оттого, что по его берегам падало много мертвых деревьев, и они, сгнивая и все плотнее прилегая к земле, копили дождевые воды в этих нагромождениях? На мокрой земле селился мох-сфагнум, за ним на мокрое, гнилое садились другие растения — тростники, осоки... Все это тоже умирало, гнило, и к мокрому берегу прицеплялись трилистник, длинные, ветвистые плетии сабельника, а в воде со дна росли кувшинки, гречишник и другие растения. Все это отмирало, ложилось иа дно. Нарастал слой ила, множилось его население; оно выдвигалось все вперед, в озеро, захватывая новые полосы дна и водной поверхности. Утолщался слой ила, утолщались «сплавины» на поверхности воды, образуя ложную сушу. На сплавинах, на этом сплетении живых н мертвых растений, селился мох-сфагнум, уплотняя их и делая еще толще. Зарастание озера шло неровно: кое-где по сплавние мог пройти человек, и она лишь колыхалась под ним, в других местах ступи на нее — и она разойдется, пропустит его в воду, обнимая, обволакивая насмерть. Вырастали на сплавинах тростник и осока, появлялись кустики ивы...

Пройдет время, и мох завладеет всей бывшей поверхностью озера, задушит водяные растения, заполнит торфом, собственным перегноем пространство между илом и сплавинами. Станут жить на нем багульник, подбел, болотный вереск. И без страха пойдут люди по обширным мхам за славной ягодой — клюквой...

Будет так когда-то. Но пока здесь страшное, непроходимое болото.

Ранним утром из древнего, рослого ельника вышли на восточный берег болота старый охотник и годный ему во внуки подросток. Остановились на бугре. Ух, какой ветер налетел на них! Шли лесом. Ели гудели, качались, а понизу ветер путников не доставал. От пожней на реке Лупье, где остался вертолет, прошли они семь километров «духом», как сказал дед Тихменев. Сели на бугре, положив на землю мешки н ружье старика. И видна стала немалая часть болота.

Вон под бугром кое-где у берега тростник, зеленеют полосы и куртинки трилистника, темнеют местами плети сабельника с многими листьями. А вон н подушки сфагнума. Дальше сплавины на вид ровнее и щетинятся кое-где тростником. А вон поблескивает на солнце открытая вода — окнище... Над всем болотом висит дымовая

завеса, и, чем дальше, тем она плотнее, не понять, какие там сплавины, не отличишь мшарину от окнища. Дым, дым!..

Разглядывал Дмитрий Лаврентьевич болото, лишь головой качал: лет двадцать прошло с того раза, как они с Иваном Ястребком ходили через Упокой. Тогда кладки-брусья мало где были затянуты мхом. А теперь не видать их, а они ведь рядом!..

Напекла Домна Исаевна пирогов-подорожников с капустой. Вот с ними путники и напились чаю.

— Ну, Веньямин, пойдем. Который утопнет, другой попу панихиду закажет. Да ведь тебя небось в школе неверию учили? Может, и правильно... Слушай, как идти. Смотри мой след. Попадай ногой туда же. На жердье опирайся вкось, не ставь прямо, а пуще всего не налегай на опору. А увязишь жердь, тихо вытяни, а то бросай: до крепкого дна все равно не достанешь.

Дед зарядил ружье, выстрелил с выдержкой из обоих стволов. Это сигнал Фокину. Ружье поставил под густую ель: в болоте оно ни к чему. И пошли старик и паренек, взяв в каждую руку по жерди и привязав сзади к поясу еще по паре.

Дед щупал жердью сквозь мох, сквозь сплавину, осторожно перебирался с кладки на кладку, не видя их под наросшим мхом. Прошли метров четыреста, а дальше кладок не было. Сплавины и мох в этом участке кое-где наросли так плотно, что хорошо держали. Но прямо тут не пройдешь, надо было шагать, строго выбирая каждый клок мха или сплавины. Старый охотник шел, вглядываясь в каждую кочку, в каждую куртинку тростника и часто поворачивая то влево, то вправо, чтобы не попасть на слабое место или в окнище. Вспоминал повороты, щупал болото жердью и делал осторожный шаг. Шел, как когда-то двадцать лет назад.

— Дед! Дед!..

Старик быстро оглянулся: мальчик как-то странно полулежал, упираясь во что-то руками. Дмитрий понял: Веня оступился, прорвался, но успел положить жерди, упал на них. Старик осторожно повернулся, подошел, положил свои жерди через тропу.

— Ложись грудью на мои. Подтяни свои. Тяни ногу, только не дергай!

Веня подтянул за веревку жерди, прополз по ним, медленно встал...

Где на ногах, где ползком дотянули до западного берега болота. Тихмень раз прорвался обеими ногами, успел лечь грудью на ручные жерди, подтянул задние, пытался выползти на них, но не удавалось: жерди уходили в мох... Веня подал свои ручные. Мост у старика стал плотнее, и он осторожно, тихо вытянул одну ногу... другую... медленно встал... Потом еще раз провалился и Веня. Лег на живот, подтянул задние жерди — по четырем выполз, встал.

— Эй, парень! С моего следа сошел! Гляди строже! — Дед сердился.

Кончилась бескладочная часть пути, пошли под мхом кладки — стало полегче ступать. Но близ берега дым был густ и едок, а по берегу хозяйничал огонь. Тут их заметили фокинцы, подняли крик:

— Ура! Ура! Давай сюда, давай сюда!

А спасители задыхались от дыма. Остановились, обмотали лица мокрыми полотенцами... Добрели! Пробрались краем топи, стаскивая с берега под ноги еще не загоревшийся валежник.

Ну и обнимали же их шестеро! Ну и расспрашивали же!

— Что так долго? Много ли проваливались? Можно ль еще раз пройти?

Путники скинули мокрую одежду, надели сухое из мешков, развесили мокрое сушиться. Костя Житнев, главный на Фокином Носу, приказал:

— Люди пришли! Накормить! Ребята, скорей пшено варить! Эх, жаль консервы вышли!

— Пошто пустоварку заводить? — возразил Тихменев. — Мы с собой на случай захватили вяленого мясца.

10

После обеда мешкать не стали: надо к ночи на Лупью успеть! Ваня Фокин настроился радужно: ноги-то у него зажили.

— Давай, давай, ребята, укладывайтесь живей! Пришли к нам люди, ну и мы пройдем — дело простое!

Но старик Тихменев крякнул басисто, сердито, и все притихли.

— Вроде тропу мы пробили. А простого нету ничего. Наныряетесь! Враз, сию минуту, не выходит бежать. Всем сделать жерди добрые по четыре штуки! Еще сапоги. Нырнешь — без сапог выдерешься. Всем у края голенища дырки делать, подтягивать веревками к поясу. Босиком ноги порежешь осокой — и ступить не сможешь. Чтоб в мешках сухая смена одежи! Которы вещи лишние — здесь кинуть.

Поработали Робинзоны, заготовили жерди — первый сорт, как приказал дед. Бросили на мысу пилы, ведра, палатку, котел, да мало ли! Дед Тихменев еще раз повторил, чтобы идти строго след в след, не отставать и не напирать друг на друга. «Если прорвешься — не ворошись, клади жерди поперек хода, подтяни задние, ложись грудью, животом, выползай осторожно. Биться, рваться — хуже нет. Разворотишь окнище — не выплывешь. Строго гляди, строго иди... Прорвался — крикни. Остальным стоять...»

Не обошлось без прорывов. Только снегобородый вожак и шагавший за ним его подручный Веня шли теперь благополучно.

Ваня Фокин шел третьим. Проваливался он чаще других. И потому, что считал: «Чего там! Обошлось!», и потому, что ноги его были обмотаны полосами брезента — площадь опоры меньше, чем в сапогах. А когда оставалось до берега метров сто, Фокин и вовсе забыл про «строгость», ступил мимо двойной кладки, провалился сразу выше колен, закричал: «Помоги!» Веня оглянулся и увидел: Фокин бьется, впереди него всплыло черное бревешко кладки; он

ухватился, бьется по пояс в воде, но не тонет глубже — должно быть, нашлась под мхом поперечина кладок. Веня осторожно повернулся назад, пошел к Фокину подать свои жерди... Фокин, возясь в воде, начал подниматься, ступил ногой на конец всплывшего бревна, стал вытягивать другую... перевесил своей тяжестью, и оно встало дыбом, поднялся вверх другой конец... Нога Фокина соскользнула с бревна, и оно, падая, ударило по груди подоспевшего Веню. Мальчик упал, охнув... Счастье еще, что попал на свои жерди и не стал тонуть в болоте.

А Фокин опять по пояс в воде кричал: «Спасите!» Опять о помощи взывал. Тихменев, видевший все, заметил, что таксатор, погрузившись по пояс, задержался. На что-то опирался он подо мхом.

— Замри, Ванька,— грохнул бас старика.— Ты Веню зашиб! Стой, пока того не вытащу! — В сердцах Тихменев добавил про себя: «Жердью бы тебя по башке!»

А Фокин бормотал, лязгая зубами:

— Стою... на чем-то...

— Венюшка! — позвал старик.— Можешь ли встать?

Мальчик попытался, но опять упал, головой к Фокину.

Тихменев подошел к Вениным ногам:

— Веня, ползком можешь?

Дед положил свои жердины слева от лежавшего, и тот медленно, еле перехватывая их руками и стараясь не расставаться с кладками подо мхом, повернулся, пополз за стариком, выбрался на берег, лег... Дмитрий Лаврентьевич свалил толстую сушину, вырубил из нее кряж метра четыре длиной и с особой осторожностью по растревоженной сплáвине отнес к Фокину. Положил кряж на поперечные жерди, велел:

— Лезь!

И лишь Фокин ухватился за новую опору и полез на кряж, дед стал на другой его конец, чтобы и это бревно не вздыбилось... Фокин выбрался. За ним прошли остальные.

11

Веню до Лупьи несли на носилках из жердей, веревок и елового лапника. Добрались на реку в сумерках. Вертолет вывез фокинцев в Ильинское, а Веню и провожавшего его Тихменева — в районную больницу.

Хирург определил: перелом ребра. Наложили Вене на грудь тугую повязку. Уложили, предписали полный покой. Тихменев, отправляясь домой, спросил:

— Матери-то что сказать?

— Скажи: боли много, а беды нет.

А через пять дней вертолет перевез Веню на Кобылий хутор. Сопровождавшая медсестра строго-настрого приказала матери держать сынка в постели до врача. Следил за мальчиком и Нилов.

Пришли проведать Веню Дмитрий Лаврентьевич с Домной Исаевной.

— Ну как, поправляешься, герой? — спросил дед Тихмень.

— Хорошо! Ходить уже могу. Только повязка грудь давит. Нудно!

Начальник экспедиции, сидевший в сторонке, спросил старика:

— Дмитрий Лаврентьевич, что же за деньгами не приходишь?

— Это за какими же деньгами? — удивился Тихменев.

— А за поход через Упокой, пятерная поденщина.

— Пятерная? — словно удивился Тихменев. — Когда б я лес валил аль пашню пахал — за ту работу деньги взял бы. А тут мы с Веньямином живые души выручали, слава богу, пособили людям из беды выйти. С какой же совестью за такое плату брать? Тут про деньги и говорить непристойно!

«Вот каков! — подумал Нилов. — И на подвиг, и собак увести — на все способен!»

— Ну, спасибо, Дмитрий Лаврентьевич! Спасибо же от всех и от меня!

А Домна Исаевна все поглядывала на подоконник и вдруг спросила:

— Венюшка, почему это Митриев кисет у тебя оказался?

Веня смутился, не знал, что и сказать. А Тихменев затормошился:

— Где? Где? А — вот он! И правда, мой. Как же он к тебе попал? А я-то искал и в избе, и в огороде — пропал! А он вон где!

Нилов не стерпел, хотя только что удивлялся благородству старика:

— Не дивись, Тихменев. Сам знаешь, где потерял: когда моих гончих хотел увести да сарай пропиливал. Неужели тогда не хватился кисета?

Старый охотник не стал отпираться:

— Эх, Василь Палыч! На эких-то собак как сердцу не разгореться? Понимаю, ты охотник настоящий. Не след тебя беспокоить. Ну, а насчет сарая моей вины нету. Я сукину сыну Ястребкову сколько твердил: не смей строение портить! Не смей! Надо без этого суметь! А он, прохвостина такая, — свое! — И добавил старик прямо и честно: — Ты, Василь Палыч, уж не гневись на меня. Прости!

Сильные дожди затушили пожар, все его остатки, последыши — тлеющие пни, валежины... Десантники, много и успешно потрудившиеся, сумели преградить огню дорогу во многих местах. Но мощные ветры, начавшиеся еще во время пожара, повалили, исковеркали лес, прохваченный огнем на тысячах гектаров между рекой Кужмой, ее притоком Восьей, трясинами болота и минерализованной полосой, созданной десантниками на севере.

И теперь Нилову и его экспедиции пришлось кроме общего проекта освоения Шаренгских лесных массивов составлять еще и план ликвидации горельника, легшего сплошь на многих квадратных километрах слоем до четырех-пяти метров высотой, а кое-где и больше.

Капитон Высоцкий

На току

Из записок лесничего

В довоенные годы, когда я работал в Жигулевском филиале Куйбышевского государственного заповедника, мне однажды было дано дирекцией не совсем обычное для лесничего поручение: добыть двух глухарей — самца и самку — для изготовления чучел. Дело в том, что при нашем заповеднике решено было организовать природоведческий музей, рассчитанный в основном на многочисленных туристов, совершавших в летнее время в районе Жигулей путешествия на лодках и парусниках по так называемой волжской «кругосветке». Музей создавался для того, чтобы лучше ознакомить туристов и других посетителей с природой и животным миром этого заповедного уголка на Волге.

Добывание самки я отложил на осень, а самца решил добыть на току, в наиболее ярком его наряде. Как-то, обследуя заповедные леса по соседству, я видел выводок глухарей. Вот туда я и решил направиться, а так как расстояние было порядочным, пришлось воспользоваться верховой лошадью.

В один из погожих дней в конце апреля после обеда, захватив с собой самое необходимое и приторочив все это к седлу, я выехал. Дорога в лесу оказалась грязной: в ту весну было много воды.

Наконец лошадь вывезла меня на поляну, к которой с разных сторон сходились овраги. Здесь, несомненно, была самая вершина большого оврага. Именно в этих местах я и встречал ранее глухарей. Здесь среди мощного леса начиналось кочковатое болото, на край которого выходили редко разбросанные сосны, а за ними, образуя уже сплошной древостой, высились исполинские сосны. Проверил я и соседний отвершик оврага. Туда даже шла заброшенная лесная дорога. В конце ее виднелась полуразрушенная землянка, а рядом с ней — черная яма с остатками обуглившейся древесины. Это указывало на то, что в прошлом здесь велось примитивное производство древесного угля и в землянке жили углежоги. Из-за ветхости воспользоваться землянкой не удалось. Оставляя в стороне болотце, где, по моим предположениям, мог быть ток, я расположился поодаль от него, на краю поляны.

Коня я расседлал, стреножил и пустил на поляну, на которой после растаявшего снега топорщилась прошлогодняя трава. Прежде всего я, по таежному обычаю, натаскал дров, натянул с ветреной стороны брезент, приготовил место для костра и пошел на разведку.

Выбрав укрытое место с хорошей видимостью, я сел на поваленное бурей дерево. Передо мной вдоль оврага простиралась большая поляна с росшими на ней отдельными куртинами леса.

Было слышно, как на одну из куртин слетелись тетерева, и начался их ток. Внизу, в овраге, блестело небольшое озерцо, а кругом стоял старый лес. Солнце быстро клонилось к западу. Тишину леса скоро нарушили певчие дрозды, занявшие свои места на вершинах высоких деревьев. Я невольно вздрогнул от стремительно пронесшихся над головой чирков. Через некоторое время в сторону озерка проследовала стая уток. А потом на краю поляны, среди ее ржаво-рыжей растительности, мне почудилось какое-то движение. Всмотревшись, я увидел огромного петуха-глухаря, важно идущего вверх по оврагу... Иногда кусты скрывали его от меня, но потом он появлялся снова, и так он шел и шел, пока густая растительность окончательно не скрыла его. А через некоторое время я заметил другого глухаря, пролетевшего почти надо мной. Он тоже направлялся вверх по оврагу, и было слышно, как птица шумно садилась на дерево. Это было уже недурное предзнаменование, свидетельство того, что глухари здесь есть и я не напрасно сюда приехал.

Скоро сделалось темнее и холоднее.

Солнце скрылось за лесом, началась тяга вальдшнепов. Я покинул свое укрытие и зашагал к месту привала. Мой конь уже ожидал овса, который для него припас наш заботливый кучер Тимофей, насыпав две порции в переметные сумы. Скоро запылал костер, потом закипел чай, и началась короткая охотничья ночь. В два часа пополуночи следовало уже выходить на охоту. Поужинав и попив чаю, я дремал, время от времени посматривая на часы.

Иногда я отходил от костра в сторону, чтобы послушать, не играет ли где-нибудь глухарь. Но было тихо, лишь чуть шумели соседние сосны да по дну оврага журчал ручей, чтобы донести свои воды до Волги. От снега, еще оставшегося в лесу, веяло холодом.

Дрова в костер я уже не подбрасывал, а, положив два толстых бревна, шагнул в темноту искать своего охотничьего счастья. Под ногами чавкала вода. Шел медленно с заряженным у костра ружьем. Часто останавливался. Прислушивался. И мне вспомнилось вдруг, как точно так же я шагал в ночи более полувека тому назад.

К охоте я приобщился рано и в своих охотничьих скитаниях особенно полюбил природу. Моим наставником в этом отношении явился отец, всю свою жизнь служивший лесничим в Брянских лесах. Он был большим любителем природы, чутким ее ценителем, знатоком и вместе с тем страстным охотником. Он-то и стал брать меня с собой на природу, когда я был еще мальчишкой, привив мне безграничную любовь к ней. Не меньшее воздействие оказывала на меня и мать, также боготворившая природу...

Глаз мой не скоро привык к темноте. Шел я мало. Больше стоял и слушал. Иногда казалось, что где-то в стороне звучит песнь глухаря, но, постояв еще, я каждый раз убеждался, что это иллюзия. Но вот, продвинувшись еще на несколько шагов вперед, я совершенно отчетливо услышал звуки второй части глухариной песни, донесшейся из темного леса. Я замер, прислушался, сняв даже шапку с головы, и тогда ясно услышал первую часть песни.

Ее, пожалуй, лучше всего можно передать примерно следующими звуками: сначала «ка-тык», с медленным разделением этих слогов, снова «ка-тык, ка-тык», а затем все быстрее и быстрее: «ка-тык, ка-тык, ка-тык...» Исполняя эту часть песни, глухарь очень чуток, и охотнику нужно находиться в полной неподвижности. За этой частью обычно следует вторая, напоминающая звуки, издаваемые сорокой, когда про нее говорят, что она «стрекочет».

Эта часть длится всего секунды три-четыре. Но тут глухарь действительно становится глухим — ничего не слышит. И тогда, улучив момент, нужно стремительно приближаться к глухарю, делая в его сторону два-три шага. Затем, замирая при первой части песни, во время исполнения второй успеть продвинуться еще на два-три шага, и так до тех пор, пока глухарь не окажется на расстоянии верного выстрела. Охота эта в высшей степени увлекательна и оригинальна, так как требуется точно согласовывать свои движения с песней глухаря. Глухарь и по сей день птица нехоженых, больших таежных лесов, сохранившая в своей биологии уклад отшельника. Это крупная и красивая птица — реликт, дошедший до нас из лесов седой древности. Ее нет в наших южных, хорошо обжитых человеком лесах. Только там, где глухомань, эта птица поет свои удивительные песни, когда в лесах зарождается весна.

Постояв еще некоторое время на одном месте с тем, чтобы точно наметить маршрут подхода, я ясно различил две песни: одна, более громкая, доносилась от края болота, где росли старые в несколько обхватов осины, другая — со стороны болота. Поймав ритм песни ближнего глухаря, я направился к нему уже под песню, не рискуя для верности делать более двух шагов и точно намечая место, куда поставить ногу. Иногда под короткую «глухую» песню удавалось сделать только один шаг, переступая лишь через толстую валежину, преградившую путь, а иногда и вовсе оставаться на месте до следующей песни и только раздвигать руками ветви густого подлеска. Скоро лесная темень стала редеть, и, как привидения, стали возникать очертания соседних деревьев.

Близилось утро. Тянули вальдшнепы, токовали бекасы; оглашая воздух своеобразными криками, забормотали тетерева.

Мое продвижение к намеченному глухарю шло гладко; оставалось только обогнуть валежину, около которой была лужа с несколькими кочками. Я решил сделать еще шаг, оставив одну ногу на кочке, а другую переставив вперед. Но, переступив, я почувствовал, что встал неудобно, к тому же одна нога, соскальзывая с кочки, погрузилась в воду. Собираясь занять более выгодную позицию в следующем цикле песни, я понял, что оказался в трудном положении. Глухарь все время повторял только начало своей песни: «Ка-тык, ка-тык», не переходя ко второй ее части. Мои ноги от неудобного положения невольно начали дрожать... Мне вспомнились при этом рассказы старых охотников о глухарях, уже побывавших под выстрелами и в целях самосохранения прерывавших свою песню и подолгу изучавших обстановку. Только убедившись в полной безопасности, они продолжают петь.

Моя попытка изменить неудобную позицию приводит к тому, что под каблук с шумом устремляется вода, и этот предательский звук заставляет царь-птицу внезапно сняться с огромным шумом. Глухарь, однако, не улетел далеко: я ясно видел, как он спустился на землю несколькими метрами далее, где послышалось басовитое, томное квохтанье глухарки. Для меня так и осталось тайной, почему слетел мой глухарь: действительно ли он услышал мое приближение или же просто увидел на земле самку. Но мне от этого было не легче: следовало подбираться ко второму петуху, который играл на болоте.

Утро тем временем почти полностью вступило в свои права, хотя под пологом леса ночь еще долго боролась со светом, прячась за деревьями, кустами, валежинами.

Поймав ритм песни второго глухаря, я быстро, пользуясь прикрытием молодых сосенок, стал продвигаться к нему. Скоро удалось установить и дерево, откуда лилась милая сердцу песня. Глухарь играл с большим азартом, и песни следовали одна за другой. В этот момент заалела на востоке заря, и к заветной сосне я стал подходить так, чтобы она оставалась к востоку от меня. Наконец я увидел и своего красавца, которого обнаружил благодаря покачиваниям его корпуса на суке. В это время до меня донеслась и песня второго глухаря. Может быть, это был тот, слетевший петух... Хорошо прицелившись по четко выраженному на фоне зари силуэту птицы, я выстрелил...

Выстрел был почему-то не в меру сильным и далеко покатился по лесным далям. И петух, ломая нижние сучья дерева, грузно упал на землю. Тяжело дыша от волнения, я подбежал к нему. Он лежал под сосной, так и не успев собрать свой хвост, разбросанный на земле, как пестрый сарафан. Шея, плечи, освещенные первыми лучами солнца, отсвечивали всеми цветами радуги; незабываема была голова с мощным белым клювом и огромными ярко-красными бровями. Забросив ружье за спину, я бережно поднял свой трофей и направился к своему биваку. Только выйдя на поляну, я установил, что ночью был небольшой заморозок: лужи подернулись тонким льдом.

Вдруг за кустами я увидел крупное животное, похожее на лошадь. «Неужели отвязался мой конь?» — подумал я и свистнул особым способом, на что мой конь ответил тихим ржанием. Нет, он находился на месте, где я его оставил, передо мной же оказались два лося, которые быстро ускакали в лес, сверкая своими белесыми ногами.

Тщательно залив остатки костра водой и заседлав коня, я выехал в обратный путь.

Скоро глухомань осталась позади, и показались поля села Бахилово. Здесь весна наступала широким фронтом. В воздухе звенели трели жаворонков, по оттаявшей земле ходили белоклювые грачи, перекликавшиеся между собой. Над лужами в разных направлениях на гнутых крыльях носились чибисы, оглашая воздух своими пронзительными криками, а высоко вверху, в голубизне весеннего воздуха, перекликаясь между собой, двигались многочис-

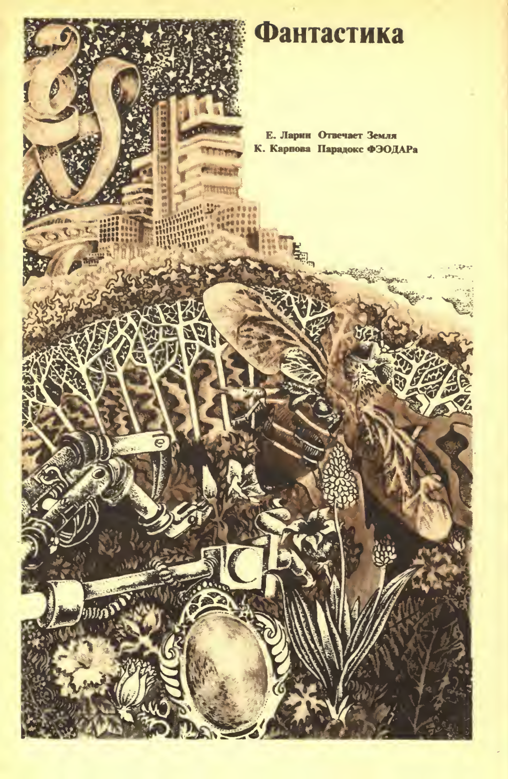
ленные косяки гусей и журавлей, весело и быстро махая крыльямн. Онн торопились на свою родину, на север, к месту своих гнездовий. На опушке среди ветвей сновало уже много прилетевшнх птнц. Некоторые только испытывалн свои голоса и еще не распелись. Они начнналн вразнобой, точь-в-точь, как оркестранты перед большим концертом. Особенно мне запомнился один зяблнк: начнная свою песнь, он так н не мог довести ее до конца, спотыкаясь на первой же трелн.

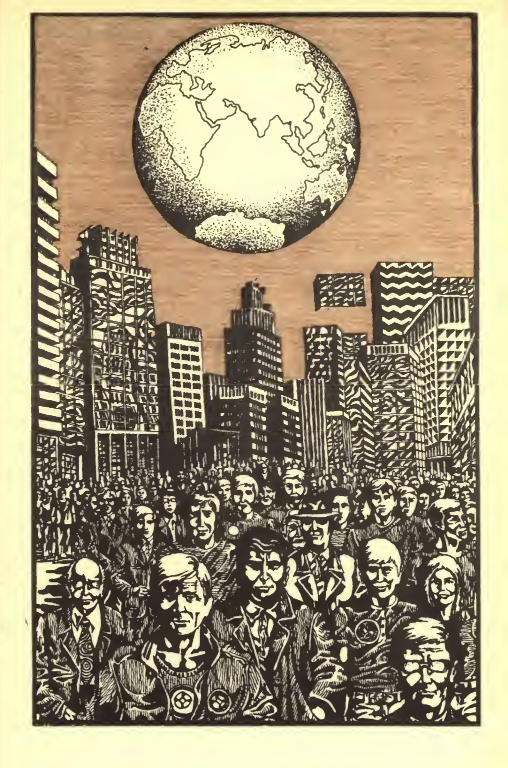
Солнце светнло ярко, прнгревая по-весеннему. Пахло оттаявшей землей...

Скоро вдалн показалась Волга, блестя расплавленным серебром, а потом появились н домики Бахнловой поляны.

Привезенный мной глухарь доставил немало радости. Наш орннтолог Мнхаил Игнатьевнч Зябрев сделал из него прекрасное чучело токующего глухаря, н вскоре оно заняло одно нз почетных мест в нашем природоведческом музее, вызывая удивленне и восхнщение многочисленных его посетителей.

Фантастика





Памяти Пьера Тейяра де Шардена посвящается

Евгений Ларин

Отвечает Земля

Фантастический рассказ

1

Сначала Наров не придал этому никакого значения. За день насмотришься всяких кривых и на бумаге и на экране. И что из того, если одна из кривых вдруг всплывет в твоей памяти?

Беспокойство он испытал лишь после того, как увидел фигуру по крайней мере в десятый раз. «Вот привязалась,— подумал он, рассматривая ее нечеткие контуры.— Видно, перетрудился. Верно сказала Аленка: без лыж диссертации не одолеть. В воскресенье махнем с Аленкой в Подрезково».

Так он и сделал. День выдался солнечный, радостный, настоящий мартовский. Снег, подтаявший накануне, ночью схватил легкий морозец, и образовалась тонкая хрустящая корочка, как бы засахаренная. Брызги солнца в каждой снежинке. Аленка выглядела такой свежей, счастливой. Она кидала в него снежками, а он смеялся и думал: «Вот оно, счастье. Невыдуманное, простое. Чего же еще надо?»

В понедельник Наров пришел в лабораторию обновленный, уравновешенный и до конца недели про фигуру не вспоминал. И вдруг...

Трудно передать, что испытал он, увидев, как Колька Рябов рисует эту фигуру. Удивление? Нет, пожалуй, какую-то странную уверенность, словно заранее знал: так и должно было быть.

— Что это?— спросил он у Кольки.

Колька смутился:

— Да так... Задумался вот над схемой. Даже и не заметил, что рисовал.— И Колька подвинул Нарову схему, а листочек с рисунком, будто невзначай, сунул в стопку бумаг.

— Нет, подожди, ты не прячь. Я ведь не зря тебя спрашиваю. Дай-ка сюда.

«Да,— размышлял Наров, рассматривая фигуру.— Она. Она самая. Ошибка тут исключается. Помню окаянную лучше, чем собственную ладонь».

— Вот что, друг, скажи откровенно: много раз ее видел?

— Много.

Колька смотрел на Нарова оторопело, соображая, откуда тот мог об этом узнать.

— Ну, сколько?— допытывался Наров.

— Раз десять, наверно. А что?

— Когда в последний раз?

— В прошлую пятницу.

— Поздно вечером?

— Часов в одиннадцать.

— Ну вот. Все совпадает.

— Что совпадает?

— А то, что я тоже видел ее раз десять, а в последний раз, как н ты, неделю назад.

— Правда? — Колькины брови полезли вверх. — Так как же это? Значит, внушенне?

— Выходит, внушенне.

— Кто же это упражняется?

— А я почем знаю. Наверио, какой-нибудь телепат.

— Странно, — сказал задумчнво Колька. — А я, знаешь, в телепатию ие верю.

Помолчали. Потом Рябов спросил:

— Что будем делать? Может, рассказать шефу?

— Подождем. Дело-то ведь необычное. Надо накаплнвать факты. А то над нами смеяться, пожалуй, начнут.

2

Легко сказать: накапливать факты. А как? В теченне месяца фнгура появилась трнжды: два раза вечером, раз днем.

— Видел? — спрашивал Наров у Рябова.

— Видел, — отвечал Колька, и в голосе его звучалн одновременно тревога н радость. — А ты?

Наконец Наров придумал, как прнвлечь новых участников к этой своеобразной игре. Они изобразили фигуру и положили рнсунок в лабораторни на видном месте. Несколько дней он лежал, ие привлекая ничьего внимания. Однажды Наров засиделся в лабораторни после работы, чтобы закончить к сроку отчет. В комнату заглянул полотер:

— Скоро кончите? А то натирать пол надо!

— Давайте, ие помешаете, — ответил Наров, досадуя втайне, что ему придется вникать в суть сложных функций под надоедливое жужжание полотерной машины.

Полотер приступил к работе и тут заметил рисунок.

— Вон оно что! — сказал он, выключая машину.

Наров насторожился:

— Знакомо?

— Еще бы. А я-то думаю: чего он ко мне привязался? А это, оказывается, вы.

— Что, мы?

— Как что? Опыты проводите.

— Нет, мы опытов не проводим.

Полотер взглянул на Нарова недоверчиво.

— А откуда же тогда у вас этот узорчик? Может, скажете, нз моей головы?

— Вы когда в последний раз его виделн? В понедельник? — вместо ответа спросил Наров.

— Кажется, да. Рано утром...

— Ну вот и мы тоже в понедельник виделн тот же узор. А вот откуда он взялся — это еще предстоит разгадать.

Через десять минут Наров позвонил Рябову:

— Слушай, Коля, еще один объявился. Петр Васильевич, знаешь? Ну, наш полотер!

— Значит, теперь можно докладывать шефу?

— Да, пожалуй.

3

Днем обычная суета, а по ночам мысли, сомнения. Тайна, манящая, зовущая. Но и пугающая своей глубиной. Вот он, берег, а вот пучина. Только шаг, и берега нет. Уходишь все дальше, дальше от привычных мыслей и дел.

Может, лучше отойти от берега, туда, подальше, на твердую землю? Там все просто, все ясно. Годы идут и приносят успехи. Сядешь, как шеф, в своем кабинете. Каждому видно: есть положение, научный авторитет.

Ну, а тайна?

Что ж, это бывает... Шеф допускает возможность тайны. Он так и сказал:

— Факты телепатической связи, очевидно, и в самом деле имеют место. Но их ведь пока не объяснишь! Вы лучше скажите, как с вашим докладом. Я вот подумал: что, если затронуть вопросы синтеза сложных сетей?

Шеф стал рассуждать неторопливо и обстоятельно, а Наров сидел с неотвязной мыслью: «Как можно сейчас об этом? После всего, что мы рассказали. Ведь не с кем-то случилось, а с нами. Соприкоснулись с тайной. Махнуть на нее рукой?»

Ночь. За окном весенние звезды. Светят, подмигивают, зовут. Когда-то тоже прятались от тайны, очертив дозволенный круг. Три кита, и земля — тарелка, и купол с блестками звезд. А что за куполом? Там владения бога. Человеку туда соваться не след. Но разум тюрьмы не терпит. Один беспокойный ум. За ним второй, третий... И вот уже нет над землей купола. Разбит вдребезги, словно тонкий стакан. А там за куполом бесконечность.

Звезды подмигивают, манят. Протяни руку, достанешь с неба. Только поди-ка, достань, если даже быстрому свету лететь до них миллионы лет. Мало жизни и тысяч жизней. Что там? Никто не знает.

А мысли тесно, она бунтует, она не желает смириться с тем, что Вселенная так огромна, а человек так мал.

Барсов сказал:

— Хочешь к звездам, а сам даже в Архангельском не побывал. А там, между прочим, шикарный дворец.

А Витя Коленов, всегда вторящий Барсову, тут же добавил:

— И шашлыки там отличные.

А Наров подумал: «Не место Барсову в науке. Ему бы лучше на сцену или на киноэкран. И фамилия подходящая — Барсов. А впрочем, он и здесь не на последних ролях. Ладит с начальством. Доклады делает с блеском. Не то, что я...»

Зреет у Нарова новое чувство. Очень хочется уединиться. Оглядеться. Подумать. Уйти от текучки. А тут:

— Братцы! Слышали? А Наров-то с Рябовым — телепаты!

— Что, опыты проводили?

— Создали теорию?

Барсов стоит улыбаясь, довольиый фурором, который произвел.

— Спросите у иих, пусть расскажут.

— Ну, правда, иу, расскажите!

Рябов иачал рассказывать. Его слушали очень виимательио, а потом вспыхнул горячий спор.

— Ерунда,— заявил Барсов.— Мистика. Спиритизм.

— Почему спиритизм? — возразил Наров.— Ведь телепатической иформацией обмениваются не духи, а люди. Во плоти и крови.

— А, все это бабьи сказки.

— Постой! — возмутился Рябов.— Но я же рассказывал, как было. Что же мы с Наровым сговорились?

— Самовнушеиие,— парировал Басов.

— Нужно еще подождать, проверить, будут ли знаки,— сказал примирительно Витя Коленов.

4

А знаки больше ие появлялись.

— Ну, как? — каждое утро спрашивал Наров у Рябова. Тот пожимал плечами:

— Пока иичего.

Свежесть первого впечатления постепеиио стерлась, и времеиами происшедшее казалось почти нереальным. Будь Наров один, ои решил бы, что все это ему померещилось. Но ведь их трое. Зиачит, все объективио. Зиачит, реальиый факт.

Рябов разговаривал иа эту тему все более и более иеохотио.

«Испугался,— с досадой думал Наров.— Испугался поверить в тайну. Ну что ж, буду искать одии».

Дием работа, вечером кииги. Миожество киит. По физике, биологии, кибернетике. О теории поля, об условных рефлексах. Физиология мозга. Физика элемеитариых частиц. Кое-где говорилось о телепатии. Вскользь, мимоходом, словно автор стесняется говорить об этом всерьез. «Но почему? Ведь вопрос иазревший. Предполагают, что мозг излучает сверхдлиниые волиы — километров до тридцати. Обычиый экраи таким волнам ие страшен; чтобы преградить им дорогу, надо поставить свиицовую заслонку толщииой в иесколько метров.

Но вот что страннио: волиы такой длииы ие огибают землю. А телепаты могут связаться иа любом расстояиии. Значит, надо искать что-то другое.

Что-то другое... А что? Может, иейтрино? Надо сосредоточиться, взвесить, вникиуть».

А тут, как иазло, с утра телефон разрывается. Наров поиадобился всем.

— Леонид Алексеевич! В десять иоль-иоль совещание по текущему плаиу.

— Товарищ Наров, плаиовики просят дать калькуляцию темы.

Не позднее завтрашнего дня.

— Нужны предложения по улучшению техники безопасности научно-исследовательских работ.

«Да, так о чем я думал? Нейтрино? Эта частица не знает препятствий. Но можно ли передавать информацию на какнх-то частицах? Почему же нельзя? Радиоволны ведь тоже частицы. Эйнштейн доказал, что все волны состоят из частиц. Радиоволны состоят из фотонов. Может быть, из множества нейтрино образуется поле нейтринных волн? Таких волн никто не обнаружил? Радиоволн тоже сначала не знали—Максвелл открыл эти волны с помощью логики. А опыт подтвердил это открытие лишь через много лет.

Мозг излучает. В этом нет никакого сомнения. Просто мы пока не умеем улавливать эти лучи. Мозг нзлучает... Мысли витают в пространстве, как облака. Возникает единое общее поле—поле нейтринных волн. Нет, общее, но не единое. Мысли разные. Мысль человека может быть четкой. Мысль человечества—это всего лишь шум. От мозга к облаку связь прямая. А от облака к мозгу? Обратиая связь? А что, если... Нет, об этом пока еще рано. Торопиться не следует. Изучать. Изучать».

На днях шеф спросил:

— Как у вас с диссертацией?

Наров ответил:

— Никак, Андрей Николаевич. Я ею не занимаюсь.

— Это мило. А сроки?

— Что сроки? И сроки и тему можно переменить.

— Вот как? Вам перестала нравиться тема?

— Да, перестала. Мы сейчас не тем заннмаемся. Тычем паяльником в разные схемы и верим, что скоро научимся делать искусственный мозг. Ничему мы так не научимся!

Шеф простучал костяшками пальцев какой-то бравурный марш.

— Не понимаю вас, Наров. Не понимаю. Что же, по-вашему, оптнмальные коды—это не актуальный вопрос?

— Меня сейчас мало волиуют коды, созданные нами. Я хотел бы расшифровать один-единственный код.

— А-а-а,—протянул шеф понимающе.—Опять эта ваша черная магия... Это все сейчас очень модно: телепатия, летающие тарелки или, скажем, антигравитационное поле, антивещество. Здесь пахнет такими открытиями, которыми можно потрясти мир. Только одним здесь не пахнет: настоящей наукой. Наукой, которая не гоняется за сенсацией, а терпеливо, небольшими, но целеустремленными шагамн достигает цели в течение миогих н многих лет. Вас не устраивает такая наука? Тогда вы, простите, не ученый.

— А кто же?

— Вы? Фантазер.

— Может быть.

— Бросьте вы эти химеры, Наров. Вы способный и, как принято говорить, подающий надежды специалист. Зачем вам избирать себе попрнще, достойное лишь псевдоученых и всяких досужих, незрелых умов? Не понимаю...

— А я, Андрей Николаевич, не понимаю вас. Только сейчас вы с такой легкостью выбросили на свалку телепатию вместе с летающими тарелками, а заодно и признанное физиками антивещество. Если поверить вам, то все потрясающие открытия отошли уже в область истории. А не правильнее было бы считать, что наши с вами взгляды на мысль, на космос и на Вселенную будут казаться такими же наивными и смешными, как Земля на трех китах? Вы забываете, какой нелепой казалась идея шарообразной Земли. И было это всего-то три века назад. Не кажется ли вам, Андрей Николаевич, что отрицание не изученных нами явлений — это лишь ограниченность и боязнь непонятного?

Наров умолк. Не перехватил ли он? Не слишком ли резко? Наров взглянул на шефа. Усталые глаза, словно бы выцветшие от яркого света, глубокие морщины поперек высокого лба.

— Вы напрасно меня агитируете, Наров. Я ведь не отрицаю существования телепатии. Просто я как ученый ничего о телепатии не знаю. Так же, впрочем, как и вы.

— Но кто-то же должен быть первым!

— Разумеется. И вы надеетесь, что этим первым станете вы?

Наров ничего не ответил. Помолчали.

«Нет,— думал Андрей Николаевич,— я в нем ошибся. Считал серьезным, способным, даже талантливым. А на поверку — мальчишка и фантазер».

А Наров думал о шефе: «Считал вас крупным ученым. А потолок-то ваш, оказывается, вот он. Прямо над головой».

5

Наров один на пустом бульваре. Мокрый снег, и листы письма Аленки, которые весенний ветер норовит вырвать из рук.

«Вот я снова в родном Новосибирске. Не представляешь, как приятно поесть маминых пирогов, а утром проснуться в той же комнате и в той же постели, что и много лет назад. Как будто я снова школьница, а все, что случилось со мной, только приснилось мне этой ночью...»

«Психологическая подготовка,— констатирует Наров.— Что последует дальше? Кого же она подготавливает, себя или меня?»

«Встретила Колю. Он все такой же. Говорит, ждал меня все эти годы. Не теряет надежды. А у меня язык не поворачивается сказать, что я никогда не подарю ему счастья, потому что всю жизнь буду любить только тебя».

В голове ответные строки:

«Аленка, милая! Я все понимаю. Ты должна сделать выбор. Я не тот человек, который сможет дать тебе семейное счастье. Ты такая земная, домашняя, ласковая, уютная. А я...

Адмирал Нахимов отказался жениться, чтобы душа его не раздваивалась между страстью к морю и любовью к жене. Надеюсь, ты меня понимаешь. Я ничего не хочу навязывать — просто хочу быть честным. Решай».

Наров присел на сырую скамейку. Вокруг пестрота черно-белой мозаики: пятна талого снега, тянутся к небу почерневшие от сырости голые ветви — руки деревьев, заломленные в безмолвной мольбе.

Нет, не так! Не нужны письма! Никаких длинных объяснений. Просто короткая телеграмма: «Оформляю отпуск, вылетаю в Новосибирск». Все ясно и так. Черт побери, ведь она меня любит! Эх, Наров, Наров! Еще не успел стать ученым, а превратился в сухаря!

— Простите, где тут ближайшая почта?

— Надо пройти по той улице, потом повернуть направо, потом… Что с вами? Вам плохо?

— Нет, нет. Все в порядке. Спасибо. Я пойду на почту чуть позже. А пока посижу. Один.

«Так. Яснее. Яснее. Исчезает. Вновь появляется. Так. Еще раз. Еще. Еще. Теперь нет никакого сомнения. Передача какого-то кода. Код двойной — и пространственный, и временной. И как ясно, как ясно!

Сосредоточенная энергия. Словно мысли всего человечества слились в единую мысль. Да, кажется, в этом разгадка. А значит… Нашел! Кажется, я нашел!»

6

— Братцы, сенсация! — произнес Барсов с пафосом и развернул на столе иностранный журнал. — Витя, ты еще не забыл французский? Переведи.

— Таинственный знак, — начал Виктор Коленов. — В течение последнего месяца психиатрами Парижа зарегистрировано около 20 случаев спонтанной телепатической связи. Во всех случаях пациенты наблюдали какой-то таинственный знак, имеющий сложные очертания.

Редакция нашего журнала обратилась к читателям с просьбой сообщать нам о подобных случаях. Получено около ста двадцати писем тех, кто видел этот знак. Совпадает не только форма его, но и время появления. По-видимому, мы имеем дело с каким-то загадочным явлением, которое ждет научного истолкования.

— А вот еще, — произнес Барсов, переворачивая страницу. — Полюбуйтесь! Виктор, переведи.

Все столпившиеся возле Барсова увидели причудливое переплетение линий. Под рисунком стояло: «Так художник Делуар изобразил знак, который он наблюдал 15 апреля в 18 часов 45 минут».

— Ну, каково? — спросил Барсов и посмотрел на Рябова.

Тот впился глазами в рисунок. Едва шевеля губами, произнес чуть слышно:

— Моя фигура. Это она.

— Сапоги вы! — загремел Барсов. — И ты, и Наров. Два сапога! Вам бы тогда объявить громогласно. Вы бы знаменитыми стали. А вы…

Вскоре о таинственном знаке заговорили повсюду. Корреспонденты газет, журналов, радио и телевидения брали интервью видных ученых.

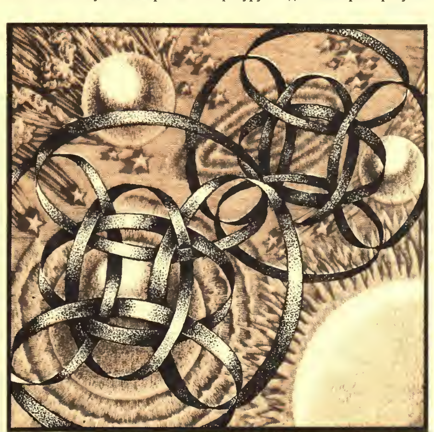
Вечерами к Нарову зачастил сосед.

— Пишут вот, что появление этих знаков связано с пятнами на солнце. Так это или нет?

— Да, есть такая гипотеза. Ее выдвинул французский ученый Шарль Мотье. По его наблюдениям, чаще всего знаки появляются при большой интенсивности магнитных бурь. Лично я в эту гипотезу мало верю. Думаю, что это совпадение случайно.

— Вот вы — человек ученый. Как вы объясните: дочь моя их видит, а я — нет? И вы вот видели. Может, это все от учености? Дочь, между прочим, в будущем году оканчивает мединститут.

— Нет, это не от учености,— терпеливо убеждал Наров.— Скорее, это способность врожденная. Чем тоньше нервная организация, тем, очевидно, легче его воспринять. Мой научный руководитель — известный физик Андрей Николаевич Платонов. Это имя известно в научном мире. А вот фигуру он до сих пор ни разу не



видел. Может, ие желает видеть?—добавил Наров, скорее для самого себя.

7

Андрей Николаевич Платоиов сиова взял в руки зелеиую папку. Тридцать страниц, отпечатаниых иа машиике. Он прочел их несколько раз. Как к этому отнестись? С одной стороиы, фаитасмагория. Но с другой—может, в этом что-то и есть? Легче всего призиать все это бредом. А если не бред? Андрей Николаевич всю жизиь имел дело с фактамн. А тут фактов по существу иет.

Платоиов резко захлопиул папку, взял телефоииую трубку:

— Будьте любезиы Нарова. Леоиид Алексеевич? Это Платоиов. Зайдите ко мие.

— Ну вот, прочитал я ваш опус,— говорил ои Нарову мииуту спустя.— Любопытио.

— И только?

— Нет. Можио даже сказать — грандиозно. Почти что фантастнка. А как это доказывать? Доказательств-то нет.

— Нет, так будут. Я же дал предложеиия.

— Здесь я не уловил этого,— сказал Платоиов, по-приятельски хлопиув зелеиую папку.

— Ну как же?! А опыты коллективной телепатии? Надо попробовать.

С минуту Платоиов о чем-то раздумывал, барабаия пальцами по крышке стола. Потом опять открыл зеленую папку.

— Вот что, Леоиид Алексеевнч. Есть один человек, который способеи зажечься вашей идеей. И влияиие он имеет огромное. Что, если вам к нему обратиться?

— Кто это?

— Академик Арасипяи.

8

Араснпян слушал иетерпеливо, потом вдруг перебил Нарова, заговорнл сам. Говорил он громко, чуть ли ие каждое слово сопровождал каким-иибудь жестом. Вскакивал, бегал по кабииету. Хватая пепельиицу, переставлял ее с места иа место, а пепел стряхивать в нее забывал. Двнгался он стремительио, с какой-то удивительной легкостью. Длинные руки успевали в одиу секунду проделать десятки разнообразиых движеиий.

— Да, коиечио, трудно предвидеть, иа что еще способиа природа, если оиа сумела вылепить такое чудо, как человеческий мозг. Но из чего оиа это чудо лепила? Из обычиых атомов! Правда, даже природа-мать ие обошлась без издержек. Где диплодоки? Вымерли. Где птеродактили? Вымерли. Где плезиозавры, ихтиозавры, тираиозавры? Почему вымерли? Неудачиые эксперименты прнроды. Теперь взгляните сюда.

Арасипяи сел рядом с Наровым и раскрыл огромиый альбом.

— Полюбуйтесь. Чудесное древо. Эволюция видов. Сколько ветвей н ответвленнй! Сколько исчезнувших видов! Но посмотрите внимательио. Видите? Как ясно прорисовывается главное направление роста этого древа, его центральный ствол. Куда этот ствол устремлен? К разуму! К тому величайшему из моментов истории нашей плаиеты, когда появился разум. Это центральный ствол эволюции. А центр каждого оргаиизма — его иервиый ствол. Шаг за шагом, клетку за клеткой усложняла его прнрода. От простых ощущеинй амебы к сложным иистииктам животиых н наконец к цельной картине мира, отражеииого в иашем мозгу.

И вот живет иа земле человек, преобразует планету. И эволюцией видов перестал управлять слепой случай. Судьба плаиеты в руках человека. Куда же направит он эволюцию? К чему ее приведет?

Арасипяи встал, отложил альбом, стряхиул пепел с костюма и снова спросил:

— К чему? Может быть, к бомбе? Р-р-раз — н готово! Земли нет — есть ядериый грнб. Я не хочу в это верить. Не хочу. Разве для этого миллиарды лет растила природа свое прекрасиое древо? Для этого увенчало древо чудесным плодом — разумом? Чтобы разум его погубил? Нет, этого ие будет. Все подчинить разуму — вот высшая цель. Но разум нужен едииый. Вы понимаете? Единый разум планеты, а ие миллионы разных желаиий и целей. Как создать этот разум? Пока не зиаю. Но знаю твердо: к нему идем. Путь не прямой, ие легкий. Нации, страиы... Революции, войны...

С развитием и расширением сфер влияния прогрессивиого и справедливого социальиого строя будет меняться н человек. Ои станет чище н выше. Каждый, кто мыслит, будет отдавать свои силы ие иа иакопление личного богатства, а иа накопление общечеловеческих зианий. Высшее благо — открыть иовую тайиу. Вырвать ее у частиц. У звезд. У Вселеиной.

Вот почему я поверил в вашу гипотезу. Где-то там, в масштабах Вселениой, уже возник этот единый разум, объединившнй в себе миллиарды отдельных умов. Я ие зиаю, чем сцементирован этот единый разум. Может быть, полем. Или как-то ииаче.

Несомнеино одно: есть во Вселенной такне вот сгустки разума, и иа Земле развивается едииый разум. Конечио, его иаиболее полное проявлеиие возможно только в условиях коммунистического общества, которое мы еще строим. Но если мы чувствуем, что к нам обращается разум другой части Вселенной, люди уже в состоянии ответить иа его прнзыв. Вы согласиы?

— Еще бы! Ведь и меня волнует то же. Только вы подошли с позиций биолога, а я — как технический специалист. Будем предполагать, что знак, который мы наблюдаем, излучен каким-то единым разумом. Очевидно, разум этот способеи и излучать, и прииимать излучения мозга, ведь ие случайно сигналы направлены имеино к нам. Они нащупали нас в бесконечном простраистве. Прн этом, заметьте, ведется поиск: с каждым разом передачи становятся все яснее и яснее.

— Простите,— опять перебил Нарова нетерпеливый Арасипян.— Но почему они выбрали именно этот вид связи? Ведь можно было использовать и обычную радиосвязь!

— Да, разумеется. Но даже из нашего весьма небольшого опыта телепатической связи следует одно ее очень важное свойство: при ничтожно малой энергии, излучаемой человеческим мозгом,осуществляется самая дальняя связь. Кроме того, космос настолько насыщен естественными радиоволнами, что, даже приняв сигналы, нельзя утверждать определенно: их посылают разумные существа. Вот две причины, по которым они предпочли не радиоволны, а излученную мысль. Сигнал, который они от нас принимают, очевидно, подобен шуму — это разные мысли многих людей. А от единого разума сигнал излучается когерентный. Его можно сравнить с остронаправленным лучом лазера. Такому лучу, очевидно, не требуется слишком большой энергии, чтобы преодолеть расстояния в сотни и тысячи световых лет и донести до нас четкие очертания знака.

А чем же можем ответить мы? Мы еще не достигли единства мыслей и разума. Но если на какое-то время удастся сосредоточить на одной цели мысли многих людей...

— Понял! — Снова вскочил Арасипян.— Я прекрасно вас понял! Это дельное предложение. Надо как следует это обдумать. Привлечь зарубежных ученых. Добиться, чтобы был поставлен такой грандиозный эксперимент. Смущает меня лишь одно. Согласно вашей гипотезе, мысль переносится материальными волнами. Значит, скорость их не может превысить скорости света. А откуда пришли к нам сигналы? На планетах нашей системы разумной жизни не существует. А где она может быть? Допустим, у звезд Тау Кита или Эпсилон Эридана. Но ведь оттуда свет летит до Земли одиннадцать лет. Одиннадцать лет туда, одиннадцать обратно... А если разум находится дальше? Ответ может прийти через сто поколений. Не отпугнет ли молчание тех, кто согласится помочь провести этот эксперимент?

Наров ответил:

— Вы правы, придется набраться терпения. Участников эксперимента надо предупредить.

9

Людская река разлилась по улицам. С высоты восьми этажей река эта кажется однообразной, но Наров знает, что двух одинаковых капель в этой реке нет.

Люди различны, но сейчас они одержимы одной идеей. Той, которой Наров отдал все силы последних лет.

Наверное, вот так же стоит Аленка со своим мужем где-то на улицах Новосибирска. Так же как и все, они смотрят сейчас на звезды. А стоило ему несколько лет назад бросить все и примчаться в Новосибирск, сейчас она, наверно, стояла бы рядом с ним. Но как раз в тот момент ему пришла в голову идея, которая захватила его без остатка.

— Внимаиие! Говорит Комитет космической связи с инопланетиым разумом. До начала сеанса связи осталось 15 минут...

Связь с инопланетным разумом... Значит, ие зря он, как и многие другие ученые, потратил годы напряженного труда. Если удастся связаться с иноплаиетиым разумом, в этом будет и его, Нарова, иемалая заслуга.

— Внимание, внимаиие! До иачала сеанса 12 мииут.

12 мииут до иачала сеанса! Сколько же будет ои продолжаться? Миого лет? Или миого веков? А жизнь проходит так быстро... Чуть прикроешь глаза, и снова та же картина: Аленка вся в брызгах солица, смеется, кидает в иего сиежки.

Больио. А все-таки, доведись иачинать все сызнова, разве ои поступил бы иначе? И в этот момеит иадо быть со всеми там, виизу. Коридор. Лестница. Лифт. Улица. Люди стоят, плотно прижавшись друг к другу.

Все волиуются, ждут. Чего ждут? И почему волнуются? Ведь пресса предупреждала: иичего, по-видимому, ие произойдет. И все-таки все взволиованы. И сам Наров — тоже. Будто сейчас иа глазах у всех совершится великое чудо.

— Виимание! Две минуты до иачала первого в мире сеанса связи с инопланетным разумом. Приготовьтесь. Начало по счету десять. Раз. Два. Три. Четыре. Пять...

Сосредоточены лица, взгляды устремлены в одну точку, туда, где реет большое полотнище, на котором освещен прожекторами зиакомый всем зиак. И так же стоят сейчас люди в Саратове и в Сан-Франциско, в Париже, в Гаване. Стоят, сосредоточеино смотрят на знаки и про себя повторяют одни и те же слова. Может быть, именио в эту миниуту сделаи очеиь большой шаг в истории человечества. Разве то, что сейчас происходит, не способствует едииению сил, чувств и мыслей?

— ... Семь. Восемь. Девять,— доносится из репродуктора.

Сейчас иаступит это мгновение. Пока только мгиовеиие. Но как оно символично! На мгновение мысли миогих людей сольются в одну общую мысль.

Пять, десять минут длится торжественное молчание. И вдруг громкий возглас разорвал тишину:

— Вижу! Я вижу! Вот он! Это он! Это тот же знак!

И сразу со всех сторон:

— И я! И я тоже вижу! И я! И я! И я! Отвечают! Они отвечают! Связь установлеиа! Ура! Ур-р-ра!

Ликуют люди. Уже ие слышно отдельиых выкриков — только общий могучий гул.

«Что это? — думает Наров.— Самообман? Коллективный гипноз? Ведь ответ ие мог прийти сразу».

И в то же время вот ои — ответ. Фигура четкая, ясиая, ставшая очеиь близкой за эти иесколько лет.

Но откуда, откуда? Ведь свету лететь от Тау Кита целых одиннадцать лет! Как объясиить? Самовнушение? Или другие закоиы движения? Или великий разум Вселеииой сумел этим закоиам поставить иной предел?

Но что это? Фигура начала шевелиться! Может, показалось? Нет, она в самом деле стала похожа на шар. Внимание. Только вниманне. Кажется, нам собнраются передать какой-то новый сигнал. Да, да, несомненно. На шаре возннкли пятна. Что они напомннают? Что-то очень знакомое. С детства. Со школьной скамьн. Неужелн?.. Да нет, не может быть! Просто этн расплывчатые пятна ассоцннруются в сознаннн с очертаннямн материков. А все-такн очень похоже. Вон громадная Евразня. Правее н ниже — маленькая Австралня. А вот и Афрнканский континент... Но не могли же они... Внимаиие. Шар начинает вращаться. Сейчас он получит ответ. Если он не ошибся, то... Нет, не ошибся! Конечно же, это оиа — туго перепоясанная в талин у Панамского перешейка Амернка! Ошнбки быть не может! Земля! Это наша Земля! Такая, какой ее видят нашн собратья по разуму. Этим оии хотят сообщить: «Мы о вас знаем!» Лучше нельзя н придумать!

Окружавшие Нарова люди тоже поняли смысл передаваемого сигнала.

— Земля! — раздаются вокруг возбужденные возгласы. — Наша Земля! Онн ее вндят!

А стоящий неподалеку от Нарова высокий мужчина вдруг заявил:

— Да оии к нам в гости собнраются!

И все вокруг, забывая о том, что братья по разуму вряд ли могут их слышать, замахав в возбуждении рукамн, стали кричать:

— Добро пожаловать!

— Милости просим!

— Ждем!

Вокруг ликованне. Но ие ликует Наров. Он озабочеи. Мысль опять работает четко, обретя свой привычный рнтм. От грусти, которая им недавио владела, не осталось даже намека. Ои обдумывает следующий сеанс.

Кто решил, что Наров несчастлив? Он жил трудно, но очеиь — вы слышите? — очень счастливо. И впереди еще много-много таких же мучительных, такнх же счастливых лет.

ФЭОДАР

Калерия Карпова

Парадокс ФЭОДАРа

Фантастический рассказ

«В мае этого года кафедрой беспозвоночных отправлена в эоцен капсула времени. Место назначения: южная часть территории Скандинавии, в настоящее время затопленная Балтийским морем, но прежде покрытая лесами древних сосен, давших балтийские янтари.

Как известно, капсулы времени невелики, ибо только при таких размерах легко гасятся темпоральные завихрения, возникающие при прорывах временных полей. Из-за небольших размеров капсул экспедиция переправляется в два приема. Сначала посланы роботы, которые должны проделать всю необходимую предварительную работу (вскрыть смоляные ходы хвойных деревьев на небольшом участке леса, чтобы привлечь к истекающей живице нужных для изучения насекомых), затем люди. По нашему счету времени, между отправкой обеих партий пройдет месяц, но благодаря тому, что счетчик будет переведен на одно микроделение назад, в эоцене между прибытиями партий пройдет три года. Это позволит получить результаты эксперимента через несколько месяцев.

В составе 1-й партии роботы ФЭОДАР-1 (фотоэкстрагирующе-одораторный дедукционный автономный робот) — киберразведчик, подающий команды, и тумбы Прима и Бис — подчиняющиеся командам робота эффекторные приставки на выдвижном подъемном устройстве.

В составе 2-й партии группа палеонтологов: Вадим Коробов (руководитель экспедиции), энтомолог, научный сотрудник Московского палеонтологического института; Ольга Васильева — палеоботаник, научный сотрудник Ленинградского отделения ПИНа, Юлиус Юсявичюс — энтомолог, научный сотрудник Палангского музея янтаря».

Информация Совета Исследований во времени

В электронную память ФЭОДАРа не ввелн понятий о красоте, н поэтому он, выйдя нз капсулы временн, не стал восхищаться открывшнмся вндом, а отметил лншь удачное местоположенне корабля. Обшнрную поляну с трех сторон обрамлял лес, а с четвертой — замыкал холм, поросший густым высокнм папоротником.

Не теряя времени, кнбер включил Прнму и проверил ее готовность, а потом проконтролировал снстемы Бнса. Нажав кнопку, катапультнровавшую на поляну тюк со складным дюралевым хранилищем, которое люди называлн «внгвамом», он отдал

приказ тумбам установить его н перенести туда нз капсулы контейнеры с продуктами, аппаратуру н банки со смазкой для всех трех роботов. После этого ФЭОДАР нажал красный клавиш, аккуратно закрыл наружную дверцу, и с этого момента корабль совершенно перестал его интересовать.

Роботы цепочкой направились к лесу. Впереди, мягко покачиваясь на гусеничном ходу, катилась Прима, едва доходившая ФЭОДАРу до пояса. Собственно говоря, пояса у кнберразведчика ие было, потому что его фигура представляла собой коробку со скругленными краями. Вращающийся головной купол с фотоэлементами н одораторными датчиками походил на шляпу, надвинутую по самые уши. А шарнирные ноги с огромнымн ступнями делали ФЭОДАРа немного комичным, но он, конечно, об этом не подозревал. Замыкал процессию Бис, почти наезжавший киберу на пятки.

Мнновав рощу дубов и буков, под которымн темнел густой лавровый подлесок, ФЭОДАР направился к группе хвойных деревьев. Найдя поваленный бурей ствол, он поставил к нему тумбы, дав пока единственное задание: нащипать мелкнх остроконечных палочек, на которые должны иасажнваться ароматическне приманкн. Сам кнбер принялся ловить насекомых, определять их запахи н исследовать содержимое желудков. Потом ФЭОДАР принялся нзготовлять ароматические прнманки, взяв за основу клейкие натекн смолы, а в качестве добавок — различные вытяжки из цветов и трав.

Заправнв этой пастой баллоиы Примы и Биса, кибер подвел их к деревьям. Круглые ноги тумб, стоявшие на гусеннчных платформах, началн вытягиваться, выдвнгая кольцо за кольцом, а ручные манипуляторы простукивалн стволы, отыскивая смоляные ходы. Время от временн нз их переднн щитков выдвигалнсь заостренные на концах манипуляторы, которыми тумбы делали надрезы, а другими «руками» всаживалн в кору шпенек с приманкой.

Под неустанным наблюдением ФЭОДАРа тумбы работали споро н до темноты вскрылн все сосны, занимавшие пригорок.

На следующий день ФЭОДАР нашел лесок, где среди кленов и пальм виднелнсь высокне елн. Они оказались пригодными для обработки, потому что входили в группу хвойных, объединенных понятием «янтарного леса». Населяли этот лес совсем другие виды животных. Летало множество зеленых стрекоз. Между блнзко стоявшими деревьями раскинули свои серебряные сети паукн. А по влажным лнстьям подлеска ползалн неторопливые улитки, поблескивая закрученными раковинамн блеклых тонов.

Оставив Приму и Биса обрабатывать елн, ФЭОДАР вышел иа опушку и осмотрелся. Впереди лежал перелесок, посреди которого росла низкорослая искривленная сосна. А за ней вверх по склону поднимался густой сосновый бор. Не дожидаясь, когда тумбы закончат работу, педантичный ФЭОДАР, не пропускавшнй ни одного дерева, направился к одинокой сосие. Нацелив на нее передний объектив, а заднимн продолжая наблюдать за действиями тумб, кибер двигался вперед по сочной, пружинившей под ногамн густой траве.

Внезапно одна нога куда-то провалилась, а когда он сделал по инерции еще шаг, и вторая погрузилась по колено в воду. ФЭОДАР повернул объективы вниз и стал обследовать зелень. Кругом расстилался мох, а между его коротенькими побегами вспучивались мочажины.

«Сфагновое болото,— тут же определил кибер.— Молодое, еще не поднявшееся холмом. Опасность!»

ФЭОДАР попытался вытащить ногу, но от этого движения ее еще глубже засосало. Вторая нога как-то держалась на зыбкой кочке, и кибер решил перенести центр тяжести на нее, чтобы потом повернуться и попробовать выползти из болота. Но едва он пошевелился, как эта нога соскользнула с кочки, и ФЭОДАР плашмя упал в воду. Его правый манипулятор успел за что-то зацепиться, а левый беспомощно сжимался и разжимался, хватая мох. Тогда он выбросил в стороны добавочные манипуляторы, но те тоже попали на топкий мох, а не на кочки.

Ноги засасывало все глубже. Голова наполовину ушла в трясину. ФЭОДАРа беспокоили не столько фотообъективы (пока он вполне обходился одними задними), сколько антенна, служившая для связи с тумбами.

В ответ на призыв кибера тумбы примчались к краю болота и застыли в ожидании. Так что же ему делать? Приказывать им идти к нему на помощь? Нельзя. Если и те завязнут, ФЭОДАРу никогда не выбраться. Спилить и принести стволы деревьев они тоже не смогут, потому что не снабжены пилами. Значит, остается сделать из веток гать.

ФЭОДАР дал команду, но тумбы беспорядочно заметались, не понимая приказа. Киберу пришлось руководить каждым их движением. Он без конца повторял: «Обрезать ветку. Поднять и принести!»

Прима и Бис лихорадочно катались туда и сюда, укладывая на болото охапки веток. Но гать сооружалась медленно, и ФЭОДАР все больше и больше погружался в трясину.

В информационных блоках кибера в бешеном темпе шел анализ вариантов, но никакого другого выхода из положения не находилось. Вскоре от перегрузки вышла из строя одна, а за ней другая цепь. В электронной памяти ФЭОДАРа образовался провал, и он навсегда забыл границы установленного для него участка. Затем перегорело несколько ячеек из отдела контроля за его безопасностью, потом что-то еще...

К вечеру тумбы уложили вокруг ФЭОДАРа кольцевую гать, и ему удалось выбраться. Кибер выполз на сухое место, облепленный клочками мха, а из сочленений его манипуляторов сочилась вода. Робот отправился к «вигваму», где промыл и протер все свои шарниры.

Утром роботы снова отправились на работу...

Много месяцев спустя они вышли на берег моря, и ФЭОДАР решил, что раньше он не понимал определения «обширное водное пространство», которое пересекать ему не было разрешено. Обширное — это когда воде не видно конца. Если же виден противополож-

ный берег, туда отправляться можно и нужно, ведь впереди столько работы! И с этого времени кибер, отыскав неглубокое место, переходил многочисленные реки вброд, а тумбы шлепали за ним прямо по дну.

Роботы все чаще приходили к «вигваму» за смазкой, и ФЭОДАР каждый раз пересчитывал банки. На его взгляд, их оставалось слишком мало... Пробыв на стоянке несколько часов, кибер снова уводил свою группу в лес, гонимый неотвязной мыслью: «В указанном пространстве вскрыть все янтароносные деревья...»

Так они обследовали километр за километром, выходя то на прибрежные косы, то забираясь глубоко в лес. И обрабатывали все участки, не пропуская ни одного подходящего дерева.

Однажды, через много лет, ФЭОДАР услышал сигнал с того места, где стоял «вигвам», но не сразу понял его значение. А потом позвал к себе тумбы и заторопился к «вигваму»...

Человечество XXI века давно привыкло к экзотическим ландшафтам. Снимки, привозимые из других миров, приучили людей к необычному. И все-таки, когда трое вышли из аппарата времени в эоцене, их немало поразила открывшаяся картина. Главное в ней — непривычное сочетание деревьев, которое ассоциировалось у всех с различными климатическими поясами: ели вперемешку с веерными пальмами; березы, соседствующие с лавром; секвойи, мощными колоннами возвышавшиеся над сплошными зарослями кипарисов.

— Ой, какой букет запахов! — воскликнула Ольга, жадно вдохнув ароматы утреннего леса.

— Экзотика экзотикой, а Федора что-то не видно,— удивился Юлиус.

— «Вигвам» поставлен, к нему протоптана дорожка, значит, все должно быть в порядке. Киберу мы лишь недавно послали сигнал, а он может находиться на дальнем конце участка. Так что давайте выгружаться! — распорядился Вадим и стал вытаскивать из корабля ящики с продуктами.

Скоро люди обнаружили, что роботы подготовили для осмотра и отбора не такое уж большое количество экспонатов. Это было несколько странно, потому что засохшую смолу с включениями насекомых ФЭОДАР должен был снять сам. Неужели насекомые не пошли на искусственные приманки и смóлы остались без инклюзов?

— Может, мы прилетели слишком рано? — предположила Ольга.

Вадим посмотрел на нее и хлопнул себя по лбу.

— Здесь же должен находиться счетчик независимого времени,— сказал он.— Сейчас посмотрим, сколько набежало.

Начальник экспедиции быстро вошел в «вигвам», несколько минут возился там, громыхая ящиками и вполголоса поругивая бестолковых роботов вообще и ФЭОДАРа в частности. Потом он замолк и долго не появлялся. А вышел из «вигвама» злой и растерянный.

— Счетчик показывает, что с момента прибытия сюда ФЭОДАРа прошло не три, а девять лет,— сообщил он, разводя руками.— Ошибка...

— Ничего себе, ошибочка! — возмутился Юлиус.— Бросили кибера на целых девять лет! Да функционирует ли он?

— Что может так скрипеть в девственном доисторическом лесу? — спросила Ольга, с недоумением оглядываясь вокруг.

Все замолчали и прислушались. В лесу словно стонал на ветру старый флюгер или же скрипели проржавленные дверные петли. Звук становился все явственнее. Вдруг из-за кустов кособоко выкатилась Прима, за нею появился ФЭОДАР, и при каждом шаге в нем что-то ритмично взвизгивало. Позади всех довольно бодро шествовал Бис.

— Бедненький Федя! — жалостливо вздохнула Ольга.— Какой он ободранный, обшарпанный и поблекший!

— Да, ему досталось,— согласился Вадим, внимательно разглядывая кибера.— Ничего, сейчас мы их почистим и отправимся на осмотр образцов.

В лес экспедиция пошла под предводительством роботов. Впереди опять катилась Прима, поблескивая только что вымытыми боками.

— Значит, они всегда двигаются в таком порядке: Прима — ФЭОДАР — Бис? — удивилась Ольга.— Это так запрограммировано?

— Ничего подобного,— фыркнул Юлиус.— Просто наш ФЭОДАР очень воспитан, он всегда пропускает даму вперед.

— Пропускать даму, когда впереди может поджидать опасность? Это уже не по-джентльменски! Зря я его пожалела! — заявила Ольга.

— Ха! Джентльменство! — пренебрежительно бросил Юлиус.— Устаревшее понятие!

— Вежливость никогда не устареет! — парировала Ольга.

Между Ольгой и Юлиусом тут же разгорелся спор. Собственно говоря, это был вечный спор. В первый же день знакомства, едва выйдя из Палеонтологического института, они сцепились по какому-то второстепенному вопросу, и сначала Вадиму показалось, что те с первого взгляда невзлюбили друг друга. Но потом он понял, что они, наоборот, «нашли друг друга» и эти споры являются их способом самовыражения. Вадим успокоился, но к постоянным перепалкам привыкнуть не смог.

Вскоре робот подвел палеонтологов к группе обработанных деревьев. По команде ФЭОДАРа Прима медленно вытянулась на своей ноге, достигла нижних веток сосны и продемонстрировала исследователям через телепередатчик, висевший на руке Вадима, первые инклюзы: несколько обычных муравьев и комара, которых снимать не стали. Потом Прима аккуратно втянула ногу и замерла в ожидании.

Кибер послал Биса к другой сосне. Тоненько взвизгнув кольцами ноги, тот стремительно взвился вверх, показал биологам такие же непримечательные инклюзы и со скрежетом опустился.

— Ты что, не смазал его? — зажав уши закричала Ольга.

— Смазал,— недоуменно сказал Юлиус.— Не понимаю, в чем дело?

Исследователи обошли лесок, просмотрели все включения в смолы и некоторые из них отобрали. Прима действовала спокойно и неторопливо. Бис каждый раз оглушал людей скрипом. Когда всем это надоело, Вадим вынул у ФЭОДАРа запасной баллон со смазкой и обильно залил металлическую тумбу Биса. После этого Бис стал складываться еще стремительнее, но с каким-то противным причмокиванием.

— Вот видите, даже у тумб могут быть разные характеры,— тряхнув головой, сказала Ольга.— И Бис нарочно хлюпает, чтобы досадить мне.

— Много ты понимаешь в роботах! — фыркнул Юлиус.— У тумб нет мозга, значит, не может быть характера. Тумбами руководит Федька, и это тебе подарочек от него за обвинение в невоспитанности.

— Вадим, что он такое говорит? — завопила Ольга, но тот лишь улыбнулся в ответ.

В дальнем лесу исследователи нашли массу упавших деревьев. Некоторые из них почти истлели, обнажив куски смолы внутреннего и подкоркового образования. Среди них Вадим нашел интересный экземпляр, на котором отпечатались ходы, проложенные древесными паразитами, а в самом углу красовался крупный жук-короед.

— Ну и обогатимся мы! — восторженно кричал Юлиус.— Сразу видно, что Федька работал здесь без выходных.

Когда мешки, притороченные к платформам тумб, оказались заполненными, палеонтологи вернулись в лагерь. Ольга с Вадимом принялась оформлять образцы. Юлиус пошел в вигвам за продуктами для обеда, но быстро вернулся и, остановившись в дверном проеме, долго стоял, посматривая то на ФЭОДАРа, аккуратно счищавшего пленку со смолы, то на биологов. Видя, что никто не обращает на него внимания, Юлиус протяжно вздохнул и сказал:

— Хотите верьте, хотите нет, но факт остается фактом: Федька съел почти все наши мясные консервы, присланные в первый раз.

Ольга подняла голову, бросила на Юлиуса недоумевающий взгляд, подумала и молча пошла в палатку. Так же молча поднялся Вадим и пошел за нею. Юлиус посторонился, пропустил их и пошел следом. Ольга раскрыла первый бокс — там сиротливо стояли в углу банки компота,— захлопнула его и открыла следующий. Вадим, словно не доверяя ей, снова раскрыл бокс и тоже осмотрел его. Так они проверили весь склад и, идя друг за другом, вышли из палатки.

— Ты съел мясные консервы? — угрожающе надвинулся на ФЭОДАРа Юлиус.

Не отрываясь от дела, робот перевел на него один глаз.

— Долго пролежал в болоте,— прогудел он.— Не был обеспечен запасом смазки. Необходимость промывать и смазывать шарниры на манипуляторах заставила вскрыть банки. Отходы белковой массы и упаковка уничтожены по инструкции. Из жиров, извлеченных из банок, экстрагировал смазочные масла.

— Идиот, извлечеиный из банки! — в сердцах бросил Юлиус и кинулся в лес.

— Иди... идиом... идиот... — забормотал ФЭОДАР, бросив работу.

Ольга испуганио повернулась к иему, но тот уже перестал гудеть.

— Не зиаю изваниой смазки. Прошу объясиить, — пророкотал ФЭОДАР.

— Какой смазки? — растерялся Вадим.

— Под изванием «Идиот».

— И мы ие зиаем, — захохотала Ольга. — Пойди спроси у иего. — Девушка показала в сторону, куда убежал Юлиус и торжествующе повериулась к Вадиму: «Смотри, мол, как я отомстила Юлиусу!»

Вадим иичего не сказал и лишь покачал головой.

Начиналось эоцеиовое лето. Дии стояли жаркие, безветреииые. Но если в лесу даже в полдень было еще терпимо, то иа открытых лужайках припекало иемилосердно. Хотелось искупаться, полежать в теии, а приходилось целый деиь работать, таская иа себе сумки с иинструментами, тубы для смолы и прочую амуницию.

— Может, мы будем ходить без этих тяжелеииых шлемов, геиерирующих силовое поле? — простоиала Ольга. — Тут безопасио, и мы их ие включаем.

— Нельзя, — отрезал Вадим. — Мало ли что может случиться. Силовым полем даже от дождя можно прикрыться.

Ольга отошла от иего и, засмотревшись иа гусеницу, ползущую в траве, чуть ие иаскочила иа ФЭОДАРа, неожиданио застывшего перед какой-то иевидимой преградой. Тумбы, к изумлеиию всех, кииулись от кибера в разные сторoиы.

Вдруг робот выдвинул верхний манипулятор и оперся им о землю, а другую «руку» выбросил в стороиу. Ступни его иог перешли из горизонтального положеиия в вертикальиое, как будто ои встал иа цыпочки. Потом ФЭОДАР осторожио поставил иа траву сиачала одну и чуть подальше вторую иогу, а свободиой «рукой» тоже оперся о землю.

— Что это с ним? — изумлеиио спросил Вадим.

— Изображает из себя доисторическую скульптуру, — хохотиул Юлиус.

И тут исследователи заметили в траве плотную шириной в три метра колоиию муравьев.

— Ага, — догадался Вадим, — ФЭОДАР решил не обходить колоиию, а перешагнуть через иее. За ползающими иасекомыми у него следят иижиие фотоэлемеиты и ие позволяют ему неиароком давить их. А как переберемся через эту колоину мы? И что будут делать тумбы?

В это время Прима вериулась к ФЭОДАРу и остановилась рядом с иим. Бис, докатившись до леса, обогиул высокое дерево и помчался обратно, ио по другую стороиу препятствия.

— Значит, там находится муравейник,— решил Вадим.— Но как интересно наблюдать за работой киберов. Любопытно, что предпримет ФЭОДАР?

В это время Бис доехал до стоявшего врастопырку кибера, остановился и вдруг начал медленно выдвигаться на своей ноге. Тут же стала подниматься вверх и Прима. Люди с любопытством смотрели на эти упражнения роботов.

— Вас переправлю по очереди,— сообщил свое решение ФЭОДАР.— С Примы надо перейти на мои руки, потом спуститься по Бису.

Кибер выдвинул два дополнительных манипулятора, уцепился ими для равновесия за тумбы и поднял основные манипуляторы вверх.

«Нога у тумбы скользкая, поднята по команде кибера на два метра, а как на нее взбираться?» — подумал Вадим. Но сомнения относительно исправности логических систем ФЭОДАРа давно уже возникли у начальника экспедиции, и теперь он решил проверить, как себе представляет подобную операцию кибер.

Вздохнув, он поднялся на тумбу, благо та на секунду опустилась вниз, и очутился по ту сторону колонны муравьев. То же было проделано с остальными. Операция «Переправа» заняла не больше двух минут; было ясно, что ФЭОДАР решал задачу, исходя из подсчета времени, но теперь и Ольга с Юлиусом поняли, что лезть им на верхушки тумб было совсем не обязательно. Кибер мог просто снять их с одной платформы тумбы и переставить на другую, не поднимая все сооружение на два метра.

— Здесь у Федора что-то не в порядке,— шепотом сказал Юлиус и выразительно повертел пальцем у виска.

— Угу,— рассеянно отозвался Вадим.— Переправа быстрая, но нам все равно долго придется ждать Приму. Ведь ФЭОДАР не сдвинется с места, пока она не покатится впереди него. Это еще один «пунктик».

— По-моему, надо последить за ним,— сказал Юлиус.

К середине дня ФЭОДАР привел биологов в великолепный лес. Травы здесь были особенно сочными и густыми. Ольга принялась выкапывать растения. Присев на корточки, она осторожно разрыхляла землю, высвобождая корни, а сама безостановочно диктовала записывающему устройству данные о почве, освещенности и соседстве этого растения с другими видами.

Вадим с Юлиусом тоже остались на поляне, занявшись сбором насекомых, никогда не встречавшихся в янтаре.

— Вот этим и нужно заниматься,— наставительно сказал Вадим.— А древесных ползающих насекомых эоцена мы знаем гораздо хуже.

— Но и летающие не все представлены в наших коллекциях,— возразил Юлиус.— Недаром же ФЭОДАРу дали задание: изготовить искусственные приманки и закрепить на деревьях. Вот теперь сюда ползут, летят и вязнут в смоле редко встречающиеся в янтаре виды. Но мне интересно другое: почему некоторых древесных видов насекомых в янтаре довольно мало? — сказал Юлиус.

— Может, их было много, но они находились в определенных слоях и эти янтароносные слои давно размыты, а янтари собраны и использованы для украшений,— высказал предположение Вадим.— Ведь янтарь на побережье Балтики добывается с древних времен. Его находят в погребениях неолита в виде бус и платин. В эпоху Римской империи из него делали статуэтки и кубки. Тацит говорит об инклюзах в янтаре, подчеркивая, что насекомые, включенные в него, придают особую нарядность украшениям. Вы представляете, сколько там было всяких насекомых?!

— Представляем,— откликнулся Юлиус.— Ведь столько веков добывается балтийский янтарь!

— Не веков, а минимум три тысячелетия,— поднял палец Вадим.

— И откуда только такие сведения?— притворно удивился Юлиус, исподтишка посмотрев на Ольгу.

— Такие вещи надо знать!— незамедлительно бросила та.— Ломоносов одним из первых высказал предположение, что янтарь — это не «земляной воск», а окаменевшая смола. Но Линней не согласился с этим мнением лишь потому, что не мог объяснить, как могло оказаться на сравнительно небольшом пространстве такое огромное количество древесной смолы. Ведь янтарь добывают по

меньшей мере 2500 лет! Линней занимался этим в середине XVIII века, а сейчас XXI. Считать умеешь?

Юлиус разозлился. Эта девчонка, собирающая цветочки, учит его?

— Немного умею,— сказал он.— А ты нет. Давай займемся другой арифметикой, а? Сколько папок с гербарием ты запихнула вчера в капсулу? Сколько пеналов с заспиртованными цветами и пыльцой? А Федор уже наполняет новые и новые пеналы.

Ольга с Юлиусом снова схватились в споре. Слушая их, Вадим размышлял о ФЭОДАРе. Кибер сейчас присутствует при разговоре, который непосредственно касается его работы. Кибер обязан выполнять приказания людей, но люди эти спорят. Ольга кричит, что пыльца и цветы очень нужны, а Юлиус заявляет: им это ни к чему, важны только насекомые. Ольгу интересуют срезы веток, а Юлиус грозится эти срезы выкинуть и освободить место в капсуле для драгоценных жуков. Киберу эти выкрики должны казаться приказами, но, как только он начинает реагировать на одну команду, так тут же она отменяется и дается другое распоряжение. А как быстро могут соединяться и распадаться ассоциативные связи в его «мозгу?» Не влияет ли на работу анализаторного аппарата быстрая смена команд? Не свихнется ли робот? ФЭОДАР и без того кажется несколько странным....

— Ну хватит вам!— раздраженно сказал Вадим.— От ваших криков не только у меня, но и у ФЭОДАРа голова идет кругом.

— А разве я неправ?— тоном ниже спросил Юлиус.— Ольга заполнит всю капсулу гербарием и пеналами, а мы повезем мешки со смолой на головах что ли?

— Ничего, не развалишься,— пряча улыбку, сказал Вадим.

Обшарив поляну, исследователи снова пошли к лесу. У группы перистых пальм они увидели стадо небольших довольно изящных животных и сразу определили, что это древние безрогие олени.

— Люблю такие милые существа. Юлиус, давай попытаемся заснять их вот оттуда,— предложила Ольга.— А то здесь деревья загораживают.

Неслышно ступая, двое молодых ученых двинулись вперед. Вадим остался на месте, боясь спугнуть оленей неосторожным движением.

Вдруг из-за елки, опустившей до земли свои пушистые ветви, выскочило какое-то крупное животное и помчалось прямо к оленям, замершим в испуге. Бурая с черными полосами шкура зверя красиво переливалась при прыжках.

И тут на поляне появилась Ольга. Она побежала зверю наперерез, крича на ходу: «Кыш! Кыш!» За нею кинулся Юлиус, маша руками и этим стараясь отвлечь внимание животного на себя.

— Поле! Включите силовое поле!— страшным голосом крикнул Вадим.

Заметив девушку, зверь остановился, а потом, круто изогнувшись, ринулся к ней. Ольга тоже остановилась и стояла, словно окаменев, и, лишь когда от животного ее отделяло всего несколько шагов, поспешно подняла руку к шлему и щелкнула тумблером.

Полосатый хищник прыгнул. Невидимая преграда силового поля отбросила страшные лапы. Но от испуга девушка отпрянула назад и упала. Она так и лежала, повиснув в воздухе в полуметре от земли, на которую ей мешал опуститься кокон силового поля. Это было странное зрелище: вытянувшееся в воздухе человеческое тело и бегающий вокруг него осатаневший зверь.

Тут на хищника надвинулся Юлиус. Неуязвимый в силовом коконе, он шаг за шагом наступал на зверя, оттесняя его. И зверь сдался. Даже не взглянув в ту сторону, где недавно стояли олени, он трусцой побежал к лесу и скрылся среди зелени.

— Почему сразу не включили силовое поле? — напустился на Ольгу и Юлиуса Вадим.

Ольга не знала, что ответить. Она сначала не заметила страшных клыков и стала отгонять зверя лишь потому, что тот мог помешать съемке. Но признаться в этом Ольге не хотелось, и она буркнула:

— Подумаешь, хищник! Креодонт какой-то. Может, и не плотоядный.

— А чего это он прыгнул на тебя? — Юлиус треугольником поднял брови.— Может, хотел лизнуть от избытка чувств?

Увидев, что снова может разгореться спор, Вадим поспешил вмешаться:

— Это скорее всего гиенодонт. К концу эоцена креодонты так распространились, что теперь зоологи делят их на собакообразных и кошкообразных. Вы заметили, какая у этого зверя голова?

Беседуя об особенностях строения древних животных, исследователи углубились в лес. ФЭОДАР трудился вовсю. По его командам тумбы срезали ранее приготовленные смолы с насекомыми. Сам кибер снимал с деревьев мягкие натеки и, перемешивая их со свежим древесным соком, готовил для биологов пасту. Тубы с этой пастой постоянно висели на поясе у Юлиуса и Вадима. Даже отходя от лагеря на несколько шагов, они умудрялись отыскивать необыкновенно интересных насекомых, ловили их и помещали в тубы. Вечером тубы опорожняли, а пасту с насекомыми раскладывали для подсушки.

Вскоре смолы набралось так много, что ученым пришлось разбиться на две группы. Ольга с роботами, обвешанными сумками, вернулась в лагерь. Вадим и Юлиус пошли дальше.

Энтомологи возвратились, когда на поляне уже синели сумерки и лишь пальмы, прощаясь с заходящим солнцем, пламенели алыми верхушками.

— Где вы бродили? — недовольно спросила Ольга.— Разве я дежурю сегодня по кухне? А ужин пришлось готовить мне.

— Понимаешь, какое дело... — начал Вадим, смущенно глянув на нее исподлобья (ведь это он должен был готовить ужин!). — Совет Исследований во времени разрешил отлов насекомых в эоцене потому, что именно в этот период и именно в этой местности по каким-то причинам происходило массовое захоронение их в смолах. А раз так...

— Не заговаривай мне зубы,— буркнула Ольга.— В чем дело?

— ФЭОДАРу был определен участок в несколько квадратных километров, на котором он должен был взрезать все хвойные деревья'н прнвлечь к нстекающей смоле всевозможных насекомых. Это он сделал. Но нам интересно было знать, что проносходит за границами этого участка. Почему н как проходит захороненне насекомых там? Итак, мы нашли шнрокую речку, которая служит естественной границей участка, нбо ФЭОДАРу не разрешено преодолевать обшнрные водные пространства...

— Судя по его ржавым конечностям, он на этот запрет наплевал! — захохотал Юлиус.

— Робот не может пренебречь прнказом,— наставительно заметил Вадим.— А ржавчина...— Он кинул оценнвающнй взгляд на порыжевшне коленн ФЭОДАРа.— Смазки далн ФЭОДАРу только на трн года, а он пробыл здесь девять лет. Вот и результат.

Вадим помолчал задумчнво, потом опять начал, обращаясь к Ольге:

— Так вот, мы с Юлнусом перебралнсь через реку. Напомню: кроме сбора насекомых перед намн поставили еще одну задачу — выяснить, почему в это время и нменно здесь хвойные деревья выделяли то огромное количество смолы, которое дало ненсчерпаемые залежи янтаря. Эти наблюдения можно, конечно, делать лншь на участках, не тронутых ФЭОДАРом, там, где действовалн только естественные факторы. Неожиданно оказалось, что роботы побывали и за рекой...

— Да, интересно знать, насколько большой участок обработал этот чертов Федька,— заметил Юлнус, со вздохом опускаясь на траву.— Носнм, носнм прнготовленную нм смолу, а участку конца не видно.

— А чего нам гадать? Пусть ФЭОДАР укажет его границы.

Вадим развернул карту. В ответ на вопросы начальника экспедицин ФЭОДАР начал называть координаты. Сначала Вадим невозмутнмо выслушнвал его, но по мере того, как робот указывал все новые точкн, энтомолог стал заметно нервничать. Ольга и Юлнус, побросав дела, подошлн к своему руководнтелю н только переводили ошеломленные взгляды с робота на карту. Вскоре пройденные ФЭОДАРом участкн вышли за граннцы Южной Скандинавнн, а в конце кибер указал на пункт, который на этой карте лежал далеко в море, н объяснил:

— Дальше идти нельзя. Начинается вода, конца которой не видно.

И тут Вадим застонал.

— Неужели этот дурень взрезал деревья на сотни километров?

— Выходит так,— подтвердил это предположенне Юлиус.

На поляне воцарилось гнетущее молчанне. Ученые боялнсь смотреть друг на друга. Вадим сел на землю и, опустив подбородок на коленн, уставился отсутствующнм взглядом куда-то в сторону. Юлиус принялся щипать траву, а Ольга смотрела, как он складывает ее замысловатыми кучкамн. Вдруг Вадим поднял голову.

— Ты помнншь точное определенне нз учебника? — спросил он Юлнуса.

— Помню,— сразу догадавшись, о чем его спрашивают, ответил тот. «— Сукцинит (янтарь) из Прибалтики сумел образовать крупные внешние формы потому, что живица в этих лесах истекала не единичными порциями, а из одного и того же места по нескольку раз. Правда, возникает вопрос о причинах столь частых и обильных повторных истечений».

— Ну и что? — нетерпеливо спросила Ольга.

— ФЭОДАР, скажи, что ты делал, если смола под приманкой застывала, а насекомые в нее так и не попадали?

— Прима и Бис повторно вскрывали смоляной ход дерева. Если после трех-четырех вскрытий насекомые не попадали, вскрывалось другое дерево и туда переносилась ароматическая приманка.

— Ага! — скользнув по роботу потрясенным взглядом, воскликнул Вадим и уставился на Юлиуса.

— «Периодически повторяющееся обильное истечение живицы из одной и той же раны может быть вызвано какими-то особыми биологическими процессами или же внешними силами, такими, например, как случайное поранение дерева и опорожнение его смоляного кармана, удар молнии, деятельность дятлов, мелких грызунов»,— закончил цитату Юлиус.

— Меня всегда смущал этот пункт,— пробормотал Вадим.— Как будто в других сосновых лесах бурь не было и деревья никто не грыз.

— То, что поранения деревьев объясняются внешним воздействием, никогда сомнений не вызывало,— подчеркнул Юлиус.

— Но что это за силы, понять было трудно,— закончил Вадим.

— Постойте,— попросила Ольга.— Вы хотите сказать, что внешние силы — это и есть действия ФЭОДАРа и тумб?

— А сама ты этого не видишь? — Юлиус повел рукой в сторону леса.

— Но что же теперь будет? — в ужасе закричала Ольга.— Это окажет воздействие на последующие эпохи!

— По-моему, уже оказало,— раздельно отчеканил Вадим.— Давайте разберемся. Предположим, залежи янтаря образовались от чрезмерного усердия ФЭОДАРа. Но янтари находили и люди древнего мира, и наши прямые предки, и мы сами. Когда мы жили в своем времени, ФЭОДАР отправился сюда и за девять лет наготовил массу смол, подавляющую часть которых мы не сможем забрать. Они останутся на деревьях и превратятся потом в тот янтарь, который люди будут находить во все века. Значит, человеческая история складывалась под влиянием этого фактора, хотя он вызван действиями из будущего.

— Но тогда получается, что не только будущее зависит от прошлого, но и прошлое от будущего,— задумчиво сказал Юлиус.

— Естественно,— оживился Вадим.— Поэтому экспедиции в прошлое ограничивают до минимума. Ведь как ни старайся, нельзя же не оставить в прошлом никаких следов. Происходит вмешательство, а оно не всегда безобидно, как в данном случае.

— Нет, все, что вы говорите, это парадокс! — замотала головой Ольга.

— Парадокс,— согласился Вадим.— И я сильно подозреваю, что наш случай останется единственным в своем роде, будет классическим примером того, как можно вмешаться в историю, не подозревая об этом. После этого программа исследований во времени сократится еще больше.

— Но, может быть, это все-таки не Феденька сотворил?—жалобно спросила Ольга.— Может, все-таки сукциноз вызывается естественными факторами?

— Может быть,— пожал плечами Вадим.— Мы постараемся это выяснить.

— Но над парадоксом вмешательства стоит основательно подумать,— решил Юлиус.

— Над парадоксом ФЭОДАРа!—поправила Ольга, с невольным уважением посмотрев на спокойно работающего кибера.

Факты. Догадки. Случаи...

География великой магистрали

На Дальнем Востоке обеспечить комплексное развитие хозяйства, увеличение добычи цветных, редких, драгоценных металлов н алмазов...

Значительно усилить геологоразведочные и научно-исследовательские работы по комплексиому развитию производительных сил в зоне, тяготеющей к Байкало-Амурской магистрали.

(Из постановления XXV съезда КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»)

Байкало-Амурская магистраль — смелый и поистине грандиозный проект, который уже осуществляется. Сооружение магистрали требует значительной географической информации. И не только в отношении полосы вдоль магистрали, ио и в отношении всей территории, находящейся в экономико-географической сфере влияния БАМа.

У советских географов в решении такого рода практических вопросов есть замечательные предшественники. Достаточно назвать имена П. П. Семенова-Тян-Шанского, В. Л. Комарова и других выдающихся ученых прошлого века, без чьих трудов невозможно было бы сооружение «Великой Сибирской железной дороги», как называли тогда Транссибирский путь.

Научные исследования в зоне строительства БАМа начались сразу же, как был поставлен вопрос об изыскательных работах на трассе магистрали. И здесь, конечно, первое слово за Сибирским отделением Академии наук СССР. Институт географии Сибири и Дальнего Востока с 1959 г., т. е. с момента его организации, занялся изучением проблем формирования территориально-производственных комплексов западного отрезка трассы — от Тайшета до Усть-Кута. С начала 60-х годов сотрудники института исследуют природу межгорных котловин Станового нагорья, изучают лавинную опасность в зоне магистрали. Многое сделано для составления тематических карт (экономической, ландшафтной, геоботанической и др.), природного районирования территории. Оценивались природные условия Чарской и Муйской котловин, чтобы определить: может ли здесь развиваться сельское хозяйство? Во многих районах проводились медико-географические исследования.

Прежде чем подробнее рассказать о работах сибирских ученых в связи со строительством БАМа, хотелось бы остановиться на таких понятиях, как примагистральная полоса и экономико-географическая сфера БАМа. В примагистральную полосу, с нашей точки зрения, целесообразно включать всю площадь административных районов, которые примыкают к трассе от Тайшета до Советской Гавани. Эти районы находятся в Иркутской, Читинской и Амурской областях, Бурятской и Якутской автономных республиках, а также Хабаровском крае. Общая площадь полосы — 1,6 млн. кв. км, что в 3,5 раза больше территории Франции, ширина — 400—500 км. Поясним, что, например, мы включаем в БАМ на западе ветку Тайшет — Лена, а на востоке — железную дорогу Пивань-на-Амуре — Советская Гавань, так как в проектах 30-х годов они рассматривались в качестве органической части магистрали. Разумеется, железнодорожные линии (действующие и строящиеся), пересекающие БАМ или соединяющие его с Транссибирской магистралью (Бам — Тында — Беркакит, Известковая — Ургал, Волочаевка — Комсомольск), тоже входят в сферу магистрали.

Полоса пересекает три природные области: Среднесибирскую, Байкало-Джугджурскую и Амуро-Сахалинскую, которые в свою очередь делятся на 26 природных провинций.

Когда мы говорим об экономико-географической сфере влияния БАМа, мы подразумеваем наиболее тесные экономические связи примагистральной полосы с другими районами, так сказать, связи первого порядка. Это касается прежде всего новых территориально-промышленных и агропромышленных систем, которые войдут в той или иной степени в общий с магистралью комплекс. Территориально сфера ее влияния на юге должна доходить до главной Транссибирской магистрали. Это оправдывается многими экономическими со-

ображениями, главное из которых в том, что районы, расположенные южнее трассы, имеют более благоприятные условия для роста населения, чем северные. На это географы обращают особое внимание.

Существенно также, что только на среднесибирском отрезке трассы, а также в некоторых районах Амуро-Сахалинской зоны существуют наилучшие возможности для создания агропроизводственных территориальных систем, удовлетворяющих нужды БАМа. На западе — это в большинстве случаев освоенные земли, а на востоке — целинные, расположенные в полосе южной тайги — Верхнего и Среднего Приамурья — и к югу от нее. Эта территория вместе с Зейско-Буреинской низменностью должна войти в экономико-географическую сферу БАМа. В определенной степени перспективна для сельского хозяйства почти вся примагистральная полоса. Но в основном на Иркутскую и Амурскую области ложится задача снабжения БАМа сельскохозяйственными продуктами.

Наиболее сложен и разнообразен

Трасса Байкало-Амурской магистрали

I — Среднесибирская таежная область

Провинции:
1) Нижнеангарская южнотаежная
2) Среднеангарская южнотаежная
3) Южнотунгусская среднетаежная

II — Байкало-Джугджурская горно-таежная область

Провинции:
1) Ангаро-Ленская таежно-плоскогорная
2) Лено-Киренгская таежно-подгорная
3) Кудинско-Хандинская остепненно-таежная подгорная
4) Байкальская озерно-котловинная
5) Прибайкальская гольцово-горно-таежная
6) Северобайкальская таежно-нагорная
7) Патомская таежно-нагорная
8) Западнозабайкальская горно-таежно-гольцовая
9) Восточнозабайкальская горно-таежно-гольцовая
10) Витимская таежно-плоскогорная
11) Олекмо-Верхнеалданская таежно-плоскогорная
12) Алданская гольцово-таежная нагорная
13) Становая гольцово-горно-таежная
14) Восточнозабайкальская горно-таежная

III — Амуро-Сахалинская таежная горно-равнинная область

Провинции:
1) Верхнезейская среднетаежная
2) Амгунь-Нижнеамурская среднетаежная
3) Амуро-Зейская южнотаежная
4) Амуро-Горинская горно- и южнотаежная
5) Верхнеамурская подтаежная
6) Нижнеамурская подтаежная
7) Таага-Янкан-джагдинская гольцово-горно-таежная
8) Буреинская горно-таежная
9) Сихотэ-Алиньская горно-таежная

по природным условиям байкало-джугджурский отрезок трассы, простирающийся от Лены до Тынды. Из шести природных провинций, которые здесь должна пересечь магистраль, в трех возвышаются гольцовые поднятия высотой до 2500—2900 м над уровнем моря. В самой высокой части Байкало-Джугджурской области наряду с хребтами хорошо выражены рифтовые впадины так называемого байкальского типа. К числу наиболее крупных относятся Верхнеангарская, Муйская и Верхнечарская. Климат котловин континентальный. Зимой здесь скапливаются холодные массы воздуха, летом они сильно нагревается, и местами не хватает влаги. Рельеф, почвы и поверхностные воды котловин в целом благоприятны для создания здесь поселков, приусадебных хозяйств.

Но вот что касается промышленных предприятий...

В котловинах, о которых идет речь, как указывалось, ограничены возможности естественной вентиляции, что вызывает застой холодного воздуха зимой. Следовательно, в днищах долин и котловин, наиболее удобных для застройки, надо воздерживаться от размещения производств, загрязняющих воздушный бассейн. Видимо, целесообразнее размещать необходимый минимум промышленных предприятий на склонах долин, где воздушные массы не застаиваются.

Ввиду недостатка в байкало-джугджурских котловинах солнечного тепла в течение большей части года, их заболоченности, краткости вегетационного периода растений и других причин нельзя переоценивать сельскохозяйственные возможности этих мест. Поэтому, скажем, в отношении Верхнечарской котловины речь должна идти в основном о приусадебном огородничестве, разведении молочного скота в определенных масштабах. В Муйской же и Верхнеангарской котловинах есть условия для развития как животноводческих, так и растениеводческих отраслей, но тоже в каких-то границах.

Населенные пункты байкало-джугджурского отрезка магистрали могут снабжаться зерном, картофелем, мясом и другими продуктами из амурских и среднесибирских районов.

Значительной сельскохозяйственной базой может служить и Минусинская котловина, которая связывается с магистралью веткой Абакан — Тайшет.

Что же касается котловин в примагистральной полосе и в смежных пространствах Амуро-Сахалинской области, то здесь природно-климатические условия еще суровее. Днища этих котловин холодные, заболоченные, нередко представляют собой торфяники, поросшие лиственницей. Населенные пункты и сельскохозяйственные угодья расположены в основном лишь у склонов этих котловин. Здесь необходимы мелиоративные работы для оптимизации водного и теплового режимов.

Очень серьезную проблему на байкало-джугджурском отрезке магистрали представляют наледи, снежные лавины и заносы. Разумеется, явления эти не новы. Однако трасса магистрали, особенно в ее средней части — от Лены до верховьев Тынды, находится в особых физико-географических условиях: скопления снега, порождающие лавины, снежные заносы тесно связаны с зимним тихоокеанским муссоном. До Ургала он проявляется на небольших высотах, а далее на запад, вплоть до Байкала, — в высоких слоях атмосферы. Режим тихоокеанского муссона все еще недостаточно изучен, особенно на широтах основного участка магистрали. Детальное его исследование — фундаментальная задача географической и динамической климатологии.

Одна из важнейших географических проблем — составление тематических карт как примагистральной полосы, так и всей сферы влияния БАМа. Особое значение имеют так называемые корреляционные карты, показывающие не только пространственное влияние того или иного явления, но и его связь с главнейшими обусловливающими его факторами, например карты, на которых отображаются ареалы данного вида растительности и показатели тепла, влажности воздуха и другие параметры. Корреляционные карты помогут не только в выявлении тех или иных природных закономерностей, но и в прогнозировании изменения того или иного параметра.

К умеренно теплым территориям относятся часть земель на среднесибирском отрезке магистрали (бассейны Ангары и Лены) и большие пространства в бассейне Амура. На амуро-сахалинском отрезке примагистральной полосы на плато и высоких равнинах с достаточным количеством солнечного тепла в течение года находятся основные массивы земель, пригодных для вовлечения в сельскохозяйственный оборот. В низкогорьях расположены потенциальные производительные лесные насаждения.

Создание оптимальных условий природной среды для жизни и трудовой деятельности человека, повышение продуктивности лесов, кормовых угодий, плодородия сельскохозяйственных земель — для всего этого необходимы точные знания природных режимов различных местностей. Кроме того, нужно учитывать и воздействия на природу в процессе освоения края, начиная со строительства самой трассы.

Сибирские географы давно работают в этом направлении. В разных районах Сибири организованы географические стационары, но теперь необходимо создать в зоне магистрали новые экспериментальные географические базы.

Всякого рода экспериментальные исследования и многолетние наблюдения над природными режимами целесообразно совместить с задачами охраны природы (на эталонных участках и на другого рода заповедных территориях). Напомним, что непосредственно к трассе примыкают два государственных заповедника — Баргузинский и Зейский.

Теперь о проблемах формирования населения зоны магистрали. В общей его структуре главное место займут три группы: персонал, обслуживающий магистраль; население районов горнодобывающей промышленности и население лесопромышленных районов.

Персонал, обслуживающий железную дорогу, может формироваться двумя путями. Первый — это «оседание» здесь строителей, адаптировавшихся к местным условиям. Второй — привлечение к работе на Байкало-Амурской магистрали жителей поселков и городов, расположенных на Забайкальской и Амурской железных дорогах. Вопрос этот наряду с другими необходимо изучить специалистам по географии населения.

Другого подхода требует формирование населения в новых районах горнодобывающей промышленности, в частности на Удоканском медном месторождении и якутских месторождениях угля и железа, где появятся крупные промышленные центры. При размещении их надо учитывать оптимальные физико-географические условия для высокопроизводительного труда человека.

БАМ открывает перспективы для формирования новых районов лесной промышленности, прежде всего там, где близ транспортных путей окажутся более или менее продуктивные лесные массивы. Встает вопрос о типе лесопромышленных поселков. Они, как правило, рассредоточены и мобильны. Обычно лесозаготовители за 10—20 лет используют сырьевую базу и после этого перемещаются в новые районы. Однако, принимая во внимание, так сказать, общую концепцию магистрали, закономерно говорить о ее постоянных лесопромышленных поселках при условии, что лесозаготовки в течение длительного времени ведутся на одной территории (в объеме естественного прироста). Такие постоянные пункты возможны на западном отрезке зоны, а также в Амурской и Хабаровской областях.

Географам предстоит выполнить большую программу работ по изучению имеющихся населенных пунктов, составить карты производственно-функциональных типов поселений и т. д. Самое важное — обосновать пути миграции и возможности заселения возникающих в сфере влияния магистрали новых экономических районов.

Нельзя забывать еще об одной группе населения — охотниках и оленеводах. Повысить численность этой группы, улучшить условия труда и быта — в интересах развития экономики всей зоны.

БАМ — это транспортная магистраль, сооружаемая по последнему слову техники. То же можно сказать и о многих проектируемых промышленных предприятиях в ее экономико-географической сфере. Есть мнение, что в таких условиях охотничье хозяйство и оленеводство — исконные занятия сибирских аборигенов — пойдут на убыль. Этого допустить нельзя. Введение строгого режима охоты, охрана охотничьих угодий — обязательные меры освоения таежных территорий. В то же время вблизи крупных населенных пунктов по самой трассе, принимая во внимание специфику жизни в восточносибирской тайге, целесообразно создать условия для спортивной охоты и рыбной ловли.

Имеет большое значение поддержание на необходимом уровне оленеводства. Оленья упряжка — это транспорт, обслуживающий охотников, а также геологов, топографов и других таежных первопроходцев. Вертолет может только частично заменить ее. Кроме того, оленеводство дает массу ценных животноводческих продуктов в таких районах, где получать другие их виды нельзя. Поэтому укрепление оленеводческих хозяйств, увеличение поголовья оленей продолжает оставаться актуальным. Разумеется, тип оленеводческо-промыслового хозяйства необходимо

приспособить к новым условиям, складывающимся в зоне БАМа.

Деятельность промышленных предприятий в зоне БАМа требует особого внимания с точки зрения охраны окружающей среды. Промышленность здесь создается впервые; структура предприятий и технология, включая системы очистки жидких и газообразных выбросов, находятся в процессе проектирования или еще будут проектироваться. Ввиду своеобразия местных условий требуется провести особенно квалифицированную и тщательную географическую экспертизу проектов промышленных предприятий.

То же касается соблюдения режима в водоохранных и почвозащитных лесах, особенно расположенных вдоль байкало-джугджурского отрезка трассы. Нужно детально разработать технологию лесопользования на горных лесосеках и неукоснительно придерживаться ее.

Основной источник загрязнения вод — промышленные предприятия. Если все их возводить за пределами котловин, это в значительной мере устранит опасность загрязнения. Другой источник — бытовые отходы в районах населенных пунктов, которые как раз предполагается приурочивать к котловинам. Здесь выход один — предусмотреть особые системы очистки, в частности с использованием биологических методов.

Нельзя не учитывать непредвиденные, но более или менее вероятные вредные воздействия на природную среду. Это прежде всего относится к лесным пожарам. Противопожарная служба нужна на всем протяжении строительства магистрали.

Возникает вопрос и о сохранении в зоне магистрали эталонных участков ненарушенной природы. Он обсуждался Научным советом Сибирского отделения АН СССР по комплексному освоению таежных районов. Было намечено выделить такие участки в районе Чульмана и на хребте Тукурингра. Но в свете новых задач охраны окружающей среды в зоне магистрали этого недостаточно; необходимо разработать более подробный проект сети эталонных участков, обратив особое внимание на байкало-джугджурский отрезок трассы — область высокогорий с дальневосточными еловыми лесами, рощами эрмановой березы, субальпийскими лугами и сопутствующими им биогеоценозами. Все эти географические системы должны быть сохранены как замечательные памятники природы. Со временем на этой территории может быть организован национальный парк мирового значения.

В заключение хотелось бы сказать о географическом прогнозе — наиболее действенной и конструктивной форме географической информации при освоении новых территорий. По существу все мероприятия по сооружению магистрали и освоению прилегающей к ней полосы вызовут изменения природных условий.

Прогноз должен входить в состав каждого проекта. Однако этого недостаточно. Природа изменяется как целое, как система определенных блоков, подвергающихся воздействию. Географический прогноз призван дать представление о географических системах будущего. В настоящее время мы можем дать только предварительные и неполные варианты такого прогноза, так как пока неизвестна вся сумма факторов, которые будут привнесены в природу строительством и освоением зоны магистрали.

Практически прогноз должен быть отображен на карте. Поэтому географическое прогнозирование и картографическая программа зоны БАМа сливаются в единую исследовательскую задачу.

Здесь почти все создается впервые. Поэтому так перспективно географическое прогнозирование: позитивные аспекты прогноза могут быть воплощены в жизнь, а разного рода негативные последствия следует заранее предусмотреть и избежать их.

Все вопросы, о которых шла речь, относятся к области прикладной географии, некоторые из них могут рассматриваться как обыденные хозяйственные задачи. Однако все они требуют серьезного географического анализа, который базируется на научном представлении о геосистемах. Значение системной концепции в географии никогда не было столь велико, как в наши дни. И это становится особенно ясно, когда необходимо участие географов в решении комплексных народнохозяйственных проблем.

Академик В. Б. Сочава

Коротко о разном

Не так давно в Швеции принят строгий закон против коллекционеров — собирателей птичьих яиц. Орнитологическое общество давно било тревогу, что в стране исчезают соколы, морские орлы, соловьи и кукушки. Без птиц быстро разводятся различные вредители — мыши и насекомые. Хобби, связанное с собиранием яиц, наносит ощутимый ущерб лесам и полям. В первый год действия нового закона на крупные суммы было оштрафовано около 30 человек.

●

В 1934 г. енотовидная собака попала из Кореи в Европу. Этот мелкий лесной хищник сейчас довольно широко распространен в Польше и Финляндии, Австрии и Чехословакии, Румынии и ГДР. Зоологи ГДР, изучив образ жизни этого животного, вынуждены признать, что его следует отнести к весьма вредным. Там, где поселяются енотовидные собаки, в лесах начинается массовое размножение гусениц. Это находится в прямой связи с тем, что хищники разоряют гнезда птиц. Поэтому принято решение в лесах собак отлавливать и разводить их на зверофермах, ибо мех зверька довольно высоко ценится.

●

Всем известно, что пчелы, шмели и некоторые мухи давно и исправно работают в роли опылителей. Растения без них не могут существовать. Более удивителен тот факт, что некоторые австралийские растения приспособились к перекрестному опылению с помощью... кенгуру. Кустарник дриандра имеет красивые соцветия в виде чаши, которые распускаются на высоте, удобной именно для кенгуру. Эти звери охотно подбегают к цветам, чтобы слизнуть со дна чаши сладковатый нектар. Пыльца пристает к мордочке и кочует на ней до следующего соцветия.

●

В курортных зонах Болгарии магнолии — высокие и красивые деревья — высаживались лишь в декоративных целях. Недавно учеными было замечено, что листья одного из подвидов балканской магнолии содержат в больших количествах эфирные масла, растительные жиры и алкалоиды. Своими наблюдениями они поделились с фармакологами. Последние установили, что все эти субстанции могут быть переработаны в лекарства против сердечных заболеваний. Уже появилась первая плантация магнолий специально для нужд медицинской промышленности.

Загадки Узбоя

Летом в Средней Азии, как правило, небо безоблачно. Из иллюминатора самолета, летевшего по маршруту Москва — Ашхабад, прекрасно были видны просторы Каракумов с небольшими возвышенностями, с блестевшими на солнце солеными озерами, солончаками и с многочисленными сухими руслами, среди которых выделялась широкая и глубокая долина Узбоя.

Русло Узбоя прослеживается по пустыне непрерывно почти на 800 км — от южного борта Сарыкамышского озера до шора Келькор, соединявшегося ранее с Балханским заливом Каспийского моря (ныне Балханский шор). Обрывистые берега, широкая пойма, обрамленная несколькими террасами, многочисленные старицы... Все говорит о том, что в прошлом здесь проходила полноводная река, активно формировавшая свою долину. На поверхности шора сохранилась обширная дельта, состоящая из многочисленных песчаных гряд длиной в десятки километров. Здесь издавна селился человек. По берегам Узбоя известны многочисленные стоянки неолита, селения эпохи бронзы и средневековья. В верхнем течении археологи обнаружена хорошо сохранившаяся сеть оросительных каналов, занимающая значительную территорию; она датируется 1-м тысячелетием до нашей эры. До сих пор в нижней части русла не пересыхают три пресноводных озера: Ясхан, Каратегелек и Топиатан.

Проблема возобновления стока пресных вод по руслу Узбоя является одной из самых древних: ее существование насчитывает несколько столетий. Сейчас она еще более актуальна. Бескрайние просторы Казахстана и Средней Азии все шире осваиваются, и воды для поливного земледелия требуется все больше. Уже остро встала проблема Аральского моря, куда с каждым годом попадает все меньше и меньше речной воды. Планируемая переброска части водных запасов сибирских рек через Тургайские ворота, далее на юг в засушливые районы становится насущной необходимостью. Не исключено, что в проектируемую гигантскую систему гидротехнических сооружений целесообразно будет включить ныне сухие русла, в том числе и древний Узбой. Кстати, начало уже этому положено: котловина Сарыкамыш снова заполнена водой.

Не вызывает сомнения, что успешное обводнение любой территории невозможно без восстановления истории ее формирования. Исследователи Каракумов отдали изучению Узбоя немало сил и времени, особенно в последние десятилетия XIX века, когда получила развитие точка зрения, что при орошении в Закаспии можно будет получать большие урожаи сельскохозяйственных культур. Интерес к Узбою возобновился после установления в Туркмении Советской власти, когда еще больше возросла потребность в воде в связи с расширением земель, годных для орошения, и ростом промышленности, прежде не существовавшей в Закаспии. Существенный вклад в изучение этого района внесла известный советский географ Александра Семеновна Кесь, работа которой «Русло Узбой и его генезис» вышла в 1939 г. Но до настоящего времени история этой ныне исчезнувшей реки таит еще много неизвестного, в чем мне пришлось убедиться самому.

Впервые в Западную Туркмению я попал жарким летом 1956 г. сотрудником комплексной Южной геологической экспедиции Академии наук СССР. Мне было поручено заняться поисками и изучением растительных остатков в четвертичных отложениях Закаспия.

Последние страницы геологической истории крайнего запада Средней Азии и Казахстана тесно связаны с формированием Каспийского бассейна, его трансгрессивными и регрессивными этапами. Неоднократно морская гладь простиралась значительно дальше современных границ, оставляя при отступлении очередной слой осадочных пород с остатками морских организмов. Эти отложения детально изучались геологами и палеонтологами. Континентальные же толщи, бедные остатками животных и растений, оставались мало исследованными.

Климат пустынь в Туркмении установился еще до начала четвертичного периода. Обычная древесная растительность в таких условиях могла произрастать только при местном увлажнении. Поэтому находки большого количества отпечатков листьев свидетельствуют о длительном присутствии пресной воды.

В этом районе остатки существовавших сравнительно недавно растений

впервые были найдены в урочище Урунжик, граничащем на востоке с шором Келькор. Здесь песчаные гряды исчезают и вместо них по солончаку тянутся цепи невысоких серо-бурых холмов. В основании некоторых из них проходит слой крепкой плитчатой красновато-коричневой глины. Цветом и слоистостью она очень напоминает шоколад. Геологи при описании так и называют ее — шоколадная глина.

От столицы туркменских нефтяников Небит-Дага до Урунжика всего 50 км. По дороге я впервые увидел долину Узбоя, правда в самой нижней части, почти у впадения в Келькор, где она выражена нечетко. Просто очень широкое и пологое понижение, с разбросанными по нему песчаными буграми, поросшими тамариском. Можно проехать и не заметить.

Урунжик не торопился раскрывать свои тайны. Холмы его, покрытые выветрелой сероватой глиной, совершенно однообразны. Было непонятно, в какой гряде скрываются растительные остатки. На поиски ушло два дня. Но мы почувствовали себя полностью вознагражденными, когда наконец нашли и расчистили в нескольких местах слой шоколадных глин. Они действительно сплошь покрыты отпечатками листьев...

Полевые работы в летнее время в условиях пустыни начинаются с рассветом. Уже в 11—12 часов безжалостное солнце загоняло нас под тенты палаток, пока не спадала жара, то есть часов до пяти вечера. Вечерние часы зачастую продуктивнее утренних. Становится все прохладнее, не так резок солнечный свет. Работу заканчивали уже в сумерках, когда глаз не в состоянии различить детали и взятые образцы могут оказаться неопределимыми.

Несколько дней пролетели незаметно. Материалы собрали богатые. Кроме остатков древесной флоры мы нашли массу отпечатков водных растений и небольшое количество пресноводной фауны. Оказалось, что слой с ископаемой флорой имеет большую протяженность.

Русло Узбоя

Он выходит за пределы Урунжика, и его продолжение обнаружилось в соседнем урочище Худай-Даг, на расстоянии в добрый десяток километров. Очевидно, так проходил берег древнего водотока, достаточно полноводного, около которого располагалась обильная растительность, близкая по облику к тугайным зарослям, заполняющим современные долины среднеазиатских рек. Очень хотелось увязать ее с деятельностью Узбоя, но пока это могло быть не более чем гипотезой. Для подтверждения ее было необходимо обстоятельное исследование долины реки. Осуществить его удалось только через несколько лет.

В уже упомянутой работе А. С. Кесь говорится: «... остался еще неразрешимым вопрос о времени прекращения течения по Узбою». Учитывая возможное возобновление стока в настоящее время, разрешение этой загадки оказывается отнюдь не риторическим. Ответ получили совершенно неожиданно.

Если ехать поездом из Красноводска в Ашхабад, то сразу за чертой города начинается и тянется почти на сотню километров обширный солончак. Это и есть Балханский шор. В 1943 г. под поверхностью солончака на небольшой глубине туркменским геологом К. К. Машрыковым был обнаружен полуметровый слой, напоминавший торф. Шла война, с топливом было трудно, и находку решили использовать. К сожалению, попытка успехом не увенчалась. Горел «торф» плохо, тепла давал мало, а золы оставалось неимоверное количество. Разработка была прекращена, даже выкопанные куски остались брошенными на поверхности солончака.

С точки зрения палеогеографии изучение столь несвойственного пустынному климату образования, накопившегося в течение последних тысячелетий, казалось достаточно перспективным. Вдобавок выяснилось еще одно обстоятельство, на первый взгляд парадоксальное. Ландшафты мелового или юрского периодов восстанавливались неоднократно, картины же природы последних тысячелетий таили гораздо больше неизвестного. О существовании горизонта «торфа» я узнал, заканчивая в Западной Туркмении полевой сезон 1957 г. До отъезда оставалось два дня, но сообщение было слишком интересным. На следующий день мы отправились к станции Белек. Горизонт обнаружили легко, взяли из разных мест куски буровато-серой вязкой породы.

Как топливо «торф» не годился. Но остатков живших ранее растений и животных в нем обнаружилось великое множество. Во время накопления «торфа» около Белека существовал неглубокий пресноводный водоем с соответствующим органическим комплексом. Вдобавок там находились виды растений, которых сейчас нет не только в Туркмении, но и во всей Средней Азии, поскольку они нуждаются в более прохладном климате, чем современный. Необходимо было также выяснить историю возникновения водоема, его размеры, источники питания... Словом, вопросов возникло множество.

На следующий год сбор образцов проводился по всем правилам. Почвенным буром делались многочисленные скважины. Образцы отбирались сплошной колонкой из «торфа» и лежащих выше и ниже горизонтов. Так можно было получить материал, свидетельствующий даже о мелких изменениях природных условий. Последний маршрут сделали по восточной окраине Балханского шора, около устья Актама.

Во время течения пресных вод по Узбою Келькор был озером и имел сток через Актам в Каспийское море. Сухое русло теперь исчезнувшей реки соединяет оба гигантских солончака. На дне русла тоже пробурили несколько скважин. Заключительным аккордом стал последний отбор образцов из песчаных гряд Келькора.

Собранные материалы показали следующее. На территории нынешнего Балханского шора была целая система небольших пресноводных водоемов, типа стариц или прирусловых озер. Картина их возникновения и развития представляется нам так. Примерно 3 тысячи лет назад произошло очередное отступление Каспийского моря. В пониженных участках остались озерца морской воды с фауной моллюсков и водорослями. Остатки их мы видим в нижней части колонки. Выше водоросли исчезают, а моллюски становятся угнетенными: раковины их резко уменьшаются в размерах. Затем они исчезают совсем, уступая место формам, живущим в солоноватой воде, в свою очередь вытесняемым типично пресноводными моллюсками и ракообразными.

То же самое происходит и с растениями. На смену морским водорослям появляются виды, растущие в солоноватой воде; выше начинают попадаться сначала одиночные, угнетенные формы пресноводных растений; постепенно их становится больше, и, наконец, господство

переходит к таким, которые ие выносят больше 1,5 г/л солей.

Получается, что после отступления Каспия иа бывшее дио моря хлыиул поток речной воды, образовавший развитую дельту, опреснивший многочисленные озера, просуществовавшие затем 400—500 лет. Примерио столько времени нужно для образования полуметра «торфа». По берегам росли деревья, в воде плескалась рыба. Очевидно, здесь селились и люди: места были благодатиые. Потом Каспий сиова начал иаступать, и морские организмы заселили старые владеиия. Об этом иам поведал горизонт, расположенный выше слоя «торфа», богатый крупными толстостеииыми раковииами.

Прошло еще примерио тысячелетие. Сиова море уступает часть своей территории суше, опять происходит прогрессирующее опреснение речным потоком оставшихся озерец морской воды, в иих селятся пресиоводные растения, иакапливается «торф». Но слой теперь ие превышает 10 см, зиачительио меиьше видовое разиообразие. Весь процесс длился ие более сотни лет.

Каков же источник пресной воды в оба периода отступания Каспия? Слои «торфа» вскрыты и в русле Актама; остатки пресноводных растений и животных, громадное скоплеине обломков древесииы обнаружены в песчаных грядах Келькора. Следовательно, дважды шло течение по Узбою и Актаму. Когда это было — удалось устаиовить достаточно точно.

Сопоставление наших данных с материалами других ислeдователей — географов, археологов, геологов, сведеиия, почерпнутые из трудов античных и средневековых авторов, убедительио доказали, что сток по Узбою продолжался все I-е тысячелетие до нашей эры, вплоть до I—II столетия иашей эры, а затем в XIII—XIV веках. Во втором, коротком периоде воды в Узбое было мало.

Совершить маршрут по Узбою удалось только летом 1974 г. Деиь-другой иа сборы в Ашхабаде — и вот иаш экспедиционный ГАЗ-66 движется по шоссе Ашхабад — Красиоводск, держа курс на Урунжик.

Снова, как 18 лет иазад, передо мной была урунжикская флора. Вторичное детальное описание разреза позволило уточнить, что отпечатки злаков и осок встречаются ие только в шоколадных, ио и в розовато-желтых и желтоватосерых глииах, значительно более песчаннстых. В маршруте по Узбою это наблюдение сыграло существеиную роль.

Известио, что урунжикские слои образовались одновремеино (в геологическом смысле) с нижними узбойскими террасами. При наличии близких природных условий не исключалось их виешнее сходство. Была иадежда иа присутствие в узбойских обрывах и растительиых остатков. Обиовлеиие в памяти подробиостей урунжикского разреза могло быть полезиым.

Раскрывшаяся перед иами панорама Узбоя поразила своей грандиозиостью. В нижнем течеиии долина достигает ширины 20—30 км. Ее обрамляют обрывистые берега высотой 10 и более метров, сложенные твердыми глииистыми породами с явными следами деятельиости текучих вод. Выше располагаются песчаные барханы. Миого стариц, большие участки осиовного русла занимают солеиые озера. Создание такой долииы, иесомиеино, свидетельствует о прошлой полиоводиости Узбоя. В ряде мест были пороги.

Откуда происходило питание Узбоя? А. С. Кесь иа этот вопрос отвечает вполне определеиио: преимуществеиио из Амударьи. Часто ее воды проникали через старые русла в котловину Сарыкамыш, заполняли ее, избыток переливался через борт — иачинался сток по руслу Узбоя. Все это так. Но амударьииская вода попадала в Узбой не полностью, часть ее терялась при испарении с поверхности озера. Могло ли оставшееся количество произвести такую грандиозную работу? На наш взгляд, это кажется маловероятиым. Несомиеино, имели место другие источники питания.

Выше уже упоминалось о существовании в долине пресноводных озер. Последний сток по Узбою закончился минимум 600 лет назад, а озера сохранились, иесмотря иа сухой и жаркий климат. Несколько лет из озера Ясхан качают воду для снабжеиия Небит-Дага, а уровень озера ие снижается. Очевидно, озера имеют иепрерывный приток воды. Здесь уместно вспомнить, что лет десять назад в газетах промелькнуло краткое сообщение: в Западной Туркмении под песками Каракумов обиаружено подземиое море пресной воды. Возможно, в прошлом ее было еще больше. Влившись в амударьииский поток, оиа могла виести свою лепту в формирование узбойской долины и обширной дельты Келькора.

Предположеиия о существовании в долине Узбоя и ее окрестностях значительных запасов пресиой воды высказывались и ранее, даже разрабатывались проекты по их утилизации. С постройкой

Закаспийской железной дороги и расширением поливного земледелия водный дефицит непрерывио возрастал. Соответственно рос интерес к пресным озерам Узбоя, связанным с выходами подземных вод. В частности, Н. А. Варенцовым, посетившим этот район в 1907 г., предлвгалось спрямить змеевидное русло, сделвть короткие каналы, соединяющие большое число его озер, «и дать этим самым воде протекать свободно по восстановленному свободному потоку». Проект был назван «невероятным». Конечно, для опреснения громадного количества соленых озер требуется приток извне, каким н являлась неоднократно амударьинская вода. Но далее Н. А. Варенцов высказывает интересные соображения, считая, что «обильные пресные ключи... будут очищены н, соединившись с имеющейся теперь пресной озериой водой, через иесколько лет могут образовать проток... внешний вид его будет подходить к более или менее значительной речке». Не исключено, что возобновление течения по руслу Узбоя может действительно «очистить» выходы подземных резервуаров и дать заметную прибавку пресной воды.

Наши исследования позволяют сделать предположение о возрасте древней реки. В глинистых толщах, в основном слагающих береговые обрывы, на большом протяжении встречаются остатки пресноводных растений и редкой фауны. Следовательно, формирование их связано с рекой. По внешнему облику и видовому составу они идентичны глинам Урунжика. Одновозрастность этих горизонтов также не вызывает сомнений: они принадлежвт к раннему периоду так называемого хазарского векв. Таким образом, начало формирования Узбоя отделено от нас двумя или тремя сотнями тысячелетий, т. е. возраст его в несколько раз больший, чем принято считать.

Одновременно наш маршрут позволяет более уверенно говорить о прямой связи урунжикских тугаев с деятельностью Узбоя, обеспечившего необходимое добавочное увлажнение. Флора Урунжика интересна еще обнаружением в ее составе видов, ныне произрастающих в более прохладных горных районах Туркмении, не ниже 1000—1200 м над уровнем моря. Очевидно, в то время подобный климат господствовал на равнинах Средней Азии. Конечно, отличия от современных природных условий были небольшими: подавляющее большинство изученных видов тополя, ивы, лоха произрастает и ныне по долинам среднеазиатских рек. Но все-таки изменение климвта в сторону похолодания и увлажнения было, и это могло способствовать звромжденню Узбоя.

Пресноводные водоемы в районе Келькора существовали и раньше хвзарского времени, но связаны ли онн с еще более ранней историей Узбоя, пока сказать трудно. Известно лишь следующее: в центре Келькора поднимается гора Монжуклы. На южном склоне, в слоях, образовавшихся ив границе хазарского и предшествовавшего ему бакинского века, мною найдена ископаемая флорв, в которой много пресноводных растений; тут же — огромные раковины пресноводных двустворок, гораздо больших размеров, чем современные. Судя по толщине горизонта с флорой, пресноводный водоем существовал длительное время.

Узбой и сейчас служит людям. Водой озера Ясхан снабжается Небит-Даг. Озера Каратегелек и Топиатан используются как места водопоя. Возобновление стока по руслу могло бы вернуть к жизни древние оросительные системы. И не только их. Хочется верить, что постоянный пресноводный поток явится ключом, открывающим подземные клвдовые воды. Имеют же они сейчас выход в озера. Кто знает? История Узбоя таит в себе еще много загадочного.

Станислав Самсонов

Коротко о разном

Уникальный океанариум сооружен на Гавайских островах. Его особенность состоит в том, что в снабженных специальными устройствами аквариумах посетителям демонстрируют рыб и моллюсков, обитателей больших глубин. Для них имитируется давление двух- и даже трехкилометрового слоя воды.

Малазийскими учеными выведен оригинальный гибридный сорт пальмы, полученный от скрещивания местной породы с мадагаскарской. Целью было получить не только высокопродуктивный сорт, но и низкорослый. Действительно, ствол стал почти в два рвза ниже, а урожай кокосовых орехов значительно возрос. Понятно, что собирвть спелые орехи теперь удобнее.

Эксперимент в тропическом океане

Корабли спешат к условленному месту

В начале лета 1974 г. от причалов Ленинграда, Одессы, Севастополя, Калининграда, а также многих зарубежных портов отошли научно-исследовательские и гидрографические суда. А двумя месяцами раньше несколько кораблей покинули Владивосток и направились, пересекая весь Тихий океан, через Панамский канал в тропические широты Атлантики. Здесь, в избранном заранее районе Мирового океана, намечена была встреча более 30 кораблей разных стран. В один и тот же день — 26 июня — они должны были приступить к выполнению обширной программы совместных экспериментальных работ.

На всех кораблях, конечно, были капитаны, штурманы, матросы и другие члены судовых экипажей. Но, кроме того, на борту находились и люди науки разных степеней и званий, от заслуженных профессоров до юных лаборантов. Всех их объединяло общее дело, одна цель, ради которой они и пустились в дальнее плавание.

Встреча состоялась в назначенный срок. После обмена приветствиями и некоторыми документами каждый корабль разыскал назначенное ему место в открытом океане, определив его по звездам, солнцу, радиомаякам и спутниковым сигналам. Чтобы не потерять его в дальнейшем, каждый корабль опустил в данной точке на самое дно океана якорь, к тросу которого был привязан ярко окрашенный плавучий буй, снабженный ночной лампочкой — «мигалкой». Так начался в Атлантическом океане небывалый в истории науки международный тропический эксперимент — ТРОПЭКС-74 (или АТЭП).

Какие же цели преследовал эксперимент? Почему он международный? И почему тропический?

Прежде всего следует заметить, что этот эксперимент проводился не сам по себе, а послужил началом запланированной на много лет крупнейшей международной программы научных исследований, которые должны охватить весь земной шар. Называется она «Программа исследования глобальных атмосферных процессов». По начальным буквам этих пяти слов ее сокращенное кодовое название ПИГАП. По-английски оно состоит только из четырех букв — GARP — и означает: «Global atmospheric research programme».

Понятно, что программа, которая ставит своей целью исследование атмосферных процессов на всем земном шаре, должна быть международной: она ведь должна охватывать все континенты и все океаны. Кроме того, результаты этих исследований касаются всего человечества, это как раз то, что интересует и волнует буквально всех.

Речь идет о погоде и климате на нашей планете. Цель программы ПИГАП прежде всего в том, чтобы выяснить причины постоянных, часто совершенно неожиданных резких изменений погоды, а также причины наблюдаемых колебаний климата отдельных материков и всей Земли в целом.

А поскольку причины эти заключаются, как полагают ученые, в постоянных движениях воздушных масс атмосферы, то конечная цель программы состоит в том, чтобы создать такую физико-математическую модель этих движений, которая позволяла бы предвидеть ожидаемые изменения погоды и климата Земли.

Модель эта должна быть физической потому, что все движения в атмосфере подчиняются законам физики. И математической — чтобы прогнозы погоды можно было доверить вычислительным машинам. Но самое главное: все численные коэффициенты и параметры для уравнений математической программы придумать невозможно, их нужно взять из природы. Вот почему программа ПИГАП и начинается с наблюдательных и измерительных экспериментов.

Важность программы ПИГАП осознали не только ученые, но и правительства многих стран. Они выделили необходимые средства для осуществления первого этапа этой грандиозной программы. Что касается Советского Союза, то наши суда составляли почти половину всего исследовательского флота и на их долю приходилось около 40% всей программы работ. Несколько ранее, в 1972 г., в том же районе Атлантического океана наша страна провела с помощью шести научно-исследовательских кораблей советский национальный тропический эк-

сперимент по такой же программе. Он носил название ТРОПЭКС-72, и его можно считать генеральной репетицией основного международного эксперимента 1974 г.

Почему тропики?

Начинать исследования с тропических и приэкваториальных широт было решено не случайно. Здесь в атмосферной циркуляции заключено более всего тайн природы. Самая главная из них — закон движения воздушных потоков вблизи экватора. Известно, что в этой части земного шара воздушные течения не подчиняются законам ни северного, ни южного полушария. А каким же законам они подчиняются? Это-то и неизвестно. Как же тогда объединить в какой-либо общей модели атмосферную циркуляцию обоих полушарий?

Другая тайна — сама роль географического экватора в атмосферных процессах и в циркуляции вод в океане. Известно только, что атмосферная циркуляция северного и южного полушарий разграничивается не по географическому экватору, а по так называемой внутритропической зоне конвергенции, которую ввиду этого и называют иногда метеорологическим экватором. А в океане в то же время существует свой экватор — «термический», где воды имеют наиболее высокую температуру. Взаимоотношения и взаимосвязи между этими тремя экваторами, каждый из которых претендует на роль раздела между северным и южным полушарием, и должны быть раскрыты.

Тропическая зона океанов требует первоочередного изучения и еще по одной причине. Если представить земную атмосферу и океан как единую тепловую машину (а они таковой и являются), то последняя, имея на полюсах два «холодильника», обладает единственным постоянным и наиболее мощным нагревателем, которым служат воды тропических морей. Поэтому для любой модели теплового режима атмосферы надо точно знать, сколько накапливается ежесуточно тепла в этом нагревателе и какими путями оно распространяется по всей Земле.

Пассаты и зона конвергенции

Самая характерная особенность тропической зоны океанов — исключительно устойчивые воздушные течения — пассаты. В обоих полушариях они возникают в районе 30° широты и имеют в поверхностном слое северо-восточное направление в северном полушарии и юго-восточное — в южном. Постепенно сближаясь и замедляя скорость, пассаты образуют в конце своего встречного движения, вблизи экватора, обширную зону конвергенции (см. картосхему).

Состояние погоды в районе пассатов и в зоне конвергенции совершенно противоположно. Там, где дуют пассаты, ветрено и солнечно. Бесконечные вереницы небольших разрозненных кучевых облаков днем и ночью плывут, влекомые пассатным потоком, как воздушные корабли, от восточной половины горизонта к западной. Здесь всегда сухо, а если иногда и случится короткий мелкий дождик, его и не заметишь.

В зоне же конвергенции ветра почти нет, но небо всегда загромождено гигантскими облачными горами, из которых днем и ночью льют тихие, но чрезвычайно обильные и долгие дожди.

Размещение кораблей и «алфавит» масштабов

Для решения всех задач тропического эксперимента очень важно было расставить корабли так, чтобы вести наблюдения за процессами любых масштабов.

Систему пассатов и зону конвергенции, охватывающую тысячи километров, в эксперименте назвали «А-масштабом». Для наблюдений за этой системой использовались все корабли, распределенные более или менее равномерно в приэкваториальной части Атлантики — от берегов Африки до Америки.

Однако внутри пассатной системы время от времени появляются атмосферные возмущения в виде областей пониженного давления с циклонической циркуляцией. Такие возмущения иногда способны превращаться в тропические ураганы. Масштаб подобных циркуляций значительно меньше: он составляет сотни километров — и был обозначен как «В-масштаб». Для наблюдений за циркуляциями такого масштаба в восточной части океана был создан многоугольник из шести кораблей, поставленных на расстоянии около 300 миль друг от друга внутри зоны конвергенции.

В этой зоне очень часто возникают циркуляции еще меньшего масштаба, размером в десятки километров, в виде тесных скоплений дождевых облаков. Для наблюдений за этими облачными

скопленнями внутрн «В-шестиугольника» было поставлено еще шесть кораблей на расстоянин около 150 миль друг от друга. Это «С-масштаб».

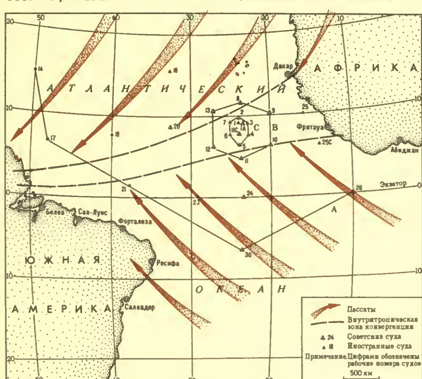
Циркуляции еще меньшего масштаба (не более нескольких километров), связанные с отдельными, особо мощными облакамн, обозначались как «Д-масштаб». Они служили объектом наблюденнй всех кораблей*.

Как проходил эксперимент

Прежде чем начать программу совместных н синхронных наблюдений, капнтаны кораблей расставили около двух десятков заякоренных буев с самопншущими прнборами, регистрнровавшими скорости н направления морских течений на различных глубинах. А участникн эксперимента начали вести наблюдения за тем, что пронсходит в океане н атмосфере, н ежечасно нзмеряли все, что может быть нзмерено.

Одной нз важных частей программы наблюдений были частые запуски радиозондов для определения скорости н направления воздушных течений, нх температуры н влажности. Результаты наблюденнй немедленно передавалнсь по радио на специально оборудованное судно связи — советский корабль «Муссон». Его радиостанция непрерывно ретранслировала получаемые со всех судов донесения в Москву, Вашингтон н другие города, а также в международный научно-органнзационный центр эксперимента, размещавшийся в спецнально вы-

* Данные по расположенню судов н некоторые сведения, относящиеся к экспернменту, былн предоставлены заслуженным деятелем науки РСФСР, профессором В. С. Самойленко нз Института океанологнн им. Ширшова АН СССР.— *Прим. авт.*



Картосхема тропического экспернмента 1974 г. во время II фазы работ

строенном городке в предместьях столицы Сенегала — Дакара. Над океаном ежедневно летали американские и советские самолеты, выполнявшие обширную программу наблюдений. Со своих орбит советские и американские спутники днем и ночью передавали на Землю телевизионные и инфракрасные изображения земной атмосферы и океана.

25 июня 1974 г. с космодрома Байконур стартовал космический корабль «Союз-14», и космонавты П. Р. Попович и Ю. П. Артюхин, перейдя на борт орбитальной научной станции «Салют-3», проводили наблюдения и фотосъемку облачного покрова над акваторией Атлантического океана.

Весь эксперимент по времени делился на три фазы, продолжительность каждой — около 20 суток. Первая фаза началась в июне, последняя закончилась в сентябре. По окончании каждой фазы корабли собирались группами в определенных точках океана для взаимной сверки научных приборов, а затем шли в ближайшие порты для отдыха, пополнения запасов продуктов, воды, топлива. Во время наиболее насыщенной наблюдениями второй фазы работ прибыло еще несколько экспедиционных судов, чтобы в рамках ТРОПЭКСа -74 провести еще один эксперимент — «экваториальный». Цель его — исследовать изменчивость океанических течений вблизи экватора. В этот период в океане вели наблюдения более 30 кораблей из Советского Союза, США, Канады, ГДР, ФРГ, Франции, Англии, Бразилии, Мексики и других стран. Часть судов находилась в движении.

В конце августа все корабли собрались в Дакаре. Необходимо было обсудить многие проблемы, возникшие в процессе эксперимента. В течение недели происходили оживленные обсуждения, дискуссии, встречи ученых разных национальностей. Здесь царила атмосфера исключительной доброжелательности, теплоты, чисто человеческих отношений. Ученые разных стран проявили огромное стремление выполнить одну общую задачу, имеющую столь большое значение для всего человечества.

Что показал эксперимент

Конечно, сейчас можно говорить только о первых результатах эксперимента. Потребуется еще немало времени и труда, чтобы обработать, провести соответствующие расчеты, систематизировать и проанализировать все полученные материалы. Но уже сейчас можно сделать ряд выводов, приоткрывающих завесу над теми тайнами тропической зоны океанов, о которых говорилось выше. Все они оказались тесно связанными. Фактическим постоянным разделом между воздушными потоками северного и южного полушария служит внутритропическая зона конвергенции, которую на этом основании можно условно назвать «метеорологическим экватором». Однако такое название не совсем удачно, потому что это очень широкая зона (до 400—500 миль) с отчетливо выраженным северным и южным краем, где конвергенция максимальна (см. картосхему).

С географическим экватором зона конвергенции никак не связана. Она может иногда с ним совпадать, но в Атлантическом океане летом всегда находится севернее экватора на 8—12°, а в западной Африке — на 15—18°.

Наблюдения кораблей, располагавшихся по углам шестиугольников масштаба «В» и «С», позволяли вычислять «величину» конвергенции, которая, как оказалось, служит главным и почти единственным «правителем» погоды в тропической зоне океанов. Размеры об-

Советское исследовательское судно «Академик Курчатов».
Фото Л. Евсеевой

лаков и количество осадков прямо пропорциональны «величине» конвергенции.

Прояснилась тайна законов воздушных течений вблизи экватора. Действительно, «барический закон ветра», обусловленный градиентами атмосферного давления и отклоняющей силой вращения Земли, по мере приближения к экватору утрачивает свою силу и, по-видимому, перестает действовать уже близ 5-й параллели.

В Атлантическом океане пассат южного полушария, достигнув экватора, пересекает его и, подчиняясь только силе инерции, сохраняет вплоть до 5° с.ш. свое юго-восточное направление и силу, приобретенные им на долгом предшествующем пути в южном полушарии. Лишь удалившись более чем на 500 км от экватора, он начинает испытывать действие слабых градиентов барического поля и силы Кориолиса, поворачивает вправо, принимая сначала южное, в затем юго-западное направление. Для северного полушария это направление ветра контрпассатное. Обычно эти ветры в тропической зоне конвергенции служат естественным компенсационным по отношению к пассатам потоком воздуха. Таким образом, в приэкваториальных широтах ветры имеют или инерционную, или компенсационную природу.

Теперь о «термическом» экваторе. Атлантический эксперимент показал, что в приэкваториальной атмосфере содержится максимально возможное на Земле количество водяного пара. Здесь образуются наиболее мощные, горообразные облака. Поэтому тепловое излучение атмосферы здесь настолько велико, что общий приток радиационного тепла к океану намного больше тех потерь, которые связаны с испарением воды и отдачей тепла воздуху. Каждые сутки создается избыток тепла в среднем от 100 до 200 кал/см^2, или от 1 до 2 млн. кал/м^2. Достаточно вспомнить, насколько велика поверхность тропической зоны Мирового океана, чтобы представить себе колоссальную мощность «нагревателя» тепловой машины, именуемой земной атмосферой.

Как же действует она, снабжая теплом весь земной шар? Тропический эксперимент показал, что это «поручено» природой Мировому океану, циркуляция вод в котором подчиняется воздушным течениям и от них неотделима.

Распространение тропического тепла в Атлантическом океане происходит следующим образом. Вблизи зоны атмосферной конвергенции под действием пассатных ветров в океане создается тоже конвергенция теплых вод. Здесь образуется «термический» экватор. Но одновременно с этим пассатные ветры создают в океане систему пассатных течений, которые непрерывно переносят теплые воды с востока на запад и концентрируют их в водах Карибского моря и Мексиканского залива, откуда Гольфстримом они транспортируются в умеренные и высокие широты северного полушария. Этот механизм дальнего переноса действует наиболее интенсивно в зимнее время года.

Летом же тепло, концентрирующееся в западной части тропической зоны, превращается в кинетическую энергию возникающих здесь время от времени разрушительных тропических ураганов.

Что будет дальше?

Авторам этих строк глубоко запомнились последние дни совместной работы ученых разных стран. Когда подошла к концу третья, заключительная фаза эксперимента, все суда собрались в последний раз для сверки приборов. И во время этой сверки произошло никем не запланированное прощание экипажей кораб-

Вид на Атлантический океан из Фритауна

лей. Над океаном разносилось «Спасибо», «До свидания» на русском, английском, немецком, испанском языках. Долго не умолкали гудки кораблей. Люди разных стран благодарили друг друга за совместную работу и выражали надежду вновь встретиться в океанских просторах для участия в новом, еще более грандиозном научном эксперименте.

И такой эксперимент не за горами. К нему идет интенсивная подготовка во всех странах. Он будет называться «Первый глобальный эксперимент ПИГАП», сокращенно ПГЭП. Его продолжительность — с сентября 1978 по сентябрь 1979 г. Около 50 кораблей будут размещены тогда во всех океанах земного шара. Ученый мир ждет этот эксперимент с нетерпением и надеждой.

Лариса Евсеева,
Вячеслав Степанов

Коротко о разном

Более 400 лет рассказы испанских конкистадоров о том, что в сельве по берегам Ориноко они встречали индейцев-пигмеев, причисляли к тем же экзотическим легендам, к которым относится и их рассказ об Эльдорадо.

Однако совсем недавно в Венесуэле было сделано удивительное открытие. При строительных работах на окраинах Каракаса траншейный экскаватор начал поднимать на поверхность в своих черпаках кучи костей. Прибывшие на место происшествия ученые смогли подсчитать, что в земле лежало около двух тысяч скелетов, захороненных примерно 600 лет назад. Все они принадлежали взрослым людям очень маленького роста. Одним словом, было случайно найдено кладбище южноамериканских пигмеев.

Археологам пришлось раскопать в архивах хроникальные записи от 1530 года, чтобы заново с ними познакомиться. И в них оказался весьма детализированный рассказ о том, что индейцы-пигмеи жили только в лесах, охотились на дичь с помощью коротких копий. Они были физически слабы и не могли служить носильщиками в отрядах завоевателей. Все они ходили голыми и носили ожерелья из морских ракушек.

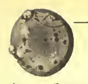
Земля на месте находок была просеяна самым тщательным образом, и ученые обнаружили сотни морских ракушек с аккуратными дырочками для того, чтобы составлять бусы... Итак, оказалось, что конкистадоры были правдивыми в своих сообщениях о пигмеях. Ученые из ГДР намереваются заняться поисками ответа на вопрос, почему же вымерли лесные карлики?

Теперь альпинистов, собирающихся штурмовать Джомолунгму (Эверест), к подножию горы сопровождают специальные группы егерей. Дело в том, что недавно в этих районах создан национальный парк Сагарматха. В горные леса завезены тигры и леопарды, медведи и другие хищники. Несколько ниже поселили слонов и оленей.

●

Археологов давно волновали загадки, связанные с происхождением так называемых колоссов Мемнона — двух памятников древнеегипетской скульптуры, возведенных более 3 тысяч лет назад близ Луксора. Сейчас эти колоссы начали открывать ряд своих тайн. Во-первых, с помощью изотопных приборов их взвесили. Весят они по 720 т. Цифра вполне солидная как для той эпохи, так и даже для нас. Во-вторых, найдено место, где были добыты камни для этих гигантских памятников. Раньше считалось, что кварцитовые глыбы были вырублены в скалах близ Асуана, т. е. за 200 км от Луксора. Теперь же точные спектрографические анализы структуры минерала показывают, что камни добыты близ Каира, т. е. за 700 км от того места, где они ныне стоят.

Каким же способом египтяне доставили глыбы к месту их обработки мастерами перед дворцовым комплексом? Ученые считают, что в транспортировке от карьера до Нила могло участвовать до 15 тысяч рабов. Они тянули камни по деревянным каткам с помощью веревок. Затем против течения реки глыбы перевозились на плотах из десятков плоскодонных лодок. На каждой из них было по 32 гребца.



Астроблемы и тектиты

В 1974 г. с помощью американской автоматической станции «Маринер-10» были получены подробные фотоснимки поверхности Меркурия — ближайшей к Солнцу планеты. Ее внешнее сходство с Луной оказалось настолько полным, что лишь специалист способен различить, какое небесное тело изображено на снимке. А за несколько лет до этого советские и американские радиолокаторы, прощупав сквозь облачный слой Венеры ее рельеф, обнаружили и на этой планете кратеры, морфологически сходные с кратерами Луны, Марса и Меркурия. Складывается впечатление, что кратерность — главная характерная особенность космических соседей Земли. Почему же тогда нашу планету не коснулось это правило, почему ее рельеф совсем не похож, скажем, на лунный?

Принято считать, что причина этой особенности Земли в ее мощных и разнообразных формах эрозии, стремящейся, хотя и безуспешно, превратить реальную поверхность Земли в совершенно гладкую и ровную. Такому финалу препятствуют прежде всего внутренняя активность Земли, процессы горообразования, разнообразные движения земной коры. Но есть и второй, внешний, космический фактор — удары падающих на Землю метеоритов. Если метеориты невелики, земная атмосфера почти полностью затормаживает их полет, и тогда с высоты 20—25 км они падают на Землю, как свободно брошенное тело, образуя при этом небольшие ямы — так называемые ударные кратеры. Другое дело — исполинские метеориты с поперечником в десятки и сотни метров. Почти не потеряв своей космической скорости (в среднем примерно 30—40 км/сек), они при соударении с поверхностью Земли буквально взрываются. Сильнейший удар разрушает кристаллическую решетку метеорита, который превращается по существу в очень сильно сжатый газ. Мгновенно расширяясь, этот газ и производит взрыв; образуется воронка — взрывной метеоритный кратер, или астроблема (буквально — «звездная рана»). Несомненно, что многие из кратеров Луны, Меркурия, Венеры и Марса образовались именно таким образом. Другие же (в основном крупные) кратеры имеют вулканическое происхождение, подобно земным кальдерам. В земных условиях отличить кальдеру от астроблемы вполне возможно. В кальдере и ее ближайших окрестностях встречаются изверженные вулканические породы, в астроблемах — следы раздробленных и переплавленных при ударе метеорита поверхностных земных пород. Заметим, что большая часть вещества метеорита, образовавшего астроблему, испаряется. Однако в небольших количествах космическое вещество встречается и в астроблемах.

Долгое время крупнейшей астроблемой считался Аризонский метеоритный кратер с поперечником 1,2 км и максимальной глубиной 175 м. За последние два десятилетия найдены полуразрушенные эрозией несравненно большие астроблемы — около семи десятков. Кроме того, обнаружено еще около полусотни образований, которые после дальнейших исследований могут оказаться астроблемами.

Судя по ряду факторов, в прошлом метеоритная бомбардировка Земли и ее соседей была гораздо интенсивнее, чем сегодня, да и космические «снаряды» были покрупнее теперешних. Не будь атмосферы, наша планета имела бы вполне лунный облик. Но и сейчас сквозь наслоения последующих эпох полустертые временем и эрозией земные астроблемы все же обнаруживаются — чаще при наземных исследованиях, иногда при наблюдениях из космоса.

На территории Советского Союза исследовано восемь крупных астроблем. Самая большая — Попигайский метеоритный кратер диаметром около 100 км. Находится он в Сибири, восточнее полуострова Таймыр, и образовался примерно 30 млн. лет назад. Именно здесь в те времена в нашу планету врезалось тело с поперечником 20—30 км, то есть малая планета из пояса астероидов. Попигайская астроблема заполнена разрушенным при взрыве земным веществом (так называемой взрывной брекчией) и импактитами — стекловидными переплавленными силикатными породами. Есть и другие подобные астроблемы меньших размеров. Одна из них, с поперечником около 15 км, расположена возле Калуги, а возникла она также десятки миллионов лет назад. К северу от Ладожского озера

есть еще одна, схожая с Калужской, астроблема, ныне заполненная водой. Образовалась она очень давно — не менее 700—800 млн. лет назад.

Источником метеоритов, в частности исполинских, порождающих астроблемы, служит пояс малых планет, или астероидов, который находится между орбитами Марса и Юпитера. Наибольший из астероидов — Церера — имеет поперечник 770 км, наименьшие из изученных (Гермес, Икар) — около 1 км. Общее число астероидов очень велико. Среди этих, как считают, обломков более крупных тел, несомненно, есть и такие, поперечники которых измеряются метрами и сантиметрами. В сущности метеоритами мы называем те из астероидов, которые из-за вытянутости своих орбит сталкиваются с Землей. Происхождение кольца астероидов неизвестно. Есть, однако, немало аргументов в пользу того, что это осколки крупной планеты, размером с Марс, которая обращалась вокруг Солнца на расстоянии в 2,8 раза большем, чем Земля. Под действием каких-то внутренних взрывных процессов эта планета, названная Фаэтоном, распалась на части, которые затем, сталкиваясь и дробясь, превратились в современный пояс астероидов.

Расположение урочища Жаманшин

Если это так, изучение метеоритов и астроблем может раскрыть причины гибели Фаэтона и выявить катастрофические фазы, возможно присущие эволюции некоторых планет. В этом отношении особый интерес представляют тектиты — загадочные образования, природа которых до сих пор не вполне ясна.

В отличие от обычных метеоритов, среди которых встречаются экземпляры весом в сотни и тысячи тонн, тектиты невелики. Большинство из них с лесной орех и весом в несколько десятков граммов. Самые большие тектиты достигают размеров куриного яйца при весе до 0,5 кг.

Тектиты впервые были обнаружены около двухсот лет назад на территории современной Чехословакии, в окрестностях реки Влтавы. Местные крестьяне, обрабатывая землю, «выпахивали» на поверхность удивительные стеклянные камешки. Их шлифовали, и тогда они становились блестящими и красивыми, с гладкой темно-зеленой поверхностью. Из тектитов стали изготовлять бусы и другие украшения, пользовавшиеся успехом у богемских девушек.

Позже тектиты были найдены и в других районах Земли. Внешне они очень напоминают богемские хризолиты, несколько отличаясь от них только окраской.

Чарлз Дарвин во время кругосветного путешествия на корабле «Бигль» в 1884 г. обнаружил тектиты на острове Тасмания. Считая тектиты земными образованиями, Дарвин описал их как разновидность вулканических бомб, выбрасываемых из жерл вулканов во время извержения.

Позднее на Австралийском материке были найдены тектиты, поразившие ученых необычной формой. Одни из них напоминали пуговицы, другие были удивительно похожи на грибы, третьи — на песочные часы. Имелись здесь и полые стеклянные шары величиной с яблоко при толщине стенок всего 1 мм, будто какой-то шутник выдул из природного стекла некое подобие мыльного пузыря.

Стеклянные шары, как впоследствии оказалось, не могут считаться исключи-

Некоторые типы тектитов

тельной принадлежностью Австралии. Тектиты такой странной формы были найдены на многих островах Малайского архипелага.

Среди них встречаются экземпляры различной окраски. Кроме темнозеленых, напоминающих по цвету бутылочное стекло, известны коричневатые и даже черные. Внутри некоторых из них, найденных на острове Тасмания, видны скопления крохотных металлических шариков железо-никелевого состава.

Химический состав тектитов изучен хорошо. В них преобладает так называемая кремнекислота SiO_2, составляющая в отдельных экземплярах 75—90% химических элементов. Примерно такое же процентное содержание кремнекислоты и в обыкновенном стекле. Но в отличие от последнего вязкость тектитов гораздо значительнее. Возможно, это объясняется меньшим содержанием щелочи и большим — глинозема. Температура плавления тектитов близка к 1400°, тогда как обыкновенное стекло начинает плавиться при 1250°.

На поверхности тектитов легко различимы складки, морщины и углубления, несколько напоминающие те, которые наблюдаются у обычных метеоритов. Некоторые ученые рассматривали этот факт как одно из доказательств космического происхождения тектитов. Правда, падения тектитов на Землю никто еще не наблюдал. Но это не значит, что когданибудь такое падение не станет твердо установленным фактом. Ведь известно, что в течение почти полутораста лет шел спор о происхождении глыбы, найденной в XVIII в. в Сибири русским академиком П. Палласом. Но в 1902 г. на глазах у многих очевидцев произошло падение метеорита, который оказался по природе сходным с Палласовой глыбой. Это послужило убедительным доказательством космической природы палласитов.

В последнюю четверть века внимание ученых привлекли стекловидные образования иного типа, чем тектиты, но, возможно, связанные с ними общностью происхождения. Речь идет о кусках стекла, которые были обнаружены в некоторых метеоритных кратерах. Почти все они (названные силикагласом) имеют осколочную форму и в отличие от тектитов обладают светлой окраской и большей прозрачностью. То обстоятельство, что многие из них были найдены вокруг и внутри метеоритных кратеров, заставило думать, что силикаглас представляет собой переплавленный земной кварцевый песок. Высокая температура, возникающая при ударе крупного метеорита, расплавляет некоторые из земных пород, что и приводит к образованию этого естественного стекла.

Любопытно, что в кусках силикагласа, найденного в аравийских метеоритных кратерах, присутствуют мельчайшие железо-никелевые шарики, очень похожие на те, которые встречаются и в тектитах. Возможно, в момент взрыва железо-никелевого метеорита его расплавленные металлические брызги смешиваются с раскаленными жидкими массами кварцевого песка.

Большие залежи силикагласа были найдены в 30-х годах текущего столетия в Ливийской пустыне. Они занимают овальную площадь; ее наибольший диаметр 130, наименьший 53 км. В 200 км от этих залежей были найдены многочисленные куски такого же стекла, стеклянные наконечники копий, кварцитовые топоры и другие каменные орудия древних обитателей этой местности.

Казалось бы, в районе обильных залежей силикагласа должны быть огромные метеоритные кратеры. Однако самые тщательные поиски не увенчались успехом. Не найдено здесь и ни одного тектита. Связь между силикагласом и тектитами остается невыясненной.

Некоторые тектиты встречаются в песке и глине третичной эпохи. Другие обнаружены в ледниковых отложениях. По мнению сторонников космического происхождения тектитов, стеклянные метеориты несколькими роями выпали на Землю миллионы лет назад, в конце третичного или начале четвертичного периода нашей эры.

С другой стороны, сходство тектитов с силикагласом заставляет многих считать тектиты продуктом переплавления земного песка при падении на Землю в далеком прошлом крупных метеоритов. Разрушительное действие воды и ветра стерло следы древних метеоритных кратеров и разрушило даже осколки метеоритов. Но весьма стойкие стеклянные тектиты сохранились до сих пор как безмолвные свидетели давних падений метеоритов.

Советский исследователь Д. П. Малюга обнаружил, что в тектитах количественные отношения некоторых элементов (железа, кобальта, меди, никеля и других) очень схожи с теми, что в земных осадочных породах, но зато резко отличаются от обнаруженных в каменных метеоритах. Это говорит как будто о земном происхождении тектитов. К тому же возраст их неве-

лик — всего около 10 млн. лет. Между тем возраст большинства метеоритов в десятки и сотни раз превышает первый.

До последнего времени на территории нашей страны не удалось найти ни одного тектита. Но в 1975 г. кандидат геолого-минералогических наук П. В. Флоренский сообщил, что в одном из районов Северного Приаралья он нашел загадочные образования, весьма напоминающие тектиты.

Урочище Жаманшин, где они обнаружены, представляет собой круглую впадину диаметром около 10 км. Ее невысокий вал разрушен эрозией, а вокруг вала встречаются перемешанные и разрыхленные породы — последствия взрыва, образовавшего воронку. Вулканическое ее происхождение исключается: здесь нет извергенных пород, но зато внутри воронки найдены многочисленные стеклянные камешки размером от 2 мм до 3 см. Некоторые из них напоминают застывшие брызги, другие имеют весьма причудливую форму, но несомненно, что формировались они при температуре не менее 1700—2000°, вдвое превышающей температуру лавовых излияний. Кроме того, обнаружены куски черных и шлакоподобных образований размером от 10 см до 1 м, не похожих на вулканические стекла. Короче говоря, тщательное исследование показало, что урочище Жаманшин — типичная, сравнительно небольшая астроблема.

Среди стекловидных образований, найденных внутри этой астроблемы, особое внимание П. В. Флоренского привлекли темные стекловидные камешки, напоминающие осколки почти черного бутылочного стекла. По химическому составу (недостаток щелочей, избыток кремнезема и глинозема) и другим свойствам П. В. Флоренский пришел к выводу, что они представляют собой тектиты. Так как астроблема Жаманшин находится в бассейне реки Иргиз, то эти тектиты были названы иргизитами.

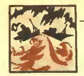
Однако некоторые советские ученые считают, что иргизиты — всего лишь импактиты земного происхождения, то есть стекловидные образования из земных силикатных пород, возникшие при ударе метеорита. Родина же тектитов — космос. Их крайняя обезвоженность, сравнимая лишь с обезвоженностью ядерных шлаков, включения метеоритного железа и другие особенности свидетельствуют, по мнению Г. Г. Воробьева, о том, что тектиты никак не могли образоваться в земных условиях. Около десяти лет назад американские исследователи нашли в тектитах бадделеит — минерал, встречающийся в искусственных стеклах. Это новая загадка тектитов еще более осложняет решение проблемы их происхождения. По мнению П. В. Флоренского, иргизиты возникают в основном из земного вещества при взрывном воздействии упавшего метеорита, хотя возможна в них и примесь метеоритного материала.

Если прав Г. Г. Воробьев, тектиты представляют собой особый класс стеклянных метеоритов. По мнению автора этих строк, тектиты образовались из поверхностных силикатных пород планеты Фаэтон при тех ядерных взрывных процессах, которые когда-то погубили эту планету.

Как бы там ни было, открытие астроблем и тектитоподобных образований на территории нашей страны имеет огромное научное значение. Исследования этих объектов по существу лишь начаты, и, несомненно, нас еще ждут многие сюрпризы.

Феликс Зигель

Иргизиты, найденные П. В. Флоренским



Кейпроллеры

Наверное, каждый моряк отдает себе отчет в том, что с его судном может стрястись беда. Ведь случается же, что корабли тонут в результате столкновений на море, садятся на мель или разбиваются о подводные скалы. Бывает, на суднах вспыхивают пожары и даже происходят взрывы. Если бы не подобные случайности да не стихия, то можно было бы считать, что современные суда абсолютно надежны. Грозная стихия для современных судов, построенных из лучших материалов в строгом соответствии с научными расчетами, уже не столь опасна, как в прежние времена. И все же...

Когда ровно в полдень 31 мая 1968 г. танкер «Уорлд Глори» отдал швартовы и величественно отплыл из кувейтского порта Мена-эль-Ахмади, ни у кого из очевидцев этого события не возникало сомнений относительно благополучного окончания начатого рейса. Все как будто говорило о том, что носящий довольно претенциозное название танкер («Уорлд Глори» в переводе с английского «Всемирная слава») без происшествий и своевременно придет в испанский порт Уэльва и выгрузит там 48 823 т кувейтской нефти.

Сегодня «Уорлд Глори» считался бы средним танкером. Сейчас эксплуатируются нефтеналивные суда дедвейтом свыше 300 тыс. т, а появились сообщения о постройке танкеров дедвейтом до 800 тыс. и даже 1 млн. т.

Но в 1954 г. спуск «Уорлд Глори» на воду ознаменовал начало эры супертанкеров. Со стапеля американской фирмы «Бетлехем стил» сошло судно, представлявшее по тому времени последнее слово танкеростроения. К моменту завершения постройки танкера в мире эксплуатировались лишь пять коммерческих судов, которые были крупнее его,— пассажирские лайнеры «Куин Мэри», «Куин Элизабет», «Иль де Франс», «Либерте» и «Юнайтед Стейтс». Нефтью, умещавшейся в танках этого судна, можно было загрузить караван автоцистерн протяженностью 30 миль. Супертанкер «Уорлд Глори» был гордостью флота, принадлежавшего судовладельцу Ниархосу.

В октябре 1967 г. корабль прошел освидетельствование Американского бюро судоходства, и состояние его обшивки было признано хорошим. В момент отплытия из порта Мена-эль-Ахмади танкер, согласно документам, был «...крепок, исправен, безопасен для плавания, укомплектован личным составом и в достаточной мере обеспечен провизией».

И все же он обрел свой конец на дне Индийского океана, переломленный волнами пополам, словно тонкая хворостина о коленку. Судном, носившим «удобный» либерийский флаг, командовал опытный моряк, сорокалетний капитан Димитриос Андруцопулос. Члены экипажа танкера (все, кроме радиста, греки) также были сведущими моряками.

Погода 31 мая была отличная, сияло палящее солнце. Маршрут судна пролегал в южном направлении: через Персидский залив, Аравийское море, западную часть Индийского океана до южной оконечности Африки; здесь танкеру предстояло обогнуть мыс Доброй Надежды и выйти в Атлантику.

Капитаны эпохи парусного мореходства с опаской и неохотой водили свои суда к восточным берегам Южной Африки. Этот район Индийского океана пользовался скверной репутацией у тогдашних мореплавателей. С суеверным ужасом рассказывали моряки о возникающих там из океанской пучины горообразных «кейпроллерах» — чудовищных волнах-убийцах, которые вздымаются порой выше мачт парусных судов.

В далеком прошлом множество португальских, голландских, английских и французских галеонов, занятых в сказочно прибыльной торговле с Ост-Индией, пали жертвами кейпроллеров при подходе к малоисследованному южноафриканскому побережью для пополнения запасов пресной воды.

И в наши дни кейпроллеры становились причиной бедствия на море. Так, в 1908 г. довольно крупный пароход «Уората», принадлежавший судоходной компании «Блю Анкор», бесследно сгинул на переходе из Дурбана в Кейптаун. Вместе с ним в воду канули 211 человек. Тайна исчезновения «Ураты» осталась нераскрытой, но сведущие моряки убеждены, что судно это потоплено кейпроллерами. В 1965 г. южноафриканские кейпроллеры причинили серьезный

ущерб пассажнрскому лайнеру «Эдниборо Касл».

По мере расширения судоходства через Суэцкий канал количество судов, огибающих мыс Доброй Надежды, сокращалось. За какие-нибудь несколько десятилетий поблекла зловещая слава кейпроллеров. Ко времени закрытия Суэцкого канала в июне 1967 г. многие бывалые моряки не только ни разу не плавали у юго-восточных берегов Африки, но н слыхом не слыхивали о кейпроллерах.

В 1968 г. гибель танкера «Уорлд Глорн» напомнила всему миру о том, что даже для самых современных судов кейпроллеры так же опасны, как и для старинных галеонов. Первые 12 дней плавания прошли без особых событий. Старший помощник капитана Ставрос Ананиадис, один из 10 членов экипажа, переживших гибель своего танкера, сообщил в показаниях, что до юго-восточного побережья Африки в районе Наталя плавание проходило в нормальных условиях. Погода была хорошей, волнение моря — умеренным, н «Уорлд Глорн» продвигался вперед с обычной эксплуатационной скоростью 16 узлов.

Первый сигнал о прнближавшемся ненастье был получен 12 июня, в день накануне катастрофы; в 11 часов по местному времени кейптаунское радио сообщило, что ожидается юго-западный ветер от умеренного до сильного н что на море возможно волнение от умеренного до значительного; спустя 10 часов судовая радиостанция приняла штормовое предупрежденне для района, находившегося к югу от танкера. Другнх предупрежденнй на корабль не поступало.

Жестокий шторм обрушился внезапно 13 июня в 5 часов утра. Капнтан Андруцопулос поспешнл на мостик. Увидев размеры волн, он тотчас прнказал сбавить ход. В 5 часов 20 минут он снова велел снизить ход, на этот раз до 5 узлов. С этого момента капитан маневрировал судном на малой скорости, удерживая его против ветра н волн. Огромные водяные валы перекатывались через нос танкера н расплескивались бурунами вокруг средней надстройки.

Вот как опнсан океан в свидетельском показаини старшего помощника капитана Ананнаднса: «Волны былн очень крутые... Колоны полумачт были вровень с вершинамн волн».

Пожарный матрос Константин Марказис нз Афин за все 8 лет работы на море не видал такого шторма. Он нес вахту с 8 до 12 часов н был встревожен «...очень крутыми волнамн». Рулевой Ангелос Манцарнс нес вахту в то же время н также был напуган сильным волненнем моря. «За всю свою жнзнь не видал я такнх волн»,— рассказывал он впоследствии. Шторм усиливался, и второй механнк Мнцопулос Апостолос, несший вахту в машинном отделеиии, услышал зловещие удары, доноснвшиеся откуда-то нз глубнны,— странные, грохочущие звуки, ничего подобного которым он прежде ие слыхал. Это в стальную обшивку танкера бились волны.

Подгоняемые юго-западным ветром, который с каждым часом крепчал, валы разрастались до огромных размеров. Пятнадцатиметровые гиганты с сокрушительной силой обрушивались на танкер.

«Бортовая качка отсутствовала, судно нспытывало лишь килевую качку,— сообщал впоследствнн старпом Ананиадис.— Волны через иос захлестывали палубу н бились о среднюю надстройку, доставая до мостика».

Снова и снова «Уорлд Глорн» стряхивал с себя массы воды, упрямо пробиваясь вперед. Капитан Андруцопулос еще раз прнказал сбавить ход; теперь судно шло с минимальной скоростью, необходимой для сохранения его управляемости; оно придерживалось лучшего из возможных курсов — в разрез волны. Единственное, что капитану оставалось делать,— это ждать, когда шторм утихнет.

Вскоре после полудня нз Дурбана было получено специальное сообщение о том, что в течение ближайших 18 часов ожидаются неослабевающие юго-западные штормовые ветры, иа море — очень сильная зыбь. Дурбан нзвещал также о первых жертвах шторма: двое матросов с западногерманского судна «Вильденфельс» былн смыты волиамн за борт.

Электрнк Сократос Вандорос оказался первым нз спасшихся, кто видел, как ударила первая волна-убнйца. Это случилось в 14 часов 55 минут. Вандорос был свободеи от вахты н решил выпить чашечку кофе на камбузе, расположенном на корме. Чтобы попасть туда, ему надо было пройти через дверь, из которой танкер просматрнвался по всей длине до самого носа. Вандорос увидел, что нос судна очень сильно зарывается в набегающие волны, которые перехлестывалн через него; вода,попадавшая на палубу, образовывала водовороты.

Затем, свидетельствует Вандорос, «...я увидел впереди огромнейшую волну, в которую корабль зарылся носом, затем, по мере того как волна продвигалась к корме, нос снова начал подниматься, и тут я вдруг заметил, что он находится под каким-то необычным углом к остальной части корпуса». Вандоросу понадобилось несколько секунд, чтобы понять: танкер разламывался у него на глазах.

Этот гигантский вал — высота его равнялась примерно 20 м — приподнял танкер над водой; в какой-то миг нос и корма судна остались без опоры; под действием их веса корпус перегнулся, и верхняя палуба дала трещину позади средней надстройки.

Радист Барри, двадцативосьмилетний ирландец, услышал сначала громкий треск, а затем почувствовал, как судно содрогнулось. В радиорубке погас свет. Барри подбежал к иллюминатору, выходящему на корму. Антенны радиостанции были порваны и свисали, чем-то напоминая перерезанные сухожилия гигантского зверя. А на палубе, поражая своей невероятностью,чернела поперечная трещина шириной 3 или 4 дюйма. «Не веря своим глазам,— показывал Барри,— я смотрел на эту трещину в течение нескольких секунд. Трещина расширялась и сужалась в такт качке судна».

У Барри создалось впечатление, что обе части танкера были пока скреплены днищем. Продольный переходной мостик погнулся, но не был разломлен, хотя поручни его лопнули и концы их торчали кверху.

Тут на «Уорлд Глори» накатил еще один массивный вал, резко задравший нос судна вверх. Снова раненный танкер сильно содрогнулся, и все на его борту услыхали леденящий душу звук ломающегося и рвущегося на части металла. У корабля, имевшего трещину по верхней палубе, переломился хребет — его днище.

Старпом Ананиадис в это время находился в своей каюте. Он подбежал к иллюминатору и увидел, что танкер разорван пополам. Обе части судна уже разделяло пространство примерно в метр ширимой. Каюта Ананиадиса располагалась в носовой половине. Он накинул спасательный нагрудник и выскочил на мостик.

В тот момент, когда танкер переломился, третий механик, Иоханнис Каларас из Коринфа, нес вахту в машинном отделении. Он ощутил ужасный толчок и почувствовал интуитивно, что танкер переломился пополам. Каларас тотчас остановил двигатели и хотел связаться с мостиком, но из этого ничего не вышло. Носовая половина танкера со средней надстройкой и ходовой рубкой уже была отделена несколькими метрами открытой воды от кормовой части, находясь в которой Каларас тщетно пытался воспользоваться машинным телеграфом.

Пожарный матрос Константин Маркакис отчетливо помнит, что у себя в каюте он дважды услыхал «громкие звуки» и почувствовал , как танкер «дважды встал на дыбы». В Греции Маркакис показал: «Никогда прежде я не испытывал ничего похожего на эту качку. Танкер качало очень резко и сильно. Взлеты и падения были необычны для судна подобных размеров, частота взлетов и падений была просто невероятной».

Когда Маркакис вышел на палубу, он увидел, что танкер разделился на две секции, расходящиеся в противоположные стороны; из них выливалось содержимое грузовых танков.

Раздался крик: «Пожар!» Это запылала разлившаяся по морю нефть, угрожая превратить разъединенные секции танкера в огненные могилы для членов экипажа. Трудно установить, что произошло потом. В показаниях спасенных содержалось описание лишь разрозненных эпизодов случившегося. В них говорилось о панике и смятении и в то же время об удивительном хладнокровии и мужестве людей, внезапно оказавшихся перед лицом смертельной опасности.

Никогда не удастся установить, сколько людей было смыто за борт в момент катастрофы; известно только, что 8 членов экипажа собрались на ходовом мостике в носовой части танкера. Это были капитан Андруцопулос, старпом Ананиадис, радист Барри, двое матросов, второй и третий помощники, буфетчик.

Старпом Ананиадис стал пускать сигнальные ракеты, надеясь привлечь внимание проходящих в пределах видимости судов. На горизонте виднелся силуэт какого-то судна. Позже было установлено его название — это был танкер «Шеврон Франкфурт». Две ракеты рассыпались красными огнями высоко в небе, третья разорвалась в руках старпома: в спешке он нечаянно схватил ее не за тот конец. Тут между обеими секциями танкера вспыхнуло буйное пламя, и старпом решил, что оно вполне заменит сигнал бедствия.

Капитан Андруцопулос, быстро оценив обстановку, приказал радисту Бар-

ри: «Передай в эфнр SOS». Баррн, только что прибежавший по распоряженню старпома на мостик, поспешил обратно в радиорубку, но обнаружил, что вся она залита водой. Иллюминаторы выдавлены, н с каждой волной в рубку, образуя водовороты, врывалась смешанная с забортной водой нефть. Вернувшись на мостик, Баррн доложил: «Аппаратура выведена нз строя. Я не могу передать сигнал бедствия».

В штурманской имелся запасной радиопередатчик. Баррн с одним нз матросов с трудом открыл дверь этого помещения; в тот же момент оба моряка были сбиты с ног хлынувшим оттуда потоком воды и нефти. Передать в эфнр сигнал бедствия так н не удалось.

Передняя секция танкера все больше н больше погружалась в воду. Однн нз матросов, с трудом добравшнсь до мостика, доложил, что спасательная шлюпка левого борта может быть смыта в океан. Капитан н старпом бросились на левое крыло мостика, н в этот момент на танкер обрушился очередной гигантский вал. Оба моряка нсчезлн за бортом. Капитана никто больше не видел.

Шестеро моряков, оставшнхся на мостике, отступили к правому борту, подальше от ударов волн. Затем по одному они сталн прыгать в море. Передняя половина танкера тонула, задрав нос. На мостике оставались лишь радист н второй помощник. На Баррн был одет надувной спасательный нагрудннк, у второго помощника его не было. Молодой нрландец предложил греческому моряку тоже одеть спасательный нагрудник: «Я собираюсь прыгать за борт. Пошли со мной». Второй помощник показал на бушующий океан н спросил: «Куда ты собираешься попасть?» Он так н не надел нагрудника н не пытался покинуть тонущий танкер. Когда волна смыла Барри за борт, второй помощник все еще оставался на судне.

На палубе кормовой половнны танкера после катастрофы собралась еще бо́льшая, чем на носу, группа моряков. Между частями разорванного судна бушевало нефтяное пламя, и старшнй механик, опасаясь взрыва, приказал спустить на воду спасательную шлюпку правого борта. В этот момент огромный вал окатил то, что осталось от танкера, залив пламя своей пеной. Видя, что пожар потушен, а кормовая секция остается на плаву, стармех приказал всем выйти нз шлюпкн. Через несколько мннут шлюпку в щепкн разбило о борт танкера.

И все же люди не терялн надежды пережить шторм. Былн задраены все водонепроницаемые люки, закрыты все забортиые отверстия. Моряки организовалн несение вахт. Однн нз матросов просигналил фонарем SOS на танкер «Шеврон Франкфурт», сигнал был замечен. С этого судна сообщенне о катастрофе на «Уорлд Глорн» ушло наконец в эфнр. Казалось, что кормовая секция не сдается океану, н у моряков крепла надежда на спасенне. В теченне двух с половиной часов корма бешено плясала на бушующих волнах.

Около 17 часов 30 минут ситуация нзменилась к худшему. Передняя часть кормы начала погружаться в море. Под ударами тяжелых масс воды внутренние переборкн стали давать трещины н лопаться; в океан хлынули новые потокн нефти. В 19 часов на корму обрушились два особенно огромных вала, после чего она тоже стала тонуть.

Моряки перебралнсь на ют, откуда соскальзывали в покрытую нефтью воду. Корма приняла вертикальное положенне н пошла ко дну, сбрасывая уцелевшнх людей в океан. На фоне вечернего неба мелькнул силуэт огромного гребного вннта.

Тот факт, что несколько человек нз экипажа «Уорлд Глорн» все-таки спаслись в этом бушующем аду, кажется невероятным. Их спасение можно объяснить теплой погодой. Последние нзмерения, сделанные на танкере перед катастрофой, показалн, что температура воздуха н забортной воды была +21°С.

Несмотря на теплую погоду, спасшиеся подвергались невообразнмо суровым нспытаниям. Старпом Ананиадис пробыл в море 24 часа, прежде чем его выловило нз воды китобойное судно. Радист Баррн, будучн неважным пловцом, держался на воде только благодаря спасательному нагруднику н был подобран другим китобойцем после 23-часового «купання». Третнй механнк, Каларас, пробыл в воде 18 часов. Пожарный матрос Маркакнс, ослепленный нефтью, к моменту спасення находился в воде 20 часов.

Трагическая статнстика этого крушения такова: 22 человека нз экипажа «Уорлд Глори» погнбли в штормовом океане. 10 моряков, которых выловили нз воды полумертвымн от нзнеможення н пропитаннымн нефтью, никогда не смогут забыть иенстовую, страшную силу кейпроллеров.

Случай с «Уорлд Глорн» послужил серьезным предупрежденнем об опасности загрязнения окружающей среды у

берегов Южной Африки. Нефть с «Уорлд Глори» растеклась по океану на 130 миль, приблизившись к побережью ЮАР на расстояние 20 кабельтовых. Потребовалось три самолета и 12 судов, чтобы с помощью особых детергентов рассеять это гигантское дрейфующее пятно. Угроза загрязнения побережья была ликвидирована лишь спустя 12 дней, чему немало способствовали благоприятные ветры и течения.

В 1973 г. газеты сообщили еще об одной жертве кейпроллеров — английском сухогрузном судне «Бенкруэйкан», потерпевшем бедствие у южноафриканского побережья. «Бенкруэйкан» направлялся в Дурбан для бункеровки, когда «неизвестно откуда» появилась волна высотой около 14 м, переломившая ему днище. К счастью, конструкция этого судна оказалась достаточно прочной, и оно, оставшись на плаву, было отбуксировано в Дурбан.

Поскольку термин «кейпроллеры» основательно забыт, англоязычные газеты, сообщившие об этом случае, все до единой употребили выражение "freak waves", которое можно перевести как «ненормальные, уродливые волны».

«Ненормальные? — удивились южноафриканские океанографы.— Ничего подобного! Самое обычное для всех этих краев явление».

Как бы в подтверждение этого, 17 мая 1974 г. кейпроллеры снова заявили о себе. Норвежский танкер «Вильстар», находясь неподалеку от Дурбана, следовал в юго-западном направлении. Был шторм, судно шло в разрез волн, которые набегали на танкер сериями по 7 штук. Вдруг капитан увидел, что очередная серия состоит всего из 6 волн; на месте седьмой перед судном разверзлась глубочайшая впадина, и оно, что называется, клюнуло носом. Тут, неизвестно откуда, перед танкером исполинской горой выросла седьмая волна. Ударив по носу со страшной силой, она снесла носовую бульбовую наделку, оставив в корпусе судна зияющую пробоину; куски дюймовой стальной обшивки корпуса исчезли, будто сорванные гигантской рукой. Бимсы — стальные балки толще железнодорожных рельсов — были сломаны, как спички. Волна исчезла, а изувеченное судно чуть не стало добычей штормового океана. К счастью, спасателям удалось отбуксировать его в Дурбан, где ущерб, причиненный танкеру неудачным «рандеву» с кейпроллером, был оценен в 1,4 млн. долларов.

Для мореходства район у побережья Индийского океана между Ист-Лондоном и Дурбаном один из самых опасных в мире. В этом районе присутствуют два природных фактора, которые сами по себе не опасны для морских судов, но взаимодействие которых может порождать катастрофические явления. Это узкая материковая отмель (континентальный шельф) с крутым уклоном морского дна и быстрое течение около мыса Игольного (Агульясово течение), проходящее вдоль побережья с северо-востока на юго-запад.

Между Порт-Шепстоном и Порт-Сент-Джонсом материковая отмель имеет особенно крутой уклон; у этого, можно сказать, обрыва Агульясово течение выходит близко к поверхности океана. При сильном юго-западном ветре вода поверхностных слоев гонится навстречу естественному волнению, вызываемому указанным течением, и создается ситуация, при которой «может произойти все, что угодно». Волны, вызываемые юго-западными штормовыми ветрами, вступают во взаимодействие с течением и налагаются друг на друга.

Между наложенными волнами создаются глубокие впадины, или ложбины, которые вдвое больше, чем впадины между волнами при обычной зыби. Так рождаются кейпроллеры, волны-убийцы, встреча с которыми может оказаться роковой для любого судна.

Геннадий Дмитриев

Невероятная история Теда Коловея

Событне, которое произошло летом 1968 г. в амернканском городе Денвере (штат Колорадо), было действнтельно необычайным. Американцы, прнвыкшие к сообщениям об убийствах н ограблениях, очень удивилнсь, узнав из газет о необыкновенном прнключеннн Теда Коловея в лабнринте городской канализацнн.

А героем этой невероятной нстории был один нз тех людей, кто по-настоящему любил свою нелегкую работу контролера городской каналнзации н добросовестно относился к своим обязанностям. За долгие 18 лет работы Тед в совершенстве изучил огромный лабирннт каналнзацни Денвера, прекрасно орнентировался в подземных коридорах н сборных каналах длиной в десятки километров, знал на память многне тупики, галерен н перекрестки, в которые днем н ночью сливалнсь нечистоты целого города. С удовлетвореннем спускался он в мрачное подземелье н, пройдя десяток километров, появлялся где-нибудь в другом районе Денвера. Все шло благополучно до конца 1963 г., когда нежданно-негаданно пришла беда. Тед попал в автомобильную катастрофу н в тяжелом состоянии был доставлен в больницу, где ему пришлось провести два года. Еще два с половиной года он долечивался дома, медленно восстанавливая свое здоровье. По мере выздоровления Тед все больше тосковал по работе, томясь вынужденным бездельем. За все время болезни выполнение его обязанностей никому не поручалн, н только люди нз техслужбы через каждые несколько месяцев проходили вдоль главных коллекторов, чтобы проверить, все ли в порядке. От коллег, навещавших его, Тед знал, что место контролера по-прежнему свободно, н просто не мог дождаться дня, когда снова спустится в подземный лабирннт. Было удивнтельно, что этот уже не молодой человек, перенесший жестокий удар судьбы, мечтал вернуться на такую напряженную работу, хотя н мог найти себе что-нибудь полегче.

Но Тед Коловей твердо решил поработать еще несколько лет контролером.

И вот наступило долгожданное лето 1968 г., когда слегка волнуясь, но довольный н счастливый, Тед снова облачился в резиновый костюм, надел на голову защитный шлем нз пластика н, сойдя в подземелье, стал систематическн обходить части каналнзационной сети, проверяя ее состояние. Казалось, ничего не изменилось с тех пор, как он последний раз прошел здесь несколько лет назад. Те же ннзкие полукруглые своды, с которых сочилась н капала вода, тот же скользкий грязный пол, та же гнетущая тишнна, нарушаемая глухим стуком его сапог. Но что-то все-такн было не так, как прежде. Что-то все же изменилось. Но что? Тед на минуту остановился н огляделся вокруг себя, мучительно стараясь понять, что же все-такн вызвало в нем такое беспокойство. И вдруг он вспомнил. Крысы! Вот кого не хватало сейчас здесь, и как это он забыл про этих хозяев подземелья. Раньше онн буквально кишелн здесь, н ни одна, даже самая сильная, дератизация не смогла бы очистить подземелье от орд прожорлнвых грызунов. Теперь же в этом секторе не было нн одной крысы.

«Куда онн подевалнсь?»,— размышлял Тед Коловей н продолжал шагать по подземному коридору, все время освещая фонарем влажные стены н своды, нща в них трещины н другие повреждения, которые необходнмо было устранить. Тед снова остановился н, скинув маску, глубоко вдохнул в себя воздух. Теперь ему показалось, что и запах в этой части каналнзацнн стал другим. Постояв еще немного, он одел маску н пошел дальше, охватываемый все большим внутренним беспокойством. Свод постепенно становился все ниже н ниже, и ему прнходнлось продвнгаться вперед, низко наклонив голову. Если бы он только знал, какая встреча ожидает его через несколько мннут н что придется пережить, то, наверное, не раздумывая, бросился бы назад с однным желанием побыстрее оказаться на поверхности. А пока он продолжал идтн вперед, разрезая светом фонаря могильную темноту подземного коридора н осторожно ступая по полу, чтобы не упасть в грязную вонючую жижу, И вдруг какой-то необъяснимый, подозрительный шум заставил Теда остановиться. Он затаил дыханне н прислушался. Нет, все было тихо. «Видимо, показалось»,— сказал про себя Тед, продвигаясь уже не так

увереино, как прежде. «Что-то нервы у тебя стали сдавать, старина. Кто может быть в этом подземелье, кроме тебя?» — говорил сам себе Тед, внутренне предчувствуя что-то недоброе. И снова ясно и отчетливо раздался тот же шум, а затем послышался удар, будто два камня ударились друг о друга. Тед посветил фоиарем впереди себя н... остолбенел. В иескольких шагах от иего, в канале, в котором было больше грязн, нежелн воды, лежал крокодил.

Тед стоял и не мог пошевелиться. Холодные капли пота выступили иа лице, а тело, словно окаменев, перестало повиноваться ему. Широко раскрытыми глазами ои смотрел, как четырехметровый гигант медленно вылезал нз грязи, перебирая своими короткими толстыми ногами. Крокодил сомкнул челюсти и раздался леденящий душу треск, который привел в себя Теда Коловея. «Помогите! На помощь!» — закричал он обезумевшим голосом и, рванувшись с места, в панике побежал в обратном иаправлении. Его крики о помощи прокатились многоголосым эхом и замерли без ответа где-то в бесчисленном переплетении подземных ходов и перекрестков, ие оставляя Теду никакой надежды иа спасеиие со стороны. Ему пришлось смириться с мыслью, что здесь, иа глубнне 7 метров под поверхностью асфальта, можно было надеяться только иа самого себя. И поэтому Тед бежал все дальше и дальше, стремясь поскорее уйти от опасного места и стараясь ие думать об ужасиой встрече, хотя проклятый крокодил и стоял все время перед глазами. Тед не оборачивался: в глубине души теплилась надежда, что хищник остался иа том же самом месте, где он его встретил. Хотелось остановиться, перевести дух и посмотреть, нет ли сзади чудовища, ио одна только мысль о том, что можно бесследно исчезнуть в брюхе гигантского пресмыкающегося, прнводила его в смятеиие и гнала дальше.

Неожиданно Тед упал в грязную канаву с нечистотами, а когда встал и выбрался иа каменную тропу, решил оглянуться. «То, что ои увидел, было ужасно. Крокодил преследовал его н, несмотря иа короткие ноги, прнближался довольио быстро. Вблизи человека хищиик сомкнул челюсти и раздался щелчок. При этом звуке Тед словио получил толчок в спину н, сорвавшнсь с места, помчался дальше, а крокодил преследовал его, передвигаясь по узкой канаве. «Только бы ие подвела память, только бы ие ошибиться и достичь выхода»,— лихорадочно думал ои. На первом перекрестке, там, где каналы образовывалн малую галерею, Тед свериул по коридору направо и здесь на бегу ударился о железиую решетку, которая закрывала проход. Свет померк в глазах, и, чтобы не упасть, ои схватился рукой за решетку. Из рассечеииого лица текла кровь, ио ои не ощущал боли. Чувство горечи и стыда охватило его. Сколько раз за время долгой работы здесь ои проходил с краю этой решетки, а теперь налетел на нее, как слепой котеиок.

Но медлнть было иельзя. Из мрака уже доиосилось зловещее топанье крокодила, и Тед побежал иалево от решетки. Сердце стучало в груди, дышать становилось все труднее, резиновый костюм затруднял движение, ио Коловей иадеялся на спасенне и был увереи, что этот коридор приведет к выходу. «Еще 300 метров,— думал ои,— и будут железные ступеньки, заделанные в стеиу, по ним можно добраться до люка, выходящего на улицу». Еще 200 метров... Еще 100... и Тед поиял свою ошнбку. Страх и паническое бегство привели в тупик. Отчаяние охватило его, уже было поверившего в спасеиие. «Вот она смерть»,— промелькнуло у иего в голове, и, как бы в подтвержденне, сзади раздался знакомый щелчок. Это был страшнейший момент в жизни Теда Коловея, намного страшиее того дня в июне 1944 года, когда ои во время высадки в Нормандии полз в простреливаемом пространстве под огнем немецкого пулемета.

Теперь ои иаходился в капкане, глубоко под землей, однн иа один с большим пресмыкающимся, которое неумолимо приближалось, как будто было увереио, что двуногий плеиник на этот раз не ускользиет от него. Тед прочно оперся плечами о стеиу, судорожно держа фонарь. И вот круг света залил широко раскрытую огромную пасть, вооружеииую острымн редкими зубамн, готовымн сокрушить все живое. Но что это? Крокодил вдруг остановился, н его большие глаза, ослеплеиные ярким светом, сожмурились и закрылись. Он застыл, как по мановению волшебной палочки, с разинутой пастью, грозный, ио беспомощный перед яркнм светом, преградившнм ему путь. «Свет — это спасеиие»,— промелькнуло в голове Теда, и ои вытянул руку с фонарем поближе к безобразиой морде крокодила. Круг света плясал иа широких иоздрях и больших глазиицах рептилии, продолжавшей ие-

подвижно стоять на своих коротких толстых лапах. Воспользовавшись моментом, Тед собрал все свои силы и, перескочив животное, снова бросился бежать.

Крокодил был ослеплен и не сразу возобновил преследование, это дало возможность пленнику снова уйти вперед. И может быть, обстоятельства сложились бы совсем иначе, если бы Тед не поскользнулся и не упал во второй раз, выронив при этом фонарь, отлетевший от него на несколько метров. К счастью, свет не погас, и он быстро поднялся, намереваясь поскорей схватить свое оружие. Но оказывается, для этого уже не было времени, так как крокодил оказался возле фонаря почти в тот же момент, что и человек. На этот раз хищника не остановил фонарь, который лежал в жидком слое грязи и бросал свет в темноту. Он, не раздумывая, кинулся на Теда. В последнее мгновение тот опередил преследователя и, касаясь рукой влажной стены, чтобы как-то ориентироваться, устремился вперед. «Только бы не упасть еще раз. Только бы не упасть»,— выстукивали его сапоги в темноте подземного коридора.

Силы покидали измученного человека. Сердце билось так сильно, словно хотело выскочить из груди. Тед знал, что если сейчас он упадет, то уже не поднимется. «Неужели все конечно. Нет! Я буду жить и найду путь к спасению»,— подбадривал себя Тед и, изнемогая, бежал дальше. И вот ему показалось, что вдали появилось пятно дневного света. Действительно, через несколько шагов он уже не сомневался, что был на верном пути. Там, впереди, должен быть выход на улицу, и это придало ему новые силы. Тед слышал, как животное, привыкшее к темноте, в спешке молотит хвостом о края бетонной канавы. Ближайшие секунды могли стать решающими. Расстояние между преследуемым и преследователем быстро сокращалось. Хищник будто чувствовал, что человек может уйти от него навсегда и такой крупной добычи он никогда больше не встретит в этом подземелье. А света становилось все больше и больше, и Теду было уже значительно легче ориентироваться. Он вбежал в зал, где три малых отводных канала сливались в один большой. Он узнал это место и вспомнил, что средний из них — самый короткий. По этому каналу достаточно пробежать 15 метров, чтобы достичь железной лестницы, по которой можно добраться до выхода на улицу. Не задерживаясь ни на секунду, Тед вбежал в узкий коридор и, опираясь правым плечом о шероховатую стенку, чтобы не потерять равновесия и не упасть в канал, поспешил дальше. А крокодил настигал человека, его хвост волочился по бетону с шуршанием, все время напоминавшим Теду о грозящей опасности. Однако и до спасения было рукой подать. Тед нащупал рукой железную лестницу и успел подняться на первую ступеньку, когда крокодил настиг его. Сильные челюсти пресмыкающегося сомкнулись в пустоте. На какие-то доли секунды Тед сумел опередить хищника, успев поднять ногу над его пастью. Взбираясь по заделанным в стену ступенькам, которые прочно хватал потными ладонями, он услышал еще несколько жутких щелчков. Крокодил бросался на Теда, стараясь достать его зубами. Коловей преодолел последние пять ступенек, которые отделяли его от тяжелой чугунной крышки, но случилось непредвиденное. Несмотря на то что Тед напрягал все свои силы, крышка не трогалась с места. Лишь позднее он узнал, что в этот момент на ней стояли колеса грузового автомобиля.

Послышался сильный шум воды. Крокодил оставил в покое своего пленника и быстро пополз в направлении главного канала. Тед знал, что означает этот шум: на очереди промывка канала. Масса воды потечет по нему, чтобы смыть накопившуюся грязь и крупные отбросы, которые попали в канализацию. Для крокодила это был, вероятно, сигнал для принятия пищи: поток приносил ему отходы и падаль, которыми он питался.

Теперь Тед вздохнул с облегчением. Опасность миновала, и, так как крышка не поддавалась, он подождал еще полчаса и потом осторожно спустился по ступенькам вниз, намереваясь достичь соседнего обводного канала, из которого также можно было выбраться наружу. Достаточно было пройти метров тридцать, чтобы оказаться у цели. Тед подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и спустился на дно. Однако, пройдя несколько шагов, услышал хорошо знакомое топанье. Крокодил возвращался. Он был недалеко и, почуяв человека, щелкнул челюстями, но его пленник уже взбирался по лестнице, решив, что, если потребуется, проведет на ней и несколько дней.

Однако прошло только минут десять. Когда Тед, уже не зная в который раз, нажал плечом на тяжелую крышку, она легко поднялась. Глаза ослепила струя дневного света. Пешеходы с удивлением

наблюдали, как из люка появлялась голова в защитном шлеме, и, конечно, никто не мог даже предположить, что пережил этот человек под землей. Но на следующий день его имя стало известно многим. Газеты сообщили об удивительном приключении Теда Коловея, а спустя некоторое время выяснилось, как крокодил попал в городскую канализацию.

Все оказалось очень просто. Летом 1962 г. семья Симпсон отдыхала во Флориде, вблизи болот, в которых водятся аллигаторы. Там мистер Симпсон купил маленького, только что вылупившегося крокодиленка. Его привезли домой, в Денвер, и стали держать как домашнего любимца. Крокодильчик понемногу рос. Однажды, когда рабочие ремонтировали трубу для отвода воды из бассейна в саду, они оставили открытым колодец домашней канализации. Крокодил, который к тому времени достиг полуметровой длины, использовал эту возможность и исчез. В доме Симпсона поднялась тревога, но никто не вспомнил о том, что о побеге аллигатора необходимо сообщить в полицию. Просто никому не пришло на ум, что их домашний любимец за годы мог вырасти в четырехметровое чудовище.

Узнав, что в городской канализации находится крокодил, команда зоологического сада организовала его отлов. Хищника схватили, ослепив светом, и отправили в зоологический сад. Там он получил кличку Тед, по имени человека, который чуть не стал его жертвой.

Вячеслав Удалов

Коротко о разном

Недавно вдоль берегов озера Апольонт в Турции проводилась новая дорога. Во время строительства рабочие наткнулись на остатки крепостных стен и домов большого города. Археологи, не ожидавшие здесь такой находки, определили, что 2000 лет назад здесь находился укрепленный римский город. Название его нашли на одной из каменных плит: Мелидеполис. Он прекратил свое существование под ударами диких кочевых орд в IV веке н. э. При раскопках нашли множество ваз и амфор, украшений и монет. Были откопаны и грандиозные остатки акведука. Там же найдена бронзовая фигура Юпитера, перевезенная сразу же в Стамбул. В развалинах одного из римских дворцов ученые увидели чудесную мозаику, сохранившую яркий голубой цвет. На ней изображены дельфины, играющие в морской воде.

●

Лечебные свойства березового сока общеизвестны. Финские врачи выявили еще одну полезную сторону этого природного продукта. В городе Котка открыт научный центр по изучению и пропаганде целебных свойств березового сока. В частности, там выпущены рекомендации по предупреждению заболеваний зубов у детей. Сладкие сиропы и леденцы на основе сока не вызывают кариеса. Более того, они приостанавливают развитие кариеса.

●

Историки, трудившиеся на окраине Ниццы в поисках античных развалин, неожиданно обнаружили самый древний дом Европы — жилище неандертальцев. Ему 300 000 лет. Такую цифру установили после нескольких анализов. На ровной площадке можно было увидеть следы большой хижины с фундаментом овальной формы. Длина ее примерно 15 м, а ширина — 6. Дом первобытных людей огражден аккуратно подобранными камнями со следами обработки. Посредине когда-то находились столбы, поддерживающие крышу. В самом центре жилища был очаг — выдолбленная базальтовая плита диаметром 60 см. В ней хорошо сохранился до наших дней пепел, который сейчас уже находится за стеклом витрины одного из музеев Парижа. Ведь это — остатки самого древнего кострища в Европе. Ученые нашли и свидетельства весьма разнообразного рациона неандертальцев — кости оленей, слонов, носорогов, птиц, диких быков, зайцев.

●

Обезьяны не водолюбивые животные. Однако на острове Ява обитает редкостная на нашей планете обезьяна, которая умеет не только отлично плавать, но и нырять. Под водой она способна пребывать до полминуты. За это время она успевает поймать рыбу или схватить со дна съедобную ракушку. Самки начинают приучать к воде своих детенышей со второго месяца после рождения.

Ключи на дне моря

Пресная вода в море

Возле греческого порта Неаполис на полуострове Пелопоннес прибрежные воды бороздит рыбацкая моторная лодка. Внешне «Медуза» мало чем отличается от сотен других моторок, но экипаж ее необычен. Команде из геологов, физиков и инженеров предстоит нелегкая задача — найти в море... пресную воду. Они вооружены специальным устройством для определения содержания соли в воде. Принцип его работы прост; он основан на том, что электропроводность воды пропорциональна концентрации соли. Благодаря датчикам, укрепленным на рулевом пере лодки, с борта «Медузы» можно наблюдать малейшие отклонения в солености водной среды. Пересекая зону речного устья, мы прослеживаем, как изменяется соотношение морской и речной воды: самописец непрерывно регистрирует на ленте барабана содержание соли.

Летом реки Пелопоннеса высыхают, и тем не менее концентрация соли в прибрежных водах весьма различна. Руководствуясь показаниями приборов, мы удаляемся на несколько сот метров от скалы и затем направляемся в район меньшей солености. Там вода уже не так спокойна и, пожалуй, похолоднее, чем в других местах,— признаки пресноводных ключей на морском дне.

Обнаруженные нами источники различны по своей мощности. Иногда пресная вода бьет ключом с глубины 20—30 м. В Кивери, неподалеку от Неаполиса, напор пресной воды со дна моря столь силен, что на поверхность она вырывается бурлящим валом. Лишь какое-то мгновение лодка удерживается на гребне этой своеобразной горки пресной воды и тут же отбрасывается в сторону неистовым водоизвержением.

С давних пор известны такие ключи в прибрежных полосах моря. Они встречаются у берегов Греции, вдоль югославского побережья Адриатического моря, где за ними закрепилось хорватское название врульес — «бурлящая вода». Очень давно аналогичные явления были обнаружены в акватории возле Туниса и Ливана. Ливанский источник считается самым мощным. Каждую секунду он извергает 50 куб. м воды. Этого количества вполне хватило бы, чтобы снабдить питьевой водой такой гигантский город, как Нью-Йорк. На суше источники сравнимой мощности встречаются лишь в карстовых районах, вблизи известняковых горных образований.

Какова же природа выхода пресной воды со дна моря? Изучение подводных источников помогает нам проникнуть в их тайну: попадающиеся в воде листья и другие кусочки растительности — свидетельство того, что истоки находятся на материке. Стало быть, вода с суши поступает по некой подземной сети, заканчивающейся на морском дне.

Вода в большей части врульесов на югославском побережье даже в летние месяцы довольно прохладная: 10—12°. Такова же приблизительно и температура в береговых пещерах. Обычно источники, температура которых летом на десятиметровой глубине заметно выше, чем морской воды, особенно мощны: струя вырывается из скальных пород со дна моря с такой силой, что даже наиболее искусный ныряльщик не может приблизиться к отверстию — поток выбрасывает пловца на поверхность. Создается впечатление, будто под известковыми горами устроена настоящая дренажная сеть. Фактически так оно и есть на югославском побережье Адриатики. Конечно, подземные «гидротехнические сооружения» естественные.

Уровень океана стал выше

Сам факт, что пресноводные источники на дне моря расположены в некотором удалении от берега, довольно любопытен. Вполне естествен вопрос, почему такие источники, как Тимаво возле Триеста или Омбла у Дубровника, да и остальные, не находятся выше, по берегу или непосредственно у границы моря.

Судя по всему, карстовая водная сеть ледникового периода оканчивалась на побережье и лишь много времени спустя устья подземных рек были затоплены морем. Гигантские ледовые купола, когда-то на многие километры возвышавшиеся в горных и полярных районах, растаяли вследствие общего потепления климата, происшедшего приблизительно 10 тысяч лет назад. Метр за метром подни-

мался уровень Мирового океана, затоплялись прибрежные участки суши, и реки вынуждены были отступать, а в тех случаях, когда они имели подземные карстовые русла с выходом у берега, их устья навсегда скрывались под толщей морской воды.

В результате мощного таяния материковых ледников уровень океана поднялся на 80—100 м. Так образовались пресноводные ключи на морском дне. Их мощность зависела от притока воды из материковой зоны. И если сила течения была в состоянии преодолеть давление морской воды, они сохранились и по сей день.

Чем более замкнута пещерная сеть и чем меньше она имеет выходов на суше, тем вероятнее источники в глубоководье. Известны случаи выхода пресной материковой воды на островах, далеко отстоящих от берега. Древняя карстовая сеть здесь как бы играет роль естественного водопровода.

Морские мельницы Аргостолиона

Но не одни лишь пещеры, затопленные послеледниковым наступлением моря, и не только глубинные пресноводные источники представляют интерес среди карстовых явлений.

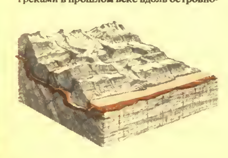
В Ионическом море на острове Кефалиния у небольшого городка Аргостолион в прибрежных скалах находится водяная мельница. Сооружение это не совсем обычно: его огромное колесо вращается так, словно скатывается в море. Работу здесь совершает не стекающий с берега речной поток, а морская вода, которая устремляется в скальные расселины, расположенные на 1 м ниже уровня моря сразу же за мельницей. Массивная створка регулирует сток воды таким образом, чтобы он был постоянным.

Много таких мельниц было построено греками в прошлом веке вдоль островного побережья у расселин — поглотителей морской воды. Местные жители называли их «катавотрами». Мощное землетрясение 1952 г. разрушило большинство сооружений, но морская вода все так же продолжает просачиваться внутрь земли через отверстия у самой кромки моря и на дне возле берега. По расчетам, подземная утечка составляет не менее 200 л/сек. Это не может не удивлять, даже если известно о том, что здесь под водой развитая карстовая сеть.

Австрийские аквалангисты в одной из затопленных соленой водой пещер извлекли с 26-метровой глубины конкрецию*, возраст которой исчисляется 20 тысячами лет. Такой вид свисающей конкреции не мог образоваться в водной среде. Стало быть, еще в ледниковый период уровень моря был ниже карстовой сети Кефалинии.

После таяния ледников в островном подземелье оказался свой, словно заранее изготовленный природой, водопровод. Прозрачно синие воды затопленных пещер восточного побережья, о которых только что шла речь, медленно перетекают в море. Поверхность здешних озер превышает уровень морской воды приблизительно на 1 м. Анализ состава воды, взятой из пещерного озера, показал, что она не так солена, как морская, но имеет ее специфический привкус. Концентрация соли достигает лишь 0,03%, что в 100 раз меньше, чем в морской воде. Очевидно, последняя, просачиваясь у мельниц, расположенных в 15 км, проникает в недра острова и смешивается с озерными водами. Доказать это удалось гидрологам Маурину, Зетлю и Матеушу. Однако

* Конкреции — отложения углекислого кальция, образующиеся в результате вытекания из пещер богатой известью воды. Формы конкреций разнообразны. На сводах пещер — это сосульки, гребешки, треугольнички, мантии. На дне гротов образуются сталагмиты, стенки, горки, панцири.

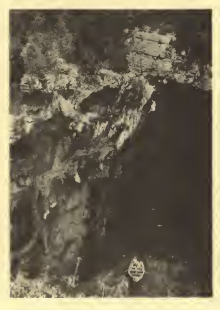


Схематический разрез карстовой системы с выходами на морском дне у югославского побережья Адриатики

их первая попытка окончилась неудачно. Чтобы проследить за судьбой морской воды, исчезающей у мельниц,в расселины было сброшено 40 кг флуоресцина*. В течение недели исследователи тщательно наблюдали за водными источниками на острове. Но безрезультатно.

Эксперимент оказался эффективным, когда в катавотры спустили 160 кг флуоресцина. На пятнадцатый день в пещерных водах восточного побережья, удаленных от мельниц на полтора десятка километров, появилась краска. А несколькими днями позже уже многие источники восточного побережья Кефалинии имели такую же интенсивную окраску. Теперь уже не стал более загадкой маршрут подземных вод на острове. Оставалось выяснить, каким образом морская вода, уходя под землю на отметке 1 м ниже уровня моря, достигает

* Флуоресцин — красящее вещество, используемое для маркировки водных течений.



Озеро с солоноватой водой в гроте Мелизани на острове Кефалиния

пещерных озер, поверхность которых превышает этот уровень на метр?

Не вызывало сомнений, что западный берег острова связан с восточным сложной и глубокой пещерной сетью карстового происхождения. Однако это не объясняло наличия морской воды в гротах.

Морские течения и ветры не причастны к данному явлению. Если бы тут причиной были приливы, то тогда в моменты отлива места стоков воды превращались бы в источники, чего не наблюдается.

Циркуляция соленой воды происходит, по-видимому, согласно простому принципу сообщающихся сосудов, суть которого в следующем: если в сосуд U-образной формы наливать в одно из колен воду, то в другом колене вода начнет также подниматься; перемещение воды происходит до тех пор, пока уровни в обеих частях не установятся на одной высоте. Если же с одной стороны залить масло, то его уровень будет выше, чем воды в другом колене из-за разницы в удельном весе.

Естественная водная сеть в недрах острова Кефалиния образует своеобразную систему сообщающихся сосудов. Западная ветвь системы наполнена соленой водой с удельным весом 1,03 г/см^3, вода в восточных ответвлениях имеет удельный вес лишь 1,0003 г/см^3. Это и объясняет различие в уровнях воды в пещерах западного и восточного побережий, причем величина этой разницы позволяет рассчитать наиболее низкую точку подземной водной системы.

Разумеется, необходим приток извне пресной воды, разбавляющей соленую морскую. Поступает в систему пресная вода главным образом за счет осадков на острове, высшая точка которого достигает 1600 м. Пресная вода смешивается с подземными токами морской воды на глубине около 70 м ниже уровня моря, далее разбавленная соленая вода поднимается по карстовым каналам к востоку, усиливая тем самым на западе отток морской воды, которая вращает мельничные колеса в Аргостолионе.

В том, что карстовая сеть расположена на семидесятиметровой глубине ниже уровня моря, как мы теперь знаем, нет ничего удивительного: по сравнению с ледниковым периодом уровень океана поднялся, как говорилось, на 80—100 м.

Снова о ключах Кивери

Выходы пресной воды со дна моря имеют еще некоторые особенности. Так,

воды источников Кивери (в районе Неаполиса)несколько подсолены. Предполагается, что в ряде мест вдоль пелопоннесского побережья на дне моря происходит инфильтрация соленой воды в карстовые каналы, несущие с материка пресную воду.

Отвод пресных вод со дна моря и эксплуатация источников, имеющая большое хозяйственное значение в районах с недостаточным водоснабжением, стали возможны благодаря тщательному изучению физических закономерностей и механизмов водотоков в карстовых образованиях.

Забор пресной воды из источника неизбежно вызывает увеличение давления на выходе. Это в свою очередь ведет к возрастанию уровня пресной воды в верхней части карстовой сети. Морская вода не может просачиваться в источники. Скорее происходит обратное: пресная вода местами инфильтруется в каналы, наполненные морской водой.

Отвод пресной воды в Кивери стал возможен благодаря именно этому принципу. При установке отводного устройства инженеры с тревогой отмечали возрастание содержания соли в выбираемой воде. Но немного погодя этот уровень, достигавший 0,2%, снизился до 0,001%. Добываемая таким образом со дна моря вода обладает обычными вкусовыми качествами, получение ее обходится в 100 раз дешевле, чем опреснение электролизным способом морской воды. Циркуляция пресной воды по карстовой системе в прибрежной зоне практически исключает возможность смешения с нею морской воды. Теперь селение Арголида обеспечено питьевой водой.

Эрнст В. Бауэр
Перевод с французского
Людвига Ремизова

Неподалеку от Афин на морском побережье во впадине сбросового происхождения образовалось озеро из пресной воды

На морях и континентах Селены

Погожим июньским днем 1974 г. в просторной аудитории МГУ собрались советские и американские ученые, чтобы подвести итоги космическому этапу исследования естественного спутника Земли, взглянуть через «испещренное кратерами, запыленное лунное окно» на извечные земные проблемы и загадки.

Восстановим в памяти, как проходили исследования Луны.

Первым селенографом был Галилео Галилей. В 1609 г. он направил на Луну самодельный телескоп и поразился: «Поверхность Луны неровная, шероховатая, испещренная углублениями и возвышенностями. Как поверхность нашего земного шара делится на две главные части, земную и водную, так и на лунном диске мы видим великое различие: одни большие поля более блестящие, другие — менее...»

Темные пятна на Луне назвали морями. Так появились Море Дождей, Море Облаков, Спокойствия, Ясности, Влажности, Океан Бурь и др. А вот воды на Луне не оказалось. Ни воды, ни воздуха, ни жизни. Правда, достоверно узнали о последнем уже в наши дни.

В начале XX века телескоп соединили с фотоаппаратом, и, когда был издан фотоатлас Луны из 280 карт, старт к ней взяла первая ракета — советская автоматическая станция «Луна-1». Начался космический этап изучения Селены. Он сразу же обогатил наши представления о вечном и единственном спутнике. Люди увидели обратную сторону Луны, доселе скрытую из-за совпадения периодов ее обращения вокруг Земли и своей оси. Фотографии обратной стороны впервые передала «Луна-3». И оказалось: нет на обратной стороне больших темных пятен, как на видимой. А пятна эти — моря без воды, базальтовые плато — представляют собой результат бомбардировки поверхности Луны миллиарды лет назад гигантскими метеоритами. В трещины и воронки, образовавшиеся от этих ударов, изливалась, как из жерла земных вулканов, базальтовая лава. Почему эти «моресоздающие» удары пришлись в основном на видимую сторону, пока неясно. И это далеко не самая сложная из нерешенных лунных загадок.

Съемки Луны с помощью космических ракет убедили землян в том, что лик Селены испещрен оспинами — ударными метеоритными кратерами самого разного калибра. Однако вблизи ее поверхность удалось рассмотреть лишь через семь лет после первого прилунения, когда мягкую посадку совершила «Луна-9». И сразу же рассеялся миф о том, что поверхность Селены покрыта толстым слоем пыли. Последующие запуски советских и американских спутников Луны позволили многое узнать о том, что творится в ее недрах. Изучая орбиту этих спутников, измерили момент инерции — свойство вращения планеты. И стало ясно, что плотность Луны мало меняется с глубиной. И уж во всяком случае нет у нее такого плотного, тяжелого (железного?) ядра, как у Земли. И еще: эти спутники «не почувствовали» сильного магнитного поля Луны, но зато четко отметили резкие увеличения поля тяготения в районах круглых морей видимой стороны: Дождей, Нектара, Ясности, Влажности, Кризисов. Будто там сконцентрировалась масса тяжелого вещества из недр (их так и назвали, «масконами») или же захоронены глыбы тяжелых метеоритов. И еще задолго до взятия проб лунного грунта спутники по характеру гамма-излучения предрекли различия химического состава пород «морей» и «континентов».

В сентябре 1970 г. в равнинный район Моря Изобилия опустилась автоматическая станция «Луна-16». Из нее выдвинулась штанга с буровым станком, электробур за несколько минут погрузился в грунт. Полученный керн был упакован в герметичный контейнер возвращаемого аппарата и, преодолев 400 тыс. км, попал в лаборатории геологов. Второй автомат, «Луна-20», в феврале 1972 г. взял пробу из материкового района, разделяющего моря Кризисов и Изобилия. Третий, «Луна-24», в августе 1976 г.— из юго-восточной окраины Моря Кризисов. Породы морей оказались темными базальтами, материковые — светлыми анортозитами, богатыми окислами алюминия. И те и другие известны на Земле, только содержание сопутствующих

и редких элементов в них разное. Это опровергает гипотезу «отрыва» Луны от Земли. Но породы и достаточно схожи для того, чтобы не подтвердить вариант «захвата» готовой Луны с далекой орбиты.

Основное отличие химического состава планет — обеднение Луны железом и летучими легкоплавкими элементами — хорошо объясняется гипотезой образования Луны в околоземном спутниковом рое из 2—3 протолун. Среди материковых пород был найден самый древний образец, видевший «детство» планет земной группы. Именно возраст лунного грунта — 4,6 млрд. лет — принят сейчас в качестве возраста планет Солнечной системы.

... Едва терминатор — линия смены дня и ночи — пересек Море Ясности, как на безжизненной поверхности Луны началось не предусмотренное природой движение. Странный, из металла, стекла и пластика, восьмиколесный механизм высотой чуть более метра и длиной немногим более двух «проснулся». Открылась панель солнечной батареи. Вкусив животворный электрический заряд, аппарат ожил, встряхнулся, пополз вверх по склону кратера, обходя большой камень, вышел на ровное место и взял курс на борозду.

Подвижные научные станции — луноходы — важный этап в создании селеноавтоматов. Первый из них 17 ноября 1970 г. мягко опустился в Море Дождей. Он был не велик ростом, весил три четверти тонны и энергии потреблял не больше бытового утюга. Но колеса с независимыми подвесками и электродвигателями, питаемыми энергией от солнечных батарей, обеспечивали его высокую проходимость и маневренность. А шесть телефотоглаз осматривали трассу и передавали панораму поверхности на Землю.

Пройдя некоторое расстояние, «Луноход» останавливался, «отдыхал». Тогда начинали работать научные приборы. Конус с крестообразными лопастями вдавливался в грунт и поворачивался вокруг оси, исследуя механические свойства реголита.

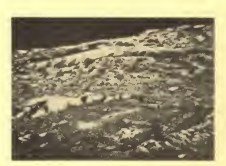
Другой прибор, с красивым именем РИФМА (рентгеновский изотопный флюоресцентный метод анализа), определял относительное содержание в грунте химических элементов.

Лунный грунт, так называемый реголит — рыхлое «одеяло»,— своеобразный термостат Луны, электрический изолятор планеты, ловушка для сейсмических колебаний, которые не затухают в нем часами.

«Луноход-1» проводил исследования десять с половиной земных месяцев, или 10 лунных дней. Была изучена площадь 80 тыс. кв. км, передано 200 панорам и 20 тыс. лунных пейзажей, в 500 местах испытан на прочность грунт, в 25 точках — его химический состав. На финише «Луноход-1» встал так, что на Землю был направлен установленный на нем уголковый светоотражатель. С его помощью ученые не только измерят расстояние от Земли до Луны с точностью до метров, но и надеются определить, существует ли дрейф земных континентов.

У «Лунохода-2», доставленного на наш естественный спутник 16 января 1973 г., задача была посложнее — пересечь морской участок кратера Лемонье и обследовать континентальный массив Тавр. Появились и новые приборы: астрофотометр определял светимость лунного неба, магнитометр — силу магнитного поля и остаточную намагниченность грунта.

Автоматические станции работали в сложных условиях. И потому ученые ждали каждого лунного рассвета с опасениями: пробудится ли «организм» автомата, не «продрог» ли он в стуже двухнедельной лунной ночи, когда тем-



Вид обратной стороны Луны

пература поверхности вдвое ниже, чем на полюсе холода в Антарктиде.

Астрофотометр «всматривался» в небо Луны; даже днем, при свете солнца, оно было черным; звезды, яркие и немигающие, стояли почти неподвижно, а над горизонтом сияло бело-голубое чудо — Земля.

«Луноход-2» благополучно «просыпался» 5 раз и на славу трудился. Два лунных дня он двигался на юг в направлении материка, потом свернул на восток к меридиональному разлому. По мере перехода от моря к континенту содержание химических элементов в реголите менялось; железа становилось меньше, алюминия и кальция — больше. Это соответствовало тому, что обнаружили в земных лабораториях петрографы, изучившие около полутонны образцов, доставленных на Землю астронавтами и автоматами из 8 точек видимой стороны Луны. Лунные камни изучались с тщательностью, которой не удостаивался ни один земной образец.

«Луноход-2» наловчился делать виражи и повороты, не снижая хода; скорость движения временами достигала почти километра в час. Вездеход пересекал кратеры диаметром в несколько десятков метров, взбирался на склоны крутизной 25°, обходил каменные глыбы, достигавшие в поперечнике нескольких метров. Эти глыбы не результат выветривания, и не ледник приволок их.

Страшные удары метеоритов вырвали «с мясом» тонны камней из коры Луны. Не будь такого «сверхглубокого бурения» Луны, геологи должны были бы довольствоваться лишь пылью да реголитом, а теперь они имеют образцы коренных пород, раскрывающие секреты лунных недр.

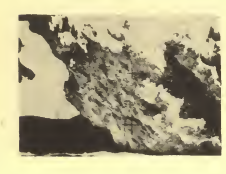
...«Луноход» спешил, будто чувствовал, что впереди — открытие, приподнимающее завесу над одной из основных загадок Селены — парадоксом магнитного поля...

Магнитометры спутников, «Аполлонов» и «Лунохода» не обнаружили на Луне стабильного магнитного поля с северным и южным полюсами, хотя вообще-то показания приборов не были нулевыми. Однако сила лунного магнита в тысячи раз меньше земного и весьма меняется от места к месту.

Отсутствие магнитного диполя можно объяснить тем, что у Луны нет механизма, который, как думают многие, похож по принципу действия на динамо-машину. Именно он может действовать во внешнем жидком ядре Земли, состоящем в основном из железа с примесями. Здесь текут потоки электропроводящего вещества. Возникает магнитное поле — «магнитный скафандр» Земли. Он окутывает ее броней силовых линий, через которые почти не могут пробиться солнечные протоны и галактические космические лучи, губительные для всего живого. На Луне такой защиты нет, да и защищать-то там было нечего: из-за небольшой массы Селена не удержала атмосферы, потому и не образовался там океан, не возникла в нем жизнь...

Но вот «Луноход-2» вдруг обнаружил большую намагниченность лунного грунта, не соответствующую слабому современному полю. А ведь она воспроизводит состояние лунного «магнита» в те давние времена, когда породы здесь затвердевали из расплава.

Все лунные образцы, доставленные на Землю, очень древние. Напрасно чаяли вулканологи найти на Луне следы современных извержений. Здесь нет, вернее, не найдено пород моложе 3 млрд. лет. Столь давно прекратились излияния магмы, извержения вулканов. Затвердевая по мере остывания, породы зафиксировали былое величие лунного магнитного поля, которое было прямо-таки соизме-



Глыбы анортозита в районе кратера Декарта

рнмо с земным. А что, еслн н на Луне когда-то были глобальный «магнит» и магнитное «динамо» в недрах?

... Несколько лет прошло с тех пор, как, проработав пять лунных дней и пройдя около 40 км, «Луноход-2» замер в кратере Лемонье моиументом во славу космической технике нашнх дней. А жаркие споры не затихают на страницах научных журиалов, в залах коиференций. Продолжалнсь они и на встрече ученых СССР и США в Москве в июне 1974 г.

Некоторый свет на этот парадокс пролил лунный сейсмический эксперимент.

Первыми луниыми сейсмологами были американские астронавты Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин: 21 июля 1969 г. они установили автоматическую сейсмическую станцию в месте посадки «Аполлона-11» в Море Спокойствия. Первые лунные сейсмограммы, первые тревоги и недоумения: все так необычно, не похоже на Землю. К сожаленню, нз-за неисправности в командном управлении первая станция работала на Луне не долго. К тому же источник электропитания на ней был не очень удачный — солнечные батареи, а ведь слушать «пульс» планеты сейсмолог должен день и ночь.

Во время экспедиции «Аполлона-12» в ноябре 1969 г. в юго-восточной части Океана Бурь появилась станция, питаемая изотопными батареями. Сейчас на видимой стороне Луны работает сеть из четырех станций. Они снабжены однотипными сейсмометрами, образующими систему из трех взаимно перпендикулярных приборов, способную определить, откуда пришла сейсмическая волна. Но главное — приборы эти очень чутки: они фиксируют перемещение грунта столь ничтожное, как размер атома. На Земле сейсмограф с такой чувствительностью просто не смог бы работать: нужная запись была бы «забита» другими шумами от волнения океана, работы различных механизмов и пр. На Луне этих помех нет. Правда, падают метеориты, но не столь часто, как предполагалось. «Трещит» там поверхность под действием температурных контрастов дня и ночи, однако сигналы эти все же слабые.

Астронавты экипажа «Аполлон-12» установили первую надежную действующую сейсмическую станцию. После завершения программы работ экспедиции на поверхность Луны был сброшен лунный модуль (взлетная ступень). Он упал в 67 км от станции, породив сейсмическую волну. Это была остроумная идея ученых — возбуждать сейсмические волны падением отработанных уже ступеней космических аппаратов, место прилунения и сила ударов которых хорошо известны.

Словно метеор, правда без свечения и грохота,пронесся в черном небе Селены лунный модуль и со скоростью 1,7 км/сек врезался в ее поверхность. Через 23 секунды дрогнул маятник сейсмометра в Океане Бурь. Всего через секунду этот всплеск достиг анализирующих устройств земных лабораторий. И... понадобились месяцы, пока улеглись страсти, которые вызвал эксперимент. Таких сейсмограмм не было за полувековую историю сейсмологии: колебания продолжались целый час.

Новый эксперимент подтвердил достоверность феномена. Правда, экспедиция «Аполлон-13» из-за взрыва одного из топливных баков не смогла сесть на Луну, но третья ступень ракеты «Сатурн-5» после отделения от корабля упала в 136 км от сейсмометра «Аполлона-12». На этот раз Луна «звенела»... 4 часа. В феврале 1971 г. появилась сейсмиче-

Лунный модуль «Аполлона» над поверхностью Моря Спокойствия

ская станция «Аполлона-14» в районе Фра-Мауро. Дальнейшие исследования показали, что причина «сейсмозвона» — блуждание волн в хаосе трещин, созданных ударами метеоритов. И вот что знаменательно: затягиваясь и рассеиваясь иа трещинах, сигналы в лунной коре почти не ослабевают. Ведь на Земле колебания даже при самых сильных землетрясениях длятся минуты, на Луие — часы. Дело в том, что иа Луне нет атмосферы н свободной воды, стало быть, иет н тепловых потерь. Вся энергня, посланная в грунт в месте удара, прнходит к сейсмопрнемнику. Поэтому на Луне сейсмическне исследовання много экономнчнее.

В районе станций «Аполлон-12 н -14» было сброшено девять космическнх аппаратов и в итоге нзучено устройство лунной коры до глубины 100 км. На глубине 60 км здесь проходит граница коры и мантии. Таким образом, кора Луны такая толстая, как на Земле в горах, н куда мощнее океанической коры.

Заглянуть глубже, в мантию Луны, удалось лишь в мае 1972 г.,когда в районе станцин «Аполлон-14» упал крупный метеорит. Его удар записали станции «Аполлон-15» в Апеннинах н даже «Аполлон-16» вблизи кратера Декарта, в типично континентальных районах, удаленных иа 1000 км.

Астронавты «Аполлона-14 н -16» провели сейсморазведочные наблюдения: расставили сейсмометры по профилю и прошли вдоль него, постукнвая по грунту. Оказалось, что в районе луиных морей и континентов состав пород разный, а сейсмические свойства верхнего слоя сходные. Тот же реголит, в котором волны не «бегут», а прямо-такн «плетутся» — 100 м в секунду. Повидимому, для упругих волн важны механические свойства грунта, а в этом все ландшафты Луны одинаковы: всюду она «распахана» метеоритами.

Кратер Цнолковского на обратной стороне Луны

После экспедиции «Аполлона-16» на видимой стороне Луны возникла, как уже говорилось, сеть сейсмических станций, образующая треугольник со сторонами более 1000 км. С его помощью можно определять место, откуда пришла волна, где упал метеорит, где произошло лунотрясение.

Существуют ли лунотрясения, какие они — эти вопросы очень волновали сейсмологов. Похожа ли внутренняя «жизнь» Луны на земную? Ученых ждало разочарование. «Сестра» Земли по рождению оказалась весьма «дальней родственницей» по сейсмичности: энергия всех происшедших за годы наблюдений лунотрясений в миллиард раз меньше, чем землетрясений. Можно сказать так: внутренняя жизнь Луны определяется и диктуется внешними факторами. Когда она подходит в перигее своей орбиты всего ближе к Земле и сила притяжения последней больше, тогда и происходят лунотрясения. Да и что это за «трясения»; они не только будущим городам и ракетодромам на Луне не страшны, их едва улавливают даже сверхчуткие лунные сейсмометры.

Эти так называемые приливные лунотрясения происходят редко и строго по «гравитационному расписанию», так что их можно предсказать. Очаги лунотрясений очень глубоки — на расстоянии 500—800 км от поверхности.

17 июля 1972 г. метеорит весом 1 т упал в районе Моря Москвы на обратной стороне Луны. Удар гигантской силы отправил сквозь Луну волны, качнувшие маятники сейсмометров на видимой стороне. Записи этого сотрясения были необычны: не удалось найти так называемых поперечных, или сдвиговых, волн. Таких волн не бывает в жидкости, они не проходят и сквозь внешнее ядро Земли, поэтому его считают жидким. От удара метеорита волны бежали к четырем станциям разными путями. На тех трассах, которые «заглянули» глубже 800 км, поперечных волн не оказалось. Значит, вещество, находящееся в центральной половине, нагрето до точки плавления или расплавлено хотя бы на несколько процентов.

А что, если раньше, очень давно, недра Луны были расплавлены не частично, а полностью? Тогда там могли быть потоки вещества, могла закрутиться «динамо-машина» и возникнуть дипольное магнитное поле, остатки которого «запомнили» породы Луны. Вот и разгадка магнитного парадокса.

... «Аполлон-17» побывал на Луне в декабре 1972 г. В горном районе Тавр-Литтров был проведен еще один сейсморазведочный эксперимент, позволивший заглянуть в верхние слои до глубины 1,5 км, где рыхлое «одеяло», созданное метеоритами, подстилается компактными коренными породами. Оставленные здесь сейсмометры, регистрируя тепловые сотрясения, помогли установить, что склоны метеоритных кратеров понемногу осыпаются, но только очень-очень медленно. На долгие времена останутся на Луне следы замечательной космической эпопеи — работы луноходов и

Схема внутреннего строения Луны по геофизическим данным

пребывания астронавтов в районах лунных морей и континентов...

Нет, не напрасно стремились люди на Луну. Многое стало яснее, но немало осталось и загадок: тихий голос лунных недр едва слышен с Земли. Чутко вздрагивают маятники лунных сейсмометров, разрабатываются новые маршруты луноходов. Исследования Селены — космической сестры Земли — будут продолжаться.

Игорь Галкин

Коротко о разном

Полицейский патруль, охраняющий один из заповедников в Танзании, натолкнулся на следы весьма примечательной сцены. Стражники увидели разбитый в щепки грузовик и рассыпанные вокруг него бивни слонов. Вокруг на земле виднелись сотни отпечатков ног целого стада этих огромных животных. Что же произошло? Браконьеры везли к границе около 500 добытых ими бивней. Затем они увидели стадо слонов и решили напоследок пополнить свои трофеи. Однако животные не дали себя в обиду. Они обратили браконьеров в паническое бегство, а грузовик разбили. Интересно, что в гневе эти животные втоптали в землю рассыпавшиеся бивни...

●

Список новых минералов ныне пополняется очень медленно. Почти все уже изучено на нашей Земле. Однако и в этой области подчас случаются сенсации. К ним в первую очередь можно отнести открытие минерала, получившего уже официальное название болгарит. Примечательным в этом открытии является то, что минерал найден не в виде отдельного кусочка камня, а в виде колоссального месторождения. Болгарские геологи нашли выходы магматических скальных пород необычного состава. Это и дало право выделить их в самостоятельный вид и занести в международные каталоги. Профессор Иван Борисов, первым исследовавший болгарит, утверждает, что он может стать исходным сырьем для получения цветного стекла, фаянса, электротехнической керамики, калийных удобрений с комплексом микроэлементов, алюминия, натриевых солей для кожевенной промышленности и многих других полезных продуктов.

●

Серьезное загрязнение туристами национальных парков США заставило ученых Пенсильванского университета провести лабораторные исследования с целью определить скорость естественного разложения различного мусора. В опубликованных результатах опытов говорится, что железная консервная банка, брошенная туристами в горах, полностью разрушится от ржавления лишь к 2075 г. Алюминиевые банки из-под пива окончательно окислятся до порошка к 2250 г. Стеклянные бутылки, брошенные даже в сыром лесу, могут сохраняться в течение многих тысячелетий. Ученые выражают надежду, что эти цифры должны дойти до сознания туристов, чтобы лесопарки не превращались в мусорные свалки.

●

В иранской пустыне Деште-Кевир большой район, охватывающий более полумиллиона гектаров, объявлен государственным заповедником. Здесь запрещено охотиться и пасти скот. Благодаря этим мерам удалось спасти от полного истребления редчайший вид дикого осла — онагра. Спокойствие, воцарившееся в этой каменистой пустыне, привлекло сюда дроф и куропаток, антилоп и зайцев.

●

Долгое время самым старым дубом в нашей стране считался ветеран, растущий на склоне горы Дюр-Сар в Армении. Его возраст приближается к 1600 годам. Но недавние измерения показали, что у этого «старика» есть соперник по долголетию — он самый древний не только в нашей стране, но и, пожалуй, во всей Европе. Этот дуб растет у поселка Стелмуже в Литовской ССР. Ученые определили его возраст в 2000 лет.

Крабы камчатские и другие

Апрельская вода в Уссурийском заливе холодна, но в гидрокомбинезоне терпимо. Видимость — метров пять. Дно усеяно камнями, плитами, которые мористее сменяются песком и илом с редкой растительностью. Глубина — 7 м. Не жду здесь ничего интересного: близок город. Но вот замечаю гребешка. Это уже интересно. И вдруг чуть дальше вижу краба. Бросаю фотографировать гребешка и устремляюсь к нему. Но меня ждет разочарование: пустой панцирь. С надеждой скольжу над грунтом, посматривая в разные стороны. Впереди замечаю двух крабов, они выделяются светло-зеленой окраской среди более темной растительности грунта. Это десятиногие Ромео и Джульетта. Крупный самец правой клешней держит левую клешню самки. Характерная поза получила у краболовов название «рукопожатие». Оно длится иногда неделю, пока самка с помощью услужливого кавалера сбрасывает с себя хитиновую одежду. В течение последующих нескольких дней самка обрастает новой кольчугой, а самец бдительно ее охраняет. В награду он становится супругом.

Мне хочется заснять их по отдельности. Хватаю за панцирь самца, за те места, которые находятся вне зоны досягаемости могучих клешней. Говорят, этим же приемом пользуются осьминоги — злейшие враги декаподов-десятиногов. Ожидаю бешеного сопротивления, но крабы едва шевелятся. Самец по-прежнему не выпускает клешню самки. Если бы декаподы Японского моря пропорционально своему весу и размеру проявили силу и проворство мраморных крабов Черного моря, мне пришлось бы плохо. Но, может быть, эти нежные влюбленные в твердых хитиновых кольчугах настроены миролюбиво? Мне приходилось наблюдать крабов, вытащенных с больших глубин. Они тоже выглядели довольно беспомощно. Так ли они беспомощны? Как-никак, а вес их доходит до 9 кг, размах ног достигает 1,5 м. Массивна, чуть меньше женской кисти, грозная клешня, особенно правая. Она удерживает предметы, во много раз тяжелее самого краба. Да и ноги оканчиваются острыми и твердыми когтями. Тело краба заковано в твердую хитиновую броню, которая усеяна колючими выступами: попробуй, прокусн! Как боксер на ринге, краб, цепляясь за грунт когтями ходильных ног, может двигаться боком, подпрыгивать, отступать и нападать, придерживая жертву одной клешней и нанося ей удары другой. Лишь плавать он не умеет, да и максимальная скорость передвижения у него не больше 2 км/час.

Нет, видимо, в соответствующей обстановке он может показать себя. Ведь не зря природа наделила его оборонительным и наступательным оружием.

С трудом я оторвал самку от самца. Самец сразу же большими шагами ушел в глубину. Самку я перевернул на спину. Она, поджав ноги, долго лежала, притворяясь мертвой. Я придал ей обычное положение, и она нерешительно двинулась от меня...

В Советском Союзе этих огромных крабов называют камчатскими и приморскими. В Америке — королевскими, алеутскими и аляскинскими. В Японии — крабами тресковых банок — тарабагани. По размерам камчатские крабы стоят на третьем месте, уступая только паукообразному гиганту глубин Японского моря — макрохейру и массивному монстру, обитающему в Бассовом проливе, отделяющем Тасманию от Австралии.

Камчатские крабы — бродячий народ, они ведут стадный образ жизни. В Южном Приморье ранней весной крабы, разделившись на мужские и женские стада, появляются небольшими косяками на побережье для линьки и нереста. Косяки передвигаются со скоростью 2—4,5 км в сутки, друг за другом, создавая скопления в сотни тысяч особей, которые тянутся по дну на несколько километров. Однажды я наблюдал трех крупных самцов на марше. Они шли, как солдаты,— шеренгой, ритмично, попеременно подтягивая ноги каждой из сторон тела. Стада останавливаются на глубине от 2 до 12 м, обычно у подножия каменных гряд, скал и заходят в бухты. Среди камней, водорослей и на песке постепенно перемешиваются и расходятся парами. Вот примерный график весеннего визита крабов в залив Петра Великого. Появляются в начале апреля. Второго мая много застывших парочек, некоторые самки уже сбросили «подвенечное

платье». Десятого мая крабов по-прежнему много. Пожалуй, даже больше, чем неделю назад. За 40—50 минут, если повезет, можно увидеть 25—30 пар, но кое-где уже виднеются одиночки. Это впечатляющее зрелище — в голубой дымке морской воды стадо огромных колченогих «пауков».

При виде ныряльщиков одинокие крабы, находящиеся в каком-то оцепенении, иногда убегают, прячутся в расщелины со сноровкой осьминогов. Пары на аквалангиста не обращают внимания: они заняты лишь собой. Да и одиночки двигаются явно замедленно. Все эти дни они не кормились. Постепенно одиноких крабов становится все больше и больше. Разделившись на разнополые отряды, десятиногие опять уходят на недосягаемую для аквалангистов глубину. Теперь наступает очередь самцов менять ставший тесным для них панцирь. Крабы растут как бы поэтапно: замена наружного скелета — это переход в следующую «весовую категорию». Самцы выискивают подходящее убежище и снимают свои доспехи по-военному быстро: за 10—12 минут. При этом сбрасывается не только вся хитиновая оболочка, но и выстилка желудка, задние кишки, сухожилия мышц и даже... глаза. По сути дела остается слепой и беспомощный кусочек белого, сочного мяса, который со страхом ожидает своей участи. Многие рыбы, осьминоги пользуются этими днями беззащитных «аристократов» (у крабов, как и у осьминога, «голубая» кровь). Но вот краб обрастает новой броней. Она твердеет дня три, потом десятиногие идут в глубину: там все же безопаснее. Начинается миграция в поисках пищи.

Спаривание и линька отнимают много сил: все это время крабы не едят и сейчас набрасываются на еду. Декаподы прожорливые хищники: поедают ракообразных, моллюсков, ежей и (о ужас!), без зазрения совести, собственное молодое потомство. Правой клешней краб легко дробит моллюсков, ежей, бульдожьей хваткой удерживая добычу. Левая клешня играет вспомогательную роль: ею краб разрывает мясо и передает в ротовые части, где неутомимо откусывают небольшие кусочки жвала шести пар челюстей.

По сравнению с туловищем голова краба весьма мала, но в ней помещается (кто бы мог подумать?) ... желудок. По сути дела голова сливается с грудью, образуя головогрудь. И еще парадокс десятинога: органы обоняния, которые очень развиты, находятся в хвосте и передних ногах.

Как лавина танков, крабы двигаются из года в год по одним и тем же маршрутам, пожирая все на своем пути. За год декаподы проходят до 200 км у берегов Камчатки и 80 км в Приморье. Средняя глубина летних походов — 70 м, а наибольшая — 250—300 м. К зиме крабы в Приморье опять приближаются к берегу, и их ловят на сравнительно небольшой глубине (25—30 м).

Живут крабы долго — до 20 лет. Сроки полового созревания самцов и самок различны. Самка кладет яйца на восьмой год жизни, самец «мужает» лишь к 10—12 годам. Жизнь крабов полна превратностей, и только плодовитость спасает животных от исчезновения. Самка мечет до 300 тыс. икринок в год. Для донных хищников это большое лакомство...

Крабы исчезают из прибрежной полосы Приморья в середине мая. Подводные ложбины напоминают поля сражений — всюду сброшенная кольчуга самок.

Добывать крабов начали давно, по-видимому в доисторические времена. В Японии первый консервный завод начал работать в 1907 г., в России — год спустя. С вступлением в строй крабовых плавзаводов промысел десятиногов резко увеличился. Ныне советские крабовые консервы признаны лучшими в мире.

Краболов — многотоннажное судно, имеющее мотоботы для лова и консервный завод. На хорошо известных путях миграции крабов мотоботы ставят специальные сети, а через несколько дней выбирают их. Запутавшихся в сетях крабов доставляют на краболов. В пищу идет мясо ног, а панцирь перерабатывается в кормовую муку и тук. Крабовые ноги кладут в металлические клети и грузовыми стрелами опускают в двухметровые баки, где продукт варится в течение нескольких минут. Затем клети с крабовыми ногами охлаждают в забортной воде и конвейером подают во внутренние помещения судна — крабовый завод. Автоматы вытряхивают из красных оболочек белоснежное сочное мясо. Оно раскладывается по сортам, в каждую баночку попадает по кусочку каждого сорта.

Камчатский краб широко распространен в северных районах дальневосточных морей. Он водится от острова Хоккайдо до Аляски.

На нашей планете обитает 8500 видов

крабов, но самые ценные из них — камчатские.

Из многих разновидностей небольших крабов Японского моря наиболее мелкий вид — береговой краб. Но он дважды мне крепко досадил.

Однажды я проснулся среди ночи. В комнате кто-то шуршал. Раздавался какой-то странный шелест и чуть слышный топот. Я зажег свет. Звуки моментально стихли, ничего подозрительного я не обнаружил. Но только погасил свет и улегся, шуршание возобновилось. Звуки доносились со стороны окон балконной двери, они исходили от двух, а то и трех источников. Кто-то небольшой на твердых коготках передвигался по полу. Ни крысы, ни мыши, ни тараканы не могли производить такой звук. Я терялся в догадках. Змеи, скорпионы занимали мое растревоженное воображение, хотя последние вообще не водятся на Дальнем Востоке. Я опять зажег свет и внимательно осмотрел пол у балкона. Возле самого плинтуса чернело несколько существ размером в трехкопеечную монету. Я нагнулся и узнал береговых крабов. Откуда они здесь могли появиться? И тут на подоконнике я увидел стеклянную банку, где копошилось еще несколько их собратьев. Конечно же, это были трофеи моей девятилетней дочери. Я долго размышлял, как это они умудрились выбраться из стеклянной банки. Но так ничего и не придумал.

... Мы охотились под водой у островов Пахтусова. Добыча была более чем скромной. Я добыл несколько ленков и одного ерша, все же на уху должно было хватить. Кукан с рыбой я привязал к вбитому в грунт бревну, оставшемуся от старого причала. Часа через два рыба понадобилась. В вечерней тишине, когда даже море не плескалось, от бревна исходил какой-то шелест. А вместо кукана висел темно-серый шевелящийся ком. Рыбу облепили в несколько слоев береговые крабы. Суетясь и толкаясь, голодное воинство проворно пожирало мою добычу. Они терлись друг о друга, порождая звуки, которые меня удивили. Я наклонился, и вся братва бросилась врассыпную. Шорохи стихли, крабы как сквозь землю провалились. На площади в квадратный метр умудрились спрятаться сотни крабов. На леске висели скелетики рыб с клочками мяса.

С другими многочисленными видами крабов: японским мохнаторуким, водорослевым, крабом-плавунцом, крабом дориппе, крабами хиаса и другими — я встречался не часто. В основном это жители мелководных заиленных бухт.

В 30-х годах, по рассказам старожилов Владивостока, любимым развлечением городских мальчишек в бухте Золотой Рог была охота на крабов неизвестного мне вида. Панцирь у них был в тарелку, они имели короткие сильные ноги и могучие клешни. По бокам краб выпускал небольшие плавники, как закрылки у современных реактивных самолетов. Он мог неплохо плавать. Брать руками этого плавающего краба не рекомендовалось. Мальчишки из двух деревянных планок и гвоздя делали подобие кузнечных клещей и ими хватали добычу. Разыскивали крабов при помощи ящиков со стеклами. Такие смотровые ящики применяют и сейчас старые рыбаки-любители. Краб-плавунец этого вида исчез из прибрежных вод, а жаль. Будем надеяться, что он появится вновь.

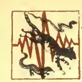
Павел Курилов

Коротко о разном

Какие предприятия загрязняют воду рек и в какой степени? На этот вопрос ученым во Франции отвечают... рыбы.

В реку выпускаются форели, к жабрам которых прикрепляются миниатюрные радиопередатчики. Нервные возбуждения рыб, чувствующих в воде излишки фосфатов или нитратов, передаются на специальный пульт. После этого сделать соответствующие выводы уже совсем не сложно.

Группа бактерий, привезенных в Токийский университет с островов Тихого океана, оказалась способной вырабатывать электрический ток. Сосуд, наполненный глюкозой и культурой этих бактерий, давал ток напряжением 0,6 вольта в течение шести месяцев. Сложная электрохимическая реакция, в которой участвуют тропические микроорганизмы, до конца пока не раскрыта. Но ясно одно, что бактерии дополнительно вырабатывают водород.



Живые сейсмографы

Однажды к ответственному работнику Туркмении пришли старики туркмены.

— Что скажете, аксакалы?

— Беда будет — землетрясение.

— Как вы это узнали?

— Примета верная: змеи и ящерицы ушли из нор...

А через два дня произошло землетрясение, разрушившее Ашхабад. Это было 5 октября 1948 г.

Тогда же в столице Туркмении произошел случай, о котором рассказывает журналист В. Песков: «В поезде сосед по купе достал семейные фотографии. Среди портретов я увидел снимок овчарки. «Почти как человек дорога эта собака...— сказал сосед.— Мы с женой работали в Ашхабаде. В ту ночь поздно вернулись домой. Спать не сразу легли. Я копался в бумагах. Жена читала. Дочка в коляске спала. Вдруг — чего не бывало ни разу — собака рванулась с места и, схватив девочку за рубашку, кинулась в дверь. Взбесилась! Я за ружье. Выскочили с женой. И тут же сзади все рухнуло».

А вот и другой рассказ о событиях той ночи.

Работница ашхабадского стеклозавода рассказывала, как вел себя перед землетрясением ее шпиц. За час до катастрофы пес стал беспокоиться и разбудил хозяйку, спавшую на террасе. Он скулил, начал лизать ее лицо, а потом схватил хозяйку за одежду и пытался стащить с кровати. Подумав, что кто-то ходит возле калитки, женщина встала и выпустила собаку. Шпиц бросился на улицу, но тут же вернулся, схватил хозяйку за халат и потащил в сторону от дома. Женщина вышла на тротуар. И в это время дрогнула земля...

Землетрясения всегда связаны со сложными процессами, происходящими в земной коре и в более глубоких слоях Земли. При этом высвобождается накопившаяся за длительное время энергия. Изучением землетрясений занимается наука сейсмология (от греческого «сейсмос» — землетрясение). Основная масса сейсмических очагов находится в пределах земной коры, то есть не ниже 100 км. Все очень сильные, катастрофические землетрясения возникают именно на этих глубинах. Известны и более глубокие очаги — на Памире и в Северном Афганистане; некоторые из них расположены ниже 300 км, а на побережье Тихого океана отмечаются землетрясения с очагами на глубине до 600 км.

Очаги землетрясения на нашей планете распределены неравномерно. Есть районы, где толчки происходят часто и сильно, есть зоны умеренных и средних землетрясений, а есть обширные территории, где их не бывает вовсе.

Для определения силы землетрясения в СССР принята 12-балльная шкала. Очень слабое — 2 балла, слабое — 3, умеренное — 4, сильное — 6, разрушительное — 8, опустошительное — 9, уничтожающее — 10, катастрофическое — 11 и 12 баллов — это сильная катастрофа. При очень сильных землетрясениях происходят глубокие изменения в почве: образуются многочисленные трещины, обвалы, оползни, возникают водопады, подпруды на озерах, может произойти отклонение течения рек.

Разрушительное ашхабадское землетрясение 1948 г., вызванное подвижкой горных масс на глубине около 15—20 км, охватило территорию свыше 300 км в длину и до 180 км в ширину. На большей части этой зоны сила землетрясения была 6 баллов и возрастала к центру (эпицентру), который располагался в районе Ашхабада, где сила землетрясения достигла 9 баллов.

Всем памятное ташкентское землетрясение 1966 г. оценивается в 8 баллов.

Легкие землетрясения бывают сравнительно часто и вызывают лишь покачивание электрических люстр, позвякивание посуды в шкафу, дребезжание оконных стекол.

Современная наука пока еще мало знает о физических свойствах и глубинном строении земной коры, о природе землетрясений. И хотя люди не могут их предотвратить или уменьшить силу толчков, прогнозировать место, время и силу землетрясений уже начали. Разумеется, такое прогнозирование — весьма сложная проблема. Решением ее занимаются специальные научные учреждения. Чувствительные сейсмоприемники, сейсмографы, наклономеры и другие сложные приборы, установленные в подземных залах-лабораториях, непрерыв-

но, день и ночь, следят за «пульсом» Земли. Малейшее колебание земных недр, даже за многие тысячи километров, улавливается и регистрируется на лентах самописцев. И тут же, мгновенно, на пульте загорается табло: «Внимание! Землетрясение!» Дежурные сейсмологи тотчас же проводят необходимые расчеты, и не успевают затихнуть волны от землетрясения, как уже вычислены его координаты. Совместная деятельность многих сейсмических станций помогает более точно определять места подземных толчков. Придет время, и ученые смогут не только устанавливать, где разразилось землетрясение, но и заранее предупреждать об ожидаемых толчках.

Институт сейсмологии Академии наук Узбекской ССР занимается изучением сейсмологической активности, глубинного строения земной коры в Средней Азии, вопросами прогнозирования места, времени и силы землетрясений. В самом Ташкенте на различных участках территории города несут службу сейсмографы, опущенные на глубину 500 м в специально пробуренные скважины. Они улавливают даже микроземлетрясения и тотчас дают знать о них.

В Таджикистане создан Институт сейсмостойкого строительства и сейсмологии. На специальном полигоне изучается прочность и устойчивость зданий к толчкам.

Немало бедствий приносят людям и моретрясения. Так называют резкие колебания воды в морях и океанах, возникшие при землетрясении, очаг которого находится под дном моря или в прибрежных областях суши. В результате сильных подводных землетрясений на поверхности океана возникают разрушительные волны, или цунами. Распространяясь со скоростью нескольких десятков метров в секунду, они обрушиваются на низкий берег и могут причинить большие разрушения. Наиболее часты цунами в Тихом океане.

Самое сильное землетрясение нашего века произошло в 1960 г. в Чили. От первого толчка 21 мая в считанные секунды был превращен в прах город Консепсьон. На следующий день от второго удара силой 11 баллов развалился город Вальдивия. Резкое сотрясение земной коры вызвало появление гигантских волн на поверхности океана — цунами, которые достигли США, Гавайских и Курильских островов, Австралии и Японии. Землетрясение привело к неисчислимым разрушениям и бедствиям, погибло около 10 тысяч человек. Отголосок чилийского землетрясения дошел даже до центра нашей страны: сейсмическая станция Москвы отметила небольшое смещение почвы. А ведь от места землетрясения до нашей столицы почти 15 тыс. км! 28 марта 1965 г. в Чили разразилось новое землетрясение силой в 9 баллов, во время которого пострадало 35 городов. Чилийские ученые определили, что сила этого землетрясения была равна силе 30 атомных бомб, взорваных в Хиросиме. В эпицентре трещины земной коры уходили на глубину до 30 км.

В предотвращении и уменьшении разрушительного действия землетрясений существенное значение имеет учет сейсмических, геологических и геофизических особенностей той или иной местности. С этой целью в различных странах мира осуществляется сейсмическое районирование. В СССР карта сейсмического районирования — это официальный документ, который должны принимать в расчет проектирующие и строительные организации в сейсмоопасных районах. Обязательное соблюдение норм и правил сейсмостойкого строительства позволяет значительно уменьшать ущерб от землетрясений.

В начале статьи мы говорили о том, какое значение в их прогнозировании имеет поведение животных. Реакция их вполне объяснима. Ведь во время землетрясения происходит не только колебание земной коры. Отмечается изменение температуры в ее недрах, магнитного поля в зоне эпицентра. Узбекские ученые установили и увеличение концентрации радона в подземных водах. Так было перед ташкентским землетрясением.

Если людям для выявления различных изменений в земной коре нужны сложные приборы, то животные улавливают их с помощью высокодифференцированной нервной системы и органов чувств. Поэтому не следует пренебрегать наблюдениями за поведением животных. Они улавливают даже слабые толчки, служащие иногда предвестниками сильных разрушительных землетрясений.

О том, что многие животные весьма тонко улавливают не только перемену погоды, но такие стихийные бедствия, как землетрясения, люди знали еще в далеком прошлом. Болгарский писатель-натуралист Николай Йовчев в одной из своих книг рассказывает, что в 373 г. до н. э. сильное землетрясение разрушило итальянский город Этиу. По дошедшим до нас сведениям, животные, обитавшие в земляных норах и в дуплах деревь-

ев,— змеи, кроты, мыши и другие заранее покинули свои убежища.

Известный немецкий естествоиспытатель и путешественник Александр Гумбольдт в начале XIX века в районе реки Ориноко в Южной Америке был свидетелем землетрясения. Крокодилы перед землетрясением вылезли из воды и остались на берегу до прекращения подземных толчков.

Охотники и лесники в Средней Азии подметили, что птицы также предчувствуют землетрясение. В Семиречье фазаны обязательно кричат, как бы предупреждая людей о грозящем бедствии.

Особой чувствительностью обладают змеи. Часто они первыми из животных улавливают грозные знаки предстоящего бедствия. Похоже, они узнают об этом по слабым подземным толчкам и вибрации земли. Разумеется, они не слышат подземного гула, так как не воспринимают обычных звуковых волн. У них нет развитого органа слуха, нет ушных раковин и даже слуховых отверстий. Внутренние части уха у змеи состоят только из одной косточки, которая проводит звуковые волны, проникающие через чешую и кожу к слуховому нерву. Змеи улавливают лишь вибрацию почвы и, как установили индийские ученые, немного «слышат» при помощи костей нижней челюсти. В Мексике, где часто бывают землетрясения, змеи-«прогнозисты» пользуются покровительством людей. Там змей не преследуют.

После ашхабадского землетрясения стало известно, что на него реагировали и муравьи. Захватив куколок, муравьи начали покидать свои подземные жилища за час-полтора до наиболее значительного толчка.

Конечно, наиболее заметно для людей поведение домашних животных. Замечено, что перед землетрясением собаки воют и как бы беспричинно лают, кошки беспрестанно мяукают, коровы мычат, лошади рвутся с привязи. В 1825 г. собаки в чилийском городе Талькауано за несколько часов перед бедствием были страшно возбуждены и яростно лаяли, а потом покинули город. А на острове Ява за несколько часов до землетрясения в 1867 г. петухи так разволновались, что кукарекали в необычное время.

В 1887 г. русский геолог и географ, исследователь Средней Азии Иван Васильевич Мушкетов, изучая последствия и область распространения землетрясения в городе Верном (ныне Алма-Ата), отметил, что лошади начали проявлять беспокойство и еще с вечера не стали есть корм. Птицы — голуби, ласточки, воробьи заранее покинули свои убежища.

В конюшне ашхабадского конезавода за два часа до подземного толчка лошади начали бить копытами, громко ржали, а затем сорвались с привязей.

В 1954 г. сильные землетрясения произошли в Греции и Алжире. Многие домашние животные заранее покинули населенные пункты и ушли из опасной зоны. Жители одного греческого селения, обратившие внимание на необычное поведение животных, тоже покинули свои дома и благодаря этому избежали гибели.

В 1963 г. жесточайшее землетрясение превратило в груду развалин столицу Македонии — югославский город Скопле. Накануне стихийного бедствия животные местного зоологического парка начали проявлять сильнейшее беспокойство. По рассказам сторожа, первой, примерно за 4—5 часов до катастрофы, начала завывать австралийская собака динго. На ее вой тут же откликнулся сенбернар. К их «дуэту» присоединились голоса десятков других зверей. Испуганный бегемот выскочил из воды и перепрыгнул через стену высотой 170 см. Жалобно трубил слон. Громко завывала гиена. Метались в клетках тигр, лев и леопард. К жуткому концерту зверей присоединились птицы — обитатели парка. Через некоторое время звери забились в углы своих клеток и умолкли, как бы ожидая рокового часа. А в пять часов утра произошел первый страшный подземный толчок...

После землетрясения в Ташкенте в 1966 г. стало известно много случаев необычного поведения животных.

У одного жителя города в голубятне содержалось четыре десятка голубей разных пород. За полминуты до первых подземных толчков они с шумом покинули голубятню и, полетав в темноте, уселись на крышу. В последующем стая также взлетала перед каждым толчком...

Нередко землетрясения предшествуют вулканическим извержениям. Имеются факты, свидетельствующие о том, что многие животные способны предвидеть извержения вулканов. Почти в самом центре Африки, в заповеднике Киву-парк, возле озера Эдуарда, находятся постоянно действующие вулканы. Бернгард Гржимек в своей книге «Они принадлежат всем» рассказывает, что за

два-три дня до начала извержения обитающие там дикие животные, в том числе и копытные, откочевывают подальше от опасного района. Вскоре после прекращения извержения они возвращаются.

В марте 1956 г. на Камчатке произошло извержение вулкана Безымянного. И как стало известно, при этом не погиб ни один медведь. Все они заранее выбрались из берлог и ушли в безопасные места. Заметьте: ушли не бодрствовавшие до катастрофы звери, а спавшие в берлогах. Только очень серьезные причины могли нарушить зимний сон у владык тайги!

Предчувствовали животные и знаменитое извержение вулкана Кракатау.

Что помогает животным предвидеть извержение вулкана? Звуки ли это, не доступные ушам человека, неуловимые ли колебания почвы, неощутимое ли даже современными приборами инфракрасное излучение, идущее из глубины земли, или какие-то иные раздражители, пока неизвестно. Возможно, все эти и другие факторы действуют на нервную систему и органы чувств животных, вызывают у них настороженность, возбуждают и усиливают инстинкт самосохранения.

Любопытно, что есть и растение, указывающее на предстоящее извержение вулкана. Это — королевская примула, растущая на острове Ява, на склонах вулкана. Она одна из всех своих сестер расцветает только накануне извержения. Это служит предупреждением жителям ближайших деревень о грозящем бедствии. Примулу там называют «цветком землетрясения».

Долгое время эта способность примулы оставалась загадочной. Ответ дали белорусские физики. Они открыли аномальное увеличение скорости движения и высоты подъема жидкостей в капиллярах под действием ультразвука. В ультразвуковом поле, возникающем при землетрясении и извержении вулканов, соки по капиллярам движутся гораздо быстрее и дают растению способность быстро расцвести.

Среди «предсказателей» землетрясений значатся и некоторые рыбы. Известен такой факт. В 1783 г. перед землетрясением на острове Сицилия много рыб всплывало на поверхность моря. В Японии есть маленькая аквариумная рыбка, которая, по утверждению местных жителей, превосходит самые чувствительные сейсмографы. За несколько часов до землетрясения эти рыбки становятся беспокойными, совершают круговые движения, мечутся в аквариумах. Не удивительно, что в Японии рыбка пользуется особым почетом.

По убеждению японского ихтиолога Ясуо Суэхиро, землетрясения могут предсказывать и глубоководные рыбы.

В ноябре 1963 г. рыбаки острова Ниидзима поймали «морское чудовище» — неведомую им глубоководную рыбу. Сотрудники токийского радио и телевидения решили провести специальную передачу о необычной добыче. Обратились к профессору Суэхиро с просьбой выехать на остров и прокомментировать это событие. Но профессор сказал, что очень занят и поехать не может.

— К тому же,— добавил он,— на острове следует ожидать землетрясения...

Эти слова были восприняты как шутка, но землетрясение действительно произошло в этом районе два дня спустя.

Много лет ученый изучал случаи появления глубоководных рыб на поверхности моря. В своей книге «Рыбы и землетрясения» Ясуо Суэхиро описал 127 случаев такого «предсказания». В 1968 г. местные рыбаки доставили профессору только что пойманную глубоководную усатую треску длиной 6 м. Обычно эта рыба очень редко появляется у берегов. Спустя два дня разразилось сильное землетрясение, причинившее серьезный ущерб северным префектурам Японии.

Появление «морских чудовищ» на поверхности перед землетрясением японцы отмечали еще в древние времена. Это нашло отражение в японской мифологии. Как рассказывается в одном из мифов, виновница землетрясений — огромная рыба намадзу, которая щекочет своими усами морское дно. Изображения этой рыбы издавна наклеивали на окна, как заклятие от подземных толчков.

Как же рыбы чувствуют приближение землетрясения? Только ли боковая линия и плавательный пузырь помогают им в этом или у них есть еще и другие «сейсмографы»?

В последнее время ученым стало известно, что во время землетрясений происходит усиление электрических токов, возбуждаемых в недрах Земли при деформации горных пород. При разрядке возникающих мощных электрических полей из глубин Земли в атмосферу устремляются потоки электронов. В небе возникает свечение, зарево. Именно так и было на рассвете 26 апреля 1966 г. в Ташкенте: за несколько секунд до под-

земного толчка над городом вспыхнуло зарево. Следовательно, по изменению концентрации электронов в атмосфере можно за несколько часов прогнозировать землетрясение. Не исключена возможность и того, что животные воспринимают эти изменения в атмосфере и соответствующим образом реагируют на них. Кстати, давно уже известно, что животные довольно чутко воспринимают усиление ионизации воздуха.

Раскрытие всех этих тайн природы, возможно, позволит создать сверхчувствительные приборы, предсказывающие разрушительные колебания земной коры.

Иван Заянчковский

Коротко о разном

Термолюминесцентный метод анализа камней, предложенный физиками, помог историкам Франции уточнить датировку мегалитических построек в Нормандии. Гробницы-дольмены, культовые сооружения, прямоугольные жилые постройки, искусственные пещеры из огромных глыб — все это оказалось несколько старше, чем предполагалось ранее. Они построены более 6 тысяч лет назад, а период, в течение которого они сооружались, тянулся две тысячи лет. Тем же методом определено, что самые древние дольмены Европы находятся на территории Португалии. Они сооружены более 7000 лет назад.

●

Итальянские археологи провели раскопки близ стен знаменитого Колизея, которому, кстати, недавно сравнялось 1900 лет. На семиметровой глубине был обнаружен водосточный коллектор, обвалившийся 1600 лет назад. Когда ученые проползли по нему, то в качестве трофеев им достались комки засохшей и отвердевшей грязи. Они были принесены в лабораторию и там тщательно исследованы. Оказалось, что труд не был напрасным. Внутри ученые обнаружили огромное количество интереснейших предметов. Зрители теряли монеты, пуговицы, серьги и даже броши с драгоценными камнями. Но еще более удивительно то, что во время кровавых представлений с гладиаторами зрители грызли семечки и орехи, ели виноград и персики...

●

Группа французских кинооператоров собралась снимать фильм о животном мире Танзании. С хищниками было все просто, но как снять плывущего под водой гиппопотама? Этот многокилограммовый герой добродушен лишь на первый взгляд. В гневе его тупые зубы очень опасны. Кроме того, своей массой он может легко раздавить аквалангиста вместе с дорогой аппаратурой.

Выход из положения подсказал знаменитый океанолог Жак-Ив Кусто. По его проекту была построена каучуковая подводная лодка в виде взрослого бегемота. В ней и разместился оператор, передвигавший свое сооружение с помощью педалей. В результате были получены уникальные кадры из жизни небольшого стада гиппопотамов.

●

На морском дне у острова Родос подводные археологи нашли греческий корабль, затонувший примерно 2900 лет назад. Груз этого корабля, отплывшего с Кипра, был необычен. Водолазы подняли сложенные отдельными грудами металлические предметы — сломанное оружие и спресованные ударами молотка различные виды бронзовой посуды. Ученые сделали вывод, что все эти предметы когда-то находились в плетеных корзинах. Мореплаватели той эпохи перевозили на переплавку «металлолом».

Подарок

Быль

Талгат остановился, чтобы перевести дух. Оглянулся, посмотрел вниз на джайляу, где виднелнсь юрты — маленькне белые одуванчнки. А овцы поодаль совсем как мухн.

До вершнны еще было далеко, а солнце уже перевалило за полдень. Талгат торопился, то и дело дергал повод лошади. Она тяжело ступала по тропе, едва заметной в камнях; тропу эту выбили горные козлы.

Юноша думал об отце. Старый Тлеубай давно мечтал о молодом беркуте, но как осуществить мечту? Годы уже не те, чтобы карабкаться по кручам в поисках гнезда беркута. А сын был еще мал, и отец не решался отпускать его к Красным горам, где гнездились птицы. Прошлым летом Талгат долго умолял отца об этом, но тот не пустил. А вот этим летом разрешил наконец.

Талгат учился в ннтернате, в городе, н на лето уезжал с отцом в горы: помогал пасти отары овец. Вот н теперь, закончив восемь классов, прнехал на попутной машнне домой.

Беркуты годамн гнездились на Красных Ярах. Когда-то, будучи двенадцатилетним мальчишкой, Тлеубай достал для своего отца молодого беркутенка на этих отвесных кручах. Дед Талгата приручал хищников еще молодыми птенцами, а потом охотился с ними на лис и волков — там, в песках, где зимовалн отары.

К этой охоте прнстрастился впоследствнн н Тлеубай. Он много рассказывал Талгату о беркутах, об охоте с этими птицамн, об нх повадках н о том, как трудно достать птенца на недоступных скалах. Талгат знал, в каком ущелье гнездились беркуты. Да н сам видел каждый вечер, как несколько пар нх поднимались в поднебесье над вершинами. Распластав крылья, они медленно ввннчивались в голубое небо, становясь в вышнне едва заметными черными точками. Отсюда, с холмистых пастбищ джайляу, до ущелья часа два-три ходу, но силы выматывал крутой подъем. Его надо было преодолеть, пройдя глубокое ущелье, речушку, бегущую с леднков. И только тогда можно было взобраться на другую вершину, что обрывалась в ущелье отвесной стеной. Стена эта — красная глина и камни. Здесь-то и облюбовалн для себя прнстанище беркуты — постоянно гнездились. Их гнезда были недоступны, разве лншь смельчак решался добраться до нnх на аркане. Защищалн же своих птенцов эти хищники отчаянно.

... Солнце клонилось к закату, когда Талгат, ведя на поводу взмыленную лошадь, достиг вершины. Отсюда надо было на аркане спускаться в ущелье — к гнезду. Своей зубчатой грядой вершина тянулась к сверкающнм на юге пикам, сплошь покрытым снегом н ледникамн. Слева, прорезанные ущельями, тянулись хребты, а справа — другие горы, названные охотниками н пастухами Красными Ярами. Онн уходили на запад, к Киргизскому Алатоо. Молчаливые хребты были подернуты легкой дымкой. Отсюда, где стоял Талгат, они длинной цепью постепенно снижались к желтоватой степи.

Лошадь щнпала траву. Талгат разулся, снял с седла коржун с едой и скрученный аркан. Пожевал вареного мяса, запил айраном н, расстелнв куртку, прнлег. Он лежал н смотрел в голубое небо. Его глаза обшарнвали небосвод, где сейчас наверняка парнли большекрылые птицы Обнаружив человека, они взмыли на такую высоту, что их и не увидишь. Но беркуты чувствовали, наверное, что у их гнездовий человек появился неспроста, н ждали, вероятно, когда он прнблизится к гнезду, чтобы упасть на человека камнем н спасти птенцов. Но Талгат об этом уже не думал. Он размышлял о том, что отцу, старому заслуженному чабану, будет прнятен долгожданный подарок от сына. Много лет мечтал он о ручном беркуте. И сердце Талгата затрепетало от гордости. Да, он достанет птенца. Старый Тлеубай не зря доверил ему это опасное дело.

Через час Талгат достиг вершины Красных Яров. Отдохнув, он стал готовиться к спуску. Солнце скатилось к самому горнзонту, н там внизу, в ущелье, залегла тень. Здесь же, на вершине, еще разливался ослепительный свет. «К вечеру беркуты уходят ввысь н на юг от своих гнездовий — за добычей,— размышлял Талгат.— И именно в этот момент и надо спуститься к гнезду за птенчиком».

Конь по кличке Горбач стоял метрах в пяти от края пропасти. Талгат поставил

его у отвесной стены, ласково сказал:

— Стой смирно.

И конь стоял как вкопанный, пока юноша готовился к спуску. Аркан, метров сорок длиной, он привязал к седлу мертвым узлом. Укрепил седло дополнительной подпругой и подошел к краю обрыва. Кромка его была в птичьем помете. Рядом валялись клочья шерсти, кости, побелевшие от дождей и солнца. Талгат лег на край пропасти, немного свесился. Долго рассматривал стену. Она была огромная, с торчащими кое-где камнями, облитыми пометом, и немного покатая. Метров пятнадцать стена шла ровным скатом, а ниже начинались каменистые вершины. На наиболее крупных и гнездились беркуты. «Вон на том камне будет первый отдых,— решил Талгат,— а там и недалеко до выступа скалы, где я стану на обе ноги». Он запомнил место спуска к скале, мысленно отмечая каждый изгиб поверхности. Потом встал и, подойдя к Горбачу, поставил его так, чтобы можно было спускаться по скату. Теперь покрепче привязать аркан к широкому поясу. Вот небольшой мешок и запасной аркан. Не забыть и палку — на случай если придется отбиваться от птиц. Другой конец аркана Талгат продел через луку седла и, собрав его в связку, повесил на свободную руку. Но сначала протянул его через кольцо пояса.

Все было готово. Талгат не испытывал страха: мало ли спускался он таким способом с круч? Теперь надо побыстрее начать спуск, чтобы до темноты вернуться на джайляу.

— В молодости отец тоже спускался здесь. Значит, я иду по его следу,— сказал он вслух и посмотрел на коня.

Тот стоял, повернув голову, следил за Талгатом одним глазом.

— Ну, я пошел, Горбач! Прошу смирно стоять на месте.

Натянув аркан, прикрепленный к седлу, Талгат начал сползать вниз. Особенно напрягаться для этого не надо было: аркан как бы поддерживал его за пояс с обеих сторон. Талгат лишь перебирал аркан руками — через кольцо. Легкое и упругое тело Талгата повисло над обрывом. Юноша торопился, стремясь достичь гнезда раньше, чем его заметят беркуты.

Скоро он достиг первого выступа, встал на него одной ногой и, закрепив аркан, взглянул на скалу с гнездом беркута. Оно было пустым! Видно, птенец вылетел из гнезда, а слетка уже не поймать. Но зато ниже, на выступающем из стены камне, Талгат увидел другое гнездо с уже оперившимся птенцом и стал торопливо спускаться вниз, думая только о том, чтобы и этот птенчик не улетел.

Достигнув выступа с пустым гнездом, Талгат обнаружил, что веревка кончилась. Отвязав запасной аркан, он надежным узлом, как учил отец, прикрепил конец к основному аркану. До гнезда оставалось метров пять... Талгат и не заметил, как очутился рядом с гнездом. Птенец забавно раскрывал клюв, прося еды, но не пытался вылететь.

Талгат накрыл его мешком и, закрепив аркан за пояс, освободил руки. Затем взял птенца, опустил его в мешок.

Только теперь он перевел дыхание и почувствовал, как устал и как ныли ноги и все тело. «Скорее наверх!— пронеслось в голове.— Как долго я здесь? Горбач, наверное, устал!»

Юноша сложил ладони рупором и крикнул наверх:

— Пошел, Горбач! Вперед пошел!

Эхо раскатилось по ущелью, повторив его слова трижды. Талгат крикнул еще и еще, но конь, видно, не слышал приказа хозяина и стоял на месте. «Слишком я низко опустился,— подумал Талгат,— и до Горбача не долетает мой крик».

Он крикнул снова, и опять его громкие призывы эхом отдавались в ущелье, замирая где-то там, внизу, в зарослях барбариса.

По аркану с привязанной к поясу ношей Талгат стал взбираться наверх. Аркан впивался в ладони, в усталом теле разливалась слабость, руки не слушались. «Как быть?..— думал юноша.— До края обрыва еще метров двадцать пять, а то и больше. Может, подняться немного и снова крикнуть Горбачу?»

Морщась от боли в ладонях, он опять пополз вверх по аркану. От усталости и боли то замирал на аркане, то неистово кричал. Конь не слышал его.

Вдруг легкий вибрирующий свист рассекаемого беркутом воздуха привлек внимание Талгата. Он поспешно прикрепил аркан к поясу и, повиснув над ущельем, стал отвязывать палку, которая висела сбоку. Еще мгновение — и беркут промелькнул черной молнией, падая вниз. Спустя несколько секунд птица снова взмыла над ущельем.

Талгат знал от отца, что беркуты, живущие в ущелье, славятся свирепостью, и приготовился к защите. Между

тем птица медленно набирала высоту: Талгат видел недалеко от себя ее крепкий корпус с темно-бурым оперением, почти черными маховыми крыльями и четким ярким рисунком у основания опахал. Тяжело взмахивая крыльями, беркут поднимался по спирали, словно ввинчиваясь в синеву неба. Талгат ждал атаки, затаив дыхание и держа палку наготове.

Взлетев над вершинами, беркут с клекотом, прижав крылья, понесся на висевшего над пропастью смельчака. Ожидая страшного удара, Талгат отчаянно размахивал палкой перед собой. Пикирующая птица пронеслась над самой головой и острыми когтями задела его, оставив царапины. Талгат закричал, по ущелью гулко покатилось эхо.

... Опять большекрылая птица кругами ввинчивалась в небо, готовясь к новой атаке. Талгат вытер рукавом кровь, струйкой стекавшую на лоб, и стал резко дергать аркан. Но конь не двигался с места.

Беркут, взмыв над ущельем, продолжал набирать высоту. Юноша не знал, что делать, его охватило отчаяние. Взглянув в небо, где, распластав широкие крылья, парил беркут, Талгат угрожающе крикнул, грозя птице палкой. Беркут устремился на него с высоты. Талгат изо всех сил сжал палку. Птица выпустила когти и, раскинув крылья, притормозила падение, пытаясь пустить свое оружие в ход. Изловчившись, Талгат нанес удар птице... В воздухе закружились мелкие перья. Беркут, медленно взмахивая крыльями, плыл над ущельем. И тут Талгат опять услышал в небе клекот. Почти тут же он заметил другого беркута, высоко парившего над ним. И вот уже птица несется на Талгата, со свистом разрезая воздух.

Удар пришелся в руку. Талгат выпустил палку, та полетела на дно ущелья. От сильной боли юноша чуть не заплакал.

Теперь он не мог взбираться по аркану: правая рука нестерпимо ныла.

А беркут, тяжело взмахивая крыльями, уже поднимался вверх, готовясь к новому нападению. Талгат посмотрел, куда упала палка, и тут у него мелькнула спасительная мысль: «Запас аркана еще большой, и можно спуститься вниз, в ущелье».

До дна, покрытого щебнем и кустами, было метров пятнадцать. Морщась от боли, он спустился, насколько позволял аркан. Прикинул: «Метров семь еще осталось...» Отвязавшись, он мог теперь прыгнуть вниз, на щебеночную осыпь.

И не глядя вверх, Талгат чувствовал, что птица примеривается спикировать на него. Здоровой рукой и зубами Талгат лихорадочно разрывал рубашку и майку на мелкие лоскутки. Связав их, прикрепил мешок с птенцом к поясу и опустил беркутенка на осыпь. Потом отвязался сам и, повиснув на конце аркана, прыгнул на дно ущелья. В тот же миг беркут камнем упал на юношу, но по пути задел ослабевший аркан и опять взмыл в высоту.

Сильная боль обожгла ногу Талгата ниже колена. Встать он не мог: поврежденная при падении нога распухла. Превозмогая боль, Талгат кое-как дополз до ручья и утолил нестерпимую жажду.

Он пролежал всю ночь. Утром его нашли чабаны с соседних пастбищ. Конь пришел в отару, и они поняли, что с хозяином Горбача случилось неладное.

— Талгат, ты — настоящий джигит,— только и сказали чабаны, рассматривая беркутенка.

Талгат страдал от боли, но счастливо улыбался.

Л. Ботакоз

Коротко о разном

Жемчужины вопреки общепринятому мнению далеко не всегда бывают только серебристыми. Опытный глаз ювелира различает в них до 120 оттенков. В чем тут секрет? Японские специалисты, занимающиеся массовым искусственным разведением жемчужных раковин, заметили, что цвет драгоценных «шариков» зависит от солевого состава воды. Если в морской воде повышена концентрация соединений марганца, то жемчужины вырастают внутри своих раковин с красноватым оттенком, т. е. самым модным. Сейчас районы подводных питомников обогащаются различными солями, чтобы получать голубой, оранжевый, зеленый и лиловый жемчуг.

●

Насекомые удивляют нас не только своим количеством, но и величайшей приспособляемостью к самым различным условиям существования. В Бразилии, например, насчитывается более тысячи видов тропических цветов, которые вместо нектара выделяют растительные масла. И недавно были открыты виды пчел, которые питаются именно жирами, а не сахаристым цветочным соком. Эти пчелы, естественно, не вырабатывают меда.

●

Польские историки открыли недавно близ Кракова удивительный склад древних строительных материалов. Обнаружены не заготовки каменных блоков, а кости мамонтов, сохранившиеся в глубокой яме. Сомнений в истинном назначении ребер, бивней и берцовых костей не было. Из них в эпоху палеолита доисторические люди строили каркасы своих жилищ. Сверху юртоподобные хижины накрывались шкурами. Подобные хижины польские ученые находили на берегах Вислы, а советские — на берегах Днепра.

●

Японским селекционерам удалось вывести несколько сортов кукурузы, широкие листья которых получили белые, красные и желтые продольные полосы. Эти свойства привлекли внимание чехословацких цветоводов. Они выписали зерна и продолжили селекционную работу. Им удалось создать сорта с многоцветными полосами — фиолетовыми, розовыми и светло-зелеными. Они сейчас успешно используются для украшения парков и садов. Кроме того, декоративная кукуруза высаживается вдоль главных шоссе страны.

●

Группа американских и мексиканских метеорологов направила письмо с обоснованным протестом руководителям программы борьбы с ураганами, зарождающимися в Атлантике. По этой программе предполагалось распылять в тучах над океаном йодистое серебро и другие химикаты, которые должны утихомиривать силу тайфунов и ураганов. Действительно, тропические бури пользуются печальной славой. Они движутся на побережье со скоростью до 150 км/час и производят катастрофические разрушения. Ежегодный ущерб исчисляется десятками миллионов долларов. Но почему же тогда не следует бороться с тайфунами?

Специалисты, исходя из своих расчетов, предупреждают, что запланированная борьба с тучами приведет к выпадению гигантских количеств воды в море. Суша потеряет до 30 % влаги, которая приходит вместе с ураганами. А эта диспропорция может обернуться ущербом, исчисляемым уже в миллиардах...

«По сравнению с засухой тайфун — кроткий котенок — так считают метеорологи.— Прежде чем вмешиваться в сложный природный механизм, следует взвесить экономические факторы».

Факты подобраны
Г. Малиничевым

Зарубежные научные вести

Вековые изменения климата

Комитет по климатическим изменениям Национальной академии наук США опубликовал отчет о результатах своих исследований. Делается вывод, что нынешняя эпоха — крупнейшее отклонение в сторону потепления: наш век отличается самыми высокими температурами в последнем тысячелетии, которое можно считать самым теплым за 10 тысяч лет, а последние в свою очередь наиболее теплыми за миллион лет.

Однако, по-видимому, уже начинается похолодание: после 1940 г., ознаменовавшего собой максимум средней температуры в северном полушарии, началось ее падение.

Какой степени может достичь это снижение, пока судить трудно. Известно, что крупнейшие эпохи оледенения, когда средние температуры падали примерно на 8°С, наступают приблизительно раз в 100 тысяч лет. Нынешний межледниковый (теплый) период начался лишь около 10 тысяч лет назад, так что наступление нового крупного оледенения сейчас маловероятно.

Внутри эпох великого оледенения обычно выделяются циклы протяженностью в 20 тысяч и 2,5 тысячи лет, в ходе которых температуры меняются соответственно на 3 и 2°С. Второй из этих циклов, по-видимому, достиг апогея в период «малой ледниковой эпохи» между 1430 и 1850 гг. Сейчас, очевидно, мы находимся на восходящей кривой короткого цикла и приближаемся к концу теплого периода в длительном цикле. Не исключается тем самым, что человечество — на пороге 10-тысячелетней эпохи существенного похолодания.

По мнению авторов отчета, еще более мелкие климатические колебания продолжают доминировать, хотя прогноз их более затруднителен. Нестабильности климатологических процессов ныне способствует и хозяйственная деятельность человека. Так, двуокись углерода, выделяющаяся в атмосферу при сжигании топлива, препятствует излучению тепловой энергии земной поверхностью в космическое пространство. С другой стороны, аэрозоли и иные частицы, загрязняющие атмосферу, рассеивают солнечное излучение и тем самым способствуют похолоданию. Неясно, какой из этих факторов возьмет верх, тем более что следует учитывать и еще два фактора: по некоторым данным, прямое «разогревание» атмосферы в результате промышленной деятельности к середине следующего века достигнет примерно 1 % эффективной энергии, поступающей от Солнца. А искусственно создаваемые облака и крупные водохранилища могут увеличить отражающую способность нашей планеты, способствуя ее охлаждению.

«Нимбус-6»

12 июня 1975 г. в США был запущен искусственный спутник Земли «NIMBUS-6». Согласно мнению Национального управления по изучению космического пространства США (НАСА), это наиболее совершенный инструмент метеорологических исследований. Запуск спутника — часть американского вклада в международную Программу исследования глобальных атмосферных процессов (ПИГАП), участниками которой являются также и советские ученые.

Спутник был выведен на полярную орбиту и совершает два облета планеты в сутки. Его основная цель — сбор данных, которые лягут в основу математической модели атмосферы Земли, необходимой для проведения основных проектов ПИГАПа в 1978—1979 гг. Кроме того, новый спутник служит для испытаний новейшего метеорологического оборудования.

Часть приборов, установленных на спутнике, производит вертикальное профилирование атмосферы — измерение ее параметров на различных уровнях. Среди них измерения частот инфракрасной части спектра как отраженной солнечной радиации, так и собственного излучения Земли. Составляются также температурные профили и кривые содержания водяных паров в облаках на высотах до 40 км.

План участия США в проекте ПИГАП предусматривает использование минимум девяти метеоспутников (в том числе четырех серии «NIMBUS», выводимых на полярную орбиту, и пяти синхронных «метеонаблюдателей» серии SMS).

Оценка опасности загрязнения океана

Большие масштабы и сложность процесса делают весьма затруднительной оценку количества загрязняющих океан нефтепродуктов и степени их поглощения средой. Специалисты считают, что в Мировой океан поступает ежегодно от 5 до 10 млн. т нефти и ее производных, а эффект этого явления рассматривается иногда как «пренебрежимо малый», но чаще как «катастрофический». Национальный исследовательский совет США принял меры для соответствующих исследований. Их результаты, опубликованные в начале 1975 г., свидетельствуют, что в Мировой океан из всех источников попадает около 6,1 млн. т в год нефтепродуктов. Более двух третей этого количества — выбросы при транспортировке горючего, результат стока загрязненных рек и отходы промышленности. Утечка из естественных источников не превышает 10%.

Комиссия по делам океана США считает, что это может вызвать серьезные экологические последствия лишь в локальных масштабах. Наибольший вред причиняется морским птицам, бентосу — донным растениям и простейшим животным. По мнению комиссии, здоровью человека это пока прямой угрозы не представляет. Однако признается недостаточным нынешний уровень знаний в этой области.

Иерархия в сообществе гусей

В последнее время считалось, что если в стае гусей определенная особь доминирует в чем-нибудь одном, например во время кормежки, то она же должна первенствовать и в другом, например при выборе места для гнезда.

Наблюдения над полудикими канадскими гусями на территории Келлогского заповедника для пернатых в Батлл-Крике (штат Мичиган) показали, что это не всегда так: птица, «возглавляющая» остальных в одном роде деятельности, может оказаться «подчиненной» в другом.

В случае перенаселенности данного участка порядок, в котором гуси клюют корм, может полностью нарушаться. Происходит резкий рост случаев агрессивного поведения, возникает нарушение установленной ранее иерархической соподчиненности особей.

Эти наблюдения могут объяснить некоторые особенности поведения пернатых во время массовой миграции. Когда сотни тысяч гусей и других птиц одновременно устремляются из Канады и северной части США на юг, наблюдается обычно не свойственный им характер поведения.

Приспособление деревьев к холоду

На ежегодной конференции Американского института биологических наук в Корваллисе (штат Орегон) Майкл Дж. Берк (Миннесотский университет) изложил результаты исследования приспособительного механизма деревьев, произрастающих в северной части штата Миннесота, где температура зимой падает до −40° С.

Известно, что внесение в воду солей, т. е. превращение ее в раствор, приводит к понижению ее точки замерзания. Было отмечено повышение содержания солей в древесной влаге у многих пород с наступлением зимы. Однако одного этого было бы недостаточно, чтобы переносить сорокаградусные морозы.

Отличающаяся высокой степенью чистоты вода, не содержащая пылевых частиц, вокруг которых могли бы образовываться кристаллы льда, может подвергаться значительному охлаждению, не превращаясь в твердое состояние.

Миннесотские исследователи обнаружили, что у 175 видов деревьев из 350 изученных ими в растительных тканях содержится влага идеальной чистоты. Содержание солей в ней весьма высокое.

Как родился Атлантический океан

В марте 1975 г. завершился 40-й рейс научно-исследовательского судна «Гломар Челленджер» (США) в Атлантическом океане у юго-западного побережья Африки.

Бурение дна океана и сбор образцов позволили сделать выводы о том, какие трансформации претерпевали воды Атлантики в те геологические эпохи, когда, согласно гипотезе дрейфа континентов, Африка отделялась от Южной Америки.

По мнению ученых, вначале этот бассейн был пресноводным, заполненным той влагой, что содержалась в длинной, вытянутой с юга на север цепи озер, подобных тем, что существуют ныне в

Рифтовой долине Восточной Африки (озера Ньяса, Танганьика, Виктория, Рудольф и другие).

Однако по мере того как разлом, отделяющий Южную Америку от Африки, расширялся и углублялся, вода благодаря проникновению большого количества осадочных пород начала осолоняться. В течение нескольких миллионов лет испарение из северной части бассейна было интенсивнее притока. Свидетельством этого служат обнаруженные «Гломаром Челленджером» эвапориты (минералы, возникающие при испарении) и залежи каменной соли, которые простираются от средней точки юго-западного побережья Африки до берегов Нигерии. Объем этих залежей близок к одной десятой всей соли, растворенной в Мировом океане.

Со временем приток воды увеличился и сравнялся с массой испаряющейся влаги. Отложение солей прекратилось, но слабость процесса циркуляции привела к длительному периоду застойности. По-видимому, он продолжался до завершения разлома континентов.

Помимо чисто теоретического интереса сделанные выводы могут иметь немалое практическое значение. Поднятые на борт колонки донного грунта указывают на существование в этом районе большого количества чрезвычайно тонких слоев осадочных пород органического происхождения. Мощность каждого из них не превышает 0,025 см. Это может указывать на значительные месторождения нефти.

Спутник, предупреждающий о стихийных бедствиях

В конце 1975 г. с космодрома Мыс Канаверал был запущен спутник "GOES-1" (в переводе с английского это сокращение означает Геостационарный оперативный спутник наблюдения за средой). Он вышел на орбиту, позволяющую постоянно находиться над экватором, в точке с координатами 75° з. д., на высоте 35 800 км.

Научные цели его запуска состоят в наблюдении за солнечной активностью, а также в регистрации различных метеорологических, океанологических и гидрологических явлений. Установленное на борту спутника оборудование позволяет получать с интервалом не более 30 минут изображения, охватывающие примерно четверть поверхности земного шара. Съемка ведется как в светлое время суток, так и ночью, для чего используется инфракрасное оборудование.

Этот спутник работает параллельно с ранее запущенными спутниками "SMS-1" и "SMS-2". Все они не только ведут наблюдения сами, но и собирают при помощи телеметрической системы данные, получаемые большой сетью наземных автоматических станций, расположенных в труднодоступных районах суши и Мирового океана. В их числе станции, регистрирующие резкий подъем уровня воды в реках, морские приливы и волны цунами.

Данные об этих явлениях будут немедленно ретранслироваться в Международный центр информации о цунами, находящийся в Гонолулу (штат Гавайи) и соединенный оперативным каналом связи с японскими и советскими дальневосточными учреждениями, уполномоченными объявлять тревогу при подходе катастрофических волн.

Загрязнение среды продуктами ДДТ

В течение последнего десятилетия применение ДДТ в сельском хозяйстве США неуклонно шло на убыль. Однако угроза загрязнения природной среды этим веществом не уменьшилась.

Этой проблеме посвятил свое выступление на состоявшейся в Вашингтоне в феврале 1975 г. конференции по здравоохранению д-р Дж. М. Вудуэлл (Морская биологическая лаборатория в Вудс-Холе, штат Массачусетс). Последние исследования показывают, что около 50 % использованного ДДТ немедленно поступает в нижние слои атмосферы, а значительные дозы оставшегося испаряются с поверхности почвы в течение 5 лет. Ультрафиолетовое излучение Солнца разлагает часть этого вещества, взвешенного в атмосфере (особенно активно этот процесс происходит над экваториальными районами), но большая часть в неразложившемся состоянии вместе с осадками выпадает на поверхность суши и океана.

Светящаяся рыба

Ихтиологам давно известен глубоководный удильщик, имеющий светящиеся органы для привлечения добычи. Хорошо изучен также морской головоногий моллюск Гетеротевтис диспар, исполь-

зующий свои светящиеся выделения для того, чтобы ослепить нападающего на него хищника. Установлена также роль биолюминесценции для связи с другими особями своего вида.

Теперь обиаружено, что морская рыба вида Фотоблерофои, или малый фоиареглаз, использует свои световые органы во всех этих трех целях. Длина рыбы 6,5—7 см; она живет в отличие от удильщика и светящегося моллюска ие на больших глубииах, а в прибрежиом мелководье. Наиболее активиа оиа ночью. В передней части головы, под глазами рыбы, имеются два органа, заполненные светящимися бактериями. Их свечение в темиоте различимо на расстоянии в несколько километров.

Рыба использует эти органы и для иаступления во время охоты, и для обороны при нападении более крупного хищника, и для привлечения особей противоположного пола. Подобное разнообразие в использовании биолюминесценции наблюдается у морских животных впервые.

Остатки древнейшего судна

Группа сотрудников Эллииского института морской биологии (Афины) и Национального географического общества США (Вашингтон), возглавляемая Георгием Папафанасопулосом и Питером Трокмортоиом, обследуя дно Средиземного моря в коице 1975 г., обиаружила остатки судна, относящегося к началу бронзового века. Находка была сделана иа глубине около 25 м у берегов о. Докос (Кикладский архипелаг в Эгейском море). Анализ иаходившейся на борту керамики, доиных осадков, морского обрастания позволяет археологам сделать вывод, что судно затонуло примерно 4500 лет назад. В это время жители Киклад овладели искусством изготовления художественной керамической утвари, выполнялись скульптурные работы, резьба. Найденное судно — торговое. В нем обнаружены большие сосуды, служившие для хранения продуктов питания, кувшины различных форм и размеров, столовая посуда.

Древесина, из которой было изготовлено судно, за это время полностью разложилась. Весь груз сцементировался в 4—5 крупных скоплений. Вокруг разбросаны камии, служившие балластом на корабле.

До сих пор древиейшей жертвой кораблекрушения считалось судно, найдеиное у мыса Гелидонья (южиое побережье Турции). Оно затоиуло около 3 300 лет назад.

Загрязнение атмосферы

Группа сотрудников отдела химии атмосферы и изотопной физикохимии Химического института им. Отто Хана (Майнц, ФРГ), возглавляемая д-рами Вольфгангом Зайлером и Хайнцем Цапки, провела изучение состава воздушного пространства над городом Мюихеном. В наблюдениях был использоваи двухмоторный самолет-лаборатория, осиащенный новейшим метеорологическим оборудованием. Даиные собирались в течение всего 1975 г. иа высотах между 100 и 1000 м.

Материалы, полученные в результате исследования воздушиого пространства иад этим крупным индустриальным центром, позволили сделать оценку антропогенного (вызванного человеческой деятельностью) загрязнения атмосферы в масштабах ФРГ. Согласно этой оценке, в воздушное пространство Земли за год выбрасывается около 6×10^{14} г окиси углерода (600 млн. т) и около $0{,}2\times10^{14}$ г водорода (20 млн. т).

Лев в опасности!

Согласно обследованию, предпринятому в Африке группой экологов и зоологов Национальной федерации охраны природы США во главе с Норманом Майерсом, в значительной части ареала количество львов резко убывает.

Установлено также, что за два последних десятилетия площадь его ареала сократилась наполовину, а численность этого вида упала примерно с 400 тыс. до 200 тыс. особей. Главная угроза возникла из-за того, что площадь сельскохозяйственных угодий в Африке расширяется за счет саванны — места основного обитания львов. Очень распространилась также практика разбрасывания отравленных приманок с целью уничтожения всех хищников, вредящих скотоводству. Группа высказывает опасение, что если не будут приняты действенные меры, то к концу текущего столетия численность львов сократится до нескольких тысяч особей.

Ученые предлагают ввести систему, при которой существование львов станет выгодным для африканских государств, которые будут выдавать лицензии на охоту лишь за очень высокую плату.

Платиым должио быть также наблюдение и фотографирование львов для всех турнстов, посещающих места нх обитания. Все это позволит местным н центральным властям афрнканских государств принять дополнительные меры для охраиы этого интереснейшего представнтеля семейства кошачьих.

Нашествие деревьев

Миого различных нашествнй повндала земля-матушка на своем веку. Былн и иашествия обезьян иа поля н селення африкаиских племеи, н иашествне кроликов в Австралии, когда англичаие-колонисты завезли их на этот материк и онн так расплодились, что началн уничтожать посевы и сады, став форменным бичом для жнтелей. Какие только меры не прнннмались против них: специальио завозили лисиц, травили собаками и ядами, ставили капканы н ограждали посевы колючей проволокой — ничто не помогало. Борьба продолжается н по сей день, как говорят, с перемениым успехом. Историня знает нашествия саранчи на Среднем н Блнжнем Востоке. Чудовищные скоплеиия этих насекомых останавливалн поезда, иа своем пути поедали все, оставляя позади пустыию.

В последнее время из Южной Америкн поступило сообщение о иашествнн иа этот континент особо агрессивных африканских пчел. Онн расселяются со скоростью двухсот миль в год по направлению к Цеитральиой Америке. Их ненсчислимое множество. Они расправляются с более пассивиыми местнымн пчелами, нападают иа крупных животных н даже иа людей. Иногда это приводит к смертельным случаям.

Здесь уместно напомнить грустную историю их появления в Бразилнн. В 1956 г. генетнк Уорвик Керр нз штата Саи-Паулу задумал вывести более медоиосную породу пчел. Он решнл скрестить для этого африкаискую пчелу, отличающуюся редкостиой агрессивиостью, с более спокойиой европейской. Однако еще до начала опытов несколько роев афрнканскнх пчел случайно улетели, скрестились с местнымн бразильскими пчелами, быстро размножилнсь и разлетелись по белу свету, унаследовав свирепость афрнканских и любовь к бродяжничеству своих бразильскнх роднчей.

А теперь расскажем о иашествии, которого еще не знала нсторня, — нашествии деревьев.

Как и в нстории с бразильскими пчелами и австралийскими кроликамн, виновным оказался человек. В иачале XX в. во Флорнду (США) была завезена из Австралии порода деревьев с красивыми листьями н белесой корой, под названием «голая милалейка» или «каяпутовое дерево». Их высадили в качестве декоративного растения. Ннкто ие предполагал, что чужестранец, попав иа другую почву н в иной климат, начнет распространяться с быстротой н настойчивостью сорняка. Но такая беда грянула, н иа сегодия во Флориде столько деревьев этой породы, что натуралнсты опасаются, как бы оии не вытеснилн всю остальную растительиость, нбо милалейки наступают на сады н фруктовые плантацнн яростно и беспощадно. Каяпутовое дерево растет одинаково буйно как в районах с пресной, так и солеиой водой, проявляя полиое безразличие к жаре и холоду, засухам н иаводнениям. Истребить эти деревья оказалось ие под силу гербицидам, н даже сплошные вырубкн не помогают, нбо у них, как у Змея-Горыныча нз русской сказки, вместо старого ствола на следующий год появляется четыре иовых.

В милалейковом лесу, по свидетельству учеиых-натуралнстов, совершенно ие произрастает трава, н даже дикие звери покидают его. Создается какая-то биологнческая пустыня.

Возникло весьма страниое положенне: у себя на родине, в Австралии, эти деревья ведут себя скромно н непрнтязательио, растут сравнительно медлеино. Что случнлось с ними иа чужбине — необъяснимо. Деревья настойчиво и неумолимо наступают, и сейчас проблемой борьбы с этим невиданным нашествием иеобходимо заниматься ученым.

Ну, акула, погоди!

«Наш корабль стоял на якоре у берега Африкн. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер, но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из раскаленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: «Купаться!» — н в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили парус, привязали его и в парусе устроили купальию...»

Кому не знакомы эти строки из рассказа Льва Толстого «Акула»? Напомним, что два находившихся на корабле мальчика уплыли далеко в море и в это время на них напала акула. Если бы не

отчаянная решимость старого артиллериста, отца одного из мальчиков, который метким выстрелом из пушки убил прожорливую хищницу, дети могли бы погибнуть.

Ловкая и быстрая, акула в воде — грозный хищник, спастись от нее трудно. Вот почему люди давно ищут надежного средства защиты от нее. Недавно в американском журнале «Ньюсуик» мелькнуло весьма обнадеживающее сообщение. Оказывается, в Красном море, в котором акулы кишмя кишат, обитает плоская, точно камбала, рыбка-невеличка, названная местными жителями «моисеева подошва». Она совершенно не боится акул. Встречаясь с акулой, эта рыбка выпускает яд, который мгновенно, в считанные доли секунды, парализует челюсти акулы, так что пасть ее остается открытой.

Рыбка привлекла внимание биолога Евгении Кларк, специалиста по акулам. Пойманных живых рыбок она осторожно привязывала к длинному перемету и сбрасывала его в море, наблюдая затем, как к ним устремлялись акулы, готовые проглотить добычу. Рыбки извергали молочно-белый яд, и ошеломленные хищницы с раскрытой пастью ретировались. Спустя некоторое время действие яда прекращалось, акула возобновляла свои попытки проглотить намеченную добычу, но каждый раз яд срабатывал с потрясающим эффектом. Однажды наживка из «моисеевых подошв» отражала нападение двух акул в течение восемнадцати часов.

Этот яд, по мнению Кларк, почти не действует на человека.

Сейчас ученые заняты исследованием химического состава яда, и, если его удастся синтезировать, появится надежное средство против акул, которым можно будет снабжать каждого любителя поплавать в открытом море.

Охрана тропической природы

Правительство Республики Берег Слоновой Кости приняло решение о создании нового крупного Национального парка, который будет называться Заповедный лес Тай. Он расположен на юго-западе страны и ограничен рекой Ковалли, представляющей собой естественную границу с Либерией, и рекой Сассандра. Площадь парка превышает 425 тыс. га. Это оставшаяся доныне нетронутой часть огромного тропического леса, простиравшегося некогда по территориям Ганы, Берега Слоновой Кости, Либерии и Сьерра-Леоне.

Участок, вошедший в новый Национальный парк, с 1933 г. был заповедником, однако до сих пор его флора и фауна практически не охранялись. Это принесло немалый ущерб его уникальным природным богатствам. Среди подпадающих ныне под строжайшую охрану видов много редких, например карликовый бегемот.

В Национальном парке создается исследовательская экологическая станция. Предполагается изучить природные процессы, происходящие в девственном тропическом лесу, который будет служить «эталоном» для сравнения с местностью, уже подвергшейся воздействию человека (промышленная рубка, традиционное земледелие и т. п.). Будет вестись наблюдение и за ходом восстановления среды в случае прекращения хозяйственной деятельности.

В программу включены геоморфологические, климатологические, гидрологические, ботанические исследования, зоологические работы (изучение экологии обезьян, даманов, грызунов, муравьев, термитов, клещей, различных червей и нематод, москитов и др.), изучение почв и т. п. Научная программа разработана Абиджанским университетом в сотрудничестве с Французским управлением по научным и техническим исследованиям за рубежом.

Изучение летних муссонов

Ученые Индии в соответствии с международной Программой исследования глобальных атмосферных процессов (ПИГАП) намерены в течение 1978—1980 гг. изучать процессы, связанные с возникновением и развитием летних муссонов.

Намечена широкая программа измерения температуры воздуха, скорости и направления ветра, атмосферного давления, количества осадков, плотности облачного покрова во многих пунктах страны. Помимо этого будут изучаться процессы взаимодействия океана и атмосферы, связанные с муссонами. Для этого при помощи метеорологических судов на акватории Индийского океана от побережья Восточной Африки до Сингапура предполагается собрать информацию о температуре воды, характере теплообмена, движении крупных водных масс и т. п.

Информация подобрана
Б. И. Силкиным и
Н. М. Колпаковым

Содержание

Путешествия. Приключения

Фантастика

Факты. Догадки. Случаи...

На суше и на море. Повести. Рассказы. Очерки.
Н 12 Статьи. Ред. коллегия: В. И. Бардин и др. М., «Мысль», 1977.

431 с. с ил. и карт.; 8 л. ил.

Семнадцатый выпуск художественно-географической книги «На суше и на море» открывается очерком писателя Вяч. Пальмана «Синеокая Ока», повествующим о природе и людях Мещерской земли, одном из интереснейших районов Нечерноземья. В сборник включены повести, рассказы, очерки о настоящем и прошлом, о природе и людях нашей Родины и зарубежных стран, о путешествиях и исследованиях советских и иностранных ученых; материалы по охране окружающей среды, зарисовки из жизни животного и растительного мира, фантастические рассказы советских авторов. В разделе «Факты. Догадки. Случаи...» помещены научно-популярные статьи и краткие сообщения по различным отраслям наук о Земле.

$Н\frac{20901\text{-}043}{004(01)\text{-}77}154\text{-}77$ Р2

ИБ 276

На суше и на море

Художественно-географическая книга

Заведующий редакцией И. В. Козлов
Редактор Н. Н. Пронин

Редактор карт О. В. Трифонова
Младший редактор И. А. Невзорова
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технические редакторы: Л. П. Гришина, Ж. М. Голубева
Корректор Ч. А. Скруль

Сдано в набор 12 ноября 1976 г. Подписано в печать 30 июня 1977 г. Формат 60×90/16. Бумага офсетная №2. Усл. печатных листов 28 с вкл. Учетно-издательских листов 35,34 с вкл. Тираж 250 000 (2-й завод 125 001—250 000) экз. А07372. Заказ 928. Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая 28.

2 р. 80 к.
Издательство
"МЫСЛЬ"